This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

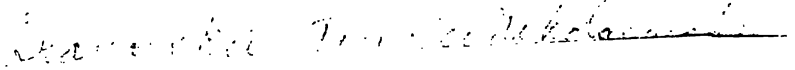
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

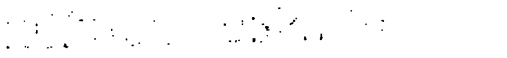
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

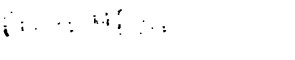
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817

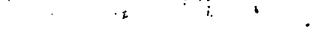


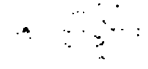


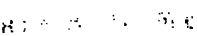


Н. ГРАНОВС[illegible]

Издан[illegible]







ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Т. Н. ГРАНОВСКАГО.

Томъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Н. Ѳ. Мертца.

1905.

D
576
v 1

Тип. Л. В. Гутмана Калашниковскій пр., 15.

Тимоѳей Николаевичъ Грановскій.

Великая сила любви лежала
въ этой личности.

Герценъ.

4 октября 1905 года исполнилось пятидесятилѣтіе со дня смерти Тимоѳея Николаевича Грановскаго. Послѣ его смерти, какъ справедливо говоритъ К. Д. Кавелинъ, «изъ видимаго осязательнаго наслѣдства осталось только два тома сочиненій», но «невидимое наслѣдство осталось громадное». За пятьдесятъ лѣтъ мы уже воспользовались этимъ наслѣдствомъ въ полной мѣрѣ; мы впитали его въ себя и въ состояніи теперь только удивляться, какъ можно было мыслить иначе, иначе поступать?.. Сонаслѣдники «невидимыхъ» трудовъ и заслугъ Грановскаго—наши первые, лучшіе люди и правъ Кавелинъ, утверждая, что «только тупая близорукость способна сказать, глядя на два не слишкомъ большихъ тома сочиненій Грановскаго: что-же такого замѣчательнаго сдѣлалъ прославленный московскій профессоръ?»

Лекціи Грановскаго, его бесѣды въ московскихъ кружкахъ сороковыхъ годовъ, его нравственное вліяніе на окружающихъ—все его «невидимое наслѣдство» — ушло въ область исторіи, какъ корни развѣсистаго дуба глубоко уходятъ въ землю и надо долго копаться, чтобы обнажить ихъ и найти наконецъ, первобытный жолудь, давшій жизнь всему растенію. Но и того, что осталось, и «видимаго наслѣдства» Грановскаго вполнѣ достаточно, чтобы оцѣнить этого писателя и общественнаго дѣятеля.

«У Грановскаго долго не перестанутъ учиться живому пониманію науки, разумному сочувствію лучшимъ человѣческимъ интересамъ, глубокому уваженію ко всему истинно великому, благородно-рыцарскому образу мыслей, простотѣ и вѣрности ученыхъ пріемовъ, благородству и изяществу языка, всего-же болѣе — неподкупности нравственнаго чувства», — говорилъ

П. Н. Кудрявцевъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Грановскаго.

«Главный характеръ чтеній (лекцій) Грановскаго,—читаемъ у Герцена:—чрезвычайно развитая человѣчность, сочувствіе, раскрытое ко всему живому, сильному, поэтичному, сочувствіе, готовое на все отозваться; любовь широкая и многообъемлющая».

«Это былъ въ нашемъ ученомъ сословіи человѣкъ, котораго можно было вполнѣ уважать, въ правоту ума и сердца котораго можно было безусловно вѣрить,—писалъ Никитенко.—Онъ былъ чистъ, какъ лучъ солнца, отъ всякой скверны нашей общественности. Это былъ Баярдъ мысли, рыцарь безъ страха и упрека».

«Грановскій былъ по преимуществу представителемъ гуманныхъ началъ и идей на каѳедрѣ и въ жизни, какъ историкъ и какъ человѣкъ... Память Грановскаго нельзя связывать съ какимъ-нибудь односторонним научнымъ стремленіемъ, съ какимъ-нибудь рѣзко-опредѣленнымъ политическимъ направленіемъ или ученіемъ. Ему было дорого все человѣческое, всѣ возвышенныя стремленія и цѣли человѣка и понятны всѣ пути, которые ведутъ къ этимъ цѣлямъ. Повторяемъ: Грановскій былъ лучшимъ представителемъ въ Россіи гуманныхъ идей и стремленій. Въ распространеніи гуманности въ русскомъ обществѣ заключались значеніе его жизни и цѣль его дѣятельности». (А. Станкевичъ, «Т. Н. Грановскій»).

Можно было-бы привести еще не мало характеристикъ Грановскаго, но, къ счастью, въ этомъ нѣтъ надобности: при одномъ упоминаніи о Грановскомъ невольно возстаетъ передъ глазами этотъ свѣтлый образъ «друга истины, добра и красоты»; умѣвшаго, по словамъ Некрасова, оплакивать настоящее и брата узнавать въ «рабѣ иноплеменномъ, отъ насъ вѣками отдаленномъ...»

Грановскому пришлось работать въ тяжелое время, когда, по словамъ Герцена, «все было прибито къ землѣ, литература была пріостановлена, цензура вымарывала басни Крылова». Самъ Грановскій въ письмахъ къ Герцену пишетъ, что «положеніе наше становится нестерпимѣе день ото дня... Есть отъ чего сойти съ ума. Благо Бѣлинскому, умершему во время. Много порядочныхъ людей впали въ отчаяніе и съ тупымъ спокойствіемъ смотрятъ на происходящее». И въ эту-то тяжелую пору «становилось легче въ душѣ», когда на каѳедру всходилъ Грановскій, сила котораго, по мѣткой характеристикѣ Герцена, заключалась «въ положительно нравственномъ вліяніи, которое онъ вселялъ, въ художественности его

натуры, покойной ровности его духа, въ чистотѣ его характера и въ постоянномъ глубокомъ протестѣ противъ существующаго порядка въ Россіи. Не только слова его дѣйствовали, но и его молчаніе: мысль его, не имѣя права высказаться, проступала такъ ярко въ чертахъ его лица, что ее трудно было не прочесть. Грановскій сумѣлъ въ мрачную годину гоненій сохранить не только каѳедру, но и свой независимый образъ мыслей, и это потому, что въ немъ съ рыцарской отвагой, съ полной преданностью страстнаго убѣжденія, стройно сочетавалась женская нѣжность, мягкость формъ и та примиряющая стихія, о которой мы говорили», т. е. успокоеніе, вносимое появленіемъ Грановскаго на каѳедрѣ.

«Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды!—сказалъ поэтъ, и въ темнотѣ непроглядной ночи, окутавшей Россію въ николаевскую эпоху, обликъ Грановскаго сіялъ какъ путеводная звѣзда; на эту звѣзду съ восхищеніемъ смотрѣло и шло за нею молодое поколѣніе, рядомъ съ этою звѣздой загорались другія звѣзды и звѣздочки, ихъ число разросталось съ теченіемъ времени и, наконецъ, великимъ млечнымъ путемъ прорѣзало темное небо угрюмой дѣйствительности. Блескъ первоначальной путеводной звѣзды почти погасъ въ общемъ сверканіи млечнаго пути, но не только пытливые астрономы, но и простые смертные знаютъ и видятъ эту звѣзду...

Жизнь Грановскаго вовсе не богата событіями. Онъ родился 9 марта 1813 года въ Орлѣ въ обезпеченной семьѣ совѣтника соляного управленія. Шестилѣтній Грановскій поѣхалъ съ больнымъ дѣдушкой на Кавказъ и такъ увлекся воинственностью черкесовъ, что предопредѣлялъ себя военному дѣлу. Учителями его были осколки великой арміи 1812 года, застрявшіе въ Россіи, и мальчикъ Грановскій дѣлалъ такіе успѣхи, что сверстники дали ему поистинѣ пророческое прозвище «профессора».

Тринадцати лѣтъ Грановскаго привезли въ Москву, въ пансіонъ Кистера, гдѣ онъ пробылъ только два года. Отецъ Грановскаго мало заботился о воспитаніи сына и послѣ двухъ лѣтъ пансіонской «науки», мало чему научившей мальчика, онъ три года прожилъ дома и въ Нѣжинѣ, гдѣ познакомился съ француженкой m-lle Герито, которая стала впослѣдствіи близкимъ другомъ Грановскаго, поселившись въ его семьѣ, какъ гувернантка сестеръ Тимоѳея Николаевича.

Наконецъ, къ 1831 году, безпечнаго и лѣниваго отца Грановскаго удалось убѣдить въ необходимости отправить сына

на службу въ Петербургъ, гдѣ онъ и опредѣлился въ министерство иностранныхъ дѣлъ, какъ человѣкъ превосходно знающій по-французски. Но Грановскій прослужилъ очень недолго: его тянуло къ наукѣ, къ продолженію своего образованія. Мать была очень довольна такимъ рѣшеніемъ сына, отецъ — не сопротивлялся и Грановскій сталъ готовиться къ университету. Жилось ему очень нелегко, такъ какъ отецъ часто забывалъ высылать деньги или высылалъ ихъ очень мало. Но, все-таки, осенью 1832 года Грановскій вступилъ въ число студентовъ юридическаго факультета петербургскаго университета, продолжая трудиться и надъ самообразованіемъ.

Университетскіе годы проходили для юноши въ такой борьбѣ за существованіе, что иногда у него мелькала мысль о самоубійствѣ. Между тѣмъ безпечность отца Грановскаго привела къ тому, что имѣніе Грановскаго «Погорѣлецъ» было назначено въ продажу за долги. Бросивъ университетъ, Грановскій помчался на родину и кое-какъ уладилъ тамъ дѣла. Черезъ годъ онъ снова примчался въ Орелъ, чтобы спасти сестру отъ выхода замужъ по настояніямъ отца за нелюбимаго ею человѣка.

Въ 1835 году Грановскій окончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата, поступилъ, на службу въ гидрографическій департаментъ морского министерства и принялся за переводы для періодическихъ изданій, но въ томъ-же году получилъ предложеніе занять каѳедру всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ и поѣхать для подготовки къ профессурѣ за границу. Въ концѣ мая 1836 г. Грановскій уѣхалъ заграницу.

Въ Берлинѣ Грановскій прежде всего принялся за изученіе нѣмецкаго языка, слушалъ лекціи Раумера, Ранке, Риттера и Савиньи, изучалъ латинскій и италіанскій языки, и, наконецъ, погрузился въ Гегеля, который, по словамъ А. Станкевича, обѣщалъ исцѣлить Грановскаго отъ односторонности и субъективности желаній и воззрѣній, «указывая разумность и гармонію въ полнотѣ явленій природы, искусства, религіи, политики и науки».

Въ октябрѣ 1836 г. въ Берлинъ пріѣхалъ Н. В. Станкевичъ, имѣвшій на Грановскаго громадное вліяніе. Онъ ободрилъ упавшаго было духомъ Грановскаго, разсѣялъ его сомнѣнія и придалъ ему энергіи.

«Грановскій, сильно сочувствуя тогдашнему научному направленію, — говоритъ Герценъ: — не имѣлъ ни любви, ни таланта къ отвлеченному мышленію... Изъ него ни-

когда-бы не вышелъ ни отвлеченный мыслитель, ни замѣчательный натуралистъ. Онъ не выдержалъ-бы ни безстрастную нелицепріятность логики, ни безстрастную объективность природы; отрѣшаться отъ всего для мысли, или отрѣшаться отъ себя для наблюденій, онъ не могъ, человѣческія дѣла, напротивъ, страстно занимали его. Грановскій думалъ исторіей, учился исторіей и исторіей впослѣдствіи дѣлалъ пропаганду. А Станкевичъ привилъ ему поэтически и даромъ не только воззрѣніе современной науки, но и ея пріемъ... Жизнь Грановскаго въ Берлинѣ съ Станкевичемъ была, по разсказамъ одного и письмамъ другого, одной изъ ярко-свѣтлыхъ полосъ его существованія, гдѣ избытокъ молодости, силъ, первыхъ страстныхъ порывовъ, беззлобной иронiи и шалости шли вмѣстѣ съ серьезными учеными занятіями, и все это согрѣтое, обнятое горячей, глубокой дружбой, такой, какою дружба только бываетъ въ юности».

Въ 1839 году Грановскій возвратился въ Россію и 12 сентября того-же года началъ читать въ Московскомъ университетѣ свой историческій курсъ, продолжая трудиться надъ изученіемъ исторіи по 12 часовъ въ сутки. Въ началѣ апрѣля 1840 года онъ окончилъ чтеніе перваго своего курса (средней исторіи) съ успѣхомъ, который превзошелъ его ожиданія. Въ февралѣ 1841 года Грановскій, по его выраженію, «продѣлалъ фарсъ», т. е. сдалъ экзаменъ на степень магистра, несмотря на болѣзненное нервное состояніе. Въ это время, на одномъ изъ баловъ, которые Грановскій посѣщалъ, чтобы хотя немного развлечься, — онъ познакомился съ Е. Б. Мюльгаузенъ, а въ октябрѣ того-же года обвѣнчался съ нею.

Рѣшивъ начать чтеніе въ университетѣ особаго курса исторіи для вольныхъ слушателей, Грановскій собралъ въ аудиторію съ первой-же лекціи (24 ноября 1843 г.) образованнѣйшее московское общество и велъ свои чтенія подъ громъ апплодисментовъ. По мѣткому выраженію Герцена, эти лекціи были «камнемъ въ голову узкимъ націоналистамъ». Славянофилы открыли походъ противъ Грановскаго и въ обществѣ, и въ печати—въ журналѣ «Москвитянинъ». Но за Грановскаго, стала публика и нанесла по выраженію Герцена, «плюху доносчикамъ». Эта плюха выразилась въ овацiяхъ, которыя были устроены Грановскому его слушателями 21 декабря 1843 года, когда онъ сказалъ во время лекціи *): «я считаю необходимымъ оправдаться предъ вами въ нѣко-

*) Цитируемъ по дневнику Герцена. (Соч., т. VI).

торыхъ обвиненіяхъ на мой курсъ. Обвиняютъ, что я пристрастенъ къ Западу; я взялся читать часть его исторіи, я это дѣлаю съ любовью и не вижу, почему мнѣ должно-бы читать ее съ ненавистью. Западъ кровавымъ потомъ выработалъ свою исторію, плодъ ея намъ достается почти даромъ, какое-же право не любить его? Еслибъ я взялся читать нашу исторію, я увѣренъ, что и въ нее принесъ-бы ту-же любовь. Далѣе, меня обвиняютъ въ пристрастіи къ какимъ-то системамъ; лучше было-бы сказать, что я имѣю мои ученыя убѣжденія; да я ихъ имѣю и только во имя ихъ я явился на этой каѳедрѣ; разсказывать голый рядъ событій и анекдотовъ не было моей цѣлью» *).

Но еще большею «плюхой» для московскихъ славянофиловъ была заключительная лекція курса Грановскаго, читанная 22 апрѣля 1844 года. Вотъ какъ описываетъ ее тотъ-же Герценъ: «на послѣдней лекціи аудиторія была биткомъ набита. Когда онъ въ заключеніе началъ говорить о славянскомъ мірѣ, какой-то трепетъ пробѣжалъ по аудиторіи, слезы были на глазахъ и лица у всѣхъ облагородились. Наконецъ, онъ всталъ и началъ благодарить служателей,—просто, свѣтлыми, прекрасными словами, слезы были у него на глазахъ, щеки горѣли, онъ дрожалъ... «Благодарю тѣхъ,—такъ кончилъ онъ:—которые съ симпатіей слушали меня и раздѣляли добросовѣстность тона ученыхъ убѣжденій; благодарю и тѣхъ, которые, не раздѣляли ихъ, съ открытымъ челомъ, прямо и благородно высказывали мнѣ свою противоположность. Еще разъ благодарю васъ». Онъ молчалъ и кланялся. Безумный, буйный восторгъ увлекъ аудиторію: крики, рукоплесканія, шумъ, слезы, какой-то торжественный безпорядокъ, нѣсколько шапокъ было брошено въ воздухъ... Выйти не было возможности; Грановскій, блѣдный какъ полотно, сложа руки, стоялъ, слегка склоняя голову; ему хотѣлось еще сказать нѣсколько словъ, но онъ не могъ. Трескъ, вопль, неистовство одобренія удвоились, студенты построились на лѣстницѣ, въ аудиторіи они предоставили шумѣть гостямъ. Грановскій пробрался измученный въ совѣтъ; черезъ нѣсколько минутъ его увидѣли выходящаго изъ совѣта, и снова безконечное рукоплесканіе; онъ воротился, прося рукою пощады и изнемогая отъ волненія взошелъ въ правленіе. Тамъ бросился я ему на шею и мы молча заплакали»...

Этотъ успѣхъ окрылилъ Грановскаго, но онъ-же и создалъ ему враговъ и завистниковъ. Университетская админи-

*) Конецъ рѣчи Грановскаго Герценъ не разслышалъ.

страція, подъ вліяніемъ славянофильскихъ доносовъ, стала требовать отъ Грановскаго «аналогій и оправданій въ видѣ лекцій», какъ писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ. Ему предложили истолковывать реформацію и революцію «съ католической точки зрѣнія и какъ шаги назадъ»; Грановскій, разумѣется, отказался и, въ концѣ-концовъ, побѣдилъ: университетская администрація не рѣшилась лишить студентовъ такого профессора.

Въ 1844 году Грановскій закончилъ свою диссертацію на степень магистра «Іомсбургъ, Волинъ и Винета», противъ которой опять возстали славянофилы и славянофильствующіе и долго мѣшали ея публичной защитѣ, которая все-же состоялась 21 февраля 1845 года и была новымъ тріумфомъ для Грановскаго и новою «плюхой» его противникамъ. Всѣ студенты стали за Грановскаго и это даже обезпокоило администрацію, такъ что 28 февраля, когда Грановскій начиналъ читать свой курсъ для студентовъ, инспекція просила его предупредить готовящіяся ему овваціи. Грановскій, взойдя на каѳедру, обратился къ аудиторіи со слѣдующею рѣчью: «милостивые государи! Позвольте мнѣ благодарить васъ за 21 февраля; этотъ день скрѣпилъ наши отношенія неразрывными узами, я получилъ отъ васъ самую прекрасную, самую благородную награду, какую только можетъ получить преподаватель въ университетѣ,—вполнѣ чувствую ее и съ еще большею ревностью посвящу жизнь мою Московскому университету. Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбой: я осмѣливаюсь просить васъ, милостивые государи, не изъявлять болѣе наружнымъ образомъ вашего сочувствія. Мы слишкомъ близки другъ къ другу, чтобъ нужны были такія доказательства. Не потому я прошу васъ объ этомъ, что считаю опасными для васъ или для себя такія изъявленія,—я знаю, что это не остановило-бы васъ,—а потому, что они излишни послѣ того изъявленія вашей симпатіи, которое останется на всю жизнь мою лучшимъ воспоминаніемъ. Зачѣмъ наружные знаки? Вы и я принадлежимъ къ молодому поколѣнію, мы имѣемъ общее, прекрасное дѣло посвятить занятія наши серьезному изученію, служенію Россіи,—Россіи, вышедшей изъ рукъ Петра I, равно удаляясь отъ пристрастныхъ клеветъ иноземцевъ и отъ старчески дряхлаго желанія возстановить древнюю Русь во всей ея односторонности» *).

Въ отвѣтъ на эту рѣчь не раздалось ни одного хлопка; но, трескъ «плюхи» былъ явственно всѣмъ слышенъ.

---

*) Соч. Герцена, т. VI, стр. 162.

Въ концѣ 1845 года Грановскій началъ читать новый публичный курсъ, съ такимъ-же восторгомъ встрѣченный москвичами какъ и первый. Лекціи въ университетѣ и литературныя занятія шли своимъ чередомъ.

Въ 1848 г. изъ университета ушли профессора П. Г. Рѣдкинъ и К. Д. Кавелинъ, не хотѣвшіе работать совмѣстно съ лицомъ, которое унижало своими поступками профессорское званіе. Грановскій тоже подалъ прошеніе объ отставкѣ и ѣздилъ даже въ Петербургъ, чтобы лично поддержать свою просьбу, но его отставка не была принята.

Въ семейной жизни Грановскій былъ счастливъ. Любовь Грановскаго къ женѣ была, по словамъ Герцена, «тихою, кроткою дружбой, больше глубокой и нѣжной, чѣмъ страстной. Что-то спокойное, трогательно-тихое царило въ ихъ молодомъ домѣ. Душѣ было хорошо видѣть иной разъ возлѣ Грановскаго, поглощеннаго своими занятіями, его высокую, гнушуюся, какъ вѣтка, молчаливую, влюбленную и счастливую подругу. Я и тутъ, глядя на ихъ, думалъ о тѣхъ ясныхъ и цѣломудренныхъ семьяхъ первыхъ протестантовъ, которые безбоязненно пѣли гонимые псалмы, готовые рука въ руку, спокойно и твердо идти передъ инквизитора. Они мнѣ казались братомъ и сестрой тѣмъ больше, что у нихъ не было дѣтей».

Но не такъ счастливъ былъ Грановскій въ друзьяхъ: Станкевичъ умеръ, съ Герценомъ и Огаревымъ онъ разошелся и этотъ разрывъ нанесъ глубокою, вѣчно сочившуюся кровью рану его привязчивому сердцу. Послѣ разрыва Грановскій ощутилъ внутри такую пустоту, которой не могла заполнить трогательная привязанность его жены. «Я никогда не утѣшаюсь въ моихъ душевныхъ утратахъ,—писалъ онъ женѣ.— Я беру съ собой всякое горе на цѣлую жизнь». Чтобы хоть сколько-нибудь забыться и разсѣяться Грановскій обратился къ картамъ, къ своей родовой страсти: его дѣдъ и отецъ были игроками. Игра вовлекла Грановскаго въ долги, а тутъ скончался отецъ, самъ Грановскій разбился при паденіи изъ экипажа, отъ испуга опасно заболѣла его жена, «Погорѣлецъ» былъ проданъ съ публичнаго торга...

Среди такихъ потрясеній наступилъ 1848-й годъ съ его февральскими днями во Франціи, которые унесли съ собою часть вѣрованій и надеждъ Грановскаго и ему стало «скучно жить», какъ писалъ онъ одному изъ друзей въ томъ-же 1848 году. Въ Россіи наступала эпоха гоненій, носились слухи о закрытіи университетовъ, освирѣпѣла цензура. Грановскій сталъ на защиту родного ему московскаго университета и

:его вообще русскаго просвѣщенія. Гонятъ какого-нибудь наго ученаго—Грановскій защититъ; цензура не выпускаетъ нигу—Грановскій выхлопочетъ; надо талантливому педагогу ѣсто—Грановскій окажетъ протекцію, самъ пойдетъ про-ить; нужны студенту книги и совѣты—Грановскій дастъ ихъ; ать ищетъ учителей—Грановскій укажетъ ихъ...

Но внутренняго, душевнаго мира Грановскій не находилъ же болѣе; подъ вліяніемъ болѣзни хандра все чаще овладѣ-ала имъ; болѣзнь мѣшала осуществлять широкіе планы.

Настала крымская кампанія, обнажившая всѣ язвы тог-ашняго общественнаго неустройства и къ личнымъ страда-іямъ Грановскаго прибавилась новая глубокая и мучительная корбь—о Россіи. Онъ слышалъ «глухой, общій ропотъ», но е видалъ вокругъ силъ, способныхъ къ реформамъ, искалъ оваго Петра Великаго и, конечно, не находилъ.

Министръ народнаго просвѣщенія поручилъ Грановскому оставленіе программы преподаванія исторіи, а затѣмъ и со-тавленіе учебника, его избрали деканомъ историко-филоло-ическаго факультета и высшая власть, наконецъ, утвердила го, но недугъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ, сгущенная атмос-ера не давала дышать, людей, настоящихъ дѣятелей все еще е было видно вокругъ и Грановскій страдалъ и томился ду-омъ. Но мысль его все еще работала съ тою-же лихорадоч-ностью и устремленностью. Онъ мечталъ о новыхъ публич-ыхъ курсахъ, историческомъ журналѣ, заботился объ уни-ерситетскихъ дѣлахъ.

Наконецъ, 4 октября 1855 года, въ ожиданіи приглашен-ыхъ къ обѣду студентовъ, Грановскій тихо скончался на укахъ жены.

Черезъ три дня вся интеллигентная Москва хоронила сво-го учителя, усыпая цвѣтами его послѣдній путь.

«Вліяніе Грановскаго на университетъ и на все молодое ококлѣніе было огромно»,—пишетъ Герценъ. Но въ данномъ лучаѣ онъ, быть можетъ, только запѣвало въ согласномъ хорѣ ругихъ оцѣнокъ Грановскаго, какъ профессора. Истинные, аслужившіе безсмертную благодарность Грановскому труды го, заключаются, по словамъ К. Д. Кавелина, «въ тѣхъ поко-лѣніяхъ, которыя съ университетской скамьи понесли въ рус-кую жизнь честный образъ мыслей, честный трудъ, сочув-ственно отозвались къ дѣлу преобразованія».

«Въ жизни нашихъ университетовъ,—говоритъ профессоръ Н. И. Карѣевъ:—Грановскій былъ первымъ профессоромъ ис-

торіи, который, поставивъ на своемъ знамени идею науки, желалъ, чтобъ эта наука находилась въ живомъ общеніи съ другими отраслями человѣческаго знанія, и, внося въ нее общія философскія идеи, выработанныя передовыми умами своего времени, стремился къ тому чтобы наука эта оказывала вліяніе на жизнь, была воспитательницею не только одной учащейся молодежи, но и всего нашего общества».

Именно въ сближеніи исторіи съ другими науками и съ современностью и заключается величайшая изъ заслугъ Грановскаго предъ Россіей. Его завѣты свято были соблюдаемы учениками Грановскаго, которые съ профессорскихъ каѳедръ проповѣдывали тѣ-же идеалы, дѣлали то-же великое дѣло.

Характеризовать Грановскаго какъ писателя не приходится. Можно только повторить слова рецензіи о второмъ изданіи его сочиненій въ «Вѣстникѣ Европы», что сочиненія Грановскаго, «по внѣшней отдѣлкѣ слога, по ясности, опредѣленности и силѣ мысли, по честности убѣжденій останутся всегда замѣчательнымъ памятникомъ нашей исторической литературы».

Въ настоящее изданіе вошли всѣ статьи, включенныя въ четвертое изданіе сочиненій Грановскаго (Москва 1900 г.), но не въ распредѣленіи ихъ по отдѣламъ, а въ хронологическомъ порядкѣ (по времени напечатанія или написанія).

Изъ лекцій Грановскаго нѣкоторыя сохранились въ записяхъ быть можетъ, приблизительно и точныхъ, но мы не сочли возможнымъ ввести эти «записи» въ собраніе «сочиненій» Грановскаго, за исключеніемъ четырехъ лекцій, напечатанныхъ вскорѣ послѣ его смерти (1862 г.), во «Времени. (Эти лекціи не вошли въ четвертое изданіе сочиненій Грановскаго 1900 г.).

В. Никольскій.

Судьбы еврейскаго народа.

От паденія Маккавеевъ по нынѣшнее время.

«Съ удивленіемъ и почтеніемъ, смотрю я,—говоритъ Ватсонъ:—на народъ еврейскій, разсѣянный по земной поверхности: я вижу въ немъ звено, которое соединяетъ насъ съ колыбелью рода человѣческаго». Кромѣ этого уваженія, столь сильнаго для христіанина, гражданское и политическое значеніе шести милліоновъ отверженныхъ обществомъ людей, которые всегда составляли въ массѣ европейской людности нравственное пятно и настоящую касту паріевъ, очень достойно быть предметомъ соображеній философа и государственнаго человѣка. Многія другія обстоятельства призываютъ еще наше вниманіе къ этому народу въ минуту, когда мы принимаемся за перо: Россія, которая даетъ въ своихъ владѣніяхъ убѣжище цѣлой четверти еврейскаго населенія Европы, послѣ разныхъ опытовъ улучшить судьбу своихъ жидовъ и сдѣлать ихъ полезными членами общества, оказала въ нынѣшнемъ году торжественное правосудіе ихъ долгому несчастью постановленіемъ, которое пребудетъ памятникомъ въ нашемъ законодательствѣ и состоитъ въ связи съ важными выгодами, государственными и частными. Многіе извѣстные писатели посвящали въ послѣднее время перья свои исторіи страданій и заблужденій евреевъ; года три тому назадъ Парижская Академія Надписей предлагала этотъ самый предметъ дѣятельности соискателей ея вѣнцовъ, и наконецъ, послѣ превосходнаго сочиненія Петра Бера (Beer), «Опытъ о жидахъ, 1825», и трудовъ Мало и миссіонера Вольфа, изысканія двухъ весьма уважаемыхъ нами ученыхъ, гг. Капфига и Деппинга, пролили новый свѣтъ на вопросъ, который мы

избрали заглавіемъ для этого разсужденія *). Столько соединенныхъ поводовъ, изъ которыхъ каждый входитъ въ разрядъ фактовъ, любопытныхъ для наблюдателя современныхъ занятій въ области европейскаго ума, рѣшаютъ насъ представить здѣсь результатъ нашего чтенія.

Къ числу самыхъ благодѣтельныхъ слѣдствій возрастающаго просвѣщенія безспорно принадлежитъ практическое приложеніе къ отношеніямъ лицъ и народовъ началъ вѣротерпимости и истинной любви ближняго, составляющихъ отличительный характеръ христіанской религіи. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изглаживаются враждебные предразсудки сектъ и вѣрованій; часъ отъ часу становится тѣснѣе союзъ между членами огромнаго семейства, которое называютъ человѣчествомъ. Удивительная перемѣна, которая въ послѣдніе годы совершилась въ состояніи европейскихъ евреевъ, служитъ самымъ очевиднымъ примѣромъ этого сближенія. Очень недавно сыны Израиля были среди нашей образованности несчастнѣе японскихъ кожевниковъ. Разсѣянные по всѣмъ краямъ, безъ отечества, безъ политическаго быта, они не находили у другихъ народовъ ни безопаснаго пріюта, ни сочувствія къ своимъ страданіямъ. Церковь громила ихъ своими проклятіями; народъ ихъ ненавидѣлъ, правительства презирали ихъ и грабили; даже ученые, которые занимались ихъ исторіею, раздѣляли общее предубѣжденіе и, казалось, искали въ лѣтописяхъ этихъ несчастныхъ изгнанниковъ только новыхъ причинъ ненависти и новыхъ поводовъ къ обвиненію. Вольфъ (старшій), Бартоллоци, Банажъ, люди исполинской ученности, собрали всѣ факты, изслѣдовали всѣ отдѣльныя явленія жизни евреевъ, но значеніе этой жизни въ общемъ бытіи человѣчества не обратило на себя ихъ вниманія. Они безъ должнаго сочувствія изучали чудную исторію народа, который, утративъ всѣ условія отдѣльной народности, неизмѣнно пронесъ черезъ длинный рядъ вѣковъ и переворотовъ, свои религіозныя вѣрованія, свой первобытный характеръ, свои преданія о минувшемъ и надежды на будущее. Наконецъ, къ славѣ и пользѣ христіанской Европы, обстоятельства измѣнились. Два тысячелѣтія тяжкихъ страданій и бѣдствій изгладили кровавую черту, отдѣлявшую евреевъ отъ человѣчества. Честь этого примиренія, которое день ото дня становится прочнѣе,

*) Histoire philosophique des Juifs, dépuis la décadance des Machabées jusqu'à nos jours, par M. Capefigue, 1833.—Des Juifs dans le moyen-âge; essai sur leur état commercial, civil et littéraire, par R. B. Depping, 1834.

принадлежитъ нашему вѣку. Нынче, въ большей части европейскихъ государствъ, гражданское состояніе евреевъ обезпечено, и въ самыхъ запоздалыхъ положеніе ихъ улучшено, если не законами, то просвѣщеніемъ.

Мѣры, принятыя разными правительствами въ пользу евреевъ, составятъ предметъ краткаго очерка въ концѣ статьи. Займемся прежде исторіей этого народа. Здѣсь мы послѣдуемъ преимущественно за гг. Капфигомъ и Деннингомъ, стараясь также познакомить читателей и съ содержаніемъ ихъ сочиненій, столько-же промѣчательныхъ своей эрудиціей, сколько любопытныхъ. Книга г. Деннинга посвящена въ особенности изысканіямъ положенія евреевъ въ Средніе вѣка, Рама г. Капфига гораздо обширнѣе: онъ предпринялъ описать судьбы народа Израилева съ того времени, когда римскіе орлы впервые явились въ Поперечной Палестинѣ, до XIX столѣтія. Этотъ важный и превосходно начатый трудъ еще не оконченъ: мы имѣемъ только первый томъ, въ которомъ событія доведены до царствованія Юстиніанова.

Владычество грековъ въ Сиріи и вліяніе Лагидовъ на Палестину совершенно преобразовали наружный видъ «народа Божія». Придерживаясь еще библейскихъ ученій, евреи уже заключали свою національность въ одной только вѣрѣ. Языкъ пророковъ оставался въ книгахъ св. Писанія и былъ забытъ народомъ. Чернь говорила большею частію по-сирійски, а высшіе классы употребляли греческій языкъ и подражали обычаямъ азіатскихъ грековъ. Даже имена израильскихъ государей заимствовались изъ языка Гомера и Платона, котораго философія подкапывала Слово Божіе и смѣшивалась съ догматами вѣры Авраама. Еврейскіе ученые писали по-гречески. Къ этимъ именамъ разрушенія народнаго быта скоро присоединились нравы развращенныхъ владыкъ міра, которые изъ Италіи безпрестанно бросали массы своихъ войскъ въ Азію.

Начало вліянія Рима на Іудею совпало съ упадку могущества дома Маккавеевъ. По смерти Александра Іанея, сыновья его, Гирканъ и Аристовулъ, представители или, лучше сказать, орудія двухъ враждебныхъ сектъ, фарисеевъ и саддукеевъ, растерзали свое несчастное отечество кровавыми распрями за престолъ, и наконецъ, послѣ долгой борьбы, рѣшились предоставить участь свою волѣ Помпея, который въ то время воевалъ въ Азіи съ Митридатомъ. Буйство Аристовула было причиною паденія этого дома и поводомъ къ порабощенію Палестины. Римскіе легіоны овладѣли Іерусалимомъ; Іудея сохранила наружную независимость, верховная власть

отдана была Гиркану съ титуломъ главнаго жертвоприносителя, но дѣйствительное правленіе перешло въ руки сирійскихъ проконсуловъ. Среди этихъ переворотовъ возвысился иноземецъ, грекъ, принявшій или исповѣдывавшій еврейскую вѣру, которому суждено было сдѣлаться родоначальникомъ новой династіи царей іудейскихъ: Литипатеръ,—такъ назывался этотъ иностранецъ,—умѣлъ пріобрѣсти довѣренность безпечнаго Гиркана и покровительство Рима. Сынъ его Иродъ сдѣлалъ еще болѣе: когда Антигонъ, сынъ умершаго въ изгнаніи Аристовула, съ толпами парѳянъ явился подъ стѣнами Іерусалима, и Гирканъ, позорно изувѣченный жестокимъ побѣдителемъ, сошелъ со сцены, Иродъ поспѣшилъ воспользоваться обстоятельствами, отправился въ Италію, прибѣгнулъ къ покровительству Антонія и скоро возвратился въ Палестину въ вѣнцѣ Давида и Саломона. Іерусалимъ былъ опять взятъ Римлянами послѣ кроваваго приступа; бѣжавшій Антигонъ былъ распятъ въ Антіохіи, —неслыханный примѣръ поношенія царскаго сана, потому что этотъ родъ казни присвоенъ былъ только невольникамъ,—и единственною отраслію фамиліи Маккавеевъ осталась Маріамна, супруга новаго царя іудейскаго и истребителя ея дома.

Битва при Акціумѣ измѣнила судьбы древняго міра. Иродъ, во время борьбы державшій сторону Антонія, явился въ Родосѣ, сложилъ съ себя предъ побѣдителемъ порфиру и скипетръ, и былъ осыпанъ его милостями. Признательность царя іерусалимскаго не имѣла предѣловъ. Несмотря на законъ Израилевъ, воспрещавшій народныя игры, зрѣлища и поклоненія другимъ богамъ кромѣ Іеговы, Иродъ посвятилъ Августу церкви и храмы, учредилъ въ честь его игры и заставилъ народъ свой присутствовать на нихъ. Не довольствуясь этими доказательствами лести, онъ строилъ цѣлые города и называлъ ихъ именемъ своего могущественнаго благодѣтеля. Такъ на развалинахъ древней Самаріи возникла юная Севастія (греческій переводъ слова «Августъ»), и на берегахъ Финикіи явилась великолѣпная Кесарія. Сокровища, сокрытыя въ гробницахъ Давида и Соломона, пошли на украшенія капищъ языческихъ боговъ, и драгоцѣнныя одежды, въ которыхъ почивали древніе цари іудейскіе, были распроданы для блистательнаго возстановленія олимпійскихъ игръ, давно уже утратившихъ прежнюю знаменитость. Благодарные греки назвали Ирода покровителемъ этихъ игръ.

Во время долгаго владычества монарховъ ассирійскихъ, между евреями возникли двѣ враждебныя между собою секты, которыхъ раздоры вспыхивали при всѣхъ важныхъ событіяхъ

переворотахъ Іудеи въ эпоху ея политической независимости. Фарисеи, еврейскіе патріоты, могущественные числомъ и вліяніемъ на чернь, которая съ благоговѣйнымъ изумленіемъ смотрѣла на ихъ строгость въ соблюденіи обрядовъ, предписанныхъ закономъ, вѣрили въ будущую жизнь, допускали, кромѣ книгъ Моисеевыхъ, изустныя преданія или законы, сообщенные, по ихъ мнѣнію, пророкомъ-законодателемъ словесно вождямъ народа. Они составляли настоящую національную партію и подъ религіознымъ фанатизмомъ таили честолюбивые замыслы; цѣлью ихъ было установленіе теократическаго образа правленія. Высшіе классы народа принадлежали, напротивъ, къ сектѣ саддукеевъ, которыхъ можно подобить сословію французскихъ философовъ прошедшаго столѣтія: они отвергали безсмертіе души, принимали только пять книгъ Моисеевыхъ и считали толкованія «учителей закона» и изустныя преданія выдумкою фарисеевъ; когда храмъ Іерусалимскій находился во власти ассиріянъ, священники саддукейской секты вѣнчали голову свою цвѣтами, подобно жрецамъ Венеры ассирійской, и приносили запрещенныя жертвы передъ Скиніей Завѣта. Распри этихъ двухъ сектъ приняли скоро политическій характеръ: возведеніе на престолъ фамиліи Маккавеевъ было торжествомъ фарисеевъ надъ саддукеями, племени священниковъ надъ племенемъ царей, восторженной тайны надъ вольнодумствомъ и философіею. Маккавеи пали, и власть опять перешла къ партіи вольнодумцевъ и нововводителей, къ которымъ принадлежалъ самъ Иродъ. Новый царь, покровительствуемый всемогуществомъ Рима, сѣлъ на престолѣ своихъ государей, облитый ихъ кровью, но вражда двухъ партій не угасала; она воплотилась въ лицѣ самаго Ирода и супруги его Маріамны, преемницы правъ угасшей династіи, строгой наблюдательницы закона предковъ, равно ненавидѣвшей въ Иродѣ и ревниваго старика, и губителя родныхъ, и раболѣпнаго угодника языческихъ божествъ. Зная непріязненное расположеніе своихъ подданныхъ, Иродъ старался сблизиться съ ними,—и храмъ Іеговы въ дивномъ великолѣпіи возникъ изъ развалинъ. Но время примиренія уже прошло безвозвратно. Терзаемый подозрѣніями и страхомъ, онъ предалъ смерти Маріамну; двое сыновей, прижитыхъ съ нею, имѣли ту-же участь. Еврейскіе историки съ горестью повѣствуютъ о кровавомъ правленіи «вѣнценоснаго преступника», и христіанская церковь сохранила память избіенія младенцевъ, въ числѣ которыхъ долженъ былъ находиться Мессія, возвѣщенный волхвами. Въ послѣдніе дни своей жизни, онъ принялъ намѣреніе, которому подобнаго нельзя

найти въ исторіи самыхъ безумныхъ тирановъ: онъ приказалъ собрать на ипподромъ всѣхъ іудеевъ знатнаго происхожденія и умертвить ихъ въ часъ своей кончины, для того, чтобы возбудить непритворную скорбь въ Израилѣ и сдѣлать этотъ день днемъ плача для народа. Сестра его, которой ввѣрено было исполненіе этого приказанія, не осмѣлилась повиноваться ему. Нельзя не вспомнить грубыхъ, но выразительныхъ словъ одного нѣмецкаго историка, который говоритъ, что Иродъ достигъ могущества какъ лисица, царствовалъ какъ тигръ, и умеръ какъ бѣшеная собака.

Августъ раздѣлилъ владѣнія Ирода въ Сиріи и Палестинѣ на три эптархіи и отдалъ ихъ сыновьямъ Ирода. Архелай, которому досталась собственно Іудея, напомнилъ народу злодѣйства отца, былъ позванъ на судъ римскаго императора, признанъ виновнымъ и сосланъ въ заточеніе въ Галлію. Отдѣльное существованіе Іудеи кончилось: она сдѣлалась римскою провинціею. Исторія еще упоминаетъ о нѣкоторыхъ царяхъ іудейскихъ, мнимыхъ потомкахъ маккавеевъ или Ирода, но эти цари были просто намѣстниками императоровъ и большею частію жили въ Римѣ.

Евреи впервые явились въ Европѣ около ста лѣтъ до Р. Х., въ то время, когда Помпей овладѣлъ ихъ отечествомъ. Множество іудейскихъ плѣнниковъ, осужденныхъ на рабство, было распродано на рынкахъ Италіи. Въ царствованіе Августа число выходцевъ изъ Іудеи чрезвычайно увеличилось: въ одномъ Римѣ ихъ было до двадцати тысячъ человѣкъ; они занимали особую часть города, за Тибромъ. Любопытно сличить баснословныя преданія раввиновъ съ показаніями римскихъ историковъ. Раввины приписываютъ самое основаніе Рима какому-то жиду, Цефо, и очень важно увѣряютъ, что Ромулъ, одинъ изъ его преемниковъ, велъ кровопролитныя войны съ Давидомъ и угощалъ при дворѣ своемъ бѣглыхъ вельможъ царя Соломона. Въ нѣмецкихъ городахъ Вормсѣ и Ульмѣ жиды хвастаютъ тѣмъ, что здѣсь были ихъ синагоги еще при Августѣ.

Достовѣрно, что прежде всего іудеи явились въ Италію, и что уже оттуда разсѣялись по остальной Европѣ. Евреи знали, кажется, искусство быть ненавистными всѣмъ народамъ, и во время своей независимости, и послѣ паденія своего отечества. Нельзя не замѣтить глубокаго отвращенія, съ какимъ говорятъ объ нихъ римскіе писатели. Ихъ вѣрованія, обряды и народный характеръ составляютъ предметъ самыхъ жестокихъ насмѣшекъ, самыхъ ядовитыхъ намековъ. Одна изъ причинъ очевидна. Въ то время, когда римскій Пантеонъ

былъ гостепріимно открытъ для боговъ всѣхъ подвластныхъ народовъ, когда политика завоевателей старалась соединить въ одну обширную систему политеизма всѣ отдѣльныя религіи языческаго міра и положить въ основаніе государственнаго единства единство религіи, іудеи одни упорно уклонялись отъ такого сближенія и попрежнему молились только Іеговѣ; даже утративъ самобытность своего отечества, они твердо стояли за самобытность своихъ вѣрованій. Строго соблюдая свой законъ, они не присутствовали на народныхъ играхъ, которыя имѣли такое важное вліяніе на общественность древнихъ; они избѣгали всякихъ сношеній съ иновѣрцами и платили ненавистью за презрѣніе.

Но сверхъ того, и занятія ихъ были такого рода, что не давали имъ большого права на уваженіе. Они издревле промышляли за границею своего отечества мелочною торговлею и гаданіемъ, и тѣмъ-же ремесломъ занимались преимущественно въ столицѣ тогдашняго міра. Ворожба, впрочемъ, доставляла имъ таинственное и мрачное вліяніе на суевѣрныхъ жителей Рима, которые, при всемъ своемъ отвращеніи къ евреямъ, приходили къ нимъ съ глубокою вѣрою въ ихъ знаніе будущаго, и въ награду за удачные отвѣты становились ихъ покровителями. Главною причиною терпимости, которую іудеи пользовались въ этомъ городѣ, была огромная подать, платимая императорамъ.

Въ царствованіе кровожаднаго безумца, Калигулы, александрійскіе евреи прислали депутатовъ просить его о сохраненіи преимуществъ, дарованныхъ Августомъ и нарушенныхъ суевѣрною чернью. Филонъ, старшій изъ депутатовъ, оставилъ намъ чрезвычайно занимательное сочиненіе о пребываніи своемъ въ Римѣ.

«Мы прибыли, — говоритъ онъ: — въ Римъ съ надеждою найти во властителѣ міра судью справедливаго и неподкупнаго. Калигула принялъ насъ при выходѣ изъ плѣнительныхъ садовъ Агриппины, тамъ, гдѣ Тибръ катитъ величественныя волны. Лицо его было весело, и глаза, исполненные кротости, служили для насъ благопріятнымъ предзнаменованіемъ. Когда мы объяснили ему цѣль нашего путешествія, онъ знакомъ руки показалъ, что будетъ къ намъ благосклоненъ; и вскорѣ Гемъ, одинъ изъ любимыхъ его отпущенниковъ, пришелъ сказать намъ, что императоръ приметъ насъ во дворцѣ. Тогда каждый изъ братій нашихъ возрадовался; но опытность, которую пріобрѣлъ я въ дѣлахъ міра, заставила меня сомнѣваться въ томъ, что радовало другихъ. Изъ всѣхъ пословъ, бывшихъ тогда въ Римѣ, намъ однимъ даровалъ императоръ

аудіенцію во дворцѣ, и мнѣ казалось, что евреи не могутъ сдѣлаться предметомъ особеннаго благоволенія римскаго владыки; что намъ должно считать за счастіе и то, если съ нами будутъ обходиться такъ, какъ съ другими послами. Въ самомъ дѣлѣ, мы узнали, что императоръ отправился въ Путеолъ, великолѣпный дворецъ, который близость богатаго рыбою моря дѣлаетъ любимымъ жилищемъ цезарей. Наслаждаясь удовольствіями стола, Калигула вовсе не думалъ о нашихъ жалобахъ. Когда мы прохаживались подъ лимонными деревьями, которыя окружаютъ дворецъ, одинъ изъ нашихъ братій подошелъ къ намъ съ смущеннымъ лицомъ. «Іерусалимъ! Іерусалимъ!—вскричалъ онъ:—твой храмъ, святыня святыхъ, будетъ поруганъ! Братья, императоръ приказалъ поставить свою статую въ святилищѣ Іеговы, подъ именемъ Юпитера Статора». Горесть сдѣлала насъ безмолвными, и мы ушли домой. Наконецъ нѣсколько молодыхъ людей, въ упоеніи сладострастія, увѣнчанные цвѣтами, пришли насмѣшливо возвѣстить намъ, что императоръ готовъ выслушать наши жалобы. Мы явились во дворецъ: двери были всѣ отворены, потому что Калигула объявилъ своимъ отпущенникамъ желаніе гулять въ садахъ Мецената и Ламіи. Увидѣвъ его, мы пали лицемъ къ землѣ и привѣтствовали его именами Августа и императора. «Не вы ли,—сказалъ онъ съ горькою улыбкою:—тѣ враги боговъ, которые не хотятъ мнѣ воздвигать жертвенниковъ и предпочитаютъ мнѣ неизвѣстное божество?» Тогда молодые отпущенники, изъ лести, стали величать его названіями всѣхъ боговъ Олимпа. «Ты Вакхъ, насадившій виноградъ; ты Ираклъ, символъ могущества; ты Марсъ, отецъ ужасныхъ битвъ; ты Зевсъ, владыка Олимпа». Слыша эти слова, императоръ пріятно усмѣхнулся.

«Одинъ отпущенникъ, родомъ египтянинъ, по имени Изидоръ, исполненный жесточайшей ненависти къ народу нашему, вскричалъ: «ты еще болѣе разгнѣвался-бы на этихъ людей, цезарь, если-бы ты зналъ ихъ презрѣніе къ твоей власти. Изъ всѣхъ народовъ они одни не хотятъ приносить въ честь тебѣ жертвъ и проливать на алтари своего Бога кровь посвященныхъ телицъ и дикаго быка.»—Это клевета, отвѣчали мы твердымъ, но почтительнымъ голосомъ: мы приносимъ жертвы за благоденствіе твое, властитель міра. Трижды, со дня восшествія твоего на престолъ, струилась кровь на помостѣ храма въ честь тебѣ. Правда, что мы не вкушаемъ отъ посвященныхъ мясъ, мы предаемъ ихъ огню; но жертва тѣмъ совершеннѣе и пріятнѣе вѣчному Богу. — «Вѣчному Богу?—вскричалъ онъ:—а развѣ я не божество? Что мнѣ до

жертвъ, которыя вы приносите другому? Какая мнѣ честь отъ нихъ?» При этихъ словахъ кровь застыла въ жилахъ нашихъ; мы собирали силы для отвѣта, но цезарь вдругъ оставилъ насъ и пошелъ по богатымъ переходамъ своихъ чертоговъ, гдѣ золото, слоновая кость и мраморъ сіяли самымъ яркимъ блескомъ. Мы шли за нимъ среди насмѣшекъ всѣхъ отпущенниковъ, которые, желая угодить императору ,оскорбляли насъ всякими средствами, какъ шуты на театрѣ. Мы молчали, потому что молчаніе иногда лучшій отвѣтъ. Императоръ, быстро повернувшись къ намъ, спросилъ меня, какъ старшаго изъ депутатовъ, почему мы воздерживаемся отъ мяса свиньи, и при этомъ вопросѣ неумѣренно расхохотался, какъ-будто пьяный. Мы отвѣчали, что таковъ былъ обычай нашихъ предковъ, и что у каждаго народа есть свои нравы и законы, достойные уваженія. Отпущенникъ въ женоподобной одеждѣ прибавилъ, что мы также не ѣдимъ ягнятъ. «Они хорошо дѣлаютъ,—сказалъ Каллигула:—это дрянное мясо; я самъ не люблю ягнятины.» Потомъ онъ кроткимъ голосомъ спросилъ у насъ, какъ-будто не зная причины нашего посольства, какой предметъ нашихъ желаній и жалобъ, и когда мы сказали и повторили, что просимъ древняго права гражданства для еврейскаго народа въ Александріи, онъ побѣжалъ по комнатамъ; лишь-только мы настигали его, онъ уходилъ снова; наконецъ, видя, что мы изнемогаемъ отъ усталости, онъ удалился въ тайныя отдѣленія дворца, сказавъ своимъ отпущенникамъ: «эти люди болѣе несчастны нежели виновны, что не вѣруютъ въ божественность моей природы».

Кровавая смерть Калигулы остановила исполненіе его безумныхъ намѣреній. Опасенія евреевъ разсѣялись, но положеніе ихъ не улучшилось при новомъ императорѣ. Со временъ Клавдія начинается для нихъ новый, столѣтній періодъ самаго бѣдственнаго и унизительнаго рабства. Презрѣніе, котораго они прежде были предметомъ, перешло въ рѣшительную вражду; насмѣшки превратились въ гоненія. Перемѣна эта произошла отъ двухъ главныхъ причинъ, — отъ заблужденія язычниковъ, которые смѣшивали евреевъ съ христіанами, и отъ изступленнаго фанатизма самихъ евреевъ, которые требовали отъ своихъ побѣдителей не одной терпимости, но еще уваженія къ своимъ обрядамъ, и безпрестанными возмущеніями заставляли императоровъ прибѣгать къ мѣрамъ жестокости.

Первые христіане называли божественное ученіе Спасителя только очищеніемъ Ветхаго Закона, почти не вводили новыхъ обрядовъ, соблюдали день субботній и праздновали

Пасху въ одно время съ евреями. Первые христіане отличались отъ евреевъ однимъ поклоненіемъ Мессіи; они подвергались даже обрѣзанію, равнымъ образомъ убѣгали языческихъ празднествъ, не носили жертвъ на алтари боговъ римскихъ. На глаза язычниковъ, между синагогою и церковью не было никакого различія. Это обстоятельство вѣрно не имѣло-бы вліянія на судьбу іудеевъ, если-бы христіанская религія при самомъ началѣ не обратила на себя подозрительнаго вниманія римскаго правительства. Одною изъ причинъ терпимости, которою жиды пользовались въ Римѣ, было то отрицательное положеніе, въ которое они поставили себя относительно религіи побѣдителей; довольствуясь строгимъ соблюденіемъ своего закона, они не заботились о доставленіи ему новыхъ приверженцевъ. Обращеніе иновѣрца вовсе не возбуждало радости въ членахъ синагоги, которые съ чуднымъ эгоизмомъ старались, напротивъ, ограничивать число призванныхъ къ наслѣдованію благъ, обѣщанныхъ народу Израилеву. Совсѣмъ другое предназначеніе было опредѣлено Всемогущимъ церкви христіанской: каждый день ея былъ ознаменованъ новыми завоеваніями и побѣдами надъ язычествомъ. Небесный глаголъ Спасителя нашелъ скоро поклонниковъ въ самомъ дворцѣ цезарей. При Клавдіи успѣхи церкви сдѣлались такъ явны что императоръ изгналъ изъ Рима жидовъ «за безпорядки, производимые ими по наущенію христіанъ». Не видя внѣшняго различія между ученіемъ Богочеловѣка и законами Моисея, римское правительство было изумлено новымъ характеромъ прозелитизма, который такъ неожиданно приняли послѣдователи Ветхаго Завѣта. Не прежде какъ въ половинѣ второго столѣтія римскіе судьи стали отличать проповѣдниковъ новаго слова, открыто грозившихъ богамъ Капитолія, отъ евреевъ, которые просили только терпимости для своихъ обрядовъ.

Это открытіе, избавивъ жидовъ отъ обвиненій въ содѣйствіи дѣлу, котораго успѣхъ былъ для нихъ болѣе ненавистенъ чѣмъ для самихъ язычниковъ, не принесло впрочемъ имъ большой пользы: оно не ослабило строгости римскихъ императоровъ, раздраженныхъ частыми возмущеніями въ Іерусалимѣ и Александріи. Первое и самое гибельное для евреевъ возстаніе произошло при Неронѣ, во время губернаторства надъ Іудеею Гессія Флора, достойнаго исполнителя повелѣній этого тирана. Выведенные изъ терпѣнія рядомъ несправедливостей, оскорбленій и злодѣйствъ, поджигаемые изступленными совѣтами фарисеевъ, ненавидѣвшихъ могущество Рима, жители Іерусалима изгнали Флора и съ дивною, хотя безумною, отвагою рѣшились сбросить съ себя иго «же-

стокаго царства эдомскаго». Покушенія сирійскаго правителя усмирить мятежъ были неудачны; вѣсть о всеобщемъ возстаніи Палестины встревожила Нерона до того, что онъ самъ хотѣлъ принять начальство надъ войсками, которыя отправлялись противъ евреевъ. Но эта рѣшимость скоро оставила его; онъ не могъ оторваться отъ привычныхъ забавъ и поручилъ Веспасіану наказать непокорныхъ.

Іосифъ, очевидецъ и дѣятельный участникъ въ событіяхъ этой отчаянной войны, оставилъ ея описаніе. Веспасіанъ сдѣлалъ свое дѣло только въ половину: призываемый голосомъ войска на престолъ цезарей, онъ поручилъ своему сыну Титу довершить покореніе Іудеи и отправился въ Римъ. Въ 71 году по Р. Х. Іерусалимъ палъ, облитый кровью своихъ защитниковъ; храмъ Соломоновъ былъ преданъ пламени и уже не возникалъ болѣе изъ пепла. Милліонъ сто тысячъ евреевъ погибло въ битвахъ, девяносто семь тысячъ распроданы въ рабство, остальные разсѣялись по всѣмъ краямъ земли. Одни поселились въ Римской имперіи, другіе удалились на Востокъ, особливо въ Персію, гдѣ еще со временъ плѣненія вавилонскаго оставалось много ихъ соотечественниковъ. Нѣкоторые проникли въ Китай и основали тамъ въ Ка-инъ-фу колонію, которая существуетъ до сихъ поръ. Всѣ эти изгнанники твердо увѣрены, что рано или поздно настанетъ день, когда разсѣянные сыны Израиля соединятся въ одинъ народъ и снова войдутъ въ землю предковъ.

Чудесное мужество, съ которымъ іудеи отстаивали независимость своихъ вѣрованій и политическаго быта, не доставило имъ ни уваженія, ни даже состраданія языческой черни. Паденіе священнаго города было гибельно не для однихъ евреевъ палестинскихъ; оно имѣло непріязненное вліяніе на участь ихъ соотечественниковъ въ разныхъ областяхъ Римской имперіи. Мѣры правительства сдѣлались строже: Титъ приказалъ взимать съ нихъ дидрахмій въ пользу Юпитера капитолійскаго, обложилъ ихъ постыдною податью наравнѣ съ развратными женщинами, и надзоръ за ними былъ ввѣренъ тому-же претору, который имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ питейные дома и тибрскихъ лодочниковъ, самую презрительную часть римскаго народонаселенія. При Домиціанѣ строгость усилилась; для облегченія сбора податей, жидовъ подвергали публично отвратительному осмотру: знакъ обрѣзанія служилъ неопровержимою уликою противъ тѣхъ, которые втайнѣ исповѣдывали вѣру отцовъ и уклонялись отъ платежа. Нерва смягчилъ нѣсколько эти безчеловѣчныя постановленія, но его благодѣтельность встрѣтила сопротивленіе въ народѣ. Въ

особенности сильно было противодѣйствіе жителей Египта и Малой Азіи: въ Александріи и въ Антіохіи жиды подвергались ежедневнымъ оскорбленіямъ. Самая жизнь ихъ была часто въ опасности, тѣмъ болѣе, что виновники почти всегда были увѣрены въ безнаказанности. Это тягостное положеніе, эти обиды черни и жестокое равнодушіе римскихъ проконсуловъ не могли измѣнить наклонностей евреевъ, и напротивъ, поддерживали въ нихъ духъ мятежа и вражды къ властителямъ. Сорокъ лѣтъ спустя послѣ взятія Іерусалима Титомъ, три новыя возмущенія вспыхнули одно за другимъ, въ ливійскомъ городѣ Киренѣ, въ Месопотаміи и на островѣ Кипрѣ. Послѣднее сопровождалось ужаснѣйшими обстоятельствами: евреи, подъ начальствомъ одного изувѣра, по имени Андрея, умертвили около двухсотъ сорока тысячъ грековъ и римлянъ. Въ ожесточеніи своемъ, они ѣли мясо несчастныхъ, которые попадались имъ въ руки, сдирали съ нихъ кожу и дѣлали изъ нея себѣ одежду. Укротивъ ихъ, Адріанъ подъ смертною казнію запретилъ жидамъ посѣщать островъ Кипръ; даже выброшенные на берегъ бурею немедленно лишались жизни. Но эти остальные мятежи были ничтожны въ сравненіи съ общимъ возстаніемъ евреевъ при ложномъ Мессіи Баръ-Хохебѣ.

Преданія раввиновъ содержатъ въ себѣ много чудесъ и басенъ объ этомъ обманщикѣ. Они утверждаютъ, что онъ родился отъ небывалаго царя іудейскаго Козибы, носилъ прежде имя своего отца, но при началѣ поприща назвался Баръ-Хохебою, или «Сыномъ планеты». Предтечею его былъ старый Акиба, котораго рѣшенія до сихъ поръ благоговѣйно чтитъ синагога, «потому что Богъ открылъ ему сокрытое отъ Моисея». Несмотря на свою глубокую старость,—ему было около ста лѣтъ,—Акиба съ двадцатью четырьмя тысячами учениковъ явился въ станъ самозванца и былъ назначенъ начальникомъ всей конницы. Въ Талмудѣ сказано, что войска Баръ-Хохебы простирались до двухсотъ тысячъ человѣкъ; онъ избралъ мѣстомъ пребыванія крѣпкій городъ Виѳеръ или Беторонъ, гдѣ былъ помазанъ на царство. Кровопролитныя неудачи римскихъ полководцевъ вызвали въ Палестину самого Адріана: Беторонъ былъ осажденъ, Баръ-Хохеба погибъ во второй мѣсяцъ осады, и съ нимъ исчезли надежды мятежниковъ. Акиба, главный помощникъ лже-Мессіи былъ, по словамъ Мишны, раздранъ желѣзнымъ гребнемъ; другіе «учители Закона» сожжены были вмѣстѣ съ ихъ книгами, и болѣе полумилліона іудеевъ заплатили жизнію за роковое заблужденіе. Воспоминаніе объ этомъ бѣдствіи сохранилось въ синагогѣ: она до

сихъ поръ призываетъ въ молитвахъ мщеніе Іеговы на голову Адріана и оплакиваетъ участь собратій, падшихъ жертвою его жестокости.

Еще до этой войны, Адріанъ населилъ Іерусалимъ греческими и сирійскими выходцами и назвалъ его Эліа-Капитолина. Въ стѣнахъ священнаго города, какъ будто для большаго уничиженія побѣжденныхъ, воздвигнутъ былъ великолѣпный циркъ, гдѣ язычники отправляли свои торжества и предавались забавамъ. На воротахъ Эліи поставлено было изображеніе свиньи, и многочисленная стража наблюдала за тѣмъ, чтобы ни одинъ еврей не могъ приблизиться къ городу. Цѣлью римскаго императора было совершенное уничтоженіе религіи Моисеевой: поэтому онъ запретилъ іудеямъ возлагать на себя знакъ соединенія. Законъ этотъ, который впрочемъ имѣлъ силу уже при прежнихъ императорахъ, былъ отмѣненъ Антониномъ Кроткимъ: онъ-то облегчилъ тяжелую участь народа Израилева; онъ—единственный государь, о которомъ съ похвалою отзываются баснословныя преданія синагоги. Раввины повѣствуютъ, что онъ самъ подвергался обрѣзанію, былъ другомъ іудейскаго патріарха, святаго Іуды (Іегуда Ганази), участвовалъ въ составленіи Мишны и въ глубинѣ души исповѣдывалъ Бога Авраама и Іакова.

Впрочемъ достовѣрно, что, со временъ Антонина Кроткаго, въ состояніи евреевъ, разсѣянныхъ по римской имперіи, произошла самая благопріятная перемѣна. Явленія этого нельзя объяснить личнымъ характеромъ государей, занимавшихъ престолъ цезарей; причины болѣе общія дѣйствовали на законодательство императоровъ и мнѣнія народа: онѣ заключались въ новомъ направленіи философіи.

Направленіе это обнаружилось во второмъ столѣтіи. Блестящее но непрочное зданіе римскаго политеизма клонилось къ паденію; прежнія вѣрованія отжили вѣкъ свой и неудовлетворяли болѣе потребностямъ общества, которое стояло выше ихъ по своей образованности. Съ другой стороны, надобно было противопоставить какой-нибудь оплотъ успѣхамъ христіанскаго ученія, однимъ словомъ, должно было создать новую религію: философія взялась совершить это. При самомъ началѣ своихъ очевидно безплодныхъ усилій, она развѣтвилась на двѣ обширныя теоріи,—эклектизмъ, который состоялъ въ томъ, чтобы изслѣдовать всѣ прежнія и современныя ученія и соединить благороднѣйшія и лучшія ихъ части въ одну стройную систему, и неоплатонизмъ, пытавшійся сочетать ученія Платона и Пиѳагора съ таинственными теогоніями Востока. Обѣ эти теоріи вели къ одному результату,—къ

сближенію, примиренію дотолѣ враждебныхъ вѣрованій, и обѣ были проникнуты равнымъ благоговѣніемъ къ религіознымъ системамъ Азіи. Законы Моисеевы, прежде почти неизвѣстные языческому міру, сдѣлались предметомъ ревностныхъ изученій, и вошли въ число матерьяловъ, изъ которыхъ отважные мыслители предполагали воздвигнуть свой величественный чертогъ. Вѣра іудеевъ не только перестала возбуждать отвращеніе и ненависть, но даже возвысила ихъ въ общемъ мнѣніи. Таинственныя ученія раввиновъ чудно согласовались съ стремленіемъ умовъ, съ жаднымъ любопытствомъ людей, которые изумлялись во мракѣ метафизическихъ отвлеченностей; самые обряды евреевъ, нѣкогда источникъ насмѣшекъ надъ ними, приняли въ глазахъ политеиста, наскучившаго своими богами, характеръ святости и высокое символическое значеніе. Можно видѣть въ исторіи примѣры практическаго приложенія этихъ теорій: въ храмѣ, который Геліогабалъ воздвигнулъ самъ себѣ, предполагалось сліяніе всѣхъ вѣрованій въ общее исповѣданіе Геліогабала. Александръ Северъ каждый день приносилъ жертвы на алтаряхъ разныхъ боговъ. Въ то самое время, въ Греціи и Италіи множились храмы «неизвѣстному божеству», безъ живописныхъ изображеній и мраморныхъ статуй. Несмотря на заповѣдь Іеговы—не заимствовать у другихъ народовъ ни боговъ, ни религіозныхъ понятій, евреи не устояли противъ общаго направленія и участвовали въ великомъ обмѣнѣ идей. Они познакомились съ философами и поэтами древней Греціи, и въ нѣдрахъ синагоги образовались секты терапевтовъ и эссеніянъ, которыхъ ученія чрезвычайно сходны съ ученіемъ Пиѳагора. Сверхъ того евреевъ соединяла съ язычниками общая ихъ ненависть къ религіи Спасителя. Изучая развитіе этого новаго вѣрованія, защитники политеизма усмотрѣли, что, кромѣ философскихъ началъ, которыми они старались опровергнуть христіанство, имъ можно съ пользою прибѣгать къ историческимъ преданіямъ синагоги, опередившей ихъ враждою противъ церкви.

Эта вражда началась съ того времени, какъ Богочеловѣкъ началъ проповѣдывать Слово спасенія. Еще при земной жизни Іисуса Христа, оно уже было предметомъ опасеній и ненависти фарисеевъ, какъ совершенно противное ихъ пользамъ и понятіямъ. Ожесточеніе, съ которымъ синагога преслѣдовала Учителя, обратилось и на учениковъ. Въ преданіяхъ христіанской церкви сохранились имена первыхъ мучениковъ, запечатлѣвшихъ кровью вѣрность свою святому дѣлу. Впослѣдствіи, во время гоненій, поднятыхъ на христіанъ римскими императорами, евреи были постоянно ихъ жестокими врагами, и

языческіе жрецы не разъ изъявляли жидамъ признательность за усердіе. Эти долгія и тяжкія обиды оставили и глубокіе слѣды въ сердцахъ христіанъ. Одною изъ главныхъ причинъ непримиримой ненависти послѣдователей двухъ религій были ихъ пламенныя пренія, продолжавшіяся до четвертаго столѣтія. Среди быстрыхъ завоеваній своихъ церковь приходила въ соприкосновеніе со всѣми вѣрованіями древняго міра, побѣдно боролась со всѣми, но борьба ея съ синагогою носитъ на себѣ характеръ особенной силы.

Политеисты и христіане не имѣли общихъ преданій единаго Бога. Ихъ пренія были просто философскія, въ которыхъ истина выводилась по началамъ разума и нравственности: они не могли обвинять другъ друга въ отступленіи отъ закона отцовъ или въ непризнаніи божественнаго Откровенія, дарованнаго послѣ этого закона. Совсѣмъ не таковы были отношенія христіанъ и евреевъ: они мѣнялись упреками, сражались доводами, почерпнутыми изъ общихъ книгъ и преданій. Ихъ полемика не была философскою: спорили не о началахъ, не о фактахъ, это была междоусобная война, пламенная и непримиримая. Вотъ почему языческіе писатели влагаютъ самыя рѣзкія, самыя ядовитыя свои возраженія противъ христіанства въ уста евреевъ.

Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ была безопасность, можно сказать даже уваженіе, которымъ пользовались жиды въ римской имперіи отъ Антонина до Константина Великаго. Первые законы этого монарха носятъ на себѣ отпечатокъ терпимости: они только ограждаютъ христіанъ отъ преслѣдованій со стороны евреевъ; но подъ конецъ царствованія онъ запретилъ жидамъ обрѣзывать своихъ рабовъ и заставилъ ихъ нести тягостныя обязанности декуріоновъ, отъ которыхъ они были избавлены Септиміемъ Северомъ. Вообще, законодательство Константина и его сыновей имѣло цѣлью поощреніе новообращенныхъ разными гражданскими преимуществами, нежели стѣсненіе упорствующихъ въ невѣріи. Царствованіе Юліана Отступника доставило евреямъ мгновенное торжество надъ противниками. Руководимый глубокою ненавистью къ ученію Христову, онъ рѣшился соединить разсѣянный народъ Израилевъ и возстановить храмъ іерусалимскій въ прежнемъ величіи въ улику христіанамъ. Въ первомъ пылу торжества, евреи разрушили церкви въ нѣкоторыхъ городахъ Сиріи: Газа, Аскалонъ и Дамаскъ долго представляли слѣды ихъ опустошеній. Вѣсть о возобновленіи храма Соломонова быстро разнеслась на востокѣ и западѣ, и изгнанники тысячами стекались къ священному городу. Но надеждамъ ихъ не суждено

было исполниться: отцы церкви и языческіе писатели единогласно повѣствуютъ о чудесномъ явленіи, которое принудило оставить безплодныя усилія; страшныя землетрясенія и огненные шары, носившіеся въ воздухѣ, разрушили начатыя работы и истребили строителей. При преемникахъ Юліана, особливо при императорахъ Ѳеодосіева рода, состояніе евреевъ было довольно сносно. Имъ дозволено было свободное отправленіе религіи; Гонорій разрѣшилъ имъ имѣть рабовъ христіанъ; запрещеніе вступать въ всенную службу было для нихъ болѣе выгодно, нежели унизительно. Когда готы овладѣли Италіею, они сохранили всѣ преимущества тамошнихъ жидовъ.

Этотъ ходъ дѣлъ совершенно измѣнился при Юстиніанѣ. Его законодательство проникнуто духомъ непріязни и презрѣнія къ евреямъ. Они лишились всѣхъ гражданскихъ преимуществъ; объявлены неспособными къ свидѣтельству противъ христіанъ; даже ихъ семейственныя права были стѣснены до того, что родителямъ запрещалось лишать наслѣдства дѣтей, измѣнившихъ своей религіи. Самыя выраженія закона, кажется, имѣютъ цѣлію унизить ихъ въ общемъ мнѣніи. Въ дѣлахъ вѣры имъ еще позволено было судиться собственнымъ судомъ, но эта уступка ничтожна въ сравненіи съ преимуществами, которыми они пользовались при прежнихъ императорахъ.

Послѣ взятіи Титомъ Іерусалима, утративъ политическое единство, разсѣянные по Европѣ и Азіи, евреи сохраняли долго родъ теократическаго правленія, снисходительно терпимаго правительствами. Западные евреи повиновались патріарху тиверіадскому; восточные «князю плѣненія», который постоянно жилъ въ Вавилонѣ. Когда именно произошли эти званія, неизвѣстно. Патріархъ Іуда святой, современникъ Антонина Кроткаго, составилъ знаменитое собраніе законовъ и приговоровъ раввинскихъ, извѣстное подъ названіемъ Мишны; раввинъ Іоханамъ продолжалъ его и назвалъ свое дополненіе Гемаррою. Такимъ образомъ образовался Талмудъ іерусалимскій. Въ началѣ пятаго столѣтія явился Талмудъ вавилонскій: онъ состоитъ изъ Мишны патріарха Іуды и дополненій или Гемарры раввина Асція. Эти книги, наполненныя самыми странными вымыслами восточнаго воображенія, самыми нелѣпыми баснями и толкованіями закона, пользуются благоговѣніемъ евреевъ: ихъ ставятъ выше книгъ Моисеевыхъ. Патріархамъ тиверіадскимъ предоставлены были большія права; императоры давали имъ титулъ «знаменитыхъ», illustris; они разбирали дѣла своихъ соотечественниковъ и нерѣдко занимали должности при дворѣ. Санъ ихъ переходилъ по наслѣдству

гъ отца къ сыну, и былъ уничтоженъ въ 429 году. Около ого-же времени была ограничена власть санхедрина или со-ѣта старшинъ іудейскихъ, котораго главою былъ патріархъ. прочемъ, вліяніе санхедрина на дѣла единовѣрцевъ и права го были весьма важны до самаго царствованія Юстиніана.

Суровыя постановленія этого императора были началомъ і юридическимъ оправданіемъ жестокихъ преслѣдованій, кото-ыхъ жиды сдѣлались предметомъ. Въ восточной имперіи участь ихъ становилась день ото дня нестерпимѣе. Въ Италіи стро-ая справедливость папы Григорія I и большей части его пре-мниковъ едва защищала ихъ отъ фанатизма черни и духо-енства. Положеніе ихъ въ Испаніи было еще хуже: вестъ-отскіе короли отличались духомъ нетерпимости и насиль-твенно заставляли евреевъ принимать христіанскую вѣру. Одинъ Сизебуръ, по словамъ испанскихъ историковъ, обратилъ акимъ образомъ девяносто тысячъ человѣкъ. Благородное опротивленіе святого Изидора, епископа толедскаго, не по-лужило ни къ чему. Отнимая у жидовъ всѣ права граждан-кіе, законы вестъ-готскихъ королей, по странному противо-рѣчію, дозволяли имъ торговать рабами-христіанами; надобно амѣтить, что торгъ рабами составлялъ главную промышлен-ость жидовъ, пока они не нашли новаго средства добывать еньги посредствомъ отдачи въ ростъ. Въ 672 году, Вамба, по требованію толедскаго собора, изгналъ изъ своихъ вла-ѣній всѣхъ жидовъ, не хотѣвшихъ отказаться отъ своей елигіи. Они перешли за Пиренеи и возмутили противъ вестъ-отовъ Септиманію, но война эта кончилась несчастливо для ихъ. Вскорѣ они опять явились въ Испаніи и сильно содѣй-твовали успѣхамъ мавровъ. Толедо, гдѣ ихъ наиболѣе угне-али, былъ преданъ ими аравитянамъ; въ Вербное воскресеніе они отворили ворота мусульманамъ и вмѣстѣ съ ними пере-рѣзали всѣхъ христіанъ, которые въ то время были въ цер-ковной процессіи.

При новыхъ обладателяхъ Пиренейскаго полуострова, жиды отдохнули отъ прежнихъ страданій. Магометане презирали ихъ, какъ и христіане, но это презрѣніе было холодно и рѣдко обнаруживалось въ преслѣдованіяхъ. Впрочемъ, халифы кордовскіе не упускали случаевъ поживиться на счетъ не-вѣрныхъ, какого-бы рода они ни были; въ 723 году, обман-цикъ, именемъ Захарій, явился въ Сиріи и выдавалъ себя за Мессію; множество испанскихъ жидовъ отправились къ нему, въ надеждѣ снова покорить землю отцовъ; мечтанія ихъ скоро разсѣялись; они возвратились въ Испанію, но халифъ не возвратилъ имъ оставленныхъ имуществъ.

Короли Меровинги и духовенство французское не ласковѣе вестъ-готовъ обходились съ изгнанниками. Отвращеніе, которое всѣ къ нимъ питали, увеличилось еще болѣе, когда они занесли во Францію проказу: зараженныхъ этою болѣзнію заключали въ особые дома, и надзоръ за ними былъ порученъ епископамъ. Соборы предписывали христіанамъ избѣгать съ жидами всякихъ сообщеній; но частое повтореніе этихъ наказовъ показываетъ, какъ трудно было приводить ихъ въ исполненіе. Евреи были исключены изъ всякихъ должностей; имъ запрещено садиться въ присутствіи священниковъ, и браки ихъ съ христіанами объявлены недѣйствительными. Франція была раздроблена на нѣсколько отдѣльныхъ владѣній, и законы эти не вездѣ имѣли одинаковую силу. Впрочемъ, фанатизмъ и жестокость французскихъ епископовъ простирались до такой степени, что папы неоднократно принуждены были увѣщевать ихъ, предписывая поступать снисходительнѣе съ бѣдными евреями.

Въ VII столѣтіи, король Дагобертъ I предоставилъ имъ на выборъ: креститься или оставить его владѣнія. Жиды переселились въ южную Францію, но не надолго: въ началѣ царствованія второй династіи мы находимъ ихъ снова въ прежнихъ жилищахъ. При Карлѣ Великомъ они пользовались полною безопасностью и даже благоволеніемъ императора: многіе евреи было облечены его особенною довѣренностію; посолъ его ко двору Гарунъ-аль-Рашида былъ жидъ, другой жидъ находился при его особѣ въ качествѣ доктора. Но никогда положеніе ихъ не было такъ блистательно во Франціи, какъ въ царствованіе Людовика-Добраго. Преимущества и богатство ихъ были чрезмѣрны: они имѣли право провозить свои товары безпошлинно; торговали рабами, которымъ безъ ихъ позволенія запрещено было принимать другую вѣру, и въ случаѣ споровъ съ покупателями судились общимъ судомъ, составленнымъ изъ трехъ христіанъ и трехъ евреевъ. Они-же завѣдывали сборомъ податей. Лучшимъ доказательствомъ ихъ силы служитъ тщетная борьба съ ними Агобарда, епископа ліонскаго: при всемъ своемъ умѣ и вліяніи на народъ, онъ растратилъ жизнь въ безплодныхъ усиліяхъ прекратить гнусный торгъ людьми, который производили евреи.

Впрочемъ, слѣды прежняго унизительнаго состоянія евреевъ существовали еще въ нѣкоторыхъ позорныхъ обрядахъ. Въ Тулузѣ они навлекли на себя подозрѣніе въ намѣреніи предать городъ во власть мавровъ: въ наказаніе за эту мнимую или дѣйствительную измѣну, они были обязаны ежегодно, въ страстную пятницу, представлять отъ себя депутата, который

публично получалъ пощечину у дверей соборной церкви. Вообще страстная недѣля была для нихъ во всей Европѣ временемъ оскорбленій и опасностей. Въ городѣ Безіе существовалъ до половины XI столѣтія еще страннѣйшій обычай: всякій годъ, въ Вербное воскресеніе, тамошній епископъ всходилъ на каѳедру и обращался къ народу съ слѣдующими словами: «вы живете съ потомками людей, которые распяли Іисуса Христа: будьте вѣрны обычаямъ вашихъ отцевъ, вооружитесь съ Божіею помощію каменьями, бросайте ихъ въ жидовъ и отмстите мужественно за оскорбленіе Спасителя». Потомъ онъ благословлялъ своихъ слушателей; они вооружались каменьями и отправлялись въ дома евреевъ, которымъ, къ удивленію, предоставлено было право защищаться такимъ-же оружіемъ. Война эта продолжалась до Свѣтлаго Воскресенія.

При послѣднихъ Карловингахъ нападенія норманновъ и другія смутныя обстоятельства не позволяли обращать большого вниманія на евреевъ. Впрочемъ, положеніе ихъ сдѣлалось несравненно хуже: ихъ даже не считали за людей. Бозонъ, король арльскій, подарилъ епископу своего города не только имущества жидовъ, но и ихъ самихъ. Такія-же понятія царствовали и въ Германіи: Отонъ I уступилъ въ 955 году магдебургской церкви всѣхъ евреевъ этого города.

Но въ это самое время, въ южной Европѣ, подъ покровительствомъ халифовъ испанскихъ, заря лучшей будущности восходила для народа іудейскаго.

Города Гренада, Севилья, Толедо, Кордова были наполнены ими. Случайныя гоненія, виною которыхъ были фанатизмъ черни или прихоти правителей, рѣдко возмущали ихъ спокойствіе, и были ничтожны въ сравненіи съ бѣдствіями собратій ихъ въ остальной Европѣ, Азіи и Африкѣ. Эти бѣдствія даже обратились въ пользу евреевъ испанскихъ. Ученые раввины и изгнанные изъ Вавилона, Помбедиты и Мегазіи, гдѣ были дотолѣ знаменитыя академіи, удалились въ Испанію и основали тамъ новыя училища. Главою перваго и самаго знаменитаго заведенія, учрежденнаго въ Кордовѣ, былъ Рабби-Моуше, который ввелъ въ общее употребленіе Талмудъ, до тѣхъ поръ мало извѣстный на Западѣ. XII столѣтіе можно назвать золотымъ вѣкомъ еврейской литературы. Тогда процвѣтали Абенъ-Эзра и Маймонидъ, два свѣтила въ мрачной ночи тогдашняго невѣжества; Іегуда Галеви, сочинитель любопытной книги *Сеферъ-Хозри*, которой предметъ—обращеніе хазарскаго хагана къ еврейской вѣрѣ; Абенъ-Зоары, которому Аверроэсъ приписываетъ успѣхи медицины у аравитянъ; Беніаминъ Тудельскій и многіе другіе ученые и философы.

Жиды лѣчили вельможъ, государей и даже папъ, упражнялись во всѣхъ наукахъ, и въ то-же время занимались религіозной полемикой. Особенно жаркіе прѣнія возбудило появленіе въ Испаніи секты караимовъ, которыхъ можно назвать еврейскими протестантами. Они отвергаютъ Талмудъ и преданія раввиновъ и понимаютъ Священное Писаніе буквально *). Авраамъ Бенъ Діоръ написалъ противъ нихъ знаменитое сочиненіе свое о каббалѣ. Но караимы не вдавались въ споры: они отличались строгостью нравовъ и очень рано исчезли изъ Испаніи. Въ Литвѣ, близь Вильно, и въ Крыму, въ трехъ верстахъ отъ Бахчисарая, находятся ихъ колоніи, гдѣ они извѣстны своей честностью, говорятъ по-татарски и имѣютъ Библію на этомъ языкѣ. Литовскіе караимы вышли изъ Крыма и поселены Витовтомъ, какъ и литовскіе татары, плѣненные имъ въ войнахъ съ Тохтамышемъ; но замѣчательно, что тогда какъ мусульманскіе поселенцы совершенно забыли свой языкъ и нынче знаютъ только по-польски, эти евреи сохранили въ своей маленькой колоніи языкъ, которымъ говорили они въ царствѣ Гиреевъ. Г. Вольфъ, извѣстный евреофилъ, нашелъ караимовъ въ кочевомъ состояніи неподалеку отъ Багдада, въ пустынѣ Хитъ. Впрочемъ, не должно думать, чтобы и православные евреи занимались вездѣ однимъ только торгашествомъ и грабежомъ своихъ должниковъ: въ пустыняхъ Аравіи есть цѣлыя поколѣнія кочующихъ жидовъ, которые слявятся наѣздничествомъ и грабятъ васъ по правиламъ военной чести, — съ саблею въ рукѣ. Беніаминъ Тудельскій нашелъ въ XIII вѣкѣ близъ Мекки еврейское поколѣніе *Рехаб*, котораго древность восходитъ до временъ Моисея, и г. Вольфъ видѣлъ одного изъ этихъ «сыновъ Рехаба» на борзомъ арабскомъ конѣ, вооруженнаго страшнымъ копьемъ бедуина. Они отличаются огромностью роста и воинственнымъ видомъ. Не въ дальнемъ разстояніи отъ Басоры, тотъ-же миссіонеръ встрѣтилъ улусъ Бени-Кетура, а въ Хеджазѣ, близъ Хаибара, живетъ многочисленное поколѣніе независимымъ евреевъ, которые управляются собственными своими шейхами; но Буркгардтъ полагаетъ, что они должны быть караимы. Въ Испаніи, кромѣ караимовъ, была еще секта саддукеевъ, которыхъ съ жаромъ преслѣдовали раббиниты, нынѣшніе фарисеи.

Цвѣтущее состояніе еврейской литературы въ Испаніи и даже во Франціи, гдѣ нарбонская синагога славилась своими Давидомъ и Моисеемъ Кимхи, Соломономъ Ярхи, и проч., служитъ лучшимъ доказательствомъ спокойствія, которымъ

*) Слово *караимъ* значитъ—чтецы, то-есть, чтецы Библіи.

они тамъ пользовались. Халифы и христіанскіе государи большею частью покровительствовали имъ. Но простой народъ нерѣдко давалъ чувствовать жидамъ свою ненависть. Эта часть исторіи евреевъ состоитъ изъ безконечной цѣпи ужасовъ и насильствъ, которые останутся навсегда памятникомъ варварства тогдашнихъ европейцевъ. Подданные Альфонса IX, короля кастильскаго, умертвили на глазахъ его прекрасную жидовку, и убійцы не были даже наказаны. Въ сѣверныхъ областяхъ Франціи и въ Германіи, несмотря на запрещенія правительствъ и даже духовныхъ, чернь грабила и убивала ихъ, оправдывая свои неистовства слѣпыми подозрѣніями въ святотатствѣ и добываніи крови изъ христіанскихъ младенцевъ для своихъ обрядовъ. При началѣ Крестовыхъ походовъ участь ихъ сдѣлалась еще ужаснѣе: отправляясь въ Палестину, крестоносцы считали святымъ дѣломъ убить нѣсколько «враговъ Христа». Фанатизмъ дошелъ до того, что, въ половинѣ XIII столѣтія, святой Бернардъ долженъ былъ ходить изъ области въ область для укрощенія ярости народа. Въ первые годы царствованія Филиппа Августа половина Парижа принадлежала жидамъ: они промышляли отдачею денегъ въ ростъ и имѣли въ числѣ должниковъ своихъ вельможъ и знатнѣйшее духовенство. Лица, принадлежавшія къ послѣднему сословію, отдавали имъ нерѣдко въ залогъ церковныя утвари. Подъ предлогомъ осквернения ими этой святыни, Филиппъ ограбилъ и выгналъ жидовъ изъ своихъ владѣній. Такимъ же образомъ поступали съ ними и другіе государи, которые попеременно то изгоняли ихъ изъ своихъ владѣній, то призывали назадъ, когда случалась нужда въ деньгахъ. Вильгельмъ Рыжій въ Англіи покровительствовалъ имъ, и даже обѣщалъ принять ихъ религію, если они докажутъ превосходство ея надъ христіанскою, но его наслѣдники угнетали ихъ болѣе и болѣе. Во время коронаціи Ричарда I, народъ разграбилъ великолѣпные дома лондонскихъ евреевъ и умертвилъ многихъ, а отряды крестоносцевъ, собираясь въ святую землю, истребляли всѣхъ жидовъ на пути, здѣсь, въ Италіи и въ другихъ мѣстахъ, какъ впослѣдствіи запорожскіе казаки и гайдамаки въ Польшѣ. Іоаннъ Безземельный, который сначала жаловалъ жидовъ и писалъ къ лондонскому лордъ-мэру, что если-бъ онъ, Іоаннъ, «удостоилъ своей милости *даже собаку*, эта собака должна пользоваться совершенною безопасностью», впослѣдствіи давалъ своимъ вельможамъ грамоты, которыми освобождалъ ихъ на всю жизнь или на извѣстное число лѣтъ отъ уплаты долговъ евреямъ и самъ безжалостно конфисковалъ имущества этихъ несчастныхъ для удовлетворенія

своей расточительности. Европейцы, вообще, почти не считали ихъ за людей: жидъ составлялъ собственность феодальнаго владѣльца, который торговалъ имъ какъ скотомъ и грабилъ какъ непріятеля; жидъ приносилъ ему ежегодно извѣстный доходъ, а въ случаѣ надобности его можно было продать или заложить. Генрихъ III продалъ всѣхъ живущихъ въ Англіи жидовъ брату своему Ричарду. Для отличія евреевъ отъ христіанъ, имъ приказано было носить рогъ на шляпѣ и нашивки на платьѣ: эти знаки выдавались имъ за деньги изъ государственной казны. Филиппъ Прекрасный, конфисковавъ всѣ имущества жидовъ, жившихъ во Франціи, подъ смертною казнью запретилъ имъ жить въ государствѣ и подарилъ парижскую синагогу своему кучеру. Допущенные снова по необходимости въ ихъ деньгахъ, они подверглись новымъ преслѣдованіямъ. Шайки крестьянъ и пастуховъ, извѣстныя подъ названіемъ pastoureaux, разсѣялись по Франціи въ началѣ XIV столѣтія, истребляя все на пути своемъ. Въ Лангедокѣ и Гасконіи онѣ умертвили множество жидовъ. Этотъ примѣръ нашелъ подражателей въ Наваррѣ, и десять тысячъ евреевъ сдѣлались жертвами фанатизма народа. Ужасная язва, опустошившая въ 1348 году всѣ три части Стараго свѣта была поводомъ къ новымъ неистовствамъ: евреевъ обвиняли въ отравленіи рѣкъ и источниковъ, въ распространеніи заразы посредствомъ волшебныхъ заклинаній, и убивали ихъ тысячами. Напрасно ссылались они на свидѣтельство ученѣйшихъ врачей того времени: никто не хотѣлъ вѣрить. Устрашенныя общимъ волненіемъ, правительства не смѣли защищать ихъ противъ невѣжества и суевѣрія. Германія, Швейцарія, Брабантъ особенно были театромъ этихъ кровавыхъ побоищъ. Читая современныхъ историковъ, съ трудомъ вѣришь ихъ разсказамъ; они возмущаютъ душу своими отвратительно ужасными подробностями. Толпы фанатиковъ, называемыхъ бичующимися, ходили изъ города въ городъ, истязая себя самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, проповѣдуя покаяніе и истребленіе жидовъ. Евреи, избѣгая мученій, которымъ подвергала ихъ одичавшая чернь, часто предупреждали ихъ самоубійствомъ. Достаточно было малѣйшаго подозрѣнія для ихъ погибели. Въ городѣ Монсѣ, одного еврея обвиняли въ поруганіи иконы. Никакія пытки не могли вырвать у него признанія въ преступленіи. Назначили «Судъ Божій»: обвиненный долженъ былъ драться съ кузнецомъ, который вызвался быть защитникомъ истины обвиненія. Бойцы явились за городскими воротами и въ присутствіи многочисленныхъ жителей начали битву. Первый взмахъ палки, которою былъ во-

енъ кузнецъ, рѣшилъ участь бѣднаго противника. Жидъ
ь,—другихъ доказательствъ преступленія не нужно было.
готчасъ схватили, повѣсили за ноги; къ бокамъ его при-
ли двухъ голодныхъ собакъ, а внизу разложили огонь,
:оторомъ онъ медленно изжарился. Спустя нѣсколько
потомъ подобное приключеніе случилось въ Бельгіи. Па-
казней и мученій, которымъ тамъ подвержены были
ı, опредѣлили праздновать одинъ разъ въ каждомъ сто-
ı. Жители города Брюсселя торжествовали этотъ благо-
ый праздникъ не далѣе какъ пятнадцать лѣтъ тому на-
, въ 1820 году.

Среди этихъ ужасовъ только изрѣдка примѣчаются про-
ки человѣколюбія и справедливости къ угнетеннымъ въ
ановленіяхъ и прокламаціяхъ нѣкоторыхъ государей. Въ
ъ отношеніи особенно памятна евреямъ грамата, даро-
ая имъ въ 1264 г. польскимъ герцогомъ Болеславомъ, и
ости Казимира Великаго, который, по любви къ своей
ркѣ, предоставилъ имъ значительныя преимущества. Кази-
ь прижилъ съ ней многихъ дѣтей, и дочерямъ дозволилъ
сохранить религію матери. Папы, которые въ средніе
ı, вообще, являлись покровителями угнетенныхъ и защит-
ами человѣчества, безпрерывно метали проклятіями про-
ь ихъ гонителей. Не должно однакожъ думать, чтобы въ
ой Италіи и въ Польшѣ имъ было легче отъ этихъ дока-
ельствъ благорасположенія верховной власти. Не одинъ
атизмъ преслѣдовалъ ихъ въ Италіи: они должны были
ться тамъ съ мѣстными ростовщиками; италіанцы едва-ли
куже ихъ жадностью къ прибыли, и подрываемые такимъ
азомъ жиды жили тамъ въ крайней бѣдности. Въ одномъ
ѣ они наслаждались нѣкоторою безопасностью, и въ этой
лицѣ католическаго міра сохранили они по-сю-пору право
носить торжественно новому папѣ экземпляръ Ветхаго
ѣта, что, однакожъ, не освобождаетъ ихъ и теперь отъ
занности посылать каждое воскресеніе депутацію въ со-
ную церковь для слушанія проповѣди противъ заблужденій
вѣры. Въ Польшѣ, куда покровительство Казимира Ве-
аго привлекло сонмы ихъ изъ Германіи, обливавшейся
кровью, они скоро овладѣли всей торговлею и откупами;
печный и вѣтреный характеръ народа охотно предоста-
ъ имъ всѣ хлопоты финансовой части; жидъ сдѣлался
вою потребностью жизни для поляка; избирательные ко-
ли изъ природныхъ дворянъ не могли даже править госу-
ствомъ безъ «фактора», и извѣстно, что побѣдитель ту-
съ, Іоаннъ III (Собѣскій), былъ совершенно преданъ двумъ

своимъ евреямъ. Однако, они всегда находились тамъ въ крайнемъ угнетеніи, и паны позволяли имъ грабить своихъ поселянъ только для того, чтобы, при первой надобности въ деньгахъ, исторгнуть всю поживу оптомъ у грабителя. Въ Польшѣ упоминаютъ по-сю-пору имена вельможъ изъ весьма извѣстныхъ фамилій, которые не далѣе прошедшаго столѣтія приказывали жидамъ представлять кукушекъ, для того, чтобы стрѣлять въ нихъ. Два несогласные въ мнѣніяхъ дворянина нерѣдко обнаруживали свои непріязненныя чувства тѣмъ, что одинъ изъ нихъ старался поймать жида, проживающаго на землѣ другого, и, по крайней мѣрѣ, прибить его, если не повѣсить: обиженный такою несправедливостью, противникъ, само собою разумѣется, въ благородномъ негодованіи платилъ тою-же монетою его жидамъ. Въ числѣ жестокихъ обидъ, которыя Малороссія претерпѣла отъ польскаго правительства обыкновенно выставляютъ отдачу русскихъ церквей на откупъ евреямъ, какъ доказательство неслыханнаго своевольства со стороны тамошнихъ католическихъ пановъ, но мы думаемъ, что эта статья не была понята нашими писателями. Отдача церковныхъ доходовъ на откупъ болѣе принадлежитъ къ исторіи жидовъ, чѣмъ къ малороссійской. Невозможно предполагать, чтобы въ этомъ заключалось со стороны польскихъ католиковъ намѣреніе обиды православію; они почти вездѣ отдавали такимъ-же образомъ еврейскимъ спекуляторамъ собственныя свои церкви. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка обычай этотъ былъ довольно извѣстенъ въ Литвѣ. Это показываетъ только, въ какой степени польское дворянство не могло обойтись безъ жидовъ въ самомалѣйшихъ денежныхъ сдѣлкахъ.

Во Франціи участь евреевъ сдѣлалась опаснѣе по причинѣ взятія англичанами въ плѣнъ короля Іоанна: нужны были деньги для его выкупа. Карлъ V, король французскій, постоянно покровительствовалъ имъ, имъ даже дано было право брать, вмѣсто прежнихъ сорока, восемьдесятъ процентовъ. Евреямъ показалось, что этого мало; они испросили себѣ позволеніе брать проценты на проценты. Слабость правительства была удивительна: оно предоставило въ ихъ власть личную свободу несостоятельныхъ должниковъ и даровало имъ множество другихъ столь же беззаконныхъ преимуществъ. Положеніе евреевъ было завидное; но неожиданный указъ Карла VI лишилъ ихъ въ 1394 году большой части имущества и даже права жить во Франціи. Они разсѣялись по окрестнымъ государствамъ и на этотъ разъ не могли обвинять своихъ враговъ въ несправедливости. Въ самомъ дѣлѣ

ихъ жадность къ деньгамъ не имѣла предѣловъ: ограбленные ими народы употребляли всѣ мѣры, чтобы избавиться отъ ихъ притѣсненій, и въ половинѣ XIV столѣтія жители города Саленса учредили для этого первый заемный банкъ въ Европѣ.

Въ Испаніи, однакожъ, они продолжали заниматься науками. Въ XIV и XV столѣтіяхъ ученые евреи принимали дѣятельное участіе въ составленіи знаменитыхъ таблицъ короля кастильскаго Альфонса IX; тогда жили астрономъ и врачъ Абрагамъ-бенъ-Вирга и профессоръ астрономіи Абрагамъ-бенъ-Закутъ, тогда-же процвѣталъ Іосифъ Альбо, авторъ книги *Сеферъ икаримъ* и знаменитый въ ученомъ и политическомъ отношеніи Абарбанель, комментаторъ нѣсколькихъ книгъ Ветхаго Закона; другіе труды евреевъ по части философіи, филологіи, правовѣдѣнія и особенно математики даютъ тоже довольно выгодное понятіе объ ихъ просвѣщеніи. Но объ ихъ литературѣ должно, вообще, замѣтить, что она отличается восточною напыщенностью выраженій, многословіемъ, чрезвычайною пылкостью воображенія и часто безпорядкомъ идей. Въ одной книгѣ той-же эпохи находимъ извѣстіе о важномъ открытіи, сдѣланномъ евреями совершенно въ иномъ родѣ: они играли въ карты еще въ XIII вѣкѣ. Вообще по сочиненіямъ тогдашнихъ жидовъ можно составить себѣ довольно ясное понятіе объ ихъ образѣ жизни и отношеніяхъ къ испанцамъ, которые уже овладѣли большею частію полуострова. Многое покажется страннымъ теперь: евреи славились тогда щегольствомъ одежды, занимались музыкою и были очень неравнодушны къ прелестямъ прекраснаго пола. Мужьямъ христіанамъ часто приходилось очень плохо отъ послѣдователей Ветхаго Завѣта. Въ Толедо они до того зазнались, что на улицахъ задирали и били природныхъ жителей; правительство принуждено было защищать послѣднихъ отъ ихъ нападеній. Но они и здѣсь не покидали всегдашней страсти своей къ деньгамъ и безжалостно грабили православныхъ должниковъ, не довольствуясь 33^0_0 со ста, законными въ то время процентами. Всѣ капиталы и промышленность перешли въ ихъ руки. Управленіе таможнями было ввѣрено жидамъ; они занимали главныя должности въ чертогахъ государей и домахъ вельможъ, которые обходились съ ними съ величайшимъ почтеніемъ, они составляли даже сильную политическую партію. Когда Петръ Жестокій былъ умерщвленъ Генрихомъ Транстамаромъ, они остались вѣрными его памяти и въ Бургосѣ выдержали осаду противъ войска новаго короля.

Возрастающее вліяніе евреевъ обратило, наконецъ, на себя

вниманіе испанскаго духовенства: оно старалось вооружить противъ нихъ народъ. Возникли жаркія пренія; ученые расточали, въ полемическихъ сочиненіяхъ, ругательства. Въ 1413 году анти-папа Петръ де-Лука, извѣстный подъ именемъ анти-папы Бенедикта XIII, положилъ созвать въ Тортозу на публичное преніе знаменитѣйшихъ раввиновъ и ученыхъ богослововъ христіанскихъ. Диспутаціи продолжались нѣсколько мѣсяцевъ; съ обѣихъ сторонъ было показано много учености и еще болѣе нетерпимости; въ заключеніе анти-папа издалъ буллу, которая не оставила-бы евреямъ ни убѣжища, ни средствъ къ существованію, если-бы власть его была вездѣ признана. Главныя статьи ея повторены впослѣдствіи — на соборѣ базельскомъ, и папами Павломъ IV и Піемъ V. Къ обращенію жидовъ въ христіанскую религію, послѣ тортозскихъ совѣщаній, наиболѣе содѣйствовали усилія доминиканцевъ. Они отличились въ этомъ дѣлѣ талантами своими и жестокимъ фанатизмомъ. Знаменитѣйшимъ миссіонеромъ того времени былъ Винцентъ Жеррье: онъ одинъ обратилъ болѣе двадцати тысячъ человѣкъ. Его краснорѣчіе было увлекательно, но страхъ, внушаемый народомъ, который съ изступленнымъ восторгомъ слушалъ его проповѣди, былъ еще сильнѣе. Участь новыхъ христіанъ была вовсе незавидна. Церковь не имѣла къ нимъ довѣренности, а синагога предавала проклятію какъ отступниковъ. Марраны,—такъ назывались они,—принуждены были жить отдѣльно и, по словамъ современниковъ, отличались своимъ развратомъ и пороками. Въ числѣ этихъ новообращенныхъ находились нѣсколько уроженцевъ острова Кандіи, которые исповѣдывали особенную религію,—смѣсь закона Моисеева съ обрядами язычества. Въ Толедо они вынимали вечеромъ изъ скрытнаго мѣста пять черныхъ фигуръ, изъ которыхъ четыре представляли молодыхъ дѣвъ, повергались предъ ними на колѣна и читали молитвы на арабскомъ языкѣ до первыхъ пѣтуховъ. Но умнѣйшимъ и ученѣйшимъ изъ марранов предстояла блистательная будущность: они могли вступать въ духовное званіе, гдѣ ихъ свѣдѣнія давали имъ возможность и право достигать высшихъ отличій. Нѣкоторые изъ нихъ занимали важныя мѣста въ католической церкви и прославились ревностью, съ какою преслѣдовали прежнихъ единовѣрцевъ. Особенную извѣстность пріобрѣлъ францисканскій монахъ Альфонсъ де-Спина, пламенный авторъ книги Fortalitium Fidei, въ которой обвиняетъ онъ жидовъ въ ужаснѣйшихъ преступленіяхъ. Онъ утверждаетъ, между прочимъ, что они ежегодно умерщвляютъ по одному христіанскому ребенку. Примѣръ, который онъ приводитъ, наполненъ

ыми отвратительными и ужасными подр
но, однакожъ, замѣтить, что самъ онъ не
ъ этого случая, и что разсказъ его есть
ie признанія одного крещенаго жида какому-
Наконецъ, наступилъ бѣдственный для народа
2 годъ. Мавры лишились послѣдняго своего вл
аніи, и евреи получили приказаніе тотчасъ остави
й или принять христіанскую религію. Отчаяніе из
ъ было невыразимо: они такъ долго благоденств
ъ небомъ Испаніи. Имъ дано было три мѣсяца срок
готовленія къ пути; золото и серебро должны они б
авить въ Испаніи; съ собою имъ позволялось взять ве
и товары. По словамъ нѣкоторыхъ писателей, четырест
ячъ человѣкъ оставили, такимъ образомъ, владѣнія Фер
анда и Изабеллы. Большая часть удалилась въ Португалію,
их братья пользовались большими правами и честностью
ею заслужили общее уваженіе. Они гостепріимно приняли
нанниковъ. Надежда лучшей участи оживила сердца ихъ,
не надолго. Въ Лиссабонѣ процвѣтала еврейская академія;
едено было много типографій, изъ которыхъ вышли пре-
ходныя изданія книгъ Моисеевыхъ и разныхъ произведеній
ейской литературы: въ 1496 году все это рушилось,—ихъ
нали изъ Португаліи. Замѣтимъ одинъ любопытный этно-
фическій фактъ: въ прежнихъ португальскихъ владѣніяхъ,
Малабарѣ, есть два рода жидовъ, черные и бѣлые. Тогда
ъ реформація облегчала участь ихъ въ Германіи и готовила
ерным жидамъ, вообще невѣжественнымъ и низкимъ, луч-
о будущность, самая просвѣщенная и нравственная часть
народа выброшена была изъ Пиренейскаго полуострова
африканскія пустыни и Турцію, гдѣ грубый деспотизмъ
омановъ долженствовалъ довести ихъ до послѣдней степени
женія и несчастія. Они разсѣялись по африканскимъ горо-
ъ и основали многолюдные посады въ Константинополѣ,
ючикѣ, Смирнѣ, и проч., гдѣ сохраняютъ до сей поры
къ прежнихъ своихъ гонителей, испанцевъ и португальцевъ.
которые изъ нихъ, однакожъ, перешли въ Италію, гдѣ ме-
исы отдали имъ часть города Ливорно и допускали ихъ
е къ должностямъ въ своихъ владѣніяхъ; здѣсь они опять
имались съ успѣхомъ литературою, имѣли отличныя ти-
рафіи и библіотеки въ разныхъ городахъ Италіи, и грабе-
ьства ихъ ростовщиковъ не производили такихъ вредныхъ
лѣдствій, какъ во Франціи или Испаніи, по причинѣ раз-
живишихся заемныхъ банковъ, которые ссужали деньгами
самые умѣренные проценты. Учредителями этихъ заведеній

были большею частію монахи францисканскаго ордена, сч
богоугоднымъ дѣломъ отнятіе у евреевъ способъ вре
христіанамъ. Подъ тяжестью бѣдствій и среди благоденс
синагога нигдѣ и никогда не теряла надежды на блиста
ный конецъ своего «послѣдняго плѣненія»: она всегда с
терпѣніемъ ожидала пришествія Мессіи, и это вѣрованіе
заставляло евреевъ переносить мужественно неслыха
жестокости, которыми обременяли ихъ иновѣрцы на За
и Востокѣ. Восторженное суевѣріе Азіи еще болѣе раси
жило турецкихъ жидовъ къ ожиданію скорой помощи и
тельнаго и справедливаго неба. Обманщики и фанатики ч
пользовались такимъ состояніемъ умовъ, и въ XVII сто
пламенныя надежды евреевъ всѣхъ странъ были обма
самымъ горестнымъ образомъ. Смирнскій жидъ, Забатай
или Теви, человѣкъ необыкновенно хитрый и краснорѣчи
пробудилъ мужество ихъ своими пламенными проповѣ
Радость іудейскаго міра была чрезмѣрна. Евреи собирались и
оставить бѣдственную чужбину и летѣть въ обѣтова
землю, какъ турки посадили Мессію Забатая въ тю
Однако, единовѣрцы не переставали вѣрить въ его божес
ное назначеніе. Тогда султанъ Магометъ IV приказалъ
ному «помазаннику» принять магометанскую религію: с
званецъ сосланъ и скоро потомъ былъ казненъ. Между
дами многіе до сихъ поръ думаютъ, что онъ живъ и
или поздно совершитъ подвигъ искупленія.

Не отъ Мессіи своего, но отъ успѣховъ просвѣщенія
торое смягчаетъ нравы и дѣлаетъ человѣка послушным
лосу разума, слѣдовало имъ ожидать своего благополучія.
ствительно, XVIII вѣкъ былъ источникомъ всѣхъ благъ
торыми они теперь наслаждаются въ цѣлой Европѣ. Ус
шенствованіе правительственныхъ формъ доставило имъ
вое и важнѣйшее изъ нихъ,—безопасность. Скоро Фран
Голландія даровали имъ полныя права гражданскія и по
ческія и сравнили съ христіанскими подданными.

Въ Англіи, гдѣ число ихъ не превосходитъ десяти ты
человѣкъ, большею частію иностранцевъ, такое-же урав
было весьма недавно утверждено Нижнею палатою. Въ Ав
Іосифъ II былъ ихъ благодѣтелемъ: онъ уничтожилъ ус
вленное для нихъ различіе одежды и налоги, основалъ
лища, открылъ имъ университеты и старался всячески в
сить ихъ до степени гражданъ. Францъ II слѣдовалъ
примѣру и выполнилъ многія его предположенія. Въ Гер
положеніе ихъ постепенно облегчалось, и шестнадцатая с
Акта Союза обезпечила имъ еще большія выгоды. «С

рманскаго Союза,—говоритъ она:—обдумаетъ и разсмотритъ
иличнѣйшіе способы улучшенія судьбы жителей, исповѣду-
ихъ еврейскую вѣру, и дарованія имъ полныхъ правъ
ажданскихъ въ замѣнъ тѣхъ обязанностей, которыя они
лжны были-бы нести какъ подданные. Между тѣмъ они
дутъ пользоваться во всѣхъ государствахъ Союза всѣми
еимуществами, какія дарованы имъ доселѣ». Извѣстно, ка-
хъ богатствъ достигли нѣкоторые изъ нихъ въ этомъ краю.
) времени знаменитаго Мендельсона, краснорѣчиваго толко-
теля Платоновой мысли, выраженной въ «Федонѣ», они съ
пѣхомъ посѣщали университеты, дали имъ изъ среды себя
ожество профессоровъ и нѣмецкой словесности нѣсколько
троумныхъ писателей, и особенно отличались въ медицинѣ
музыкѣ. Еврейское юношество не отстало отъ своихъ хри-
іанскихъ сверстниковъ въ общемъ патріотическомъ движе-
и, которое въ 1813 году такъ сильно способствовало къ
вобожденію Германіи. Образовалась также секта такъ на-
ваемыхъ новыхъ жидовъ, — слѣдствіе распространеннаго
жду ними просвѣщенія,—которая отвергаетъ Талмудъ по-
бно караимамъ, признаетъ одинъ только текстъ Св. Писа-
я закономъ своей вѣры и соединяетъ простые догматы
тхаго Завѣта съ ученіемъ чистой нравственной философіи (*).
днако, не далѣе, какъ въ 1820 году, германскіе жиды под-
ргались опасной грозѣ. Бѣдствія, которыя удручали Пруссію
) случаю занятія ея французами, передали въ руки евреевъ
ожество ленныхъ имѣній, обремененныхъ долгами. Когда
родъ увидѣлъ готическіе замки во владѣніи «нехристей»,
торые, по праву бароновъ, естественно могли-бы утвер-
дать приходскихъ пасторовъ въ ихъ званіи, онъ обнаружилъ
вистливое негодованіе. Наглость нѣкоторыхъ обогатившихся
реевъ,—а это обыкновенная ихъ черта въ счастіи,—довер-
ила раздраженіе черни. Ея нетерпимость вспыхнула въ
ейнингенѣ, Вюрцбургѣ и Рейнскихъ областяхъ; возстаніе
аспространилось до самаго Копенгагена, и германскіе жиды
слышали вновь роковый крикъ *гепъ! гепъ! гепъ!*, которымъ
опровождались избіенія ихъ въ среднихъ вѣкахъ.

Польскіе раввины славятся своей богословской ученостью
ъ еврейскомъ мірѣ. Яковъ Полякъ есть Іоаннъ Скоттъ науки

(*) Въ Германіи, есть еще секта, основанная нѣкоторымъ Фран-
омъ, изъ Нюрнберга, которая наружно исполняетъ всѣ обряды хри-
іанства, отъ крещенія до исповѣди, а втайнѣ исповѣдуетъ еврейскую
вѣру. Члены этой секты нерѣдко занимаютъ высшія должности въ
ѣстныхъ правительствахъ и пользуются всѣми выгодами усовершен-
гованнаго лицемѣрства. Ихъ называютъ *мехесами*.

Талмуда: тонкость его софизмовъ, туманная глубокомысленность его разсужденій, его пустыя пренія о словахъ, привлекли къ нему несмѣтное множество молодыхъ германскихъ евреевъ, которые для него оставляли университетскія чтенія. Эти «талмудисты» налетѣли съ сѣвера, какъ стая совъ, на Германію и основали свои академіи во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ Фюртѣ и Прагѣ, распространяя между юношествомъ фанатизмъ и невѣжество въ полезныхъ наукахъ, отличающее польскихъ раввиновъ. Г. Беръ собралъ множество любопытныхъ подробностей о вредномъ вліяніи этихъ раввиновъ на еврейское населеніе въ Германіи и Польшѣ, о деспотизмѣ, съ какимъ они управляютъ своими общинами, и о средствахъ, которыя употребляютъ для поддержанія фанатизма и слѣпого повиновенія своей власти. Этому-то вліянію должно приписать-то рѣшительное отвращеніе, какое обличаютъ польскіе жиды къ хлѣбопашеству: обнадеживаемые своими законоучителями въ скоромъ пришествіи Мессіи, они не хотятъ ввѣрять своихъ капиталовъ землѣ, чтобы быть всегда готовыми удалиться въ обѣтованную землю по первому призванію возстановителя ихъ народа. Многіе рѣшаются даже упредить его въ Палестину, и мѣстечко Сафетъ, гдѣ лѣтъ за двадцать было ихъ нѣсколько сотенъ, теперь считаютъ болѣе двѣнадцати тысячъ выходцевъ изъ польскихъ областей. Не нужно объяснять, сколько подобное расположеніе умовъ мѣшаетъ самымъ благимъ видамъ правительства въ ихъ пользу. Блаженной памяти Императоръ Александръ I, извѣстясь о важныхъ злоупотребленіяхъ власти со стороны раввиновъ, повелѣлъ уничтожить ихъ санхедрины и учредить думы изъ знатнѣйшихъ членовъ общины, для завѣдыванія имуществомъ синагоги и доходами кагаловъ. Евреи сочли это нарушеніемъ ихъ вѣры. Еще съ 1810 года правительство пыталось въ разныя времена и подъ различными видами привести въ исполненіе проектъ переселенія жидовъ изъ западныхъ губерній въ Новороссію, гдѣ-бы они могли предаться земледѣлію, и всѣ его старанія остались безуспѣшными. Въ 1825 году учреждена была въ Варшавѣ комиссія, имѣющая цѣлію изысканіе средствъ улучшенія гражданскаго и нравственнаго состоянія этой части народонаселенія. Она учредила для нихъ училище, которое было посѣщаемо даже сыновьями богатыхъ израильтянъ, и предполагало даже устроить полную систему народнаго воспитанія евреевъ. Безъ сомнѣнія, эта мѣра могущественно способствовала-бы къ преобразованію ихъ предразсудковъ, которые дѣлаютъ ихъ даже неспособными пользоваться благомъ даруемыхъ имъ выгодъ: пустая талмудная

ченость до того поглощаетъ ихъ вниманіе, что многіе моло-
ые раввины не знаютъ ни одного слова мѣстнаго языка,
тобы не имѣть ничего общаго съ христіанами. Указъ, кото-
ый великодушно открылъ имъ поприще военной славы и
тличій въ русскихъ рядахъ и былъ первымъ шагомъ къ
ажнѣйшимъ благодѣяніямъ закона, изданнаго въ нынѣшнемъ *)
оду, долженъ навсегда упрочить ихъ судьбу. Нынче отъ
ихъ самихъ зависитъ ихъ благоденствіе. Желательно, чтобы
они умѣли оцѣнить вполнѣ выгоды новыхъ правъ своихъ.

*) Т. е. 1835 году.

Руководство къ познанію Средней исторіи дл среднихъ учебныхъ заведеній, сочиненное С. См рагдовымъ. С.-Петербургъ, 1841.

При настоящемъ состояніи русской ученой литературы, особенности по предмету Всеобщей исторіи, критика имѣетъ права произносить строгихъ приговоровъ. Въ осн ваніе своихъ сужденій она большею частію должна брать чистое отношеніе книги къ наукѣ, а условное отношеніе потребностямъ читающей или, лучше сказать, учащейся пу лики. Весьма немногія сочиненія имѣютъ у насъ значе самостоятельныхъ явленій: большая часть суть только уче ныя пособія.

«Руководство къ познанію Средней исторіи» не есть кни ученая въ настоящемъ смыслѣ: въ ней нѣтъ ни новыхъ сам стоятельныхъ изслѣдованій, ни даже результатовъ больш начитанности; но она заключаетъ въ себѣ главныя услов требуемыя отъ учебника: довольно богатый запасъ фактич скихъ свѣдѣній, отчетливое расположеніе частей, облегчающ обзоръ цѣлаго, и хорошее изложеніе, совершенно соотвѣ ствующее назначенію книги. Авторъ положилъ въ основа своего труда извѣстное сочиненіе нѣмецкаго историка Л Lehrbuch der Geschichte des Mittelalters. Halle. 1830, и воспо зовался сверхъ того вторымъ томомъ его-же Всеобщей ист ріи (Lehrbuch der Universalgeschichte. Halle. 1836), въ кот ромъ заключается исторія среднихъ вѣковъ, не столь подро ная, но исправленная результатами изслѣдованій, сдѣланны въ промежуткѣ 1830—1836 г. Г. Смарагдовъ очень удач сократилъ и слилъ эти двѣ книги въ одно цѣлое. Тѣ час его учебника, гдѣ онъ отступилъ отъ Лео, наименѣе удали ему. Во всякомъ случаѣ, исторія г. Смарагдова гораздо вы всего, что у насъ сдѣлано въ этомъ родѣ, и даже несравнен лучше изданной имъ въ прошломъ году Древней исторіи.

Мы укажемъ теперь на нѣкоторые бросившіеся намъ въ глаза недостатки, которые легко можно исправить при второмъ изданіи.

Передъ каждою отдѣльною статьею г. Смарагдовъ приводитъ литературу принадлежащихъ къ ней источниковъ и учебныхъ пособій. До сихъ поръ у насъ этого не дѣлали, къ большому вреду учителей и учащихся. Исчисленіе литературныхъ пособій къ изученію предмета должно составлять необходимую принадлежность хорошаго учебника. Разумѣется, что при этомъ надобно имѣть въ виду не полноту указаній, а отчетливость въ выборѣ, сообразуясь съ практическою цѣлью книги. «Руководство къ познанію Средней исторіи» писано для среднихъ учебныхъ заведеній. Учителямъ этихъ заведеній необходимо знать лучшія, новѣйшія книги по ихъ предметамъ; такое знаніе можетъ принести большую пользу даже ученикамъ. Г. Смарагдовъ понялъ эту потребность, но не удовлетворилъ ей. Лео, писавшій для учебныхъ заведеній Германіи, которыхъ средства гораздо богаче нашихъ, ограничился въ своей Средней исторіи (въ Древней совсѣмъ другое дѣло: между источниками Средней и Древней исторіи огромная разница во всѣхъ отношеніяхъ) исчисленіемъ однѣхъ новѣйшихъ, представляющихъ науку въ современномъ видѣ и при томъ доступныхъ всѣмъ книгъ. Послѣднее условіе очень важно. Къ чему приводить въ учебникѣ, назначенномъ для гимназій, книги, которыя находятся въ весьма немногихъ большихъ библіотекахъ и читаются только людьми, посвятившими себя исключительно частнымъ изслѣдованіямъ по своей наукѣ? Это роскошь, вовсе не идущая къ книгѣ, имѣющей практическую учебную цѣль. Г. Смарагдовъ своимъ примѣромъ доказываетъ справедливость этихъ замѣчаній: несмотря на всю добросовѣстность труда своего, онъ впадаетъ въ самыя странныя заблужденія почти всякій разъ, когда ему приходится говорить объ источникахъ. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ. На стр. 46 приводятся источники исторіи остъготовъ и между прочимъ сказано, что Іорнандово сочиненіе De Gothorum origine et rebus gestis дошло до насъ въ сокращеніи, сдѣланномъ Кассіодоромъ. Совсѣмъ наоборотъ: Іорнандъ въ предисловіи своемъ говоритъ, что онъ сдѣлалъ извлеченіе изъ 12 книгъ, написанныхъ Кассіодоромъ объ исторіи остъготовъ. Далѣе, на стр. 51 находится еще болѣе важная ошибка: рядомъ съ Павломъ Варнефридомъ въ числѣ лѣтописцевъ лангобардскихъ являются два ученые XVII столѣтія, Камиллъ Перегринъ и Фр. Христіусъ, котораго диссертація о происхожденіи лангобардовъ названа здѣсь источникомъ. На стр. 132

Дюшенъ названъ продолжателемъ Букетова сборника, хотя онъ издалъ свое собраніе лѣтописей французскихъ за сто лѣтъ до Букета. Эти погрѣшности, которыхъ можно было-бы насчитать и болѣе, произошли очевидно отъ того, что г. Смарагдовъ не знакомъ самъ съ литературою источниковъ, не имѣя подъ рукою драгоцѣнныхъ собраній, которыя онъ приводитъ. Кому и какую пользу можетъ принести подобное вычисленіе источниковъ? Не лучше-ли было-бы указать на нѣсколько главныхъ лѣтописцевъ, какъ напр. Григорія Турскаго, Прокопія, Беду, Павла Діакона, Луитпранда, Ламберта Ашаффенбургскаго и Саксона Грамматика, какъ на представителей современной имъ образованности, и выпустить это множество безполезныхъ заглавій, въ особенности предъ Византійскою исторіей. Вообще, отдѣлъ литературы самый слабый въ книгѣ г. Смарагдова. За исключеніемъ сочиненій, приведенныхъ у Лео, ему мало извѣстны труды современныхъ европейскихъ историковъ. Отсюда произошли нѣкоторые другіе недостатки его руководства.

Такимъ образомъ, если-бы автору были извѣстны сочиненія Ферд. Мюллера и Цейсса о племенахъ германскихъ, онъ навѣрно иначе написалъ-бы § 11 своей книги: о первобытной исторіи германцевъ. На какомъ основаніи онъ дѣлитъ германцевъ на кимровъ и суевовъ, намъ неизвѣстно. До сихъ поръ кимры (которыхъ надобно отличать отъ кимвровъ) обыкновенно причислялись къ племени кельтическому. Если брать въ основаніе этимологическіе выводы, то старая, оставленная нынѣ гипотеза Мозера, что германцы раздѣлялись по образу жизни на осѣдлыхъ (саксовъ отъ sassen) и блуждающихъ (суевовъ отъ schweiffen), все еще должна взять перевѣсъ надъ мнѣніемъ г. Смарагдова. Въ § 14 читаемъ: «община (германская) имѣла во время мира начальника, который носилъ титулъ графа и избирался изъ важнѣйшихъ фамилій». Это несправедливо: графы суть главные члены дружины, они спутники, comites (gravo, grafio, gerefa, socius, см. Iак. Гримма Deutsche Rechtsalterthümer, стр. 752) кунига. Должность и названіе графовъ перешли отъ франковъ къ подчиненнымъ имъ племенамъ. Отъ этой ошибки могъ-бы предостеречь автора руководитель его Лео, который очень справедливо говоритъ: «гдѣ графы или comites являются во главѣ народа въ качествѣ вождей ополченія и—что съ этимъ связано—въ качествѣ предсѣдателей суда, тамъ древнее общинное устройство уступало мѣсто дружинному». Объ Аттилѣ повторяется, § 26, выдуманная позднѣйшими венгерскими писателями, которые почитаютъ его своимъ землякомъ, басня,

то онъ называлъ себя мечемъ Божіимъ, о чемъ не говоритъ и одинъ изъ современныхъ и даже послѣ него жившихъ лѣописцевъ. Также неосновательно извѣстіе, § 182, о происхожденіи турнировъ, будто-бы введенныхъ въ Германію короемъ Генрихомъ I. У всѣхъ воинственныхъ народовъ бываютъ оенныя игры; такія были безспорно у германцевъ еще при аролингахъ, и вѣроятно ранѣе; но настоящіе рыцарскіе турниры вошли въ употребленіе прежде всего во Франціи, только ъ XII столѣтіи. Здѣсь Лео ввелъ г. Смарагдова въ заблужденіе: онъ повторилъ выдумку Рикснера, который въ 1530 году здалъ книгу о турнирахъ, исполненную вздорныхъ извѣстій.)проверженіе находится у Дюканжа Glossarium mediae et ıfimae latinitatis s. v. torneamenta. Мы обращаемъ вниманіе а эти подробности потому, что отъ учебной книги можно и олжно преимущественно требовать точности и вѣрности свѣѣній. Подобныхъ недосмотровъ много въ книгѣ г. Смарагдова; о мы оставимъ ихъ, въ надеждѣ, что второе изданіе явится чищенное и исправленное по новымъ пособіямъ, которыми акъ богата теперь наука.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе: авторъ совершенно равъ, говоря, что исторія Среднихъ вѣковъ носитъ характеръ борьбы, что это періодъ броженія силъ молодой Европы; о едва-ли кто изъ занимавшихся основательно исторіею редникъ вѣковъ согласится со слѣдующими словами: «съ дной стороны, въ папствѣ духовныя силы стремятся овладѣть огдашнимъ міромъ, съ другой, физическія силы рыцарства и енной монархіи шагъ за шагомъ защищаютъ свое господство». Въ этомъ противоположеніи рыцарство и ленная монархія являются какъ-бы представителями неразумной, стиійной силы. Но въ основаніи рыцарства и имперіи въ средихъ вѣкахъ лежали также духовныя начала. Поэтому олько борьба императорской власти съ папскою, совершавшаяся ъ одно и то-же время въ области теорій и въ области полиической дѣйствительности, получила такое всемірно-историеское значеніе и такой величавый характеръ.

НАЧАЛО ПРУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

1. Geschichte des preussischen staats von G. A. Stenzel. T. 1—3. Hamburg. 1830—1841.

2. Geschichte deutschlands von 1806—1830, von Fr. Bulau. Hamburg. 1842.

Объ названныя здѣсь книги принадлежатъ къ извѣстному собранію сочиненій объ исторіи отдѣльныхъ европейскихъ государствъ, которое издавалось книгопродавцемъ Пертесомъ, подъ надзоромъ Герена и Укерта. Одинъ изъ редакторовъ умеръ, но имя его осталось на заглавномъ листѣ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, Геренъ, еще стоявшій въ числѣ героевъ германской науки, позволилъ Пертесу назвать его редакторомъ сборника, въ которомъ онъ, впрочемъ, не принималъ дѣятельнаго участія: славное имя ручалось за успѣхъ предпріятія. Теперь признательный книгопродавецъ нашелъ средство отплатить бывшему патрону. «Исторія европейскихъ государствъ», изданная Гереномъ и Укертомъ, надолѣе упрочитъ извѣстность редакторовъ, чѣмъ ихъ собственныя, старѣющія и далеко обойденныя новою наукою, изслѣдованія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ сочиненій, вошедшихъ доселѣ въ составъ «Исторіи европейскихъ государствъ», находятся превосходные труды, занимающіе первыя мѣста въ исторической литературѣ Германіи. Достаточно будетъ назвать исторію Италіи—Лео, Даніи—Дальмана, Швеціи—Гейера, Англіи—Лапенберга, Польши—Репеля. Не равняясь въ ученомъ достоинствѣ съ названными, исторія Пруссіи Штенцеля и Германіи съ 1806 — 1830 Бюлау по современной важности содержанія имѣютъ полное право на вниманіе читающей публики. Вслѣдствіе причинъ, очень понятныхъ, мы соединили обзоръ обоихъ сочиненій въ одной статьѣ. Съ половины прошлаго столѣтія судьбы Германіи преимущественно опредѣлены судьбою Пруссіи.

Первый, вышедшій въ 1830 году, томъ Штенцеля далеко не оправдалъ общихъ ожиданій. Авторъ, очевидно, работалъ не по источникамъ, а бралъ готовый матеріалъ у своихъ предшественниковъ. Почти половину тома занимаетъ ненужный разсказъ о тридцатилѣтней войнѣ, въ которомъ, въ добавокъ, нѣтъ ничего новаго; но отвѣтственность за недостатки книги не должна падать исключительно на Штенцеля, котораго превосходная монографія объ «Императорахъ Франконскаго дома» еще прежде поставила на ряду съ первоклассными нѣмецкими историками. Написать исторію Пруссіи до 1640 года невозможно, потому что такое сочиненіе противъ воли автора должно принять форму отдѣльныхъ статей. До 1640 г. прусскаго государства не было; существовали разбросанныя отъ Нѣмана до Рейна владѣнія Гогенцоллернскаго дома, соединенныя подъ общимъ правителемъ случайностію брачныхъ союзовъ, наслѣдствъ и дипломатическихъ сдѣлокъ, но чуждыя и внутренняго, народнаго единства, и внѣшней политической связи общихъ выгодъ. Что было общаго между подданными маркграфа бранденбургскаго и герцога прусскаго? Одни принадлежали къ системѣ нѣмецкой имперіи, другіе горою стояли за связь свою съ Польшею. У каждой области были свои права, свои особенности, свои частныя отношенія къ общему государю. Самое время соединенія большей части гогенцоллернскихъ земель способствовало къ удержанію ихъ въ состояніи обособленія и противоположности. Реформація, уничтоживъ единство, которымъ католицизмъ связывалъ Европу Среднихъ вѣковъ, вывела на поприще новые религіозно-политическіе интересы. Въ XVI столѣтіи эти интересы, не ясно сознанные, часто представляютъ странныя противорѣчія. Исторія государей Гогенцоллернскаго дома богата примѣрами противорѣчій такого рода. Въ 1539 году бранденбургскій курфирстъ Іоахимъ II перешелъ къ лютеранской церкви и черезъ восемь лѣтъ сталъ на сторонѣ Карла V, въ борьбѣ послѣдняго съ нѣмецкими протестантами, когда эта борьба приняла политическій характеръ. Ревностный приверженецъ новаго религіознаго начала, курфирстъ старался о сохраненіи старыхъ формъ жизни, неспособныхъ сдержать въ себѣ этого начала. Онъ отложился только отъ католическаго догмата, а не отъ стариннаго быта, проникнутаго и условленнаго католицизмомъ. Между приверженцами обоихъ главныхъ протестантскихъ исповѣданій существовала глубокая ненависть, которую напрасно старался уничтожить въ своихъ владѣніяхъ курфирстъ Іоаннъ Сигизмундъ, который, наконецъ, самъ перешелъ на сторону кальвинистовъ, къ великому соблазну боль-

шей части своихъ подданныхъ. По этому случаю въ Берл
поднялся народный мятежъ, а прусскіе чины имѣли нагл
объявить нарушителемъ общественнаго спокойствія кажд
кто не принадлежалъ къ лютеранской или католичес
церкви. При сынѣ Іоанна Сигизмунда, Георгѣ Вильгельмѣ,
чалась тридцатилѣтняя война. Время было строгое: оно
бовало отъ каждаго рѣшительнаго отвѣта на свои вопр
Надобно было сказать твердое да или нѣтъ, стать подъ
или другое знамя. Гогенцоллернскія земли распались на
враждебные стана: бранденбургскіе и прусскіе лютеране я
радовались неудачамъ богемскихъ кальвинистовъ; на Ре
преобладали ревностное реформатское убѣжденіе и искрен
преданность общему дѣлу протестантизма. Курфирстъ
сумѣлъ занять твердаго, опредѣленнаго началами положе
Лично онъ былъ усердный протестантъ, но когда рѣшеніе
временной задачи было предоставлено мечу, онъ сталъ
кимъ ратникомъ подъ знамя католическаго императора. Д
у себя въ государствѣ, онъ радѣлъ о пользахъ протестантиз
во внѣшней политикѣ онъ былъ его врагомъ. Онъ дум
что можно согласить два враждебныя начала, раздѣливъ
отрѣзавъ каждому свой участокъ. А между тѣмъ, ненав
ный ему родственникъ, великій Густавъ Адольфъ говор
«не ходите среднею дорогою, если хотите уберечь себя и
сударство. Спасеніе въ крайностяхъ» *). Курфирстъ не
слушалъ. До конца жизни игралъ онъ безславную, нейтр
ную роль и выпилъ до дна чашу унизительнаго наказа
Его владѣнія были разоряемы съ обѣихъ сторонъ. Ни пр
станты, ни католики не вѣрили ему. Въ 1640 году онъ ум
оставляя государство въ самомъ жалкомъ положеніи: ч
провинцій была занята шведами, другая имперцами. Све
того надлежало давать войска императору, деньги шведа
терпѣть оскорбленія отъ обоихъ. Несвязанныя части г
дарства готовы были разложиться при первомъ сильн
ударѣ. Тогда принялъ правленіе Фридрихъ Вильгельмъ,
слѣдствіи великій курфирстъ. Весь второй томъ Штенцел
сочиненія посвященъ царствованію Фридриха Вильгельма. Эт
томъ далеко превосходитъ первый. Самый предметъ
могалъ Штенцелю, который въ этотъ разъ удовлетвор
справедливымъ требованіямъ.

Изъ сказаннаго выше легко представить, въ какомъ т
номъ положеніи находился молодой курфирстъ по сме
отца. Его земли пострадали во время войны болѣе, ч

*) Слова Густава Адольфа.

земли князей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ борьбѣ. Одна Пруссія спаслась отъ общаго раззоренія. Но эта провинція, впослѣдствіи давшая свое имя всему государству, въ то время мало содѣйствовала къ приращенію могущества Гогенцоллернскаго дома. Курфирстъ, въ качествѣ прусскаго герцога, былъ вассаломъ Польши, и чины прусскіе, пользуясь этимъ отношеніемъ, упрямо ограничивали власть своихъ государей. Безпрерывныя апелляціи къ польскому королю на каждомъ шагу останавливали герцога. Тогдашнее прусское дворянство мало разнилось отъ польской шляхты и подобно ей своевольничало на сеймахъ; а въ городахъ, во главѣ которыхъ стоялъ Кенигсбергъ, господствовалъ строптивый духъ среднѣвѣковыхъ общинъ. По силѣ старыхъ земскихъ привилегій, за соблюденіе которыхъ ручалась Польша, герцогъ не могъ ни держать въ Пруссіи войскъ, набранныхъ въ другихъ его областяхъ, ни брать налоговъ безъ воли непокорныхъ сеймовъ, не опредѣлять чиновниковъ не-пруссаковъ; наконецъ его собственное вѣроисповѣданіе, кальвинизмъ, не было терпимо въ бывшихъ орденскихъ земляхъ и подвергалось жестокимъ, обиднымъ для властителя гоненіямъ соединенныхъ лютеранъ и католиковъ; словомъ, герцогъ, вслѣдствіе ленныхъ отношеній своихъ, стоялъ немногимъ выше обыкновеннаго богатаго магната. Предки Фридриха Вильгельма даже добивались чести польскаго индигената и принятія ихъ въ число государственныхъ чиновъ тогда еще сильнаго королевства. Въ другихъ гогенцоллернскихъ владѣніяхъ существовали также свои, хотя не такъ сильныя и надежно огражденныя, какъ въ Пруссіи, мѣстныя права, вынесенныя еще изъ среднихъ вѣковъ и стѣснявшія всякое развитіе и не односторонне-провинціальное направленіе центральной власти. Но время, когда эти права были священнымъ содержаніемъ и выраженіемъ полной народной жизни, уже прошло невозвратно. Въ XVII столѣтіи они держались какъ историческіе наросты, увѣчившіе и дробившіе государство на безконечное множество частныхъ, одна другой противоположныхъ цѣлей. Какъ карантины стояли они между землями и сословіями и останавливали свободное движеніе жизни, возникшей послѣ реформаціи.

Такимъ образомъ, великій курфирстъ получилъ въ наслѣдство отъ отца разоренныя войною и голодомъ владѣнія, власть, униженную безсмысленными ограниченіями, и позорныя внѣшнія отношенія. Черезъ сорокъ восемь лѣтъ онъ завѣщалъ сыну новое государство, отринувшее всѣ условія государства среднихъ вѣковъ, основанное не на природномъ началѣ національности, а на сознанномъ единствѣ разумныхъ

направленій. Онъ понялъ политическое значеніе реформ непрочность шведскаго могущества, доселѣ главнаго оп противъ католической реакціи, и смѣло сталъ во главѣ тестантовъ. Съ меньшею, быть можетъ, чистотой нравст ныхъ возбужденій, но съ равнымъ дарованіемъ и съ боль осторожностію занялъ онъ мѣсто дяди своего, Густава Адол Участь нѣмецкой имперіи была рѣшена образованіемъ мецкой державы, которая приняла въ себя всѣ стихіи но времени и, по возможности, отвѣчала на всѣ его требов Германія раздвоилась на двѣ системы: Австрія осталась сторонѣ католицизма и условленныхъ имъ формъ жи Пруссія взяла на часть развитіе и движеніе впередъ, к раго конецъ еще не виденъ. Гдѣ и какъ остановитъ она блистательный бѣгъ,—этого не въ состояніи сказать на ящее и едва-ли скажетъ будущее поколѣніе. Антагони религіозныхъ вѣрованій утратилъ теперь свою силу, но Пру вѣрная принятому въ XVII столѣтіи направленію, продолж развивать протестантское начало въ наукѣ и въ жизни. Фридриха Вильгельма начинается внутренній процессъ, к рымъ уничтоженъ въ гогенцоллернскихъ земляхъ прови лизмъ и создана искусственная, но сильная народность, знающая себя не въ общемъ происхожденіи отъ какого будь Прусса, а въ единствѣ государственной цѣли.

Многихъ лѣтъ и трудовъ стоила Фридриху Вильге закладка зданія, которое довелъ до кровли правнукъ Прежде всего надлежало сгладить упрямыя особенности м ныхъ и частныхъ правъ, безъ чего невозможно было с ствованіе новаго государства. Только по совершеніи э подвига могъ курфирстъ надѣяться на успѣшное оконч другого, т. е. на удержаніе за собою мѣста, которое онъ т отважно и самонадѣянно занялъ въ политической сист Европы. Въ преслѣдованіи этихъ двухъ главныхъ направл заключается глубокая занимательность и важность ист бранденбургскихъ владѣній отъ 1640 до 1688. Штенцель нялъ это и посвятилъ, какъ сказано выше, этому вре цѣлый томъ. Большею частію употребленнаго имъ мате обязанъ онъ старой, но превосходной книгѣ Самуила Пу лорфа De rebus gestis Friderici Wilhelmi magni electoris B denburgensis commentariorum libri XIX. Berol. 1694. Пуфендо были открыты государственные архивы, вскорѣ послѣ см великаго курфирста, его сыномъ, и ученый изслѣдова умѣлъ соединить съ терпѣливымъ трудолюбіемъ смѣл изложенія, замѣчательную и по соображенію обстоятельс при которыхъ онъ писалъ, и по времени, когда вышло с

неніе. Штенцелю оставалось только разобрать, привести въ порядокъ его извѣстія и дополнить ихъ, особливо для внутренней исторіи, другими данными.

Первымъ поводомъ къ непріязненному столкновенію Фридриха Вильгельма съ областными правами и сословіями были его денежныя требованія. Эти требованія были дѣйствительно чрезмѣрны: они надолго истощили вещественное благосостояніе народонаселенія и извинялись только необходимостію. Наиболѣе сопротивленія встрѣтилъ курфирстъ, разумѣется, въ Пруссіи, гдѣ сеймы постоянно протестовали противъ каждаго новаго налога, имѣя въ виду исключительно положеніе собственной провинціи и отрицая всякую общность интересовъ съ остальными бранденбургскими владѣніями. Въ упрямомъ эгоизмѣ своемъ прусскія сословія ссылались на обычай предковъ, на грамоты, данныя имъ прежними правителями, на всѣ оплоты, которыми ограждаетъ свое преходящее существованіе формальное историческое право. У великаго курфирста не было ничего такого: не на ветхихъ грамотахъ, не на примѣрахъ отцовъ основалъ онъ свои притязанія. Новое, неодолимое, жестокое время вело тяжбу съ стариною, и курфирстъ явился его полномочнымъ ходатаемъ. Онъ выигралъ формально неправую тяжбу и не искалъ юридическаго оправданія для своего дѣла. Впослѣдствіи совершенное имъ дѣло оправдало его. Для противниковъ, для современниковъ, вообще, онъ могъ и долженъ былъ казаться самоуправнымъ эгоистомъ, но содержаніемъ его эгоизма были идеи, которыя легли въ основаніе прусскаго государства. До 1657 года отношенія къ Польшѣ заставляли Фридриха Вильгельма поступать очень осторожно и уклончиво въ герцогствѣ. Въ этомъ году велаускій и бромбергскій договоры сняли съ него иго ленной зависимости отъ Польши и дали ему возможность дѣйствовать рѣшительнѣе. Изъ польскаго вассала онъ сталъ настоящимъ государемъ. Но это новое положеніе не тотчасъ и не безъ тяжелой борьбы было признано непривычными подданными. Пруссаки не хотѣли дать новой присяги, измѣнявшей ихъ обычныя отношенія къ герцогу. Начальниками оппозиціи были два замѣчательные человѣка: полковникъ Христіанъ Кальк-штейнъ, отъ дворянства, и кенигсбергскій бюргермейстеръ Іеронимъ Роде, отъ городовъ. На сеймѣ 1661 года оппозиція высказала вполнѣ свое направленіе: она не хотѣла разрывать связей Пруссіи съ Польшею и отправила депутацію въ Варшаву къ королю Іоанну Казимиру съ просьбою о заступничествѣ, съ обѣщаніемъ присоединить совершенно къ его королевству бывшія орденскія земли въ случаѣ, если онъ согла-

сится на требованія депутатовъ и дастъ войско для вооруженнаго сопротивленія курфирсту. Къ счастію для послѣдняго, при польскомъ дворѣ были сильныя партіи, и король былъ слабъ. Коронный гетманъ Любомирскій, подкупленный Фридрихомъ Вильгельмомъ, держалъ горячо его сторону. Курфирстъ съ своей стороны не терялъ времени, не жалѣлъ ни денегъ, ни обѣщаній, и дѣйствовалъ съ грозною рѣшительностью. Часть членовъ сейма не устояла противъ его искушеній и стала за него. Въ рядахъ оппозиціи господствовало несогласіе: дворянство ссорилось между собою и съ городами. Несмотря на все это, жители Кенигсберга дошли до того, что подняли оружіе и готовы были вступить въ бой съ стоявшимъ у нихъ гарнизономъ. Курфирстъ прибылъ лично въ непокорный городъ и потребовалъ выдачи ему Іеронима Роде, котораго онъ, не безъ основанія, почиталъ зачинщикомъ кенигсбергскихъ смутъ. За отказомъ жителей послѣдовало неудачное покушеніе взять бюргермейстера силою. Наконецъ, 30-го октября 1662 года, курфирстъ, подъ предлогомъ совѣщанія, созвалъ гражданъ въ ратушу: между тѣмъ полковникъ Гилле съ сотнею всадниковъ и обозомъ выступилъ изъ замка и пошелъ къ городскимъ воротамъ. Вдругъ онъ свернулъ въ сторону, заперъ своими телѣгами улицу, гдѣ жилъ Роде, нимало не подозрѣвавшій опасности, и взялъ его подъ стражу. Пока всадники удерживали сбѣжавшійся народъ, арестанта успѣли отвести въ замокъ, изъ оконъ котораго курфирстъ и князья Ангальтъ-Дессау и Радзивиллъ смотрѣли на то, что происходило. Три тысячи солдатъ съ заряженными и направленными противъ города пушками выстроились на дворцовой площади. На замкѣ было поднято кровавое знамя. Послѣ нѣсколькихъ тяжелыхъ дней городъ покорился. Роде, для суда надъ которымъ была наряжена особая комиссія, былъ уличенъ въ государственной измѣнѣ, хотя собственная совѣсть и общее мнѣніе оправдывали его. «Innocens et magnanimus vir,» по выраженію умнаго и благороднаго современника, поляка Залусскаго. Шестнадцать лѣтъ провелъ онъ въ крѣпости, не измѣнивъ глубокому убѣжденію. Курфирстъ не могъ не оцѣнить и не уважать его. Онъ предложилъ ему свободу, съ тѣмъ только, чтобы онъ попросилъ милости. Бывшій кенигсбергскій бюргермейстеръ отвѣчалъ, что онъ долженъ быть освобожденъ по праву и не нуждается въ милосердіи. Онъ умеръ въ своемъ заточеніи, въ 1678 году. Ровно черезъ два года послѣ описанныхъ событій, чины герцогства присягнули Фридриху Вильгельму на полное подданство, но воспоминанія о прежнемъ и надежды на будущее, въ которомъ прусскіе

патріоты безумно надѣялись воскресить невоскресающее, не угасли. Эти воспоминанія и надежды поддерживались поляками, ненавидѣвшими курфирста за его дѣйствія во время шведской войны, и Калькштейномъ, который, наконецъ, бѣжалъ въ Варшаву и дѣйствовалъ оттуда.

Участь послѣдняго составляетъ любопытный эпизодъ тогдашней исторіи. Полковникъ Христіанъ Калькштейнъ и отецъ его, генералъ-лейтенатъ Альбрехтъ Калькштейнъ, пользовались особенною милостію Фридриха Вильгельма до самаго начала его споровъ съ прусскими чинами. Знатность рода, богатство, заслуги и рѣдкія дарованія, соединенныя съ необыкновенной силою воли, давали имъ полное право на высшія мѣста въ государствѣ. Еще во время шведской войны молодой Калькштейнъ былъ начальникомъ коннаго полка, даннаго ему курфирстомъ. Черезъ годъ отношенія ихъ измѣнились. Оба Калькштейны стали во главѣ дворянской оппозиціи на сеймахъ и рѣзко высказали свои убѣжденія. Отецъ умеръ до рѣшенія борьбы за старое право; сынъ, грозившій въ запальчивости покушеніемъ на жизнь Фридриха Вильгельма, былъ приговоренъ къ смерти и помилованъ только по ходатайству супруги курфирста. Свобода и имѣніе были возвращены ему послѣ годичнаго заточенія; но онъ не могъ остаться праздднымъ свидѣтелемъ перемѣнъ, которыя совершались въ его родинѣ. Въ мартѣ 1670 года онъ является въ Варшавѣ, при дворѣ новаго короля Михаила, гдѣ уже находился сынъ Роде. Не одна личная опасность привела ихъ въ Польшу: они принесли туда съ собою задушевную мысль о возстановленіи старины и непримиримую вражду къ своему герцогу. Въ особенности былъ опасенъ Калькштейнъ, человѣкъ въ высшей степени даровитый, смѣлый и съ обширными связями въ королевствѣ и въ герцогствѣ. Курфирстъ требовалъ отъ короля Михаила выдачи мятежнаго подданнаго. Разсказъ Штенцеля объ этихъ переговорахъ и о трагическомъ концѣ Калькштейновыхъ усилій основанъ на оффиціальныхъ актахъ и хорошо характеризуетъ съ одной стороны—дѣйствующія личности, съ другой—печальное состояніе тогдашней Польши. Фридрихъ Вильгельмъ, какъ сказано выше, требовалъ чрезъ своего резидента въ Варшавѣ, Бранта, выдачи Калькштейна.

«Король устранилъ это требованіе подъ предлогомъ, что Калькштейнъ прибылъ въ Варшаву только для принятія польскаго полка, ему прежде даннаго. Ожесточенный Калькштейнъ съ своей стороны дурно отзывался о курфирстѣ, хлопоталъ объ уничтоженіи бромбергскаго договора и хвалился тѣмъ, что заставитъ курфирста снова признать Пруссію польскимъ ле-

номъ. Онъ могъ при этомъ положиться на содѣйствіе многихъ поляковъ, которые, вслѣдствіе событій шведской войны, ненавидѣли Фридриха Вильгельма. Послѣдній написалъ собственноручно къ королю и повторилъ требованіе о выдачѣ ему Калькштейна, какъ нарушившаго присягу измѣнника. Прусское правительство выслало въ тоже время резиденту Бранту копію съ дѣла, которое производилось противъ Калькштейна, для того, чтобы его преступленія были извѣстны королю и сенаторамъ. Вторичный отказъ короля усилилъ заносчивость Калькштейна и Роде... Удаленный на нѣсколько времени отъ двора по настояніямъ прусскаго резидента, Калькштейнъ возвратился въ Варшаву къ открытію сейма. Онъ, казалось, успокоился, просилъ Бранта ходатайствовать за него предъ курфирстомъ и обѣщалъ ничего не предпринимать съ своей стороны. Черезъ нѣсколько дней онъ подалъ королю и сейму, отъ имени прусскихъ чиновъ, двѣ грамоты, въ которыхъ чины просили, самымъ обиднымъ для курфирста языкомъ, объ освобожденіи ихъ отъ тяготѣвшаго надъ ними ига. Сеймовой маршалъ прочелъ публично эти грамоты и вмѣстѣ съ ними рѣчь Калькштейна, исполненную колкихъ выходокъ противъ курфирста. Вслѣдъ за тѣмъ Брантъ подалъ ѣхавшему въ сенатъ королю ноту, въ которой требовалъ, чтобы Калькштейна допросили, отъ кого онъ получилъ полномочіе на подачу прусскихъ грамотъ. Въ случаѣ, если бы такого полномочія не оказалось, резидентъ обвинялъ Калькштейна въ подлогѣ и измѣнѣ, и полагалъ необходимою выдачу его курфирсту для заслуженной казни. Коронный референдарій собирался по приказанію короля прочесть на сеймѣ Брантову ноту, но Калькштейнъ, настроенный вице-канцлеромъ, взошелъ на ступени трона, вырвалъ бумагу изъ рукъ референдарія, стоявшаго подлѣ самого короля, и потомъ сошелъ спокойно внизъ. Референдарій закричалъ своему секретарю, чтобы онъ далъ пощечину полковнику; секретарь не рѣшился этого сдѣлать. Между тѣмъ Калькштейнъ прочелъ Брантову ноту, и передалъ ее вице-канцлеру, который, прочитавъ въ свою очередь, сказалъ, что рѣшеніе дѣла принадлежитъ не сейму, а обыкновенному польскому суду, который разберетъ споръ между курфирстомъ и его подданными.

Переходъ Калькштейна къ католицизму доставилъ ему новое и могущественное покровительство польскаго духовенства. Встревоженный курфирстъ уполномочилъ своего резидента въ Варшавѣ на крайнія мѣры, для исполненія которыхъ къ нему былъ тайно присланъ конный отрядъ, подъ начальствомъ капитана Монгомери. Нѣсколько подкупленныхъ

оляковъ знали обо всемъ и обѣщали помочь въ случаѣ
ужды. Неосторожный Кадькштейнъ сдѣлался жертвою на-
лія, котораго возможность объясняется только тогдашнимъ
ложеніемъ Польши и общимъ характеромъ дипломатовъ
VII-го вѣка, вовсе неразборчивыхъ въ выборѣ средствъ.
рантъ зазвалъ къ себѣ Калькштейна и, среди бѣлаго дня,
елѣлъ скрытымъ у него солдатамъ связать несчастнаго
стя, завернуть его въ коверъ и вынести въ приготовленный
акрытый экипажъ. За городомъ плѣнника посадили на ло-
адь и такимъ образомъ доставили въ Пруссію. Послѣ четы-
ехдневныхъ напрасныхъ поисковъ, участь полковника откры-
ась, и общее негодованіе поднялось противъ Фридриха Виль-
ельма и его агентовъ. Король былъ лично оскорбленъ; вице-
анцлеръ и литовскій гетманъ Пацъ, поддерживаемые силь-
ою партіею, требовали войны и взятія подъ стражу Бранта.
ослѣдній долженъ былъ бѣжать изъ Варшавы. Но начатые
о этому случаю переговоры не привели ни къ какимъ ре-
ультатамъ: курфирстъ далъ остыть жару своихъ праговъ,
дѣлалъ нѣсколько наружныхъ уступокъ и настоялъ на
воихъ требованіяхъ. Для удовлетворенія польскихъ жалобъ,
рантъ и его сообщники были преданы суду и приговорены
ъ строгимъ наказаніямъ. Судьи и подсудимые были, впро-
емъ, увѣрены, что они играютъ роли въ комедіи заранѣе
бдуманной, и были равно спокойны насчетъ развязки. Брантъ
ровелъ два года въ праздности, потомъ возвратился ко
вору, гдѣ его ожидали почести и великолѣпныя награды
а оказанную имъ услугу. Онъ постоянно пользовался довѣ-
іемъ курфирста, и занималъ впослѣдствіи очень важныя
мѣста.

Не такъ судили Калькштейна. Его привезли въ Мемель, и комиссія, составленная изъ членовъ, которыхъ мнѣнія заранѣе опредѣлили участь подсудимаго, произнесла смертный приговоръ. Курфирстъ подтвердилъ его. Кальштейнъ умеръ спокойно, даже весело. Онъ только просилъ разгнѣваннаго государя не оставить милостью бѣдную вдову и сиротъ, невинныхъ въ преступленіяхъ отца и мужа. Штенцель сообщаетъ о его послѣднихъ минутахъ нѣсколько любопытныхъ подробностей, взятыхъ изъ современнаго, ненапечатаннаго свидѣтельства. Борьба кончилась этой кровавой развязкой. Роде и Калькштейнъ пали жертвами искреннихъ, но односторонніхъ и ограниченныхъ убѣжденій. Не собственная вина, а несчастное дѣло, за которое они стояли, обрекло ихъ на гибель. Ихъ вина заключалась только въ превосходствѣ дарованій и въ силѣ убѣжденій, не допускавшихъ ни-

какихъ уступокъ, никакихъ сдѣлокъ съ современностію. одни стоили гнѣва и казни. Когда ихъ голоса умолкли, Пру вошла гибкимъ и послушнымъ членомъ въ организмъ но государства. Современники жестоко порицали Фридриха В гельма; потомство молча оправдало его, хотя оно не м отказать въ участіи падшимъ защитникамъ старины. просъ этотъ разрѣшается просто и ясно. Въ случаѣ, есл курфирстъ проигралъ свое дѣло, если-бы побѣда пере на сторону его противниковъ — Прусскаго государств было-бы.

Несравненно легче достигъ Фридрихъ Вильгельмъ с цѣли въ остальныхъ гогенцоллернскихъ земляхъ. Тольк Пруссіи борьба центральной власти съ мѣстными и сос ными особенностями приняла трагическій характеръ. Въ гихъ областяхъ устарѣлыя, истлѣвшія учрежденія не вы жали первыхъ ударовъ, и развалились. Главный трудъ стоялъ теперь въ расчисткѣ этихъ развалинъ, которыхъ стройныя груды продолжали стѣснять свободное развитіе выхъ жизненныхъ формъ. Къ концу своего царствованія ликій курфирстъ могъ сказать еще съ бо́льшимъ, быть жетъ, чѣмъ Людовикъ XIV, правомъ: l'état c'est moi. Въ момъ дѣлѣ, онъ былъ тогда монархъ, государь въ томъ номъ смыслѣ, который исторія дала этому слову. далъ своему народу единство: остальное совершилось с собою.

Государство было признано внутри; враждебные элеме его умѣрены; но надобно было доставить ему признан уваженіе извнѣ. Надобно было пріучить Европу къ мыс новой и сильной державѣ, между тѣмъ какъ самое сущес ваніе этой державы было еще только замысломъ основат Смѣлостью предпріятій, ловкостью и удачею исполненій фирстъ достигъ и этой цѣли. Общественное мнѣніе пре ложило, что у него гораздо болѣе силъ. чѣмъ ихъ было самомъ дѣлѣ, и въ свою очередь сдѣлалось однимъ средствъ его могущества. Исторія сношеній великаго фирста съ иностранными государствами превосходно обр тана Штенцелемъ, и составляетъ лучшую часть его кн Здѣсь вполнѣ высказывается характеръ Фридриха Вильгел составленный изъ самыхъ противоположныхъ качествъ— хитрости, соображающей для собственной пользы малѣ политическія обстоятельства, осторожности, часто пр мающей видъ робости, и смѣлости, готовой на дѣла, т ность которыхъ остановила-бы государей съ гораздо б шими способами исполненія.

Еще во время вестфальскихъ переговоровъ обнаружилъ онъ этотъ характеръ. Онъ требовалъ чрезъ своихъ дипломатовъ въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ такихъ вознагражденій за утраты, понесенныя отцомъ и имъ во время войны, которыхъ несоразмѣрность равно возбудила негодованіе въ представителяхъ Австріи Швеціи, Франціи и нѣмецкихъ княжествъ. Въ 1646 году, воевавшія стороны готовы были соединиться противъ него и принудить его силою къ болѣе справедливымъ условіямъ. Курфирстъ уступилъ, но при заключеніи мира онъ съумѣлъ удержать за собою почти все, чего требовалъ, хотя впослѣдствіи не переставалъ жаловаться на то, что съ нимъ беззаконно поступили. Другіе нѣмецкіе князья были въ самомъ дѣлѣ обижены, и гораздо менѣе роптали на свою участь.

Вестфальскій миръ не надолго успокоилъ Европу. Швеція нуждалась въ войнѣ, потому что война была условіемъ ея искусственнаго, не изъ естественныхъ силъ народа вышедшаго величія. Въ 1654 преемникъ Христины, Карлъ X, уже былъ готовъ напасть на Польшу, которая по внутреннему состоянію представляла самое удобное поприще для подвиговъ и завоеваній. Графъ Шлиппенбахъ былъ отправленъ Карломъ X къ курфирсту съ предложеніемъ союза. Шведы обѣщали Фридриху Вильгельму часть будущихъ, но вѣрныхъ завоеваній въ Польшѣ, за что онъ, съ своей стороны, долженъ былъ уступить имъ прусскія гавани. Важность и неосторожность подобной уступки была очевидна. На возраженія курфирста относительно справедливости предлагаемой сдѣлки, Шлиппенбахъ далъ характерный для дипломатіи XVII-го столѣтія отвѣтъ. Положеніе Фридриха Вильгельма было самое затруднительное. Онъ не могъ остаться нейтральнымъ, а дѣятельное участіе къ предстоявшей войнѣ могло быть гибельнымъ для него. Ему угрожала равная опасность въ случаѣ побѣды шведовъ и поляковъ. Польша не простила-бы ему нарушенія ленной присяги. Средства къ отмщенію были у нея въ рукахъ: ей стоило только вмѣшаться въ прусскія дѣла. Съ другой стороны, утвержденіе шведскаго могущества по сю сторону Балтійскаго моря обрекало бранденбургскихъ князей на второстепенное политическое положеніе, и могло имѣть еще худшія послѣдствія. Карлъ X былъ безпокойный, опасный сосѣдъ. Между тѣмъ носились слухи, что Польша собирается отвратить отъ себя близкую грозу, уступивъ Карлу X свои права на Пруссію; что она даже готова помочь ему силою въ случаѣ войны съ курфирстомъ. Курфирстъ не долго колебался. Онъ заключилъ

въ одно и тоже время два союза: одинъ со Швецію противъ Польши, другой съ Голландіею противъ Швеціи. Война продолжалась пять лѣтъ, и не менѣе пяти разъ переходилъ Фридрихъ Вильгельмъ отъ одной стороны къ другой. И всякій переходъ его былъ ознаменованъ новыми выгодами и пріобрѣтеніями. Рѣшеніе борьбы находилось къ концу въ его рукахъ. Казалось, что Швеція и Польша наперерывъ старались усилить его, что только для этого вели онѣ войну между собою. Карлъ предлагалъ ему, цѣною союза, титулъ короля и значительную часть Польши; Іоаннъ Казиміръ освобождалъ его отъ ленной зависимости. Уже тогда возникла мысль о раздѣлѣ польскаго королевства: участниками въ предлагаемомъ раздѣлѣ были царь Алексѣй Михайловичъ, императоръ, Швеція и Бранденбургъ. Курфирстъ прежде другихъ отступился отъ этой мысли: онъ сталъ въ ряду самостоятельныхъ государей, и предпочиталъ сосѣдство съ ослабленной и униженною Польшей всякому другому. Такимъ образомъ война, которой начало грозило бѣдами курфирсту, принесла пользу ему одному. Вотъ почему онъ такъ долго и упорно уклонялся отъ мира, который возвратилъ-бы его къ обыкновеннымъ отношеніямъ. Онъ былъ вѣренъ своей цѣли, и не много заботился о нравственномъ значеніи поступковъ. Самъ никому не вѣрилъ, да и ему не многіе вѣрили: таковъ былъ вѣкъ. У него былъ одинъ только твердый и искренній союзникъ, король датскій, соединившій открыто свою судьбу съ мятежною судьбою курфирста; но когда послѣднему представился удобный случай, онъ заключилъ отдѣльный миръ. За то копенгагенская чернь едва не убила бранденбургскаго посла.

Небольшая, но превосходно устроенная и всегда готовая къ бою армія давала Фридриху Вильгельму постоянный перевѣсъ надъ прочими, менѣе сильными и дѣятельными, нѣмецкими князьями. Ни въ одно столѣтіе новой европейской исторіи не было столько войнъ, сколько въ XVII. Военная сила стала главною основою политическаго значенія. Такимъ образомъ, Швеція, безъ внутреннихъ условій могущества, стала во главѣ сѣверо-восточной Европы, потому только, что у нея со временъ Густава Адольфа было всегда наготовѣ отличное войско. Издержки на содержаніе этого войска далеко превышали средства шведскаго народа, но оно само вырабатывало себѣ нужное, съ избыткомъ, въ безпрерывныхъ браняхъ. Примѣръ Швеціи нашелъ подражателей. Собственно это было явленіе уже не новое. Еще въ Средніе вѣка италіанскіе кондотьеры, нѣмецкіе ландскнехты и швейцарцы вели войну ради выгодъ, которыя она доставляетъ. Въ службѣ

каждаго государя были толпы вооруженныхъ наемниковъ, которымъ онъ довѣрялъ болѣе, чѣмъ своему рыцарству и земскому ополченію. Они были опытнѣе въ своемъ дѣлѣ и надежнѣе. Нерѣдко начальники такихъ вольныхъ дружинъ играли важную роль въ политическихъ переворотахъ. Стоитъ вспомнить Сфорцу Миланскаго и нѣмецкаго рыцаря Франца фонъ-Зикингенъ, который при началѣ реформаціи едва не далъ новой формы всей нѣмецкой жизни. Французскія междоусобія XVI вѣка и тридцатилѣтняя война не дали исчезнуть обычаю и провели его въ новую исторію. Графъ Мансфельдъ, Христіанъ Брауншвейгскій, Валленштейнъ и Бернгардъ Веймарскій были кондотьеры, но въ огромномъ размѣрѣ. Во второй половинѣ XVII столѣтія система военныхъ наймовъ получила новое развитіе. Мелкіе нѣмецкіе князья стали держать довольно значительныя арміи, которыми они, въ настоящемъ смыслѣ слова, торговали. Они продавали свои полки Франціи, Австріи, Нидерландамъ—не заботясь о вопросѣ, который рѣшался оружіемъ. Замѣчательнѣе другихъ былъ Бернгардъ фонъ-Галенъ, епископъ мюнстерскій. Несмотря на тѣсные предѣлы его владѣній, у него было подъ ружьемъ 20,000 человѣкъ. При дворѣ воинственнаго прелата не прекращались дипломатическіе происки, обыкновенная принадлежность дворовъ гораздо большихъ государствъ. Союзъ съ нимъ былъ предметомъ исканій императора, Людовика XIV и Голландіи. Епископъ бралъ деньги со всѣхъ. Впрочемъ, въ началѣ слѣдующаго столѣтія, нашелся нѣмецкій государь, который превзошелъ Бернгарда въ этомъ отношеніи. Курфирстъ саксонскій и король польскій Августъ, во время войны за испанское наслѣдство, продавалъ саксонскіе полки кому угодно, и самъ получалъ жалованье за солдатъ, между тѣмъ какъ его собственныя земли раззорялись шведами. Въ этомъ отношеніи Фридрихъ Вильгельмъ былъ гораздо чище другихъ князей. При всей измѣнчивости своей политики, онъ никогда не прибѣгалъ къ подобнымъ средствамъ, никогда не былъ наемнымъ слугою чужихъ интересовъ, и подданные его дрались только за честь и выгоды собственной земли.

Самую блестящую эпоху въ политической дѣятельности Фридриха Вильгельма составляетъ промежутокъ 1671—1679 гг. Въ это время онъ сталъ безконечно выше всѣхъ современныхъ ему государей не по однимъ дарованіямъ и удачамъ, но по благородному и твердому положенію, которое онъ занялъ относительно всемощной Франціи. Война 1668 года обнаружила съ одной стороны грозные Европѣ планы Людовика XIV, съ другой—важное значеніе голландской республики,

указавшей предѣлы завоеваніямъ королевскихъ армій. Людовикъ не могъ забыть обиды, и понялъ, что конечное ослабленіе Голландіи есть необходимое условіе его собственнаго могущества. Къ этой цѣли были направлены всѣ движенія французской дипломатіи. Въ 1671 намѣренія Людовика уже не были тайною, и успѣхъ ихъ почти обезпеченъ. Большая часть нѣмецкихъ князей была на сторонѣ Франціи, которой вліяніе въ Германіи далеко превышало императорское; Англія явно готовилась помогать врагамъ республики; подкупленный австрійскій министръ Лобковичъ убѣдилъ императора Леопольда подписать договоръ, который обязывалъ его къ соблюденію строгаго нейтралитета; Швеція за 600,000 талеровъ ежегодныхъ субсидій обѣщала немедленно занять владѣнія членовъ германскаго союза, которыхъ помощь могла-бы принести пользу обреченнымъ гибели Штатамъ. Можно навѣрно сказать, что въ цѣлой Европѣ не было ни одного министра иностранныхъ дѣлъ, не бравшаго денегъ отъ французскаго правительства. Этого мало — не только мелкіе нѣмецкіе князья, но сильные властители, какъ Карлъ II въ Англіи и нѣкоторые изъ курфирстовъ, получали лично пенсіоны отъ Людовика XIV, и стояли къ нему въ отношеніи самой унизительной зависимости. Еще за нѣсколько лѣтъ до начала войны съ Голландіею, писалъ въ донесеніи къ своему правительству знаменитый англійскій дипломатъ Вильямъ Темпль: «Мы должны обратить вниманіе не столько на настоящее великое могущество Франціи, сколько на силу ума и геній, съ какими нынѣшній король и его министры ведутъ дѣла свои. Изъ писемъ французскихъ пословъ, перехваченныхъ или купленныхъ маркизомъ Кастель-Родриго (правитель Испанскихъ Нидерландовъ), ясно, что отъ Италіи и Португаліи до Польши, въ цѣломъ христіанскомъ мірѣ, нѣтъ уголка ими не замѣченнаго и не вошедшаго въ составъ ихъ политическихъ соображеній». На основаніи матеріаловъ, обнародованныхъ въ послѣдніе годы Капфигомъ, Минье и другими французскими учеными, можно было-бы составить очень любопытную смѣту суммъ, употребленныхъ Людовикомъ XIV на подкупы, составлявшіе одно изъ главныхъ средствъ его политики.

Среди общаго паденія устоялъ одинъ бранденбургскій курфирстъ. Онъ тотчасъ предложилъ помощь свою Нидерландскимъ Штатамъ, несмотря на непріязнь, которая существовала между нимъ и тогдашнимъ правительствомъ республики. Въ то-же время онъ старался открыть глаза нѣмецкимъ князьямъ и указать имъ всю важность предстоявшаго вопроса и опасность, грозившую Германіи. Его не послушали, такъ

отецъ его не послушалъ Густава Адольфа. Императоръ, нутый продажными совѣтниками, наружно уступилъ угро- курфирста, который объявилъ, что въ случаѣ, если рія не выставитъ войско противъ французовъ, онъ рѣ- льно перейдетъ на сторону Людовика XIV и подѣлится имъ неизбѣжными завоеваніями въ Нидерландахъ и Гер- и. Подобныя предложенія со стороны Франціи были имъ не разъ отвергнуты. Австрійскій отрядъ двинулся, дѣй- ельно, къ берегамъ Рейна, но генералы получили тайное азаніе избѣгать всякаго дѣла. Положеніе Фридриха Виль- іа стало еще хуже. Онъ одинъ стоялъ съ полнымъ созна- ь за свободу Германіи и Европы, но борьба была не по гъ молодому государству. Голландія не платила обѣщан- субсидій и вела отдѣльные переговоры; Польша и Шве- розили войною; Рейнскіе князья настоятельно требовали кныхъ вознагражденій за убытки, причиненные имъ при- вѣемъ бранденбургскихъ войскъ въ ихъ земляхъ, между какъ часть собственныхъ владѣній курфирста находи- въ рукахъ французовъ, разорявшихъ ихъ по произволу. ѣдующія событія извѣстны. Высокій примѣръ Фридриха гельма далъ, наконецъ, общее направленіе европейскимъ есамъ; планы Людовика удались только въ половину, и Шве- вызванная имъ на театръ войны, проиграла Фербеллинское еніе. Эта битва, въ которой съ обѣихъ сторонъ было не е 20,000 человѣкъ, принадлежитъ къ великимъ событіямъ й исторіи. Шведы утратили славу непобѣдимости, главное зіе ихъ могущества, и на цѣлую четверть вѣка, до походовъ а XII, были отрѣшены отъ незаконнаго вліянія на дѣла Европы; ѣдниками ихъ военной славы были фербеллинскіе побѣдите- Фридрихъ Вильгельмъ и его армія. О впечатлѣніи, произве- мъ этою побѣдою, можно судить по опасеніямъ Вѣнскаго ъ, чтобы при Балтійскомъ морѣ не возникло новое Ван- кое царство: «caesari haud placere regnum Vandalicum ad mare um exsurgere»,—сказалъ открыто президентъ австрійскаго наго совѣта. Изъ подобныхъ опасеній произошли труд- и, встрѣченныя курфирстомъ при заключеніи мира. На ь разъ онъ не вынесъ изъ борьбы ничего, кромѣ славы. отря на частыя сближенія съ Франціей, великій курфирстъ ися вѣренъ политическимъ идеямъ, которыя заставили юднять оружіе въ 1672 году. Искусительныя предложенія вика XIV, поколебавшія его ближайшихъ совѣтниковъ, которыхъ многіе получали жалованье отъ французскаго ля, не соблазнили его. Онъ началъ оппозиціонное на- еніе, котораго заключеніемъ была война за испанское

наслѣдство, а по странному рѣшенію судьбы, въ самый годъ кончины Фридриха Вильгельма вступилъ на англійскій престолъ его племянникъ и продолжатель, Вильгельмъ III.

Не даромъ сказалъ Фридрихъ II, склоняясь предъ могилою дивнаго предка: celui-ci a beaucoup fait. Во всѣхъ направленіяхъ государственной дѣятельности указалъ онъ прямой путь своимъ преемникамъ, и ни одному изъ нихъ не удалось безнаказанно свернуть въ сторону. Есть одна мало оцѣненная часть дѣятельности великаго курфирста. Мы говоримъ объ его участіи въ умственномъ движеніи вѣка, о его уваженіи въ наукѣ, съ вольнымъ развитіемъ которой связаны отнынѣ слава и значеніе Прусскаго государства. Курфирстъ понялъ и оцѣнилъ эту новую силу, входившую въ жизнь народовъ, образовательнымъ началомъ изъ затворничества, въ какомъ держали ее средніе вѣка. Это пониманіе обнаружилось въ величавой, хотя фантастической формѣ, въ намѣреніи Фридриха Вильгельма основать всемірный университетъ. Мысль объ этомъ сообщилъ курфирсту Бенедиктъ Скиште, шведскій государственный совѣтникъ, ученый энтузіастъ, вѣроятно, вовсе не ожидавшій найти покровителя въ государѣ, котораго извѣданный практическій умъ, повидимому, былъ чуждъ всякой мечтательности. Памятникомъ ихъ общихъ предположеній остался изданный на латинскомъ языкѣ 22-го апрѣля 1667 г. и подписанный курфирстомъ, уставъ новаго университета. Въ началѣ положена цѣль основателей—доставить ученымъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, безъ различія религіозныхъ и политическихъ убѣжденій, пріютъ, гдѣ каждому было-бы возможно развивать науку независимо отъ внѣшнихъ стѣснительныхъ вліяній. Ученые евреи и магометане допускаются также, но съ условіемъ не распространять своихъ вѣрованій. Городъ Тангермюнде, на Эльбѣ, предоставленъ въ полное распоряженіе ученой республикѣ, подвѣдомой одному курфирсту. Съ этою цѣлью городъ освобожденъ отъ всякихъ государственныхъ повинностей, и сверхъ того Фридрихъ Вильгельмъ собирался войти въ сношенія съ иностранными дворами, и просить ихъ о признаніи всемірнаго университета и объ обезпеченіи ему вѣчнаго нейтралитета среди войнъ, которыхъ перевороты могли остановить труды мирныхъ служителей науки. Несмотря на всѣ эти мѣры и на приготовленный капиталъ, европейскіе ученые не отозвались на приглашеніе государя, котораго средства еще далеко не равнялись съ его замыслами. Подробныя извѣстія объ этомъ любопытномъ предметѣ находятся въ книгѣ Эрмана Sur le projet d'une ville savante dans de Brandenbourg. Berlin, 1792.

Третій томъ Штенцеля содержитъ въ себѣ царствованіе ухъ королей прусскихъ. Кому не извѣстны эти двѣ стран-ія, совершенно противоположныя историческія личности? лабый, роскошный Фридрихъ I, и его суровый до жестокости инъ—оба безсознательно ведшіе государство къ его великому изначенію. Вмѣстѣ съ землями великаго курфирста наслѣ-овали они созданную имъ систему. Каждый изъ нихъ по-илъ ее односторонне, и развивалъ по своему; но основы ротестантскаго государства были уже крѣпки, и односторон-ость правителей не могла поколебать ихъ. Въ слѣдующей нижкѣ Москвитянина мы познакомимъ читателей съ оконча-тельными результатами Штенцелевыхъ изслѣдованій и съ нигою Бюлау *).

*) Это обѣщаніе не было исполнено Грановскимъ.

Волинъ, Іомсбургъ и Винета.

Историческое изслѣдованіе.

Диссертація на степень магистра (1845 г.).

Со второй половины IX-го столѣтія начинается въ жизн скандинавскихъ племенъ великій переломъ, кончившійся па деніемъ древняго языческаго быта. При крѣпости и неуступ чивости сѣвернаго духа, переломъ этотъ не могъ совер шиться скоро и безъ мучительныхъ потрясеній организма, в которомъ онъ происходилъ. Предъ паденіемъ своимъ Оди низмъ еще вспыхнулъ яркимъ и грознымъ блескомъ, и в то самое время, когда первые христіанскіе проповѣдники про никли въ лѣса и пустыни скандинавскаго міра, у берегов западной Европы явились гости другого рода, послѣдніе рат ники и писатели вездѣ побѣжденнаго язычества, норманскі викинги. Но не одно христіанство грозило разрушеніемъ древ нему скандинавскому быту: его колебали другія перемѣны обновленія въ народной жизни. Въ X столѣтіи мелкія вла дѣнія (fylki), на которыя дотолѣ былъ разбитъ полуостровъ стали слагаться въ три большія политическія массы. Перево ротъ государственный совершался современно съ религіознымъ Гаральдъ Прекрасноволосый, истребитель самостоятельныхъ норвежскихъ ярловъ и прежней вольности народа, совершил свое дѣло въ одно время и можетъ быть по примѣру Горм Стараго въ Даніи и Эйриха Эймундарсона въ Швеціи. (1 Тогда европейскія моря покрылись судами бездомныхъ ви тязей, которыхъ начальники большею частію принадлежал къ древней языческой аристократіи, ведшей свой родъ от Одина и другихъ Азовъ и вытѣсненной изъ прежняго поло женія возникшимъ единодержавіемъ. Часть этихъ изгнанни ковъ жила и погибла на морѣ въ мятежной участи викин ства; другіе основали множество поселеній—*Норманій*, кото

рыя стали пріютомъ для ихъ земляковъ, недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей. Они перенесли на чужую почву вѣру и обычай, отъ котораго отпадала ихъ родина, и искусственно продлили ветхій сокрушавшійся въ ней бытъ. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи норманскихъ поселеній былъ Іомсбургъ на вендскомъ поморьѣ.

Исторія скандинавскаго Іомсбурга тѣсно связана съ славянскимъ Волиномъ или Юмною. Ихъ рѣдко различаютъ лѣтописи, народное преданіе соединило ихъ участь въ одинъ фантастическій образъ, наконецъ, наука, на этотъ разъ, согласная съ преданіемъ, вскорѣ превзошла его смѣлостію своихъ построеній и создала изъ норманской крѣпости и вендскаго города величественную Винету, сѣверную Венецію, поглощенную моремъ за гордость, рожденную въ ней безмѣрнымъ богатствомъ. Только въ нашъ недовѣрчивый вѣкъ удалось ученымъ изслѣдователямъ (2) разсѣять поэтическій полумракъ, въ которомъ скрывался этотъ эпизодъ сѣверной исторіи. Они разложили на составныя стихіи дошедшія до насъ свѣдѣнія и поставили отдѣльно Волинъ, Іомсбургъ и баснословную Винету.

I. Волинъ.

«Sy wart geheyszin. Julyn, — nu nennet man sy Wollyn».
Ernesti de Kirchberg chronicon Meklenburgicum, ap. Westphalen, Mon. ined. T. IV, p. 597.

Волинъ, Юлинъ, Юмна, Юмнета, Юмета и Юминъ,—подъ этими именами является въ исторіи славянскій городъ, котораго происхожденіе различно объясняется лѣтописцами средняго вѣка и позднѣйшими писателями. «Hasta» или «columna Julii», огромный столбъ съ ржавымъ копьемъ вверху, бывшій предметомъ народнаго поклоненія, и самое названіе «Юлинъ» подали поводъ къ сказанію, что городъ былъ построенъ Юліемъ Цезаремъ. Сказаніе это, разумѣется, образовалось не въ народѣ, а принадлежитъ къ числу ученыхъ сказокъ, посредствомъ которыхъ монахи-лѣтописцы любили связывать современную имъ исторію съ преданіями далекой, классической древности. Это былъ какой-то самовольный и простодушный прагматизмъ, которому достаточно было небольшаго схо-

ства звуковъ для соединенія самыхъ отдаленныхъ и несоединяемыхъ предметовъ. Кому неизвѣстны примѣры такого рода (3). Приведенное извѣстіе встрѣчается первоначально только въ жизнеописаніяхъ (4) св. Оттона, епископа бамбергскаго, принесшаго христіанство въ Поморье. Изъ этихъ источниковъ перешло оно въ другіе позднѣйшіе памятники. Но оно не знакомо Адаму Бременскому, Гельмольду и Саксону Грамматику.

Въ началѣ XVI-го вѣка (1518) знаменитый своимъ участіемъ въ реформаціи Іоаннъ Бугенгагенъ написалъ исторію Помераніи (5), книгу важную, не смотря на множество странностей и грубыхъ ошибокъ. Онъ утверждаетъ, между прочимъ, ссылаясь на Тацита, что, въ правленіе Августа, его полководецъ Домицій доходилъ до острова Волина, который въ то время носилъ имя Австравіи (Austravia) и поставилъ тамъ столбъ въ честь Юлія Цезаря. Толпы окрестныхъ жителей поселились впослѣдствіи «около этого, обоготвореннаго ими по невѣжеству, столба и основали городъ, названный Юлиномъ отъ «columna» или «hasta Julii».

Въ 1735 году профессоръ Шварцъ издалъ свои изслѣдованія о Іомсбургѣ (6) и выставилъ новое мнѣніе, по которому Юлинъ обязанъ своимъ происхожденіемъ основанному на религіозномъ единствѣ союзу семи суевскихъ племенъ, поклонявшихся Гертѣ (7). Правдоподобнѣе и лучше предыдущихъ обставлена учеными свидѣтельствами гипотеза Веделя Симонсена (8). Вотъ въ короткихъ словахъ его положенія.

Еще до пришествія славянъ, частыя нападенія скандинавскихъ пиратовъ побудили германцевъ, жителей балтійскаго Поморья, построить городокъ или небольшое укрѣпленіе у самаго устья Свины въ с. з. части острова Волина. Удобство мѣста, откуда легко было слѣдить и предупреждать враждебныя покушенія, богатство рыбной ловли, наконецъ, совершавшійся здѣсь весенній праздникъ въ честь германо-скандинавскаго бога Юла-Солнца (9) рано привлекли многочисленное народонаселеніе. Праздникъ Юла, при которомъ происходила ярмарка, бывшая началомъ юлинской торговли, сдѣлался причиною быстраго возрастанія города и сообщилъ ему имя Юлина. Столбъ съ водруженнымъ въ него копьемъ, подавшій поводъ жизнеописателямъ св. Оттона къ такимъ страннымъ толкованіямъ, былъ ничто иное, какъ Юловъ идолъ. Пришедшіе впослѣдствіи венды наслѣдовали покинутыя германцами жилища и поклоненіе Юлу. При большей наклонности къ общественной жизни, они усилили значеніе Юлина и дали ему новое названіе: Іомъ, Юмъ, или Юмна,

которое перешло потомъ на цѣлый островъ Волинъ. Ведель полагаетъ, что слова Iомъ или Юмъ въ связи съ финскимъ, но, по его мнѣнію, славянскимъ божествомъ Юмалою. Вслѣдствіе дальнѣйшихъ историческихъ событій славянское имя города перешло къ скандинавамъ, между тѣмъ какъ прежнее осталось въ употребленіи у германцевъ. Въ VII столѣтіи Юлинъ былъ покоренъ датчанами, и «Toki provincia Jumensi ortus» участвовалъ въ битвѣ Бравальской. (10). Въ концѣ VIII столѣтія, около 796, Юмна была совершенно разрушена скандинавами по причинѣ возникшихъ въ ней междоусобій. Часть жителей переселилась въ Бирку въ Швеціи, остальная выстроила другой городъ также на островѣ Волинѣ, на восточной сторонѣ его, тамъ, гдѣ нынѣ Вольмерштетъ. Новая Юмна или Юлинъ скоро стала на ряду съ старою чрезъ богатство и промышленность жителей и не разъ подвергалась нападеніямъ сѣверныхъ грабителей. Въ X вѣкѣ она подпадала подъ власть Гаральда Блаатанда, конунга датскаго.

Всѣ вышеприведенныя мнѣнія весьма не крѣпки въ основахъ своихъ, не исключая даже послѣдняго. Нужно-ли доказывать, что Цезарь не могъ быть строителемъ городовъ на балтійскомъ поморьѣ, и что объясненія Бугенгагена и его послѣдователей принадлежатъ къ числу тѣхъ странныхъ гипотезъ, которыя разлетаются при первомъ прикосновеніи къ нимъ строгаго изслѣдователя? Тацитъ не говоритъ ни слова о томъ, что влагаетъ ему въ уста померанскій историкъ. У Плинія встрѣчается дѣйствительно островъ Австравія (11), но по всей вѣроятности этотъ островъ лежалъ на Нѣмецкомъ, а не Балтійскомъ морѣ, и къ берегамъ его приставалъ не Домицій, а Германикъ. Этимъ ограничиваются извѣстія Плинія объ Австравіи, между которою и Волиномъ нѣтъ ничего общаго (12), Слѣдовательно, Бугенгагенъ смѣшалъ Тацита съ Плиніемъ и сочинилъ самъ остальные факты, связывающіе пришествіе римскаго полководца съ началомъ вендскаго города, которому онъ старался дать знатную генеалогію. Шварцъ не объяснилъ ничего: имя города, hasta Julii и проч. остались для него загадкой, ключемъ къ которой не могло служить поклоненіе Гертѣ (13). Да и могъ-ли быть у древнихъ германцевъ, не знавшихъ городской жизни, городъ съ именемъ, славно перешедшимъ въ исторію? Обширная начитанность Веделя Симонсена не спасла его отъ значительныхъ недосмотровъ и ошибокъ. Въ пользу его мнѣнія, что Юлинъ былъ основанъ германцами задолго до пришествія вендовъ въ Поморье, нѣтъ ни одного историческаго свидѣтельства. Придуманная имъ связь Юлина съ Юломъ болѣе чѣмъ со-

мнительна. П, Э. Мюллеръ, одинъ изъ величайшихъ знатоковъ скандинавской древности, замѣтилъ Веделю, что настоящая, употребительная форма была Іолъ, а не Юлъ, и что окончаніе *in* почти не встрѣчается въ именахъ городовъ скандинавскихъ, между тѣмъ какъ оно безпрестанно попадается у славянъ вообще и у поморянъ въ особенности, напр. Каминъ, Деминъ, Стетинъ и т. д. (14). Ире въ словарѣ своемъ (15) утверждаетъ даже, что самое названіе Іола или Юла было чуждо языческому періоду. Славянское происхожденіе слова «Юмна» доказать довольно трудно. О Юмалѣ, котораго Ведель и Мюллеръ, по незнанію, присвоили славянамъ, нечего и говорить, а другаго объясненія въ этомъ смыслѣ нѣтъ. Сверхъ того, какимъ образомъ славянское названіе «Юмна» могло войти исключительно въ употребленіе у скандинавовъ, тогда какъ нѣмецкіе лѣтописцы продолжали писать коренное скандинавское Юлинъ (16). Покореніе Юлина Гаральдомъ Гильдетандомъ въ VII столѣтіи основано только на гипотезѣ Сума, которая въ свою очередь основана на прорѣхѣ въ исладской рукописи Sögubrot. Сумъ замѣнилъ по догадкамъ то, чего не доставало въ текстѣ, и датчане явились ранними завоевателями вендскаго Поморья (17). Конечно, предположенія Сума подтверждаются словами Саксона Грамматика о Токи и другихъ славянахъ, участвовавшихъ въ Бравальской сѣчѣ, но извѣстно, какъ Саксонъ смѣшивалъ событія и переносилъ новыя отношенія въ глубокую древность (18). Извѣстіе о междоусобіяхъ юлинскихъ въ концѣ VIII вѣка и о раззореніи города шведскимъ конунгомъ Геродомъ и датскимъ Геммингомъ взято Веделемъ изъ Вандаліи Кранца, писателя, жившаго въ началѣ XVI вѣка, который не можетъ служить свидѣтелемъ для исторіи столь отдаленнаго отъ него времени и пустилъ въ ходъ, какъ увидимъ далѣе, не одну историческую басню.—Наконецъ, переселеніе части жителей разрушеннаго Юлина въ Вольмерштетъ основано только на весьма шаткой этимологической догадкѣ, что Wolmerstaedt есть сокращенное Wollinerstaedt.

Остается сказать о томъ, что сдѣлали для рѣшенія спорнаго вопроса два новѣйшіе ученые: Бартольдъ и Гизебрехтъ. Мы постараемся изложить ихъ мнѣнія въ связи съ собственными розысканіями.

Острова, образуемые тремя истоками, которыми Одеръ входитъ въ Балтійское море, по удобствамъ своимъ для жизни, должны были рано обратить на себя вниманіе поморскихъ вендовъ. Одно изъ самыхъ выгодныхъ для поселенія мѣстъ представлялъ юго-восточный уголъ острова, лежащаго между

Свиною и Дивеновымъ. На послѣднемъ рукавѣ Одера возникъ славянскій городъ. Съ одной стороны, жители могли здѣсь пользоваться всѣми выгодами, какія доставляетъ близкое море, съ другой—мелкое и песчаное дно Дивенова (19) предохраняло ихъ отъ опасныхъ посѣщеній скандинавскихъ судовъ. Древнѣйшее имя города, время основанія котораго опредѣлить даже приблизительно невозможно, по совершенному отсутствію свидѣтельствъ, было Волинъ, то самое, которое онъ носитъ теперь. Откуда происходитъ оно? Отъ слова волъ, означая скотоводство, какъ промыселъ жителей (20) или отъ имени жившаго тутъ вендскаго племени—трудно рѣшить. Лѣтописцу X вѣка Видукинду извѣстны были между вендами «Slavi qui Vuloini dicuntur» (21), быть можетъ, тожественные съ вилинами (wilini) Гельмольда (22). Г. Касторскій (23) полагаетъ, что «Волинъ» могъ произойти отъ Волоса или Велеса, бога общаго всѣмъ славянскимъ племенамъ. Познанскій епископъ Богуфалъ (XIII вѣка) называетъ Волинъ Валмегомъ (24), но это имя, у него одного встрѣчаемое, едва-ли не есть ошибка писца. Что Волинъ подъ перомъ лѣтописцевъ (urbaniores Гельмольда) могъ обратиться въ латинское Julinum, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго для того, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіографіею среднихъ вѣковъ. Близкій Волгастъ, въ имени котораго звучитъ тотъ-же корень, испыталъ и не такое превращеніе: изъ него вышла Julia Augusta. Wol и здѣсь перешло въ Jul. Вообще, надобно замѣтить, что корень *вол* повторяется въ именахъ значительнаго числа урочищъ вендскихъ (25), не говоря уже о другихъ земляхъ славянскихъ. Педантизму лѣтописцевъ не удалось вытѣснить даже изъ письменнаго употребленія народнаго имени города, перекрещеннаго ими въ Юлинъ. Въ одной изъ первыхъ грамотъ, относящихся къ христіанскому періоду померанской исторіи, уже читаемъ «Волинъ» и «Волгастъ» въ ихъ собственной, чистой формѣ. Этою грамотою основалъ папа Иннокентій II, въ 1140 году, октября 14-го, волинское епископство (26). Около ста лѣтъ спустя, Богуфалъ говорилъ о Юлинѣ, какъ о прежнемъ, болѣе неупотребительномъ названіи города *Julin dicebatur*. Въ XIV вѣкѣ, славянское названіе получило перевѣсъ надъ латинскимъ даже въ литературѣ, чему служатъ доказательствомъ взятыя мною въ эпиграфъ къ этой главѣ слова Эрнста фонъ-Кирхберга, который писалъ свою Мекленбургскую хронику около 1378 года: «sy wart geheiszin Julyn,—nu nennet man sy Wollyn». Избѣгая гипотезъ, неподкрѣпляемыхъ сильными доводами, мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о юловомъ или юліевомъ столбѣ. Очевидно, что это

былъ кумиръ какого-нибудь славянскаго божества. Но кто скажетъ какого именно? Гизебрехтъ ([27]), основываясь на весеннемъ праздникѣ, который ежегодно совершался въ Волинѣ, полагаетъ, что столбъ съ копьемъ былъ посвященъ Яровиту. Съ другой стороны, можно замѣтить, что копье есть постоянная принадлежность Радегаста. Но все это не болѣе какъ догадки, которыя по свойству источниковъ едва-ли могутъ быть возведены въ степень положительныхъ заключеній.

Какъ-бы ни рѣшался споръ о происхожденіи слова Волинъ, самый фактъ существованія основаннаго задолго до историческихъ свидѣтельствъ объ немъ славянскаго города, сообщившаго свое имя цѣлому острову, лежащему между Свиною и Дивеновымъ, не подлежитъ сомнѣнію. Въ X столѣтіи этотъ городъ былъ уже богатъ и велъ значительную торговлю, чему служатъ доказательствомъ арабскія монеты (диргемы), въ очень большомъ количествѣ находимыя на островѣ, котораго онъ былъ главнымъ пунктомъ. Нынѣ неоспоримо доказано, что между берегами Балтійскаго моря и магометанскимъ Востокомъ происходила очень дѣятельная торговля чрезъ посредство хазаръ, болгаръ и славянъ русскихъ ([28]). Эта торговля, которая шла до Скандинавіи, куда ее проводили поморяне и преимущественно волинцы, судя по сказаніямъ объ ихъ богатствѣ и предпріимчивости, остановилась уже въ первой четверти XI-го столѣтія. По крайней мѣрѣ, всѣ найденныя доселѣ диргемы принадлежатъ только двумъ династіямъ: калифамъ Аббассидамъ и Саманидамъ Самаркандскимъ, и самыя новѣйшія изъ нихъ относятся къ первымъ десяти годамъ XI-го вѣка. А между тѣмъ извѣстенъ обычай магометанскихъ государей перечеканивать, по вступленіи на престолъ, монеты своихъ предшественниковъ, отчего происходитъ и рѣдкость древнихъ арабскихъ денегъ. Основываясь на этихъ данныхъ, можно съ полною достовѣрностію предположить сильную для того времени торговую дѣятельность города Волина, предшествовавшую построенію Іомсбурга въ его окрестностяхъ и датскому владычеству надъ устьями Одера. Эти послѣднія событія внесли Волинъ въ бурное движеніе скандинавской исторіи, откуда онъ вынесъ новый характеръ, чуждое ему имя и странныя преданія, противъ которыхъ доселѣ борется наука. Слѣдующіе отдѣлы этого разсужденія содержатъ въ себѣ разсказъ о Іомсбургѣ, не надолго, но грозно сверкнувшемъ надъ вендскимъ Поморьемъ, и разборъ извѣстій, которыми исландскія саги и фантазія померанскихъ историковъ исказили истинныя преданія о старинѣ волинской. Но возвратимся еще разъ къ Волину.

Около 1070 года, каноникъ Бременскій Адамъ написалъ сторію гамбургскихъ епископовъ, въ которой находятся агоцѣнныя свѣдѣнія о землѣ вендской. Онъ разсказываетъ, ежду прочимъ, что за Лютичами, которые иначе называются ильцами, течетъ Одеръ, величайшая рѣка земли славянской, ри устьѣ которой въ скиѳскія болота лежитъ благородный ородъ Юмна (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Юлинъ), знаменитое мѣсто сборища окрестныхъ варваровъ и грековъ. Въ омъ городѣ, о которомъ ходитъ великая, почти невѣроятая молва, какъ о самомъ большомъ изъ всѣхъ городовъ вропы, живутъ славяне и другія племена греческія и варварскія. Даже выходцамъ саксонскимъ дано право жительства амъ, съ условіемъ не обнаруживать христіанскихъ вѣрованій. Всѣ жители погружены въ язычество; впрочемъ, нѣтъ лемени болѣе честнаго, кроткаго и гостепріимнаго. Этотъ ородъ богатъ товарами всѣхъ сѣверныхъ народовъ, и нѣтъ ичего рѣдкаго или пріятнаго, чего-бы тамъ ни было. Тамъ аходится olla Vulcani, которую жители называютъ греческимъ гнемъ, и о которой упоминаетъ Солинъ. Тамъ является акже тройственнаго свойства Нептунъ, ибо островъ омывается тремя морями, изъ которыхъ одно, говорятъ, совсѣмъ еленое, другое бѣлое, третье свирѣпствуетъ въ безпрерывныхъ буряхъ и страшно волнуется. Изъ Юмны (или Юлина) ребныя суда ходятъ въ короткое время въ Демминъ, суда на арусахъ въ прусскую Земландію; также на западъ въ Шлезигъ и Алденбургъ, а въ противоположномъ направленіи они ходили въ 14 (43) дней отъ Юмны до Острогарда въ Россіи. Сухимъ путемъ можно въ 8 дней достигнуть до Гамбурга или до Эльбы ([29]). Это важное свидѣтельство перешло съ ольшими или меньшими искаженіями въ другіе историческіе амятники и подало поводъ къ безчисленному множеству олкованій и выводовъ. Мы разберемъ его подробнѣе. Главные вопросы, возникающіе изъ словъ Адама, суть слѣдующіе: . гдѣ находился знаменитый городъ Юмна, величайшій въ ѣлой Европѣ, о которомъ не упоминаетъ, однако, ни одинъ изъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ до бременскаго каноника? 2. кого онъ называетъ греками? 3. что такое olla Vulcani, тройственаго свойства Нептунъ и т. д.

1. Гизебрехтъ, которому, кромѣ исторіи вендовъ, мы обяаны очень дѣльными изслѣдованіями о географическихъ звѣстіяхъ Адама Бременскаго ([30]), полагаетъ, что Юмна лекала у устья рѣки Свины, и что, слѣдовательно, Юмна и Юлинъ—два разные города ([31]). Онъ опирается на слѣдующіе оводы: торговля и судоходство Юмны предполагаютъ удоб-

ную гавань, которой существованіе на Дивеновѣ близъ Волина невозможно по мелководію, между тѣмъ какъ устье Свины совершенно соотвѣтствуетъ такому назначенію ([32]). Св. Оттонъ посѣтилъ Юлинъ въ 1124 году, а Юмна, по свидѣтельству Гельмольда, была разрушена датчанами до или, по крайней мѣрѣ, около 1120 ([33]). Наконецъ, Саксонъ и нѣкоторые другіе лѣтописцы смѣшали, по незнанію, Юмну съ менѣе значительнымъ Волиномъ и подали примѣръ неосновательнымъ толкамъ позднѣйшихъ историковъ ([34]). Такія предположенія рѣшительно противорѣчатъ указаніямъ источниковъ, изъ которыхъ слѣдуетъ неоспоримое тожество городовъ Волина и Юмны. Что русло Дивенова было песчано и мелководно, преимущественно близъ моря, это намъ извѣстно; но извѣстны также и выгоды, которыя сопряжены были съ положеніемъ Волина на этомъ рукавѣ Одера. Эти выгоды исчислены выше. Съ другой стороны, море было такъ близко, что доставка товаровъ съ судовъ была весьма незатруднительна. Отъ устья Свины до города Волина не болѣе трехъ нѣмецкихъ миль. Впрочемъ, выгрузка товаровъ могла совершаться и въ другомъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что торговля Волина имѣла только относительную важность, и вовсе не предполагаетъ необходимымъ условіемъ близость большой гавани. Болѣе значительные торговые города Средняго вѣка, Гамбургъ, Любекъ, лежатъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ своихъ гаваней. Гребныя суда могли ходить и по Дивенову ([35]). Свидѣтельство Гельмольда очень подозрительно. Весь разсказъ этого лѣтописца о Юмнетѣ-Юмнѣ (Винетѣ) цѣликомъ взятъ изъ Адама; вставлено только одно мѣсто, на которое ссылается Гизебрехтъ. Доказательства предъ глазами:

Adam (c. 66). In cujus ostio, qua scythicas alluit paludes, nobilissima civitas Jumne (al. Julinum) celeberrimam Barbaris et Græcis, qui in circuitu, præstat stationem. De cujus praeconio urbis, quia magna quædam et vix credibilia recitantur, volupe arbitror pauca inserere digna relatu.

Helmold. (1. 2.). In cujus ostio, qua Balticum alluit pelagus (въ предыдущей главѣ Гельмольдъ говоритъ о Балтійскомъ морѣ: idemque mare barbarum, seu pelagus *scythicum*) quondam fuit nobilissima civitas Vinneta (правильнѣе Jumneta), præstans celeberrimam stationem Barbaris et Græcis, qui sunt in circuitu. De cujus præconio urbis, quia magna quædam et vix credibilia recitantur, libet aliqua commemorare digna relatu.

Ad. ibid. Est sane maxima omnium, quas Europa claudit, civitatum, quam incolunt Slavi cum aliis gentibus Græcis et Barbaris. Nam et advenæ Saxones parem cohabitandi legem acce-

erunt, si tamen Christianitatis titulum ibi morantes non publica-erint. Omnes enim adhuc paganicis ritibus oberrant, caeterum oribus et hospitalitate nulla gens honestior aut benignior po-erit inveniri.

Helm. l. c. *Fuit* sane maxima omnium, quas Europa claudit ivitatum, quam *incolunt* (безсмыслица: fuit... quam incolunt) lavi cum aliis gentibus permixtis, Græcis et Barbaris. Nam et dvenæ Saxones parem cohabitandi licentiam acceperunt, si tan-um Christianitatis titulum ibi commorantes non publicassent. mnes enim *usque ad excidium ejusdem urbis* paganicis ritibus berrarunt. Cæterum moribus et hospitalitate nulla gens honestior ut benignior potuit inveniri.

Ad. l. c. Urbs illa, mercibus omnium septemtrionalium natio-um locuples, nihil non habet jucundi aut rari. Ibi est olla Vul-ani, quod incolæ Græcum vocant ignem, de quo etiam meminit olinus.

Helm. l. c. Civitas illa, mercibus omnium nationum locuples, ihil non habuit jucundi aut rari. Извѣстіе объ olla Vulcani ельмольдъ выпустилъ. Онъ или не понялъ этого мѣста или, то вѣроятнѣе, не нашелъ его въ бывшей у него рукописи. а то онъ вставилъ нѣсколько строкъ недостающихъ у дама: Hanc civitatem opulentissimam, quidam Danorum rex axima classe stipatus *funditus evertisse refertur.* Præsto sunt dhuc antiquæ illius civitatis monumenta.

Adam. l. c. Ibi cernitur Neptunus triplicis naturæ: tribus enim etis alluitur illa insula, quorum unum viridissimæ ajunt speciei; lterum subalbidæ. Tertius vero motu furibundo perpetuis sævit empestatibus.

Helm. l. c. Ibi cernitur Neptunus triplicis naturæ. Tribus enim retis alluitur illa insula, quorum ajunt unum viridissimæ esse peciei, alterum subalbidæ. Tertius motu furibundo perpetuis ævit tempestatibus ([36]).

Изъ нѣсколькихъ строкъ, прибавленныхъ Гельмольдомъ съ разсказу Адама, рѣшительно невозможно вывести никакого заключенія. *Quidam rex Danorum, refertur,* наконецъ, совершенное отсутствіе хронологическаго опредѣленія даютъ полное право предположить, что бозовскій лѣтописецъ основалъ это извѣстіе на какихъ-нибудь неясно дошедшихъ до него слухахъ о войнахъ датчанъ съ Волиномъ. Развалинъ «antiquæ illius civitatis» онъ, разумѣется, не видалъ, а говоритъ объ нихъ также по наслышкѣ, что ясно слѣдуетъ изъ предыдущаго. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ часто повторялись датскія нападенія на Волинъ; Гельмольдъ, вѣроятно, разумѣетъ походъ короля Нильса (Николая), который дѣй-

ствительно ходилъ войною на Поморье и взялъ около 1120 года Волинъ. Но ни датская исторія Саксона Грамматика, ни Книтлинга-сага не говорятъ о разореніи имъ этого города, хотя сообщаютъ другія, менѣе важныя подробности похода. Умолчать-же о такомъ событіи они рѣшительно не могли, особливо Саксонъ, который вскорѣ потомъ опять упоминаетъ о Волинѣ, но на этотъ разъ уже не смѣшивая его, по мнѣнію автора вендской исторіи, съ Юмною ([37]). Толкованіе совершенно самовольное! Слова лѣтописца: «inde (Nicolaus rex) Julinum navigans Bogislavum (польскій Болеславъ) magna manu instructum obvium habuit. Cujus copiis auctus celerem oppidi expugnationem peregit» ([38]) вовсе не даютъ права предположить совершенное разореніе Юмны-Волина. А что часть города сгорѣла или была разрушена при этомъ случаѣ, это видно изъ разсказовъ Саксона о войнахъ съ вендами Вальдемара I. Около 50 лѣтъ послѣ Нильсова нашествія, Вальдемаръ разрушилъ дѣйствительно вновь обстроенный Волинъ: Julinique vacuas defensoribus ædes incendio adortus *rehabitatoe urbis novitatem iterata penatium strage* consumpsit ([39]). Большая часть жителей удалилась тогда въ Каминъ, куда перенесено было также мѣстопребываніе епископа земли Померанской. Слава и значеніе Волина минули невозвратно; онъ сошелъ на ту степень, которую занимаетъ доселѣ. Напечатанныя курсивомъ слова намекаютъ очевидно на происшествія Нильсова похода, потому что въ промежуткѣ 1120—1176 Волинъ не былъ ни разу взятъ врагами, хотя суда Вальдемара съ крайнею для себя опасностью заходили изъ Свины въ Дивеновъ еще въ 1169 году ([40]). Слѣдовательно, догадка Гизебрехта, что Саксонъ въ первыхъ книгахъ датской исторіи подъ именемъ Юлина разумѣетъ Юмну Адама Бременскаго, а въ 14-й говоритъ о настоящемъ Волинѣ, оказывается неосновательною. Въ томъ, что въ жизнеописаніяхъ св. Оттона не упоминается о Юмнѣ, нѣтъ ничего удивительнаго: составители этихъ памятниковъ употребляютъ вездѣ латинизированное ими славянское имя города, котораго скандинавское названіе могло имъ даже быть неизвѣстно. Молчаніе ихъ ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи пояснить для насъ загадочныя извѣстія Гельмольда, который вообще можетъ служить неопровержимымъ источникомъ только относительно Рюгена и тѣхъ частей земли Вендской, которыхъ коснулись походы Генриха Льва. О прочихъ онъ или повторяетъ то, что прежде его говорилъ Адамъ Бременскій, или разсказываетъ по дошедшимъ до него болѣе или менѣе вѣрнымъ слухамъ. Намъ остается теперь разсмотрѣть, въ какой степени

справедливо утвержденіе Гизебрехта, что лѣтописцы смѣшивали, по незнанію, Волинъ съ Юмною, принимая два города за одинъ.

Главныя извѣстія о Юмнѣ находятся у Адама Бременскаго, лѣтописца правдиваго, но невольно запутавшаго занимающій насъ вопросъ. Въ существующихъ изданіяхъ его исторіи имена Юлинъ и Юмна встрѣчаются равно, но относятся оба къ одному и тому-же городу. Гизебрехтъ, предполагая порчу текста, читаетъ вездѣ Юмна. Гораздо правдоподобнѣе, что Адамъ употреблялъ безразлично оба названія, изъ которыхъ одно дошло къ нему черезъ саксовъ и видѣнныхъ имъ славянъ, другое слышано имъ изъ устъ датскаго короля Свейна Астридзона ([41]), которому бременскій каноникъ обязанъ своими свѣдѣніями о Скандинавіи и вѣроятно о тѣхъ частяхъ Поморья, гдѣ лежала Юмна. Сличеніе уцѣлѣвшихъ рукописей для новаго изданія, которое войдетъ въ составъ Перцовыхъ «Monumenta» и поручено Лаппенбергу, не можетъ доказать противнаго, потому что всѣ эти рукописи, сколько извѣстно, не старѣе XIII вѣка. Въ одномъ изъ списковъ, которыми пользовался Лангебекъ постоянно употребляется «Юмне» ([42]). Быть можетъ, есть другіе такіе-же, но эти списки, сдѣланные на скандинавскомъ полуостровѣ, не могутъ служить основою для возстановленія подлиннаго текста. Скандинавскіе переписчики, естественнымъ образомъ, вставляли вездѣ для однообразія имя, подъ которымъ Волинъ долго былъ извѣстенъ въ ихъ отечествѣ, между тѣмъ какъ въ нѣмецкихъ спискахъ столь-же часто встрѣчается славянское, болѣе знакомое саксамъ, названіе. Во всякомъ случаѣ не трудно доказать, что Адамъ разумѣлъ подъ Юмною тотъ-же городъ, который у Саксона Грамматика называется Julinum, у Свейна Аказона Hynnisburg, въ исландскихъ сагахъ Jomsborg. Источники, изъ которыхъ черпалъ Адамъ, намъ почти всѣ извѣстны. Событія вендо-скандинавской исторіи переданы имъ большею частію со словъ Свейна Астридзона, правнука Гаральда Блаатанда. Смерть послѣдняго разсказана слѣдующимъ образомъ: разбитый сыномъ Гаральдъ «vulneratus ex acie fugiens, ascensa navi elapsus est ad civitatem Slavorum quæ Jumne (al. Julinum) dicitur» ([43]). Саксонъ, около 130 лѣтъ позже, описывая, по народнымъ преданіямъ, туже самую борьбу, говоритъ о побѣжденномъ Гаральдѣ: «saucius a suis Julinum relatus, celerem vitæ exitum habuit» ([44]). Но по исландскимъ преданіямъ Гаральдъ умеръ отъ раны своей въ Іомсбургѣ ([45]), а Іомсбургъ у Саксона вездѣ называется Юлиномъ. Что Hynnisburg Свейна Аказона есть ни что иное, какъ искаженная форма Іомсбурга, въ этомъ согласны всѣ, не исключая Гизе-

брехта. Между тѣмъ разсказъ о Іомсбургѣ Свейна, современника Вальдемара и, подобно Саксону, писавшаго по порученію епископа Авессалона, оканчивается извѣстіемъ, что этотъ городъ былъ разрушенъ въ его время ([46]). Наконецъ Книтлинга-сага, памятникъ, возникшій во второй половинѣ XIII столѣтія, называетъ прямо Іомсбургомъ городъ Волинъ на Дивеновѣ ([47]). Всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ противорѣчитъ Гизебрехтъ, утверждая, что Саксона и Свейна ввелъ въ заблужденіе лундскій архіепископъ Авессалонъ, герой вендской войны, съ разсказовъ котораго они писали ([48]). Книтлинга-сага только повторила укоренившуюся историческую ложь ([49]). Но дѣдъ Авессалона, Скіальмъ Бѣлый, дѣятельно участвовалъ въ нападеніяхъ на Юмну Эриха Эйегода ([50]), и образованный, умный внукъ его не могъ впасть въ грубую ошибку, которую ему приписываютъ, потому что земля вендская ему была хорошо знакома изъ семейныхъ преданій и собственныхъ походовъ. Въ свидѣтельствахъ лѣтописцевъ есть конечно ошибка, но вовсе не та, въ какой ихъ обвиняетъ Гизебрехтъ. Они смѣшали не два различные города, а славянскій городъ и близкую отъ него норманскую крѣпость, которыхъ судьба была впрочемъ такъ тѣсно связана, что смѣшеніе именъ понятно и извинительно. Этотъ вопросъ былъ почти рѣшенъ Бартольдомъ ([51]) еще до появленія «Вендской исторіи». Адамъ, руководствуясь сѣверными сказаніями, назвалъ городъ именемъ памятной грозою своихъ подвиговъ скандинавской колоніи, которой слѣды и вліяніе уцѣлѣли въ Волинѣ. Саксонъ поступилъ наоборотъ: онъ перенесъ названіе славнаго въ его время торговаго и разбойничьяго города на крѣпость, уже давно разрушенную. Оба были правы предъ современнымъ употребленіемъ слова. Названіе Іомъ ([52]) или Юмъ (отсюда Юмна), возникшее и прошедшее вмѣстѣ съ датскимъ владычествомъ на Поморьѣ, равно относилось къ цѣлому острову и къ главному его мѣсту, также какъ славянское «Волинъ». Имя крѣпости объясняется положеніемъ: Ioms-borg. Гиперболическія слова «maxima omnium quas Europa claudit civitatum» не должны возбуждать недовѣрчивости читателей къ бременскому лѣтописцу. Въ этомъ отношеніи честь его нашла усерднаго и счастливаго заступника въ Гизебрехтѣ ([53]), который указываетъ на другихъ писателей Средняго вѣка, принимавшихъ Европу въ другомъ смыслѣ, нежели мы. Они, по примѣру Географа Равенскаго, понимали подъ Европою міръ языческій въ противоположность міру христіанскому ([54]).

2. Вопросъ о грекахъ, жившихъ въ Волинѣ, рѣшаетъ самъ лѣтописецъ въ слѣдующей-же главѣ, называя Кіевъ однимъ

изъ важнѣйшихъ городовъ Греціи. Его греки суть русскіе славяне, принадлежащіе къ греческой церкви.

3. Темныя выраженія «ibi est olla Vulcani quod incolae Graecum vocant ignem, de quo et iam meminit Solinus» вызвали множество толкованій, въ томъ числѣ нѣсколько отдѣльныхъ разсужденій, болѣе запутавшихъ, чѣмъ уяснившихъ дѣло, потому именно, что они придали ему слишкомъ много важности. Гизебрехтъ, между прочимъ, выставилъ двѣ, одна другой противорѣчащія, гипотезы. Въ особливомъ изслѣдованіи «о Вулкановомъ горшкѣ въ Юлинѣ» ([55]) онъ доказывалъ, что въ основаніи всего спора лежитъ простая ошибка Адама, который, припоминая слышанное имъ отъ Свейна Астридзона объ Исландіи, смѣшалъ этотъ островъ съ Волиномъ, ему также мало знакомымъ. Поэтому, говоря объ Исландіи, онъ не упоминаетъ о тамошнихъ вулканахъ, которые перенесены имъ на вендскій берегъ. Подъ словами olla Vulcani, которыя въ нѣкоторыхъ памятникахъ средняго времени означаютъ чистилище, разумѣетъ Адамъ Геклу или другую огнедышащую гору. Гораздо правдоподобнѣе изложенное авторомъ «Вендской исторіи» второе предположеніе ([56]), по которому текстъ Адама испорченъ невѣжественными писцами. Они вставили въ него примѣчанія древняго, почти современнаго лѣтописцу схоліаста и самовольно измѣнили порядокъ, въ какомъ одно извѣстіе слѣдовало за другимъ. Такимъ образомъ, описаніе исландскихъ примѣчательностей очутилось въ главѣ о Юмнѣ. Сюда-же принадлежитъ и triplicis naturae Neptunus. За вѣрность этой догадки мы не ручаемся, но она возможна, хотя съ другой стороны olla Vulcani, быть можетъ, не что иное, какъ риторическая фигура, которой простой смыслъ для насъ потерянъ. Полигисторъ Солинъ, на котораго ссылается Адамъ, не говоритъ, разумѣется, ни объ olla Vulcani, ни о греческомъ огнѣ, изобрѣтеніи позднѣйшаго времени, но онъ описываетъ въ 5 и 6 главахъ своей компиляціи особенности Сициліи и вулканическихъ острововъ вообще.

Остановимся на этой точкѣ. Положительный выходъ изъ предыдущаго изслѣдованія заключается, слѣдовательно, въ неподлежащемъ сомнѣнію существованіи вендскаго города Волина на Диевновѣ, котораго жители вели значительную по времени торговлю. Въ X столѣтіи, переворотъ, совершавшійся на Скандинавскомъ полуостровѣ, обнаружилъ вліяніе и на вендское Поморье. Сынъ стараго Горма, Гаральдъ Блаатандъ «armis Slavia potitus apud Julinum, nobilissimum illius provinciae oppidum, competentia militum praesidia collocavit ([57])». Таково было начало Іомсбурга.

II. Іомсбургъ.

Каждое лѣто ходили они на разныя земли и собрали много славы.

Іомсбургская сага, гл. 8.

Когда именно Гаральдъ Блаатандъ построилъ у устьевъ Свины крѣпость, которой исторія составляетъ содержаніе этого отдѣла моихъ изслѣдованій, сказать трудно. Гизебрехтъ полагаетъ, на основаніи довольно вѣрныхъ соображеній, начало Іомсбурга въ промежуткѣ 935—966 годовъ ([58]). Оставляя въ сторонѣ хронологическій вопросъ, котораго удачное рѣшеніе, предположивъ его возможность, едва-ли вознаградитъ за трудное изслѣдованіе, приступаю къ самой исторіи Іомсбурга. Источники этой исторіи двоякіе: съ одной стороны разсказы Саксона, писавшаго съ изустныхъ преданій, сохранившихся въ южныхъ областяхъ Даніи, съ другой—исландскія саги, въ основаніи которыхъ лежатъ свидѣтельства, принесенныя на далекій островъ современниками іомсбургской славы. Слова Саксона часто противорѣчатъ іомсбургской сагѣ. У него есть многое, чего нѣтъ въ послѣдней, и на оборотъ. Причины такого разногласія раскрыты Гизебрехтомъ съ большимъ остроуміемъ и знаніемъ дѣла. Это едва-ли не лучшая часть его сочиненія. Онъ прослѣдилъ все движеніе саги отъ первыхъ извѣстій, принесенныхъ въ Исландію скальдами ярла Гаральда и Іомсвикингомъ Біориномъ, до послѣдней письменной редакціи въ XIII столѣтіи ([59]). Благодаря его трудамъ, у насъ есть Аріаднина нить, и мы съ меньшею противъ прежняго опасностью пускаемся нынѣ въ лабиринтъ мутныхъ, одно другому противорѣчащихъ извѣстій. Строго разобранная, очищенная отъ чуждыхъ ей примѣсей іомсбургская сага, въ смыслѣ частнаго источника, конечно утратила много изъ прежняго своего значенія. Но въ цѣлой исландской литературѣ найдется немного памятниковъ, въ которыхъ общій бытъ скандинавскаго викингства переданъ съ такою вѣрностію и силою. Я буду говорить собственными словами саги, тамъ гдѣ ея показанія оправданы критикою и свидѣтельствами другихъ болѣе сухихъ, но положительныхъ источниковъ.

По всей вѣроятности, первый славный вождь іомсбургскихъ викинговъ былъ Сигвальди, съ острова Зеландіи ([60]). Его посадилъ на это мѣсто, сколько извѣстно не Гаральдъ, заня-

тый датскими смутами. Эти смуты доставили Іомсбургу почти полную независимость отъ родного края. Самые крѣпкіе приверженцы старины языческой, на которую поднялъ руку датскій конунгъ, собрались около Сигвальди: его родной братъ Торкель, Буй и Сигурдъ, сыны ярла Борнгольмскаго, Вагнъ, сынъ ярла Фюненскаго. Сага приписываетъ имъ много чудныхъ дѣлъ, но извѣстія ея мутны. Изъ нихъ видно только, что Іомсвикинги держали въ покорности островъ Волинъ или землю Іомъ, что они грабили остальное Поморье, нерѣдко подымали оружіе на собственную родину, въ судьбахъ которой не перестали принимать участіе, и вели дружбу съ вендскимъ царемъ Буриславомъ (61). Сигвальди былъ женатъ на дочери Буислава, Астридѣ. Около 980 года умеръ отецъ Сигвальди, Струтгаральдъ, ярлъ Зеландскій. Сыновья его отпраздновали его тризну по скандинавскому обычаю. Они привели съ собою 170 судовъ къ Зеландіи и пригласили къ торжеству Гаральда. Конунгъ явился. У него были хитрые замыслы. Онъ хотѣлъ употребить отвагу и силу Іомсвикинговъ въ пользу собственнаго дѣла. Сага ошибочно упоминаетъ здѣсь о Свейнѣ, смѣшивая его, наперекоръ хронологіи, съ отцемъ его Гаральдомъ, но разсказъ ея прекрасенъ простотою. Я постараюсь передать его съ возможною точностію, замѣняя только имя Свейна именемъ его отца.

«Конунгъ Гаральдъ велѣлъ на первый вечеръ подать Іомсбургскимъ викингамъ самаго крѣпкаго питья, и они пили черезъ мѣру много. Конунгъ Гаральдъ замѣтилъ, что они упились смертельно и стали очень многорѣчивы. Тогда обратился къ нимъ конунгъ съ такими словами: здѣсь становится скучно. Хорошо было-бы выдумать, для увеселенія мужей, такую забаву, о которой долго помнили-бы люди.—Сигвальди отвѣчалъ: намъ кажется, что всего пристойнѣе и лучше начать тебѣ. Мы отъ тебя не отстанемъ.—Конунгъ сказалъ: я знаю, что есть у мужей обычай давать при такихъ пиршествахъ обѣты себѣ во славу; вы прославились во всѣхъ странахъ, и обѣты ваши должны быть также знамениты. Я подамъ примѣръ. Я клянусь, что до начала третьей зимы выгоню Этельреда (?), короля англійскаго, изъ его царства, или убью его и овладѣю его землями. Теперь твоя очередь Сигвальди. Обѣщай не менѣе. Тотъ отвѣчалъ, что такъ и поступитъ. Я клянусь,—молвилъ онъ,—что до начала третьей зимы я приведу въ Норвегію всю силу, какую могу собрать, и выгоню Гакона ярла изъ земли его, или убью его, или самъ лягу.—Конунгъ сказалъ: ты началъ хорошо, и хорошъ обѣтъ твой. Да поможетъ тебѣ счастье свершить обѣщанное!

Тебѣ говорить теперь, Торкель Высокій. Тебѣ приличны с
лые замыслы.—Торкель молвилъ: я далъ себѣ слово идти
братомъ моимъ Сигвальди и не обращаться вспять, дон
не увижу въ тылъ корабля его.—Смѣла была рѣчь тво
смѣло исполнишь ты сказанное. Ну, Буй Толстый, за то
очередь. Обѣтъ твой долженъ быть замѣтенъ.—Я клян
помогать Сигвальди въ походѣ его, на сколько у меня с
отваги и не отставать отъ него, доколѣ на это не буд
его воли.—Я зналъ напередъ,—сказалъ конунгъ,—что ты
рошее молвишь намъ. За братомъ слѣдуетъ говорить т
Сигурдъ Каппе.—Рѣчь моя коротка,—отвѣчалъ Сигурдъ:
пойду за братомъ и не обращусь назадъ, пока братъ буд
стоять на мѣстѣ, или пока онъ не ляжетъ мертвый. — Эт
надобно было ждать отъ тебя,—сказалъ конунгъ:—за то
дѣло теперь, Вагнъ. Любопытно намъ услышать обѣтъ т
Вы сильные бойцы, друзья.—Вагнъ сказалъ: клянусь сл
вать за Сигвальди и другомъ моимъ Буемъ въ походѣ их
не отступать, пока не захочетъ того Буй, если онъ ос
нется въ живыхъ. Кромѣ того есть у меня другой обѣ
если я буду въ землѣ норвежской, то убью Торкеля Ле
и лягу на ложе дочери его Ингеборги, не въ обиду друзь
ея. Біорнъ Британецъ былъ съ Вагномъ. Конунгъ спрос
каковъ будетъ твой обѣтъ, Біорнъ? Этотъ отвѣчалъ,
онъ послѣдуетъ за воспитанникомъ своимъ Вагномъ,
сколько у него достанетъ отваги!—Бесѣда кончилась ([62]).
другое утро Сигвальди, проснувшись, узналъ отъ жены с
Астриды о томъ, что было наканунѣ. Хмѣль его прош
но отступить отъ обѣщанія было невозможно. По сов
жены, Сигвальди поступилъ слѣдующимъ образомъ при
даніи съ Гаральдомъ. Конунгъ спросилъ Сигвальди, помнит
онъ объ обѣтѣ своемъ. Сигвальди отвѣчалъ, что не помн
Тогда конунгъ повторилъ ему сказанное наканунѣ. Сигва
молвилъ: пьяный человѣкъ не то, что трезвый. Что д
ты за исполненіе обѣщаннаго? Конунгъ сказалъ, что
намѣренъ дать двадцать кораблей, когда Сигвальди буд
готовъ къ походу. Сигвальди замѣтилъ: прибавка хоро
для мужика, для конунга этого мало.—Гаральдъ наморш
немного брови и спросилъ: сколько кораблей нужно теб
Сигвальди, сказалъ ему: шестьдесятъ большихъ судовъ-
много, ни мало. Мой собственный участокъ будетъ не ме
твоего, если-бы у меня было даже менѣе судовъ; потому
не всѣмъ суждено вернуться назадъ.—Конунгъ отвѣч
суда будутъ готовы, когда ты будешь готовъ.—Это хоро
прибавка, сказалъ Сигвальди. Исполни слово твое, пот
что я пускаюсь въ путь тотчасъ по концѣ пира.—Кону

задумался и молвилъ: я исполню какъ можно скорѣе, но я не думалъ, чтобы ты такъ скоро собрался.—Астрида, жена Сигвальди, сказала тогда: нѣтъ надежды, чтобы вы побѣдили ярла Гакона, если онъ узнаетъ заранѣе о вашемъ приходѣ, и вы не врасплохъ на него нападете. — Они стали готовиться къ отплытію еще во время пира. Това, дочь ярла Гаральда, сказала мужу своему Сигурду:—прошу тебя помогать всѣми силами брату твоему Бую, потому что онъ оказалъ мнѣ много добра, и я хотя малымъ хочу отплатить ему. Вотъ два человѣка, которыхъ я даю тебѣ, Буй: одного зовутъ Гавардомъ, другого Аслакомъ.—Буй взялъ этихъ людей и благодарилъ Тову. Аслака онъ тотчасъ отдалъ другу своему Вагну. Такъ кончился пиръ, и Іомсвикинги отправились немедля въ путь. У нихъ было сто большихъ судовъ» (63).

Но имъ не удалось застать врасплохъ ярла Гакона. Увѣдомленный о прибытіи страшныхъ гостей, онъ собралъ около трехсотъ судовъ и разставилъ ихъ, въ выгодномъ порядкѣ для боя, въ небольшомъ заливѣ, который образуетъ море у утесовъ Гіорунгскихъ. Сюда заманилъ ярлъ неосторожныхъ враговъ. Между ними началась сѣча, одна изъ самыхъ ужасныхъ и самыхъ знаменитыхъ въ преданіяхъ скандинавскихъ. Четыре исландскіе скальда бились за Гакона въ битвѣ и пѣли дѣла его. Одинъ изъ нихъ, Эйнаръ хотѣлъ перейти къ Іомсвикингамъ, жалуясь на скупость норвежскаго владыки, но ярлъ удержалъ его даромъ великолѣпной серебряной чаши. Несмотря на перевѣсъ числа, на выгоду положенія своего, норвежцы должны были уступить дикой отвагѣ противниковъ и подались назадъ. Тогда ярлъ Гаконъ сошелъ на землю, удалился въ лѣсъ и принесъ въ жертву богинѣ Торгердѣ лучшее сокровище свое, самое драгоцѣнное изъ всего, чѣмъ обладалъ онъ—семилѣтняго сына своего Эрлунга. Его кровью купилъ онъ побѣду. Поднялась страшная буря. Градъ билъ въ лицо Іомсвикингамъ, вѣтеръ относилъ назадъ пущенныя ими стрѣлы. Сигвальди сказалъ тогда, что онъ обѣщалъ биться съ людьми, а не съ духами, и обратилъ корабль свой назадъ. Вагнъ послалъ ему въ слѣдъ копье свое и оскорбительную пѣснь.

«Сигвальди привелъ насъ подъ удары,
а самъ бѣжалъ малодушно. Онъ
торопится въ домъ свой; онъ спѣшитъ
пасть на грудь жены своей».

Примѣру Сигвальди послѣдовали Торкель Высокій и Сигурдъ Каппе, по смерти брата. Сильный ударъ меча отсѣкъ у Буя верхнюю губу и весь подбородокъ. Онъ молвилъ: не

сладко будетъ теперь цѣловать меня дѣвамъ борнгольмскимъ, схватилъ остатками обрубленныхъ рукъ ларецъ съ золотомъ своимъ и бросился съ нимъ въ море. Вагнъ съ семьюдесятью товарищами были взяты въ плѣнъ ([64]). Они подверглись тяжкимъ испытаніямъ. Ярлъ хотѣлъ всѣхъ ихъ предать смерти. Вотъ какъ разсказываетъ объ нихъ сага. Узники были всѣ связаны одной большой веревкой. Торкель Лейра былъ избранъ исполнителемъ казни. «Сначала къ нему подвели трехъ человѣкъ; они были тяжело ранены, но къ нимъ были приставлены воины для стражи и для вплетенія имъ вѣнковъ въ волосы. Торкель Лейра подошелъ къ нимъ, отрубилъ имъ головы и спросилъ у бывшихъ при этомъ: не находите-ли вы во мнѣ какой-нибудь перемѣны послѣ этой работы? Говорятъ, что это бываетъ со всякимъ, кто убьетъ трехъ человѣкъ.— Ярлъ Эйрихъ (сынъ Гакона) сказалъ: мы не видимъ глазами перемѣны въ тебѣ, но намъ кажется однако, что ты много измѣнился.—Тогда подвели четвертаго человѣка отъ веревки и вплели ему вѣнокъ въ волосы. Онъ былъ крѣпко израненъ. Торкель спросилъ: каково тебѣ умирать?—Смерть вещь хорошая. Со мною должно случиться то, что случилось съ отцомъ моимъ.—Торкель спросилъ: что съ нимъ случилось?—Руби. Онъ умеръ.—Торкель срубилъ ему голову. Подвели пятаго и Торкель повторилъ вопросъ: каково ему умирать? Тотъ отвѣчалъ: я забылъ-бы о законахъ іомсбургскихъ викинговъ, если-бы испугался смерти и молвилъ робкое слово. Умереть долженъ каждый.—Торкель зарубилъ его до смерти. Потомъ норвежцы рѣшили испытывать всѣхъ узниковъ вопросами. Имъ хотѣлось искусить ихъ отвагу—такъ-ли они смѣлы, какъ говорила молва объ нихъ, не вымолвятъ-ли робкаго слова предъ смертью. Привели шестого плѣнника и вѣнчали его. Торкель говорилъ ему то-же, что прежнимъ. Онъ отвѣчалъ: я радъ честной смерти. А ты, Торкель, будешь жить съ позоромъ.—Торкель убилъ его. Тогда подошелъ седьмой и услышалъ обычный вопросъ. «Умирать мнѣ весело. Руби только скорѣе. Я держу ножъ въ рукахъ, потому что мы часто толковали съ товарищами, іомсвикингами, о томъ, помнитъ-ли и знаетъ-ли что-нибудь человѣкъ, когда у него только что срублена голова. Это будетъ знакомъ: я подыму ножъ къ верху, если у меня останется память, иначе онъ упадетъ на землю.— Торкель Лейра ударилъ въ него, голова отлетѣла прочь, но ножъ упалъ на землю. Привели восьмого плѣнника, и Торкель спросилъ у него то-же, что у другихъ. Онъ отвѣчалъ, что смерть не противна ему, а когда мечъ поднялся надъ нимъ, онъ сказалъ еще: баранъ! Торкель остановилъ ударъ

и спросилъ, какъ это слово пришло ему на языкъ.—Отвѣтъ былъ: я не изъ числа тѣхъ овечекъ, которыхъ вы, люди ярла, призывали вчера, когда мы рубили васъ.—Жалкій!—молвилъ Торкель и опустилъ ударъ. Развязали девятаго. Онъ отвѣчалъ на обычный вопросъ: смерть отрадна мнѣ, также какъ товарищамъ моимъ; но я не хочу умирать, какъ овца, я сяду передъ тобою, а ты руби меня прямо въ лицо, да замѣчай, вздрогну-ли я. Мы объ этомъ часто толковали.—Такъ и было сдѣлано. Онъ сѣлъ напротивъ Торкеля, который подошелъ и ударилъ прямо въ лицо. Но онъ не вздрогнулъ, только глаза закрылись, когда смерть сошла на него. Потомъ подвели молодого человѣка: у него были густые, какъ шелкъ золотистые волосы. Торкель обратился къ нему съ обычнымъ вопросомъ своимъ. Онъ отвѣчалъ: жизнь моя была очень хороша до сихъ поръ, но вчера и нынче умерли такіе люди, что мнѣ уже, кажется, не изъ чего жить. Я хочу только, чтобы меня вели на смерть не рабы, а воинъ не хуже тебя. — Я думаю, что такіе не рѣдки, — пусть онъ нагнетъ мнѣ голову и держитъ волосы къ верху, чтобы они не намокли въ крови. Подошелъ норвежскій воинъ, схватилъ волосы и обмоталъ ихъ около рукъ своихъ; когда Торкель занесъ мечъ, онъ нагнулъ голову узника, но ударъ попалъ въ того, кто держалъ, и отсѣкъ ему обѣ руки у самыхъ локтей. Викингъ вскочилъ и спросилъ: чьи руки въ волосахъ моихъ?—Ярлъ Гаконъ сказалъ: намъ приключилось большое горе. Убей скорѣй этого и потомъ другихъ, которые близко стоятъ. Это люди опасные, и отъ нихъ не всегда можно остеречься. Ярлъ Эйрихъ молвилъ: надобно прежде узнать, кто они такіе. Какъ зовутъ тебя, молодой человѣкъ?—Меня зовутъ Свейномъ.—Кто отецъ твой?—Говорятъ, что я сынъ Буя. — Сколько лѣтъ тебѣ?—Если переживу эту зиму, то мнѣ будетъ восемнадцать лѣтъ.—Ты переживешь эту зиму, сказалъ ярлъ Эйрихъ и взялъ его себѣ. Ярлъ Гаконъ былъ этимъ очень недоволенъ... Затѣмъ развязали еще человѣка, но ноги его запутались въ веревкѣ, и онъ сидѣлъ неподвижно. Онъ былъ молодъ, великъ и черезъ мѣру отваженъ. Торкель сказалъ: каково тебѣ умирать? Онъ отвѣчалъ: умирать было-бы хорошо, если-бы я только исполнилъ обѣтъ свой. — Ярлъ Эйрихъ спросилъ: какъ зовутъ тебя?—Вагномъ.—Кто твой отецъ?—Аки.—Какой-же обѣтъ далъ ты, по совершеніи котораго тебѣ хорошо было-бы умереть?—Я далъ обѣтъ лечь на ложе Ингеборги, дочери Торкеля Лейры, не въ обиду друзьямъ ея, и убить его самого, когда буду въ Норвегіи.—Изъ обѣта твоего ничего не выйдетъ, сказалъ Торкель, бросился на него и объ̀ими руками

занесъ ударъ. Но британецъ Біорнъ далъ Вагну такой то-
чокъ ногою, что онъ упалъ. Ударъ Торкеля пролетѣлъ мим
онъ самъ споткнулся и выронилъ мечъ, который перерубил
веревку, державшую Вагна. Этотъ сталъ на ноги, схватил
мечъ и убилъ Торкеля.—Теперь обѣтъ мой въ половину со-
вершился; мнѣ стало веселѣе на сердцѣ.—Ярлъ Гаконъ вскри-
чалъ: не упускайте его, убейте его скорѣе! Но ярлъ Эйрихъ
молвилъ: ему также слѣдуетъ жить, какъ и мнѣ.—Тогда ска-
залъ Гаконъ: намъ, кажется, незачѣмъ болѣе метать жребій,
потому что ты все рѣшаешь одинъ. Эйрихъ отвѣчалъ: «Вагнъ
хорошее пріобрѣтеніе, и обмѣнъ былъ-бы выгодный, если-бы
онъ заступилъ мѣсто Торкеля Лейры». — Такимъ образомъ
взялъ ярлъ Эйрихъ Вагна себѣ. Вскорѣ всѣ плѣнники были
освобождены, благодаря великодушію Эйриха ([65]), но они воз-
вратились къ себѣ на родину, а не въ Іомсбургъ, на время
опустѣвшій. О Гіорунгской битвѣ сохранился двоякій раз-
сказъ: пѣсни бывшихъ при ярлѣ Гаконѣ скальдовъ перешли
въ Исландію и составили основу первобытной Іомсбургской
саги, между тѣмъ какъ Сигвальди и другіе бѣглецы, удали-
вшіеся на островъ Зеландію, оставили иныя преданія, въ ко-
торыхъ ихъ участіе въ роковой битвѣ выставлено съ самой
блестящей стороны. Этими преданіями воспользовался Сак-
сонъ Грамматикъ ([66]).

Опустѣніе Іомсбурга продолжалось недолго. Исландецъ
Біорнъ Асбрандзонъ засталъ тамъ въ 983 или 984 году ([67])
новыхъ жителей—Пальнатоки и его викинговъ. Съ именемъ
Пальнатоки связана, хотя и не совсѣмъ справедливо ([68]), вся
слава Іомсбурга. По словамъ саги, онъ устроилъ внутри самой
крѣпости огромную гавань, которая вмѣщала въ себѣ триста
большихъ судовъ. Входъ въ гавань защищали каменныя,
устроенныя сводомъ ворота съ желѣзными затворами. Надъ
воротами возвышалась башня, изъ которой можно было ме-
тать стрѣлы и камни въ нападающихъ ([69]). Это описаніе оче-
видно возникло въ позднѣйшія времена; оно рѣшительно не
могло принадлежать первобытной, еще не искаженной чуж-
дыми ей вставками сагѣ. Не говоря о трудности такихъ по-
строекъ для того времени, замѣтимъ, что каменные своды
вовсе неизвѣстны древнему зодчеству скандинавовъ ([71]), и
что еще въ XII вѣкѣ норвежскія крѣпости строились изъ
большихъ связанныхъ канатами бревенъ ([70]). Пальнатоки
также приписываютъ законы, которыми управлялись іомсбург-
скіе викинги. Эти законы замѣчательны; они напоминаютъ
во многомъ Запорожскую сѣчь.

«Таково было начало этихъ законовъ: никто не можетъ

быть принятъ въ Іомсбургъ старѣе пятидесяти или моложе восемнадцати лѣтъ. На родство и кровную связь не должно обращать вниманія при пріемѣ викинговъ, а на законъ. Никто не долженъ отступать предъ равно вооруженнымъ противникомъ. За смерть падшаго товарища каждый долженъ мстить, какъ за смерть брата своего. Ни въ какомъ случаѣ, ни при какой опасности не позволяются малодушныя слова и знаки робости. Вся добыча, взятая въ походѣ, все, что можетъ быть оцѣнено деньгами, должно приноситься на копье, къ дѣлежу. Нарушитель этого постановленія исключается изъ братства. Никто не долженъ лгать и сообщать другимъ полученныя имъ вѣсти, не передавъ ихъ прежде вождю Пальнатоки. Никому не позволено вводить въ крѣпость женщинъ или отсутствовать болѣе трехъ ночей сряду. Если откроется, что новопринятый викингъ убилъ прежде отца или брата одного изъ товарищей, то споръ между ними рѣшаетъ Пальнатоки. Онъ рѣшаетъ и другія распри. Такимъ образомъ жили они въ крѣпости своей и держали законъ свой» ([72]).

Громкая извѣстность Пальнатоки ([73]) основана преимущественно на томъ участіи, которое онъ принялъ въ кровавой распрѣ между Гаральдомъ Блаатандомъ и сыномъ его Свейномъ. Подъ старость Гаральдъ сдѣлался ревностнымъ заступникомъ нѣкогда гонимаго имъ христіанства. Главою языческой партіи былъ Свейнъ. Разумѣется, что Пальнатоки и Іомсбургскіе викинги стояли на сторонѣ послѣдняго. Разсказъ Саксона снова противорѣчитъ сагѣ. Подобно ей, онъ приписываетъ Іомсбургскому вождю личныя причины ненависти къ Гаральду; но событія, о которыхъ онъ говоритъ, неизвѣстны исландцамъ. По его словамъ, Токи или Пальнатоки былъ знаменитый стрѣлокъ изъ лука. Конунгъ Гаральдъ подвергъ его искусство страшному испытанію: онъ заставилъ его сбить стрѣлою яблоко съ головы родного сына. Недовольный этимъ первымъ опытомъ, Гаральдъ принудилъ Пальнатоки спуститься на лыжахъ съ крутого утеса ([74]). Обо всемъ этомъ молчитъ Іомсбургская сага. Въ ней Пальнатоки является воспитателемъ покинутаго и презрѣннаго отцомъ Свейна. Онъ главный виновникъ войны, которая кончилась смертью Гаральда. Послѣднее дѣло сага и Саксонъ Грамматикъ согласно приписываютъ Пальнатоки, хотя совершенно расходятся въ разсказѣ подробностей. Раненый стрѣлою оскорбленнаго имъ викинга, Гаральдъ умеръ въ Іомсбургѣ или Волинѣ. Здѣсь впервые показывается тѣсная связь между крѣпостью и вендскимъ городомъ. Источники уже не различаютъ ихъ ([75]). Дальнѣйшая участь Пальнатоки теряется въ туманѣ странныхъ преданій.

Мы даже не знаемъ достовѣрно, когда онъ умеръ или оставилъ Іомсбургъ ([76]). Въ исходѣ X-го столѣтія Сигвальди снова правилъ тамошними викингами. Послѣдній знаменитый въ скандинавской исторіи подвигъ совершили они 9-го сентября 1000 года, въ битвѣ при Свольдѣ или при Гельзингборгѣ, гдѣ палъ норвежскій конунгъ Олафъ Триггезонъ. Сигвальди и въ этомъ случаѣ игралъ роль предателя, но онъ рѣшилъ участь битвы ([77]). Волинскіе венды не были праздными зрителями грабежей и войнъ сосѣдняго Іомсбурга ([78]). Они рано соединились съ нормандскими викингами, переняли ихъ жестокіе обычаи и послѣ окончательнаго опустѣнія Іомсбурга ([79]) продолжали грабить берега Балтійскаго моря. Рюгенскіе и волинскіе разбойники въ свою очередь посѣтили берега Скандинавіи ([80]). Въ XI столѣтіи городъ Волинъ получилъ еще другое значеніе: онъ сдѣлался надежнымъ пристанищемъ для всѣхъ изгнанниковъ и удальцовъ датскихъ и, быть можетъ норвежскихъ ([81]). Этимъ объясняются частыя нападенія датскихъ государей на Волинъ въ эпоху, когда древній викингскій бытъ былъ уже предметомъ гоненій и почти исчезъ на скандинавскомъ сѣверѣ. Около 1100 года, король Эрихъ Эйегодъ долженъ былъ отправить сильный флотъ противъ Волина, котораго жители, руководимые отчасти недовольными датчанами, дѣлали почти невозможнымъ сообщеніе между островами, изъ которыхъ состояла Данія ([82]). Въ приготовленіяхъ къ походу игралъ главную роль Скіальмъ Бѣлый, дѣдъ знаменитаго архіепископа Авессалона ([83]). Этому роду суждено было нанести страшные удары вендамъ вообще и Волину въ особенности. Городъ принужденъ былъ выдать Эриху укрывавшихся здѣсь норманновъ и заплатить дань ([84]). Но такое смиреніе было непродолжительно. Судя по словамъ датскаго лѣтописца, Эрихъ Эйегодъ долженъ былъ предпринять еще два похода противъ того-же врага ([85]). Успѣхи были, по всей вѣроятности, незначительные, потому что король Нильсъ вскорѣ послѣ Эриха (около 1120 года) опять ходилъ на Волинъ и частью сжегъ его, но не могъ прекратить разбои. Этотъ подвигъ совершили Вольдемаръ 1-й и архіепископъ лундскій Авессалонъ ([86]). Волинъ, ослабленный долгими борьбами, палъ и не подымался болѣе. Силы его были истощены. Лѣтописцы не сообщаютъ подробностей о послѣднихъ битвахъ знаменитаго города и мимоходомъ говорятъ о его паденіи ([87]). Въ нынѣшнемъ Волинѣ ничто не напоминаетъ великой старины. Путешественнику, случайно заброшенному въ небольшой и бѣдный городокъ померанскій, едва-ли придутъ въ голову пышныя описанія Адама Бременскаго. Слѣдовъ

Іомсбурга также не найти ему. Только путемъ ученыхъ изслѣдованій можно опредѣлить приблизительно мѣсто, гдѣ нѣкогда стояла крѣпость норманскихъ викинговъ. Имена Іомсбурга и Юмны не встрѣчаются въ мѣстныхъ преданіяхъ. Слава древняго Волина забыта онѣмеченнымъ народонаселеніемъ. Но рыбаки волинскіе и узедомскіе разсказываютъ чудную повѣсть о царственной Винетѣ, о богатствахъ ея и гибели. По ихъ словамъ, море бережно хранитъ поглощенный имъ городъ. Въ ясные дни можно отличить, сквозь прозрачныя волны, развалины величавыхъ зданій, верхи церквей и башенъ, огромныя груды камней, расположенныхъ правильными рядами съ запада на востокъ. Иногда со дна морского подъемлются странные звуки: то гудятъ колокола винетскіе во славу Бога и земли вендской. Эти разсказы поморскихъ рыбаковъ исполнены поэзіи. Но откуда взялись они? Гдѣ историческая основа прекраснаго преданія? Какъ могло существованіе такого города, какимъ описываютъ Винету, укрыться отъ вниманія лѣтописцевъ до Гельмольда, который въ исходѣ XII вѣка первый назвалъ это таинственное имя?

III. Винета.

«Sie ward verstörht und heist Woll'n».
Nicolaus Marschalcus ap. Westphalen
Mon. ined. I. 579.

Изслѣдованія ученыхъ о Винетѣ составляютъ любопытный и поучительный эпизодъ въ самой исторіи науки. Сто лѣтъ тому назадъ такъ-же крѣпко вѣрили въ существованіе Винеты, какъ въ подвигъ Вильгельма Телля. Всякое сомнѣніе казалось, если не преступнымъ, то по крайней мѣрѣ невѣжественнымъ и дерзкимъ отрицаніемъ очевидныхъ истинъ. Дѣло критики было трудное и опасное: она должна была спорить противъ дорогихъ народу повѣрій, опровергать свидѣтельства лѣтописей и уличать въ легкомыслiи людей съ громкими именами и великими заслугами въ области науки. То, что теперь намъ кажется обыкновеннымъ ученымъ трудомъ, было сто лѣтъ тому назадъ подвигомъ мужества и самоотверженія въ пользу истины. У сочинителя книги «Guillaume Tell, fable Danoise» было вѣрно не менѣе смѣлости, чѣмъ у горнаго

стрѣлка, въ дѣлахъ котораго онъ усомнился, и Люцернскій совѣтъ, требовавшій казни наглаго скептика, едва-ли былъ лучше Геслера. Жизнь ученыхъ, которые начали критическое разложеніе сказаній о Винетѣ, конечно, не подвергалась опасности, но имъ также не легко, не безъ тяжкихъ трудовъ и оскорбленій всякаго рода досталась побѣда надъ вѣковымъ предразсудкомъ. Бартольдъ разсказалъ подробно странное рожденіе и быстрый ростъ басенъ о Винетѣ (88). Мнѣ остается только дополнить его прекрасный трудъ нѣкоторыми, ускользнувшими отъ его вниманія фактами и выводами послѣднихъ, окончательныхъ розысканій.

Имя Винеты встрѣчается въ первый разъ въ лѣтописи Гельмольда, писанной около 1170 года. Выше показано, что бозовскій священникъ повторилъ, говоря о Винетѣ, слова Адама Бременскаго о Юмнѣ или Волинѣ. Изъ Гельмольдовой лѣтописи имя Винеты и ея описаніе перешли въ другіе письменные памятники Средняго вѣка. Впрочемъ, сколько намъ извѣстно, никто не думалъ отличать Винеты отъ Юлина. Полагали, что это были два имени одного и того-же города. Во второй половинѣ XIV вѣка ученый рыцарь Эрнстъ фонъ-Кирхбергъ написалъ стихотворную хронику земли Мекленбургской. Очевидно, что для древнѣйшихъ временъ онъ почти исключительно пользовался Гельмольдомъ. Но извѣстія, сообщенныя послѣднимъ, уже дополнены и развиты историкомъ-поэтомъ. Вмѣсто неопредѣленнаго «aliae gentes permixtae» явились чехи и поляки. Явились также евреи, потому что, по мнѣнію Эрнста фонъ-Кирхберга, ихъ не могло не быть въ торговомъ городѣ (89). Эти измѣненія были, конечно, неважны. Они въ сущности не искажали древняго текста, но первый шагъ на поприщѣ произвольныхъ толкованій и дополненій былъ сдѣланъ. При томъ направленіи, какое приняла историческая наука въ исходѣ XV и въ XVI столѣтій, сѣмя, брошенное Кирхбергомъ, не могло не принести богатыхъ плодовъ.

Реформація положила конецъ единству католическаго христіанства, въ которомъ дотолѣ жили и сознавали себя народы Западной Европы. По самому свойству своему, такой переворотъ долженъ былъ обнаружить сильное вліяніе на всѣ отрасли человѣческаго знанія. У католическаго міра было свое пониманіе исторіи. Всѣ событія, всѣ народности были связаны одною идеей и одною цѣлью. При такомъ подчиненіи общему, частности болѣе или менѣе сглаживались. Но католическое воззрѣніе на исторію не могло быть принято поколѣніями XVI вѣка. Народы, выступивъ изъ связывавшаго ихъ прежде единства, потребовали каждый своей особенной, ему

исключительно посвященной исторіи. Множество ученыхъ взялось за это дѣло. Они принесли къ нему умы, настроенные къ смѣлымъ соображеніямъ великими событіями современности, огромную начитанность въ древнихъ классикахъ и въ лѣтописяхъ Средняго вѣка, пламенный патріотизмъ и совершенное отсутствіе всякихъ началъ критики. Скажемъ болѣе: у нихъ не было простого смысла истины и правдоподобія. Чудовищныя компиляціи того времени поражаютъ нынѣшняго читателя нестройною ученостью, которая видна на каждой страницѣ, и страннымъ разгуломъ ничѣмъ не сдержаннаго воображенія (90). Разумѣется, есть исключенія, но ихъ немного. Это уже не простодушное невѣжество Средняго вѣка, а самовольная игра историческими фактами, наглый умыселъ передѣлать прошедшее сообразно съ личною прихотью или народнымъ самолюбіемъ. Басня о Винетѣ въ ея постепенномъ развитіи служитъ разительнымъ доказательствомъ сказаннаго.

Первый, кто пошелъ по слѣду, проложенному Кирхбергомъ, былъ Альбрехтъ Кранцъ (ум. 1517), писатель не безъ значительной учености и не безъ дарованія, но зараженный общею болѣзнію вѣка. Подъ названіемъ «Вандаліи», написалъ онъ исторію сѣверной Германіи, смѣшалъ, по примѣру многихъ предшественниковъ, вендовъ съ винулами и вандалами, и принялъ Винету за отдѣльный отъ Юлина городъ. Но его Винета находилась также при рѣкѣ Дивеновѣ и была въ сущности старый Волинъ, на развалинахъ котораго, или, по крайней мѣрѣ, очень близко отъ нихъ, выстроился новый городъ. Описаніе Винеты заимствовано Кранцемъ изъ Гельмольда. Сочинитель Вандаліи прибавилъ отъ себя извѣстіе о разореніи города шведами и датчанами, во времена Карла Великаго (91). Причиною этого бѣдствія были раздоры, возникшіе между жителями. Сказаніе это было принято за достовѣрный фактъ позднѣйшими историками, Сумомъ (92), Веделемъ Симонсеномъ (93) и т. д. Но откуда взялъ его самъ Кранцъ? Слова Гельмольда «quidam Danorum rex» вовсе не уполномочивали его такимъ выводамъ. Другіе, болѣе ранніе источники не упоминаютъ вовсе о Винетѣ. Ведель Симонсенъ въ оправданіе Кранца ссылается на житіе св. Ансгарія, составленное въ IX вѣкѣ ученикомъ его Римбертомъ. Не понимаю, какъ могло ученому изыскателю придти въ голову такое неудачное оправданіе. Кранцъ называетъ по имени конунговъ Гемминга и Герода, говоритъ о междоусобіяхъ жителей и т. д. Римбертъ разсказываетъ совсѣмъ другое. Изгнанный изъ родины шведскій конунгъ Анундъ просилъ помощи у датчанъ и обѣщалъ имъ въ награду отдать на разореніе городъ Бирку.

Жители умѣли отклонить отъ себя грозившую имъ бѣду, и датскіе викинги рѣшились вознаградить себя другою добычею. «Ceciditque sors quod ad urbem quamdam longius inde positam in finibus Slavorum ire deberent. Hoc ergo illi, videlicet Dani, quasi divinitus sibi imperatum credentes, a loco memorato recesserunt et ad urbem ipsam directo itinere properarunt, irruentesque super quietos et secure habitantes, improvise civitatem illam armis ceperunt et captis in ea spoliis ac thesauris multis ad sua reversi sunt ([91]). Здѣсь даже не названо имя взятаго города, не говоря уже о другихъ подробностяхъ. Но этимъ не ограничился Кранцъ. У Адама Бременскаго, у Саксона Грамматика читалъ онъ о богатствѣ и значеніи древняго Юлина. Онъ пользуется описаніемъ, которое составилъ первый изъ этихъ двухъ лѣтописцевъ, не замѣчая, что тоже самое сказано имъ прежде о Винетѣ, со словъ Гельмольда. Потомъ онъ сообщаетъ новыя, у него перваго находимыя подробности, что Юлинъ уступалъ одному только Цареграду, что у каждаго изъ жившихъ тамъ торговыхъ народовъ были свои улицы, торжища и т. д. Короче, онъ разсказываетъ о Волинѣ то, что онъ зналъ о болѣе близкихъ ему по времени городахъ ганзейскихъ въ Россіи и Норвегіи ([95]). Слѣдовательно, Бартольдъ не правъ, называя Николая Марешалька «отцомъ лжи» о Винетѣ. Марешалькъ былъ только сумазброднѣе, смѣлѣе Кранца, но не ему принадлежитъ честь начинанія.

Вскорѣ послѣ Кранцовой «Вандаліи» написалъ свою исторію Помераніи Іоаннъ Бугенгагенъ, уроженецъ волинскій. Въ первомъ отдѣлѣ моего разсужденія я упомянулъ объ его книгѣ и о сочиненной имъ генеалогіи для родного города. Онъ уже принимаетъ Винету за отдѣльный городъ и переноситъ ее съ Дивенова на сосѣдній съ Волиномъ островъ Узедомъ ([96]). Разсказъ Гельмольда онъ относитъ исключительно къ Винетѣ. Преданіе о поглощеніи этого города моремъ ему еще не извѣстно, но онъ упоминаетъ объ уцѣлѣвшихъ развалинахъ. Впрочемъ, Бугенгагенъ приводитъ другое мнѣніе, утверждавшее тожество Винеты и Волина, и признается, что оно также не безъ основанія ([97]). Вопросъ этотъ повидимому его занималъ немного. Сочиненіе Бугенгагена не могло имѣть большого вліянія, несмотря на то, что оно было гораздо лучше всего, что написано о томъ-же предметѣ его современниками и, вообще, учеными XVI вѣка. Оно пролежало болѣе двухсотъ лѣтъ въ рукописи и напечатано не прежде, какъ въ 1728 году. Тѣмъ болѣе читались сочиненія вродѣ Annales Herulorum et Vandalorum I. VII, Николая Марешалька ([98]). Не считаю нужнымъ передавать содержаніе

этихъ бредней. Достаточно слѣдующаго: по свидѣтельству лѣтописей (?), въ Винету, гдѣ жили птоломеевы венеты, ходили товары изъ Индіи, Азіи, Греціи. Торговыя сношенія происходили тогда съ большимъ удобствомъ и простирались отъ вандаловъ къ сарматамъ, отъ сарматовъ къ скиѳамъ, потомъ съ каспійцамъ, сирамъ, бактріянамъ и индѣйцамъ. Когда погибла Винета, на ея мѣстѣ возникъ Юлинъ, что доказывается древними памятниками (99). Какими?

Но мы еще далеко отъ берега. Намъ еще предстоитъ длинное плаваніе въ этомъ океанѣ нелѣпостей, въ которомъ потонуло такъ много неосторожныхъ историковъ прошедшаго и даже нынѣшняго столѣтія.

Окончательно утвердилъ вѣру въ существованіе и значеніе Винеты сочинитель извѣстной померанской хроники Ѳома Канцовъ. Его нельзя упрекнуть въ умышленномъ обманѣ. Онъ былъ обманутъ собственнымъ воображеніемъ (100). Собирая матеріалы для своей книги, онъ рѣшился повѣрить на мѣстѣ истину сказаній о развалинахъ Винеты. Въ промежуткѣ 1520—30 были совершены имъ эти розысканія. Онъ нашелъ въ морѣ противъ деревни Дамерова, лежащей на островѣ Узедомѣ, ряды камней, расположенныхъ въ порядкѣ съ в. на з. и заключилъ, что въ этомъ направленіи шли улицы погибшаго города. Камни онъ принялъ за фундаментъ смытыхъ моремъ домовъ. Въ трехъ или четырехъ мѣстахъ утесы возвышались надъ поверхностію воды. Канцову показались они главами церквей и ратуши. Глубина не дозволяла ему кончить изслѣдованій, но довольно было и найденнаго. Открытая имъ часть Винеты равнялась величиною Любеку и, безъ сомнѣнія, превосходила его во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Рыбаки, провожавшіе Канцова, разсказывали ему между прочимъ, что улицы Винеты были вымощены камнемъ, и что эту мостовую, обросшую мохомъ, можно ощупать посредствомъ длинныхъ шестовъ (101). Вопросъ былъ рѣшенъ. Канцовъ внесъ въ свою хронику результаты сдѣланныхъ имъ открытій. На небольшомъ островѣ Волинѣ явились современно два богатые и сильные города: Волинъ и Винета. Послѣдняя была, впрочемъ, могущественнѣе своего соперника (102). Болѣе подробныхъ извѣстій объ ней не сообщаетъ Канцовъ. Онъ довольствуется буквальнымъ переводомъ извѣстнаго мѣста Гельмольдовой лѣтописи и заимствованнымъ у Кранца предположеніемъ, что Визби въ Готландіи возникъ вслѣдствіе гибели Винеты. Книга Канцова имѣла большой успѣхъ. Она ходила въ многочисленныхъ спискахъ, была дополняема и сокращаема учеными (103) и, вообще, считалась лучшимъ сочиненіемъ по

этому предмету. Не удивительно, что его разсказы о подводныхъ развалинахъ привлекли къ тому мѣсту, гдѣ они находились, много любознательныхъ посѣтителей. Умершій въ 1560 году герцогъ померанскій Филиппъ приказалъ измѣрить пространство, занимаемое мнимыми остатками Винеты. Оказалось, что они шли на полмилю въ длину и на три четверти мили въ ширину (104). Вскорѣ послѣ 1560 года, въ Дамеровѣ были, для осмотрѣнія загадочныхъ камней, молодой герцогъ брауншвейгскій и Іоаннъ Луббехъ, бюргермейстеръ Трептовскій. Оба они слышали отъ проводниковъ своихъ много подробностей о великолѣпіи утонувшаго города. Пасторъ сосѣдняго Волгаста сказалъ даже герцогу, что послѣ бѣдствія, постигшаго Винету, шведы увезли къ себѣ всѣ мраморные обломки. По словамъ какой-то старой пѣсни, металлическія ворота, которыми красовался Визби въ Готландіи, составляли часть этой добычи (105). Луббехъ нашелъ камни почти въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ ихъ оставилъ лѣтъ за тридцать или болѣе Канцовъ. Опираясь на прежнія изслѣдованія, на пѣсни и сказанія рыбаковъ и, наконецъ, на найденныя имъ въ монастыряхъ древнія рукописи, Трептовскій бюргермейстеръ сообщилъ въ своемъ письмѣ къ Давиду Хитрею слѣдующія извѣстія. Городъ Винета былъ богатъ и славенъ еще до походовъ Гейзриха вандальскаго въ Африку и Одоакра герульскаго въ Италію. Причиною его погибели было не нашествіе враговъ, а наводненіе. Это бѣдственное событіе случилось въ царствованіе Лудвига Благочестиваго (106). Нельзя не подивиться такой изобрѣтательности и смѣлости догадокъ. Кромѣ самого Луббеха, никто не могъ воспользоваться источниками, на которые онъ ссылается. Положимъ, что онъ, какъ думаютъ нѣкоторые, дѣйствительно читалъ какія-нибудь монастырскія лѣтописи о Іомсбургѣ, передѣланныя изъ сагъ, но онъ вовсе не говоритъ о норманской крѣпости, а толкуетъ о вандалахъ, герулахъ и такой древности, до какой вѣрно не доходили ни видѣнные имъ письменные памятники, ни изустныя преданія дамеровскихъ рыбаковъ. На старыя пѣсни ссылается не онъ одинъ; но странно, что ни одинъ изъ защитниковъ Винеты не привелъ хотя двухъ стиховъ изъ слышанной имъ пѣсни. Эти соображенія не помѣшали однако, нѣсколько десятилѣтій спустя, Микрелію внести въ свою подробную исторію земли Померанской всѣ басни о Винетѣ, которыя накопились въ теченіе цѣлаго столѣтія, и замкнуть изслѣдованіе великими открытіями Трептовскаго бюргермейстера. Существенно новыхъ фактовъ Микрелій не прибавилъ къ исторіи, и безъ того уже богатой подробностями. Но онъ

лъ и пояснилъ дошедшія до него свѣдѣнія. Такимъ зомъ ему извѣстно, что въ Винетѣ были металлическія га, что серебро находилось тамъ въ такомъ изобиліи, его употребляли на самыя ничтожныя вещи и т. д. Далѣе казываетъ Микрелій, что въ ясную погоду можно видѣть нѣ морскомъ уцѣлѣвшіе остатки города и замѣтить пре-ное расположеніе улицъ. Разумѣется, что, послѣ погибели ты, ея мѣсто заступилъ Волинъ и въ свою очередь сталъ ъникомъ Цареграда ([107]), Я не считаю нужнымъ говорить томъ обзорѣ ни о Мунстерѣ, ни о Хитреѣ и другихъ -же разряда писателяхъ, которые заимствовали у своихъ шественниковъ готовый матеріалъ и только повторили воихъ книгахъ прочитанное ими прежде.

, XVII столѣтіи басни о Винетѣ получили окончательную ду. Имя вендской столицы явилось на географическихъ ахъ того края и перешло изъ частныхъ изслѣдованій въ ныя книги. Извѣстный своими историческими и географи-ими трудами Альбрехтъ Шварцъ былъ совершенно убѣж-въ истинѣ фактовъ, переданныхъ Кранцомъ, Канцовымъ ікреліемъ. Онъ старался доказать возможность совре-аго существованія двухъ великихъ городовъ, каковы были бщему мнѣнію, Волинъ и Винета, на томъ тѣсномъ про-ствѣ, какое отвели имъ народныя преданія и наука. бургъ, о которомъ Шварцъ узналъ изъ скандинавскихъ чниковъ и написалъ отдѣльное разсужденіе, онъ относилъ Ямундскому озеру, въ окрестности Кестлина ([108]). Въ году два голландскія купеческія судна потерпѣли кора-рушеніе близъ Дамерова. Тотчасъ распространился слухъ, они разбились о каменныя развалины Винеты. Нашлись люди, которые увѣряли, что они собственными глазами ли надъ поверхностью моря три алебастровыя или мра-ыя колонны, изъ которыхъ одна покосилась отъ толчка аго ей голландскимъ судномъ. Тогдашніе разсказы пере-намъ Штолле въ «Исторіи города Деммина». Онъ сообь своимъ читателямъ, что стѣны города Винеты лежатъ есять футовъ ниже морской поверхности, а помянутыя е колонны только на шесть. Но когда убываетъ вода, верхи ъ блестящихъ бѣлизною колоннъ выходятъ наружу, и ки разстилаютъ на нихъ сѣти свои для сушенія. Стѣны ь широки и крѣпки. Форма города овальная, величиною болѣе Штетина. Вблизи отъ развалинъ, магнитная стрѣлка кодитъ въ странное колебаніе, что было причиною 8 ко-екрушеній въ теченіе 26 лѣтъ, т. е. съ 1745 по годъ ([109]). На основаніи всѣхъ исчисленныхъ [redacted]

написалъ прусскій президентъ Кеффербринкъ напечатанное въ VIII томѣ Бюшингова магазина изслѣдованіе о Винетѣ или старомъ Волинѣ ([110]). Здѣсь примирены всѣ противорѣчія, разрѣшены всѣ недоразумѣнія. Іомсбургъ былъ не что иное, какъ цитадель винетская, «тоже что Бирса при Карѳагенѣ ([111])». Приведенныя выше слова саги объ укрѣпленіяхъ іомсбургскихъ не кажутся Кеффербринку преувеличенными. Онъ даже снабдилъ ихъ слѣдующимъ комментаріемъ: «въ этой крѣпости (Іомсбургѣ) находится арсеналъ для тяжелыхъ орудій; тамъ также были приличныя комнаты для постояннаго жилища коменданту и остальнымъ высшимъ офицерамъ... Можно заключить, что и въ казармахъ для простыхъ солдатъ не было недостатка ([112])». Есть наконецъ цѣлая глава объ отношеніяхъ вендскаго двора и великаго Буриславфа къ сосѣднимъ державамъ. Тутъ, между прочимъ, находится извѣстіе, что въ Іомсбургѣ былъ даже «первый министръ для придворныхъ и государственныхъ дѣлъ ([113])». Сколько мнѣ извѣстно, слова ученаго президента не возбудили недовѣрчивости въ современныхъ ему ученыхъ. Около десяти лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ VIII тома Бюшингова магазина, сказалъ о Винетѣ Іоаннъ Мюллеръ: «она была средоточіемъ, гдѣ произведенія пастушеской жизни и еще незначительнаго ремесленнаго труда обмѣнивались на товары купцовъ, посѣщавшихъ поморье. Но внезапно опустилась почва, на которой стоялъ городъ, въ морѣ; великая Винета исчезла; развалины ея суть подводные утесы, но мраморъ и алебастръ свидѣтельствуютъ со дна морского о прошедшемъ величіи ([114])».

Не говоря о бредняхъ, возникшихъ въ началѣ XVI вѣка и завершенныхъ въ статьѣ президента Кеффербринка, самый фактъ существованія Винеты доказывается слѣдовательно: 1) свидѣтельствомъ Гельмольда; 2) народными преданіями; 3) развалинами города, о которыхъ у насъ есть разсказы людей, видѣвшихъ ихъ собственными глазами. Сверхъ того защитники Винеты ссылаются на такъ называемый Codex Oldenburgensis, гдѣ встрѣчается странное извѣстіе, что въ 1158 и 1176 годахъ въ любскомъ городовомъ совѣтѣ засѣдали люди изъ городовъ Волина и Винеты. Такимъ образомъ существованіе Винеты относится къ позднѣйшему времени, и она ясно отдѣляется отъ Волина, съ которымъ ее смѣшивали ([115]).

Я разберу порознь всѣ эти доказательства. Ихъ опровергнуть не трудно:

I. Выше показано, что Гельмольдъ переписалъ почти отъ слова до слова описаніе Юмны Адама Бременскаго, но вмѣсто

вилось новое имя—Винета, о которой до того
оминали лѣтописцы. Далѣе, говоря о смерти
анда, Гельмольдъ повторяетъ опять сказанное
сто, гдѣ умеръ раненный стрѣлою Пальнатоки-
но у него Винетою (116). Ясно, что подъ этимъ
разумѣетъ Юмну бременскаго лѣтописца или
на Грамматика, которыхъ тожество несомнѣнно.
еные, въ томъ числѣ Цельнеръ (117), Линдфорсъ (118)
Шафарикъ, полагаютъ, что слово Винета въ нѣ-
тописяхъ и грамотахъ означаетъ просто городъ
vitas Venetorum. Шафарикъ привелъ даже нѣсколько
такого рода. Но дѣло идетъ о другихъ вендскихъ
другихъ Винетахъ, а не о Волинѣ, который подъ
енемъ является впервые у Гельмольда. Во многихъ
тносящихся къ 936 году, встрѣчается «Groninche
ar Wenethen»; въ грамотахъ 937, 1022, 1062 годовъ—
husum» (Wendenhausen); въ грамотахъ 1022, 1064
«Winethe» (119). Замѣтимъ только, что это названіе
лялось нѣмцами, а не славянами, которые сами ни-
не называли себя вендами, и слѣдовательно для нихъ
«Vineta» было чуждый, иноплеменный звукъ (120). Есть
мнѣніе, высказанное первоначально, если не ошибаюсь,
бекомъ (121), по которому «Винета» есть не что иное,
ошибка самого Гельмольда, не разобравшаго въ быв-
у него спискѣ Адамовой лѣтописи имени Jumne (въ
изированной формѣ—Jumneta) и замѣнившаго его дру-
ему болѣе знакомымъ; или, что еще вѣроятнѣе, эта
а принадлежитъ позднѣйшимъ переписчикамъ «Славян-
хроники». Совершенно сходный случай повторился съ
овною исторіею Англовъ» Беды, въ которой переписчики
или извѣстное имя племени «Juti» другимъ, вовсе без-
еннымъ—«Viti». Мнѣніе Лангебека очень правдоподобно.
ѣкоторыхъ спискахъ Гельмольдовой лѣтописи нѣтъ
изъ слова Винета, которое находится во всѣхъ доселѣ
шихъ изданіяхъ. Въ одномъ спискѣ читается: Jumeta;
угомъ: Immuveta; въ третьемъ: Niniveta (122). Бангертъ,
имѣчаніяхъ къ своему изданію Гельмольда, упоминаетъ
дномъ спискѣ, гдѣ онъ нашелъ Jumneta (123). У позд-
ихъ лѣтописцевъ, которые пользовались Гельмольдомъ
какъ онъ пользовался Адамомъ, встрѣчается странное
образіе именъ тамъ, гдѣ они просто переписываютъ
гное намъ описаніе Юмны. Такимъ образомъ у лѣтописца
ского читаемъ вмѣсто Юмны или Винеты: Wimne (124);
мана Корнера: Nyniveta или Nyumeta (125); въ Chronicon

Slavicum: Lunneta (126). Всѣ эти варіанты происходятъ отъ одной причины, оттого, что переписчики и позднѣйшіе лѣтописцы, не разобравъ имени города, о которомъ говоритъ Гельмольдъ, писали его каждый на свой ладъ.

II. Безсмысленно отвергать свидѣтельство народнаго преданія потому только, что въ этомъ преданіи вымыслы и историческіе факты сплелись въ густую ткань, которой отдѣльныя нити почти неуловимы для глазъ. Но не всегда такъ называемое преданіе переходитъ изъ устъ народа въ книгу, иногда оно идетъ обратнымъ путемъ—изъ книги въ народъ. Такихъ примѣровъ можно привести много. Сказанія о Винетѣ едва-ли первоначально вышли изъ народа. Быть можетъ, подводные камни подали поводъ къ какимъ-нибудь слухамъ между рыбаками, но окончательную форму преданіе приняло вслѣдствіе догадокъ и разсказовъ, пущенныхъ въ ходъ Канцовымъ и его послѣдователями. Частыя посѣщенія и разспросы любознательныхъ людей не могли не подѣйствовать на воображеніе дамеровскихъ рыбаковъ. Оно въ свою очередь стало помогать соображеніямъ ученыхъ изслѣдователей и снабжать ихъ новыми, хотя очень не крѣпкими доводами. Что сказаніе о Винетѣ не было туземное, вендское,—это ясно изъ самаго имени города, которое могло возникнуть только у нѣмцевъ. И имя, и преданіе произошли на чуждой, не славянской почвѣ. Это искусственно воспитанныя растенія, безъ внутренней силы, которую сообщаетъ народный духъ всему, что выходитъ изъ глубины его.

III. Защитники Винеты приписываютъ великую важность списку членовъ Любскаго городового совѣта, въ которомъ сказано, что въ 1158 и 1176 годахъ въ этомъ совѣтѣ засѣдали люди родомъ изъ Винеты и Юлина (127). Такое извѣстіе доказываетъ съ одной стороны дѣйствительное существованіе Винеты, съ другой—ея различіе отъ Юлина. Но, по словамъ самого Гельмольда, Винета уже не существовала во второй половинѣ XII столѣтія: quondam fuit—сказалъ онъ около 1170 года. Памятникъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, весьма сомнительнаго свойства. Онъ возникъ не прежде, какъ въ XIV или даже быть-можетъ въ XV вѣкѣ. По крайней мѣрѣ, существующій списокъ весь писанъ одною рукою и доведенъ до 1416 года. Невѣжественный составитель явно обличаетъ желаніе угодить тщеславію любскихъ патриціевъ, которыхъ родамъ приписываетъ глубокую древность. Нижне-нѣмецкій языкъ этой компиляціи принадлежитъ довольно позднему времени (128). Наконецъ, допустивъ невозможную древность и достовѣрность любскаго списка, мы должны вспомнить, что

ъ окрестности Любека могла быть не одна Винета. Ведель Симонсенъ (129) приводитъ одну грамоту императора Генриха IV, въ которой читаемъ: «in loco Winethe dicto in pago Lacne in comitatu Henrici comitis». Эта Винета находилась недалеко отъ Гамбурга и по самому положенію своему могла быть въ тѣсной связи съ Любекомъ.

IV. Остается разобрать послѣднее доказательство—дѣйствительное существованіе подводныхъ развалинъ славянскаго города. Молва о знаменитыхъ развалинахъ побудила берлинскаго ученаго Цельнера посѣтить въ 1795 году деревню Дамеровъ. При пособіи зрительной трубы, онъ замѣтилъ въ морѣ два мѣста, гдѣ волны разбивались съ особеннымъ плескомъ и шумомъ; рыбаки сказали ему, что причиною этого явленія была большая кирпичная стѣна, въ четыре фута толщиною, которая удерживала натискъ воды. Цельнеръ слышалъ также отъ нихъ, сверхъ извѣстныхъ разсказовъ, что часть этой кирпичной стѣны возвышается до самой поверхности моря. Онъ не могъ ничего подобнаго замѣтить и отправился изъ Дамерова съ недовѣрчивостію къ мѣстному преданію и къ самымъ развалинамъ (130). Тѣмъ не менѣе онъ предложилъ собрать по подпискѣ деньги, нужныя для произведенія изслѣдованій на днѣ морскомъ съ помощію водолазнаго колокола. Собрана была довольно значительная сумма, но Цельнеръ умеръ, и предпріятіе остановилось (131). Въ 1798 опытъ былъ однако сдѣланъ, благодаря любознательности нѣкоторыхъ жителей Штеттина и Свинемюнде и датскаго шкипера Финка. По ихъ желанію, шотландецъ Бусъ (Boos) опускался на морское дно въ означенномъ мѣстѣ, и хотя буря не позволяла ему повторить опыта, но изъ словъ его оказалось несомнѣннымъ, что изслѣдованная имъ часть мнимыхъ развалинъ была не что иное, какъ обыкновенныя груды подводнаго гранита (132). На основаніи этихъ данныхъ написалъ профессоръ Вреде въ Берлинѣ отдѣльное разсужденіе, въ которомъ онъ доказываетъ неосновательность слуховъ о поглощенной волнами Винетѣ (133).

Послѣднимъ защитникомъ Винеты и ея развалинъ явился извѣстный своими трудами на другомъ поприщѣ пасторъ Мейнольдъ (134). Онъ опирается не столько на свидѣтельство Гельмольда, сколько на слѣдующіе доводы: 1) на древнее преданіе; 2) на правильно расположенные ряды камней, видѣнныхъ Канцовымъ и Лубехомъ; 3) на найденный въ морѣ, въ 1836 году, при постройкѣ свинемюндской гавани, обточенный человѣческими руками камень; 4) на множество черепковъ отъ языческихъ урнъ, употреблявшихся при погребе-

ніяхъ, которые находятся близъ Дамерова; 5) на значительное число золотыхъ монетъ, около сорока лѣтъ тому назадъ тамъ же найденныхъ и *немедленно пропавшихъ*, такъ что надъ ними не произведено никакого изслѣдованія; наконецъ, 6) на разорванный берегъ острова Узедома близъ устья Свины, обличающій древній, сильный переворотъ, совершенный раздраженнымъ моремъ ([135]).

Всѣ эти доводы, за исключеніемъ второго, достаточно опровергнуты Бартольдомъ ([136]). Но пасторъ Мейнгольдъ обратился самъ къ обществу померанской исторіи и древностей съ просьбою о пособіи для новыхъ опытовъ посредствомъ водолазнаго колокола. Общество съ своей стороны сдѣлало предварительно нѣсколько запросовъ и изслѣдованій, которыхъ результатомъ были слѣдующія показанія: 1) тайный коммерціи совѣтникъ Краузе сообщилъ обществу, что, еще за сорокъ лѣтъ до сего, находясь въ Свинемюнде, онъ встрѣтилъ тамъ на одномъ англійскомъ суднѣ матроса, отличнаго пловца, который прежде занимался ловлею жемчужныхъ раковинъ. Г. Краузе предложилъ ему отправиться съ нимъ къ развалинамъ Винеты и опуститься тамъ нѣсколько разъ на дно моря для узнанія его свойства. Опыты эти начались на глубинѣ 9 футовъ и продолжались далѣе въ морѣ. Неутомимый матросъ 7 или 8 разъ опускался въ разныхъ мѣстахъ на дно, оставался долгое время подъ водою и каждый разъ выносилъ горсть морского песку и увѣреніе, что кромѣ обыкновенныхъ камней онъ не находилъ ничего. По всей вѣроятности, Г. Краузе сообщилъ обществу только новыя подробности о томъ предпріятіи, которое, какъ выше сказано, совершено было 14 августа 1798 года нѣкоторыми свинемюндскими и штетинскими гражданами. 2) Г. Скабель въ Штетинѣ, который завѣдывалъ постройкою свинемюндской гавани, письменно отвѣчалъ въ то время на вопросъ покойнаго президента Геринга о расположеніи винетскихъ развалинъ, что онъ самъ дважды осматривалъ каменную гряду, извѣстную подъ этимъ именемъ, и при столь ясной погодѣ, что на глубинѣ 12 футовъ можно было отличать камешки величиною съ орѣхъ, но ничего похожаго на развалины или на правильное расположеніе массъ не замѣтилъ. Поставщики камня для гавани, которые ломали въ самомъ этомъ мѣстѣ гранитъ и доставали его изъ глубины отъ 6 до 12 футовъ, подтвердили тоже самое. Однимъ словомъ, слѣдовъ каменнаго города подъ водою не оказалось никакихъ ([137]).

Вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ предварительныхъ справокъ, общество померанской исторіи сочло себя въ правѣ отказать

пастору Мейнгольду въ его просьбѣ, потому что всѣ дальнѣйшіе опыты были-бы излишни и безполезны. Вопросъ рѣшенъ окончательно. Деревяннаго Волина не удалось превратить въ мраморную Винету. Она существовала только въ воображеніи ученыхъ и рыбаковъ дамеровскихъ, которые долго не откажутся отъ прекраснаго преданія. Подобное сказаніе существуетъ и въ другой части Помераніи ([138]). Пусть народъ вѣритъ въ эти разсказы: для него они составляютъ исторію и поэзію; они могутъ быть приняты и въ настоящую, чистую отъ вымысловъ исторію; но ихъ не надобно ставить на ряду съ строгою дѣйствительностію. У нихъ есть свой смыслъ, свое независимое достоинство и значеніе.

Найдутся и кромѣ дамеровскихъ рыбаковъ люди, которые еще не отступятся отъ Винеты, которымъ предъ лицомъ сухой, критикою добытой истины, станетъ жаль изящнаго вымысла; но противъ ихъ возраженій наукѣ говорить нечего.

Въ заключеніе должно упомянуть о поэтическомъ предположеніи Гизебрехта ([139]). Онъ не вѣритъ въ существованіе Винеты; но ему кажется, что въ основаніи преданій о ней лежитъ историческая истина, скрытая въ символическихъ обрядахъ. Гудящій колоколами церквей своихъ подводный городъ есть, по его словамъ, поэтическое изображеніе христіанской церкви въ землѣ вендской, во дни отпаденія саксовъ отъ Генриха IV.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ изслѣдованію о Винетѣ.

(1) Норманка Гида отвѣчала присланнымъ за ней послам
дого Гаральда: «странно мнѣ, что въ Норвегіи не нашлось ем
нунга съ волею покорить Норвегію и владычествовать надъ
какъ Гормъ въ Даніи или Эйрихъ Упсальскій». Snorre Sturleson.
skringla, Haralds Saga, c. 3.

(2) Сюда преимущественно принадлежатъ: *Lindfors*, disse
civitate Jomensi. Lundæ, 1811. *Вседля Симонсена* изслѣдованія о
бургѣ, переведенныя съ датскаго Гизебрехтомъ: Geschichtliche
suchungen über Jomsburg im Wendenlande. Neue Pommersche Prov
blätter. T. II. стр. 3—175. Критическія замѣчанія на эту с
II. 3. Мюллера, напечатанныя въ томъ-же журналѣ, T. III. стр.
176. *G. Fr. von Rumohr*, Sammlung für Kunst und Historie. Ha
1816. 1. 9—123. *Barthold*, Geschichte von Rügen und Pommern. Ha
T 1.—3. 1839—1843. *Giesebrecht*, Wendische Geschichten, 3 тома.
1842—1843. Я ограничился указаніемъ на главныя сочиненія.
подробное исчисленіе литературныхъ пособій можно найти въ
мянутой книгѣ Бартольда). T. I. стр. 301.

(3) Напр. Волгастъ въ Померанін «apud *urbaniores* vocatur
Augusta, propter urbis conditorem Julium Cæsarem.» Helmoldi Chr
Slavorum ex recens. Bangerti. Lübeck. 1702. L. 1. p. 93. Понятно,
Гельмольдъ называетъ urbaniores. У Кадлубка, Chron. Palonіæ. L.
16, читаемъ о двухъ польскихъ городахъ: Julia (нынѣ Лебусъ)
linum (нынѣ Люблинъ), такъ названныхъ въ честь сестры Юл
заря. Подробныхъ примѣровъ множество. Я привелъ ближайшіе
предмету изслѣдованія.

(4) Изъ этихъ жизнеописаній, три первыя составлены вс
послѣ смерти св. Оттона, около половины XII вѣка, но они д
къ намъ въ передѣлкахъ, принадлежащихъ позднѣйшему врем
Самая важная изъ этихъ компиляцій составлена въ концѣ X
вѣка бамбергскимъ аббатомъ Андреемъ. Клемпинъ доказалъ нед
возможность возстановить чистый текстъ первоначальныхъ исто
ковъ. См. Die Biographien des Bischoff Otto und deren Verfasser. Bal
Studien, T. IX. p. 1—245. Вотъ что говорится въ этихъ памятни
объ Юлинѣ и его загадочномъ столбѣ: «servus Dei Bernhardus co
securi columnam miræ magnitudinis, Julio Cæsari, a quo urbs Julin n
sumpsit, dicatam, excidere aggeressus est.» Andreas, lib. II. ap. Lud
Script. rer. Bambergensium. p. 462.—«Julin a Julio Cæsare condi
nominata in qua etiam lancea ipsius miræ magnitudinis ob memoriam
infixa servabatur». Ibid. L. III, p. 490. «Julin a Julio Cæsare vocab
trahens». Anonymus Sanctacrucianus, Neue Pomm. Provincialblätt. T. I
334. «Julinensibus venerabiliter reservata Julii Cæsaris lancea cole
quam ita rubigo consumserat, ut ipsa ferri materies nullis jam usibus
profutura». Ibid. 335.

(5) Io. Bugenhagii Pomerania, ex manuscripto edidit J. N. Balthasar. Gryphisw. 1728. 4.

(6) A. S. Schwarz. comment. critic. historica de Joms Burgo Pomeraniæ. Gryphiæ, 1835.

(7) Тацитъ о германцахъ, с. 40.

(8) Geschictliche Untersuchung über Jomsburg N. P. Provincialbl. T. II. p. 9—60.

(9) Julin.... cujusdam idoli celebritatem initio aestatis maximo tripudio et concursu agere solebat. Andreas, т. III. ap. Ludew. 490.

(10) Saxo Grammaticus, ed. Stephanus. p. 144.

(11) Historia natural. lib. IV, cap. 13.

(12) Ср. Schöning über der Griechen und Römer Kenntniss von den nordischen Landen, у Шлёцера. Allgemeine nordische Geschichte, p. 88.

(13) Самая богиня Герта и поклоненіе ей—вопросъ очень темный. Ср. разборъ извѣстій о Гертѣ у Бартольда, Gesch. von Pom. und Rügen. 1. 109—121.

(14) Müller uber Wedel Simonsen. N. P. Provinzialblätt. III. 150.

(15) Glossarium Suevo-Gothicum.

(16) Но датчанинъ Саксонъ пишетъ вездѣ „Юлинъ", а не Юмна, а въ нѣкоторыхъ, и, какъ кажется, лучшихъ рукописяхъ Адама Бременскаго находится Юмна или Юминъ.

(17) Suhm, Danske Hist. 1. 498. Müller über Wedel Simonsen, 155.

(18) См. превосходное изслѣдованіе о Саксонѣ Грамматикѣ у Дальмана. Forschungen auf dem Gebiete der Geschichte, I. 150 и слѣд. Сказанное мною въ текстѣ относится только къ первымъ 8-мн книгамъ Саксоновой исторіи. Его разсказъ о современныхъ ему событіяхъ вѣренъ и точенъ.

(19) Въ XII-мъ вѣкѣ Дивеновъ былъ уже недоступенъ для большихъ судовъ, какъ видно изъ разсказовъ Саксона о походахъ Вальдемара I-го.

(20) Barthold, Gesch. von Pom. und Rügen, 1. 296.

(21) Lib. III. c. 69.

(22) L. 1. c. 2. „Leubuzi et Wilini". Шафарикъ рѣшительно считаетъ вулопиновъ или вилиновъ за волинцевъ. Slowanske Starozitnosti, 892.

(23) Начертаніе славянской миѳологіи. СПб. 1841. стр. 177.

(24) Boguphali episcopi Poznaniensis Chronicon Poloniæ ap. Sommersberg Script. rerum Silesiacarum. II, 24. „Walmieg quod alias Julin *dicebatur*".

(25) Barthold, 1. 296.

(26) „Venerabilis frater Alberte Episcope tuis justis postulationibus annuimus et commissam tibi Pomeranensem ecclesiam sub beati Petri et nostra protectione suscipimus et presentis scripti privilegio communimus. Statuentes ut in *civitate Wolinense* in ecclesia beati Alberti episcopalis sedes perpetuis temporibus habeatur.... *civitatem ipsam Wolin*.... Castra hec scilicet Dymmin, Treboses, Chork, *Wolgast* etc. Dregeri Codex Pomeraniæ diplomaticus, nr. 1.

(27) Ueber die Religion der Wendischen Völker an der Ostsee. Baltische Studien, VI. 136.

(28) Bohlen, Ueber den wissenschaftlichen Werth und die Bedeutsamkeit der in den Ostseeländern vorkommenden arabischen Münzen, въ IV-мъ собраніи трудовъ кенигсбергскаго нѣмецкаго общества. 1836. стр. 3—56. Rasmussen, über den Handel des Morgenlandes mit Russland und Scandinavien im Mittelalter, перев. съ датскаго въ N. Pomm. Provinzialbl. II. 366. Изслѣдованіе о торговыхъ путяхъ и сношеніяхъ съ-

Европы съ магометанскимъ востокомъ, въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ Геджры, можетъ рѣшить много историческихъ загадокъ. Мы въ правѣ ожидать такихъ рѣшеній отъ русскаго ученаго Г. Григорьева, который давно занимается этимъ предметомъ.

(29) Adam. Brem. II. 66. Ниже будетъ приведено все это мѣсто Адамовой лѣтописи въ подлинникѣ.

(30) Ueber die Nordlandskunde des Adam von Bremen, in den hist. litter. Abhandll. der K. D. Gesellschaft zu Königsberg. III. Sammlung.

(31) Wendische Geschichten, I. 27—29, III. 366. Ср. Ueber die Nordlandskunde des Adam von Bremen, p. 169—174.

(32) Vend. Geschicht. I. 27.

(33) Ibid. II. 214. III. 366.

(34) Ibid. III. 366—368; 385.

(35) Interea rex, Rugianorum classe auctus perque ostia amnis Zwine Pomeraniam ingressus. Julini oppidi, ipso intacto, confinia populatur. Deinde ad fluvium Julino Caminoque junctum... ostiis bipertitum, Regia classe progreditur. Saxo Gram. p. 333. Ср. стр. 347.

(36) Не одинъ Гельмольдъ списалъ разсказъ Адама о чудесахъ Юмны. Это было сдѣлано еще прежде безъименнымъ саксонскимъ лѣтописцемъ. Analista Saxo въ Eccardi Corpus historicum medii aevi. Т. I. p. 339. Другіе хронисты пользовались большею частію Гельмольдомъ, котораго искаженныя слова легли въ основаніе всѣхъ басенъ о Волинѣ. Исторію этихъ басенъ я разскажу въ третьемъ отдѣленіи моего разсужденія. Здѣсь укажу на одинъ только примѣръ такого искаженія Адамовыхъ и Гельмольдовыхъ извѣстій. Г. профессоръ Морошкинъ приводитъ въ доказательство важности города Юмны свидѣтельство двухъ компиляторовъ новаго времени Сев. Мунстера и Давида Хитрея. Критико-историческія изслѣдованія о Русахъ и Славянахъ, стр. 52. Почтенный изслѣдователь, къ трудамъ котораго нельзя не питать уваженія, не замѣтилъ, что приведенные имъ писатели перефразировали Адама, вставляя сверхъ того самовольныя извѣстія, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ источникѣ. Профессоръ Морошкинъ переводитъ изъ космографіи Мунстера слѣдующее мѣсто: «славянскій городъ Юлинъ на Балтійскомъ морѣ не уступаетъ ни одному городу своею знаменитостію, славный по своимъ богатствамъ и зданіямъ, благородное торжище вандаловъ: *нѣтъ города подобнаго ему, исключая Константинополя. Тамъ Руссы, Датчане, Сербы, Саксонцы и Вандалы имѣли свои улицы и базары.*» Юлинъ много потерпѣлъ отъ Датчанъ. Вольдемаръ, король датскій, чрезъ полководца Свена, сжегъ его и опустошилъ». Послѣдняя фраза не совсѣмъ вѣрно передана въ подлинникѣ: Waldemarus quoque rex Daniæ—classe per Zvenum fluvium ingressus terram, Julinum oppidum captum direptumque incendit. Cosmograph. Lib. 3, p. 771. Рѣчь идетъ не о полководцѣ Свенѣ, а о рѣкѣ Свинѣ. Читатели легко замѣтятъ, что̀ принадлежитъ Адаму Бременскому, и что̀ прибавили отъ себя изобрѣтательные компиляторы XVI и XVII вѣка. Разсказъ Хитрея также не безъ украшеній. Онъ говоритъ: «*портъ Юлина былъ первый послѣ Константинопольскаго!* Въ Юлинѣ не одно племя, а многіе народы, языки, вѣры и торговли: Виниты, Винны, Генеды, Свеоны, Славы, Вандалы, Датчане, Шведы, Камбріи, Цирципане, Іудеи, язычники, Рутены греческой вѣры и многіе другіе. Всѣ сіи народы получали охранныя грамоты (salvus dabatur conductus), и каждый народъ имѣлъ свои базары, носившіе особенныя имена... смѣшеніе идолопоклонства произвело развратъ народовъ и *тиранію* и причинило гибель цвѣтущему городу Юлину. Сперва онъ былъ наказанъ небесной молніею, что̀ побудило Рутеновъ пересе-

литься въ свое отечество и съ своими товарищами искать иныхъ жилищъ въ Россіи, гдѣ они и основали княжество волынское (ducatum Wulinenzem), существующее до сего дня». Все это сказаніе о Волыни основано, кажется, на простомъ созвучіи именъ Волынь и Волинъ. Ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ источникахъ нѣтъ слова, которое бы оправдывало эту выдумку. Во всякомъ случаѣ Хитрей очень ненадежный проводникъ въ Средніе вѣка. Еще одно замѣчаніе, относящееся къ изслѣдованіямъ профессора Морошкина. На страницѣ 32-й сказано: «городъ Волинъ, что нынѣ Вольгастъ». Это старое, нынѣ никѣмъ не поддерживаемое мнѣніе.

(37) Wend. Gesch. II. 214.

(38) Saxo Gram. p. 235.

(39) Saxo, p. 347.

(40) Id. p. 333—35. Knytlinga-Saga, c. 124.

(41) Ad. Br. ed. Lindenbr. p. 32, 52, 59, 92. Адамъ говоритъ о Свейнѣ: qui omnes barbarorum res gestas, ac si scripta essent, memoria tenuit.

(42) Scriptores rerum Danicarum medii ævi, I. p. 51. примѣчаніе h.

(43) Adam. 70.

(44) Saxo, p. 186.

(45) См. Fragmentum historiæ Daniæ Islandicum ap. Langebek, II. 149. Haraldus rex saucius in Vindlandiam fugit et prope *Iomsborgum* festo omnium Sanctorum expiravit. Сочинитель пользовался Адамомъ, потому что ссылается на Historiam Hamburgensem, ib. 146. Другой исландецъ, современникъ Вальдемара II-го, говоритъ: Haraldus rex saucius factus in Vandaliam, *Iomsburgum* fugit ubi omnium Sanctorum festo mortuus est. Langebek, II. 425.

(46) Haraldus... primus urbem fundasse dicitur quæ Hynisburg nuncupatur, cujus mœnia ab Archipræsule Absalone ego Sueno solo conspexi æquari. Langebek, I. 51.

(47) Knytlinga-Saga, c. 24.

(48) Wend. Gesch. III. 366.

(49) Ibid. III, 385.

(50) Ibid. II, 156.

(51) Gesch. von Rügen und Pommern, I. 303 и слѣд.

(52) Происхожденіе слова неизвѣстно. Я не считаю нужнымъ вычислять всѣ удачныя и неудачныя попытки объяснить его. Вотъ новѣйшее предположеніе Петерсена. Iom отъ мезоготскаго hiuhmas, hium, fem. jumja, т. е. толпа и земля вообще. Отсюда исландск. heimr, англ. home. Die Züge der Dänen nach Wenden, Mémoires de la Société R. des antiquaires du Nord. 1836 — 37. p. 123. Исландскія саги принимаютъ Iомъ въ смыслѣ земли, поэзія скальдовъ—въ смыслѣ города.

(53) Wend. Gesch. I. 28.

(54) Chronogr. Saxo, 991. Annales Sangalenses majores ad an. 995. etc.

(55) Von den Töpfen Vulkanns in Julin, Hakons Pomm. Prov. Bl. IV. 151.

(56) Ueber die Nordlandskunde des Adam von Bremen. 169 — 74. Ср. того-же автора, Zur Beurtheilung Adams von Bremen. Baltische Studien, VI. 183 — 204. Разборъ Гизебрехтовыхъ гипотезъ написалъ Лаппенбергъ: von den Quellen, Handschriften und Bearbeitungen des Adam von Bremen. Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichte VI, p. 776. Sqq.

(57) Saxo, p. 182.

(58) Wend. Geschicht. 1. 206.

(59) Іомсбургская сага, въ первобытной формѣ своей, разсказываетъ о подвигахъ Сигвальди и его товарищей до Гіорунгской битвы. Пальнатоки ей неизвѣстенъ. Впослѣдствіи сага о Пальнатоки вошла въ составъ іомсбургской и исказила ее, преимущественно въ хроно-

логическомъ отношеніи. Wendische Geschichten III. 376—78, 386—8
Въ послѣдней, испорченной формѣ дошла къ намъ іомсб. сага. Ем
нѣсколько редакцій, но онѣ отличаются одна отъ другой только бол
или менѣе подробнымъ изложеніемъ однихъ и тѣхъ же событій. Суще
ственнаго различія нѣтъ. Я пользовался нѣмецкимъ переводомъ Гиз
брехта: Geschichte der Freibeuter von Jom. N. Pomm. Provinzialbl. I.
90—139. Изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ редакцій это, кажется, древнѣйшая.

(60) Wend. Gesch. I. 207.

(61) Вопросъ о томъ, кто былъ этотъ Буриславъ, царь земли вендской, много стоилъ труда историкамъ. Сумъ полагалъ, что исландцы соединили въ одно царствованіе польскихъ Мечислава и сына его Болеслава. D. Hist. III. 172. 188. Это мнѣніе ближе всего къ истинѣ. Дѣйствительно, завоеванія Мечислава и въ особенности сына его сблизили ихъ съ волинскими викингами. Болеславъ былъ владѣтелемъ значительной части земли вендской. Свидѣтельства лѣтописей многочисленны. Martinus Gallus. p. 37: «ipse (Bolesiaus) namque Selenciam, Pomeraniam et Prussiam usque adeo vel in perfidia resistentes, vel conversos in fide solidavit.». Kadlubek I. p. 39: «Selenciam, Pomeraniam, Prussiam, Russiamque suae subjiciens ditioni»... Helmold I. c. 15: «Eodem quoque tempore, Bolizlaus Polonorum christianissimus rex... omnem Slaviam, quae est ultro Odoram, tributis subjecit»... Скептицизмъ Гизебрехта здѣсь неумѣстенъ (Wend. Gesch. I. 232). Отъ исландской саги, по самому способу ея происхожденія, нельзя требовать точности хронологической и мѣстной. Впрочемъ въ пользу Сумова предположенія есть еще доводъ: іомсб. сага говоритъ, гл. 13, что Свейнъ датскій и Сигвальди были женаты на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ Бурислава. У Титмара Мерзебургскаго, лѣтописца строгаго и правдиваго, встрѣчаемъ извѣстіе, что Свейнъ былъ точно женатъ на дочери Мечислава, сестрѣ Болеслава, которыхъ исландцы смѣшивали такъ, какъ они смѣшивали ихъ болѣе близкихъ и извѣстныхъ Гаральда и Свейна. Смот. Thietm. Merseb. VII. c. 28.

(62) Iomsvik. Saga, cap. 13. Обѣдъ конунга — очевидный анахронизмъ. Сага смѣшиваетъ Гаральда съ Свейномъ, который дѣйствительно воевалъ съ Этельредомъ.

(63) Iomsvik. Saga, c. 13.

(64) Iomsvik. Saga, c. 13.

(65) Iomsvik. Saga, c. 15.

(66) Saxo, p. 183.

(67) Wend. Gesch. I. 222. Въ 980 г. Сигвальди былъ еще въ Іомсбургѣ.

(68) Исландецъ Біорнъ принесъ на родину первые разсказы о Пальнатоки. Изъ нихъ сложилась особливая сага, которую впослѣдствіи соединили съ іомсбургскою. Но сага о Пальнатоки, помѣщенная въ началѣ на перекоръ хронологической точности, поглотила, такъ сказать, остальное содержаніе. Пальнатоки является главнымъ, почти единственнымъ виновникомъ іомсбургской славы. Саксонъ Грамматикъ разсказываетъ объ немъ только какъ объ отличномъ стрѣлкѣ и убійцѣ Гаральда Блаатанда.

(69) Iomsvik. Saga, c. 7.

(70) Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde, herausgegeben von der königl. Gesellschaft für nordische Alterthumskunde. Kopenhagen. 1837, стр. 69.

(71) Einerson not. ad speculum Regale Norweg. p. 35.

(72) Iomsvik. Saga, c. 8.

(73) Самое подробное изслѣдованіе о Пальнатоки находится въ

путомъ мною изслѣдованія Веделя Симонсена объ Іомсбургѣ. ваясь преимущественно на словахъ Саксена: «Toki provincia i ortus», Ведель полагаетъ, что Пальнатоки, потомокъ этого былъ славянинъ. Нелѣпость такого предположенія доказана Іоллеромъ: Ueber Wedel Simonsen, N. Pomm. Provinzialbl. III. 161. 4) Saxo, p. 184—6. Невѣроятность Саксоновыхъ разсказовъ бровъ глаза. Во 1-хъ, какъ могли умолчать исландцы о такихъ ягъ, которыя сверхъ своей важности, по самому характеру , принадлежатъ сагѣ; во 2-хъ, откуда взялъ Гаральдъ власть, я давала ему возможность подвергать свободныхъ скандинакимъ испытаніямъ? Едва-ли не правъ П. Э. Мюллеръ, утверій, что весь этотъ разсказъ взятъ изъ какого-нибудь восточшедшаго на сѣверъ преданія. Быть можетъ также, что источь этого преданія былъ Геродотъ, III. 34. 35. Но не у одного Сакстрѣчается оно. Исландскія саги приписываютъ подвиги, пое подвигу Пальнатоки, другимъ лицамъ, жившимъ прежде и іомсбургскаго вождя. P. E. Müller, Sagabibliothek. II. 172, слѣд. III. ги басни нашли далекій отголосокъ. Онѣ повторились потомъ ріи Вильгельма Телля. Кому незнакома эта исторія? Сомнѣнія товѣрности событія, не засвидѣтельствованнаго ни однимъ сонникомъ, считались грѣхомъ противъ народной славы швейцар-Уріилъ Фрейденбергеръ, авторъ изслѣдованія Guillaume Tell, Danoise, Bern, 1760, былъ судимъ за оскорбленіе отечества, и по судебному приговору, сожжена рукою палача. Несмотря на сти, грозившія скептикамъ, несмотря на ученость защитниковъ ія о Теллѣ, изъ которыхъ достаточно назвать Іоанна Мюллера tliche Werke, T. VIII. p. 303), потомство иначе рѣшило это дѣло вдало Фрейденбергера. Въ 1835 году появились Urkunden zur chte der eidgenössischen Bünde, изданныя Коппомъ. Это собраніе ъ и другихъ актовъ доказало, во 1-хъ, что извѣстія о началахъ арскаго союза искажены писателями позднѣйшими, и что до ода, когда была издана исторія Швейцаріи Чуди, въ народѣ твовали другія преданія, не сходныя съ тѣми, которыя образоь изъ разсказовъ названнаго лѣтописца. Корр. 44—45. Во 2-хъ, еръ, играющій столь важную роль въ сказаніяхъ о Теллѣ, нине былъ фогтомъ Кюсснахтскимъ. Id. p. 63. Наконецъ, Гизели ихъ Recherches critiques sur l'histoire de Guillaume Tell показалъ, простыя пѣсни народа о стрѣлкѣ Вильгельмѣ (Телль есть имя ательнее: простякъ) подъ перомъ лѣтописца соединились съ инавскими сагами. Какъ и когда эти саги пришли въ Швей-, сказать трудно. Быть можетъ, этимъ фактомъ доказывается инавское происхожденіе, которое себѣ приписываютъ жители на Швица. Аристократическая фамилія Чуди, къ которой прижалъ знаменитый лѣтописецъ, жившій въ XVI вѣкѣ и давшій азамъ о Теллѣ ту форму, въ какой они дошли къ намъ, вела родъ изъ далекихъ восточныхъ странъ.

5) Доказательства приведены выше. Ср. Barthold, Gesch. von Pomund Rügen. I. 315.

6) Ведель Симонсенъ говоритъ, что Пальнатоки умеръ въ 999 году, э предположенія основаны только на свидѣтельствѣ іомсб. саги, ника весьма недостовѣрнаго относительно хронологическихъ опредѣленій. По словамъ саги, Пальнатоки поссорился съ питомцемъ своейномъ, получилъ отъ вендскаго царя Буриславa землю Іомъ ръ вождемъ Іомсбурга и врагомъ Даніи. Iomsv. Saga, c. 7—12.

7) Snorre Sturleson, Saga af Ólafi konungi Triggvasini, cap. [illegible]

Saxo, p. 190—191. Adam. Brem. 82. Сводъ и повѣрка противорѣчащ
одно другому свидѣтельствъ у Гизебрехта, Wend. Gesch. I, 240—

(78) Wend. Gesch. I. 250, Wedel Simonsen. p. 9. Объ отношеніяхъ
лина къ Іомсбургу у насъ нѣтъ хорошихъ извѣстій. Вѣроятно,
волинцы были сначала подвластны датскимъ вождямъ Іомсбурга
когда эта крѣпость отложилась отъ датскихъ конунговъ, волинцы
ли союзниками и сподвижниками бывшихъ господъ своихъ. Изъ с
Торфея: „adiunctum muneri honore mistum onus, sub custodis limitu
tuio arcendi a finibus etc“. Hist. rer. Norvegic. Part. II. lib. VII. c. 5. м
заключить, что іомсвикинги *служили* волинцамъ. Въ этомъ нѣтъ
чего невозможнаго, если дѣло идетъ объ XI вѣкѣ. Впрочемъ, ис
Торфеевыхъ предположеній повѣрить трудно, по недостатку пос

(79) Въ 1043 году, Магнусъ Добрый, король датскій и норвеж
взялъ и сжегъ Іомсбургъ. „Magnus autem rex, posteaquam in Vindlan
venit Iomsborgum aggressus, oppidi munimentis mox expugnatis, incol
plurimos occidit, oppidum ipsum subiecto igne cremavit, ruraque late v
incendiis vastavit, maxima belli foeditate grassatus“. Snorre Sturleson,
af Magnusi Goda, c. 25. Опустошеніе окрестностей свидѣтельствуе
союзъ, соединявшемъ къ одному дѣлу викинговъ и волинскихъ
довъ. Снорре даже жителей Іомсбурга называетъ вендами: „V
Iomsborgum habitantes“. I. c. Схоліастъ Адама Бременскаго № 44 и
ритъ о томъ-же событіи, но не въ столь опредѣленныхъ выраже
„Magnus rex classe magna stipatus Danorum, opulentissimam Slav
obsedit civitatem luminem. Clades par fuit. Magnus omnes terruit Sla
Быть можетъ, Магнусъ подходилъ къ самому городу Волину. Пр
денныя въ 1-мъ отдѣлѣ слова Гельмольда: «hanc civitatem opulen
mam, quidam Danorum rex maxima classe stipatus etc» очень близк
словамъ стараго схоліаста. Не передѣлалъ-ли Гельмольдъ этихъ и
стій вслѣдствіе какихъ-нибудь недоразумѣній? Ср. Dahlmann, G
von Dännemark, I 121.

(80) „Piratacae usus nostris creber, Sclavis perrarus... ob hoc latit
eos manare coepit quod iiulini oppidi piratae patriis studiis adversum pa
usi, eo maxime Danis, quod ab ipsorum ingeniis traxerant, nocuer
Saxo. p. 186.—«Ea tempestate Sclavorum insolentia diu Danicae rei
riis alita... piratica nostras acerrime lacessebat». Id. p. 225. «Magn
Slavis terribilis qui post mortem Knut Daniam infestabant“. Adam. I
114.

(81) Iulinum certissimum Danorum perfugium proscriptorum. Saxo,

(82) «Alli et Herri Scaniae oriundi, sed eius usum facinoribus
riti.... maritimis patriam latrociniis incessentes rem Danicam atrocius
fligare coeperunt“, Saxo, ibid.

(83) Saxo, ibid.

(84) Tunc Danica iuventus Julinum adorta fractos obsidione cives,
quot intra moenia piratas habebant, cum pecunia pactionis nomine pra
coegit. Quibus nostri in potestatem acceptis, laesae patriae poenas crudeli
mortis ratione expetendas duxerunt, Saxo, ibid. За симъ слѣдуетъ оп
ніе ужасной казни.

(85) Nec semel quidem Ericus Sclavici rodoris amplitudinem pres
nervas debilitavit sed iterum ac tertio effrenata gentis illius ingenia
terrore retudit, ut nulla eum ulterius piratic aestus procella pulsaret.
ibid.

(86) Quem incursationis morem nostris annis Waldemari regis
mlque pontificis Absalonis prop[illegible]rris cultus geritur, tuta aquis navi
celebratur. Saxo, 187.

(87) Saxo, p. 347. Suen Aggeson apud Langebeck, Scriptores rerum an. med. aevi. I. 15. Значительная часть жителей разореннаго Вина удалилась въ Каминъ, куда была перенесена также каѳедра ископа. См. Barthold, Gesch. von Pom. unb Rügen, II 232. Giesebrecht, Wend. Gesch. III. 225. Волинъ былъ въ послѣдній равъ разоренъ датанами, въ 1177 году.

(88) Gesch. von Pom. und Rügen. I. 404—423.

(89) Ernesti de Kirchberg Chronic. Mecklenburg. ap. Westphalen, Mon. ined. IV. 593—840. Кирхбергъ еще принимаетъ Винету, Юлинъ и Волинъ за названіе того-же города.

Als Wynneta wart virstört
ich hans gelestin und gehört
Daz sy widder buwete sus,
mechtig der Keysir Iulius,
und nante sy do Iulyn.
nu nennet man sy Wollin. p. 614.

(90) Ranke, Deutsche Gesch. im Zeitalter der Reformation. V. 492. Надѣюсь представить подробную характеристику этого періода въ исторіи науки, въ приготовляемой мною біографіи Ульриха фонъ-Гуттена. Ср. также Бартольда Gesch. von Pom. u. R. I. 408.

(91) Alberti Crantzii Wandalia, II. c. 19. 20.

(92) Dansk. hist. I. 499. II. 159—162.

(93) Geschichtl. Untersuchung. ueber Iomsburg. p. 59.

(94) Vita S-ti Angarii c. 19, ap. Pertz, II. 704.

(95) Wandalia, c. 33.

(96) Wineta nobilissima Europae civitas fuisse creditur in terra Usemensi in Pomerania, ubi adhuc prope Swinam cujusdam nobilis civitatis extenduntur reliquiae. Pomerania, I. c. 6. Но подводные утесы, которые принимались за развалины Винеты, лежатъ и бѣлизь Свины, а слишкомъ три мили далѣе на западъ, у Дамерова.

(97) Quidam vero ex ipso situ Winetam dicunt fuisse, quae nunc dicitur Wollin. Nec vanis ducuntur argumentis. Ibid. Меланхтонъ, который коротко зналъ Бугенгагена и, безъ всякаго сомнѣнія, читалъ его сочиненіе о Померанія, полагалъ, что это Волинъ стоялъ на мѣстѣ Винеты. Вотъ слова его: «non procul a Stettino oppidum est Iulinum, ubi portus commodissimus, quare ibi propter mercatum fuisse olim ajunt amplam urbem, quam Venetam nominant et ruinae adhuc cernuntur». Oratio de vita Bugenhagii in praef. «Portus commodissimus» очевидно нейдетъ къ положенію Волина на Дивеновѣ, но подтверждаетъ мое мнѣніе, что устье Свины служило гаванью для торговаго города.

(98) Ap. Westphalen, Mon. ined. I. 168. Сочиненіе это написано около 1521 года.

(99) Annales Herulorum et Vandalorum, p. 198.

(100) Здѣсь дѣло идетъ только о Винетѣ. Вообще Канцовъ не отличался строгимъ уваженіемъ къ истинѣ. Доказательства находятся въ III томѣ Бартольдовой исторіи Померанія и Рюгена.

(101) Aber kein Maurwerk ist mehr dar;.... Allein seint die groszen fundamentsteine noch vorhanden und ligen noch so an der Rege, wie sie unter eim Hause ligen pflegen, eins neben dem andern, und an etlichen ortern andere noch droben. Darunter seint so grosze steine, an drey oder vier orten, dass sie wol ellen hoch über Wasser scheinen, als das man achtet, es werden da ire kirchen oder ratsheuser gestanden ein.... Und die fischer des orts sagten uns, das noch gantze Steinpflaster der gassen da weren, und weren übermoset, das man sie nicht sehen könte; sunst wan man einen spitzen stangen oder spies hinein stiesze, so könte mans

wol fülen.... Aber was wyr sahen, deuchte uns, das es wol so grosz war, als Lübeck». Thomas Kanzow's Chronik von Pommern, in hochdeutscher Sprache, herausgegeben von Fr. L. B. von Medem, Anclam, 1841, p. 34—35.

(102) Dan ob wol Wollin zu der Zeit ein mechtige Stat gewest, so ist doch Wineta viele mechtiger gewest....» Id. p. 33.

(103) Теперь, когда, благодаря трудамъ Бемера и Медема, изданы оба текста хроники Кантова, очевидно, что «Pomerania», изданная Ковегартеномъ и приписанная имъ Кантову, состояла, равно какъ и многіе сборники того-же имени и сходнаго содержанія, изъ настоящаго сочиненія Кантова и многочисленныхъ дополненій и вставокъ, сдѣланныхъ впослѣдствіи учеными, которые занимались тѣмъ-же предметомъ. Были также и сокращенія.

(104) Zedlers Universallexicon, Томъ 57, стр. 819.

(105) Barthold, Gesch. von Pom. und. Rügen I. 414.

(106) Dähnert, Pom. Bibl., III, 126. Ср. Chythraei prooem. p. 33.

(107) Ioh. Micraelii sechs Bücher vom alten Pommerlande. 1723. I. 97. Первое изданіе вышло въ 1640 году.

(108) Geographie von norder Deutschland, стр. 123. Geschichte der Pommerschen und Rugianischen Staedte стр. 617.

(109) Stolle, Beschreibung und Geschichte von Demmin. Greifsw. 1772. стр. 466.

(110) Büschings Magasin, VIII. Geschichte der Stadt Iulin. стр. 389.

(111) стр. 393.

(112) стр. 399.

(113) Президентъ Кеффенбринкъ говоритъ, что дочь великаго Буриславы, Гейра, была назначена отцомъ вице-королевою Поморья. Привожу слова его въ подлинникѣ. Der Geira war einer namens Dixin zum ersten Minister in Hof-und Staatsangelegenheiten an die Seite gesetzt. Als nun eben in diesem Iahr 974 eine fremde Flotte bei dem Vindlandischen oder Iulinschen Werder anlandete, deren Mannschaft mit den Anwohnern der Küste nicht feindselig umging, sondern sich vielmehr *ungemein sittsam und angenehm* aufführte; so übernahm es gedachter Premier-ministre selbst diesen Gästen im Namen der Vice-Königin die Ueberwinterung anzutragen... Стр. 402. Эти люди, которые такъ пріятно и нравственно вели себя, были норманы Олафа Триггвезона, одного изъ самыхъ жестокихъ пиратовъ X-го вѣка.

(114) Vier und zwanzig Bücher Allgemeiner Geschichte, въ полномъ собраніи сочиненій, томъ III, 218. При этомъ нельзя не вспомнить строгаго и отчасти справедливаго приговора, который произнесъ надъ Мюллеромъ другой болѣе великій историкъ, Нибуръ.

(115) Этотъ «Codex», который служитъ дополненіемъ къ «Iusticia Lubicensis» напечатанъ у Вестфалина, Mon. ined. III. p. 672.

(116) Ipse vero Haraldus graviter sauciatus fugit ex acie, ascensaque navi elapsus est ad civitatem opinatissimam Slavorum, nomine Winnetam. Helmold. I. 15. Ср. Adam. Brem. 70.

(117) Zöllners Reise durch Pommern nach Rügen, стр. 505.

(118) Lindfors de civitate Iomensi, p. 72.

(119) Slowanské starozitnosti, p. 894.

(120) Ibid. 69.

(121) Scriptores rer. Danic. medii aevi I. 51—50.

(122) См. примѣчанія къ Штенгеймову изданію Гельмольдовой лѣтописи, p. 581.

(123) Chronicon Slavorum Helmoldi ex recensione Henr. Bangerti p. 48.

(124) Eccardi Corp. hist, medii aevi, I. 339.
(125) Ibid. II.
(126) Lindenbrogii Scriptores rer. Septentrionalium, p. 189. Эту Лунету смѣшивали многіе съ скандинавскимъ Лундомъ, противъ чего ставалъ еще Бугенгагенъ.
(127) Westphalen, Mon. ined. III. 632.
(128) Barthold, Gesch. von Pom. und Rügen. I. 420. Руморъ видѣлъ любскомъ архивѣ ненапечатанный списокъ членовъ городоваго вѣта, въ которомъ вовсе не упоминается о Юлинѣ и Винетѣ. Samming für Kunst und Historie, I. 79.
(129) Geschichtl. Untersuchungen über Iomsburg, p. 37. Грамота Генриха IV отъ 1064 года. Она напечатана у Линденброга Scriptores rerum ermanicarum Septentrionalium etc. p. 142, № 28.
(130) Zöllner, Reise nach Rügen, 123, 522, 523.
(131) Vedel Simonsen, Gesch. Untersuchungen über Iomsburg. p. 44.
(132) Ibid.
(133) Ueber die Gebirgstrümmer einer vorgeblich von der See verschlungenen Stadt Vineta, Zach: Monathl. Correspondenz. 1802. Mai, стр. 438. ctober, стр. 347.
(134) Humoristische Reisebilder. 1838.
(135) Ibid. p. 75—98.
(136) Gesch. von Rügen und Pommern, I. 420. Примѣчаніе. Вотъ въ оротких словахъ опроверженіе Мейнгольдовыхъ положеній: иноемное слово Винета не могло быть основою народнаго преданія; если-бы въ самомъ дѣлѣ море поглотило каменный городъ, то. развалины его по прошествіи столѣтій не могли-бы остаться въ томъ равильномъ расположеніи, какое замѣтили Канцовъ и Луббехъ; амень, найденный близъ Свинемюнде, самъ по себѣ ничего не доказываетъ, а сверхъ того, его никто не видалъ въ Штетинѣ, куда, по ловамъ г. Мейнгольда, онъ былъ посланъ; черепки отъ урнъ встрѣчаются не въ однѣхъ окрестностяхъ Дамерова; найденныя золотыя монеты, даже если-бы этотъ фактъ былъ достовѣрнѣе, недостаточное свидѣтельство. Такіе клады попадались не разъ въ разныхъ мѣстахъ острова Волина. Что море въ глубокой древности измѣнило форму острова и оторвало даже часть берега—это возможно и даже вѣроятно; но этимъ не доказывается существованіе поглощеннаго города.
(137) XIV-й отчетъ общества Померанской исторіи и древностей. Baltische Studien, VII. 249—253.
(138) Wend. Gesch. II. 128.
(139) Ibid.

КВАКЕРЫ.

Секта квакеровъ возникла въ самую смутную и бог
событіями эпоху англійской исторіи. Древнія формы гос
ства и церкви клонились къ упадку: республиканскія
побѣдоносно боролись съ монархическими преданіями, а
канская церковь уступала пресвитеріанизму, который, въ
очередь, едва выдерживалъ напоръ безчисленныхъ религіоз
сектъ, смѣло высказывавшихъ самыя странныя мнѣнія и
бованія. Умы, еще непривычные къ недавней свободѣ, у
ные быстрыми успѣхами народнаго дѣла, не ставили гра
своимъ надеждамъ. Ежедневно являлись новыя политичес
религіозныя теоріи. Вопросы, которыхъ дотолѣ боязлив
сались высшіе представители умственной жизни англій
народа, утратили свой таинственный характеръ и сош
сферу общихъ толковъ. Неопредѣленное состояніе обще
котораго силы находились въ такомъ броженіи, не мог
отразиться на отдѣльныхъ лицахъ. Чѣмъ болѣе подым
партій, чѣмъ упорнѣе старалась каждая навязать свою и
остальнымъ, тѣмъ глубже становились сомнѣнія и мучи
нѣе требованія людей, которые не рѣшились стать ни
одно изъ выставленныхъ знаменъ.

Къ числу такихъ независимыхъ искателей истины пр
лежалъ Георгъ Фоксъ. Онъ родился въ Лейчестерскомъ
ствѣ, 1624 года. Отецъ его былъ бѣдный ткачъ. Онъ о
сына въ Ноттингамъ, на обученіе къ сапожнику, ко
держалъ небольшое стадо. Хозяинъ поручилъ молодому
нику, повидимому неохотно принявшемуся за ремесл
которому его назначили, присмотръ за своими овцами.
нокая пастушеская жизнь пришлась по душѣ Георгу, отъ
роды мечтательному и задумчивому. Онъ уносилъ съ
въ поле Библію и жадно читалъ священную книгу, ко
служила ему единственнымъ источникомъ знанія. Лише
всякихъ пособій, онъ многаго не понималъ. Отъ време
времени, до него долетали неясные отголоски мнѣній, б
шихся въ англійскомъ обществѣ, и усиливали его вну
нюю тревогу. Ему было не болѣе двадцати лѣтъ отъ
когда онъ впалъ въ унынie, тѣмъ болѣе тяжкое, что о

могъ дать себѣ отчета въ собственномъ состояніи. Онъ озирался на прошлую жизнь свою, но она была чиста и безгрѣшна, какъ жизнь младенца. Совѣсть его ни въ чемъ не упрекала. Отвѣты англиканскихъ и пресвитеріанскихъ священниковъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ съ просьбою разрѣшить его сомнѣнія, казались ему слабыми или темными. Изъ Лондона, куда онъ ходилъ нарочно, въ надеждѣ найти тамъ, какъ въ средоточіи народной жизни, болѣе средствъ къ удовлетворенію своей духовной жажды, онъ вынесъ только недовѣріе къ пользѣ богословскихъ преній и къ наукѣ вообще. По возвращеніи на родину, близкіе люди совѣтовали ему для успокоенія душевныхъ мукъ жениться, другіе вступить въ армію Кромвеля. Онъ не принялъ этихъ совѣтовъ, но рѣшился искать истины въ себѣ самомъ, на днѣ собственной души. Для него настало время несказанныхъ страданій и искушеній. На скользкихъ путяхъ свободнаго изслѣдованія онъ былопришелъ къ пантеизму и обоготворилъ природу, хотя внутренній голосъ неотступно требовалъ «живаго Бога». Впрочемъ, этотъ періодъ исканія и сомнѣнія въ жизни Георга Фокса былъ непродолжителенъ. Въ 1648 году, онъ достигъ положительнаго убѣжденія, что истина находится не въ наукѣ университетовъ, не въ католицизмѣ или англиканствѣ и отложившихся отъ нихъ сектахъ, а въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ. Онъ называетъ ее внутреннимъ свѣтомъ, гласомъ Божіимъ. Этотъ голосъ не возвѣщаетъ новыхъ истинъ вѣры—онѣ уже высказаны въ Св. Писаніи,—но служитъ свидѣтельствомъ вѣчнаго присутствія Христа въ человѣкѣ, указываетъ добро, отводитъ отъ грѣха и никогда не противорѣчитъ ясному смыслу Св. Писанія и разуму.

Фоксъ немедленно принялся распространять это убѣжденіе, которое ему досталось вслѣдствіе такихъ напряженныхъ усилій. Одаренный сильнымъ, но не обдѣланнымъ, не сдержаннымъ наукою умомъ, онъ самъ не всегда понималъ себя, впадалъ въ мистическіе восторги и предоставлялъ другимъ логическое развитіе ученія изъ высказаннаго имъ начала. Число его послѣдователей однако возрастало съ такою быстротою, особенно между сельскими классами, что уже въ 1649 году возбудило опасенія пресвитеріанскаго духовенства. Сорокъ священниковъ явились предъ ланкастерскими ассизами, съ обвиненіями и показаніями противъ основателя новой секты. Его приговорили къ тюремному заключенію и угрожали висѣлицею, но онъ не измѣнилъ своей дѣятельности и продолжалъ проповѣдывать. Многочисленныя квакерскія общины образовались въ Валлисѣ и Лейчестерскомъ графствѣ, въ

[illegible] находимъ ихъ уже въ Лондонѣ. «Этихъ людей [illegible] деньгами, ни почестями», сказалъ объ [illegible] дѣятельности Фокса уже не ограничи- [illegible] словомъ: онъ написалъ посланіе къ папѣ [illegible] убѣждая его вступить въ ряды «друзей». [illegible] проповѣдники внутренняго свѣта отправились въ [illegible], въ Египетъ, въ Америку; другіе соби- [illegible] въ Китай, въ Японію, въ таинственное [illegible]. Большею частію это были люди простые, [illegible] языковъ тѣхъ странъ, куда несли свое уче- [illegible] было нѣсколько женщинъ.

[illegible] недоставало образованныхъ и даровитыхъ [illegible], которые могли-бы оправдать ея направ- [illegible] высшихъ сословій, и доказать нелѣпость [illegible], наведенныхъ на нее пресвитеріанами и приверженцами [illegible] церкви. Эту услугу оказали квакерамъ [illegible], еще при жизни основателя. Вилльямъ [illegible] принадлежалъ по рожденію къ аристократіи: его бо- [illegible] просвѣщенный умъ, прекрасная наружность давали [illegible] блестящій успѣхъ въ жизни. Отецъ его, покой- [illegible], пользовался особенною милостію короля [illegible] двадцатилѣтній Вилльямъ пожертвовалъ своимъ [illegible], отрекся отъ искусительной будущности и по- [illegible] Фоксу. Его поступокъ, послѣдующая жизнь и [illegible] имѣли большое вліяніе на общее мнѣніе, и застави- [illegible] многихъ образованныхъ людей обратить вниманіе на [illegible], которое до тѣхъ поръ находило сочувствіе только [illegible] простолюдинами.

Религіозная истина, по мнѣнію квакеровъ, дается человѣку [illegible] преданіемъ и не внѣшними чувствами, а свидѣтельствомъ [illegible] духа. «Многіе ищутъ правды въ книгахъ,—говоритъ Пеннъ:—другіе у ученыхъ мужей, не догадываясь, что [illegible] ихъ исканія находится въ нихъ самихъ». Такъ какъ [illegible] Божій слышенъ всякой душѣ, то душа должна быть [illegible]. Ее нельзя подчинять никакимъ внѣшнимъ уставамъ, [illegible] папскимъ буллamъ, ни постановленіямъ соборовъ, ни при- [illegible] науки. Внутренній голосъ всегда согласенъ съ Св. [illegible]; но и земная мудрость не подлежитъ безусловному [illegible]: «ибо Христосъ, по словамъ Пенна, пришелъ не [illegible], а очистить языческое знаніе». Различіе между квакерами и греческими мудрецами заключается болѣе въ наружности, нежели въ сущности. Въ Пиѳагорѣ, Платонѣ, Плотинѣ [illegible] внутренній свѣтъ». Всякое гоненіе за вѣру преступно. Проповѣдь должна быть свободнымъ выраженіемъ вдохновенія,

которое приходитъ каждому. вѣрующему, и потому *друзья* (такъ называютъ себя послѣдователи Фокса, на основаніи словъ, употребленныхъ апостоломъ Іоанномъ, Послан. III, 15) отвергаютъ необходимость отдѣльнаго духовенства, и полагаютъ грѣхомъ сборъ десятины и вообще всякое денежное вознагражденіе за толкованіе или распространеніе слова Божія. Ихъ богослуженіе отличается особенною простотою и совершеннымъ отсутствіемъ символизма. Въ мѣстахъ, гдѣ квакеры собираются для совѣщаній и общей молитвы (meeting-houses), нѣтъ ни алтарей, ни образовъ; пѣнье и музыка изгнаны. Право проповѣди принадлежитъ всѣмъ присутствующимъ, не исключая женщинъ; но имъ преимущественно пользуются лица, заслужившія довѣріе и уваженіе общины. Смѣшныя и странныя сцены, происходившія въ первоначальныхъ собраніяхъ квакеровъ, т. е. вздохи, подымавшіеся crescendo, стоны и кривлянья теперь почти вездѣ вывелись. Нынѣшніе «друзья» заботятся о строгомъ соблюденіи приличій. Въ ихъ собраніяхъ царствуетъ глубокая тишина, прерываемая только голосомъ проповѣдниковъ; иногда проповѣди не бываетъ вовсе, потому что ни на кого изъ членовъ не сходитъ вдохновеніе, необходимое для такого дѣла, и присутствующіе, проведя нѣсколько часовъ въ благоговѣйномъ молчаніи и размышленіи, расходятся по домамъ.

Квакеры не допускаютъ никакихъ обрядовъ и не признаютъ таинствъ. Они не отрицаютъ совершенно крещенія водою, но почитаютъ его излишнимъ. Браки совершаются чрезъ простое обѣщаніе сожитія и вѣрности въ присутствіи старшинъ. Погребенія отправляются въ тишинѣ, безъ всякихъ церемоній. Родственники умершаго не надѣваютъ траура; памятники и эпитафіи не въ употребленіи. Но по смерти членовъ, которыхъ добродѣтели заслужили общее признаніе, составляютъ и печатаютъ ихъ жизнеописаніе, въ назиданіе новымъ поколѣніямъ.

Устройство общины, основанной Фоксомъ, чисто демократическое. Всѣ друзья равны между собою. Важныя частныя и общественныя дѣла рѣшаются въ періодическихъ собраніяхъ избранныхъ представителей. Подчиненные положительному закону государствъ, которымъ они принадлежатъ по рожденію, квакеры не теряютъ своей самостоятельности и не дѣлаютъ уступокъ. Они ни въ какомъ случаѣ не даютъ присяги, и предъ судомъ довольствуются утвердительнымъ или отрицательнымъ показаніемъ. Послѣ долгихъ преній, англійскій парламентъ оставилъ за ними это право въ дѣлахъ гражданскихъ, но въ уголовныхъ ихъ свидѣтельство, не под-

крѣпленное клятвою, не имѣетъ законной силы. По этой-же причинѣ они не допускаются къ государственнымъ должностямъ. Войну они считаютъ беззаконіемъ, и потому не только отказываются отъ обязанностей военной службы, но не участвуютъ въ торжествахъ народныхъ по случаю побѣдъ, осуждаютъ торгъ оружіемъ или порохомъ. и т. д. Съ этой-же точки зрѣнія смотрятъ они на смертную казнь, которую называютъ оборонительною войною, и на дуэль. Возстаніе Американскихъ Штатовъ противъ Англіи подало поводъ къ расколу между квакерами: многіе изъ американскихъ квакеровъ взялись за оружіе, оправдывая свой поступокъ святостію дѣла, и образовали отдѣльную общину «свободныхъ и воинственныхъ (free and fighting) друзей». Изъ этихъ рядовъ вышли извѣстные своими заслугами въ войнѣ за независимость генералы: Метлакъ, Мафлинъ и Гринъ. Исповѣдуя совершенное равенство и братство между людьми, квакеры въ сношеніяхъ своихъ съ властями и знатными лицами не употребляютъ почетныхъ выраженій принятыхъ обычаемъ, а означаютъ только должность или санъ. Такимъ образомъ квакеръ, обращаясь къ королю англійскому, говоритъ просто: король, а не ваше величество. Они ни предъ кѣмъ ни снимаютъ шляпы и говорятъ *ты* всѣмъ, безъ разбора состояній. Впрочемъ, они строго и честно исполняютъ гражданскія обязанности, не противорѣчащія ихъ ученію, исправно платятъ подати и несутъ всѣ повинности. Выше сказано, что сборъ десятины въ пользу духовенства считается у нихъ грѣхомъ: но они безпрепятственно допускаютъ сборщиковъ входить въ дома свои и брать нужную сумму деньгами или вещами. Общественныя и нравственныя теоріи замѣчательной секты, о которой здѣсь идетъ рѣчь, основаны на глубокомъ уваженіи къ человѣческому достоинству, на вѣрѣ въ постоянное улучшеніе и развитіе нашей духовной природы. Только безбожнику можно сомнѣваться въ успѣхахъ человѣчества, въ его неудержномъ движеніи впередъ, къ лучшему,—говоритъ Пеннъ. Съ XVII-го вѣка начинаются ихъ усилія къ уничтоженію торговли неграми и рабства вообще. Французскій квакеръ Бенезе (родился въ 1728 г.) посвятилъ этому дѣлу все состояніе и всю жизнь свою. Въ 1754 г. общины «друзей» положили исключить изъ среды своей всѣхъ членовъ, не возвратившихъ еще свободы своимъ чернымъ невольникамъ. Дѣятельность «друзей» въ этомъ отношеніи могла-бы служить прекраснымъ примѣромъ нынѣшнимъ аболиціонистамъ, которые для достиженія благородной цѣли не всегда употребляютъ честныя средства. Въ 1795 году американскіе квакеры

и комитетъ для распространенія христіанства и про-
между индѣйцами, которые питаютъ къ нимъ осо-
овѣріе еще со временъ Пенна. Многочисленныя чело-
ивыя заведенія, основанныя квакерами, отличаются
днымъ порядкомъ и устройствомъ. Бѣдные пользу-
дрыми пособіями, но между самыми квакерами не
тся нищихъ. Старость и болѣзнь находятъ призрѣніе
ицахъ и страннопріимныхъ домахъ; здоровымъ до-
ся возможность труда, который вмѣняется въ обя-
каждому члену общества. Честность «друзей» въ
ъ и другихъ сношеніяхъ давно заслужила общее при-
о время войны за американскую независимость, когда
іи значительно упали въ цѣнѣ, квакеры принимали
своихъ должниковъ, но сами постоянно расплачива-
нкою монетою. Отъ членовъ, совершившихъ безчест-
упокъ или измѣнившихъ ученію, община отрекается.
йный и домашній бытъ квакеровъ носитъ тотъ-же
ъ простоты съ нѣкоторою примѣсью ригоризма. Обя-
брачныя соблюдаются строго. Въ ребенкѣ родители
жаютъ будущаго человѣка и основываютъ на этомъ
стему воспитанія. Дѣти «друзей», по свидѣтельству
венниковъ, рѣзко отдѣляются отъ своихъ сверстни-
принадлежащихъ къ сектѣ: ихъ можно узнать по
му, смѣлому и спокойному выраженію лица. До конца
столѣтія частная жизнь квакеровъ была очень од-
ла и бѣдна наслажденіями, потому что изъ нея изго-
скусства. Теперь эта ограниченность проходитъ: мо-
акеры позволяютъ себѣ участвовать въ обществен-
селеніяхъ, занимаются изящными художествами, ли-
ю, и, вообще, менѣе дорожатъ внѣшностями, чѣмъ ихъ
За то, число членовъ, выходящихъ совсѣмъ изъ общины
зующихъ новыя подраздѣленія: секты, увеличивается.
ны квакеровъ въ Европѣ существуютъ только въ
олландіи, Германіи, близъ Пирмонта, и въ торговыхъ
. Норвегіи. Въ Америкѣ онѣ очень многочисленны:
Фоксъ посѣтилъ эту страну и указалъ на нее своимъ
ателямъ; Пеннъ купилъ у англійскаго правительства
. Делаварѣ и прибылъ туда въ 1682 году. Плоды его
ости и дальнѣйшая судьба Пенсильваніи извѣстны.
е «друзей», — говоритъ извѣстный историкъ Соеди-
Штатовъ Сѣв. Америки, Банкрофтъ,—есть философія,
нная на языкъ низшихъ классовъ общества. Читатели
гутъ сами оцѣнить справедливость такого сужденія.

Письмо изъ Москвы.

Въ «Московскомъ Сборникѣ» 1847 года папечатана ст
г. Хомякова «О возможности Русской художественной шко
Оставляя другимъ разборъ самой статьи, замѣчательной
немъ автора и странностью, не впервые, впрочемъ, выска
ныхъ мнѣній, я считаю нужнымъ обратить вниманіе ч
телей только на выноску, находящуюся на стр. 327 —
Дѣло идетъ о критикѣ изданнаго покойнымъ Валуев
«Сборника историческихъ и статистическихъ свѣдѣній»,
печатанной въ іюльской книжкѣ «Отечественныхъ Запис
прошлаго года. Можетъ быть, нѣкоторымъ изъ чита
еще памятно содержаніе этой статьи, которой нельзя н
нести къ числу замѣчательныхъ явленій нашей журна
литературы. Прекрасныя особенности изложенія и вз
даютъ право узнать въ безыменномъ рецензентѣ мод
ученаго, уже извѣстнаго дѣльными изслѣдованіями по ис
русскаго права и древней Руси вообще. Но критика
чественныхъ Записокъ» не понравилась г. Хомякову. П
димъ его приговоръ вполнѣ: «Этотъ рецензентъ, повидим
очень добродушно увѣряетъ меня, что гунны не могли
двинуть бургундовъ на западъ, потому-де, что бургунды
давно уже на Рейнѣ. Ему неизвѣстно, что въ началѣ V
часть бургундовъ жила еще на верховьяхъ Дуная у Рим
вала, и что отдѣленіе бургундовъ прибалтійскихъ было
чено общимъ движеніемъ племенъ даже въ Испанію.
также, повидимому, совсѣмъ неизвѣстны критическіе т
нѣмцевъ объ сагахъ и старыхъ пѣсняхъ Германіи. Т
могъ-бы онъ сколько-нибудь узнать про отношенія гун
къ бургундамъ. Рецензентъ увѣряетъ публику, что я по
чиваю надъ нею, говоря о развратѣ франковъ: видно,
много читалъ писателей IV и V столѣтій. Что сказа
такой учености? Мой деревенскій сосѣдъ называетъ ее
воклассной въ такомъ смыслѣ [redacted] она годна только для

сса гимназіи, а и такіе рецензенты ратуютъ за просвѣ-
ніе на западный ладъ! Впрочемъ, можетъ быть, г. кри-
къ пожелаетъ когда-нибудь узнать что-нибудь о тѣхъ вѣ-
кѣ, о которыхъ онъ писалъ, ничего объ нихъ не зная:
примѣръ, что-нибудь объ исторіи бургундовъ, о томъ, какъ
и сражались съ гепидами на нижнемъ Дунаѣ, какъ бѣжали
западъ и поселились около верховьевъ Майна, гдѣ жили
и Валентиніанѣ; какъ потомъ въ началѣ VI вѣка (III) пода-
сь на самые берега Рейна вслѣдъ за народами, бѣгущими
ъ гунновъ (аланами, свевами, вандалами); какъ потомъ
ли на берегахъ Рейна разбиты гуннами и потерявъ царя
его Гундихара, бѣжали подъ предводительствомъ новаго
ря Гундіоха (отца Гундебальдова) на юго-западъ, прося
ѣжища и покровительства у римлянъ, и пр. На этотъ случай
могу рекомендовать ему на память (такъ какъ книгъ при
ѣ нѣтъ) Тюрка: Розыски въ области исторіи, тетрадь 2;
йсса: Нѣмцы и Миллера: Нѣмецкія племена и ихъ князья.
временемъ можно будетъ дойти и до древнихъ памятни-
къ, западныхъ или византійскихъ. Полагая, что я такимъ
азомъ уже получилъ нѣкоторыя права на благодарность
го рецензента, осмѣливаюсь прибавить маленькій совѣтъ.
и онъ когда-нибудь вздумаетъ опять на меня нападать,
выгоднѣе будетъ стрѣлять въ меня изъ непроходимой
ди пустыхъ словъ и теорій, чѣмъ отваживаться на откры-
поле историческихъ фактовъ».

Можно позволить себѣ надежду, что въ будущей наукѣ,
горую намъ обѣщаетъ г. Хомяковъ, критика будетъ гово-
ть съ большимъ смиреніемъ и съ меньшею заносчивостью.
рдость—порокъ западный... Но обратимся къ содержанію и
смотримъ порознь обвиненія г. Хомякова.

Во-первыхъ, бургунды, въ которыхъ принимаетъ такое
плое участіе авторъ статьи «О возможности Русской худо-
ественной школы», жили въ началѣ V вѣка *не на Дунаѣ*,
на Майнѣ, откуда еще въ исходѣ III вѣка они дѣлали на-
ѣги на Галлію (см. Панегирикъ Мамертина императору Мак-
міану, I. 5). Во второй половинѣ IV столѣтія, здѣсь имѣли
ь ними дѣло Юліанъ и Валентиніанъ I-й, что извѣстно и
Хомякову (см. Амміана Марцелина 18, 2; 28, 5). Въ 412 году
ни заняли Майнцъ, а въ слѣдующемъ году часть прирейн-
ой Галліи (см. хронику Проспера Аквитанскаго ad an. 413:
urgundiones partem Galliae propinquantem Rheno obtinuerunt).
о-же самое и почти тѣми-же словами въ лѣтописи Кассіо-
ра подъ тѣмъ-же годомъ. Но гдѣ свидѣтельство о части
ргундовъ, жившей будто-бы на Дунаѣ? Гдѣ вычиталъ г.

бургундовъ было
...итъ, конечно о Стили
...ornin (gentes) ipsoque
...suscitavit (7. 38). Но
...ахъ, которые давно ж
...ѣ принуждены были по
...ъ на западъ. Какъ ни в
...ѣлимся ему противопос
...торыхъ онъ такъ гордо
...еиса, стр. 468 и Ферд.
... говорятъ совсѣмъ не т
...ть, но по ссылкамъ на
...то и онъ ненадежный
...ѣмецкимъ изслѣдованіямъ
...Шафарика, которому, ка
...слова: «Съ этого времен
...е упоминается ни на Оде
...встрѣчаемъ его у Некара,
...да-же они пришли къ аллема
...и изъ древнихъ жилищъ с
...загадка, которой рѣшеніе
...Starožitnosti, стр. 341). Г. Хом
...древнему Эдипу, онъ рѣшает
...ему, что многіе ученые сомнѣв
...ыхъ и южныхъ бургундовъ?...
...«Отеч. Записокъ» въ незнані
...ахъ и пѣсняхъ нѣмецкихъ е
...рѣчь только о циклѣ Ни
...отношеніи этихъ пѣсенъ къ ис
...содержаніи, не рѣшенъ величай
...ось на Deutsche Heldensage Вильг
...на стр. 13 и 70, потомъ на
...что г. Хомяковъ не заглянулъ
...Онъ нашелъ-бы въ самомъ на
...ой строфы, что бургундскіе к
...Rine, т. е. въ Вормсѣ на Рейнѣ.
...«Отеч. Записокъ» лично отстаивать
...не замѣтить, что, даже при та
...Бургундіи, какое обнаружилъ
...имѣлъ бы полное право не говор
...сражались съ гепидами, потому
...исторія этого племени, а разборъ
...de rebus omnibus et quibusdam
...о чемъ). Да и что сказать о вой

гепидовъ съ бургундами, когда единственное свидѣтельство объ этомъ находится у Іорнанда (гл. 17) и состоитъ только изъ слѣдующихъ словъ: «Gepidarum rex Fastida... Burgundiones paene usque ad internecionem delevit». Можно подумать, что ученый авторъ не читалъ или забылъ эти мѣста! Далѣе, онъ сообщаетъ читателямъ, что бургунды въ началѣ VI вѣка явились на Рейнѣ съ другими народами, бѣжавшими отъ гунновъ, что потомъ были сами разбиты гуннами и ушли на юго-западъ, прося убѣжища у римлянъ. Здѣсь странно смѣшаны и годы, или, лучше сказать, столѣтія, и факты. Мы уже видѣли, когда именно бургунды перешли за Рейнъ; въ 435—36 они потерпѣли сильное пораженіе отъ римскаго полководца Аэція, котораго войско преимущественно состояло изъ наемныхъ гунновъ, а въ 443 году получили отъ императора земли, лежащія на западномъ склонѣ Альповъ. Sapandia Burgundionum reliquiis datur... (Tironis Chronic. ad an. 443. Ср. Цейса стр. 470). Эти мѣста остались за ними и послѣ рокового для нихъ нашествія Аттилы, до самаго конца политическаго существованія бургундскаго государства, слѣдовательно, они не бѣжали на юго-западъ. Въ эпоху разложенія имперіи, они присвоили себѣ силою Римскую-Долину. Теперь предложимъ иной вопросъ: какъ могли гунны разбить бургундовъ въ VI вѣкѣ, когда съ половины V-го, т. е. по смерти Аттилы и междоусобій его сыновей, нѣтъ болѣе гуннскаго царства?—На кого-же падетъ упрекъ въ незнаніи? Кому слѣдуетъ учиться? Здѣсь дѣло идетъ уже не о византійскихъ или западныхъ источникахъ, которые г. Хомяковъ обѣщаетъ со временемъ показать своему критику, а о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя можно почерпнуть изъ книгъ покойнаго профессора Кайданова...

Во-вторыхъ, писатели IV и V столѣтій не много сообщили-бы рецензенту «Отеч. Записокъ» извѣстій о развратѣ франковъ, за который такъ упорно держится г. Хомяковъ. Эти писатели весьма бѣдны свѣдѣніями о внутреннемъ бытѣ франкскаго племени. Григорій Турскій, Прокопій, другіе важные источники въ этомъ отношеніи—всѣ принадлежатъ къ VI вѣку... Трудно, впрочемъ, понять такое озлобленіе противъ цѣлыхъ племенъ. Найдется-ли хотя одинъ народъ, который впродолженіе своего историческаго существованія былъ постоянно нравственъ или пороченъ? У каждаго есть свой характеръ, своя духовная особенность, которая никогда не стирается, но развратъ народный есть всегда слѣдствіе данныхъ временемъ обстоятельствъ, переходящихъ вліяній, и потому самъ бываетъ преходящимъ явленіемъ, не болѣе.

Зачѣмъ-же было подымать такой громкій кличъ? К[illegible]

было пугать робкихъ своею силою *на открытомъ полѣ историческихъ фактовъ?* Это поле скользкое, и какъ ни крѣпокъ на ногахъ авторъ статьи «Московскаго Сборника», онъ можетъ оступиться.

У г. Хомякова есть безусловные противники. Согласиться съ ними невозможно. Его обширной образованности, его многостороннимъ дарованіямъ нельзя отказать въ признаніи. Но, являясь органомъ новаго мнѣнія въ обществѣ, новой школы въ наукѣ, осуждая такъ строго ограниченность западной мысли и поверхность согласившихся съ нею въ Россіи, онъ долженъ былъ поддержать достоинство своихъ убѣжденій уваженіемъ къ истинѣ и добросовѣстностью трудовъ. Русской, да и всякой другой публикѣ мало дѣла до бургундовъ; она никого не обязываетъ говорить ей объ ихъ исторіи, но никому не даетъ права себя морочить. Вопросъ этотъ касается собственно до однихъ ученыхъ въ узкомъ смыслѣ слова; онъ требуетъ мелкихъ розысканій, справокъ и т. д., а г. Хомяковъ перенесъ его въ сферу легкой литературы! Вмѣсто дѣльныхъ опроверженій, онъ бросилъ въ своего рецензента нѣсколько колкостей, подкрѣпивъ ихъ, по ученой привычкѣ, ссылками на три книги, которыхъ, по собственнымъ словамъ, у него не было подъ рукою, да на деревенскаго сосѣда, своеобразно раздѣляющаго ученость на классы. Неужели новая наука, во имя которой говоритъ г. Хомяковъ и другіе, раздѣляющіе его образъ мыслей, останется при такихъ начаткахъ? Обѣщанія ея мы слышали давно, такъ давно, что они перестали для насъ быть надеждами и превратились въ воспоминанія. Гдѣ-жъ исполненія? Гдѣ великіе, на почвѣ исключительной національности совершенные труды, предъ которыми могли-бы сознать свое заблужденіе люди, также глубоко любящіе Россію, слѣдовательно, дорожащіе самостоятельностью русской мысли, но не ставящіе ее во враждебную противоположность съ общечеловѣческою и неприписывающіе ей особенныхъ законовъ развитія? Изъ всѣхъ свойствъ молодости, новая наука обнаружила, преимущественно чрезъ г. Хомякова, одну только самонадѣянность. Во всѣхъ остальныхъ она дѣйствуетъ осторожно, довольствуется общими формулами, неохотно вдается въ опасность частныхъ разъисканій и рѣдко выходитъ на открытое поле историческихъ фактовъ, на которыхъ, до сихъ поръ,—употребимъ выраженіе Великаго Петра,—она «въ авантажѣ не обрѣталась».

Москва.
25-го марта, 1847 г.

Отвѣтъ г-ну Хомякову *).

Въ письмѣ изъ Москвы, помѣщенномъ мною въ послѣдней книжкѣ «Отечеств. Записокъ», сказано между прочимъ, что г. Хомяковъ напрасно переноситъ въ область легкой литературы вопросы, исключительно принадлежащіе наукѣ. Прочитавъ въ 86 № «Московскаго Городского Листка» отвѣтъ на мою статью, я готовъ взять назадъ сдѣланный мною упрекъ. Я понимаю теперь, что исторія бургундскаго племени, такъ, какъ ее разсказываетъ г. Хомяковъ, не принадлежитъ наукѣ. Споръ собственно конченъ. Я позволю себѣ только нѣсколько необходимыхъ примѣчаній.

Начну изъявленіемъ признательности г. Хомякову за его благосклонный отзывъ о 3-хъ страницахъ, помѣщенныхъ мною въ «Отечеств. Запискахъ». Онъ говоритъ, что несмотря на недостатокъ содержанія и направленія, онѣ служатъ украшеніемъ журналу, и что, вообще, могутъ быть прочтены съ удовольствіемъ. Прошу у читателей снисхожденія къ самолюбію, заставившему меня перепечатать эти строки. Я не могу не гордиться похвалою, даже умѣренною, изъ устъ столь знаменитаго ученаго. Прибавлю безъ лести, что статьи г. Хо-

*) «Письмо изъ Москвы» Т. Н. Грановскаго (стр. 106—110) вызвало возраженіе со стороны А. С. Хомякова, въ которомъ онъ указывалъ, что Грановскому не удалось доказать, что бургунды не были отодвинуты на западъ натискомъ гунновъ, отстаивалъ зависимость «бургундскаго переселенія отъ гуннскаго натиска» и доказывалъ справедливость его мнѣнія о томъ, что франки были развратнымъ народомъ. А. С. Хомяковъ находилъ, что было-бы лучше розыскать причину историческаго факта, «чѣмъ опровергать неоспоримую истину и даже украшать это безполезное опроверженіе красивыми фразами, общими мѣстами дурнопонятаго гуманизма, которыя не помѣшаютъ исторіи признать развращеннымъ народъ развращенный, точно такъже, какъ географъ называетъ людоѣдами народъ, который ѣстъ человѣческое мясо». Далѣе, А. С. Хомяковъ признаетъ, что за нимъ осталось въ этой полемикѣ «поле историческаго факта».

мякова доставляютъ также удовольствіе и, можетъ быть, еще большее его противникамъ, чѣмъ его друзьямъ.

Г. Хомяковъ находитъ, что я не сказалъ ни полслова противъ его короткаго разсказа объ исторіи бургундовъ. Въ такомъ случаѣ не для чего было писать возраженія, можно было довольствоваться моимъ невольнымъ согласіемъ. Затѣмъ слѣдуютъ: взглядъ на причины переселенія народовъ, очеркъ исторіи бургундовъ и новыя доказательства разврата франковъ.

Есть факты, которыхъ въ наше время никто не станетъ ни защищать, ни оспаривать: до такой степени они всѣмъ извѣстны, всѣми признаны. Къ такимъ принадлежитъ переселеніе народовъ и появленіе гунновъ, бывшее ближайшею причиною этого великаго движенія. Рецензентъ «Сборника историческихъ и статистическихъ свѣдѣній» замѣтилъ г. Хомякову, что въ числѣ племенъ, выгнанныхъ монгольскими пришельцами изъ прежнихъ жилищъ въ восточной Европѣ, не могли быть бургунды, съ которыми гунны сошлись впервые на Рейнѣ. Г. Хомяковъ обвинилъ его въ невѣжествѣ, на томъ основаніи, что бургунды были вытѣснены съ верховьевъ Майна, уходившими отъ гунновъ германскими дружинами. Но въ исторіи болѣе чѣмъ гдѣ-либо надобно различать причины прямыя отъ косвенныхъ, иначе можно придти къ страннымъ заключеніямъ. Объяснюсь примѣромъ. Реформѣ Петра Великаго, пересадившей на русскую почву европейскую науку, обязаны мы, между прочимъ, удовольствіемъ читать такія статьи, какова «О возможности Русской художественной школы». Но едва-ли кому придетъ въ голову вмѣнить эту статью въ непосредственную заслугу самому Петру. Она есть, конечно, блестящій, но непредвидѣнный Преобразователемъ результатъ его подвига. Suum cuique. Далѣе г. Хомяковъ говоритъ обо мнѣ: «Онъ замѣтилъ, что бургунды жили на *нижнемъ* Дунаѣ не въ началѣ V вѣка, какъ у меня напечатано, а въ III, ибо въ IV они уже жили на верховьяхъ Майна, куда Валентиніанъ посылалъ къ нимъ пословъ, что я и сказалъ въ примѣчаніи своемъ. Кажется, уже изъ словъ моихъ можно было догадаться, что въ означеніи столѣтій вкралась опечатка»... Иной, прочитавъ эти строки, могъ-бы подумать, что ученый авторъ не знаетъ содержанія статей, подписанныхъ его именемъ, потому что въ приведенномъ имъ мѣстѣ рѣчь идетъ не о нижнемъ, а о *верхнемъ* Дунаѣ: «Рецензентъ (От. Зап.) увѣряетъ меня, что гунны не могли подвинуть бургундовъ на западъ, потому-де, что бургунды жили давно уже на Рейнѣ. Ему неизвѣстно, что *въ началѣ V вѣка часть бургундовъ*

жила еще на верховьяхъ Дуная, у римскаго вала». (Моск. Сборн. стр. 327).—Не придется-ли корректору «Моск. Гор. Листка» испытать участь своего собрата по Сборнику и принять на себя отвѣтственность за эту опечатку? «Трудно повѣрить, продолжаетъ мой противникъ, чтобы я дѣйствительно полагалъ нашествіе гунновъ въ Галлію въ VI вѣкѣ». Не совсѣмъ трудно тому, кто сколько-нибудь знакомъ съ историческимъ методомъ и точностію указаній г. Хомякова. Впрочемъ, допуская опечатку въ цифрѣ, можно предложить вопросъ: въ началѣ какого столѣтія жили бургунды у верховьевъ Дуная? Въ началѣ III ихъ еще не было въ Западной Европѣ, въ началѣ IV они живутъ на Майнѣ, отъ Дуная ихъ отдѣляютъ ютунги. Въ началѣ V они являются на Рейнѣ. Г. Хомяковъ ссылается на сношенія съ бургундами императора Валентиніана. Валентиніана котораго? ихъ было три. Знаемъ изъ Ам. Марцелина, что Валентиніанъ I, умершій въ 375 году, отправлялъ къ бургундамъ пословъ; но при Валентиніанѣ III, царствовавшемъ въ V вѣкѣ (424—55), это племя поселилось въ Галліи и слѣдовательно вступило въ безпрерывныя сношенія съ римскимъ правительствомъ. Вообще противникъ мой неохотно или неудачно употребляетъ цифры для точнаго опредѣленія лицъ и событій. Ему, какъ поэту, привычнѣе къ сферѣ свободныхъ вымысловъ, нестѣсненныхъ мелкими условіями хронологіи и географіи. Такимъ образомъ, онъ замѣтилъ; что я ошибся, назвавъ лѣтопись Іорнанда единственнымъ источникомъ, въ которомъ упоминается о войнѣ бургундовъ съ гепидами. «Можно было-бы прибавить, говоритъ онъ, свидѣтельство Мамертина: Gothi Burgundios penitus exscindunt, гдѣ общее имя готѳовъ замѣняетъ частное гепидовъ». При такой смѣлости объясненій не трудно отвѣчать на самые загадочные вопросы исторіи. Къ сожалѣнію, г. Хомяковъ не потрудился прочесть до конца дважды приведенное имъ мѣсто изъ Мамертина, тутъ-же упоминающаго о гепидахъ: rursum pro victis armantur Allemani (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Alani) itemque Thervingi pars alia Gothorum adjuncta manu Thaifalorum adversum Vandalos Gipidesque concurrunt. Въ 17-й главѣ Іорнанда читаемъ также, что Фастида, кунигъ гепидовъ, разбивъ бургундовъ, напалъ на готѳовъ. Слѣдовательно, оба писателя отличаютъ готѳовъ отъ гепидовъ и знаютъ, съ кѣмъ именно воевали бургунды. Обвиненіе рецензента От. Записокъ въ незнаніи сагъ, до которыхъ тому рѣшительно не было дѣла, г. Хомяковъ оправдываетъ своимъ правомъ говорить объ этихъ сагахъ. Право неотъемлемое, на основаніи котораго въ статьѣ «О возможности Русской художественной

школы» нѣтъ ничего о самомъ предметѣ, но встрѣчает
много нежданнаго, какъ-то: замѣчанія о безполезной трат
барды въ октябрѣ, маѣ и іюнѣ, о гомеопатіи, объ укатыв
ніи зимнихъ дорогъ, о пюзеизмѣ и т. д. Ближе къ цѣли
полезнѣе было-бы опредѣлить историческое содержаніе самых
сагъ или, по крайней мѣрѣ, сказать вкратцѣ, что извлекл
изъ нихъ для исторіи нѣмецкіе критики. Вопросъ о том
кстати-ли я привелъ свидѣтельство Шафарика, предоставля
суду читателей.

Не считаю нужнымъ входить въ подробный разборъ крат
кой исторіи бургундовъ. Мнѣніе свое объ ней я сказалъ
выше. Прибавляю, что этотъ отдѣлъ статьи г. Хомяков
можно раздѣлить на двѣ части: ненужную и невѣрную. К
чему, напримѣръ, было доказывать, что бургунды не всегд
жили у верховьевъ Майна, а пришли сюда въ III вѣкѣ. Разв
я утверждалъ противное? Къ чему было повторять всѣм
извѣстный разсказъ о Радагайзѣ, говорить о гуннском
князькѣ Ульдинѣ и т. д.? Это безплодное расточеніе уче
ности напоминаетъ неумѣніе пользоваться собственными сред
ствами, въ которомъ г. Хомяковъ упрекаетъ русскихъ вино
куровъ на страницѣ 339 Московскаго Сборника. Укажу те
перь на нѣсколько вкравшихся въ изложеніе ошибокъ, или,
можетъ быть, опечатокъ. Происхожденіе имени Борнгольм
отъ бургундовъ фактъ еще не совсѣмъ доказанный. См.
Цейса, 465. Г. Хомяковъ указываетъ на два обстоятельства,
по его словамъ слишкомъ мало замѣченныя. Во 1-хъ, на то,
«что истинный циклъ Нибелунговъ принадлежитъ вполнѣ
свево-готѳскимъ семьямъ, и нисколько не принимаетъ въ
себя иноплеменныхъ, напримѣръ аллемановъ или франковъ»,
во 2-хъ, на принятіе аріанства бургундами отъ готѳовъ,
«явленіе непонятное для Западной Европы и объяснимое только
законами критики, изложенными покойнымъ Венелинымъ».
На первое можно замѣтить, что аллеманы не были иноплеменники свевамъ и состояли съ ними въ тѣсной родовой и
политической связи. См. Eichhorn. D. Staats und Rechtsgeschichte 1. § 21. Gaupp. Das alte Gesetz der Thüringer, 42 и
т. д. Почему принятіе аріанства бургундами отъ готѳовъ не
можетъ быть понятно Западной Европѣ—отвѣчать трудно.
Но если дѣло идетъ о родовыхъ связяхъ и вліяніяхъ между
германскими племенами, я позволю себѣ обратить вниманіе
моего противника на 1-й томъ нѣмецкой исторіи Филипса,
гдѣ онъ найдетъ много новаго. Въ 443 году римское прави
тельство уступило бургундамъ нынѣшнюю Савойю, тогда но
сившую названіе Сабаудіи (Sabaudia, Sapaudia), а не Сабоді

какъ пишетъ г. Хомяковъ, искушенный французскимъ произношеніемъ. Наконецъ слова: «Гроза германскаго міра налетѣла на нихъ (бургундовъ) въ 450 или 451 году и сокрушила ихъ силу. Съ тѣхъ поръ... они живутъ въ долинѣ Роны, какъ подручники Рима» не совсѣмъ согласны съ исторіею. Бургундское государство пережило Западную имперію и достигло высшаго могущества своего именно въ концѣ V-го вѣка, при кунигѣ Гундбальдѣ (470—516). Доказательства можно найти не только въ источникахъ, но и во всѣхъ новыхъ книгахъ, касавшихся этого предмета.

Остается вопросъ о франкахъ. Я сказалъ, что писатели IV и V вѣковъ бѣдны извѣстіями о внутреннемъ бытѣ франкскаго племени и что главные источники въ этомъ отношеніи принадлежатъ къ VI. Приводя слова мои, г. Хомяковъ счелъ нужнымъ ихъ нѣсколько поправить, сообщить имъ другой смыслъ. Благодарю за услугу, но не могу ею воспользоваться. Корректоръ «От. Зап.» отнялъ у меня право оправдываться опечатками. Отношенія франковъ къ Имперіи начинаются съ III столѣтія, слѣдовательно, римскіе писатели не могли не говорить объ нихъ. Но, повторяю, на внутренній бытъ племени они обратили мало вниманія и бѣдны извѣстіями о немъ. Что доказываютъ эпитеты, собранные ученымъ обвинителемъ франковъ: gens mendax, infidelis, perjura, къ которымъ я могъ-бы прибавить еще нѣсколько изъ незамѣченныхъ? Гдѣ приведены доказательства отличительной безнравственности франковъ до VI столѣтія? Было время, когда французы иначе не называли Англію, какъ perfide Albion. Однако, какой историкъ рѣшится основать на этомъ выраженіи свои понятія о характерѣ англійскаго народа. Чѣмъ-же выше риторы IV и V вѣковъ французскихъ журналистовъ временъ республики и имперіи? Значительная часть оскорбительныхъ для франкскаго племени эпитетовъ взята г. Хомяковымъ изъ панегириковъ, читанныхъ галльскими риторами императорамъ. Въ панегирикахъ императору Константину чаще чѣмъ въ другихъ упоминается имя франковъ. Посмотримъ, при какихъ случаяхъ. Плѣнные вожди франковъ затравлены на Трирскомъ амфитеатрѣ въ угоду языческой черни (306). Риторъ привѣтствуетъ императора, еще непросвѣщеннаго истиною христіанства, оправдываетъ его дѣло и ругается надъ жертвами. «Ты не усомнился,—говоритъ онъ:—казнить ихъ страшными муками. Ты не убоялся неистощимой ненависти, вѣчнаго гнѣва оскорбленнаго народа. Гдѣ теперь ихъ дикая отвага, гдѣ коварное непостоянство?.. Ихъ села выжжены, ихъ плѣнные юноши, неспособные по коварству быть нашими воинами, по гордости

рабами, выведены въ циркъ для принятія казни. Числомъ своимъ они утомили разъяренныхъ звѣрей». Eumenii paneg. cap. 10 и 12. Въ другомъ панегирикѣ, сказанномъ послѣ новой побѣды надъ франками, читаемъ почти то-же: tantam captivorum multitudinem bestiis objicit, ut ingrati et perfidi non minus doloris *ex ludibrio* sui quam ex ipsa morte patiantur. Anonym. paneg. cap. 23. Кто-жъ безнравственнѣе: умирающій въ циркѣ франкъ, или ликующій при казни риторъ, вмѣняющій жертвѣ въ коварство ея нехотѣніе служить своимъ палачамъ? Значеніе панегириковъ IV и V вѣковъ опредѣлено критикою: это плохіе источники историческихъ свѣдѣній, но любопытные памятники развращенной эпохи. Не говорю о наглой лести, составляющей ихъ главное содержаніе. Злоупотребленіе слова, искаженіе самыхъ чистыхъ понятій, презрѣніе къ истинѣ едва-ль когда доходили до подобнаго цинизма. Впрочемъ, г. Хомякову, вѣроятно, такъ-же извѣстенъ характеръ панегириковъ. Обратимся теперь къ другимъ свидѣтельствамъ, имъ приведеннымъ противъ франковъ. «Нельзя сказать,—говоритъ онъ: — чтобы тутъ выразилась особенная вражда римскихъ писателей, ибо Имперія страдала отъ многихъ народовъ болѣе чѣмъ отъ франковъ (напр., отъ готѳовъ, вандаловъ или гунновъ), а ихъ хвалятъ, и не рѣдко». Справедливо-ли это? Увидимъ. Слова жалкаго компилятора Вописка не имѣютъ большой важности, — это плохой риторъ, пишущій исторію; но отзывъ Салвіана, писателя даровитаго и благороднаго, заслуживаетъ полнаго вниманія. Его приговоръ, конечно, можетъ рѣшить тяжбу между г. Хомяковымъ и мною. Привожу вполнѣ главныя мѣста, относящіяся къ спорному вопросу: «Готѳы коварны, но цѣломудренны; аланы развратны, но не столь коварны, франки лживы, но гостепріимны; саксы свирѣпы, но заслуживаютъ уваженія за чистоту нравовъ». De providentia lib. VII. «Саксы жестоки, франки лживы, гипиды безчеловѣчны, гунны развратны: вся жизнь варваровъ порочна; но развѣ ихъ пороки можно судить наравнѣ съ нашими? Развѣ развратъ гунна или коварство франка подлежитъ такому-же суду, какъ развратъ и коварство христіанъ? Неужели наклонность къ пьянству аллемана, корыстолюбіе алана можно сравнить съ тѣми-же пороками у христіанъ? Что удивительнаго въ томъ, что гуннъ и гепидъ прибѣгаютъ къ обману, когда имъ неизвѣстна вина лживаго поступка? Какъ обвинить франка въ клятвопреступленіи, когда оно ему кажется не видомъ преступленія, а оборотомъ рѣчи?» Ibid. Lib. IV. Такъ понималъ, такъ оправдывалъ вліяніемъ язычества и невѣжества пороки полудикихъ племенъ массилійскій священникъ

V столѣтія. Читатели, надѣюсь, замѣтятъ различіе воззрѣній, господствующихъ въ скорбныхъ твореніяхъ Салвіана и въ обвинительныхъ актахъ на цѣлые народы, остроумно составляемыхъ г. Хомяковымъ. Можетъ быть, прочитавъ вполнѣ приведенный мною отрывокъ, изъ котораго ему кажется были извѣстны только послѣднія строки, г. Хомяковъ упрекнетъ Салвіана въ дурно-понятомъ гуманизмѣ. Зато другіе найдутъ въ № 86 «М. Г. Л.» не совсѣмъ неудачное подражаніе ритору, славившему зрѣлища Грирскаго амфитеатра. Спрашиваю: гдѣ доказательства отличительной предъ другими племенами порочности франковъ? Они не лучше, но и не хуже другихъ. Ссылаюсь на исторію вандаловъ Виктора Витенскаго, на отзывы Ам. Марцелина и Іорнанда о гуннахъ, Прокопія о герулахъ, Григорія Турскаго о готѳахъ и т. д. Здѣсь можно найти богатый матеріалъ для составленія кондуитныхъ списковъ народамъ, принимавшимъ участіе въ великой эпохѣ переселенія. Характеръ Меровингской эпохи представляетъ особенное явленіе, котораго разборъ не можетъ быть предметомъ этой статьи. Въ тогдашнемъ развращеніи франковъ не сомнѣвается никто. Для этого убѣжденія достаточно прочесть Тьерри. Но можно сказать съ полною увѣренностью, что всякое другое племя при подобныхъ условіяхъ испытало-бы ту-же участь. Вопросъ о гуманизмѣ мы оставимъ въ сторонѣ. Дѣло шло не о немъ, а о легкомысленной игрѣ историческими фактами, о капризѣ, вошедшемъ въ область науки.

Споръ съ моей стороны конченъ. Кто изъ насъ правъ, за кѣмъ осталось поле историческихъ фактовъ, рѣшатъ читатели, знакомые съ дѣломъ или по крайней мѣрѣ заглянувшіе въ книги, на которыя указали г. Хомяковъ и я. Всякое преніе можно протянуть до безконечности, отнявъ у него прямую цѣль, т. е. рѣшеніе спорнаго вопроса. Такого рода словесные турниры могутъ быть блистательны, но я не чувствую призванія ломать на нихъ копья. Охотно признаю превосходную ловкость моего противника въ умственной гимнастикѣ, готовъ любоваться его будущими подвигами, — но въ качествѣ зрителя, безъ всякаго желанія возобновить борьбу.

Нѣмецкія народныя преданія.

Преданіе о Карлѣ Великомъ.

Кромѣ записанной исторіи, у каждаго народа есть изустныя преданія о великихъ дѣлахъ и людяхъ стараго времени. Такія преданія занимаютъ средину между исторіею и поэзіею. Содержаніемъ ихъ служитъ всегда дѣйствительная быль, но разсказъ, переходившій отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ вѣка въ вѣкъ, часто носитъ на себѣ печать сказки. Простой народъ не знаетъ книжной исторіи. Прошедшія событія ему не кажутся чѣмъ-то неподвижнымъ, конченнымъ: онъ какъ будто играетъ ими, свободно измѣняя подробности разсказа. Исторія, какъ наука, старается рѣзко обозначить каждое явленіе, опредѣлить его время и мѣсто; преданіе не заботится о такой вѣрности. Въ немъ есть истина другого рода. Въ немъ высказывается любовь и ненависть народа, его нравственныя понятія, его взглядъ на собственную старину. Чѣмъ сильнѣе событіе или человѣкъ коснулись народной жизни, тѣмъ глубже западаютъ ихъ образы въ память, тѣмъ болѣе хранится объ нихъ разсказовъ. У германскаго племени много прекрасныхъ историческихъ преданій. Они частью собраны и записаны учеными людьми, между которыми первое мѣсто принадлежитъ двумъ братьямъ: Якову и Вильгельму Гриммамъ *). Ихъ благородныя имена должны быть извѣстны нашимъ молодымъ читателямъ.

Дѣла и заслуги Карла Великаго всѣмъ извѣстны. Онъ соединилъ въ одно большое государство почти всю Западную Европу, обвелъ это государство твердыми границами и скрѣпилъ общими учрежденіями и законами. Языческіе саксы, жившіе въ сѣверной Германіи, были обращены имъ къ христіанству. Множество школъ возникло по его волѣ. Короче, онъ былъ обновителемъ духовной и гражданской жизни на Западѣ. Многое изъ созданнаго имъ вскорѣ исчезло, еще

*) Deutsche Sagen, herausgegeben von den Brüdern Grimm. Berlin, 1816.

болѣе сохранилось. О такихъ людяхъ не забываютъ народы. Въ пѣсняхъ и преданіяхъ хранятъ они ихъ память. Вотъ нѣсколько преданій о Карлѣ Великомъ.

1. Карлъ и Дезидерій Лангобардскій.

Когда Карлъ Великій пошелъ войною на лангобардовъ, при дворѣ ихъ короля Дезидерія жилъ Огеръ, благородный франкъ, бѣжавшій изъ отечества, гонимый гнѣвомъ Карла. Услышавъ о приближеніи франкскаго войска къ Павіи, Дезидерій и Огеръ взошли на вершину башни, съ которой можно было обозрѣть всю окрестность. Вдали показались обозы франковъ. Они покрывали большое пространство. «Не здѣсь-ли самъ Карлъ?» —спросилъ король Дезидерій. «Его здѣсь нѣтъ»,— отвѣчалъ Огеръ. Потомъ явилось ополченіе, собранное со всѣхъ концовъ государства. «Карлъ вѣрно самъ идетъ съ этими воинами»,—сказалъ опять Дезидерій. «Нѣтъ еще, нѣтъ еще»,—отвѣчалъ Огеръ. Тогда смутился лангобардскій король и молвилъ: «Что-же будетъ съ нами, если съ Карломъ ихъ придетъ еще болѣе?» «Когда и какъ онъ придетъ,—сказалъ Огеръ: — ты увидишь самъ; что съ нами будетъ — не знаю». Между тѣмъ приблизилась новая толпа. На вопросъ Дезидерія Огеръ отвѣчалъ по прежнему: «Его еще нѣтъ, подожди». Потомъ они увидѣли съ башни своей длинные ряды епископовъ, аббатовъ, священниковъ и другихъ духовныхъ лицъ, шедшихъ вмѣстѣ съ войскомъ. Дезидерій не взвидѣлъ свѣта и зарыдалъ. «Сойдемъ скорѣе внизъ, — говорилъ онъ: — и скроемся гдѣ-нибудь подъ землею предъ лицемъ страшнаго врага». Тогда вспомнилъ Огеръ о прошедшихъ, лучшихъ годахъ своей жизни и о великой силѣ короля Карла. Онъ сказалъ Дезидерію: «когда поля твои покроются желѣзными колосьями, когда рѣки потекутъ на городъ желѣзными волнами, тогда жди Карла. Онъ явится передъ тобою». — Онъ еще не успѣлъ кончить, какъ съ запада и съ сѣвера поднялись мрачныя тучи и затмили ясный день. Немного спустя наступила настоящая тьма. Тогда явился самъ Карлъ. Онъ былъ въ желѣзѣ. На головѣ у него былъ желѣзный шлемъ, на рукахъ желѣзныя рукавицы, на широкой груди желѣзныя латы. Лѣвой рукою онъ держалъ желѣзное копье. Въ правой рукѣ былъ мечъ; щитъ былъ желѣзный; даже конь его, по крѣпости и цвѣту, казался желѣзнымъ. Воины, шедшіе съ Карломъ и позади его, и остальная дружина были почти такъ-же вооружены. Стѣны Павіи задрожали. «Вотъ тотъ, о которомъ ты спрашивалъ меня»,—сказалъ онъ коро[redacted]гобардовъ, и безъ па[redacted]овалился на землю.

)роль:—осталось только три дня, а путь
і объ этомъ,—отвѣчалъ ему ангелъ:—
могущъ. Поди и купи у твоего писаря
ерезъ болота и поля донесетъ онъ тебя
оду на Раабѣ. Тамъ ты переночуешь и
а другой день, рано утромъ отправляйся
Пассау. Тамъ ты еще разъ ночуешь. Въ
коня. У хозяина дома, гдѣ ты оста-
енокъ: купи его. Онъ принесетъ тебя
ной край твой».
какъ ему приказано: купилъ у своего
одинъ день поспѣлъ къ Раабу. На дру-
заходило, а онъ уже прибылъ въ Пассау,
ночлегъ. Вечеромъ, когда скотъ возвра-
замѣтилъ прекраснаго жеребенка, схва-
і сказалъ: «Хозяинъ, уступи его мнѣ;
у». «Нѣтъ,—молвилъ хозяинъ:—жере-
ты сѣдокъ ему не по силамъ. Онъ не
сталъ снова просить. Тогда хозяинъ,
асился, а Карлъ въ свою очередь про-
горомъ совершилъ уже такой длинный

рано, король пустился въ дорогу. Онъ
ясь до самыхъ воротъ столицы своей—
ъ на ночлегъ. Въ городѣ было большое
ки. Карлъ спросилъ: «это что такое?»
, ему: «сегодня празднуется большая
і выходитъ за мужъ за богатаго короля.
Молодыхъ и старыхъ, бѣдныхъ и бога-
ъ и кушаньемъ. Для коней также много
.—Король Карлъ сказалъ: «я останусь
гощенія мнѣ не нужно. Вотъ тебѣ зо-
нѣ ѣсть, чтобы всего было довольно».
олотыя деньги, удивился и про себя по-
ній, благородный рыцарь. Я такихъ еще
ье было приготовлено богатое. Когда
ь позвалъ къ себѣ на ночь хозяйскаго
». Передъ сномъ онъ просилъ сторожа
олько начнутъ благовѣстить въ соборѣ.
службу онъ обѣщалъ ему золотой пер-
дарѣ колокола сторожъ подошелъ къ
алъ его будить: «вставайте, господинъ.
Дайте мнѣ заслуженн[illegible]тень».
ся, надѣлъ дорогую с[illegible] про-

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

2. Карлъ Великій и змѣя.

Въ бытность свою въ Цюрихѣ, императоръ Карлъ приказалъ поставить столбъ и привязать къ нему колоколъ. Отъ колокола къ землѣ была спущена веревка. Когда императоръ сидѣлъ за обѣдомъ, каждый могъ подойти къ столбу, звонить и требовать себѣ суда и расправы. Одинъ разъ случилось, что колоколъ зазвонилъ, но вышедшіе служители не замѣтили никого у веревки. Звонъ раздался снова; Карлъ приказалъ служителямъ выдти опять и узнать о причинѣ звона. Тогда только увидѣли они большую змѣю, которая дергала зубами веревку и такимъ образомъ приводила въ движеніе колоколъ. Испуганные слуги возвратились назадъ и донесли о видѣнномъ своему государю. Ни человѣку, ни животному не хотѣлъ Карлъ отказать въ судѣ и правдѣ. Онъ самъ пошелъ къ странной просительницѣ. Змѣя, завидѣвъ его, почтительно преклонила голову и поползла предъ нимъ къ берегу озера, гдѣ указала ему на гнѣздо свое. Въ немъ сидѣла огромная жаба. Карлъ разсудилъ ихъ: змѣѣ возвратилъ гнѣздо, а жабу приказалъ сжечь. Черезъ нѣсколько дней змѣя снова пришла ко двору, всползла на столъ, за которымъ сидѣли императоръ и его гости, и подняла крышку съ одного изъ кубковъ. Она опустила въ кубокъ драгоцѣнный камень, который держала во рту, преклонилась передъ Карломъ и отправилась назадъ. Впослѣдствіи, тамъ, гдѣ онъ нашелъ гнѣздо змѣи, Карлъ Великій выстроилъ церковь, а камень подарилъ супругѣ своей.

3. Возвратъ короля Карла изъ Венгріи.

Король Карлъ отправился въ походъ для обращенія язычниковъ, жившихъ въ нынѣшней Венгріи, къ христіанству. Предъ разлукою онъ обѣщалъ супругѣ своей возвратиться черезъ десять лѣтъ. По прошествіи этого срока, она должна была считать его мертвымъ и молиться за его душу. Девять лѣтъ прошло, такимъ образомъ, безъ него. Въ государствѣ не было ни порядка, ни мира; вездѣ пожары, да разбои. Тогда вельможи собрались у королевы и стали ее просить, чтобъ она выбрала себѣ другого мужа, способнаго охранять государство. Королева долго отказывалась, но наконецъ принуждена была уступить общимъ требованіямъ и жалобамъ на бѣдствія государства. Нашелся женихъ, богатый и сильный король. До свадьбы оставалось только три дня.

Богъ не допустилъ этому исполниться. Ангелъ увѣдомилъ Карла о томъ, что ему угрожало. «Но какъ-же мнѣ поспѣть

къ сроку?—сказалъ король:—осталось только три дня, а путь великъ». «Не заботься объ этомъ,—отвѣчалъ ему ангелъ:—Богъ милосердъ и всемогущъ. Поди и купи у твоего писаря его крѣпкаго коня. Черезъ болота и поля донесетъ онъ тебя въ одинъ день къ городу на Раабѣ. Тамъ ты переночуешь и накормишь лошадь. На другой день, рано утромъ отправляйся вверхъ по Дунаю къ Пассау. Тамъ ты еще разъ ночуешь. Въ Пассау оставь своего коня. У хозяина дома, гдѣ ты остановишься, есть жеребенокъ: купи его. Онъ принесетъ тебя на третій день въ родной край твой».

Карлъ поступилъ, какъ ему приказано: купилъ у своего писаря его коня и въ одинъ день поспѣлъ къ Раабу. На другой день, солнце еще не заходило, а онъ уже прибылъ въ Пассау, гдѣ нашелъ хорошій ночлегъ. Вечеромъ, когда скотъ возвращался съ поля, Карлъ замѣтилъ прекраснаго жеребенка, схватилъ его за гриву и сказалъ: «Хозяинъ, уступи его мнѣ; завтра я на немъ уѣду». «Нѣтъ,—молвилъ хозяинъ:—жеребенокъ еще молодъ, и ты сѣдокъ ему не по силамъ. Онъ не снесетъ тебя». Король сталъ снова просить. Тогда хозяинъ, видя его желаніе, согласился, а Карлъ въ свою очередь продалъ ему коня, на которомъ совершилъ уже такой длинный путь.

На третій день, рано, король пустился въ дорогу. Онъ мчался, не останавливаясь до самыхъ воротъ столицы своей—Ахена. Тутъ онъ сталъ на ночлегъ. Въ городѣ было большое веселье: пѣсни и пляски. Карлъ спросилъ: «это что такое?» Хозяинъ дома сказалъ ему: «сегодня празднуется большая свадьба, королева наша выходитъ за мужъ за богатаго короля. Пиръ идетъ великій. Молодыхъ и старыхъ, бѣдныхъ и богатыхъ угощаютъ виномъ и кушаньемъ. Для коней также много приготовлено корму».—Король Карлъ сказалъ: «я останусь у тебя. Свадебнаго угощенія мнѣ не нужно. Вотъ тебѣ золото: поди и купи мнѣ ѣсть, чтобы всего было довольно». Хозяинъ, смотря на золотыя деньги, удивился и про себя подумалъ: «вотъ настоящій, благородный рыцарь. Я такихъ еще не видывалъ». Кушанье было приготовлено богатое. Когда Карлъ поужиналъ, онъ позвалъ къ себѣ на ночь хозяйскаго сторожа и легъ спать. Передъ сномъ онъ просилъ сторожа разбудить его, какъ только начнутъ благовѣстить въ соборѣ. Въ награду за эту службу онъ обѣщалъ ему золотой перстень. При первомъ ударѣ колокола сторожъ подошелъ къ спящему королю и сталъ его будить: «вставайте, господинъ. Въ соборѣ звонятъ. Дайте мнѣ заслуженный перстень». Карлъ поспѣшно поднялся, надѣлъ дорогую одежду и

силъ хозяина проводить его. Рука объ руку пошли они къ королевскому замку, но ворота были заперты большими запорами.—«Вамъ придется лѣзть подъ ворота, если вы непремѣнно хотите войти, — сказалъ хозяинъ: — только тогда вы замараете платье».—«Я объ этомъ не забочусь»,—отвѣчалъ король и пролѣзъ вмѣстѣ съ спутникомъ своимъ въ замокъ. Потомъ Карлъ вошелъ въ соборъ, сѣлъ на стоявшій тамъ престолъ и положилъ себѣ на колѣни обнаженный мечъ. А по древнему франкскому обычаю, всякій, кто сидѣлъ на престолѣ, что стоялъ въ соборѣ, становился королемъ. Вскорѣ пришелъ одинъ изъ церковниковъ. Увидѣвъ сидящаго Карла съ обнаженнымъ мечемъ, онъ испугался и поспѣшилъ увѣдомить священника. «Сѣдой, незнакомый человѣкъ сидитъ на престолѣ и держитъ голый мечъ на колѣняхъ». Священникъ и другіе каноники не хотѣли вѣрить ему. Одинъ изъ нихъ взялъ свѣтильникъ и смѣло пошелъ въ церковь. Когда передъ его глазами явился Карлъ, онъ бросилъ въ ужасѣ свѣтильникъ свой на полъ и бѣжалъ къ самому епископу. Епископъ приказалъ двумъ изъ прислужниковъ своихъ взять свѣчи и отправился съ ними къ собору. Подойдя къ Карлу, онъ робко спросилъ у него: «скажи намъ, кто ты такой? Здѣшній или загробный жилецъ? И что побудило тебя сѣсть на этотъ престолъ?» Тогда поднялся сѣдой незнакомецъ и молвилъ: «ты зналъ меня, когда меня звали королемъ Карломъ и не было государя сильнѣе меня». Онъ приблизился къ епископу, чтобы тотъ могъ его разсмотрѣть. Епископъ тотчасъ его узналъ, радостно поздравилъ и обнялъ. Потомъ онъ повелъ его въ богатый домъ свой. Начался большой звонъ, и свадебные гости стали спрашивать о причинѣ этого звона. Когда имъ сказали, что возвратился король Карлъ, они проворно разошлись, и каждый спѣшилъ убраться домой. Но епископъ просилъ Карла перемѣнить гнѣвъ на милость и любить по прежнему королеву, которая противъ воли согрѣшила передъ нимъ. Король послушалъ его просьбы, простилъ вельможамъ и съ королевою сталъ жить по прежнему въ любви и согласіи.

Много другихъ разсказовъ сохранила признательная память западныхъ народовъ объ императорѣ и королѣ Карлѣ. Изъ приведенныхъ выше видно, въ какомъ образѣ являлся онъ народному воображенію.

Рыцарь Баярдъ.

Петръ дю-Тераль, впослѣдствіи рыцарь Баярдъ, родился въ 1476 году, не далеко отъ Гренобля, въ Баярдѣ, замкѣ отца своего, стараго израненнаго воина. Фамилія Тераль принадлежала къ числу самыхъ славныхъ и благородныхъ въ провинціи Дофине, которой дворянство издавна отличалось воинственнымъ духомъ и гордо называло себя «l'écarlate des gentilshommes de France».

Въ отцовскомъ замкѣ съ братьями и сестрами росъ молодой Баярдъ. Согласно съ дворянскими понятіями того времени, при воспитаніи его болѣе обращали вниманія на развитіе тѣлесной силы и ловкости, чѣмъ на умственное образованіе, которое считалось необходимостью только для духовенства. Мальчики, которые не готовили себя къ этому званію, читали мало, развѣ одни рыцарскіе романы; зато въ тѣлесныхъ упражненіяхъ они далеко превосходили изнѣженныхъ дѣтей нашего времени. Они съ раннихъ лѣтъ привыкали носить тяжелое вооруженіе, которое, однако, не стѣсняло свободы ихъ движеній, потому что они могли въ немъ танцовать, прыгать черезъ глубокіе рвы, вскакивать безъ помощи стремянъ на коня, влѣзать безъ лѣстницы на гладкія, каменныя стѣны и т. д. Такая сила и гибкость членовъ были необходимы для людей, которыхъ главнымъ занятіемъ должна была быть война, и война не такая, какая въ наше время, когда общее употребленіе огнестрѣльнаго оружія уничтожило почти всякое различіе между крѣпкимъ и безсильнымъ. Пушки и ружья, конечно, употреблялись уже въ концѣ XV столѣтія, но гораздо менѣе, чѣмъ теперь, и, по плохому тогдашнему ихъ устройству, онѣ не могли имѣть такой важности. Баярду было тринадцать лѣтъ, когда старый рыцарь дю-Тераль созвалъ сыновей своихъ и спросилъ у каждаго изъ нихъ, какой родъ жизни онъ намѣренъ для себя избрать? Старшій хотѣлъ остаться въ родовомъ замкѣ помощникомъ отца въ его хо-

зяйственныхъ заботахъ; два меньшихъ просили, чтобы ихъ учили наукамъ, нужнымъ для достиженія высшихъ духовныхъ должностей; одинъ только Петръ объявилъ желаніе служить Франціи, какъ служили его прапрадѣдъ, прадѣдъ и дѣдъ, всѣ убитые въ сраженіяхъ. Отецъ благословилъ его выборъ и просилъ близкаго родственника своего, епископа Гренобльскаго, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ, помѣстить Петра при особѣ какого-нибудь знатнаго господина, у котораго молодому человѣку можно было-бы научиться хорошему обращенію и насмотрѣться на благородные примѣры. Таковъ былъ тогдашній обычай. Вѣрный слуга рыцаря Баярда, который оставилъ самъ прекрасную и простодушную повѣсть о подвигахъ своего господина *), разсказалъ подробно о его прощаніи съ родителями. Мать молодого Петра дала ему предъ разлукою небольшой кошелекъ съ деньгами и четыре совѣта: жить съ твердою вѣрою въ Бога, говорить правду, оказывать уваженіе и вѣжливость къ равнымъ себѣ и быть крѣпкимъ защитникомъ и другомъ бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ. Деньги онъ истратилъ скоро, совѣты сберегъ на всю жизнь.

Епископъ Гренобльскій помѣстилъ своего племянника пажемъ ко двору герцога Карла Савойскаго, гдѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ, герцогъ собрался посѣтить молодого короля французскаго, Карла VIII, жившаго тогда въЛіонѣ, и взялъ съ собою, въ числѣ прочихъ служителей, пажа дю-Тераля. Общее вниманіе остановилось на тринадцатилѣтнемъ мальчикѣ, который съ необыкновенною смѣлостію и ловкостію правилъ конемъ своимъ и въ то же время былъ кротокъ и застѣнчивъ, какъ дѣвушка. Король французскій выпросилъ Баярда у прежняго господина и передалъ его для окончательнаго воспитанія другу и родственнику своему, графу Люксембургскому. Черезъ три года Баярдъ былъ уже настоящимъ воиномъ. По примѣру большей части тогдашнихъ французскихъ дворянъ, онъ началъ службу въ конницѣ. Пѣхота, кромѣ главныхъ начальниковъ, состояла изъ людей низшаго класса и нѣмецкихъ или швейцарскихъ наемниковъ, которые за деньги служили кому угодно, даже противъ соотечественниковъ. Не смотря на мирное время, Баярдъ умѣлъ заслужить извѣстность своими побѣдами на турнирахъ, въ которыхъ воинственное дворянство, скучая праздностію, выказывало передъ дамами силу и смѣлость, часто съ опасностію самой жизни. Товарищи и бѣдные любили его за про-

*) **Подъ заглавіемъ:** Très joyeuse, plaisante et récréative histoire, composée par le loyal serviteur des faicts, gestes, triomphes et prouesses du qeau chevalier sans paour et sans reproches, gentil seigneur de Bayard.

готу нрава и безграничную щедрость. Съ другомъ и недругомъ дѣлился онъ послѣднимъ добромъ своимъ и не думалъ собственной нуждѣ. Онъ едва выходилъ изъ дѣтства, но удущій «рыцарь безъ страха и упрека» уже былъ видѣнъ.

Въ 1494 году, Карлъ VIII выступилъ съ большимъ войкомъ въ Италію. Это было начало такъ называемыхъ Итаіанскихъ войнъ; которыми открывается новая исторія Европы. ъ этого времени до самой смерти, Баярдъ почти не сходилъ ь поприща войны. Походъ Карла былъ сначала очень удаенъ. Онъ прошелъ вдоль всю Италію и безъ труда занялъ оролевство Неаполитанское, на которое у него были наслѣдственныя права. Французы дивились слабости италіанцевъ, акъ легко уступавшихъ иноземцамъ самыя дорогія достоянія еловѣка—независимость и родную землю. Въ простотѣ и евѣжествѣ своемъ, они приписывали эту слабость духа той лестящей образованности, которою дѣйствительно тогдашніе таліанцы отличались предъ всѣми другими народами. Но настоящая образованность не ослабляетъ мужества: напротивъ ого, она его укрѣпляетъ, и направляетъ къ цѣлямъ разумнымъ и достойнымъ. Есть другая образованность, ложная и редная, которая нѣжитъ и балуетъ умъ, отучая его отъ грогихъ, общественныхъ помысловъ. Такая образованность, онечно, можетъ развить въ человѣкѣ прекрасную способность наслаждаться картинами, музыкою, стихами, но наслажденіе будетъ безплодно; оно будетъ похоже на наслажденіе лакомки. Человѣкъ, который, ради картинъ или книгъ, ъ состояніи забыть о другихъ людяхъ и не думать объ ихъ части, немногимъ лучше безнравственнаго ребенка, который ѣстъ тайкомъ сладкій кусокъ, когда мать и отецъ его мираютъ съ голоду. Италіанцы XV вѣка съ жаромъ изуали великихъ писателей греческой и римской древности, но ни болѣе обращали вниманія на изящную форму изучаемыхъ роизведеній, чѣмъ на ихъ глубокій, нравственный смыслъ. пиваясь сладкозвучною рѣчью, они не думали объ усвоеніи ебѣ той доблести, той нравственной красоты, того человѣескаго достоинства, которыми такъ ярко сіяютъ великіе юди греческой и римской исторіи. За то тѣ италіанцы, которые поняли древность съ настоящей стороны, не уступали и французамъ, ни другимъ народамъ въ мужествѣ военномъ, и далеко превосходили ихъ во всемъ другомъ. Къ нечастью, таковы обоихъ———

Главная причина, почему Италія такъ легко поддавалась иноплеменникамъ, заключалась въ ея раздробленіи на множество княжествъ и республикъ, которыя безпрерывно в

другъ съ другомъ и не могли соединиться въ прочный союзъ, даже при общей всѣмъ опасности. Впрочемъ, Карлъ VIII не долго удержалъ за собою такъ скоро завоеванное имъ Неаполитанское королевство. Въ то самое время, когда, среди пировъ и рыцарскихъ забавъ, онъ собирался въ новый походъ, котораго цѣлью были изгнаніе турокъ изъ Европы и освобожденіе изъ-подъ власти магометанъ гроба Господня, до него дошла вѣсть, что тотъ самый Лудовикъ Моро, правитель Миланскій, который призвалъ его себѣ на помощь въ Италію, теперь соединился противъ него съ папою и могущественною Венеціанскою республикою. Такимъ образомъ французамъ былъ отрѣзанъ возвратный путь на родину. Карлъ, встревоженный этими извѣстіями, отказался на время отъ своихъ прежнихъ намѣреній, оставилъ значительный отрядъ для защиты Неаполя, а самъ съ прочимъ войскомъ пошелъ къ сѣверу. На берегахъ рѣки Таро, близь Форново, ожидали его соединенные италіанцы. Смѣлымъ нападеніемъ французы смяли многочисленныхъ противниковъ и прочистили себѣ дорогу. Девятнадцатилѣтній Баярдъ совершилъ здѣсь свой первый, блистательный подвигъ. Онъ поднесъ королю отнятое имъ лично непріятельское знамя. Въ жаркой схваткѣ подъ нимъ были убиты двѣ лошади.

Черезъ три года умеръ Карлъ VIII. Преемникъ его, Лудовикъ XII, прозванный отцомъ народа, предпринялъ новый походъ въ Италію, откуда французы уже были совершенно вытѣснены. Онъ считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ герцогства Миланскаго. Баярдъ отличился въ самомъ началѣ войны. Преслѣдуя разбитый отрядъ Миланскихъ войскъ, онъ ускакалъ отъ болѣе осторожныхъ товарищей, и одинъ, вмѣстѣ съ бѣглецами, ворвался въ городъ Миланъ. Его, разумѣется, немедленно окружили и принудили сдаться. Лудовикъ Моро почтилъ его отвагу и возвратилъ ему безъ выкупа свободу и оружіе. Но Баярдъ самъ осудилъ свою запальчивость. Ему такъ же незнакомо было тщеславіе, какъ и чувство страха. Впослѣдствіи, онъ никогда не искалъ ненужныхъ опасностей и пренебрегалъ суетною славою удальства. Французы скоро завоевали Миланское герцогство и вторично проникли въ Неаполь, но на этотъ разъ они должны были уступить часть прекрасной добычи Фердинанду Католику, королю Испанскому. Согласіе между Фердинандомъ и Лудовикомъ XII было непродолжительно. Въ 1502 году въ южной Италіи завязалась новая война, въ которой съ обѣихъ сторонъ стояли самые знаменитые воины того времени. Со стороны испанцевъ: блестящій побѣдитель маврвъ, Гонзальвъ Кордуан-

скій, заслуживший отъ современниковъ, по преимуществу, имя «великаго полководца»; донъ Педро Наварра, который началъ службу простымъ солдатомъ въ пѣхотѣ и сдѣлался графомъ. Для него не было недоступной крѣпости. Онъ умѣлъ всюду подвести подкопъ и взрывалъ на воздухъ цѣлыя горы. Педро де-Пацъ, горбатый карликъ съ косыми глазами; когда онъ сидѣлъ на конѣ, его почти нельзя было видѣть, по малому росту, но въ цѣломъ мірѣ едва-ли было сердце болѣе смѣлое. Онъ не боялся ни живыхъ враговъ, ни привидѣній, въ которыхъ крѣпко вѣрили тогдашніе люди. Съ такимъ же безстрашіемъ ходилъ онъ въ битву, съ какимъ спускался въ ославленныя суевѣріемъ пещеры, гдѣ, по народному повѣрью, злые духи берегли богатые клады. Со стороны французовъ были: Добиньи, изъ царственнаго дома Шотландскихъ Стюартовъ; Лапалисъ, на полѣ битвы провозглашенный французскимъ маршаломъ изумленными испанцами. Король утвердилъ его въ санѣ, признанномъ благородными противниками. Монтуазонъ, дряхлый и больной старикъ, который становился бодрымъ юношею, «соколомъ сраженія», при видѣ непріятеля; Имбекуръ, Фонтраль и Баярдъ. Имя молодаго рыцаря уже было славно. Въ частыхъ, почти ежедневныхъ ошибкахъ ему было можно обнаружить великія военныя качества, которыми одарила его природа. Однажды онъ взялъ въ плѣнъ знатнаго испанца, Алонзо де-Сото-Майоръ. Въ ожиданіи условленнаго выкупа, побѣдитель, полагаясь на честное слово плѣнника, освободилъ его отъ всякаго надзора. Испанцу скоро наскучила праздная жизнь въ плѣну; онъ нарушилъ рыцарское обѣщаніе и бѣжалъ. Побѣгъ не удался. Взятый въ другой разъ, донъ Алонзо былъ заключенъ въ башню, откуда его освободили только по уплатѣ имъ тысячи червонцевъ выкупа. Эти деньги Баярдъ немедленно роздалъ подчиненнымъ своимъ. Ему достаточно было одной чести. Но самолюбіе испанскаго рыцаря было глубоко тронуто; онъ жаловался въ оскорбительныхъ выраженіяхъ на строгость надзора, на неприличное обхожденіе съ нимъ Баярда. Въ то время, подобныя ссоры обыкновенно оканчивались поединкомъ. Другихъ средствъ къ отвращенію обидъ или клеветы не знали. Несмотря на тяжкую болѣзнь Баярда, поединокъ между нимъ и донъ Алонзо былъ неизбѣженъ. Они бились на смерть, въ присутствіи значительнаго числа свидѣтелей изъ обѣихъ армій. Предъ началомъ боя, Баярдъ преклонилъ колѣна, произнесъ молитву и приложился къ землѣ. Сото-Майоръ былъ убитъ. Впрочемъ, такого рода подвиговъ въ жизни Баярда немног

поединки принадлежали къ числу самыхъ обыкновенныхъ случаевъ. Высокое, всѣми признанное безстрашіе соединялось въ немъ съ такою чистою скромностію, такою простотою души и уваженіемъ къ чести другихъ, что онъ не могъ ни наносить, ни получать тѣхъ мелкихъ оскорбленій, которыя въ то время неминуемо влекли за собою кровавую расправу. Ему случилось отбить у испанцевъ 15,000 червонныхъ, сумму огромную, которая превышала все его родовое имѣніе и по праву принадлежала ему одному. Несмотря на то, одинъ изъ его товарищей незаконно потребовалъ участка въ этой добычѣ. Баярдъ отказалъ наглому требованію и предоставилъ дѣло на разборъ начальниковъ. Рѣшеніе было въ его пользу. Тогда онъ раздѣлилъ деньги на двѣ половины и добровольно отдалъ одну опечаленному противнику, другую солдатамъ. Великодушіе его обогатило многихъ, самъ онъ остался бѣденъ до конца жизни.

Между тѣмъ, война приняла дурной для французовъ оборотъ. Они были слишкомъ опрометчивы, а вели дѣло съ врагомъ осторожнымъ и осмотрительнымъ. Проигравъ нѣсколько сраженій, въ 1504 году, имъ наконецъ пришлось совсѣмъ оставить Неаполитанское королевство. Баярду обязана была французская армія спасеніемъ отъ совершенной погибели, которая ей однажды грозила. Оба непріятельскія войска стояли въ виду одно-другого, на противоположныхъ берегахъ рѣчки Гарильяно. Узкій и плохой мостъ представлялъ опасную переправу. Въ этой увѣренности, французы безпечно расположились въ лагерѣ своемъ и не ждали никакого нападенія. Испанцы замѣтили ихъ оплошность. Донъ Педро де Пацъ пошелъ съ довольно сильнымъ отрядомъ внизъ по рѣкѣ, какъ-бы отыскивая броду, и обратилъ на себя все вниманіе французскихъ начальниковъ. Между тѣмъ, двѣсти человѣкъ конницы понеслись къ мосту, оставленному безъ охраны. Одинъ Баярдъ замѣтилъ это движеніе и бросился имъ на встрѣчу. Узость моста не позволяла испанцамъ развернуться: они должны были идти по три въ рядъ. Этимъ воспользовался рыцарь безъ страха и упрека. Онъ сбросилъ передовыхъ противниковъ въ рѣку и устоялъ противъ остальныхъ, пока къ нему не подоспѣла помощь. Суевѣрные испанцы были убѣждены, что съ ними бился демонъ. Они не вѣрили, чтобы человѣкъ могъ выдержать такую неравную борьбу. Наградою за это дѣло былъ данный королемъ Баярду девизъ: unus vires agminis habet *).

*) У него одного сила цѣлаго войска.

Праздность Баярда, по выступленіи французовъ изъ Неаполя, продолжалась недолго. Онъ оказалъ Лудовику XII важныя услуги при взятіи Генуи. По заключеніи Камбрейскаго договора, соединившаго противъ одной Венеціи силы Нѣмецкаго императора, папы и королей Французскаго и Испанскаго, сверхъ италіанскихъ князей, давнихъ завистниковъ республики, Баярдъ явился опять на поприщѣ своихъ первыхъ подвиговъ. Этотъ разъ Венеція вела войну благородную. Она созвала подъ свои знамена лучшихъ юношей Италіи и указала на святую для нихъ цѣль войны, на освобожденіе родины отъ иностранцевъ, которые нагло дѣлили ее между собою. Но счастіе измѣнило республикѣ, дотолѣ почти незнавшей неудачъ. 14 мая 1509 года, при Аньяделло, венеціанская армія была на голову разбита французами. Цвѣтъ италіанскихъ юношей, самые благородные, самые образованные легли въ битвѣ. Побѣдители должны были признать высокое мужество побѣжденныхъ и поняли, что есть образованность, которая дѣлаетъ человѣка малодушнымъ. Венеціане съ гордостію разсказывали, что убитые ихъ ратники почти всѣ были ранены въ грудь. Это было единственное, но прекрасное утѣшеніе Италіи, навсегда утратившей свою независимость. Баярдъ былъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ Аньядельской побѣды. При осадѣ Павіи, онъ заставилъ императора Максимиліана сказать, что онъ завидуетъ королю Французскому, у котораго есть такой слуга. Потомъ, онъ былъ отправленъ на помощь герцогу Феррарскому противъ папы Юлія II. Баярдъ едва не захватилъ въ плѣнъ не по сану воинственнаго папу и вслѣдъ за тѣмъ спасъ ему жизнь, которой грозила опасность со стороны измѣнника. Въ началѣ 1512 года, у французовъ почти не оставалось союзниковъ. Они должны были вести войну съ тѣми же государствами, которыя въ Камбре соединились съ ними противъ Венеціи. Тогда начальство надъ войсками Лудовика XII принялъ двадцатичетырехлѣтній Гастонъ де Фуа, герцогъ Немурскій. Его военное поприще было коротко и славно. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ завоевалъ почти всю сѣверную Италію и грозилъ выгнать испанцевъ изъ южной. Самый близкій совѣтникъ его былъ Баярдъ. На кровавомъ приступѣ къ Бресчіи, Баярдъ велъ передовой отрядъ и рѣшилъ успѣхъ предпріятія, но былъ тяжело раненъ. Его перенесли въ одинъ изъ лучшихъ домовъ завоеваннаго города. Несмотря на свои страданія, добрый рыцарь прежде всего позаботился о томъ, чтобы хозяева его не потерпѣли оскорбленій отъ раздраженныхъ побѣдителей, грабившихъ Бресчію. По выздоровленіи,

онъ не хотѣлъ принять никакого выкупа отъ богатой хозяйки дома, которая, по тогдашнимъ законамъ войны, была его плѣнницею. Часть денегъ, ею принесенныхъ, онъ подарилъ ея дочерямъ въ приданое, остальныя велѣлъ раздать въ женскихъ монастыряхъ наиболѣе пострадавшимъ во время приступа. Онъ прибылъ въ станъ герцога Немурскаго за нѣсколько дней до славной битвы Равеннской.

Въ самый праздникъ Свѣтлаго Воскресенья, день радости и примиренія для христіанъ, сошлись не для мирнаго дѣла испанская и французская арміи. Многіе, глядя на кровавый цвѣтъ восходившаго солнца, предсказывали страшную сѣчу, смерть какого-нибудь великаго вождя. Съ ранняго утра, Гастонъ былъ на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ. Съ Баярдомъ и еще нѣсколькими спутниками подъѣхалъ онъ къ небольшому ручью, по ту сторону котораго стоялъ непріятель. Гастону хотѣлось взглянуть на его положеніе. За ручьемъ было человѣкъ двадцать или тридцать испанцевъ. Они въ свою очередь обозрѣвали французскій станъ. Баярдъ обратился къ нимъ съ рыцарскимъ привѣтомъ и словами: «вы, государи мои, кажется, гуляете, подобно намъ, въ ожиданіи болѣе веселой забавы. Запретите пока стрѣлять съ вашей стороны, я отдалъ такое же приказаніе своимъ». Донъ Педро де-Пацъ спросилъ объ его имени, и когда узналъ, что съ нимъ говоритъ рыцарь безъ страха и упрека, котораго онъ полагалъ еще въ Брешіи, то поздравилъ его съ прибытіемъ: «я радъ васъ видѣть, благородный господинъ, хотя присутствіе ваше для насъ не прибыль. Французская армія усилилась двумя тысячами человѣкъ въ вашемъ лицѣ Дай Богъ, чтобы между нашими государями когда-нибудь состоялся прочный миръ и чтобы намъ, наконецъ, можно было сойтись не для битвы, а для дружеской бесѣды». Потомъ, Донъ Педро спросилъ: «кто этотъ статный, молодой господинъ, которому всѣ вы оказываете такое почтеніе?»

Баярдъ отвѣчалъ: «это герцогъ Немурскій, братъ вашей королевы». Тогда испанцы сошли съ коней и, преклонивъ колѣни, привѣтствовали Гастона: «мы преданные вамъ слуги, герцогъ, во всемъ, что не противорѣчитъ вѣрности, обѣщанной нами королю Фердинанду». Гастонъ поблагодарилъ ихъ, и они разъѣхались. Немного спустя началось дѣло. Соединенное войско Фердинанда и папы стояло за глубокими рвами. Доступъ къ нему былъ труденъ, почти невозможенъ. Но когда французскія пушки открыли огонь, испанская конница не выдержала. Она перескочила черезъ рвы и понеслась въ чистое поле на встрѣчу Гастону, Баярду и Лапа-

лису, которые того только и ждали. Они опрокинули запальчивыхъ враговъ и погнали ихъ передъ собою. Потомъ, французская пѣхота овладѣла окопами. Сраженіе было проиграно испанцами. Главные начальники ихъ арміи были убиты или ранены. Въ числѣ плѣнныхъ были донъ Педро Наварра и молодой маркизъ Нескара, впослѣдствіи одинъ изъ великихъ генераловъ Карла V. Военное поприще его только начиналось. На щитѣ его было написано: «съ нимъ или на немъ». Но онъ забылъ гордый девизъ и отдалъ побѣдителю щитъ и мечъ. Двѣ тысячи человѣкъ испанской пѣхоты сохранили строй въ общемъ безпорядкѣ. Тихо и гордо отступали они къ Равеннѣ. Гастонъ отрѣзалъ имъ дорогу къ городу. Но въ упоеніи выигранной побѣды, онъ не замѣтилъ, что при немъ было не болѣе тридцати всадниковъ. Бой былъ не продолжителенъ. Четырнадцать ранъ получилъ Гастонъ и палъ мертвый. Жаль было не его, а французской арміи, потерявшей такого начальника. Его смерть была прекрасна. Ей можно завидовать, но не жалѣть объ ней. Онъ умеръ молодъ, въ торжественную минуту жизни, исполненный гордой радости и высокихъ надеждъ. Совершились-ли-бы его надежды, кто знаетъ? Онъ унесъ ихъ съ собою.

Онъ унесъ съ собою и счастье Франціи. Равеннская побѣда не привела тѣхъ послѣдствій, которыхъ отъ нея можно было ожидать. Враги Лудовика XII удвоили усилія: его армія должна была снова оставить Италію. При отступленіи, Баярдъ, по обыкновенію своему, занялъ самое опасное мѣсто: онъ велъ задній отрядъ и отбивалъ напиравшаго непріятеля. Больной, тяжело раненый, онъ прибылъ въ Гренобль. Жизнь его, повидимому, угасала. Народъ съ горячимъ участіемъ толпился около дома, гдѣ онъ лежалъ. Въ церквахъ молились о его выздоровленіи. Баярдъ жалѣлъ объ одномъ: о томъ, что Богъ не далъ ему умереть смертью воина, вмѣстѣ съ Гастономъ, въ битвѣ Равеннской. Но ему не суждено было умереть такъ рано. Передъ нимъ было еще нѣсколько годовъ славной и благородной жизни.

Вскорѣ по выздоровленіи, Баярдъ отправился въ Испанію, гдѣ шла война за Наварру, которою незаконно овладѣлъ Фердинандъ Католикъ. Оттуда его призвалъ Лудовикъ XII для защиты границъ собственнаго государства. Императоръ нѣмецкій Максимиліанъ и Генрихъ VIII, король англійскій, соединились во французской провинціи Пикардіи и обложили городъ Теруанъ. Надобно было подать помощь осажденнымъ. Но французская конница, объятая страннымъ страхомъ, ускакала съ поля, не дожидаясь нападенія. Впослѣдствіи это

названо битвою шпоръ (la bataille des éperons). Баярдъ, Лапалисъ и еще немногіе остались назади, не рѣшаясь бѣжать. Лапалису удалось потомъ отбиться; Баярдъ, со всѣхъ сторонъ окруженный, бросился на непріятельскаго офицера, который вовсе не ждалъ нападенія со стороны разсѣянныхъ французовъ, приставилъ ему мечъ къ горлу и принудилъ сдаться. Тогда Баярдъ отдалъ, ему въ свою очередь, мечъ и сказалъ: «вы мой плѣнникъ, а я вашъ. Ведите меня къ императору». Максимиліанъ и Генрихъ приняли его съ высокимъ уваженіемъ и рѣшили, что онъ не обязанъ платить выкупа, потому что былъ взятъ не какъ другіе. Англійскій король предложилъ ему вступить къ нему въ службу, на самыхъ блестящихъ условіяхъ. Баярдъ отвѣчалъ, что у него одинъ Богъ на небѣ и одно отечество на землѣ и что онъ не можетъ измѣнить ни тому, ни другому. Подобный отвѣтъ далъ онъ еще прежде папѣ Юлію II. Предложенія Генриха и папы были основаны на неблагодарности французскаго правительства, которое, пользуясь службою благороднаго рыцаря, не умѣло цѣнить его по достоинству и не хотѣло его поставить на приличное ему мѣсто. Изъ всѣхъ французскихъ генераловъ того времени, онъ былъ самый знаменитый; несмотря на то, до самой смерти своей, онъ долженъ былъ повиноваться начальникамъ, которые были моложе его и лѣтами и службою. Но Баярду не нужно было никакихъ наградъ. Онъ никому не завидовалъ, никогда не искалъ повышенія. Въ высокой скромности и чистотѣ сердца, онъ былъ доволенъ сознаніемъ совершеннаго долга и отвращеніемъ опасностей, которыя грозили его родинѣ. Другихъ цѣлей жизни у него не было.

Лудовикъ XII умеръ. Его мѣсто заступилъ Франциск I. Новый король былъ молодъ, смѣлъ, исполненъ жаркой любви къ славѣ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ задумалъ о завоеваніи отнятаго у его предшественника Миланскаго герцогства. Баярдъ былъ назначенъ королевскимъ намѣстникомъ въ родную провинцію Дофине и получилъ приказаніе наблюдать за швейцарцами и папскими войсками, которыя сторожили проходы въ Италію. Онъ началъ военныя дѣйствія взятіемъ въ плѣнъ папскаго генерала Проспера Колонны и значительнаго отряда конницы. Первая удача имѣла большое вліяніе на остальной ходъ предпріятія. Не далеко отъ Миланскихъ воротъ у Мариньяно, швейцарцы оставили французскую армію. Это случилось 13 сентября 1515 года. Швейцарская пѣхота слыла неодолимою. Въ то время ей не было равной, за исключеніемъ развѣ турецкихъ янычаровъ, на другомъ концѣ Европы пользовавшихся такою-же славою. Густыми

ідами, уставивъ впередъ длинныя копья, ходили швейцарцы ь битву и ломили все, что попадалось имъ на встрѣчу. Ни-акая конница не могла удержать ихъ. Частыя побѣды убѣ-или ихъ въ собственной непобѣдимости и исполнили пре-ѣнія къ другимъ. Французскихъ латниковъ они называли оруженными зайцами. Два дня бились они при Мариньяно; ѣсколько разъ они были близки къ побѣдѣ, наконецъ, сдѣ-авъ послѣднее отчаянное усиліе, потерявъ двѣ трети своихъ битыми и ранеными, они отступили. Подобной сѣчи не могли апомнить самые старые воины. Бѣшеная лошадь унесла Ба-рда въ средину непріятелей, смерть его казалась неизбѣж-ою, но онъ не потерялъ присутствія духа, свалился въ глу-окій ровъ и кое-какъ пробрался къ своимъ. Послѣ побѣды, ороль Франциск просилъ Баярда возвести его въ достоин-гво рыцаря. Рыцарю безъ страха и упрека принадлежала по раву такая честь.

Вскорѣ потомъ, у Франциска явился соперникъ, столько-е молодой, столько-же честолюбивый, и болѣе могуществен-ый. То былъ Карлъ, король испанскій, по смерти Максимиліана збранный императоръ нѣмецкій. Прочный миръ между ними ылъ невозможенъ. Въ 1521 году, императорскія войска во-ли во Францію, заняли часть Шампаніи и подступили къ ѣзьеру. Взятіе этого города открыло-бы имъ путь во внут-ренность королевства. Испуганные придворные совѣтовали ранциску сжечь скорѣе Мезьеръ, чтобы онъ не достался епріятелю, отдать на разореніе Шампанію и собрать всѣ илы государства около Парижа. Баярдъ возсталъ противъ алодушныхъ и безчеловѣчныхъ мнѣній. «Мезьеръ плохая рѣпость,—сказалъ онъ:—но храбрые люди стоятъ крѣпкихъ гѣнъ». Онъ вызвался защищать городъ. Дѣло трудное; онъ оказалъ, что оно не превышало его силъ. Нѣсколько недѣль ростояли Карловы генералы передъ городомъ почти безъ крѣпленій, которыя они надѣялись взять безъ сопротивленія; аконецъ, имъ должно было снять осаду и удалиться въ Гер-анію. За эту великую услугу Франциск наградилъ Баярда рденомъ св. Михаила; народъ считалъ его спасителемъ Фран-іи. Баярдъ не долго пробылъ при дворѣ, гдѣ его осыпали очестями. Его призывали опасности новаго рода. Въ провин-ціи Дофине открылась моровая язва. Онъ поспѣшилъ туда, спокоилъ народъ и дѣятельными мѣрами умѣлъ остановить аспространеніе страшной болѣзни. Потомъ, онъ усмирилъ енуэзцевъ, которые снова отложились отъ Франціи, и взялъ ородъ Лоди. Начальникомъ французской арміи былъ тогда адмиралъ Бонниве, любимецъ короля, человѣкъ лично храб-

рый, но самонадѣянный и неопытный въ военномъ дѣлѣ. Не-
смотря на возраженія Баярда, онъ заставилъ его занять и
деревнѣ Ребекѣ, близъ Милана, невыгодное положеніе, кото-
рое предавало его въ руки врагамъ. Испанцы воспользовались
ошибкою и дѣйствительно окружили Ребекъ. Съ страшными
усиліями удалось Баярду пробиться назадъ къ арміи, но онъ
былъ глубоко опечаленъ потерями, которыя отрядъ его по-
несъ въ неравной борьбѣ. Онъ былъ щедръ только на свою
кровь, кровь и жизнь другихъ онъ берегъ свято. Легкомыслие
Бонниве казалось ему преступнымъ, и онъ не скрылъ своего
мнѣнія. Поправить испорченное дѣло было невозможно: фран-
цузы отошли отъ Милана тѣснимые испанцами, которые по-
дѣялись на совершенную побѣду. Раненый Бонниве понялъ,
что одинъ Баярдъ въ состояніи принять начальство надъ ар-
міею и спасти ее. Онъ обратился къ нему. «Теперь поздно,—
отвѣчалъ Баярдъ:—я могу вамъ обѣщить одно: пока я живъ,
мы не сдадимся». Въ виду многочисленнаго непріятеля надобно
было переправиться черезъ рѣчку Сезію, между Романьяно и
Гатинарою. 30 апрѣля 1524 года, въ десять часовъ утра, Ба-
ярдъ былъ раненъ навылетъ каменною пулею, которая пере-
била ему спинную кость. Онъ дважды призвалъ имя Божіе и
тихо свалился съ лошади. Его положили подъ дерево, лицомъ
къ приближавшимся испанцамъ. «Я всегда смотрѣлъ имъ въ
лицо,—сказалъ онъ:—умирая, не хочу обратиться спиною».
Потомъ, онъ отдалъ нѣсколько приказаній насчетъ поспѣш-
наго отступленія, исповѣдалъ грѣхи свои одному изъ бли-
жнихъ при немъ служителей и приложилъ къ губамъ крестъ,
бывшій на рукояткѣ его меча. Въ такомъ положеніи нашли
его непріятели. Они обступили его съ знаками глубокаго уча-
стія. Помочь ему было невозможно: онъ отходилъ отъ жизни.
Не одни французы скорбѣли о великой утратѣ. Адріанъ
де-Круа, испанскій генералъ, слѣдующими словами увѣдомилъ
императора Карла о кончинѣ рыцаря безъ страха и упрека:
«государь, хотя Баярдъ служилъ врагу вашему, смерть
его достойна сожалѣнія. Онъ былъ благородный рыцарь, и
всѣ любили его. Едва-ли кто могъ поравняться съ нимъ чи-
стотою жизни, а кончина его была такъ хороша, что я ни-
когда не слыхалъ о подобной». Слѣдствія его смерти не за-
медлили обнаружиться. Менѣе чѣмъ черезъ годъ, французская
армія была совершенно разбита и разсѣяна при Павіи. Король
Францискъ былъ взятъ въ плѣнъ. Тогда оцѣнилъ онъ Баярда.
«О, рыцарь Баярдъ! рыцарь Баярдъ! — воскликнулъ онъ въ
горѣ своемъ: — если - бы ты былъ живъ, я - бы не былъ въ
плѣну».

у было сорокъ восемь лѣтъ, когда онъ былъ убитъ.
мъ современниковъ, онъ былъ высокъ ростомъ и
него были черные глаза, темные волосы и орлиный
що было блѣдное, съ выраженіемъ безконечной до-
ъ перваго взгляда, его никакъ нельзя было принять
о воина, привыкшаго къ битвамъ и кровопролитію.
ѣе походилъ на человѣка, посвятившаго себя мо-
мирному служенію больнымъ и скорбнымъ братьямъ.
у него было не крѣпкое. Кромѣ ранъ, онъ страдалъ
ъ сряду лихорадкою; но болѣзни не мѣшали ему слу-
анціи и дѣлать свое дѣло. Онъ побѣждалъ ихъ си-
ı. Онъ отличался высокимъ благочестіемъ, хотя не
юлиться въ присутствіи свидѣтелей; служители его
зали, что онъ вставалъ по ночамъ, когда думалъ,
ė уже спятъ, и тогда совершалъ долгую и горячую
Милосердіе его къ бѣднымъ не имѣло предѣловъ.
rant aumosnier et faisait ses aulmosnes secrétement,
его простодушный біографъ. Когда нужно было по-
ощь, онъ не отличалъ враговъ отъ своихъ. Болѣе
ихъ дѣвицъ надѣлилъ онъ приданымъ во Франціи и
ыхъ ею краяхъ. За то онъ умеръ бѣденъ, при
ъ средствахъ къ обогащенію себя. Среди ужасовъ
ородолжительной и свирѣпой, онъ сохранилъ всю свѣ-
ошескаго сердца и до конца не могъ равнодушно
на пожары и грабежи, которыми сопровождались
воевавшихъ армій. Чуждый тщеславія, онъ бережно
честь свою, потому что понималъ ее не такъ, какъ
ее большая часть его современниковъ и какъ по-
много людей настоящаго времени. Его чувство
ю основано на глубокомъ уваженіи къ личности
кой. Всякую обиду, неправо нанесенную человѣку,
лъ грѣхомъ и преступленіемъ, и потому равно от-
ее отъ себя и отъ другихъ. Однимъ словомъ, онъ
носитъ названіе рыцаря безъ страха и упрека, и le
teur не напрасно сказалъ объ немъ: «ne s'est trouvé,
ue ou hystoire, prince, gentil-homme, ne autre condi-
ait esté, qui plus furieusement entre les cruels, plus
t entre les humbles, ne plus humainement entre les
escu que le beau chevalier dont la présente hystoire est
e».

Петръ Рамусъ.

У науки есть также свои герои и мученики. Къ числу такихъ принадлежитъ Петръ Рамусъ (Pierre la Ramée), одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей XVI вѣка, столь богатаго великими личностями. Онъ родился въ Пикардіи, отъ очень бѣдныхъ родителей, около 1515 года. Влекомый раннею страстію къ знанію, онъ, подобно нашему Ломоносову, бѣжалъ изъ отцовскаго дома въ Парижъ, гдѣ надѣялся найти средства къ ученію. Но въ Парижѣ его встрѣтила нищета. Два раза возвращался онъ домой, но не терялъ смѣлости, и третья попытка была удачнѣе. Его приняли слугою въ наварскій коллегіумъ: днемъ онъ исправлялъ обязанности своего званія, ночью учился. Съ равнымъ жаромъ занимался онъ философіею, филологіею и математикою. Тогдашнее состояніе науки, скованной схоластическими опредѣленіями, не могло удовлетворить требованій его яснаго и отъ природы полемическаго ума. При полученіи степени магистра онъ уже обратилъ на себя вниманіе смѣлымъ тезисомъ: все ученіе Аристотеля ложно. Его лекціи были въ томъ-же духѣ. Въ 1543 году онъ издалъ двѣ книги, опредѣлившія на всю жизнь его отношенія къ современнымъ ему ученымъ: Institutiones dialecticæ и Aristotelicæ animadversiones. Въ первой онъ изложилъ собственную систему логики, во второй подвергъ строгому и отчасти несправедливому разбору ученіе Аристотеля. Но цѣль Рамуса была благородна: онъ боролся не столько съ греческимъ философомъ, сколько съ его толкователями, которыхъ формализмъ былъ ему ненавистенъ. Онъ требовалъ отъ науки простоты, положительности и прямого вліянія на жизнь. Всѣмъ этимъ требованіямъ противорѣчила схоластика.

Враги Рамуса употребили противъ него средство, которое обыкновенно употребляютъ защитники старыхъ, отжившихъ ученій. Они обвинили его передъ правительствомъ въ оскорбленіи религіи и нравственности. Не надѣясь на содѣйствіе

парламента, они обратились прямо къ королю Франциску I. Король поручилъ рѣшеніе дѣла коммиссіи, составленной изъ пяти извѣстныхъ ученыхъ. Противники Рамуса находились въ большинствѣ и одержали верхъ. У него было отнято право преподаванія; на книги его наложено запрещеніе. Этотъ приговоръ былъ изданъ на латинскомъ и французскомъ языкахъ, обнародованъ на улицахъ парижскихъ и разосланъ въ главные города Европы. Но месть побѣдителей не ограничилась этимъ: имя Рамуса стало ругательнымъ словомъ; въ драматическихъ пьесахъ, нарочно съ такою цѣлью напасанныхъ, явилось его опозоренное и осмѣянное лицо. Рамусъ не поникъ главою предъ бурею. Черезъ нѣсколько лѣтъ ему было разрѣшено преподаваніе философіи, а въ 1551 году онъ былъ утвержденъ профессоромъ философіи и краснорѣчія. Тогда наступило для него время богатой и страстной дѣятельности. Почти во всѣхъ отрасляхъ знанія явился онъ преобразователемъ. Въ наукѣ и въ способахъ ея изученія указывалъ онъ новые пути, составилъ планъ полнаго физико-математическаго курса, издалъ грамматики языковъ французскаго, латинскаго, греческаго и еврейскаго: съ защитниками старыхъ методъ и системъ онъ продолжалъ неутомимую полемику. Средневѣковыя формы парижскаго университета требовали обновленія въ духѣ времени. Назначенный членомъ коммиссіи для преобразованія учебныхъ заведеній, Рамусъ представилъ Карлу IX мнѣніе, отличающееся вѣрнымъ и практическимъ взглядомъ на предметъ. Между прочимъ, онъ доказывалъ необходимость безвозмезднаго преподаванія, для устраненія опаснаго университету совмѣстничества школъ духовенства. Мнѣніе Рамуса не было принято, но предвидѣнія его оправдались событіями послѣднихъ годовъ во Франціи. Безспорно, въ Европѣ не было тогда профессора равнаго ему по вліянію на слушателей. Съ многостороннею ученостію и смѣлостію мыслей онъ соединялъ блестящее краснорѣчіе. Въ уровень съ дарованіями стоялъ его характеръ, неукоризненный даже для враговъ. Рамусъ былъ человѣкъ самой строгой и высокой нравственности. Значительную часть скромныхъ доходовъ своихъ онъ употреблялъ на вспоможеніе бѣднымъ юношамъ, приходившимъ учиться въ Парижъ; сверхъ того онъ успѣлъ составить капиталъ, на который завѣщалъ основать новую каѳедру математическихъ наукъ. Поставленный судьбою среди суровыхъ, озлобленныхъ кровавыми смутами поколѣній, онъ заимствовалъ отъ нихъ только презрѣніе къ смерти и отчасти преобладавшее въ немъ полемическое направленіе.

Понятно, что при такомъ настроеніи духа Петръ Рамусъ не могъ остаться равнодушнымъ къ политическимъ и религіознымъ вопросамъ, которые колебали европейскія общества въ XVI вѣкѣ. Онъ былъ усердный протестантъ и не скрывалъ своихъ вѣрованій въ католическомъ Парижѣ. Несмотря на личное покровительство кардинала Карла Лотарингскаго и другихъ знатныхъ лицъ, онъ не разъ былъ принужденъ искать убѣжища въ станѣ своихъ единовѣрцевъ, во время междоусобныхъ войнъ. Въ 1568 году онъ посѣтилъ Германію, гдѣ у него было столько-же почитателей, сколько враговъ, т. е. защитниковъ Аристотеля и схоластики. Появленіе Рамуса придало новую живость спору. Въ Гейдельбергѣ онъ подвергся публичнымъ оскорбленіямъ, но не смутился и изложилъ съ каѳедры основы своихъ ученій. Болонскій и Краковскій университеты предлагали ему каѳедру философіи. Рамусъ отказался и просилъ мѣста профессора въ Женевѣ, въ средоточіи кальвинизма. Желаніе его не сбылось. Ѳеодоръ Беза, преемникъ Кальвинова вліянія въ Женевѣ, былъ самъ поклонникъ Стагирита. Вообще Рамусъ, несмотря на свое глубокое благочестіе, не былъ любимъ начальниками реформатской церкви. Его нововведенія къ области науки и мышленія внушали имъ недовѣріе, отчасти оправданное его дѣйствіями на Нимскомъ соборѣ, гдѣ онъ предложилъ ограничить власть консисторій и подчинить ее волѣ общинъ. Между тѣмъ наступилъ роковой для французскихъ протестантовъ 1572 г.

Мы не будемъ повторять слишкомъ извѣстныхъ подробностей о Варѳоломеевской ночи. Гораздо любопытнѣе извлеченныя изъ недавно изданныхъ источниковъ и новыхъ изслѣдованій свѣдѣнія о причинахъ страшнаго событія. Никогда, можетъ быть, не было въ ходу такъ много историческихъ софизмовъ и парадоксовъ, какъ въ наше время. Нашлись ученые, которые, не раздѣляя страстей XVI вѣка, не устыдились однако оправдывать Варѳоломеевскую ночь такъ называемою государственною необходимостью. Примѣръ былъ поданъ давно Гавріиломъ Ноде, не говоря о современныхъ Варѳоломеевской ночи апологетахъ. Эти кровавыя теоріи развиты теперь Капфигомъ и другими писателями того-же мнѣнія. Убійство протестантовъ является у нихъ дѣломъ народа, справедливо раздраженнаго оскорбленіемъ его вѣрованій и посягательствомъ на его политическія права со стороны гугенотской аристократіи. Руководимыя чувствомъ самоохраненія, массы дѣйствовали самостоятельно, независимо отъ всякой посторонней воли или заранѣе обдуманнаго политическаго плана. Справедливо-ли это?

Мысль о совершенномъ истребленіи французскихъ протестантовъ родилась задолго до Варѳоломеевской ночи. Партія Гизовъ питала такое намѣреніе въ эпоху своего владычества при Франциск̀ѣ II. Смерть короля остановила исполненіе, котораго трудности были очевидны. Но въ самый день Пасхи 1561 года, 6 апрѣля, герцогъ Гизъ, коннетабль Монморанси и маршалъ Сентъ-Андре заключили между собою союзъ, скрѣпленый актомъ, котораго подлинникъ хранится въ Парижской королевской библіотекѣ. Цѣль союза высказана ясно и смѣло: умерщвленіе всѣхъ французовъ, принадлежащихъ или даже принадлежавшихъ къ сектѣ Кальвина, безъ разбора пола и возраста. Екатерина Медичи, знавшая о планѣ тріумвировъ, испугалась его послѣдствій, понимая всю опасность, которая грозила королевской власти, если-бы во главѣ упоенной кровью и фанатизмомъ черни стали Гизы. Благодаря ея проискамъ и усиліямъ партіи умѣренныхъ, тройственный союзъ не достигъ своихъ цѣлей. Во время знаменитыхъ совѣщаній въ Байоннѣ (1565) герцогъ Альба, представитель Филиппа II, къ которому безпрестанно обращались начальники католической партіи во Франціи, доказывалъ Екатеринѣ необходимость принять самыя рѣшительныя мѣры противъ гугенотовъ. Его мнѣніе поддерживали бывшіе тутъ-же герцоги Гизъ, Монпансье, маршалъ Монлюкъ, Бурдильонъ, и другъ. Очевидно, что мысль, лежавшая въ основаніи тройственнаго союза, не была оставлена. Но читатели могутъ въ то-же время усмотрѣть, что эта мысль принадлежала не народу и не изъ него вышла. Въ 1572 году, начальники гугенотовъ собрались, какъ извѣстно, въ Парижѣ для празднованія свадьбы Генриха Наварскаго съ Маргаритою Валуа. Бракъ этотъ долженъ былъ скрѣпить миръ между враждебными сторонами. Король Карлъ IX, молодой человѣкъ раздражительнаго характера, благородный по природѣ, но испорченный воспитаніемъ, искренно желалъ мира. По окончаніи междоусобій, онъ замышлялъ начать войну противъ Испаніи. Адмиралъ Колиньи сталъ его ближайшимъ другомъ и совѣтникомъ. Королева-мать боялась его вліянія такъ-же, какъ боялась Гизовъ. Она поспѣшила принять свои мѣры и остановила сына на новомъ пути, по которому онъ пошелъ, успѣвъ передать ему свои опасенія. Ея планъ былъ достоинъ учителя ея, Маккіавели, котораго книга о государѣ замѣняла ей молитвенникъ, по словамъ современника. Зная о намѣреніи Гизовъ убить адмирала, она надѣялась, что раздраженные гугеноты нападутъ на виновниковъ, и что въ этомъ безпорядкѣ не трудно будетъ сбыть съ рукъ самихъ Гизовъ. Съ этой цѣлью, въ-

роятно, былъ призванъ въ Парижъ полкъ королевскихъ стрѣлковъ, на который правительство могло положиться. Предпріятіе не удалось, потому что Мореверъ ранилъ, а не убилъ Колиньи. Но люди близкіе ко двору догадывались, что протестантамъ угрожаетъ опасность, хотя не знали откуда и какая. Епископъ валенсскій Монлюкъ, отправляясь посломъ въ Польшу, звалъ съ собою Рамуса и совѣтовалъ другимъ гугенотамъ быть осторожными. Въ самый день свадьбы, т. е. 18 августа, Карлъ IX отправилъ гонца къ ліонскому губернатору. Въ письмѣ своемъ, изданномъ г. Пари, король предписываетъ губернатору не пропускать никого черезъ Ліонъ, безъ особеннаго приказанія, до истеченія шести дней «отъ сего числа». Черезъ шесть дней ровно наступила Варѳоломеевская ночь. 20 августа, глава (prevôt) парижскаго купечества получилъ изъ королевскаго казначейства 2100 ливровъ на покупку *лошадей и оружія, для собственной защиты и употребленія противъ враговъ божіихъ и королевскихъ*. Екатерина говорила впослѣдствіи, что у нея на совѣсти только шесть человѣкъ изъ убитыхъ въ роковую ночь. Этимъ словамъ можно повѣрить. Ей нужна была смерть вождей: объ остальныхъ она не заботилась; они погибли жертвами личныхъ непріязней и искусственно раздраженной черни. Король колебался до конца. Въ послѣднемъ рѣшительномъ совѣщаніи, кромѣ особъ королевской фамиліи, участвовали только четыре совѣтника, изъ нихъ одинъ былъ французъ, три остальные итальянцы. Они принесли изъ родины своей, развитыя ея трагическою судьбою, политическія теоріи, такъ смѣло и жестоко высказанныя Маккіавели, и опыты завѣщанные книгами, какими были Борджіи, послѣдніе Висконти, Сфорцы, и т. д. Карлъ не сумѣлъ отразить страшныхъ доводовъ, приведенныхъ этими людьми, и, почти безумный, далъ свое согласіе. Колоколъ церкви св. Германа долженъ былъ извѣстить начало убійствъ. Но еще прежде, среди глубокой тишины раздался гдѣ-то пистолетный выстрѣлъ. Этотъ слабый, едва слышный звукъ поразилъ ужасомъ не только короля, но и мать его. Они тотчасъ отправили приказаніе остановиться. Но посланный ихъ возвратился съ отвѣтомъ: поздно! Колоколъ св. Германа упредилъ его.

Въ числѣ погибшихъ былъ Петръ Рамусъ. Воинъ науки, онъ умеръ не за религіозныя свои вѣрованія, а за ученыя убѣжденія. Къ нему привелъ убійцъ его товарищъ, профессоръ Шарпантье, горячій защитникъ Аристотеля. Побѣжденный словомъ, онъ прибѣгнулъ къ кинжалу и кончилъ споръ.

Число жертвъ Варѳоломеевской ночи различно показывается.

олики уменьшаютъ его, протестанты увеличиваютъ. Счи
ихъ было не кому и некогдѣ. Сена и Лоара унесли
о труповъ въ море. Но не числомъ погибшихъ опредѣ-
ся значеніе дѣла, положившаго темную печать на цѣлый
лъ жизни и на самый характеръ французскаго народа-
рятъ, что народный организмъ подвергается болѣзнямъ.
ующимъ иногда страшныхъ, кровавыхъ лѣкарствъ. Ест,
ла, которая возвела это мнѣніе въ аксіому. Основываясь
опытахъ исторіи, мы думаемъ иначе. Такія лѣкарствы
Варѳоломеевская ночь, изгоняя одинъ недугъ, зарождаютъ,
олько другихъ, болѣе опасныхъ. Они вызываютъ вопросъ:
уживаетъ-ли спасенія организмъ, нуждающійся въ такихъ
ствахъ для дальнѣйшаго существованія? Государство те-
ъ свой нравственный характеръ, употребляя подобныя
ства, и позоритъ самую цѣль, къ достиженію которой
мится. Въ 1572 году французское правительство показало
ду примѣръ самоуправства и убило надолго въ немъ
тво права. Политическое преступленіе 24 августа оправ-
множество частныхъ, потому что частная нравственность
да въ зависимости отъ общественной.

Испанская инквизиція.

Исторія испанской инквизиціи можетъ служить доказательствомъ того страшнаго вліянія, какое дурныя государственныя учрежденія имѣютъ на судьбу и характеръ цѣлыхъ народовъ. Печальная исторія Испаніи со времени Филиппа II, упадокъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ, постепенное огрубѣніе и порча народа, отъ природы благороднаго и даровитаго, были слѣдствіемъ никвизиціоннаго суда, основаннаго Фердинандомъ и Изабеллою.

Мысль объ учрежденіи духовныхъ судовъ для преслѣдованія и конечнаго истребленія ересей была не новая. Она возникла во время альбигойскихъ войнъ въ южной Франціи, и была приведена въ исполненіе извѣстною буллою 1233 года, папы Григорія IX. Новые суды, изъятые изъ-подъ надзора мѣстныхъ епископовъ и непосредственно подчиненные папѣ, были вѣрены монахамъ доминиканскаго ордена и получили страшную власть располагать имуществомъ, свободою и жизнію несчастныхъ, которыхъ мнѣнія основывались не на католическомъ догматѣ. Учрежденіе, вызванное требованіями эпохи, раздираемой религіозными противорѣчіями, перешло изъ южной Франціи въ другія земли Западной Европы, но встрѣтило всюду недовѣріе и ненависть, положившія границы его дѣятельности. Причину этого явленія надобно искать не въ религіозной терпимости, которая принадлежитъ къ самымъ благороднымъ плодамъ образованности, и слѣдовательно не могла быть свойствомъ средневѣковыхъ обществъ, а въ оскорблявшихъ всякое чувство права формахъ, которыя исключительно употреблялись такъ-называемыми «священными судами» (sanctum officium). Поощреніе тайныхъ доносовъ, часто утайка именъ пристрастныхъ свидѣтелей, пытки во всѣхъ видахъ, лишали подсудимаго и средствъ и надежды оправданія. Крѣпкіе духомъ, узники, у которыхъ пытка не могла вынудить признанія въ небывалой винѣ, подвергались

скушеніемъ другаго рода. Выписываемъ характеристическое ѣсто изъ «Руководства инквизиторамъ», составленнаго Ниолаемъ Эммерихомъ, въ XIV столѣтіи, въ Арагоніи, «Инквиитору надобно стараться свести узника съ однимъ изъ частниковъ въ его преступленіи или съ прежнимъ еретиомъ, давшимъ достаточныя свидѣтельства своего раскаянія. ослѣдній долженъ сказать, что онъ исповѣдуетъ прежнюю ересь свою, и отрекся отъ нея только наружно, для того тобы обмануть судей и избѣжать наказанія. Вкравшись акимъ образомъ въ довѣріе подсудимаго, новый другъ долженъ посѣтить его въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, въ ослѣобѣденное время, и остаться на ночь въ темницѣ, подъ редлогомъ, что домой идти уже поздно. Тогда разсказомъ собственной жизни можно побудить узника къ такой же ткровенности. Между тѣмъ тайные свидѣтели и надежный иновникъ должны стоять ю дверей и подслушивять, чтобы отомъ донести о томъ, что происходило.» Можно составить себѣ понятіе о дѣятельности суда, который прибѣгалъ къ юдобнымъ средствамъ.

Въ эпоху соединенія Кастиліи и Арагоніи подъ правленіемъ Фердинанда и Изабеллы, монархическая власть, одоѣвшая въ остальной Европѣ непокорные ей элементы феодализма и городовыхъ общинъ, еще была далеа отъ такой цѣли въ государствахъ Пиренейскаго полуострова. Ей наюбно было бороться съ сильнымъ и богатымъ дворянствомъ, котораго отдѣльные члены имѣли право войны съ королемъ; съ городами, которыхъ муниципальныя льготы ставили на ряду самостоятельныхъ республикъ; съ духовенствомъ, болѣе зависѣвшимъ отъ папы, чѣмъ отъ свѣтской властИ, и съ рыцарскими орденами, которые сами по себѣ составляли государства. Каждое изъ этихъ сословій было ограждено противъ возможныхъ посягательствъ на его независимость безчисленными привилегіями. Но Фердинандъ и его супруга умѣли воспользоваться распрями враждебныхъ одно другому сословій. Они стали во главѣ городового ополченія (германды) противъ дворянства и во главѣ возстановленной ими, съ цѣлью болѣе политическою, чѣмъ религіозною, инквизиціи противъ всѣхъ стѣснительныхъ для ихъ власти привилегій, преданій и лицъ.

Внѣшній поводъ къ учрежденію новой инквизиціи подали испанскіе евреи. Ихъ число, богатство, образованность сдѣлали ихъ съ давнихъ поръ предметомъ зависти и ненависти для духовенства и простого народа. Вслѣдствіе преслѣдованій насилія, противъ нихъ употребленнаго, иногія еврейскія

семейства приняли христіанство. Но обращеніе, выну
силою, было у многихъ наружнымъ. Они хранили с
привязанность къ вѣрѣ отцовъ своихъ и втайнѣ со
ея обряды. Впрочемъ, короли арагонскіе и кастильскіе
новенно покровительствовали евреямъ и новообращ
христіанамъ, которые нерѣдко достигали важныхъ гос
ственныхъ должностей. При Фердинандѣ и Изабеллѣ
шеніе измѣнилось, отчасти виною самихъ евреевъ. Бу
образованнѣе другихъ классовъ испанскаго народонасе
они первые замѣтили опасность, грозившую со сто
монархической власти дворянству, съ которымъ были
связаны, какъ управители и арендаторы его имѣній, и
рались обратить вниманіе аристократіи на мѣры прав
ства. Въ 1478 году, папа Сикстъ IV, по настоятел
требованію Фердинанда, разрѣшилъ учрежденіе инкви
въ королевствахъ Кастильскомъ и Арагонскомъ, для и
бленія еврейской ереси. Впрочемъ, переписка продолж
еще два года до совершеннаго открытія суда. Папа дол
одобрялъ мѣры, которой послѣдствія могли быть по
свѣтской власти, но явно ограничивали его собств
вліяніе на духовенство.

17 сентября 1480 года, послѣдовало, наконецъ, назна
двухъ монаховъ доминиканскаго ордена инквизиторами. Ва
съ ними получили право засѣдать въ судѣ два другія
духовнаго званія, изъ которыхъ одному поручена была
ность казначея. Судьи эти получили приказаніе отпра
въ Севилью и начать свои дѣйствія безъ отлагательст
января 1481 года, они издали нѣсколько предписаній
нымъ властямъ и отдѣльнымъ лицамъ, въ которыхъ д
вмѣнялся въ обязанность и молчаніе о знакомомъ ере
въ преступленіе. Это было первое посягательство на св
и честь людей, лично непричастныхъ ереси, но почему
возбудившихъ подозрѣніе правительства. Можно суди
дѣйствіяхъ инквизиціи по признакамъ, которые ей каз
достаточными для уличенія подсудимаго въ тайномъ с
деніи Моисеева закона. Надобно было только доказать
онъ надѣвалъ лучшее платье или чистое бѣлье въ суб
что наканунѣ этого дня у него въ домѣ не было огня,
ему случалось обѣдать за однимъ столомъ съ жидами,
ѣсть мясо убитаго ими животнаго или пить какой-то л
мый ими напитокъ, и пр. Обвинители не были обязаны
являть своихъ именъ. 6 января были казнены шесть е
ковъ. Къ 4 ноября того же года погибло въ одной Сев
не менѣе 289 человѣкъ. Сверхъ того, значительное ч

юдей подверглись такъ называемому примиренію съ священ-
ымъ судомъ, т. е. лишились свободы или имѣнія и граждан-
кой чести. Жизнь была имъ оставлена въ награду за при-
наніе, вынужденное страхомъ и пыткою. Эта строгость
ростиралась не на однихъ живыхъ: лица давно умершія
одвергались слѣдствію и приговору, кости ихъ, вырытыя
зъ могилъ, предавались огню, имѣніе отнималось у наслѣд-
иковъ и поступало въ казну. Замѣчательно, что большая
асть жертвъ принадлежали къ богатымъ классамъ. Въ тече-
іе первыхъ годовъ своего существованія инквизиція произ-
есла болѣе двухъ тысячъ смертныхъ приговоровъ, которые
сѣ были исполнены. Число примиренныхъ дошло до 17,000.

Жестокость новаго судилища возбудила общій ропотъ и
астныя возстанія въ Кастиліи и Арагоніи. Папа Сикстъ по-
ицалъ дѣйствія севильскихъ инквизиторовъ, требовалъ отъ
ихъ бо́льшей снисходительности къ подсудимымъ и даже
ѣлалъ попытку передать надзоръ за еретиками мѣстнымъ
пископамъ, что́ при тогдашнихъ обстоятельствахъ было-бы
ольшимъ благомъ для Испаніи. Но Фердинандъ слишкомъ
орошо понималъ важность этого дѣла и потому настоялъ
а своемъ намѣреніи. Изабелла поддерживала его изъ видовъ
олѣе чистыхъ, изъ обманутаго религіознаго чувства, хотя
ногочисленныя казни возбуждали въ ней состраданіе и
жасъ. Сикстъ IV, которому грозилъ совершенный разрывъ
ъ Испаніей, долженъ быть уступить. Двумя буллами 1483
ода, онъ утвердилъ бывшаго духовника королевы, Торкве-
аду, верховнымъ инквизиторомъ соединенныхъ королевствъ
астильскаго и Арагонскаго и поручилъ ему дать оконча-
ельное устройство инквизиціи. Торквемада учредилъ 13 су-
овъ въ отдѣльныхъ областяхъ государства и составилъ по-
робныя наставленія для судопроизводства. Они отличались
тъ тѣхъ, которыхъ образецъ мы видѣли въ руководствѣ
Іиколая Эммериха, только бо́льшею жестокостію формы
опроса и богатствомъ средствъ, направленныхъ противъ
одсудимаго. Верховный совѣтъ инквизиціи, въ который
риходили аппеляціи отъ областныхъ судовъ, состоялъ изъ
лавнаго инквизитора и 6 или 7 членовъ, назначавшихся по
ыбору короля. Сначала этотъ совѣтъ засѣдалъ въ Севильѣ,
отомъ былъ перенесенъ въ Мадридъ. Число чиновниковъ
якаго рода, принадлежавшихъ къ инквизиціи, было весьма
ачительно. Сверхъ настоящихъ членовъ и чиновниковъ,
вященный судъ держалъ еще до 20,000 служителей (familia-
s), которые были обязаны доносить о замѣченныхъ ими
реступленіяхъ противъ вѣры, и брать подъ стражу обвинен-

ныхъ. Лица высшихъ фамилій не стыдились вступать въ ряды такихъ служителей, для того чтобы пользоваться нѣкоторыми правами, предоставленными этому классу людей и обезпечить самихъ себя противъ ложныхъ доносовъ, что, впрочемъ, не всегда удавалось. Смертный приговоръ и «примиренія» постоянно сопровождались конфискаціею имѣнія, которое, какъ сказано выше, поступало въ казну и усиливало денежныя средства правительства. Нельзя безъ содроганія читать описанія страшныхъ орудій пытки, которая такъ часто и охотно употреблялась инквизиторами. Филиппъ II запретилъ повтореніе пытки надъ однимъ лицомъ; но члены св. судилища истолковали и исполняли королевское предписаніе особеннымъ образомъ. Пытка при допросѣ употреблялась только одинъ разъ, но продолжалась нѣсколько дней, съ промежутками, необходимыми для возстановленія силъ и выслушанія показаній жертвы.

За произнесеніемъ приговора слѣдовало такъ называемое «дѣло вѣры» (auto da fè). Читателямъ нашимъ вѣроятно извѣстны, если не изъ историческихъ сочиненій, то изъ романовъ, подробности этого страшнаго обряда, при которомъ присутствовали нерѣдко король и дворъ. Гранды королевства являлись при такихъ торжествахъ служителями священнаго суда. Приговоренные къ смерти отличались отъ примиренныхъ одеждою. Первые предавались огню, послѣдніе, по окончаніи процессіи, возвращались въ темницу или получали свободу, но съ утратою собственности и гражданскихъ правъ. Мы сказали выше, что вмѣстѣ съ живыми сожигались кости умершихъ еретиковъ. Торквемада началъ было жечь книги, но, несмотря на всѣ усилія, инквизиція не успѣла овладѣть цензурою. Впрочемъ, при существованіи подобнаго судилища, всякое движеніе въ литературѣ стало скоро невозможнымъ. Число ученыхъ и писателей, преданныхъ суду и пострадавшихъ отъ инквизиціи, весьма значительно. Послѣ вступленія на престолъ Филиппа V, дѣятельность ея ослабѣла; но стоитъ прочесть процессъ Олавидеса, чтобы понять, съ какими опасностями боролись тѣ благородные испанцы, которые хотѣли перенести на родную почву результаты философіи XVIII вѣка. Инквизиція остановила умственное развитіе Испаніи и отняла у нея всѣ политическія учрежденія, которыми она по праву гордилась въ теченіе Среднихъ вѣковъ. Самый характеръ народа измѣнился: достаточно было такихъ праздниковъ, каковы были ауто-да-фе, чтобы развратить массу, такъ сильно принимающую внѣшнія впечатлѣнія. Изъ Испаніи инквизиція перешла въ земли ей подвластныя. Но

, кромѣ южно-американскихъ областей, не могла она
циться. По вычисленію Льоренте, инквизиція сожгла въ
Испаніи болѣе тридцати тысячъ человѣкъ; около
)0 подверглись примиренію. Не говоримъ объ изгнаніи
ъ и мавровъ.

Историческая литература во Франціи и Герм

въ 1847 году.

Статья первая.

Литературная производительность Европы находит
постоянномъ возрастаніи. Въ одномъ въ 1846 году в
навѣрно болѣе книгъ, чѣмъ въ теченіе первыхъ ста
прошедшихъ послѣ Гуттенбергова изобрѣтенія. Но мож
имѣнить западнымъ литературамъ въ достоинство тако
гатство явленій? Что вызвало его: дѣйствительныя требо
науки и жизни, или болѣзнь дряхлѣюшаго и празднаго
ства, какъ говорятъ многіе? Они оправдываютъ стро
приговора сравненіемъ римскаго общества временъ им
съ настоящимъ европейскимъ. Для обоихъ наступила
усталости послѣ страстнаго напряженія силъ. Новое по
ніе холодно смотритъ на цѣли, достиженіе которыхъ со
ляло жизненную задачу отцовъ, но до сихъ поръ ему не
лось уяснить своихъ собственныхъ, болѣе достойныхъ ц
Господствующій образъ мыслей отнялъ много побуж
господствующій порядокъ вещей много средствъ къ дѣя
ности. Положеніе ненормальное, не удовлетворяющее са
законнымъ потребностямъ отдѣльныхъ лицъ и народовъ.
лянинъ искалъ въ спорахъ риторовъ, въ бойняхъ цирка, в
гражденія за отнятыя у него преданія форума, за другія б
въ которыхъ и онъ могъ-бы, не краснѣя, явиться ратни
Человѣкъ нашего времени старается найти въ книгѣ то,
не даетъ ему дѣйствительность: движеніе, захватывающіе
маніе вопросы. Онъ хочетъ умственнымъ напряженіемъ
нить недостатокъ положительной дѣ тельности. Стр
явленіе. Жизнь наводитъ на душу сонъ; разгонять его до
литер[redacted]которая есть не что иное, какъ искусств

отраженіе жизни. Исторія сдѣлалась для насъ тѣмъ, чѣмъ былъ нѣкогда для римлянъ циркъ: бойцами являются прошедшія поколѣнія, зрителями—томимые скукою, праздные европейцы XIX вѣка. Справедливо-ли это мнѣніе и историческая аналогія, на которой оно отчасти основано? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ должны служить отчеты о движеніи исторической литературы во Франціи и Германіи, которые отнынѣ будутъ постоянно помѣщаться въ «Современникѣ».

Быть можетъ, такое обѣщаніе покажется слишкомъ гордымъ. Не одна исторія обращаетъ на себя вниманіе читателей и усилія ученыхъ, слѣдовательно, она не можетъ быть полною представительницею умственной жизни западныхъ народовъ. Любознательности открылась огромная область естественныхъ наукъ съ ея неистощимыми богатствами и нежданными откровеніями. Можно сказать, что ни одна отрасль человѣческаго знанія не возбуждаетъ теперь большаго участія, ни одна не обѣщаетъ такихъ наградъ за трудъ ей посвященный. Только ограниченность или невѣжество могутъ равнодушно смотрѣть на великіе успѣхи химіи и физіологіи. Кромѣ возможности безконечныхъ улучшеній во внѣшнемъ бытѣ обществъ, дѣло идетъ о рѣшеніи вопросовъ, нерѣшимыхъ во всякой другой сферѣ. Для историка, напримѣръ, различіе породъ человѣческихъ существуетъ какъ нѣчто данное природою, роковое, необъяснимое ни въ причинахъ, ни въ слѣдствіяхъ. Можно догадываться, что это различіе находится въ тѣсной связи съ началомъ національностей, что оно, какъ тайный дѣятель, участвуетъ въ безконечномъ множествѣ явленій; но одна физіологія въ состояніи въ этомъ случаѣ перевести отъ догадки къ уразумѣнію самаго закона. Во многихъ недавно вышедшихъ учебныхъ книгахъ исторіи уже находятся предварительныя свѣдѣнія о переворотахъ и состояніи самой планеты нашей, съ указаніемъ на новыя открытія геологіи и т. д. Число идей, выработанныхъ въ сферѣ естествовѣдѣнія и различными путями проникающихъ въ другія науки, безпрестанно увеличивается. Но нельзя въ то-же время не замѣтить опаснаго заблужденія тѣхъ немалочисленныхъ защитниковъ естествовѣдѣнія, которые видятъ въ немъ вѣнецъ современной образованности и хотятъ дать ему первое мѣсто въ воспитаніи, съ рѣшительнымъ перевѣсомъ надъ науками историческаго и филологическаго содержанія. Здѣсь говорится не о спеціалистахъ, которые отстаиваютъ свой предметъ потому только, что не знаютъ ничего другого, а о людяхъ мыслящихъ и многосторонне образованныхъ, но увлеченныхъ складомъ ума болѣе мечтательнымъ, чѣмъ точнымъ. Ослѣп-

ленные блестящими успѣхами естественныхъ наукъ, они не замѣтили, что эти успѣхи въ связи съ общимъ движеніемъ, совершающимся въ сферѣ знанія. Незнакомые съ великими завоеваніями исторіи и филологіи, съ новою критикою, которая, на основаніи точныхъ и вѣрныхъ законовъ, дѣйствуетъ съ математическою строгостію, они упустили изъ виду даже тѣ богатыя заимствованія, которыя гонимыя ими науки сдѣлали изъ области естествознанія. Но этотъ споръ имѣетъ не одно теоретическое значеніе; онъ касается высшихъ вопросовъ нравственныхъ и общественныхъ. Отъ его рѣшенія зависитъ воспитаніе и, слѣдовательно, участь будущихъ поколѣній. Смѣемъ думать, что побѣда останется не на сторонѣ такъ называемыхъ реалистовъ. Старая распря человѣка съ природою почти кончена: природа уступаетъ ему свои тайны и свои силы. Понятна вся важность этой побѣды. Ея слѣдствія должны обнаружиться не въ одномъ обогащеніи науки или внѣшнемъ благосостояніи народовъ, а въ болѣе ясномъ взглядѣ на самую жизнь. Но нравственныя потребности человѣка еще не удовлетворены такимъ торжествомъ. Природа противникъ ему не равносильный: ея сопротивленіе страдательное. Она есть только подножіе исторіи, въ сферѣ которой совершается главный подвигъ человѣка, гдѣ онъ самъ является зодчимъ и матеріаломъ. Въ пѣсняхъ скандинавской Эдды сохранился глубокій миѳъ о Торѣ и Бальдерѣ. Торъ—олицетвореніе природы, самый сильный изъ боговъ; но онъ безсмысленно добродушенъ и безсмысленно жестокъ, его сила служитъ другимъ, а не ему. Иное значеніе дано Бальдеру, представителю нравственной, т. е. исторической жизни. Онъ носитъ названіе бога крови и слезъ; но онъ разуменъ и прекрасенъ: около него вращается судьба скандинавскихъ боговъ. Его гибель влечетъ за собою ихъ паденіе. Такъ опредѣлялъ поэтическій смыслъ древнихъ поколѣній вопросъ, занимающій мыслителей XIX вѣка.

Исторія, по самому содержанію своему, должна болѣе другихъ наукъ принимать въ себя современныя идеи. Мы не можемъ смотрѣть на прошедшее иначе, какъ съ точки зрѣнія настоящаго. Въ судьбѣ отцовъ мы ищемъ преимущественно объясненія собственной. Каждое поколѣніе приступаетъ къ исторіи съ своими вопросами; въ разнообразіи историческихъ школъ и направленій высказываются задушевныя мысли и заботы вѣка. Вотъ на какомъ основаніи обзоръ исторической литературы можетъ быть отчетомъ о движеніи общественнаго мнѣнія въ Западной Европѣ.

Histoire des races maudites de la France et de l'Espagne, p

ıncisque Michel, Paris, 1847. (Исторія проклятыхъ породъ, анциска Мишеля).

Францискъ Мишель давно извѣстенъ своими изданіями па-гниковъ древней французской литературы. Въ исторіи «про-ятыхъ породъ» онъ посвятилъ свои изслѣдованія одному изъ ыхъ странныхъ и темныхъ историческихъ вопросовъ. Книга составлена съ величайшею добросовѣстностію. Не доволь-уясь изученіемъ существующихъ уже сочиненій объ избран-мъ имъ предметѣ, авторъ посѣтилъ большую часть мѣстно-й, гдѣ живутъ или жили каготы и другіе отверженцы, соб-ъ изустныя преданія, народныя пѣсни и повѣрилъ ихъ сви-тельствами архивовъ.

Исторія проклятыхъ породъ,—говоритъ онъ:—могла-бы слу-ть лучшимъ доказательствомъ неодолимаго владычества едразсудковъ и безсилія закона надъ нравами, которые онъ ждаетъ. Понятно, почему евреи, потомки распявшихъ Христа, ли предметомъ ненависти и презрѣнія для христіанъ; сно-нія съ ними почти всегда обращались къ невыгодѣ послѣд-къ; услуги ими оказанныя забывались, а тяжкія условія остава-сь въ памяти; самый родъ занятій и невольное смиреніе еевъ не могли возвысить ихъ во мнѣніи племенъ земле-льческихъ и воинственныхъ. Еще понятнѣе причины народ-й вражды къ цыганамъ, племени безъ вѣры и безъ зако-въ, живущему воровствомъ и обманомъ. Но каготы, чуетасы, керосы и т. д. ни въ чемъ не сходны съ евреями и цыганами; ъ вѣра таже, что у ихъ сосѣдей; они жили честными и по-зными промыслами. Гдѣ-же основаніе ненависти и отвра-енія, которыхъ они постоянно были предметомъ?

Самая замѣчательная и многочисленная изъ проклятыхъ родъ—каготы. Подъ разными именами разсѣяны они въ за-дной и южной Франціи: въ нижней Наваррѣ, въ землѣ Бас-въ, въ Беарнѣ, Гвіеннѣ, нижнемъ Пуату, Бретани и Менѣ. панскіе каготы или аготы живутъ большею частью въ верх-й Наваррѣ и въ Бастанской долинѣ. Въ Бискайѣ ихъ нѣтъ все. Но въ сосѣдней Гвипускоѣ юнты не разъ принимали отивъ нихъ жестокія мѣры. Происхожденіе каготовъ, уже гадочное въ концѣ Средняго вѣка, становится темнѣе день о дня. Вопросъ этотъ подалъ поводъ къ предположеніямъ лѣе или менѣе вѣроятнымъ и остроумнымъ; но достовѣрно что эти люди, униженные общественнымъ мнѣніемъ, но-ли на себѣ какую-то печать проклятія и были повсюду го-мы какъ прокаженные, которыхъ видъ и прикосновеніе на-дили страхъ. Ихъ не называли по-имени, а просто ми или *христіанами. Их* чы строились подъ сѣ

локоленъ и башенъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревень, въ которыя имъ разрѣшенъ былъ входъ только въ качествѣ кровельщиковъ и плотниковъ и для слушанія божественной службы. Въ церкви имъ назначена была особенная, небольшая дверь для входа и выхода; святую воду имъ подавали также изъ особенной кропильницы или на палкѣ. У нихъ было свое мѣсто въ храмѣ, гдѣ они стояли отдѣленные отъ прочихъ вѣрующихъ. Даже надъ прахомъ ихъ тяготѣло отверженіе; на кладбищахъ ихъ могилы заботливо отдѣлялись отъ тѣхъ, гдѣ опочивали люди чистой породы. Мысль, что въ каготахъ нѣтъ ничего человѣческаго, до того укоренилась въ народѣ, что нищій отецъ могъ позволить дочери просить подаянія и ни за что не далъ-бы согласія на бракъ съ каготомъ. Предразсудокъ перешелъ отъ народа въ высшіе классы общества: церковь и государство согласно устраняли отъ всякихъ должностей жертвы этого предразсудка; гоненіе дошло до того, что указаны были особые источники, гдѣ имъ было позволено черпать воду: у Пиренеевъ почти нѣтъ деревни, гдѣ-бы не было *колодца каготовъ*. Немудрено, что на нихъ падали самыя оскорбительныя клеветы и подозрѣнія. Ихъ обвиняли въ чародѣйствѣ. Народныя повѣрья приписывали имъ отвратительныя немощи. Народныя пѣсни ругались надъ ихъ семейными радостями и печалями. Съ XVII вѣка правительство на ихъ сторонѣ, но законы оказались безсильными противъ обычая. Даже 1789 годъ не оправдалъ надеждъ несчастнаго племени: юридическіе памятники ихъ уничтоженія исчезли, но остались унизительныя для многихъ фамилій преданія объ ихъ презрѣнныхъ предкахъ. Не только въ Испаніи, но и во Франціи немало темныхъ угловъ, куда не проникало еще просвѣщеніе, и гдѣ историческія предубѣжденія сохранили всю страшную силу свою. Разспросы г. Мишеля часто подвергали его непріятности прослыть за кагота. «Было-бы еще хуже, если-бы я обратился прямо къ этимъ несчастнымъ,—говоритъ онъ:—и теперь, какъ за сто лѣтъ, иностранецъ, говорящій съ ними, внушаетъ подозрѣніе и недовѣріе къ себѣ». За нѣсколько лѣтъ до революціи, въ окрестностяхъ Бордо солдатъ отрубилъ богатому каготу руку за то только, что онъ осмѣлился взять святой воды изъ общей кропильницы. Подобные поступки теперь невозможны. Но въ Ше (Cheust), въ департаментѣ Верхнихъ Пиренеевъ, разошлась въ 1841 г. свадьба очень выгодная для обѣихъ сторонъ, потому, что женихъ принадлежалъ къ «проклятой породѣ». Авторъ приводитъ нѣсколько подобныхъ случаевъ. Въ муниципальныя должности каготы почти никогда не избираются, хотя многіе изъ нихъ по бо-

гатству и образованію принадлежатъ къ самымъ почетнымъ гражданамъ. Въ 1843 г. была рѣшена замѣчательная тяжба двухъ наварскихъ каготовъ (мужа и жены), требовавшихъ равнаго съ прочими жителями Арискуна участія въ церковныхъ обрядахъ и церемоніяхъ. Епископъ Калагорскій, къ которому дѣло дошло по аппеляціи, произнесъ приговоръ въ пользу истцовъ, къ крайнему неудовольствію общины, отстаивавшей права чистой крови.

Первое свидѣтельство существованія каготовъ въ южной Франціи находится въ дарственной граматѣ Лукскому аббатству, составленной около 1000 года. Этимъ актомъ уступлены были монастырю мельничная плотина и домъ христіанина Доната. Подъ этимъ именемъ являются они въ древнѣйшихъ памятникахъ. Въ городовыхъ и областныхъ уставахъ XIV вѣка уже опредѣлены юридическія отношенія христіанъ. Беарнскій обычай 1303 года требуетъ въ уголовныхъ дѣлахъ, при совершенномъ отсутствіи доказательствъ, свидѣтельства 7 человѣкъ или 30 каготовъ. Но другая позднѣйшая статья того-же обычая освобождаетъ ихъ жилища, наравнѣ съ церквами и больницами, отъ всякихъ повинностей и податей. Городовое право города Мармандъ (въ департаментѣ Лота и Гароны) содержитъ болѣе жестокія опредѣленія. Каготамъ запрещено входить въ городъ безъ красной нашивки на платьѣ и безъ обуви; при встрѣчѣ съ прохожими они должны останавливаться поодаль, на краю дороги; только по понедѣльникамъ дано имъ право купли на рынкѣ; входъ въ питейные дома имъ возбраняется, равно какъ продажа всякихъ съѣстныхъ припасовъ. Въ случаѣ жажды они могутъ черпать воду только изъ своего, имъ отведеннаго колодца. За каждое нарушеніе устава положена большая денежная пеня. Эти статьи мармандскаго муниципальнаго права были приняты многими городами южной Франціи. Мы находимъ ихъ въ постановленіи, изданномъ бордосскимъ магистратомъ въ 1573 году. Къ денежной пенѣ прибавлено тѣлесное наказаніе. Около того-же времени ремесленные цехи города Бордо положили непремѣннымъ условіемъ при принятіи новыхъ мастеровъ и рабочихъ чистоту крови. Въ Сизѣ имъ не дозволялось держать скота, кромѣ одной свиньи для пищи и одного осла или лошади для перевоза вещей. Брачные союзы они могли заключать только между собой. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ каготамъ, подъ опасеніемъ наказанія плетьми, запрещалась работа на мельницахъ, всякое прикосновеніе къ мукѣ, назначенной въ продажу, и участіе въ пляскахъ народныхъ. Самыя льготы имъ данныя были унизительны, ибо устраняли

ихъ отъ всякой общественной дѣятельности. Такимъ образомъ они были избавлены отъ всенной службы, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишены права носить оружіе; къ должностямъ они не допускались; освобожденіе отъ податей ставило ихъ на ряду съ прокаженными, а не съ высшими сословіями, хотя печальныя права его племени дали одному каготу поводъ къ замѣчанію, что французскіе дворяне и каготы одно и тоже. Большая часть изъ нихъ занимались ремесломъ кровельщиковъ и плотниковъ: британскіе каготы или *Cagots* были веревочники.

Въ началѣ XVI вѣка наварскіе каготы принесли папѣ Льву жалобу на мѣстное духовенство, которое не допускало ихъ, наравнѣ съ другими христіанами, къ участію въ таинствахъ и торжествахъ церковныхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ предки помогали графу Тулузскому, возставшему противъ римской церкви. Папа немедленно издалъ буллу, въ которой запрещалъ отличать каготовъ отъ остальныхъ католиковъ; но, несмотря на его приказаніе и содѣйствіе свѣтскихъ властей, воля его не была приведена въ исполненіе. Одинъ изъ сановниковъ королевскаго совѣта въ Наваррѣ протестовалъ противъ папскаго рѣшенія на томъ основаніи, что каготы происходятъ не отъ еретиковъ, бывшихъ союзниками графа Тулузскаго, а отъ слуги пророка Елисея, Гіезія, наказаннаго проказою за корыстолюбіе свое. Проклятіе, произнесенное надъ Гіезіемъ, перешло и на потомство его: каготы, по словамъ ихъ противника, заражены проказою; трава сохнетъ подъ ихъ ногами; плоды, къ которымъ они прикасаются руками, немедленно портятся; тѣло ихъ издаетъ злокачественный запахъ и т. д. Эти нелѣпыя обвиненія, сколько замѣтно, не имѣли вліянія на мѣры правительства, но нашли большое сочувствіе и опору въ народѣ, чему доказательствомъ служитъ приведенная выше тяжба, рѣшенная епископомъ Калагорскимъ. Положеніе гипускойскихъ каготовъ было еще хуже, чѣмъ въ Наваррѣ, потому что областныя юнты раздѣляли относительно ихъ всѣ предубѣжденія невѣжественной толпы. Изъ всего сказаннаго очевидно, что главный источникъ ненависти къ каготамъ заключается въ предположеніи, что они одержимы какою-то наслѣдственною и заразительною болѣзнію. Ихъ отличительными признаками полагали отсутствіе ушной мочки, густые волосы на ушахъ и непріятный запахъ. Слѣдующій разсказъ, со слышанный г. Мишелемъ, показываетъ, что уже въ XVI вѣкѣ многіе стояли выше народнаго предразсудка. Генрихъ IV въ молодости былъ влюбленъ въ одну дѣвушку изъ селенія Билеръ. Она призналась ему со слезами, что не смѣетъ отвѣчать его страсти потому

о принадлежитъ къ проклятому племени.—«Я самъ такой-
е», отвѣчалъ будущій король французскій, и не прекра-
ілъ своихъ исканій.

Въ царствованіе Генриха IV, тулузскій парламентъ сдѣ-
лъ благородную попытку примирить каготовъ съ обще-
твомъ, которое ихъ такъ безжалостно и безсмысленно пре-
ѣдовало. Въ 1606 году парламентъ поручилъ комиссіи, со-
тавленной изъ докторовъ медицины и хирурговъ, произвести
ѣдствіе и донести ему, дѣйствительно-ли справедливо общее
нѣніе о болѣзняхъ каготовъ? Двадцать двѣ особы этой по-
ды, разнаго пола и возраста, подверглись медицинскому
мотру и кровопусканію. Комиссія единогласно заключила,
о освидѣтельствованныя ею лица пользуются полнымъ здо-
вьемъ, не носятъ никакихъ признаковъ заразительныхъ
и другихъ болѣзней и не могутъ законнымъ образомъ
ть лишены участія въ гражданскихъ правахъ и обязанно-
яхъ. Но ненависть, перешедшая въ обычай, не слушала
овъ науки. шестьдесятъ шесть лѣтъ спустя провинціальные
ны французской Наварры предписали точное исполненіе
ѣхъ прежнихъ, направленныхъ противъ каготовъ мѣръ.

Зато наука явилась ихъ вѣрнымъ и дѣятельнымъ ходае-
емъ. Основываясь на приговорахъ медицины и на общихъ
чалахъ права, французскіе юристы боролись съ жестокимъ
ычаемъ. Эвень (Hevin), знаменитый бретанскій адвокатъ,
далъ примѣръ. Въ теченіе XVII вѣка парламенты тулузскій,
ннскій и наварскій (въ По) издали нѣсколько постановленій
пользу каготовъ. Епископъ Тарбскій, умершій въ 1768 году,
святилъ въ священство многихъ лицъ проклятой породы.
отолѣ церковь давала имъ только разрѣшенія на браки въ
прещенныхъ степеняхъ родства. Литература не могла не
инять участія въ такомъ вопросѣ. Можно угадать, на чьей
оронѣ стала философія XVIII вѣка. Въ 1786 году испанецъ
ардисабаль издалъ небольшое сочиненіе о проклятыхъ поро-
ахъ Пиренейскаго полуострова, съ цѣлію обратить на нихъ
ольшее вниманіе правительства. Онъ говоритъ, что един-
твенная вина ихъ заключается въ происхожденіи отъ мав-
овъ или евреевъ, но что, по всей вѣроятности, они обрати-
ись къ христіанству прежде, чѣмъ большая часть ихъ гони-
елей. Въ путешествіи по Пиренеямъ Рамона встрѣчаются та-
ія-же идеи, хотя авторъ, очевидно, плохо былъ знакомъ съ
редметомъ. Онъ смѣшиваетъ зобатыхъ (goitreux) съ като-
ами. Въ такое-же заблужденіе впалъ Драле, хотя его книга,
езконечно *выше книги* Самое полное и отчетливое
слѣдованіе о каготах житъ натуралисту Пала

Ф. Мишель много имъ пользовался. Вотъ его главныя положенія: каготы не подвержены никакой особенной болѣзни и не отличаются отъ прочихъ жителей края ни нравами, ни сложеніемъ. Отсутствіе ушной мочки отнюдь не составляетъ отличительнаго признака этой касты. Этотъ недостатокъ встрѣчается у людей чистой крови, которые потому только иногда слывутъ за каготовъ.

Теперь неоспоримо доказано, что каготовъ не должно смѣшивать ни съ прокаженными Средняго вѣка, ни съ зобатыми, ни съ кретинами. Они составляютъ здоровое, большею частію красивое, трудолюбивое и умное племя. Но злобный предразсудокъ еще удержался, хотя не въ прежней силѣ, во многихъ мѣстностяхъ. Не сохранила-ли неумолимая память народа какого-нибудь преданія о древней винѣ проклятаго племени? Но ни въ пѣсняхъ, ни въ пословицахъ, ни въ разсказахъ стариковъ г. Мишель не нашелъ слѣдовъ опредѣленнаго преданія. Въ нихъ однообразно повторяются обвиненія, которыхъ нелѣпость доказана выше. Ученые, которые занимались вопросомъ о каготахъ, производятъ ихъ отъ арабовъ, отъ готовъ, отъ альбигойцевъ и т. д. Ни одно изъ этихъ предположеній не оправдано достаточными доводами. Г. Мишель полагалъ, что каготы потомки тѣхъ жителей Пиренейскаго полуострова, которые при Карлѣ Великомъ переселились въ южную Францію, уходя отъ маврскаго владычества. Льготы, данныя имъ правительствомъ, и національныя особенности вызвали зависть и вражду ихъ галло-римскихъ сосѣдей, которые воспользовались упадкомъ каролингскихъ учрежденій и подчинили пришельцевъ игу болѣе тяжкому, чѣмъ было арабское. Сверхъ того на нихъ пало подозрѣніе въ аріанской ереси, которой держались ихъ предки вестъ-готы. Можетъ быть, они принесли съ собою новую ересь, распространенную въ Испаніи Элипандомъ и Феликсомъ Ургельскимъ. Отсюда произошло, вѣроятно, мнѣніе объ ихъ наслѣдственной проказѣ, потому что эта болѣзнь считалась въ Средніе вѣка наказаніемъ за всякое отпаденіе отъ чистоты вѣры. Г. Мишель защищаетъ свою гипотезу съ большею ученостію и остроуміемъ, но едва-ли съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ его предшественники. Откуда же взялись испанскіе каготы? Вопросъ остается нерѣшеннымъ.

Филологическія изслѣдованія о происхожденіи различныхъ названій, подъ которыми жили въ разныхъ областяхъ Франціи несчастные отверженцы, очень любопытны, хотя, что неизбѣжно въ этой сферѣ, содержатъ въ себѣ много произвольнаго. Вовсе неудовлетворительно объяснено названіе христіанъ, *данное каготамъ.*

Изъ другихъ проклятыхъ породъ Франціи, колиберты нижняго Пуату, по мнѣнію г. Мишеля, также происходятъ отъ испанскихъ выходцевъ. Мараны, нѣкогда жившіе въ Оверни потомки евреевъ и мавровъ, исчезли, равно какъ уазелеры бульонскаго герцогства. Но еще осталось нѣсколько общинъ недоказаннаго, очевидно, чуждаго происхожденія въ Энскомъ департаментѣ, близъ Шалона на Марнѣ и т. д.

Исторія майоркскихъ чуетасовъ столь-же печальна, какъ и исторія каготовъ, но гораздо яснѣе. Это обратившіеся къ христіанству потомки испанскихъ евреевъ. Обращеніе ихъ относится, кажется, къ 1435 году, но въ теченіе слѣдующихъ столѣтій они были постоянными жертвами инквизиціи и народнаго предубѣжденія. Въ 1679 году они подвергались особенно сильному гоненію. Многіе погибли на кострѣ за преданность закону Моисееву; у остальныхъ было конфисковано имѣніе. Доведенные до крайности, чуетасы рѣшились массою бѣжать изъ Майорки и наняли уже одно англійское судно. Намѣреніе ихъ было открыто въ 1691 году; костры зажглись снова, и все имущество несчастныхъ, уцѣлѣвшее отъ первой конфискаціи или пріобрѣтенное въ 12-лѣтній промежутокъ, отобрано въ пользу казны и инквизиціи. Въ 1782 году на островѣ Майоркѣ находилось еще болѣе 300 семействъ отверженной породы; они несли всѣ повинности, но не участвовали ни въ какихъ правахъ гражданскихъ. Они занимались торговлею и металлическими издѣліями. Въ другіе цехи ихъ не допускали. Вакеросы живутъ въ горахъ Астуріи; происхожденіе ихъ неизвѣстно, но ихъ отдѣляетъ отъ остального народонаселенія взаимная ненависть и недовѣріе. Селенія вакеросовъ называются «брана» и состоятъ изъ небольшого числа весьма бѣдныхъ хижинъ, въ которыхъ въ случаѣ нужды находитъ убѣжище и скотъ. Скотоводство составляетъ ихъ главный, почти исключительный промыселъ. Въ маѣ они покидаютъ свои хижины и цѣлыми семействами, со всѣмъ имуществомъ своимъ, уходятъ искать пастбищъ на высшихъ горахъ Астуріи и Леона. Оттуда они спускаются обратно въ сентябрѣ. Подобно каготамъ, они занимаютъ особое мѣсто въ церкви, подалѣе отъ алтаря. Впрочемъ, они счастливы своимъ невѣжествомъ, простотою нравовъ и отсутствіемъ потребностей. До сихъ поръ они не дѣлали попытокъ къ измѣненію своихъ общественныхъ отношеній.

Большую половину второго тома «Исторіи проклятыхъ породъ» занимаютъ приложенія, между прочимъ, народныя пѣсни. Онѣ бѣдны поэзіею и однообразны содержаніемъ, но въ нихъ страшно звучитъ застарѣлая злоба народной массы.

Нѣкоторыя пѣсни упрекаютъ каготовъ въ происхожденіи отъ Гіезія, прокаженнаго раба Елисеева. Мы видѣли, что это мнѣніе было высказанно въ XVI вѣкѣ въ Наваррѣ, по поводу буллы папы Льва X. Такое преданіе не могло образоваться въ народѣ, а перешло къ нему отъ ученыхъ враговъ каготовъ. Въ пѣсняхъ послѣднихъ много грусти и смиренія. Вотъ припѣвъ, который часто повторяется: «Не будемъ скорбѣть о томъ, что мы каготы; мы всѣ сыны общаго отца Адама и матери Евы».

Изъ представленнаго краткаго обзора можно понять всю важность книги г. Мишеля. Она принадлежитъ къ благороднымъ, нравственною мыслію согрѣтымъ явленіямъ исторической литературы. Но оправдывая отверженныя породы, снимая съ нихъ, во имя науки, незаслуженное проклятіе, авторъ приводитъ мыслящихъ читателей къ другимъ вопросамъ. Позволимъ себѣ въ заключеніе нѣсколько замѣчаній. Многочисленная партія подняла въ наше время знамя народныхъ преданій и величаетъ ихъ выраженіемъ общаго непогрѣшимаго разума. Такое уваженіе къ массѣ неубыточно. Довольствуясь созерцаніемъ собственной красоты, эта теорія не требуетъ подвига. Но въ основаніи своемъ она враждебна всякому развитію и общественному успѣху. Массы, какъ природа или какъ скандинавскій Торъ, безсмысленно жестоки и безсмысленно добродушны. Онѣ коснѣютъ подъ тяжестью историческихъ и естественныхъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслію только отдѣльная личность. Въ этомъ разложеніи массъ мыслію заключается процессъ исторіи. Ея задача—нравственная, просвѣщенная, независимая отъ роковыхъ опредѣленій личность и сообразное требованіямъ такой личности общество. Не прибѣгая къ мистическимъ толкованіямъ, пущеннымъ въ ходъ нѣмецкими романтиками и принятымъ на слово многими у насъ въ Россіи, мы знаемъ, какъ образуются народныя преданія и понимаемъ ихъ значеніе. Смѣемъ, однако, сказать, что первыя представленія ребенка не должны опредѣлять дѣятельность зрѣлаго человѣка. У каждаго народа есть много прекрасныхъ, глубоко поэтическихъ преданій; но есть нѣчто выше ихъ: это *разумъ*, устраняющій ихъ положительное вліяніе на жизнь и бережно слагающій ихъ въ великія сокровищницы человѣка—науку и поэзію.

Vorträge über römische Geschichte an der Universität zu Bonn gehalten von B. G. Niebuhr T. 1—2, Berlin 1846—47 (Чтенія о римской исторіи, Нибура).

Die Gracchen und ihre nächsten Vorgänger, von K. W.

Nitzsch. Berlin, 1847. (Исторія Гракховъ и ихъ ближайшихъ предшественниковъ, Нитча).

Семнадцать лѣтъ прошло послѣ смерти Нибура. Споры, вызванные его смѣлымъ построеніемъ римской исторіи, утихли. Нынѣ едва-ли кто усомнится признать его величайшимъ критикомъ не только нашего, но всѣхъ временъ. Его мнѣнія и частные выводы могутъ быть опровергаемы, но его способъ изслѣдованія принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ и важныхъ пріобрѣтеній науки XIX столѣтія. Наслѣдники Нибура приступили къ изданію читанныхъ имъ въ бонскомъ университетѣ лекцій филологическаго и историческаго содержанія. Уже вышли первый томъ курса древней исторіи и два тома чтеній о римской исторіи. Эти нѣсколько запоздалыя явленія, конечно, не могутъ ничего прибавить къ славѣ знаменитаго ученаго, но они короче познакомятъ съ нимъ даже тѣхъ, для кого его «Римская исторія» была предметомъ постояннаго изученія. Изустное преподаваніе Нибура отличалось особенною силою и простотою. Здѣсь преимущественно любилъ онъ пользоваться историческими аналогіями. Событія французской революціи служатъ ему комментаріемъ къ переворотамъ римской республики; аристократіи средневѣковыхъ городозъ объясняютъ характеръ древняго патриціата. Иногда факты, для другихъ маловажные, почти незамѣченные, приводятъ его къ самымъ глубокомысленнымъ соображеніямъ. Такъ, напримѣръ, новыя отношенія собственности, возникшія въ герцогствѣ голштинскомъ, вслѣдствіе уничтоженія крѣпостнаго состоянія, дали Нибуру ключъ къ уразумѣнію аграрныхъ законовъ. Никто изъ современниковъ, едва-ли кто изъ предшественниковъ, обладалъ такою живостью взгляда, такимъ органическимъ пониманіемъ исторіи. Ему недоставало только формы, художественнаго элемента, для того, чтобы стать во главѣ историческихъ писателей. Критическое направленіе было въ немъ преобладающею силою. Зато какъ расчистилъ онъ дорогу, какъ облегчилъ трудъ для преемниковъ своихъ. Съ 1811 года, когда вышло первое изданіе его великаго творенія, въ Германіи не явилось ни одной замѣчательной книги по части римской исторіи, которая не носила-бы на себѣ слѣдовъ его вліянія.

Къ числу такихъ принадлежитъ «Исторія Гракховъ и ихъ ближайшихъ предшественниковъ», молодого кильскаго преподавателя Нитча. Съ обширною филологическою ученостью авторъ соединяетъ политико-экономическія свѣдѣнія, которыхъ недостатокъ такъ замѣтенъ въ большей части изслѣдователей *древности. Подобно* Нибуру, онъ часто обращается

къ современности и ею объясняетъ минувшее. Онъ опредѣляетъ свою точку зрѣнія слѣдующими прекрасными словами: «древняя исторія есть основа и средоточіе всѣхъ такъ-называемыхъ гуманическихъ наукъ. Эти науки, по моему мнѣнію, тогда только въ состояніи будутъ отразить съ успѣхомъ напоръ отвсюду грозящаго матеріализма, когда изложеніе древней исторіи, равно удаленное отъ сухого исчисленія фактовъ и риторическаго паѳоса, покажетъ, что древній міръ былъ глубоко тревожимъ тѣми-же жизненными вопросами, которые нынѣ неотступно занимаютъ каждаго благороднаго человѣка». Къ сожалѣнію, эти слова едва-ли найдутъ большое сочувствіе въ массѣ филологовъ.

Настоящее положеніе и будущность бѣдныхъ классовъ обращаютъ на себя преимущественное вниманіе государственныхъ людей и мыслителей западной Европы, гдѣ пролетаріатъ дѣйствительно получилъ огромное значеніе. Но защитники старины, которые въ этомъ явленіи видятъ нѣчто доселѣ небывалое, исключительно нашему времени принадлежащее и его обвиняющее, находятся въ странномъ, быть можетъ, добровольномъ заблужденіи. На тѣхъ путяхъ развитія, которыми шли всѣ историческія общества, за исключеніемъ патріархальныхъ государствъ Востока, нельзя было избѣжать пролетаріата. На Востокѣ этотъ вопросъ не могъ подняться вслѣдствіе особенныхъ историческихъ и нравственныхъ причинъ. Народные обычаи и религія создали тамъ многочисленный классъ беззаботныхъ нищихъ. Самое скудное подаяніе удовлетворяетъ ихъ потребностямъ, не оскорбляя ихъ притупленнаго лѣнью и привычкою чувства Сверхъ того тамъ существуетъ рабство въ простѣйшей, патріархальной формѣ. Эти два класса людей содержатъ въ себѣ ту часть азіатскаго народонаселенія, которое соотвѣтствуетъ европейскимъ пролетаріямъ. Въ книгѣ г. Нитча находится вѣрное и подробное изложеніе усилій, употребленныхъ государственными мужами римской республики къ излѣченію этой язвы. Имъ были невѣдомы основныя начала политической экономіи. Безъ помощи ея путеводныхъ теорій, смѣлые римляне шли на бой съ общественнымъ зломъ, такъ какъ они ходили на враговъ республики, вѣруя въ ея неизмѣнное счастье и въ собственную силу. Но эта увѣренность продолжалась недолго. Самые великіе умы, самыя благородныя сердца древняго Рима, Флэминіи, Сципіоны, Катонъ, Гракхи, изнемогли въ спорѣ съ неотвратимымъ ходомъ событій. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, исторія аграрныхъ законовъ получаетъ свой настоящій, можно сказать, трагическій характеръ.

Приведемъ заимствованныя изъ «Чтеній о римской исторіи» лова Нибура, которому принадлежитъ честь рѣшительныхъ, очти окончательныхъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ. ителн получатъ сверхъ того образецъ его преподаванія.

«Право аграрное тѣмъ для меня важнѣе, что оно впер-ые привело меня къ критическимъ изслѣдованіямъ о рим-кой исторіи. До тѣхъ поръ я болѣе занимался греческою ревностью. Читая въ молодости сравнительныя жизнеописанія Плутарха и Аппіана, я никакъ не могъ понять аграрнаго за-она. Можно было-бы подумать, что въ немъ заключается арушеніе собственности, ограниченіе ея извѣстною мѣрою. аждому землевладѣльцу оставляется только 500 югеровъ емли, остальное отбирается для приращенія плебейскаго иму-ества, на счетъ патриціевъ. Такое грубое понятіе о правѣ ызвало, однако, похвалы Маккіавели, который жилъ въ эпоху олитическихъ переворотовъ и потому оправдывалъ сред-ва цѣлью, и Монтескье, считавшаго возвращеніе минувшаго евозможнымъ... Первый, кому пришла мысль объ ager pub-cus (общественномъ полѣ), былъ Гейне, написавшій разсу-деніе по поводу революціонныхъ конфискацій, но вопросъ, то такое ager publicus, остался безъ отвѣта. Гейне часто онималъ истину, вообще, но рѣдко доводилъ мысль свою до сности... Я нашелъ на этотъ предметъ случайно. Въ мое ремя въ Голштиніи было уничтожено крѣпостное состояніе. крестьянъ отобраны были при этомъ случаѣ земли, кото-ыя до тѣхъ поръ переходили отъ отца къ сыну, и обращены ъ мызы. Ихъ самихъ переселили на меньшіе и худшіе частки. Дѣло было ужасное. Не только противъ крѣпост-ыхъ, но даже противъ свободныхъ употреблялось насиліе. Возмущенный несправедливостью, я пришелъ къ вопросу: на снованіи какого права она совершилась? Это повело меня ъ изслѣдованіямъ о владѣніи у различныхъ народовъ и дало ить къ римскому аграрному праву. По общимъ понятіямъ талійскихъ племенъ, земля и право гражданства нераздѣльны, сякая поземельная собственность исходитъ отъ государства... итая у Аппіана или у Плутарха, что ager publicus частью тводился подъ колоніи, частью оставался государственною обственностью, отдавался въ наемъ, поступалъ въ продажу, ожно спросить: откуда-же происходили затрудненія? Рес-убликѣ стоило опредѣлить закономъ, сколько земли можно мѣть отдѣльному лицу, и дурныя послѣдствія были-бы от-ращены. Но дѣло въ томъ, что Аппіанъ и Плутархъ не по-яли двусмысленнаго выраженія ихъ предшественника Посп-онія, написавшаго исторію Гракховъ. Рѣчь идетъ не о на-

стоящей отдачѣ въ наемъ участковъ земли, а о взиманіи
нихъ подати, т. е. десятины съ хлѣба, пятины съ древесі
плодовъ, скота и т. д. Если-бы государство получало э
сборъ самыми произведеніями, то оно должно было-бы стр
большіе магазины для хлѣба, содержать пастбища для сі
и доходъ измѣнялся-бы по годамъ. Поэтому принята
другая система: сборъ отдавался на откупъ публика
(откупщикамъ). Римскія государственныя формы и гра
ское право представляютъ часто аналогіи съ греческим
аграрное право принадлежитъ исключительно римлян
Согласно съ римскими юридическими представленіями,
дарство допускало каждаго квирита къ пользованію ча
завоеванной земли. Сначала это право было у однихъ п
ціевъ, какъ древнѣйшихъ гражданъ. Они могли брать л
участки. Это называлось occupatio agri publici. Обыкно
раздавались опустошенныя войною земли, на непріятел
границѣ: охотниковъ, слѣдовательно, не могло быть м
Обязанность платить десятину и пятину наступала тот
Этотъ сборъ отдавался на откупъ, чего до сихъ поръ н
нимали... Законъ обезпечивалъ права такихъ владѣл
противъ всякаго третьяго лица, но государство могло
дый часъ предъявить свои требованія и удалить владѣ
сказавъ: я хочу основать здѣсь колонію или раздать
поголовно. Въ такомъ случаѣ споръ былъ невозможен
тому что нельзя было сослаться ни на давность, ни на
гое право... Вотъ въ чемъ заключается великое раз
между собственностью и владѣніемъ». (Т. I. стр. 252 —

Раннее распространеніе общественныхъ полей чрезт
воеваніе обратилось преимущественно въ пользу аристок
которая исключительно допускалась къ владѣнію ими.
вліяніе должно было имѣть слѣдствіемъ совершенное
неніе сельскаго хозяйства во всѣхъ частяхъ Италіи,
властныхъ Риму. Плиній говоритъ, что италіанская пше
весьма уважаемая въ Греціи во времена Софокла, значит
упала въ цѣнѣ и достоинствѣ около 150 лѣтъ спустя,
при Александрѣ Великомъ. Несмотря на скудныя изі
источниковъ, нетрудно объяснить это пониженіе общимъ
комъ земледѣлія въ Италіи. Скотоводство представлял
сравненно болѣе выгодъ владѣльцамъ общественнаго
оно требовало меньшаго числа рукъ, при относительно
кой задѣльной платѣ и недостаткѣ рабовъ, которыхъ
усилилось только послѣ 2-й Пунической войны. Пр
мѣстныя условія были чрезвычайно благопріятны: римск
зяинъ не заботился ни о помѣщеніи, ни о зимнемъ прод

іи своихъ стадъ; онъ могъ круглый годъ держать ихъ на
ножномъ кормѣ и подъ открытымъ небомъ: лѣтомъ — въ
ахъ, гдѣ лежали обширныя пастбища, отнятыя у самни-
ъ и другихъ горныхъ племенъ, зимою — на теплыхъ при-
оскихъ равнинахъ. Въ противоположности къ этимъ вла-
ніямъ находились мелкіе участки, составлявшіе родовую
ственность плебеевъ. Здѣсь также сѣялось немного хлѣба;
одѣліе и садоводство составляли главный, хотя скудный,
очникъ доходовъ. Но съ каждымъ поколѣніемъ эти се-
ства, которыхъ родоначальники получали отъ республики
7 югеровъ земли, должны были приближаться къ боль-
й бѣдности, тѣмъ болѣе, что на нихъ тяготѣли важ-
ійшія повинности. До конца Самнитскихъ войнъ государство
огало имъ частою раздачею новыхъ участковъ. Непре-
зное возрастаніе общественныхъ полей и неотчуждаемое
во ими располагать давало римской республикѣ постоян-
средство къ уравненію отношеній собственности между
шими классами. Эта мѣра, которая составила-бы эпоху въ
оріи другихъ народовъ, повторялась здѣсь въ теченіе нѣ-
ькихъ вѣковъ, но послѣ покоренія самнитовъ ея испол-
ніе сдѣлалось очень труднымъ, вслѣдствіе сопротивленія
шихъ классовъ. Причины такого сопротивленія понять не-
дно. Богатые владѣльцы не могли добровольно уступить
тбищъ, которыя имъ достались по наслѣдству и прино-
ли болѣе прибыли, чѣмъ когда-либо. По окончаніи 1-й Пу-
ческой войны Римъ сталъ морскою и торговою державой.
произведеніямъ открылись новые рынки и пути для сбыта.
выгоды новой торговли шли въ руки капиталистовъ, т. е.
истократіи, захватившей общественное поле, и публика-
ъ, которымъ отдавался на откупъ сборъ десятины и пя-
ны. Отказаться отъ этого съ такимъ напряженіемъ силъ
оеннаго положенія въ пользу плебеевъ, возвратиться къ
остотѣ древняго италійскаго быта—было невозможно. На-
но было только спасти сельское народонаселеніе отъ ко-
наго разоренія, которое ему грозило при исключитель-
ъ значеніи капиталистовъ. Съ такою мыслью предложилъ
ибунъ К. Фламиній раздѣлъ земель, отнятыхъ у галловъ въ
ценумѣ. Онѣ принадлежали къ недавнимъ пріобрѣтеніямъ
спублики. Фламиній надѣялся помочь плебеямъ, не потре-
кивъ владѣльцевъ давно занятыхъ участковъ обществен-
о поля. Тѣмъ не менѣе предложеніе его встрѣтило силь-
противорѣчіе. Въ сенатѣ, относительно провинцій, гос-
ествовало другое мнѣніе, основанное на свойствѣ римскаго
юга tributum. *Теперь неоспоримо доказано, что* tributum

былъ не что иное, какъ государственный заемъ, который взыскивался съ внесенной въ цензъ собственности римскихъ гражданъ только въ случаѣ необходимости и возвращался изъ казны республики (aerarium) при первой возможности. Такого рода сборъ не могъ приносить большой пользы государству и былъ крайне тягостенъ для плебеевъ, на которыхъ почти исключительно лежалъ, потому что общественныя поля, которыя составляли главный источникъ богатства аристократіи, не поступали въ цензъ, а платили десятину и т. д. Вотъ почему сенатъ не хотѣлъ допустить плебейской собственности въ провинціяхъ, которыхъ завоеванная почва обращена была въ ager publicus, обложенный разнородными и прибыльными казнѣ повинностями. Мѣра, предложенная Фламиніемъ, не имѣла тѣхъ послѣдствій, какихъ онъ отъ нея ждалъ. При выходѣ Аннибала изъ Италіи состояніе сельскаго народонаселенія было хуже, чѣмъ когда-либо: на него обрушились всѣ тягости войны: служба въ легіонахъ и tributum, на скорое возвращеніе котораго правительствомъ мало было надеждъ. Усадьбы ихъ были выжжены непріятелемъ, поля опустошены. Зато ager publicus значительно увеличился: къ нему присоединились всѣ конфискованныя у невѣрныхъ союзниковъ земли.

Планъ Публиція Сципіона Африканскаго былъ гораздо сложнѣе и обширнѣе, чѣмъ Фламиніевъ. Побѣдитель Аннибала былъ государственный мужъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова. Частію своего превосходства онъ былъ обязанъ своей высокой образованности, знанію политическихъ учрежденій Греціи. Извѣстно, что онъ стоялъ во главѣ цѣлаго направленія многочисленной партіи, которая, отрѣшаясь отъ древнихъ преданій, надѣялась оживить дряхлѣвшую республику свѣжими элементами.

Не смотря на блескъ недавнихъ побѣдъ и завоеваній, политическій составъ римской республики представлялъ неутѣшительное зрѣлище. Владычество находилось въ рукахъ аристократіи сенатскихъ фамилій, существенно отличной отъ стараго патриціата, дѣятельной, богатой и своекорыстной. Сословіе плебеевъ, вынесшее на своихъ плечахъ государство изъ всѣхъ опасностей, которыя его застигали, разлагалось. Мѣсто его заступалъ многочисленный классъ пролетаріевъ: гражданъ, которые по недостатку внесенной въ цензъ собственности, не несли военной службы, не платили трибута и жили задѣльною платою за сельскія и городскія работы. Имъ было очевидно лучше, чѣмъ настоящимъ плебеямъ. Затѣмъ слѣдовали италійскіе союзники въ іерархическомъ порядкѣ

отношеній, болѣе или менѣе приближавшихъ ихъ къ правамъ римскаго гражданства. Вопросъ объ окончательномъ устройствѣ провинцій еще не былъ рѣшенъ, хотя точка зрѣнія на него совершенно измѣнилась. Собравъ разсѣянныя въ источникахъ свидѣтельства, г. Нитчъ удачно возстановилъ планъ Замскаго героя. Цѣль Сципіона была демократическая реформа; средства—облегченіе военной службы, отмѣна трибута, увеличеніе числа гражданъ и болѣе ровное раздѣленіе повинностей. Начнемъ съ провинцій и государствъ, признавшихъ надъ ссбою верховное владычество Рима. Спиціонъ настаивалъ на сохраненіи ихъ мѣстныхъ учрежденій и обычаевъ. Полагая оставить имъ какъ можно большую внутреннюю независимость, онъ считалъ удобнымъ вывести изъ нихъ легіоны. Признательность къ республикѣ и опасеніе заслужить ея гнѣвъ достаточно ручались за ихъ покорность. Не одно уменьшеніе арміи было бы слѣдствіемъ такой политики. Доходы съ провинцій могли покрыть долги и издержки правительства и ставили его въ возможность не только навсегда отмѣнить tributum, но усилить жалованье.

Нѣсколько союзныхъ городовъ получили право полнаго римскаго гражданства. Самою замѣчательною въ этомъ отношеніи мѣрою Сципіоновой партіи былъ законъ, принятый по предложенію трибуна Теренція Куллеона. Вслѣдствіе этого закона всѣ римляне, рожденные отъ свободныхъ родителей, поступили въ число гражданъ. Цензъ Сервія Туллія, давно измѣненный, окончательно потерялъ значеніе. Пролетаріи въ обширнѣйшемъ значеніи, дѣти вольноотпущенниковъ, поденьщики и т. д. получили голосъ въ народныхъ собраніяхъ, распредѣлены были по трибамъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ подчинены обязанности служить въ легіонахъ, или во флотѣ, смотря по состоянію. Положеніе плебеевъ улучшилось, но къ ущербу ихъ политическаго вліянія. Новые граждане пересилили ихъ въ народныхъ собраніяхъ своимъ числомъ. Перевѣсъ этотъ скоро обнаружился въ гоненіи на виновника реформы. Пролетаріи не столько радовались пріобрѣтеннымъ правамъ, сколько жалѣли объ утратѣ льготы. Обвиненный въ похищеніи денегъ, принадлежащихъ республикѣ, облаянный Катономъ (употребимъ выраженіе римскаго историка), который тогда стоялъ на сторонѣ аристократіи, Сципіонъ понесъ въ добровольное изгнаніе горькую мысль неудавшагося подвига. «У насъ много—говоритъ Нитчъ (стр. 131):—древнихъ бюстовъ Сципіона. Величавая, изящная голова въ лучшей порѣ славы и лѣтъ. Наслажденіе и заботы лишили его густыхъ кудрей, которыя *такъ* шли къ нему въ молодости; рубецъ

отъ раны, полученной въ первой битвѣ, при Тицино, еще виденъ. Но отъ всѣхъ другихъ отличается базальтовый бюстъ, находящійся въ казино Роспильози, въ Римѣ. Уста и чело не носятъ того яснаго, спокойнаго выраженія, какое на другихъ изображеніяхъ, его мѣсто заступила глубокая, твердая скорбь. Онъ углубленъ въ себя, какъ разбитый полководецъ, котораго взглядъ безъ стыда обращается назадъ и безъ надежды впередъ. Такимъ вѣроятно видали его въ Линтернумѣ, въ послѣдніе два года его жизни. Онъ умеръ въ одинъ годъ съ Аннибаломъ и Филопеменомъ».

Противъ Сципіоновой партіи дѣйствовали не одни новые граждане. Позади ихъ стояла другая, быть можетъ, болѣе опасная оппозиція аристократіи и капиталистовъ. Реформа лишала ихъ значительныхъ средствъ и силъ. До сихъ поръ обязанности военной службы и народныя собранія не отвлекали пролетарія отъ работы на богатаго господина. Слѣдствіемъ реформы было возвышеніе задѣльной платы и болѣе, чѣмъ прежде ощутительный недостатокъ рукъ для работы. По малочисленности своей, рабы еще не могли замѣнить вольныхъ поденьщиковъ. Противники Сципіона надѣялись воспользоваться его неудачею, если не для полнаго возстановленія измѣненнаго порядка, по крайней мѣрѣ для утвержденія своего вліянія на новыхъ основахъ. Но здѣсь они встрѣтили нежданное противодѣйствіе. Дѣятельность Катона во время его цензуры представляетъ поразительныя аналогіи съ послѣднимъ министерствомъ величайшаго государственнаго мужа современной Европы, сэра Р. Пиля. Подобно ему, римскій цензоръ состарѣлся въ рядахъ консервативной партіи. Упрямый защитникъ старины, онъ преслѣдовалъ дѣломъ и словомъ всякое новведеніе: греческую образованность и политическое преобразованіе, задуманное Сципіономъ. Подобно Пилю, онъ умѣлъ отречься отъ прежнихъ союзниковъ и мнѣній во имя иного убѣжденія, въ немъ постепенно созрѣвшаго. Достигнувъ цензуры, Катонъ сталъ въ главѣ крайней демократіи, т. е. новыхъ гражданъ, призванныхъ въ трибы Сципіономъ, и повелъ къ концу дѣло, начатое послѣднимъ. Происшедшая въ немъ перемѣна обнаружилась тотчасъ: онъ значительно поднялъ откупную плату за сборъ десятины и понизилъ ее за подряды къ общественнымъ работамъ. Эта мѣра, тяжкая для откупщиковъ, была только преддверіемъ къ другимъ, болѣе рѣшительнымъ. Мы показали выше, что такое былъ римскій tributum. Занимая, по неопредѣленному сроку уплаты, средину между налогомъ и займомъ, трибутъ лежалъ *почти исключительно* на поземельной собственности плебеевъ.

Катонъ сдѣлалъ покушеніе перенести его съ земли на капиталъ. Онъ внесъ въ списки ценза важнѣйшіе предметы роскоши по оцѣнкѣ, вдесятеро превышавшей настоящую, и обложилъ эту сумму тройнымъ трибутомъ, т. е. тремя ассами съ сотни. Способъ, обличающій съ одной стороны младенчество финансовыхъ понятій и самовластіе республиканскихъ сановниковъ, съ другой—неукротимую энергію Катона. Его не остановилъ страхъ многочисленныхъ ненавистей, вызванныхъ его распоряженіями. Онѣ преслѣдовали его до могилы. Пятьдесятъ обвиненій выдержалъ онъ въ теченіе жизни своей: ему было 83 года, когда онъ въ послѣдній разъ долженъ былъ оправдываться передъ народомъ. Лишенная всякой поэзіи, личность стараго цензора не въ правѣ на то сочувствіе, какое внушаетъ Сципіонъ; уваженіе къ нему Нибура едва-ли не преувеличено, но его нельзя не признать однимъ изъ самыхъ великихъ людей республики и самыхъ замѣчательныхъ представителей древняго римскаго характера.

Книга Катона о земледѣліи служила богатымъ источникомъ г. Нитчу. Ей обязанъ онъ главными чертами прекрасно оставленнаго описанія сельскаго хозяйства и въ Италіи въ концѣ VI вѣка отъ построенія города.

Сочиненіе это посвящено Л. Манлію, о помѣстьѣ котораго авторъ сообщаетъ слѣдующія подробности. Оно заключало въ себѣ 340 югеровъ и состояло изъ двухъ отдѣльныхъ дачъ: 100 югеровъ *) виноградника и 240 оливковой плантаціи. При каждой дачѣ были прикащикъ и прикащица (villicus и villica). Сверхъ того къ винограднику было приставлено 8, къ оливковымъ деревьямъ 11 рабовъ. Для уборки винограда и выдѣлки масла нанимались по контракту свободные работники. Засѣянныя хлѣбомъ поля лежали отдѣльно и вѣроятно не были значительны. Съ тѣхъ поръ, какъ вывозъ хлѣба изъ Италіи былъ запрещенъ, а ввозъ изъ Сициліи, Сардиніи и т. д. не только удовлетворялъ, но часто превышалъ потребность, его почти перестали сѣять, особенно въ южной части полуострова. Жнецамъ платился за работу пятый, иногда девятый снопъ. Вообще, по вычисленіямъ Нитча, первоначальный плебейскій участокъ, т. е. 7 югеровъ, могъ прокормить цѣлое семейство, тѣмъ болѣе, что не требовалъ большаго числа рукъ для обработки. Но служба въ легіонахъ и трибутъ разорили мелкихъ собственниковъ. Катонъ думалъ создать новое сельское населеніе изъ прежнихъ работниковъ и поденщиковъ. Съ этой цѣлью основаны были многія колоніи въ рав-

*) Jugerum—римская мѣра въ 28,800 квадратныхъ футовъ

нинѣ образуемой рѣкою По, и на самомъ полуостровѣ. Но его мысль не осуществилась, потому что отведенные участки были малы, а новые хозяева неопытны въ своемъ дѣлѣ. Большинство бѣдныхъ предпочитало работу по найму обработкѣ собственнаго поля, болѣе сложной и требовавшей капитала. Условія найма были различны. Politor получалъ 5-й или 9-й снопъ при жатвѣ; partiarius не довольствовался такою платою: господинъ давалъ ему рабочій скотъ, нужныя орудія и половину произведеній. Ихъ положеніе напоминаетъ нашихъ половниковъ. Наконецъ, колоны платили деньгами за небольшія помѣстья, которыя они брали на аренду. Но и эти отношенія продолжались недолго. По окончаніи македонской войны Павелъ Эмилій привелъ на римскій рынокъ 150.000 рабовъ; младшій Сципіонъ продалъ 56.000 карѳагенцевъ. Мятежныя племена Сардиніи и Испаніи заплатили такую-же дань. Островъ Делосъ сталъ складочнымъ мѣстомъ для торговли невольниками, которые привозились съ Востока. Римскіе вельможи выписывали оттуда себѣ поваровъ, дѣтямъ—греческихъ наставниковъ, женамъ—искусныхъ рабынь. Не говоримъ о нравственномъ вліяніи этой разноплеменной массы, которая наводнила Италію и принесла на ея почву утонченный развратъ перезрѣлыхъ обществъ и звѣрскія страсти дикарей, нетронутыхъ просвѣщеніемъ. Надзоръ за стадами и уборка луговъ не требовали особеннаго умѣнья, а скудное содержаніе раба, instrumentum vocale, какъ его называетъ Варронъ, обходилося дешевле заработной платы. Свободный поденьщикъ уступилъ мѣсто купленному сопернику. У него осталось одно, дотолѣ мало принесшее ему пользы, право участія въ народномъ собраніи: теперь настала для него пора подать голосъ за самого себя, потребовать въ завоеванномъ его отцами мірѣ собственной доли, т. е. куска хлѣба.

Сочиненіе г. Нитча раздѣлено на 4 книги. Двѣ послѣднія содержатъ въ себѣ исторію Гракховъ. Политическая дѣятельность знаменитыхъ братьевъ еще никогда не была предметомъ такого основательнаго и дѣльнаго изслѣдованія. Но можно-бы пожелать болѣе яснаго и живаго изложенія. Короткій и простой разсказъ Нибура сильнѣе характеризуетъ событія. Мы познакомимъ съ нимъ нашихъ читателей. Предварительно укажемъ на очень любопытную часть Нитчева труда. Въ 9-й главѣ III книги очень вѣрно показано отношеніе историка Полибія къ новымъ направленіямъ римской демократіи. Излагая демократическую теорію происхожденія всѣхъ властей отъ народа, Полибій былъ органомъ многочисленной партіи, во главѣ которой стоялъ младшій Сципіонъ. Позволимъ себѣ,

ь, одно замѣчаніе. Не далъ-ли авторъ «Исторіи Гракциніону слишкомъ консервативнаго характера? Свиво Аппіана (Bel. civ. I, 13—19) намекаетъ на далекіе, бивые виды. Цицеронъ не безъ причины (de repub. I, влагаетъ въ уста разрушителю Карѳагена похвалу нной монархіи. Любимое чтеніе его составляла Киронофонта, апологія монархической формы правленія. предѣленное положеніе въ сенатѣ въ послѣдній годъ презрительный, на форумѣ высказанный отзывъ о ихъ плебеяхъ (plebsurbana), отношеніе къ нему италіансоюзниковъ, которые признавали его своимъ покроь и вождемъ, наконецъ, таинственная кончина,—все тъ къ предположеніямъ, едва-ли согласнымъ съ мнѣ. Нитча.

я о сосредоточеніи поземельной собственности въ хъ рукахъ, какъ о явленіи общемъ древней и новой Нибуръ приводитъ примѣръ Тиволи, гдѣ по кадастру а считалось въ пятьдесятъ, а въ концѣ XVIII вѣка въ въ болѣе землевладѣльцевъ, чѣмъ теперь. Въ Зонино ителей; изъ нихъ шесть человѣкъ владѣютъ всѣми около города, остальные живутъ милостынею и вотъ (Чтеніе о Р. И. II, 272). Когда старшій изъ Гракступилъ на политическое поприще, почти всѣ плебеи или были скуплены аристократами и обработывались Аграрный законъ Лициніія, по которому запрещено ному гражданину имѣть во владѣніи болѣе 500 югещественнаго поля и предписывалось содержать на такомъ участкѣ извѣстное число свободныхъ работбылъ обойденъ со всѣхъ сторонъ. Закованные въ невольники работали на поляхъ, свободные поселяне подаянія; низшіе классы городскаго населенія пресь въ настоящую чернь. Всѣ видѣли и понимали зло, кого не было мужества для борьбы съ нимъ. По смыслу закона государство было въ правѣ отобрать енныя поля для раздачи пролетаріямъ. Но прежніе ды, въ свою очередь, могли указать на вѣка, прошедгѣхъ поръ, когда ихъ дѣды заняли пустыя, никому ія земли, на капиталы, которыхъ стоило устройство за, и т. д. Вопросъ шелъ о совершенномъ переворотѣ шеніяхъ собственности.

ѣренія Т. Гракха были совершенно чисты. Даже нные духомъ партіи противники, самъ Цицеронъ, коблагородное сердце всегда беретъ верхъ, когда онъ смотритъ на вещи, называютъ его святымъ муж

(sanctissimus homo). Не надобно представлять государственныхъ людей древности въ слишкомъ поэтическомъ видѣ; они должны были дѣйствовать съ такими-же расчетами, какъ и въ наше время. Тиберій понималъ, что Риму угрожаетъ погибель, и предложилъ новый окончательный раздѣлъ общественныхъ земель въ Италіи. Зная, что буквальное исполненіе Лициніева закона было-бы въ высшей степени несправедливо, онъ разрѣшилъ каждому изъ прежнихъ владѣльцевъ удержать 500 югеровъ себѣ и по 250 для двухъ сыновей въ полную собственность. За постройки и заведенія назначалось вознагражденіе по оцѣнкѣ. Слѣдовательно, онъ не нарушалъ собственности, а возводилъ владѣніе въ степень неприкосновенной собственности. Онъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство. Многіе пріобрѣли владѣніе куплею или другою денежною сдѣлкою. Отъ нихъ нельзя было требовать пожертвованія капиталомъ. Государству слѣдовало-бы удовлетворить ихъ. 500 югеровъ составляютъ и теперь значительное состояніе въ Италіи. Я-бы не желалъ большаго. Въ хорошемъ мѣстѣ они могутъ дать на арендѣ до 5.000 талеровъ годового дохода (около 5.000 рублей, сер.)... На сторонѣ Гракха было много знатныхъ лицъ, которыя обладали такими-же богатствами, какъ Сципіоны, однако предпочитали общее благо своей выгодѣ... Въ римской исторіи встрѣчаются наслѣдственные убѣжденія и характеры, которые выше политическихъ мнѣній. Состраданіе и любовь къ страждущимъ были фамильнымъ свойствомъ Гракховъ; мы видимъ его въ трехъ поколѣніяхъ, исторически извѣстныхъ: въ Т. Гракхѣ и въ обоихъ несчастныхъ братьяхъ (сыновьяхъ цензора), Тиберіи и Каѣ. Этотъ характеръ былъ всегда рѣдокъ въ Римѣ, потомъ онъ совсѣмъ исчезъ. Но въ свободныхъ государствахъ такая наслѣдственность обыкновенное явленіе. Политическое направленіе человѣка опредѣляется напередъ семействомъ, въ которомъ онъ родился: въ Англіи можно навѣрно сказать, какой партіи принадлежитъ членъ фамиліи Руссель». (Чтеніе о рим. ист. т. II, стр. 274—278).

Предложеніе Тиверія было принято, несмотря на ожесточенное сопротивленіе олигарховъ, за которыхъ стояли италіанскіе союзники, опасавшіеся вредныхъ для себя слѣдствій новаго аграрнаго закона. У нихъ были также значительные участки общественнаго поля, которыхъ они могли лишиться при раздѣлѣ, порученномъ особымъ сановникамъ, тріумвирамъ agrorum dividendorum. Но Гракхъ заплатилъ жизнію за смѣлое покушеніе. Ему еще не было 30 лѣтъ отъ роду.

«Замѣчательно, что одолѣвшіе олигархи не отмѣнили

ности тріумвировъ и допустили избрать преемника Ти-
. Впрочемъ, дѣятельность сановниковъ была весьма огра-
на: надобно было приступить къ разбору разныхъ правъ
адѣніе, а владѣльцы не являлись и не представляли ак-
Консулу Тудитану поручено было для приличія рѣшить
ые пункты: онъ ушелъ въ походъ, отложивъ это дѣло
угого времени. По смерти Ап. Клавдія (тестя Тиберія и
вира), его мѣсто занялъ Папирій Карбонъ, недостойный
ѣдователь Гракха, шедшій той-же дорогой, но съ злыми
слами. Въ этомъ заключается бѣдствіе революцій: ходъ
гій увлекаетъ за собою лучшихъ людей; возможность
нить отъ себя вліяніе событій дана только желѣзной
ни предъ чѣмъ не робѣющей, ничего не уважающей.
ъ замѣчательный человѣкъ, который прошелъ чрезъ всѣ
ы революціи, но не запятналъ рукъ, сказалъ мнѣ: страшно
нить о революціи, въ которой самъ принималъ дѣятель-
участіе. Пойдешь на приступъ съ самыми благородными,
оломѣ останешься съ мерзавцами. Не забывайте этого
а. Впрочемъ, намъ на нѣсколько вѣковъ нечего бояться
люціи *). Мы дошли до такой эпохи римской исторіи, гдѣ
шествія уже не могутъ быть объяснены государствен-
формами; надобно прибѣгнуть къ психологической
кѣ людей, изучить личность тѣхъ, которые дѣлили ме-
собой останки умершаго государства. Карбонъ былъ
умный, но озлобленный человѣкъ. Въ мирныя времена
сохранилъ-бы, быть можетъ, прекрасную душу; при окру-
ихъ его обстоятельствахъ онъ дошелъ до крайней сте-
порока и низости».

Нитчъ несправедливъ къ К. Гракху, ставя его ниже
шаго брата. Его собственныя изслѣдованія доказываютъ
ивное. У Кая было болѣе страстей, быть можетъ, болѣе
ыхъ побужденій, чѣмъ у Тиберія, но онъ въ высшей сте-
обладалъ всѣми дарами государственнаго мужа и ора-
Такимъ считали его всѣ древніе. Его планъ реформы
ирнѣе и дальновиднѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе. Онъ не
лъ, что республику и плебеевъ можно спасти однимъ

) Черезъ полтора года послѣ этой лекціи настали іюльскіе дни.
стно, что одною изъ причинъ Нибуровой смерти было потрясеніе,
веденное въ немъ нежданнымъ переворотомъ. Въ Германіи наш-
люди, которые не устыдились осмѣять послѣдніе, скорбные дни
аго историка. Для насъ есть что-то великое и святое въ его
мѣ. Нибуру нечего было бояться за себя. Онъ умеръ жертвою
тнаго участія, какое принималъ въ событіяхъ древняго и новаго

раздѣломъ полей. Цѣлый рядъ предложеній, изъ которыхъ многія намъ только отрывочно извѣстны, обличаетъ стройную, глубоко обдуманную систему. Закономъ о раздачѣ хлѣба (lex frumentaria) была въ самомъ дѣлѣ облегчена участь городскихъ пролетаріевъ. Бѣдный гражданинъ получилъ право на ежемѣсячное полученіе изъ государственныхъ магазиновъ извѣстнаго количества пшеницы за четвертую часть обыкновенной цѣны. По цѣли своей и по лежащей въ основаніи мысли, lex frumentaria представляетъ сходство съ англійскимъ налогомъ для бѣдныхъ. При такихъ политическихъ учрежденіяхъ, каковы англійскія или римскія, личность самаго убогаго гражданина получаетъ большое значеніе. Государство не можетъ оставить ее безъ призрѣнія, не утративъ части собственнаго достоинства. Въ связи съ этимъ закономъ былъ другой—о вооруженіи легіонеровъ на счетъ республики. Римскій воинъ получилъ возможность жить жалованьемъ и содержать семейство помощію ежемѣсячныхъ выдачъ хлѣба. Сѣть великолѣпныхъ, базальтомъ вымощенныхъ дорогъ связала Италію. Это предпріятіе доставило Гракху равную признательность богатыхъ торговцевъ и рабочаго класса. При конечномъ раздѣлѣ общественныхъ полей государство теряло значительный доходъ, т. е. сборъ десятины; тріумвиры замѣнили его постояннымъ налогомъ со всей поземельной собственности, существенно отличнымъ отъ трибута. Союзники примирились съ реформою. Около сорока колоній и всѣ латинскіе города получили обѣщаніе полныхъ правъ гражданства. Остальныя племена Италіи, отъ Луканіи до Анконы, должны были вступить въ прежнія отношенія латинцевъ, съ правомъ участія въ народныхъ собраніяхъ. Это былъ послѣдній шагъ къ гражданству. Цѣлая Италія,—говоритъ Нибуръ: —должна была войти въ составъ республики, до тѣхъ поръ заключавшейся въ одномъ Римѣ. Но мысль Гракха шагнула за предѣлы родного полуострова. Пристрастные приговоры сената отняли у провинцій всякую надежду найти защиту противъ самоуправства проконсуловъ, и триста судей изъ сословія всадниковъ заступили мѣсто устраненныхъ сенаторовъ. Невыгоды этой перемѣны обнаружились впослѣдствіи. Въ началѣ она принесла неоспоримую пользу.

Не трудно оцѣнить всю важность этихъ начинаній. Они обѣщали римскому міру свѣжую, быть можетъ долгую жизнь, но имъ не суждено было исполниться. Гибелью послѣдняго изъ Гракховъ и его греческихъ и римскихъ друзей замкнулся рядъ великодушныхъ попытокъ облегчить страданія древняго пролетарія. Но опозоренный чею, подвигъ Тиберія и Кая

долго не нашелъ справедливыхъ цѣнителей. Ни похвалы, ни осужденія не были основаны на ясномъ пониманіи вопроса. Изслѣдованія Нибура объ общественномъ полѣ доказали впервые, что аграрные законы не имѣли цѣлію наглаго нарушенія правъ собственности. Его воззрѣніе нынѣ сдѣлалось господствующимъ не только между европейскими учеными, но и по ту сторону Атлантическаго океана. Знаменитый историкъ съ удовольствіемъ говорилъ своимъ слушателямъ объ отзывахъ американской критики. Эти отзывы тѣмъ любопытнѣе, что въ Соединенныхъ Штатахъ совершаются теперь происшествія, которыя могутъ пролить много свѣта на римскіе споры о владѣніи.

Заимствуемъ нѣсколько подробностей изъ статьи Видаля «De l'agrariarisme aux Etats-Unis», помѣщенной въ «Revue indépendante» 25 апрѣля 1846 года. Общественныя земли, принадлежащія американскому союзу, составляютъ тысячу четыреста милліоновъ акровъ, т. е. пространство въ десять разъ превышающее цѣлую Францію. Конгрессъ опредѣлилъ, по окончаніи послѣдней войны съ Англіею, продать часть этихъ несмѣтныхъ владѣній для покрытія военныхъ издержекъ. Издержки давно уплачены, а земли продолжаютъ продаваться по самой дешевой цѣнѣ. Но бѣднымъ нѣтъ къ нимъ доступа. Образовались общества капиталистовъ, съ которыми нельзя бороться отдѣльнымъ лицамъ. Денежныя средства этихъ обществъ даютъ имъ возможность пріобрѣтать, въ огромномъ количествѣ лучшія земли. Съ этою цѣлію они разсылаютъ всюду своихъ агентовъ. Хозяйственное обзаведеніе новыхъ имѣній, столь разорительное для небогатаго американца, покупающаго на послѣднія деньги сотню или двѣ акровъ, имъ обходится гораздо дешевле. Мелкіе владѣльцы принуждены продавать свои участки и работать на богатыхъ. Въ 1832 году президентъ Джаксонъ безуспѣшно предлагалъ конгрессу принять мѣры противъ этого зла. Вскорѣ потомъ начались народныя движенія, которыя привели къ образованію аграрнаго союза (agrarian league) въ Нью-Іоркѣ, 8-го мая 1844 года. Въ рѣчи, сказанной при этомъ случаѣ г. Макенди, слышится отголосокъ римскихъ трибуновъ. Имя Гракховъ явилось на знамени новой партіи, которой президентъ Полькъ отчасти обязанъ своимъ избраніемъ. The spirit of the Gracchi is rekindled in the West, говорятъ члены аграрнаго союза. Вотъ ихъ основныя положенія. Существующая собственность остается неприкосновенной. Продажа государственныхъ земель должна быть прекращена и земли раздѣлены на участки въ *160 акровъ. Эти* [illegible] составляютъ неотчужда

собственность государства, которое раздаетъ ихъ во владѣніе съ извѣстными повинностями. Каждый отецъ семейства имѣетъ право на полученіе 160 акровъ, но съ условіемъ обрабатывать ихъ самому или черезъ дѣтей своихъ. Никто не можетъ владѣть двумя участками. Цѣли союза высказаны ясно. Такимъ образомъ, чрезъ двѣ тысячи лѣтъ, за предѣлами древняго міра, поднялись вопросы, надъ рѣшеніямъ которыхъ потратили столько силъ Фламиніи, Сципіоны, Катонъ и Гракхи.

II.

Geschichte der Denk-und Glaubensfreiheit im ersten Jahrhundert der Kaiserherrschaft und des Christenthums von Ad. Schmidt. Berlin, 1847. (Исторія свободы исповѣданій и мысли въ первое столѣтіе имперіи и христіанства, Ад. Шмидта).

Обращаясь съ любовію къ болѣе счастливымъ и менѣе сложнымъ эпохамъ греко-римской древности, ученые прошлаго столѣтія мало сдѣлали для временъ имперіи. Исключеніе составляютъ сухіе, но обширные и добросовѣстные труды Тильмана (первое изданіе «Histoire des Empereurs etc.» вышло въ 1700 году) и великое твореніе Гиббона, который многимъ обязанъ Тильману. Но съ нѣкотораго времени эта эпоха стала обращать на себя особенное вниманіе не только историковъ, но всѣхъ мыслящихъ читателей. Шлоссеръ посвятилъ ей большую и лучшую часть своей древней исторіи. Изъ многочисленныхъ монографій, вызванныхъ такимъ направленіемъ, книга графа Шампаньи «Римскіе цезари» извѣстна русской публикѣ. Она обязана своимъ успѣхомъ болѣе удачному выбору содержанія, чѣмъ внутреннему достоинству. Шампаньи-диллетантъ. Его знаніе источниковъ поверхностно и неполно, самое воззрѣніе на предметъ неопредѣленно и часто невѣрно. Но онъ живо понялъ нѣкоторыя аналогіи и поставилъ послѣднія судьбы древняго міра какъ memento m ri современнымъ обществамъ Западной Европы. Съ подобной цѣлью написано сочиненіе г. Шмидта, издателя выходящаго въ Берлинѣ историческаго журнала. «Исторія свободы мыслей и исповѣданій» конечно займетъ въ наукѣ мѣсто выше «Римскихъ цезарей», но найдетъ гораздо менѣе читателей. Такова обыкновенная и большею частію заслуженная участь нѣмецкихъ книгъ. Не смотря на постоянное изученіе древнихъ образцовъ, нѣмецкіе ученые на перенять у нихъ тайны

дного и живаго изложенія. Отъ этого имъ часто случается
рить о вѣчныхъ красотахъ греческаго искусства языкомъ,
рый можетъ заставить усомниться во вліяніи этого искус-
на вкусъ его поклонниковъ. Забавно то, что многіе
исываютъ это рѣшительное неумѣнье управиться съ фор-
врожденной германскому племени основательности (Gründ-
eit).

Въ цѣлой исторіи человѣчества едва-ли найдется отдѣлъ
акой степени поучительный и вызывающій къ раздумью,
послѣднія столѣтія римскаго міра. Республиканскія
ы пали, но заступившая ихъ мѣсто монархія должна
ться со всѣми живыми силами общества. Ей были равно
дебны его воспоминанія и его надежды. Религіозныя вѣ
нія народовъ разрушены наукою, но наука въ свою оче-
отвѣчаетъ горестнымъ признаніемъ собственнаго безси-
на жаркія требованія умовъ, измученныхъ сомнѣніемъ и
цаніемъ. Повсемѣстно распространенная образованность
стала быть благомъ. Формы ея изящны, но содержаніе
рчено. Явились неслыханные, чудовищные виды порока и
вязи съ ними цѣлое литературное направленіе. Безумный
ематическій развратъ маркиза де-Сада явленіе не новое
исторіи. А между тѣмъ это разрушавшееся, больное обще-
, относительно внѣшнихъ средствъ развитія, немногимъ
палъ нашему. Книга г. Шмидта содержитъ въ себѣ зна-
льное число фактовъ, подтверждающихъ высказанную
мысль. Впрочемъ выводы нѣмецкаго ученаго невсегда
ы: иногда онъ очевидно увлекается желаніемъ показать
олько сходство, но даже преимущество древней образо-
ности надъ новою. тамъ, гдѣ такого преимущества не могло
, по очень понятнымъ причинамъ.

Гордясь по праву выгодами, какія доставляетъ книгопеча-
е, большая часть новыхъ ученыхъ составили себѣ слиш-
ъ ограниченное понятіе о средствахъ къ распространенію
ратурныхъ произведеній, бывшихъ въ употребленіи у
нихъ. Быть можетъ нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей
стны любопытныя изысканія объ этомъ предметѣ, нахо-
ся въ книгѣ, изданной Жеро подъ названіемъ «Essai sur
ivres dans l'antiquité, particulièrement chez les Romains». Къ
ріаламъ, собраннымъ его французскимъ предшественни-
, г. Шмидтъ прибавилъ нѣсколько новыхъ и важныхъ
аній. Онъ справедливо замѣчаетъ, что рѣдкость и доро-
на рукописей въ Средніе вѣка подали поводъ къ ложн-
заключенію, что тоже самое было у грековъ и рим-
. Надобно вспомни въ Средніе вѣка перепи

книгъ занимались почти исключительно монахи, между которыми число грамотныхъ и способныхъ къ такой работѣ было очень незначительно. Рукописи большею частію оставались въ монастыряхъ; немногія, поступавшія въ продажу, совершенно удовлетворяли бѣднымъ потребностямъ общества, занятаго совсѣмъ нелитературными интересами. Но у древнихъ, особенно у римлянъ, всѣ находящіяся въ связи съ литературою отрасли промышленности достигли высокаго развитія. Отсутствіе типографскаго станка замѣнялось грамотнымъ рабомъ—машиною древняго міра. У каждаго богатаго римлянина были крѣпостные библіотекари, чтецы, переписчики, которые нерѣдко превосходили ученостью своихъ господъ. Даже женщины высшихъ сословій держали при себѣ образованныхъ рабынь, которыя читали имъ вслухъ греческихъ и латинскихъ писателей. Автору новой книги стоило только послать рукопись по своимъ знакомымъ: немедленно являлись многочисленные списки, которые разносили въ болѣе обширные круги извѣстность произведенія. У Помпонія Аттика, друга Цицеронова, было огромное заведеніе въ родѣ типографіи и книжной лавки. Множество невольниковъ занимались исключительно перепискою важнѣйшихъ новыхъ и древнихъ сочиненій, другіе заготовляли переплеты и матеріалы для письма. Такимъ образомъ Аттикъ издалъ Академическія изслѣдованія, Оратора, письма и часть рѣчей Цицерона. Намъ извѣстно, между прочимъ, что рѣчь за Лигарія была распродана съ большою выгодою. Впрочемъ цвѣтущее состояніе книжной торговли въ Римѣ и провинціяхъ совпадаетъ съ началомъ имперіи. Г. Шидтъ приводитъ (стр. 123) цѣлый рядъ знаменитыхъ книгопродавцевъ I столѣтія по Р. Х. Устройство магазиновъ очень походило на теперешнее. Заманчивыя, снаружи прибитыя объявленія о новыхъ книгахъ возбуждали любопытство прохожихъ: внутри, въ такъ называемыхъ гнѣздахъ, стояли болѣе или менѣе изящно переплетенныя книги. Но въ эти магазины приходили не одни покупатели. Сюда собиралось образованное общество для разговоровъ о литературныхъ и другихъ новостяхъ Дѣятельность тогдашняго книгопродавца была сложнѣе, чѣмъ въ наше время, потому что у него обыкновенно выдѣлывался самый товаръ, т. е. переписывались рукописи. Этимъ дѣломъ занимались невольники и наемные работники. Скорость труда и великое число экземпляровъ, поступавшихъ въ продажу, можно объяснить только употребленіемъ стенографическихъ сокращеній и обычаемъ диктовать съ одной рукописи цѣлымъ десяткамъ писцовъ. Плиній младшій разсказываетъ, [illegible]ъ издалъ сочиненіе,

написанное имъ по случаю смерти сына, въ числѣ 1000 экземпляровъ; Цицероновы рѣчи расходились немедленно въ Римѣ и провинціяхъ, и т. д. У Марціала находятся любопытныя подробности о форматѣ книгъ, подтверждающія сказанное выше' объ употребленіи стенографическихъ сокращеній. Можно было имѣть цѣлаго Гомера, Виргилія, даже Ливія въ одномъ томѣ. Слѣдовательно у древнихъ были также сжатыя изданія (éditons compactes). Каллиграфія производила иногда игрушки въ родѣ нашихъ миніатюрныхъ альманаховъ. Примѣромъ могутъ служить полные списки Иліады и Одиссеи, которые укладывались въ орѣховой скорлупѣ.

Литературная собственность не находила обезпеченій ни въ понятіяхъ общества, ни въ законахъ. Весьма немногіе изъ писателей получали плату за свои труды. Большая часть довольствовалась дѣйствительною или мнимою славою. Публика предпочитала новыя книги старымъ, и книгопродавцы старались наперерывъ угодить ея требованіямъ, пріобрѣтая посредствомъ просьбъ, лести, иногда денегъ сочиненія любимыхъ поэтовъ или прозаиковъ. Первые списки обыкновенно расходились въ столицѣ, остальные шли въ провинціи. Къ числу главныхъ статей сбыта принадлежали учебники. Несмотря на чрезвычайно низкія цѣны книгъ, книгопродавцы получали значительные барыши, но писатели жаловались, напр. Марціалъ:

«Подъ знаменами Марса, въ снѣгахъ гетскихъ, суровый центуріонъ перелистываетъ мою книгу. Британія поетъ мои пѣсни. Но что пользы? Слава не отзывается въ моемъ кошелькѣ». XI. 4.

Проявленію сочиненія въ продажѣ почти всегда предшествовала болѣе или менѣе лестная молва о немъ, вслѣдствіе возникшаго при Августѣ обычая публичныхъ чтеній. Почти каждый авторъ заранѣе подвергалъ свое произведеніе суду будущихъ читателей. Онъ приглашалъ къ себѣ нарочными объявленіями не только знакомыхъ своихъ, но и всѣхъ желающихъ; въ случаѣ недостатка мѣста слушатели собирались къ богатому покровителю литературы или въ какое-нибудь общественное зданіе. Такія чтенія возбуждали иногда въ высшей степени любопытство публики, даже получали политическое значеніе. Но въ началѣ II вѣка Плиній младшій уже жаловался на разсѣянность и невниманіе посѣтителей, на ихъ невѣжливую привычку уходить украдкою во время самаго чтенія и возвращаться по окончаніи. Послѣдняя черта нравовъ принадлежитъ не къ одному второму вѣку. Многіе изъ нашихъ читателей, вѣроятно, не разъ съ удовольствіемъ

кн
ры совершали тотъ грѣхъ, въ которомъ авторъ панегирика
оче Траяну обвиняетъ своихъ современниковъ.
мо Дѣятельность книгопродавцевъ, огромныя общественныя и
удс частныя библіотеки, наконецъ публичныя чтенія служили
сов внѣшними проводниками идей, проходившихъ во всѣ слои
бен римскаго общества. Заглавіе, данное г. Шмидтомъ своимъ
отр. изслѣдованіямъ, не точно опредѣляетъ ихъ содержаніе. Его
стві ная цѣль—показать предсмертную борьбу древняго міра
маш собственною наукою и мыслью. Мы не послѣдуемъ за нимъ
крѣ изложеніи (не представляющемъ ничего новаго) главныхъ
рѣдк философическихъ системъ, въ которыхъ выразилось отри-
щинь многобожія и связаннаго съ нимъ языческаго госу-
рабы ства.
писат Собственно это явленіе было продолженіемъ процесса, на-
пись ся въ Греціи, гдѣ народныя вѣрованія и общественныя
сленнь давно уже были разъединены умозрѣніемъ. Политиче-
извѣст характеръ римской религіи наложилъ на нее необходи-
нова, участвовать во всѣхъ переворотахъ, которые соверша-
ной ла государствѣ. Событія форума отзывались въ храмѣ.
тельно паденія республиканскихъ учрежденій вожди рим-
ній, дру ртій перестали вѣрить въ своихъ боговъ. Предъ цѣ-
Такимъ атомъ Катонъ обвинялъ первосвященника Цезаря
Оратора, ніи загробной жизни. Авгуръ Цицеронъ доказы-
между п можность предсказывать будущее и двусмысленно
большою просъ о существованіи боговъ. Также думалъ
торговли она, жрецъ Котта, явный приверженецъ скепти-
имперіи. І міи. Но связанные своимъ положеніемъ и кон-
нитыхъ кн чкою зрѣнія, Цицеронъ и Котта смотрѣли на
газиновъ о змъ какъ на нѣчто полезное для народа и
ружи приб зни то, отъ чего отрѣшились духовно. Это
любопытств ь въ наслѣдство имперіи. Глава государ-
дахъ, стояли время первосвященникомъ, блюстителемъ
Но въ эти и новыхъ общественныхъ формъ. Въ
собиралось о эти начала онъ обоготворилъ самъ
ратурныхъ и сто въ сонмѣ небожителей. Конечно,
книгопродавца льзя было заподозрить въ искрен-
что у него обы жество, но ложное положеніе за-
реписывались ру самой колоссальной лжи, какая
и наемные рабо міра. Отношеніе философіи къ
пляровъ, поступа опредѣлено. Ей нельзя было
употребленіемъ с орожномъ отрицаніи Цице-
диктовать съ од чаѣ принимала характеръ
Плиній младшій ра орства. Отъ лица всѣхъ
чковъ, пиѳагорейцевъ и

истыхъ скептиковъ, философія бросила перчатку государ-ству, такъ нагло ругавшемуся надъ истиною.

Передовое, самое опасное мѣсто въ этой битвѣ заняли тоики. Они опирались не на умозрѣніе, которое составляло лабую сторону, а на нравственное начало. Пользуемся слу-аемъ напомнить нашимъ читателямъ блестящую и вѣрную арактеристику стоицизма, помѣщенную въ «Письмахъ объ зученіи природы» г. Искандера. «Ученіе стоиковъ по преиму-еству нравственное; оно прямо идетъ къ вопросамъ жизнен-ымъ, стремится дать совѣтъ, укрѣпить грудь противъ уда-овъ судьбы, возбудить гордое сознаніе долга и заставить ѣмъ жертвовать ему;—что другое могли проповѣдывать оди мысли, передъ глазами которыхъ разыгрывался послѣд-ій замыкающій актъ трагедіи, гдѣ гибнулъ цѣлый міръ и зъ-за видимыхъ развалинъ этого міра трудно было раз-иотрѣть будущее, тихо и незамѣтно водворявшееся?—Пе-ередъ этимъ страшнымъ зрѣлищемъ агоніи, исполненной старческаго, безсильнаго разврата, истощенія, гадкой въ своемъ иническомъ раболѣпіи, — философу оставалось скрестить уки на груди и мужественно стать протестомъ, своимъ не частіемъ заклеймить общество, громко обличить его позоръ, когда нѣтъ надежды спасти его, употребить всѣ силы, тобы спасти *нѣсколько лицъ*, оторвать ихъ отъ зараженной реды и пробудить нравственное чувство въ ихъ груди. Стоики обрекли себя на это. Но такое ученіе печально, грюмо, «не жертвуетъ граціямъ»,—оно учитъ умирать, учить ѣною головы подтверждать истину, быть непреклонно твер-ымъ въ несчастіяхъ, побѣждать страданія, пренебрегать на-лажденіями;—все это добродѣтели, но добродѣтели человѣка ъ несчастномъ положеніи; все это слишкомъ мрачно, чтобы ыть нормальнымъ... Римскій духъ, практическій, опредѣлен-ый, рѣзкій и холодный, началъ тогда проникать всюду, на-алъ становиться всемірнымъ, господствующимъ дыханіемъ; а римской почвѣ стоики развились вполнѣ; въ Греціи они ыли болѣе теоретики; здѣсь они отворяли себѣ жилы и ригоговляли въ собственномъ саду костры. Въ нихъ именно реобладалъ римскій элементъ: умы сухо-энергическіе и озло-ленные, груди твердыя, но наболѣвшія, люди практическіе, но чрезвычайно односторонніе и формальные,—правила ихъ росты, чисты, но въ своей абстрактной чистотѣ они, какъ ки-лородъ, не составляютъ здоровой среды дыханія именно потому, то нѣтъ примѣси, которая-бы смягчала рѣзкую чистоту *)».

*) Письмо 4-е.

Не смотря на бѣдность умозрительнаго содержанія, даже на презрѣніе къ наукѣ, взятой отдѣльно отъ жизни, стоики всѣми убѣжденіями и ученіями своими стояли въ рѣзкой противоположности къ политеизму и къ проникнутому его началами государству и оффиціальному обществу. Всякое явленіе изъ жизни этого общества вызывало ихъ упрекъ или насмѣшку. Добродѣтели древняго человѣка были по преимуществу гражданскія: источникомъ ихъ былъ патріотизмъ. Сенека противополагаетъ идеѣ отечества другую, болѣе обширную идею человѣчества. «Я рожденъ не для уголка земли,— говоритъ онъ—:родина моя—міръ». Въ другомъ мѣстѣ: «смѣшонъ человѣкъ съ его рубежами и границами. Житель Даніи не долженъ переступать Истра; Стримонъ служитъ границею Ѳракіи; Эвфратъ отдѣляетъ насъ отъ парѳянъ, Дунай отъ Сарматіи... Дайте муравью умъ человѣка, можетъ быть и онъ раздѣлитъ часть сада на сто провинцій». (Epist., 47). Луканъ поетъ о святой любви ко вселенной (sacer orbis amor). Языческое государство уважало только гражданскую личность. Рабъ долго считался вещью. Сенека признаетъ святость каждой человѣческой личности: homo res sacra... «Каждый человѣкъ благороденъ, потому что происходитъ отъ бога: если въ твоей родословной есть темная ступень, перешагни ее, стань выше. Подымись къ источнику благородства, къ тому, отъ кого мы всѣ произошли: мы всѣ сыны бога». Въ этихъ выраженіяхъ звучитъ предчувствіе христіанства. Кровавыя зрѣлища римскаго цирка возбуждаютъ въ немъ тоже чувство, которое удалило отъ нихъ первыхъ христіанъ. Онъ обращается къ зрителямъ съ горькими словами: «безъ гнѣва, безъ страха, ради забавы, вы предаете смерти человѣка и любуетесь его предсмертною тоскою. Вы скажете мнѣ, что это преступники, что они заслужили смерть. Согласенъ: но какое преступленіе совершили вы сами, за что приговорены быть зрителями казни»? Въ сочиненіяхъ Сенеки высказывается глубокая и неудовлетворенная религіозная потребность, приведшая его, подобно старшему Плинію, къ пантеизму. Противорѣчія, которыя у него такъ часто встрѣчаются, обличая недостатокъ строгой системы и неопредѣленное отношеніе къ прошедшему и будущему, рѣзко характеризируютъ переходное состояніе умовъ. Къ сожалѣнію, Г. Шмидтъ недостаточно воспользовался этими матеріалами, особенно важными для возстановленія нравственной физіономіи эпохи, которую онъ избралъ предметомъ своихъ изслѣдованій.

Но у Сенеки есть другая, нами еще не указанная сторона, которая вполнѣ выражаетъ свое время. Это мрач-

а, до отчаянія доходящая скорбь, которая просится наружу
ь подъ философскихъ сентенцій. Опутанный безвыходными
гиномія̀ми и сомнѣніями, глубоко оскорбленный дѣйстви-
ьностію, которой развращающее вліяніе отразилось на его
ѣственной жизни, онъ смотритъ на смерть, какъ на успо-
ѣніе отъ тревогъ бытія. «Она есть конецъ и разрѣшеніе
алей». Страданіе является у него нормальнымъ состояніемъ
овѣка. «Да утѣшитъ тебя смерть», говоритъ онъ несчаст
ію. «Взгляни на старыхъ ратниковъ. Они тверды подъ
комъ врага, который касается ихъ ранъ и рѣжетъ ихъ
ны... Будь же ратникомъ несчастія. Къ чему жалобы,
ли, приличное женамъ горе! Твои бѣдствія были безплодны,
и ты не научился страдать». Онъ осуждаетъ состраданіе
къ слабое, недостойное мудраго чувство и видитъ въ самой
йствѣ самое вѣрное ручательство свободы, хотя въ дру-
ихъ мѣстѣ осуждаетъ его съ нравственной точки зрѣнія.

Это трагическое воззрѣніе не принадлежитъ исключи-
ельно наставнику Нерона. Плиній старшій, который по
азу мыслей принадлежитъ къ эклектикамъ, самой много-
ленной изъ тогдашнихъ школъ, но нравственною сторо-
о примыкалъ къ стоицизму, думалъ также: «изъ всѣхъ
ществъ самое гордое и жалкое есть человѣкъ. Онъ начи-
тъ бытіе свое слезами, плачемъ... Одна половина его
откой жизни проходитъ во снѣ, изъ другой надобно вы-
очить безсмысленное дѣтство и страдальческую старость.
между тѣмъ эта краткость существованія — лучшій изъ
овъ, полученныхъ нами отъ природы. Но человѣкъ доро-
тъ бытіемъ. Его мучитъ жажда безсмертія. Онъ вѣритъ
свою душу и въ другую жизнь. Онъ покланяется манамъ.
звѣ человѣку не суждено найти покоя? Неужели у него
етъ отнято высшее благо жизни, т. е. смерть, непредви-
нная и скорая... Намъ отказано въ высочайшемъ счастіи
бытія, зачѣмъ-же лишать себя единственнаго возможнаго
ѣшенія, надежды на возвратъ въ ничтожество?...» Онъ ста-
тъ въ недостатокъ богамъ безсмертіе, на которое они
уждены. При господствѣ такихъ мнѣній самоубійство сдѣ-
лось обыкновеннымъ поступкомъ. Къ нему приводило людей
отчаяніе, а тоска, равнодушіе къ жизни—taedium vitae, по
раженію Тацита. Знатный римлянинъ, рѣшаясь на добро-
льную смерть, не скрывалъ своего намѣренія: онъ торже-
венно прощался съ друзьями и семействомъ и отворялъ
ѣ въ ихъ присутствіи жилы. Бесѣда продо[illegible] до
слѣдняго вздоха[illegible]уцій Силъ изложилъ на [illegible]едъ
родомъ *прич* смерти и потомъ

голодомъ. Рѣдко кто противился исполненію такихъ на ній, потому что они были въ духѣ времени. Иногда убійству предшествовало совѣщаніе съ близкими люд пользѣ такого поступка. У Сенеки находимъ примѣръ лія Марцелина. Тѣлесныя страданія заставили его ж смерти. Мнѣнія друзей были раздѣлены; одинъ изъ принадлежавшій къ стоической школѣ, сказалъ боль «зачѣмъ придавать важность этому вопросу? Развѣ т такое великое дѣло? Рабы и животныя также живутъ письмахъ младшаго Плинія много подобныхъ фактовъ, чающихъ страшное положеніе общества, котораго члены легко отрѣшались отъ «сладкой привычки къ бытію». ведемъ разсказъ о смерти Кореллія, замѣчательной во гихъ отношеніяхъ.

«Кореллія привели къ его поступку требованія ра въ которыхъ заключается необходимость мудраго. Впр у него было много побужденій къ жизни: чистѣйшая со громкая слава, высокое положеніе; сверхъ того дочь, внукъ, сестры и, при такихъ залогахъ счастія, исти друзья. Но онъ боролся съ недугомъ столь долгимъ и з что всѣ вычисленныя приманки бытія уступили нак доводамъ смерти. На тридцать третьемъ году отъ ро (слышалъ я отъ него самого) его посѣтила подагра, н дованная отъ отца: подобно другимъ вещамъ, болѣзнь ходитъ по наслѣдству. Въ лѣтахъ мужества онъ побѣ зло воздержаніемъ и строгостію жизни; подъ старость, боли усилились, онъ противопоставилъ имъ душевную дость. Однажды,—это было при Домиціанѣ,—я посѣтил въ загородномъ домѣ. Онъ терпѣлъ несказанныя мук тому что болѣзнь не ограничивалась ногами и перешл другія части тѣла. Рабы вышли изъ комнаты: у него обычай высылать ихъ, когда пріѣзжалъ кто-либо изъ кихъ друзей. Потомъ удалилась жена, впрочемъ спос сохранить всякую тайну.—Знаешь ли, сказалъ онъ мн раясь кругомъ: почему я выношу такія страданія? Хо режить хищника *) хотя однимъ днемъ. Если-бы душ было дано равносильное тѣло, онъ самъ исполнилъ-бы желаніе. Однако какой-то богъ услышалъ его молитву; свободный и спокойный, разорвалъ онъ многочисленн слабыя нити, которыя привязывали его къ жизни... Ч дня онъ воздерживался отъ пищи»...

Изъ словъ Плинія м[illegible] заключить, что Кореллій

*) Т. е. Домиціана.

жался ученія Зенона; изнѣженные послѣдователи Эпикура умѣли умирать съ неменьшимъ равнодушіемъ. На римской почвѣ эпикуреизмъ и стоицизмъ сошлись въ одномъ: въ глубокомъ презрѣніи къ дѣйствительности, въ затаенномъ на днѣ ученія отчаяніи. Вотъ чѣмъ объясняется рѣшительный перевѣсъ этихъ системъ надъ всѣми прочими. Непреклонное, безотрадное исполненіе отвлеченнаго долга и упоеніе оргіи и необузданный разгулъ чувственнаго наслажденія служили равно выходомъ изъ среды, въ которой задыхались лучшіе изъ римлянъ. Подъ женоподобными формами, подъ невольною праздностію молодой аристократіи часто скрывались могучія страсти и глубокія скорби. Въ «Исторіи свободы исповѣданій и мысли» находятся біографическіе очерки стоиковъ Музонія Руфа и Пета Тразеи, циника Димитрія и пиѳагорейца Аполлонія Тіанскаго, характеризирующіе отношеніе ихъ школъ къ обществу. Жаль, что г. Шмидтъ не упомянулъ о представителяхъ эпикуреизма, который числомъ послѣдователей и внутреннимъ значеніемъ далеко превосходилъ тогдашнихъ циниковъ и пиѳагорейцевъ. Ему стоило только перевести двѣ превосходныя главы, въ которыхъ Тацитъ (annal. XVI. 18—20) разсказываетъ судьбу извѣстнаго друга Нерона, Гаія Петронія:

«Петроній посвящалъ день сну, ночь дѣламъ и веселью; изнѣженностію своею онъ пріобрѣлъ славу, которой другіе достигаютъ трудами. Его не считали простымъ развратникомъ или мотомъ, какъ другихъ, расточающихъ свое имѣніе, а художникомъ въ дѣлѣ наслажденія. Чѣмъ вольнѣе были его рѣчи и поступки, чѣмъ менѣе онъ ихъ повидимому обдумывалъ, тѣмъ болѣе они нравились своею простотою. Будучи проконсуломъ въ Виѳиніи и консуломъ, онъ обнаружилъ силу и способность къ дѣламъ. Потомъ онъ снова предался разврату, быть можетъ, наружному. Неронъ принялъ его въ число немногихъ друзей своихъ и призналъ судьею изящнаго (elegantiae arbiter): только одобренное Петроніемъ казалось ему пріятнымъ и могло ему нравиться. Отсюда зависть Тигеллина къ сопернику, превосходившему его въ наукѣ наслажденій. Онъ обратился къ самой сильной изъ наклонностей Нерона—къ его жестокости. Петроній былъ обвиненъ въ дружбѣ съ Сцевиномъ. Подкупленный рабъ явился съ доносомъ; средства къ защитѣ были отняты, большая часть слугъ заключена въ оковы. Въ это время цезарь отправился въ Кампанію: Петроній ѣхалъ съ нимъ до Кумъ, гдѣ его задержали. Онъ не захотѣлъ жить между страхомъ и надеж[illegible]
Впрочемъ, онъ не спѣ[illegible]зстаться съ жизнью, н[illegible]

рѣзалъ себѣ жилы такъ, что могъ по произволу перевязывать ихъ и снова открывать. Съ друзьями бесѣдовалъ шутливо, не заботясь о славѣ, которую могла ему доставить его твердость. Они говорили ему не о безсмертіи души и не объ ученіяхъ мудрецовъ, а читали легкія стихотворенія. Нѣкоторыхъ изъ рабовъ своихъ онъ одарилъ, другихъ велѣлъ наказать. Онъ ѣлъ, спалъ по обыкновенію, и невольную смерть его можно было бы принять за случайную. Даже въ завѣщаніи своемъ онъ не льстилъ (какъ большая часть погибающихъ) ни Нерону, ни Тигеллину и никому другому изъ властителей, но описалъ пороки цезаря и новоизобрѣтенные разнообразные виды разврата, называя по имени опозоренныхъ мужей и женщинъ. Рукопись эту онъ запечаталъ и отправилъ къ Нерону, потомъ сломалъ перстень, на которомъ находилась печать, чтобы никого не ввести въ опасность»...

Въ исторіи греко-римскаго пантеизма можно различить двѣ главныя эпохи развитія—непосредственно-религіозную, и сознательную, научную. Благоговѣйное поклоненіе отдѣльнымъ силамъ и явленіямъ природы, выраженнымъ символами, въ которыхъ поэтическая вѣра народа не отдѣляла содержанія отъ формы, предшествовало признанію природы, какъ всевмѣщающей, всеобъемлющей, единой и нераздѣльной жизни. Произволъ небожителей уступилъ мѣсто вѣчнымъ законамъ естества. Холодное дуновеніе науки обратило прекрасные символы въ простыя аллегоріи. Раціонализмъ былъ послѣднимъ словомъ философскихъ школъ I столѣтія по Р. Х. Только новые пиѳагорейцы пытались подложить падавшему многобожію мистическую основу, оправдать его философіею религіи, составленною подъ явнымъ вліяніемъ Платонова идеализма. Главнымъ поборникомъ этой языческой мистики является въ жизни и ученіяхъ своихъ Аполлоній Тіанскій — загадочное, двусмысленное лицо, съ притязаніями на роль пророка и реформатора. Направленіе такого рода могло найдти сочувствіе только въ самомъ тѣсномъ кругу. Низшимъ классамъ народа былъ непонятенъ таинственный, полупророческій, полуученый языкъ Аполлонія и его приверженцевъ. Рѣзкій раціонализмъ образованныхъ классовъ дѣлалъ для нихъ невозможнымъ всякій возвратъ или примиреніе съ древними вѣрованіями. Онъ опирался не на одни доводы философіи, но на свидѣтельство другихъ наукъ, напр., на историческую критику, приложенную къ религіознымъ миѳамъ. За три столѣтія до Р. Х. грекъ Эвемеръ написалъ «священную исторію». Въ основаніе своего сочиненія онъ положилъ мысль, что греческіе боги были не

то иное, какъ люди, обоготворенные вслѣдствіе своихъ вели-
ихъ дѣлъ, обмана жрецовъ или невѣжества черни. Содер-
аніе миѳовъ и преданій было подвержено строгой и ѣдкой
ритикѣ. Въ подтвержденіе собственныхъ мнѣній Эвемеръ
риводилъ свидѣтельства памятниковъ всякаго рода. Впро-
емъ онъ отрицалъ не существованіе боговъ вообще, а гре-
ескую миѳологію. Книга его, написанная съ большимъ
мѣньемъ и знаніемъ, пріобрѣла огромный успѣхъ. Совре-
енникъ второй Пунической войны, Энній перевелъ ее на
атинскій языкъ и пересадилъ эвемеризмъ на италіанскую
очву. Сѣмя, какъ мы видѣли, принялось хорошо и принесло
лодъ. Большинство, всегда чуждающееся умозрѣній, легко и
хотно приняло выводы, добытые положительнымъ путемъ
сторическаго изслѣдованія, не догадываясь, что историческая
ритика коснулась этихъ вопросовъ и рѣшила ихъ именно
акъ, а не иначе, потому только, что была подъ вліяніемъ
илософіи. Въ первое столѣтіе христіанства римскій поли-
еизмъ уже сталъ на степень исключительно оффиціальной
елигіи. Его поддерживало правительство — изъ разсчетовъ,
ародъ—по привычкѣ, но духовныя потребности человѣка
ерестали находить въ немъ удовлетвореніе. Всѣмъ извѣстно,
акою смѣсью невѣрія и суевѣрій запечатлѣны послѣднія
ѣка язычества, Доказательствомъ общаго равнодушія слу-
атъ опустѣлые храмы. Въ Римѣ ихъ посѣщали высшія со-
ловія изъ приличія, въ провинціяхъ не было и этого. «Паукъ
аткалъ своею сѣтью внутренность храма, дурная трава об-
илась около покинутыхъ боговъ», поетъ Проперцій. Мисти-
еское направленіе новыхъ пиѳагорейцевъ, жестокій фана-
измъ немногочисленныхъ языческихъ піэтистовъ, ихъ воз-
асы противъ современнаго движенія, ихъ доносы правитель-
тву, ихъ гоненіе на философію не опровергаютъ вышеска-
аннаго. Эти явленія рѣзче другихъ обличали ветхость ру-
ившейся религіозной системы, были ея предсмертными судо-
огами. Казни христіанскихъ мучениковъ, свирѣпое участіе,
ь которымъ народъ смотрѣлъ на эти кровавыя зрѣлища,
вели въ заблужденіе многихъ. Но источникомъ такихъ пре-
лѣдованій рѣдко бываетъ фанатизмъ. Правительство нака-
ывало политическое невѣріе, не склонявшее колѣнъ предъ
боготвореннымъ цезаремъ. Одичавшая на скамьяхъ цирка
олпа съ радостію принимала новыя жертвы, брошенныя ей
ь забаву. Она ругалась не надъ ученіемъ, ей непонятнымъ
невѣдомымъ, а надъ нравственностью христіанъ, такъ не-
одной съ античною. По подобной причинѣ, люди, прин
ежавшіе *къ тѣмъ фил* , школамъ, которыхъ сп

съ духомъ и формами древней жизни начался задолг христіанства, явились не только спокойными зрителями см мучениковъ, но ихъ строгими судьями. Неустрашимые те тики, они оробѣли предъ практической задачей общест ной реформы, основанной на началахъ, взятыхъ не изъ на хотя, въ сущности, эти начала не противорѣчили наукѣ. не поняли лучшихъ идей своихъ въ переводѣ на про языкъ нравственно-религіознаго убѣжденія; встрѣтив нежданно на собственномъ пути съ христіанствомъ, боязливо отступили назадъ и стали защитниками пор вещей, надъ разрушеніемъ котораго до тѣхъ поръ труди съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ. Впрочемъ, никто, знак съ исторіей человѣческой мысли, не станетъ винить э стоиковъ, скептиковъ, эпикурейцевъ за ихъ непослѣдова ность. Ихъ призваніемъ была критика, ихъ дѣло было по прошедшее,—не болѣе. Они стояли какъ врачи у одра наго общества, внимательно слѣдили за ходомъ неисц маго недуга, сознавали опасность, не таили ея отъ друг но не рѣшались на послѣднее признаніе, не находили въ смѣлости сказать, что смерть неизбѣжна. Больной имъ слишкомъ близокъ; они съ нимъ родились, выросли; можность его кончины являлась имъ чѣмъ-то чудовищно-ст нымъ. Выраженіе, которое Фридрихъ Шлегель употреб говоря объ исторіи, можно справедливо отнести и къ ф софіи: она есть пророкъ, обращенный къ минувшему. идетъ за исторіею, какъ сознаніе за поступкомъ. Изъ нующейся дѣйствительности она принимаетъ въ себя то идеи совершившихся событій, ихъ духовный отсѣдокъ, Mütter (матери) явленій, о которыхъ Мефистофель гово Фаусту... На рубежѣ между замыкающимся и возникающ періодами историческаго развитія философія становится ликимъ Янусомъ. Но выраженіе этихъ двухъ лицъ неод ково: обращенное вспять, къ былому, спокойно и стр недвижныя черты утратили возможность отражать лет впечатлѣнія бытія: видно, что тревога явленій утихла, разсчетъ съ жизнію конченъ, что она отвѣчала на пре женные ей вопросы. Не такъ смотритъ въ даль ликъ, уст ленный къ будущему: безпокойная мысль бродитъ на ч въ очахъ видно юношеское чаяніе, нетерпѣливыя требов Но это чаяніе не ясно, требованіе неопредѣленно.—Отр настоящее, философія оправдываетъ наступающее время, она не сознаетъ его, и рано или поздно разлагаетъ *такъ-же, какъ* разложила его предшественниковъ.

Не натягивая, подобно г. Шмидту, несуществующихъ

логій, можно понять всю важность эпохи, имъ разбираемой, для объясненія законовъ историческаго развитія вообще. Увлеченный частными сближеніями, нѣмецкій ученый глядѣлъ на свой предметъ не съ этой единственно вѣрной и достойной нынѣшней науки точки зрѣнія. Прогрессивное движеніе человѣчества перестало быть вопросомъ для большинства мыслящихъ людей нашего вѣка, но излучистый ходъ этого движенія, его внѣшняя неправильность вызываютъ со стороны его упрямыхъ отрицателей нѣкоторыя возраженія, не лишенныя правдоподобія. Ихъ теорія опирается преимущественно на двойственномъ характерѣ прогресса, который, если его разсматривать только съ одной стороны, всегда является порчею чего-нибудь существующаго, извѣстнаго, въ пользу еще не существующаго, не вызваннаго къ жизни. Такое постепенное искаженіе формы, осужденной на смерть, можетъ продолжаться долго и быть тѣмъ оскорбительнѣе, чѣмъ прекраснѣе она была въ порѣ своей зрѣлости, чѣмъ непредѣленнѣе выступаютъ наружу очертанія новой, несложившейся формы. Но ссылка на это явленіе, много разъ повторившееся въ судьбѣ цѣлаго человѣчества и каждаго отдѣльнаго историческаго народа, обнаруживаетъ въ защитникахъ теоріи попятнаго движенія односторонность взгляда или, что часто бываетъ, недобросовѣстную, добровольную слѣпоту.

Перемѣна, происшедшая въ семейныхъ отношеніяхъ римскаго гражданина послѣ паденія республики, можетъ служить къ поясненію и оправданію нашихъ мыслей. Древнее семейство существовало не для себя, а для государства и его цѣлей. Отсюда жестокость юридическихъ опредѣленій. Римскій законъ обрекалъ дѣтей на рабство до смерти отца и отдавалъ женщину подъ вѣчную опеку. Изъ-подъ власти родительской она переходила подъ власть мужа. Со смертію отца дѣти становились свободны, но ея положеніе не измѣнялось: законъ не признавалъ ея совершеннолѣнею и назначалъ ей новаго опекуна, въ лицѣ сына или родственника. Ея призваніе было родить и воспитать новыхъ гражданъ, сохранять собственность супруга отъ расхищенія, снять съ него ярмо хозяйственныхъ заботъ, не совмѣстное съ полнымъ служеніемъ отечеству. Уклоненіе отъ однообразнаго долга влекло за собою наказаніе, опредѣленное совѣтомъ родственниковъ, безсловесный разводъ, иногда смерть. Domi mansit, lanam fecit (сидѣла дома, пряла шерсть): въ этихъ словахъ заключалась высшая похвала римской матронѣ. Вторичный [illegible] вмѣнялся ей въ проступокъ. Зато общество награж[illegible]ш-нимъ *почетомъ.* ([illegible]ступала дороги к[illegible]

чаясь съ нимъ на улицѣ; ликторъ, разгонявшій толпу, не смѣлъ коснуться ея длинной одежды; оскорбленіе ея слуха нечистымъ словомъ, взгляда — непристойнымъ движеніемъ, подлежало наказанію. Когда вѣчному городу грозила опасность, сенатъ обращался къ молитвамъ матронъ, которымъ приписывалась особенная сила. Наложенный ими на себя трауръ считался послѣднимъ высшимъ возданіемъ заслугамъ умершаго гражданина. Самая строгость закона свидѣтельствовала о ихъ достоинствѣ: снисходительный къ пороку вольноотпущенницы и иностранки, онъ былъ неумолимъ къ проступкамъ супруги квирита. Женское цѣломудріе было такимъ образомъ поставлено въ числѣ исключительно національныхъ, аристократическихъ добродѣтелей. Но еще задолго до совершеннаго паденія республиканскихъ учрежденій семейный бытъ Рима уступилъ напору идей, разрушительно проникавшихъ въ жизнь. Подъ тройнымъ вліяніемъ ослабѣвшей нравственности, философскихъ ученій и согласныхъ съ этими ученіями юристовъ, положеніе женщины измѣнилось. Она допущена была къ пользованію правами, до тѣхъ поръ представленными одному мужчинѣ, къ наслажденіямъ, прежде ей строго запрещеннымъ. Императоръ Клавдій довершилъ ея освобожденіе снятіемъ вѣчной опеки. Цѣль усилій, благородныхъ по характеру, разумныхъ по мысли, великихъ по результатамъ, была достигнута, потому что они приготовляли будущую супругу и мать христіанскаго семейства. Но какъ выразился этотъ успѣхъ въ нравахъ общества, среди котораго совершился? Отсылаемъ читателей къ 6-й сатирѣ Ювенала, къ разсказамъ Тацита, къ жалобамъ Сенеки, къ циническимъ отрывкамъ Петронія. Односторонніе опредѣленія римскаго семейства понемногу исчезли, но съ ними вмѣстѣ рушилось самое семейство. Mulier multarum nuptiarum заступила мѣсто жены univirae. Пользуясь свободою развода, она переходила отъ одного брака къ другому и означала прошедшіе годы именами не консуловъ, а покинутыхъ ею супруговъ. Скоро ей показался недостаточнымъ такой закономъ допущенный развратъ. Въ позорномъ спискѣ эдиля явились знаменитыя имена римской аристократіи. Небывалыя гостьи удивили своимъ присутствіемъ нечистое населеніе лупанаровъ. При Неронѣ жены сенаторовъ добровольно сходили на арену цирка, и толпа рукоплескала ихъ ловкости, ихъ отвагѣ. У Сенеки (de Ben. 1, 9. 111, 16) сохранился отголосокъ ихъ толковъ, выдержки изъ нравственной теоріи, которую онѣ прил[illegible]къ жизни. Мужъ, требовавшій со*блюденія внѣшних*[illegible], назывался неучемъ, невѣждою,

провинціаломъ. На молодого человѣка, которому не удалось увезти чужую жену прославиться гласною интригою, смотрѣли съ презрѣніемъ. Связь съ однимъ любовникомъ считалась наравнѣ съ бракомъ. Понятно все негодованіе, вся горечь сожалѣній о минувшемъ, какую подобныя явленія возбуждали въ благородныхъ и мыслящихъ современникахъ. У нихъ не было, какъ у насъ, пояснительныхъ историческихъ опытовъ. Поставленные зрителями одного изъ тѣхъ страшныхъ переломовъ, которые мы называемъ переходными эпохами, они могли видѣть только одну, къ нимъ обращенную сторону событія и не поняли его. Освобожденіе женщины изъ-подъ гнета юридическаго семейства, гдѣ ея душевныя требованія не находили никакого признанія, было разумно и необходимо для существованія другаго нравственно-религіознаго семейства; но оно совершилось сначала, какъ отрицаніе и порча прежняго порядка, а не какъ непосредственное возникновеніе новаго.

Философскія системы рѣдко бываютъ предметомъ непосредственнаго изученія для такъ называемой образованной публики. Она неохотно слѣдитъ за діалектическимъ ходомъ чистой мысли и принимаетъ конечные выводы этого развитія чрезъ посредство литературныхъ произведеній, которыхъ чтеніе не требуетъ сильнаго умственнаго напряженія. Г. Шмидтъ посвятилъ цѣлую главу своей книги римской беллетристикѣ, какъ посредницѣ между философіей и общественнымъ сознаніемъ. Но онъ разсматриваетъ только поэтовъ, преимущественно лириковъ и сатириковъ. На историческую литературу, на положительныя науки въ ихъ связи съ господствовавшимъ, матеріальнымъ направленіемъ вѣка онъ не обращаетъ вниманія. А въ этихъ сферахъ быть можетъ звучнѣе, чѣмъ въ поэзіи, отзывалась современность.

Переписка младшаго Плинія съ друзьями преставляетъ живое изображеніе литературнаго быта въ Римѣ, въ исходѣ I-го и въ началѣ II-го вѣка по Р. Х. Стоитъ сравнить этотъ памятникъ съ другимъ однороднымъ, но болѣе древнимъ, съ перепискою Цицерона, чтобы оцѣнить перемѣну, которая произошла въ жизни и въ понятіяхъ римскаго общества въ теченіе полутораста лѣтъ, отдѣляющихъ Траянова друга отъ послѣдняго оратора республики. Письма Цицерона и его современниковъ отличаются особенною простотою: высокая образованность переписывающихся лицъ, ихъ участіе въ вопросахъ науки и искусства очевидны, но не трудно замѣтить, что это люди по преимуществу практическіе. И[illegible]ся обтачивать *фраз*[illegible]о языкъ какъ будто по

волѣ и передаетъ съ изумительною точностью оттѣнки мысли, всегда отчетливой и ясной. Чтеніе этихъ страницъ, набросанныхъ въ короткія минуты досуга людьми, почти не выходившими изъ страшной битвы, въ которой рѣшилась судьба древняго міра, въ высшей степени увлекательно. Здѣсь вся исторія, всѣ страсти великой эпохи.

Въ письмахъ Плинія и его пріятелей мы находимъ совсѣмъ иное содержаніе и иную форму. Видно, что они писаны съ мыслію о будущихъ критикахъ, съ притязаніями на литературное достоинство. Записка въ нѣсколько строкъ, содержащая въ себѣ упреки въ долгомъ молчаніи, или изъявленіе благодарности за присылку дроздовъ, носитъ печать тщательной отдѣлки. За исключеніемъ оффиціальной переписки въ Траяномъ, въ этомъ сборникѣ почти не говорится о политическихъ событіяхъ, зато извѣстія ученыя и взятыя изъ частной жизни многочисленны и любопытны. Они вводятъ читателя въ тотъ кругъ, къ которому принадлежалъ Плиній. Онъ состоялъ изъ лучшихъ членовъ римской аристократіи, въ которыхъ воспитаніе, богатство, досугъ развили потребность умственныхъ наслажденій. Въ теоріи они были большею частію электики, въ жизни—стоики или эпикурейцы, смотря по личному настроенію. Они ставили науку и искусство выше практической дѣятельности, отъ которой впрочемъ не отрекались, но въ сужденіяхъ и трудахъ своихъ ближе подходили къ дилетантамъ, чѣмъ къ настоящимъ ученымъ и художникамъ. Лучшимъ представителемъ этого круга можетъ служить самъ Плиній. Онъ былъ человѣкъ даровитый, многосторонне образованный, благородный, съ горячею любовью къ истинѣ и добру. Въ его дѣятельности есть сторона новая, незнакомая республиканскому періоду, которую можно по праву назвать филантропическою. Онъ заботится о благѣ бѣдныхъ классовъ, заводитъ школы, проповѣдуетъ кроткое обращеніе съ рабами, съ негодованіемъ смотритъ на игры цирка. Траянъ возвелъ его въ высшія государственныя должности; онъ служилъ съ честью и не безъ пользы, но заботился столько-же, если не болѣе, о выправкѣ своихъ сочиненій. Литераторъ не рѣдко бралъ верхъ надъ сановникомъ. При всемъ томъ Плиній очень посредственный писатель, не столько по таланту, сколько по направленію и по бѣдности того содержанія, которое дается самою жизнію. Отсюда происходитъ его заботливость о фразѣ, какъ формѣ, которая должна прикрыть внутреннюю пустоту. Изъ всѣхъ [illegible]узей Плинія одному Тациту дано было такое богатство [illegible]ныхъ силъ, такая глубина гражданской скорби, что [illegible]мъ побѣдителемъ изъ борьбы съ

вліяніемъ среды его окружавшей. Другимъ такая побѣда была невозможна. Но прочтите ихъ письма, ихъ отзывы о своемъ вѣкѣ: васъ поразитъ увѣренность, съ какою они ставятъ его, относительно умственнаго развитія, выше всѣхъ предъидущихъ. Ихъ вводило въ заблужденіе внѣшнее распространеніе просвѣщенія, масса идей, находившихся въ общественномъ оборотѣ, наконецъ количество произведеній, ежедневно поступавшихъ на литературный рынокъ.

У всѣхъ этихъ явленій была другая темная сторона, отъ которой отворачивались оптимисты 1-го столѣтія. Но часто въ ихъ собственномъ кругѣ являлись страшныя лица съ циническою улыбкою на губахъ, съ выраженіемъ ненависти и презрѣнія во взорѣ,—тѣ знаменитые обвинители (delatores), которыхъ краснорѣчіе стоило жизни лучшимъ гражданамъ Рима. Большею частію это были люди знаменитаго рода, съ замѣчательными талантами, знакомые со всѣми направленіями современной науки и жизни. Они совершали свое дѣло всенародно. Въ полномъ присутствіи сената они произносили великолѣпныя обвинительныя рѣчи, которыхъ обыкновенною темою было неуваженіе къ религіи, оскорбленіе нравственности, отсутствіе патріотизма, и потомъ возвращались снова къ привычкамъ образованнаго, аристократическаго общества: бесѣдовали о поэзіи и философіи, посѣщали публичныя чтенія и разыгрывали роль меценатовъ относительно бѣдныхъ писателей.

Перейдемъ къ поэзіи и беллетристикѣ. Посмотримъ, какія религіозныя, нравственныя, гражданскія идеи проводили онѣ въ среду читателей, которые черпали свое образованіе изъ этихъ источниковъ. Мы видѣли упадокъ вѣрованій въ народѣ; но человѣкъ не можетъ обойтись безъ понятій или представленій о какой-нибудь верховной силѣ, о законѣ бытія. Умы положительные находили разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ теоріяхъ Лукреція. Его знаменитая поэма познакомила римскую публику съ философіей природы, съ тѣмъ ученымъ пантеизмомъ, о которомъ мы говорили выше. Успѣшное воздѣлываніе естественныхъ наукъ въ Александріи содѣйствовало этому направленію, которое не безъ основанія казалось уцѣлѣвшимъ ревнителямъ язычества—явнымъ безбожіемъ. Другіе, напримѣръ, Ювеналъ, ставили на мѣсто природы разумъ; но разумъ взятый какъ законъ явленій, а не какъ нѣчто внѣ ихъ существующее. Остальные склоняли главу предъ владычествомъ слѣпого, неизбѣжнаго неразумнаго рока, или просто повторяли слова Горація: nulla mihi religio est (у меня нѣтъ никакой религіи). Религіозный индифферентизмъ римскихъ лю-

риковъ, ихъ равнодушіе къ вопросамъ нравственно-политическимъ, служеніе цѣлямъ исключительно литературнымъ—вызвали справедливый, но строгій приговоръ г. Шмидта, съ которымъ, впрочемъ, едва-ли будутъ согласны филологи. Приводимъ его мнѣніе о Гораціи: «онъ принадлежалъ къ той бездушной и легкомысленной школѣ, которая не хотѣла знать ни боговъ, ни философіи и предавалась одному наслажденію. Поэтому онъ сознается въ своемъ невѣріи, въ равнодушіи къ священнымъ торжествамъ, поэтому онъ считаетъ загробную жизнь баснею и смѣется надъ философами, стоиками и эпикурейцами равно. Жизнь и поэзія его были посвящены чувственному упоенію, любви и вину. Жизнь коротка, лови минутныя наслажденія, избѣгай заботъ и дѣлъ, не думай о завтрашнемъ днѣ,—таковы были начала, на основаніи которыхъ онъ жилъ и писалъ. Онъ ихъ заимствовалъ изъ испорченнаго эпикуреизма, хотя смѣялся надъ нимъ. Общій характеръ его стихотвореній опредѣленъ имъ самимъ: iocos, venerem, convivia, ludum (шутки, любовь, пиры, забавы). Безпримѣрное самолюбіе и бѣдность заставили его льстить наклонностямъ двора; ни одинъ поэтъ не грѣлся съ такою радостію на солнцѣ придворныхъ милостей и не любовался въ такой степени собственною славою, дѣйствіемъ своихъ произведеній»...—Вырывающіяся у него нравоучительныя наставленія, жалобы на упадокъ вѣрованій въ народѣ, похвалы философіи, болѣе въ смыслѣ практической мудрости, не обличаютъ другаго направленія, а только способность увлеченія, отсутствіе твердаго взгляда на жизнь, наконецъ, желаніе угодить Августу, который, какъ извѣстно, по утвержденіи своей власти, много заботился объ исправленіи нравовъ въ Римѣ.

Еще далѣе пошли Тибуллъ и въ особенности Проперцій. Послѣдняго можно назвать поклонникомъ и жрецомъ плоти. У него нѣтъ другого божества, нѣтъ другого служенія. Онъ молитъ для человѣчества только одного: вѣчнаго мира, чтобы оно могло вполнѣ предаться чувственнымъ влеченіямъ и найдти блаженство въ сладострастіи. Умалчиваемъ о тѣхъ (большею частію переведенныхъ съ греческаго) сочиненіяхъ, которыя тайкомъ читались римскими женами и юношами и вводили ихъ во всѣ тайны систематическаго разврата. Не трудно составить себѣ понятіе о томъ обществѣ, къ потребностямъ котораго принаровлена была такая поэзія. Оно гордилось своимъ просвѣщеніемъ, ясностію и вѣрностію своихъ воззрѣній, забавляясь мнимымъ отсутствіемъ предразсудковъ, *и не замѣчало*, что [illegible]чило эти блага утратою тѣхъ

идеаловъ, безъ которыхъ жизнь народовъ и отдѣльныхъ лицъ лишена всякаго достоинства и значенія. Отрекшись во имя философіи отъ боговъ, оно не умѣло сохранить благороднаго уваженія къ покинутымъ поэтическимъ вѣрованіямъ собственной юности, преслѣдовало ихъ циническимъ смѣхомъ и въ то-же время ругалось надъ философіей во имя здраваго смысла, т. е. самаго грубаго матеріализма. Персій вложилъ въ уста старому центуріону исповѣдь большей части своихъ современниковъ: «мнѣ достаточно собственной философіи; я не хочу походить на какого-нибудь Аркезилая или Солона... пускай они обдумываютъ собственныя слова и больныя бредни какого-нибудь изъ древнихъ, вродѣ: ничто не можетъ произойти изъ ничего, ничто не возвращается въ ничто. Стоитъ-ли изъ этого блѣднѣть или отказываться отъ обѣда?»

Не на всѣхъ произведеніяхъ поэзіи 1-го вѣка имперіи лежалъ такой характеръ. Музами римской сатиры были ненависть и иронія. Ея свирѣпый хохотъ странно врѣзывался въ хоръ изнѣженныхъ голосовъ, которые пѣли послѣднія пѣсни древняго міра. Но враждуя съ настоящимъ, римскіе сатирики были причастны ему. Въ наше время никто не дастъ въ руки незрѣлому юношѣ или женщинѣ сатиръ Ювенала, не говоря уже о Марціалѣ или Петроніи, которыхъ насмѣшка надъ порокомъ обличаетъ короткое знакомство съ нимъ. Это не свобода греческаго искусства, чуждаго условныхъ приличій и потому не краснѣвшаго передъ настоящими названіями вещей, а съ любовію набросанныя изображенія сценъ, почти непонятныхъ нашему воображенію. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ Петроній, талантъ первостепенный, не подавленный, но развращенный вліяніемъ нечистой эпохи, которую онъ понималъ можетъ быть глубже и вѣрнѣе, нежели кто-либо изъ тогдашнихъ писателей.

Г. Шмидтъ былъ въ правѣ умолчать о драмѣ. Она перешла въ пьесы съ великолѣпнымъ спектаклемъ и балетъ, особенно любимый публикою, искавшей только поразительныхъ эффектовъ и чувственнаго раздраженія. Машинистъ смѣнилъ поэта, пантомимъ—художника-актера.

Впрочемъ антиноміи тогдашней жизни нигдѣ не выступали такъ ярко наружу, какъ въ системахъ воспитанія. Древняя школа не знала тѣхъ отношеній зависимости отъ государства и церкви, въ какія поставлена новая. Правительство предоставляло дѣло воспитанія частному произволу ро[illegible]съ одной стороны, г[illegible]ковъ и риторовъ съ др[illegible] *нимая всей важ*[illegible]са, оно добровольно [illegible]

отъ всякаго вліянія и надзора за многочисленными заведеніями, изъ которыхъ исходила образованность, разлитая въ обществѣ. Ихъ было три рода: школы грамматикозъ, риторовъ, философовъ. Подъ руководствомъ грамматиковъ дѣти обоего пола получали, за весьма дешевую плату, первоначальное образованіе. Ихъ учили греческому и родному языку. Способъ преподаванія заключался въ чтеніи и объясненіи классическихъ писателей и въ письменныхъ упражненіяхъ, то есть въ составленіи сентенцій, хрій и этологій. Въ школѣ ритора довершалось воспитаніе юноши, назначавшаго себя къ государственной или вообще практической дѣятельности. Преподаваніе философовъ относилось только къ личнымъ потребностямъ высшаго знанія и развитія. Здѣсь являлись учениками не одни молодые люди, а лучшіе представители зрѣлаго поколѣнія.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ равнодушнаго отношенія, въ какомъ правительство стояло къ воспитанію, было отчужденіе послѣдняго не только отъ цѣлей, которыя преслѣдовало государство, но отъ современной жизни вообще. Римскому педагогу предстояла неразрѣшимая задача: онъ долженъ былъ или лицемѣрить предъ своимъ воспитанникомъ, внушая ему уваженіе къ религіознымъ и политическимъ формамъ, которымъ самъ отказывалъ въ признаніи, или, дѣйствуя откровенно, знакомить его съ всестороннимъ отрицаніемъ въ тѣ годы, когда душа неотступно требуетъ положительной истины, вѣрованій и убѣжденій. Исхода не было. Школа, частію сознательно, частію вслѣдствіе внѣшней необходимости, разошлась съ жизнью. Обратившись спиною къ настоящему, грамматики и риторы заботились преимущественно о передачѣ ученикамъ своимъ тѣхъ знаній, о развитіи въ нихъ тѣхъ способностей, которыя были необходимы гражданину временъ республики и почти безполезны подданному цезарей. Сюда особенно принадлежало краснорѣчіе, на которое болѣе всего обращалось вниманіе. Результатомъ была не одна трата времени и силъ, а нѣчто худшее—ложное направленіе, нравственная порча, всегдашній выводъ лжи. Ораторскіе таланты юношей, посѣщавшихъ школы риторовъ, упражнялись надъ темами, взятыми не изъ современности или дѣйствительности вообще, а изъ порядка вещей невозвратно прошедшаго или изъ міра вымышленныхъ отношеній. Ихъ заставляли разбирать небывалые юридическіе случаи на основаніи небывалыхъ законовъ, говорить [redacted]тъ лица Агамемнона, разсуждающаго о томъ, должен[redacted] принести въ жертву Ифигенію, или нѣтъ,—Алекса[redacted]лющагося вступить въ Вавилонъ,—*еще чаще* [redacted]въ смыслѣ героевъ республи-

санской древности. Отецъ Сенеки философа, знаменитый своими успѣхами риторъ Маркъ-Энній Сенека оставилъ намъ два сборника такихъ упраженій (Libri controversiarum и Liber suasoriarum). Въ XI главѣ «Исторіи исповѣданій» собрано много любопытныхъ указаній, къ которымъ отсылаемъ нашихъ читателей. Это одна изъ лучшихъ частей всего сочиненія.

Понятно, какъ долженъ былъ смотрѣть на настоящую жизнь молодой человѣкъ, прошедшій чрезъ школы грамматиковъ и риторовъ. Не приготовленный къ ней соотвѣтственнымъ ея требованіямъ воспитаніемъ, онъ слагалъ на нее вину своихъ неудачъ и рано становился въ густые ряды недовольныхъ и праздныхъ членовъ общества. Исключеніе составляли немногіе, пробившіе себѣ дорогу высшими способностями, практическимъ смысломъ, взявшимъ верхъ надъ вліяніемъ школы, стеченіемъ особенно счастливыхъ обстоятельствъ или смѣлыми пороками. Но эти частные успѣхи, эти изъятія изъ общаго правила искушали массу полуобразованныхъ родителей, смотрѣвшихъ на науку, какъ на самую надежную проводницу къ богатству и почестямъ Истинное, чисто человѣческое значеніе образованности разумѣется не входило въ расчеты такого рода. У Петронія есть страница, живо характеризующая утилитарное направленіе римскихъ отцовъ. Одинъ изъ гостей Трималхіона, узнавъ между прочими собесѣдниками ритора Агаменона, обращается къ нему: «на-дняхъ я какъ-нибудь уговорю тебя пріѣхать къ намъ въ деревню, заглянуть въ нашу хижину, найдемъ, что съѣсть: цыпленка, яицъ. Урожай отъ непогоды неравный, однако голодны не будемъ. У меня подростаетъ тебѣ ученикъ, сынъ мой Цикаро. Онъ уже знаетъ, что стоитъ ассъ *); если живъ будетъ, онъ не отойдетъ отъ тебя. Ужъ теперь, когда свободенъ, не сводитъ глазъ съ письменной доски. Отличныя способности и сердце предоброе, только до птицъ охотникъ. Это его болѣзнь. Я у него задушилъ трехъ щегленковъ и сказалъ, что ихъ ласточка съѣла, а онъ отыскалъ новыхъ, ручныхъ. Къ живописи большая наклонность. Вчерашнимъ греческій языкъ бросилъ, за латинскій принимается не дурно, хотя его учитель очень занятъ собою. Но на мѣстѣ усидѣть не можетъ; придетъ попроситъ у меня книгъ, а работать не хочетъ. Есть у него другой учитель: онъ не ученъ, но усерденъ, учитъ даже тому, чего самъ не знаетъ. Приходитъ по праздникамъ и доволенъ всѣмъ, что ему дашь. Я купилъ мальчику кое-какія юридическія книги, потому что хочу для

*) Ассъ—римская м[illegible]

домашняго употребленія, чтобы онъ немного познакомился съ законами (это дѣло хлѣбное). Литературы онъ набрался довольно. Если заупрямится, я рѣшился отдать его въ обученіе хорошему ремеслу, хоть къ цирюльнику, уличному глашатаю или къ стряпчему. Этого добра не отниметъ у него никто, кромѣ смерти. Я ему толкую ежедневно: сынъ мой, повѣрь, ты учишься для собственной пользы. Посмотри на стряпчаго Филерона: если-бы онъ не учился, пришлось-бы ему зубы на полку положить. Еще очень, очень недавно былъ онъ простымъ носильщикомъ, а теперь не уступаетъ самому Норбану. Наука сокровище; знаніе не уморитъ съ голоду».

Приведемъ другой отрывокъ изъ того-же писателя. Здѣсь высказалъ онъ собственное мнѣніе о состояніи краснорѣчія и воспитанія въ Римѣ.

«Я думаю, что глупость юношей, учащихся въ школахъ, происходитъ оттого, что имъ не приходится ни видѣть, ни слышать того, что дѣлается въ обыкновенной жизни. Имъ являются разбойники, стоящіе на берегу моря, съ готовыми оковами; тираны, издающіе законы, предписывающіе дѣтямъ рубить головы отцовъ; приговоры оракуловъ, требующихъ для прекращенія язвы смерти трехъ или болѣе дѣвъ. Все это облекается въ медовыя, посыпанныя пряностями рѣчи... Высокое, если можно выразиться, цѣломудренное краснорѣчіе не терпитъ румянъ и напыщенности: оно довольствуется естественною красотою. Недавно перешло изъ Азіи въ Аѳины надутое и чрезмѣрное многословіе; какъ гибельное свѣтило, отравило оно своимъ вліяніемъ умы юношей, стремившихся къ великому. Испорченная рѣчь остановилась и умолкла. Кому впослѣдствіи удалось достигнуть верховной славы Ѳукидида или Гиперида? То-же совершилось въ поэзіи. Она утратила блескъ здоровья. Пропитанное ядомъ искусство умираетъ, не доживъ до старости. Таковъ-же конецъ живописи, съ тѣхъ поръ какъ египетская отвага изобрѣла средства къ упрощенію великаго художника». На это отвѣчаетъ риторъ Агамемнонъ: «молодой человѣкъ, такъ какъ слова твои не отзываются общимъ мнѣніемъ, и ты, что нынѣ очень рѣдко, дорожишь здравымъ смысломъ, я сообщу тебѣ тайну искусства. Не вини наставниковъ: они должны уступить общему безумію. Если-бы ихъ преподаваніе не находило одобренія слушающихъ юношей, имъ пришлось-бы, какъ говоритъ Цицеронъ, остаться однимъ въ пустыхъ школахъ. Ловкіе льстецы, гоняясь за обѣдами богатыхъ людей, обдумываютъ прежде всего пріятныя слушателямъ рѣчи: риторъ долженъ дѣйствовать также,— или какъ рыбакъ, который сажаетъ на крючо[illegible]чмую рыбами при-

нку. Иначе онъ просидитъ безъ надежды на скалѣ своей. о-жъ виноватъ? Одни родители, которые не хотятъ дать тямъ воспитанія, основаннаго ни строгихъ началахъ. Они ртвуютъ всѣми надеждами своими честолюбію; спѣша дотигнуть желанной цѣли, они гонятъ на форумъ умы еще не лые, и признавая превосходство краснорѣчія надъ всѣмъ очимъ, требуютъ его отъ мальчиковъ, только что вышедихъ изъ пеленокъ». Замѣчательно, что Петроній вложилъ и слова, обличающія такое полное сознаніе зла, въ уста роевъ своей грязной повѣсти. Сочетаніе ясной теоріи, вѣрго взгляда на жизнь и на искусство съ страшнымъ нравственнымъ развратомъ глубоко характеризируетъ больную оху. Къ этимъ выпискамъ изъ Петронія можно было-бы ибавить жалобы Тацита (de orat. 28, 29) и Квинтиліана . 2.) на упадокъ домашняго воспитанія. Онъ обнаружился одно время съ упадкомъ древняго семейства. Освобожденй матронѣ не было времени смотрѣть за дѣтьми: она сло ла съ себя эту обязанность. Прежде, говоритъ Тацитъ, ти римскихъ гражданъ росли не въ комнатѣ купленной рмилицы, а подъ глазами цѣломудренной матери. Такъ Корнія воспитывала гракховъ, Ація—Августа. Въ наше время бенка поручаютъ греческой рабынѣ и одному или двумъ бамъ мужскаго пола. Нелѣпые разсказы этихъ наставниъ составляютъ первую пищу юныхъ умовъ.

Императоръ Веспасіанъ первый понялъ связь между шкою и государствомъ и назначилъ жалованье учителямъ. имъ онъ улучшилъ ихъ положеніе, но не излѣчилъ главго недуга. Отнявъ у науки независимость, которою она до го пользовалась, онъ не могъ дать преподаванію ни новаго держанія, ни новой методы.

Мы подробно разсмотрѣли замѣчательную книгу г. Шмидта. достоинства неоспоримы; но кромѣ указанныхъ недостатъ есть одинъ, налагающій на все сочиненіе печать однооронняго, не полнаго воззрѣнія. Слово христіанство нахоится въ заглавіи книги, но авторъ не показалъ, въ какое ношеніе стала истина Евангелія къ разлагавшейся язычей жизни. Въ исторіи послѣднее, обличительное слово умирающаго порядка вещей выговаривается не имъ самимъ, а новымъ, замѣняющимъ его порядкомъ. Чтобы понять римское ѣщество временъ имперіи, надобно поставить его лицомъ къ щу съ христіанствомъ, надобно заставить его повторить орбный вопросъ Пилата Спасителю: что есть истина?

Реформа въ Англіи.

Histoire de Henri VIII et du schisme d'Angleterre, par Audin. Paris 1847. 2 vols. Исторія Генриха VIII и отпаденіе Англіи отъ римскаго католицизма соч. г. Одена. Парижъ 1847. Два тома).

Статья первая.

Несмотря на блестящіе успѣхи, совершенные въ теченіе нашего столѣтія историческими науками, никогда, быть можетъ, практическая польза изученія исторіи не подвергалась такимъ сомнѣніямъ, какъ въ настоящее время. Вызванный педантскими притязаніями Іоанна Мюллера и его школы парадоксъ Гегеля, сказавшаго, что исторія никогда никого ничему не научила, нашелъ большое сочувствіе, особливо въ той части публики, которая радуется всякому оправданію своей умственной лѣни. Авторитетъ великаго мыслителя снялъ съ нея окончательно обязанность тратить время на изученіе безплодной въ приложеніи науки. Съ другой стороны, быстрая смѣна событій, число явленій, такъ нежданно и рѣзко измѣнившихъ характеръ европейскихъ обществъ, ввели въ раздумье много мыслящихъ и положительныхъ людей. Неразрѣшимою и грозною задачею сталъ предъ ними вопросъ о связи прошедшаго съ настоящимъ въ эпоху ожесточенныхъ нападокъ на историческое преданіе. Исполненные довѣрія къ опытамъ собственной жизни, они усомнились въ возможности извлечь пользу изъ вѣковыхъ опытовъ цѣлаго человѣчества. Э. Жирарденъ сказалъ прямо, что теперь хорошо устроенная фабрика можетъ быть поучительнѣе для народа, чѣмъ вся его исторія. И этотъ грубый до цинизма, обличающій рѣдкую ограниченность пониманія и чувства отзывъ, былъ, однако, многими принятъ съ одобреніемъ! А между тѣмъ весьма немногія событія отмѣчены характеромъ совершенно новыхъ, небывалыхъ явленій; [illegible]шей части существуютъ поучительныя историческ[illegible] Въ способности схватывать

налогіи, не останавливаясь на одномъ формальномъ сход-
въ умѣньи узнавать подъ измѣнчивою оболочкою те-
къ происшествій сглаженныя черты прошедшаго, заклю-
ı, по нашему мнѣнію, высшій признакъ живого истори-
го чувства, которое, въ свою очередь, есть высшій плодъ
.
вно-ли успѣхи католицизма въ Англіи, пюзеизмъ и одно-
я движенія обращали на себя напряженное вниманіе не
о приверженцевъ англійской государственной церкви, но
протестантовъ вообще? Нѣмецкіе богословы усердно
али ученыя пособія въ пользу своимъ англиканскимъ
амъ. Надобно было общими силами отстаивать дѣло
маціи противъ стараго врага, врасплохъ на него нагря-
го. Въ Римѣ проснулись надежды, дремавшія съ паденія
товъ. Теперь успокоились опасенія и охладѣли надежды.
ымъ результатомъ католическаго движенія осталась бо-
литература историческихъ и богословскихъ сочиненій,
анныхъ съ явною полемическою цѣлію. На читателя,
маго съ англійскою стариною, отъ этихъ книгъ и бро-
напечатанныхъ немного лѣтъ тому назадъ, по поводу
ненаго вопроса, вѣетъ чѣмъ-то ветхимъ, давно слышан-
Это старый споръ, рѣшенный въ 1688 году англійскимъ
омъ. Мы уже слышали эти рѣчи въ XVII столѣтіи, но
онѣ раздавались громче, въ нихъ звучало болѣе силы
ѣе вѣры; тогда онѣ сманили въ изгнаніе цѣлый цар-
ый родъ. Подогрѣтое, нерѣшительное ученіе пюзеистовъ
состояніи побудить къ великимъ жертвамъ и дѣламъ.
инутный успѣхъ объясняется только двойственнымъ
гeромъ англійской церкви, страннаго полу-готическаго,
ювaго зданія. Своенравный зодчій не позаботился о
твѣ своего зданія. Зато католицизмъ, какъ привидѣніе,
гъ въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ храма, нѣкогда ему одному
ценнаго.
я ученая дѣятельность аббата Одена, писателя, уже
ѣтшаго довольно большую извѣстность, носитъ на
отпечатокъ движеній, о которыхъ мы сейчасъ говорили.
очевидно вызвана свѣжими надеждами католической
ı, не унывающей послѣ трехвѣковыхъ неудачъ. «Исто-
Генриха VIII» замыкается рядъ монографій, посвящен-
г. Оденомъ эпохѣ реформаціи. Направленіе автора изо изъ изданныхъ имъ жизнеописаній папы Льва X, а и Кальвина. Его послѣднее сочиненіе напис[illegible] же духѣ, съ [illegible] показать, что главной в[illegible] *го перевор* [illegible]нгліи была страсть, ко

держивали запуганные сановники и раболѣпный парлам
Великое событіе вставлено въ раму мелкой, безнравств
интриги. Мысль, какъ увидимъ, невѣрная и не новая. Во
французскій историкъ Генриха VIII не отличается сам
тельностію своихъ воззрѣній или частныхъ изслѣдо
При неоспоримой начитанности, онъ охотно беретъ го
у своихъ предшественниковъ, смотрѣвшихъ на предме
той-же или сходной точки зрѣнія. Его многочисл
ссылки на протестанскихъ писателей могутъ показать
казательствомъ свободнаго отъ всякихъ предубѣжденій
ченія источниковъ, но не трудно замѣтить, что эти с
составляютъ только внѣшнюю обстановку сочиненія, и
постоянными руководитителями г. Одена были пристра
заступники папизма: кардиналъ Поль, Сандерсъ, Линга
другіе. Онъ стоитъ на ихъ плечахъ. За нимъ остается
достоинство полноты. Его книга, богатая подробно
популярно написанная, есть самый подробный обвините
актъ противъ начинателей англійской церковной реф
Она не можетъ пройти незамѣченной, не обнаружить
нія. Прибавимъ, что вмѣсто предисловія напечатано
ненное похвалъ сочинителю письмо аббата Сибура, о
изъ самыхъ значительныхъ членовъ высшаго француз
духовенства, того самаго, который занялъ мѣсто павша
іюньскихъ баррикадахъ парижскаго архіепископа.

Изъ трехъ юношей, которые въ первомъ двадцать
XVI вѣка вступили на главные престолы Западной Е
Генриху VIII предстояла, по всѣмъ вѣроятностямъ,
блестящая будущность. Ему было только восемнадцать
когда, при радостныхъ надеждахъ цѣлой Англіи, начал
свое царствованіе. Великая эпоха, ознаменованная ит
скими войнами, возрожденіемъ наукъ и реформаціею, п
вала къ великимъ подвигамъ. У молодого, славолюбива
роля были всѣ условія удачи: умъ, образованность, смѣ
Во внѣшнихъ средствахъ не было недостатка. Генри
завѣщалъ сыну крѣпкое, покорное государство и бо
казну, о которой ходили самые преувеличенные слухи.

Есть какое-то, можно сказать, семейное сходство
государями западной Европы, стоящими на рубежѣ сре
и новаго времени. При всемъ различіи личныхъ даров
свойствъ, въ Людовикѣ XI, Фердинандѣ Католикѣ, Ге
VII, современныхъ имъ итальянскихъ князьяхъ, нель
узнать дѣтей одной могучей и оригинальной эпох
всѣхъ этихъ лицахъ есть общая черта холодной иронія
за которой проглядыв ренняя тревога, безпок

кажда дѣятельности. У всѣхъ ихъ было одинаковое невы-
одное расположеніе къ феодальному обществу и нетерпѣли-
ое желаніе замѣнить его другимъ, еще не ясно сознаннымъ
орядкомъ вещей. Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Со-
ременника» мы будемъ имѣть случай развить эту мысль по-
робнѣе по поводу Лудовика XI, котораго пора перестать
читать за эксцентрическое, въ отдѣльности отъ другихъ
тоящее лицо. Мы увидимъ, что даже въ мелкихъ особен-
остяхъ своихъ Людовикъ XI былъ самымъ полнымъ типиче-
кимъ представителемъ переходной эпохи XV вѣка. Доказа-
ельствомъ служитъ примѣръ Генриха VII. На англійскій
рестолъ возвела его Босвортская побѣда, которую онъ
держалъ надъ Ричардомъ III. Трудно было удержаться на
аткомъ тронѣ, за который шла кровавая распря двухъ
озъ. Со всѣхъ сторонъ подымались новыя притязанія, для
оторыхъ существовали ручательства успѣха въ воинствен-
ыхъ, безпокойныхъ наклонностяхъ поколѣнія, выросшаго и
озмужавшаго среди междоусобій. Одичалый въ этухъ сму-
ахъ народъ привыкъ къ насильственнымъ смѣнамъ властей
повиновался имъ только до первой неудачи. Но Генрихъ
мѣлъ воспользоваться благопріятнымъ для утвержденія проч-
аго правительства условіемъ, какое онъ нашелъ при вступ-
еніи на престолъ: общею усталостію, требованіемъ порядка
покоя, всегдашнимъ слѣдствіемъ долгихъ гражданскихъ
ревогъ. Удовлетворяя этому требованію, онъ могъ останав-
ивать и измѣнять дѣйствіе учрежденій, развившихся въ
ользу всѣхъ сословій англійскаго народа изъ хартіи, вы-
ужденной мятежными баронами у Іоанна Безземельнаго.
ъ 1485 года парламентъ собирается рѣдко, бо́льшею частію
олько для выслушанія и утвержденія своимъ согласіемъ мо-
аршей воли. Суды присяжныхъ утратили свою независи-
ость, право собственности—свою неприкосновенность. Де-
ежныя нужды часто ставили предшественниковъ Генриха
ъ самое затруднительное отношеніе къ нижней камерѣ, со-
тавленной изъ представителей городовъ и графствъ, т. е.
ѣхъ классовъ, которые несли всю тягость тогдашнихъ на-
оговъ. Генрихъ избѣгалъ этихъ опасныхъ столкновеній.
Онъ замѣнялъ сколько могъ обыкновенные подати и налоги
акъ называемыми добровольными приношеніями поддан-
ыхъ и доходами съ конфискованныхъ или обложенныхъ
удебными пенями имѣній. Для этого нарочно были разо-
сланы во всѣ области Англіи преданные правительству
юристы. На основаніи давно вышедшихъ изъ употре[illegible]
или *произвольно ими* [illegible]ванныхъ законовъ, он

мали безчисленные иски отъ казны противъ частныхъ лицъ. Обвиненіе въ государственной измѣнѣ стало простою финансовою мѣрою, которой исполненіе было ввѣрено Звѣздной Камерѣ. Противъ ея напередъ готовыхъ приговоровъ не могли служить ни невинность, ни высокое положеніе, ни даже несомнѣнныя заслуги подсудимаго. Сэръ Вильямъ Стенли, спаситель короля при Босвортѣ, умеръ на эшафотѣ. Его главная вина состояла, по мнѣнію современниковъ, въ огромномъ богатствѣ. Впрочемъ, въ бо́льшей части случаевъ, можно было откупиться отъ наказанія. Аббатъ Оденъ заимствовалъ у англійскихъ историковъ любопытныя свидѣтельства этой торговли правосудіемъ. Приведемъ нѣсколько образцовъ.

Эмсонъ (онъ и Додли были главными агентами въ подобныхъ дѣлахъ) доноситъ, что Н. заплатилъ пять марокъ за обѣщанное ему помилованіе, съ условіемъ, однако, что деньги эти будутъ ему возвращены въ случаѣ отказа. Вмѣсто денегъ велѣно было отдать что-нибудь другое, въ ту-же цѣну. Нѣкто Каррель, обвиненный вмѣстѣ съ сыномъ своимъ въ преступленіи намъ неизвѣстномъ, сознался въ справедливости обвиненія и предложилъ 1000 фунтовъ за прощеніе. На это согласились, даже съ разсрочкой въ платежѣ условленной суммы. Каррель внесъ 100 фунтовъ немедленно, а въ остальныхъ 900 далъ расписку. Заключенный въ темницѣ графъ Дерби просилъ о пощадѣ. Помилованіе дано ему за 6000 фунтовъ. Подобныхъ актовъ хранится много въ англійскихъ архивахъ.

Побѣдитель Ричарда не уступалъ послѣднему въ суровости, но не любилъ безполезнаго кровопролитія. Онъ на смертномъ одрѣ завѣщалъ преемнику казнь Суффолька, но побѣдивъ самозванца Симнела, онъ обманулъ ожиданія лондонскихъ зрителей, привыкшихъ къ кровавымъ зрѣлищамъ. Вмѣсто ведомаго на казнь преступника, они увидѣли въ свитѣ возвратившагося послѣ побѣды надъ Симнелемъ короля—новаго поваренка. Генрихъ опредѣлилъ въ эту должность молодаго противника, впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ грозившаго опасностію его престолу и жизни. Несмотря на удачу всѣхъ своихъ военныхъ предпріятій, на свое рѣшительное мужество, Генрихъ не искусился приманкою бранной славы и заботливо уклонялся отъ войны. Его холодному, расчетливому уму были равно противны духъ и формы рыцарства, вообще вся [illegible]ческая сторона средневѣковой жизни. Онъ правилъ [illegible] какъ осторожный хозяинъ, *преслѣдуя* одни прак[illegible]но опредѣленныя цѣли, не-

висимо отъ теоретической важности совершаемаго имъ
ла, т. е. сокрушенія феодальнаго государства. Онъ не
ѣлъ любви народа и былъ нелюбимъ, хотя низшимъ клас-
мъ было при немъ лучше, нежели при его блестящихъ
редшественникахъ. Зато ему удалось то, чего не могли
ѣлать ни Генрихъ V, ни Эдуардъ VI, ни одаренный див-
ными силами ума и воли Ричардъ III; онъ утвердилъ на
ѣстолѣ свою династію и упрочилъ за Тюдорами одинъ изъ
лыхъ славныхъ вѣковъ англійской исторіи.

Нерасположеніе народа къ отцу обратилось въ пользу
на. Оно составляло часть, быть можетъ не самую мало-
жную, оставленнаго наслѣдства. Old merry England съ лю-
вію встрѣтила прекраснаго юношу, сравнивая его съ суро-
мъ покойникомъ, который въ теченіи 24 лѣтъ отучалъ ее
ъ привычекъ прежней привольной жизни. Въ самомъ дѣлѣ,
рирода богато надѣлила Генриха VIII всѣми качествами,
торыхъ отсутствіе было такъ поразительно въ его отцѣ, и
торыя между тѣмъ болѣе всего бросаются въ глаза и дѣй-
вуютъ на воображеніе. Новый король представлялъ совер-
енный типъ англо-саксонской красоты. Онъ былъ ловокъ
всѣхъ рыцарскихъ упражненіяхъ, привѣтливъ и щедръ до
сточительности. Черезъ десять лѣтъ послѣ вступленія его
престолъ, Джюстиніани, посолъ венеціанской республики
Лондонѣ, доносилъ своему правительству: «его величеству
перь двадцать девять лѣтъ. Прекраснѣе наружности не
огла создать природа. Онъ красивѣе всѣхъ христіанскихъ
сударей нашего времени, гораздо красивѣе французскаго
роля (Франца I). Тѣло его отличается необыкновенною
лизною, всѣ члены—совершенною правильностію и сораз-
рностію. Онъ отличный музыкантъ и компонистъ, превос-
дный ѣздокъ и борецъ; сверхъ того, онъ обладаетъ осно-
тельнымъ знаніемъ языковъ латинскаго, французскаго и
панскаго. Онъ страстно любитъ охоту и всякій разъ заго-
етъ до усталости 8 или 10 лошадей. Игра въ мячъ также
ставляетъ ему большое удовольствіе. Нельзя себѣ предста-
ть ничего прекраснѣе англійскаго короля, когда онъ,
росивъ верхнее платье, предается этой игрѣ. Доступъ къ
му нетруденъ; вообще онъ ласковъ и не оскорбляетъ ни-
го. Часто говоритъ онъ мнѣ: «я-бы желалъ, чтобы всѣ
ли довольны своимъ положеніемъ такъ, какъ мы довольны
шими островами». Извѣстно, какое вліяніе имѣли на мнѣ-
я XVI вѣка гуманисты, представители новой науки, ос[illegible]
анной на изученіи классической древности. Они соста[illegible]
ртію, шедшую во [illegible]ственнаго движенія эп

сильную не только превосходствомъ знаній или талантовъ, но сверхъ того числомъ и общественнымъ значеніемъ ея членовъ. Въ рядахъ этой дружины стояли простыми ратниками лучшіе люди Западной Европы. Генрихъ VIII былъ воспитанъ въ ихъ идеяхъ, подъ ихъ надзоромъ. На одиннадцатомъ году отъ рожденія онъ уже переписывался съ главою гуманистовъ, Эразмомъ, и жадно читалъ его сочиненія. Нетрудно себѣ представить, съ какими надеждами они ждали его царствованія. Тотчасъ по смерти Генриха VII, лордъ Монтжой, ученикъ и покровитель Эразма, написалъ къ своему учителю: «я увѣренъ, что вѣсть о вступленіи на престолъ нашего Генриха VIII, или, лучше сказать, Октавія (игра словъ: Octavus seu potius Octavius), разгонитъ всѣ твои заботы. О, мой Эразмъ, если бы ты былъ свидѣтелемъ радости, которою всѣ здѣсь исполнены, общаго восторга и общихъ желаній долгой жизни королю, ты, конечно, не могъ бы удержать сладкихъ слезъ! Кажется, само небо улыбается, земля радостно трепещетъ... Нашъ король не ищетъ ни золота, ни драгоцѣнныхъ камней, ни металловъ; онъ жаждетъ только вѣчной славы и доблестныхъ дѣлъ». Эразмъ немедленно прибылъ въ Англію, былъ принятъ съ великими почестями, и въ письмахъ своихъ къ нѣмецкимъ и италіанскимъ друзьямъ осыпаетъ похвалами молодого монарха, какъ знатока и благоразумнаго покровителя науки. Десять лѣтъ спустя, переселившись въ Нидерланды, онъ еще поздравлялъ юношей съ наступленіемъ золотого вѣка въ Англіи. Отношенія Генриха къ гуманистамъ, вліяніе этихъ отношеній на него лично и на исторію англійской церковной реформы вообще не были до сихъ поръ надлежащимъ образомъ оцѣнены. Въ книгѣ г. Одена есть нѣсколько страницъ объ англійскихъ гуманистахъ, но его сужденія о нихъ поверхностны и вовсе не опредѣляютъ ихъ значенія, хотя одна переписка Эразма могла бы доставить ему содержаніе превосходной главы о литературной и ученой жизни въ Англіи въ первой половинѣ Генрихова правленія. Кромѣ Эразма, въ этой жизни принимали особенно значительное участіе архіепископъ кентерберійскій Варгамъ, епископы Фишеръ, Фоксъ, Стоксли, Тонсталь, лордъ Монтжой, Пэсъ, Скельтонъ—учитель короля, врачъ Линакръ, Колетъ—основатель знаменитой школы при храмѣ св. Павла, и авторъ «Утопіи», будущій канцлеръ Моръ. Всѣ они были не только глубоко ученые, но образованные, остроумные люди, которымъ происхожденіе или личные достоинства открыли доступъ ко двору. Генрихъ часто и охотно вмѣшивался въ бесѣды этого блестящаго круга и горячо принималъ къ сердцу

его интересы. Когда въ англійскихъ университетахъ началась распря между *греками*, т. е. поклонниками философіи и древнихъ, и *троянами*, защитниками схоластики, возводившими на своихъ противниковъ обвиненіе въ ереси, Генрихъ сталъ крѣпко за первыхъ и поддержалъ ихъ своею властію. Гуманисты воспользовались его покровительствомъ. Не только въ своихъ сочиненіяхъ и лекціяхъ, но съ церковной каѳедры осыпали они неумѣстными, хотя заслуженными насмѣшками невѣжественныхъ троянъ. Въ перепискѣ Эразма очень забавно разсказаны нѣкоторые эпизоды этой войны, въ которой онъ игралъ главную роль. Непримиримый врагъ Генриха, кардиналъ Поль, котораго пристрастныя, озлобленныя сочиненія служили главнымъ источникомъ позднѣйшимъ порицателямъ англійской церковной реформы и ея виновниковъ, отзывается о первой порѣ Генрихова царствованія слѣдующимъ образомъ: «тогда онъ жилъ не для своего, а для общаго счастія. Какихъ надеждъ не подавали высокія добродѣтели, ярко въ немъ блиставшія—благочестіе, справедливость, кротость, щедрость и благоразуміе! Ко всему этому природа присоединила какую-то простодушную скромность, бывшую великимъ украшеніемъ его тогдашняго возраста и залогомъ его достоинства и счастія въ будущемъ». Замѣтимъ, что эта прекрасная пора продолжалась около двадцати лѣтъ.

Откуда-же произошла рѣзкая перемѣна? Что измѣнило великодушнаго, изящнаго монарха, на котораго, по выраженію врага, кардинала Поля, съ любовью и надеждой обращены были взоры не однихъ подданныхъ, а всѣхъ образованныхъ и благородныхъ людей Европы, въ суроваго и недовѣрчиваго правителя, какимъ мы его видимъ послѣ дѣла о разводѣ съ Екатериною Аррагонскою?

Историки XVIII столѣтія любили объяснять великія событія мелкими причинами. Въ такихъ сближеніяхъ высказывалось не одно остроуміе писателей, но задушевная мысль вѣка, не вѣрившаго въ органическую жизнь человѣчества, подчинявшаго его судьбу своенравному вліянію личной воли и личныхъ страстей. Исходя изъ этого начала, не трудно было придти къ убѣжденію, что въ исторіи, преданной господству случая, нѣтъ ничего несбыточнаго, что для цѣлыхъ народовъ возможны salti mortali—скачки изъ одного порядка вещей въ другой, отдѣленный отъ него длиннымъ рядомъ ступеней развитія. Наше время перестало вѣрить въ безсмысленное владычество случая. Новая наука, философія исторіи, поставила на его мѣсто законъ или, лучше сказать, необходимость. Вмѣстѣ съ *случаемъ утратила* бо́льшую часть своего значенія

въ исторіи отдѣльная личность. Наука предоставила ей тол
честь или позоръ быть орудіемъ стоящихъ на очереди
исполненію историческихъ идей. Разсматриваемыя съ э
точки зрѣнія событія получили иной, болѣе строгій и в
чавый характеръ: они явились не результатомъ человѣчес
произвола, а неизбѣжнымъ, роковымъ выводомъ прошедш
началомъ, напередъ опредѣляющимъ будущее... Мы не
немъ отрицать достоинствъ новаго воззрѣнія, конечно, бо
разумнаго, чѣмъ предшествовавшее ему, но не можемъ
замѣтить, что оно такъ-же сухо и односторонне. Жизнь
ловѣчества подчинена тѣмъ-же законамъ, какимъ подчин
жизнь всей природы, но законъ неодинаково осуществляе
въ этихъ двухъ сферахъ. Явленія природы совершаются
раздо однообразнѣе и правильнѣе, чѣмъ явленія исторіи.
стеніе цвѣтетъ и даетъ плодъ въ данную, намъ заранѣе
вѣстную пору, животное не можетъ ни растянуть, ни сок
тить возрастовъ своей жизни. Такого правильнаго, опре
леннаго развитія нѣтъ въ исторіи. Ей данъ законъ, котор
исполненіе неизбѣжно, но срокъ исполненія не сказанъ—
сять лѣтъ или десять вѣковъ, все равно. Законъ стоитъ к
цѣль, къ которой неудержимо идетъ человѣчество; но
нѣтъ дѣла до того, какою дорогою оно идетъ, и много
потратитъ времени на пути. Здѣсь-то вступаетъ во всѣ пр
свои отдѣльная личность. Здѣсь лицо выступаетъ не к
орудіе, а самостоятельно, поборникомъ или противник
историческаго закона, и принимаетъ на себя, по праву, отв
ственность за цѣлые ряды имъ вызванныхъ или задерж
ныхъ событій. Вотъ почему его характеръ, страсти, и
тренее развитіе, становится для мыслящаго историка важн
и глубоко занимательнымъ предметомъ изученія. Къ со
лѣнію, историки нашего времени слишкомъ мало обраща
вниманія на психологическій элементъ въ своей наукѣ. Скол
намъ извѣстно, одинъ только Макинтошъ заглянулъ глуб
въ душу Генриха VIII и вѣрно обозначилъ главную прич
его поступковъ послѣ несчастнаго развода.

Судьба долго благопріятствовала Генриху. Обществен
мнѣніе вмѣняло ему въ готовую заслугу надежды, кото
на него возлагались, и стеченіе благопріятныхъ ему обс
тельствъ. Въ самомъ дѣлѣ, при тогдашнемъ положеніи Евр
Англія должна была, независимо отъ личныхъ свойствъ св
короля, играть блестящую роль державы, отъ вмѣшатель
которой зависѣло рѣшеніе великой борьбы между Фран
и Австрійскимъ домомъ. Обѣ стороны домогались союза
нею и не скупились на лесть Генриху, на подарки и обѣ

го любимцамъ. Разсказъ объ участіи Англіи въ италіан-
ь войнахъ занимаетъ у г. Одена значительную часть
іго тома, но рѣшительно ничего не прибавляетъ къ суммѣ
хъ историческихъ свѣдѣ. ій. Авторъ даже не вполнѣ вос-
ювался всѣми извѣстными сочиненіями теперешнихъ нѣ-
ихъ ученыхъ о первой половинѣ XVI вѣка. Несмотря на
исключительныя занятія эпохою реформаціи, онъ произ-
гъ странные приговоры надъ людьми и событіями того
ени. Онъ называетъ, напримѣръ, императора Максими-
самымъ могущественнымъ и искуснымъ изъ преемни-
Карла Великаго. Достаточно поверхностнаго знанія нѣ-
ой исторіи, чтобы оцѣнить всю невѣрность этихъ эпи-
ъ. Максимиліанъ былъ, безспорно, чрезвычайно даро-
й, но безпокойный, нерѣдко легкомысленный государь.
безчисленнаго множества своихъ большею частью не-
очныхъ, фантастическихъ замысловъ ему удалось осуще-
ь весьма немногіе. Обыкновенною причиною его неудачъ
сверхъ опрометчивости, крайняя бѣдность въ средствахъ
го рода. Вспомнимъ жалкія развязки его походовъ въ
ю, его намѣреніе искать папскаго престола и т. д.
513 году онъ великолѣпными обѣщаніями убѣдилъ Ген-
VIII сдѣлать высадку въ сѣверной Франціи и привелъ
въ помощь нѣсколько сотенъ всадниковъ. Во все про-
еніе этой кампаніи онъ, въ буквальномъ смыслѣ слова,
вовалъ на счетъ своего союзника. У него не было ни
ъ, ни войскъ. Средства къ войнѣ давалъ ему Генрихъ,
завшій въ это время много рыцарской отваги. Но гораздо
ѣе дѣйствій Генриха во Франціи была выигранная въ его
ствіе графомъ Соррей битва при Флоденѣ, въ которой
ъ цвѣтъ шотландскаго дворянства и самъ король Іаковъ IV.
есть этихъ успѣховъ досталась молодому королю, отвѣт-
ность за неудачи пала на его министровъ и совѣтни-
особенно на Вольсея. Кардинальская шляпа, кажется,
а отъ г. Одена значительную часть пороковъ этого вре-
ика, торговавшаго силами Англіи и своимъ вліяніемъ на
я. Вольсей не былъ государственный человѣкъ въ на-
цемъ значеніи этого слова. Гибкость характера и смѣт-
й умъ, умѣвшій рано разгадать Генриховы слабости и къ
приноровиться, были главными причинами его быстраго
шенія. Но, не довольствуясь блестящимъ положеніемъ, ко-
заставляло такихъ государей, какъ Карлъ V и Фран-
ь I, искать его благосклонности, сынъ ипсвичскаго мяс-
не таилъ св[illegible]идовъ на папскую тіар[illegible]
нялъ онъ государства, кото[illegible]

Англія была постоянно на сторонѣ того, кто могъ ра
гать наибольшимъ числомъ голосовъ въ конклавѣ. А
тѣмъ Генрихъ покровительствовалъ наукѣ, болѣе и
предавался своей страсти къ наслажденіямъ всякаго р
простодушно считалъ себя рѣшителемъ судебъ Европы,
динала Вольсея—покорнымъ исполнителемъ своей воли
добно, впрочемъ, отдать справедливость искусству, съ к
кардиналъ поддерживалъ эти самолюбивыя мечты и
валъ средства къ ихъ удовлетворенію. Когда къ пол
скимъ смутамъ тогдашней Европы присоединился религ
вопросъ реформаціи, и на смѣлое слово Лютера отовсю
дались отголоски, Генрихъ VIII. по совѣту Вольсея,
также свое мнѣніе, не какъ монархъ, а какъ ученый
словъ. Поводомъ было извѣстное сочиненіе Лютера о
лонскомъ плѣненіи». Генрихъ, который при жизни своего
шаго брата готовился занять мѣсто примаса Англіи, к
берійскаго архіепископа, занимался въ раннѣй молодос
гословіемъ и прилежно изучалъ сочиненія Ѳомы Аквин
на котораго, какъ на верховный авторитетъ, опирали
ступники западной церкви и средневѣковой науки.
отзывы нѣмецкаго реформатора объ этомъ писателѣ
били его царственнаго ученика. Генрихъ ожидалъ
успѣха. Онъ думалъ, что ему, посреднику между сильнѣ
державами Европы, не трудно рѣшить споръ между па
Лютеромъ. Въ 1521 году онъ отправилъ къ папѣ Л
книгу, напечатанную имъ въ защиту семи таинствъ (A
septem sacramentorum). Многіе не хотѣли вѣрить, чт
книга написана самимъ королемъ, и приписывали ее ра
лицамъ: доктору Ли, Мору, Фишеру, наконецъ, Эразму
мнѣнія эти, кажется, не основательны. Генрихъ не прис
себѣ чужого труда, хотя прибѣгалъ, безъ сомнѣнія, к
вѣту и пособію ученыхъ друзей своихъ. Моръ совѣт
ему, между прочимъ, осторожнѣе говорить объ объемѣ
ской власти и не терять изъ виду возможность непрія
ныхъ столкновеній въ будущемъ. Король отвѣчалъ ему
о папской власти нельзя сказать ничего лишняго, что
считаетъ ее источникомъ своего собственнаго могуще
Такъ далеко завлекла его полемика противъ виттенберг
реформатора. Имя автора ручалось за успѣхъ книги. Эр
и его многочисленные поклонники поставили ее на ря
твореніями блаженнаго Августина. Левъ X наградилъ дер
наго богослова титуломъ заступника вѣры (defensor fid
обѣщалъ отпущеніе грѣховъ на десять лѣтъ каждому
телю «Защиты семи таинствъ». Другой пользы не и

емъ, принести книга, бѣдная содержаніемъ, исполненная ыхъ порицаній противъ Лютера. Генрихъ называетъ его мъ волкомъ, гнилымъ сердцемъ, членомъ дьявола и приетъ нѣмецкихъ князей приступить съ огнемъ и мечемъ медленному истребленію ереси. Вольсей подкрѣпилъ эти анія дѣломъ. 12-го мая 1521 г. сочиненія Лютера были ественно сожжены на одной изъ лондонскихъ площадей, исутствіи императорскаго посла, при огромномъ стеченіи а. Но Генрихъ обманулся, разсчитывая на страхъ своего вника. Отвѣтъ, вызванный его нападеніемъ, встревожилъ друзей Лютера, привыкшихъ къ его жесткому слову. ie думаютъ,—говоритъ онъ:—что не самъ король Генсоставилъ эту книгу. Мнѣ все равно, кто-бы ни напиее»... Этотъ отвѣтъ нанесъ глубокую рану самолюбію ка и имѣлъ значительное вліяніе на его отношенія къ маціи. Впервые пришлось ему, любимцу гуманистовъ, кенному изящной лестью Эразма, слышать такую горькую Впечатлѣніе было тяжело. Самъ Лютеръ понялъ впотвіи свою ошибку и хотѣлъ поправить ее почтительписьмомъ, смиренною просьбою забыть о прошедшемъ. ыхъ не могъ забыть. Онъ жаловался саксонскому курги и другимъ князьямъ на наглость Лютера. Жалобы ись безъ удовлетворенія. Тогда онъ крѣпче примкнулъ апѣ и католицизму. Когда мятежныя войска императора, денныя конетаблемъ Бурбономъ къ стѣнамъ Рима, разли вѣчный городъ и грозили Клименту VII, Генрихъ поъ ему горячее, дѣятельное участіе. Мысль о возможности ва не приходила ему въ голову, а судьба, или, что все , собственныя страсти и общее настроеніе умовъ некно вели его къ этому разрыву. Нуженъ былъ только ъ. Поводъ явился въ формѣ женщины, въ лицѣ Анны нъ, напомнившей Генриху, что бракъ его съ Екатери-Аррагонской беззаконенъ *).

Эта статья осталась неоконченною. Въ бумагахъ Грановс[redacted] ъ лишь незначительн[redacted]ывокъ, повидимому, начало [redacted]
[redacted].

Аббатъ Сугерій,

Историческое изслѣдованіе.

De ces monuments le plus in
tif, le plus authentique, est, sans
tredit, la vie de Louis le Gros, p
ger. On ne saurait l'étudier ave
de soin et de trop près. Elle
des lumières infinies sur l'état
société française à cette époque
tirerai presque tout ce que je va
tre sous vos yeux.

Guizot, *Hist. de la civilisa
France*, Leçon 42.

(Диссертація на степень доктора исторіи. Напечатана особою к
въ 1849 году).

При бѣдности нашей исторической литературы, при недос
книгъ, удовлетворяющихъ существеннымъ потребностямъ рус
читателей, каждое новое историческое сочиненіе должно опра
свое появленіе важностію своего содержанія. Нуждаясь въ нео
момъ, мы не имѣемъ права на ученую роскошь. Германія сп
ливо гордится отдѣломъ своей литературы, доступнымъ одним
ціальнымъ ученымъ, безчисленными монографіями, въ которых
браны мельчайшія подробности каждой науки. Но намъ еще д
до такого богатства. Ученая производительность идетъ у насъ
уровень съ требованіемъ читающей публики. У насъ нѣтъ не
хорошихъ оригинальныхъ, но даже переводныхъ книгъ объ и
главныхъ народовъ древняго и новаго міра. Нѣтъ значител
произведеній, къ которымъ могли-бы примкнуть частныя изсл
нія. При такомъ положеніи литературы монографіи не могутъ
большаго значенія, принести существенной пользы. Онѣ по нео
мости получаютъ характеръ отрывковъ, незанимательныхъ дл
лики, мало знакомой съ содержаніемъ цѣлаго.

Къ чему-же послужитъ въ такомъ случаѣ изслѣдованіе
аббатѣ Сугеріи? Мало-ли именъ болѣе громкихъ, съ бо́льшим
вомъ на общее вниманіе сохранила исторія? Стоило-ли писать
жденіе о предметѣ, не имѣющемъ для насъ никакого, по кр
мѣрѣ признаннаго, значенія? Частная цѣль автора — получени
шей ученой степени - не можетъ служить оправданіемъ безпло
для другихъ труду. Скажемъ болѣе: чѣмъ значительнѣе начитан
обнаруженная въ такомъ т[illegible]тѣмъ строже долженъ быть
шій на него приговоръ. С[illegible]приложенное къ пользѣ обш
знаніе, въ наше время [illegible]чится. Оно слишкомъ лег

ся. Если увеличился матеріалъ науки, то, съ другой стороны, и въ большей степени усилились средства, которыми его можно усвоивать. Современниковъ Гримма, Неандра, Шлоссера трудно ить одною ученостію.

е приписывая особенной важности изслѣдованію, которое пред- теперь на судъ русскихъ читателей, я смѣю думать, что оно, по по предмету своему, не лишено нѣкоторой занимательности.

сторію не безъ основанія обвиняютъ въ несправедливости. Она даетъ успѣхъ неправому дѣлу, часто возлагаетъ вѣнецъ побѣды достойное чело. Иногда слава подвига достается не самому со- телю, а другому, заслонившему его случайно или умышленно. ія довольствуется осуществленіемъ законовъ, которымъ подчи- ея движеніе, и предоставляетъ нашему нравственному чувству воръ надъ людьми, избранными ею для достиженія ея цѣлей. тому, кто явнымъ дѣломъ или невѣдомымъ, духовнымъ участ- содѣйствовалъ осуществленію историческаго закона. Въ наслаж подвигомъ онъ обрѣлъ себѣ высшую награду, какую даетъ . Но совершенное имъ не всегда по достоинству оцѣнено совре- ками, и имя его можетъ не дойти до потомства. Въ славѣ болѣе йнаго, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Въ исправленіи такихъ не- едливостей исторіи заключается одна изъ самыхъ благородныхъ ностей историка. Онъ долженъ поставить на видъ забытыя за- уличить беззаконныя притязанія. Это нравственная, въ выс- значеніи слова юридическая часть его труда. Нужно-ли дока- ъ ея важность? Исторія можетъ быть равнодушна къ орудіямъ, ыми она дѣйствуетъ, но человѣкъ не имѣетъ права на такое частіе. Съ его стороны оно было-бы грѣхомъ, признакомъ еннаго или душевнаго безсилія. Мы не можемъ устранить слу- въ отдѣльной и общей жизни, но нельзя допустить его тамъ, ѣло идетъ объ оцѣнкѣ людей, на которыхъ лежитъ великая от- венность исторической роли. Приговоръ долженъ быть основанъ рномъ, честномъ изученіи дѣла. Онъ произносится не съ цѣлію кить могильный сонъ подсудимаго, а для того, чтобы укрѣпить роженное безчисленнымъ искушеніямъ нравственное чувство жи- усилить ихъ шаткую вѣру въ добро и истину. Да будетъ-же ю каждому по заслугамъ; признательность разнороднымъ тру- амъ, въ потѣ лица работавшимъ на человѣчество, удовлетво- мъ какому-нибудь изъ его требованій; строгое осужденіе лю- обманувшимъ современниковы счастливою отвагою или геніаль- эгоизмомъ. Въ возможности такого суда есть нѣчто глубоко тельное для человѣка. Мысль о немъ даетъ усталой душѣ но илы для спора съ жизнію.

бата Сугерія, конечно, нельзя поставить на ряду съ великими телями всемірной исторіи. Онъ принадлежитъ исключительно у народу, одному вѣку. Въ числѣ его современниковъ встрѣтимъ съ болѣе обширнымъ кругомъ вліянія, съ болѣе глубокимъ . Но можно смѣло сказать, что онъ положилъ первый камень ческаго зданія, достроеннаго Людовикомъ XIV, т. е. француз- онархіи. До него король былъ только вождемъ феодальной ократіи. Вліяніе Сугерія или, лучше сказать, церкви, которой былъ органомъ въ государствѣ, заставило Людовика VI стать въ ложеніе. Явилась новая теорія монархической власти. Госу- въ Капетингской династіи была указана новая [redacted]овая ьность. Полит[redacted]ч исторія этой эпохи, ст[redacted]

отношеніямъ [redacted]йшимъ судьбамъ Ф[redacted]

много въ настоящемъ изслѣдованіи. Сугерію принадлежитъ въ немъ первое мѣсто. Онъ имѣетъ на него двоякое право: какъ дѣйствующее лицо и какъ историкъ. Въ «Жизни Людовика Толстого», написанной аббатомъ Сугеріемъ, находится не только подробный разсказъ о незамѣченной другими лѣтописцами борьбѣ обновленной монархіи съ непокорными ей стихіями общества, но къ ней высказана самая мысль, вызвавшая борьбу. Главнымъ представителемъ этой мысли былъ не кто другой, какъ аббатъ Св. Діонисія.

Въ заключеніе считаю нужнымъ отдать отчетъ въ тѣхъ ученыхъ пособіяхъ, какими я пользовался при составленіи моего изслѣдованія.

Наиболѣе обязанъ я знаменитому собранію памятниковъ французской исторіи, изданному бенедиктинскими монахами конгрегаціи Св. Мавра (Recueil des historiens des Gaules et de la France). Для краткости я прибѣгалъ въ ссылкахъ только имя Буке (Bouquet), перваго изъ издателей. Я нашелъ здѣсь не одни только тексты источниковъ, но множество указаній всякаго рода. Къ сожалѣнію нѣкоторые памятники, важные для исторіи Франціи въ XI и XII вѣкѣ, напечатаны въ этомъ собраніи неполно. Я прибѣгалъ въ такихъ случаяхъ къ другимъ сборникамъ, находящимся въ библіотекѣ Московскаго Университета, особенно къ изданнымъ Дюшеномъ (Duchesne): Historiae Francorum scriptores, въ IV томѣ которыхъ помѣщено почти все непосредственно касающееся до Сугерія, и къ сдѣланному подъ надзоромъ Гизо переводу французскихъ лѣтописей (Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France depuis la fondation de la monarchie française jusqu'au XIII siecl). Съ равною признательностію долженъ я упомянуть о другомъ превосходномъ трудѣ тѣхъ-же бенедиктинцевъ, о начатой ими Histoire littéraire de la France. Подобной исторіи отечественной литературы нѣтъ ни у одного народа. Она замѣнила мнѣ много книгъ, которыхъ нельзя достать ни въ нашихъ библіотекахъ, ни черезъ книгопродавцевъ. Изъ монографій, относящихся къ моему предмету, у меня была только большая статья объ аббатѣ Сугеріи графа Карне, напечатанная имъ въ 1 томѣ Etudes sur les fondateurs de l'unité nationale en France, Paris, 1848. Она написана умно, съ вѣрнымъ взглядомъ на аббата Св. Діонисія, но въ сущности есть болѣе литературное, чѣмъ ученое произведеніе. Изъ мелкихъ недосмотровъ автора, изъ многорѣчивыхъ, невсегда нужныхъ описаній и отступленій можно заключить, что онъ не далъ себѣ труда подробно изучить время Сугерія. Другой, вышедшей еще въ XVIII вѣкѣ, болѣе обширной біографіи Сугерія (Histoire de Suger par. D. Gervaise, 3 volumes), которою много пользовался Карне, я не видалъ, и знаю ее только по его ссылкамъ и строгому, но, повидимому, справедливому отзыву бенедиктинцевъ (Histoire littéraire de la France, XII, 362, 403).

Такое лицо, какъ Сугерій, не могло не обратить на себя вниманіе новѣйшихъ писателей французской исторіи. Гизо посвятилъ ему нѣсколько прекрасныхъ страницъ въ Исторіи французской цивилизаціи. Сисмонди и Генрихъ Мартенъ довольно подробно говорятъ о немъ, разсказывая царствованіе Людовика Толстого. Заслуги и недостатки женевскаго историка и его взглядъ на событія довольно извѣстны образованнымъ читателямъ. Можно напередъ угадать его воззрѣніе на аббата Св. Діонисія. Онъ смотритъ на него, какъ моралистъ женевской школы. Простой, не столь подробный, но вѣрный источникамъ разсказъ Мартена, по моему мнѣнію, выше. Странно, что Мишеле почти не коснулся Сугерія и его дѣятельности. Онъ едва упомянулъ о немъ.

Аббатъ Суѣрій.

Начало Капетингской династіи не предвѣщало той вели-
ой будущности, которая была суждена этому роду. Гугонъ
апетъ и его ближайшіе преемники почти не выдвигались
зъ рядовъ феодальной аристократіи, которой они считались
авами. Въ числѣ ихъ вассаловъ были владѣльцы, далеко
ревосходившіе ихъ своимъ могуществомъ и вліяніемъ на со-
еменныя событія. Четыре поколѣнія Капетинговъ сошли въ
огилу, не совершивъ ни одного памятнаго народу дѣла. Ихъ
ельзя сравнивать съ послѣдними государями вытѣсненной
ми династіи. Потомки Карла Великаго пали не вслѣдствіе
ичныхъ ошибокъ или недостатковъ, а подъ бременемъ тя-
елаго наслѣдія, завѣщаннаго имъ предкомъ. Это наслѣдіе
ключалось въ идеяхъ государственнаго единства и порядка,
зятыхъ у римскаго міра и неприложимыхъ къ обществу, ко-
орое разлагалось на самыя дробныя части свои. Феодализмъ
олѣлъ, потому что другой политической формы не могли
ынести тогдашніе народы западной Европы: но паденіе Ка-
олинговъ не было постыдно. Они сдѣлали все, что могли
дѣлать воля и силы одного рода противъ неотразимаго дви-
енія событій. Гугонъ Капетъ поднялъ вѣнецъ, свалившійся
ъ головы умершаго на двадцатомъ году отъ рожденія Лудв-
га V. Дѣло было не трудное. Кромѣ слабаго Карла Ло-
аринтскаго, дяди Лудвига, у Гугона не было соперниковъ.
Изъ другихъ вассаловъ французскаго короля никто не искалъ
езплодной чести быть первымъ между равными (primus inter
ares). Монархическія понятія предыдущей и послѣдующей
эпохи были чужды феодальной Франціи X вѣка. Король былъ
для нея не выраженіемъ народнаго единства, а представите-
емъ прошлаго, враждебнаго настоящему, порядка вещей. Его
значеніе основывалось на преданіи, а не на живыхъ потреб-
остяхъ общества. Вѣрная союзница монархіи, церковь испы-
тала въ X столѣтіи такую-же участь; она должна была

нить феодализму, заключивъ съ нимъ невыгодную для себя сдѣлку. Этимъ объясняется равнодушіе, обнаруженное современниками при переворотѣ 987 года. Леннымъ владѣльцамъ нечего было жалѣть о паденіи прежней династіи, за которою они сознавали много нарушенныхъ ими правъ. Новая династія была розесница новому обществу. Она стояла въ уровень съ нимъ и не внушала ему никакихъ опасеній, потому что не могла ничего требовать во имя прошедшаго. Ея родоначальникъ принадлежалъ самъ къ сословію, положившему конецъ государству Карла Великаго. Отношенія Гугона къ вассаламъ лучше всего высказались въ извѣстныхъ словахъ Альдеберта, графа Перигорскаго. На вопросъ разгнѣваннаго короля: кто поставилъ тебя графомъ? онъ отвѣчалъ другимъ: кто поставилъ тебя королемъ? Есть причины думать, что Гугонъ не былъ лично убѣжденъ въ законности своихъ правъ на престолъ. Онъ царствовалъ девять лѣтъ, но не носилъ вѣнца королевскаго,—говорятъ о немъ лѣтописи (1). Введенный имъ и болѣе двухсотъ лѣтъ существовавшій во Франціи (2), обычай короновать наслѣдника престола при жизни отца можетъ, въ свою очередь, служить доказательствомъ непрочнаго положенія первыхъ Капетинговъ. Только церковь имѣла возможность дать своимъ признаніемъ и благословеніемъ нравственную основу ихъ сомнительному праву.

Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что Капетинги XI вѣка мало заслуживали покровительства церкви. Господствующимъ явленіемъ этого столь богатаго событіями вѣка было освобожденіе церкви изъ-подъ феодальной опеки. Изъ государей тогдашней Европы французскіе короли всѣхъ менѣе принимали участія въ великой распрѣ между свѣтскою и духовною властью. Причастные симоніи не менѣе другихъ князей (3), они ни разу не обнаружили намѣренія стать въ ряды противниковъ или заступниковъ папы. Проклятіе, произнесенное главою Западной Церкви надъ сыномъ и правнукомъ Гугона Капета (4), не было слѣдствіемъ ихъ сопротивленія его волѣ: оба они навлекли на себя праведный гнѣвъ папъ личными страстями своими, проступками въ которыхъ не было ничего общаго съ религіозно-политическимъ движеніемъ той эпохи. Отзывы лѣтописцевъ о короляхъ Робертѣ, Генрихѣ I и Филиппѣ I доказываютъ, что ихъ бездѣйствіе было съ негодованіемъ замѣчено современниками. «Мы видѣли»,—говоритъ лѣтопись анжуйская,—«праздное правленіе короля Роберта. Сынъ его, нынѣшній королекъ (regulus) Генрихъ не уступаетъ отцу въ постыдной лѣни» (5). Преемникъ Генриха, Филиппъ I-й подвергся еще болѣе жестокимъ нареканіямъ. Въ

1074 году, Григорій VII писалъ французскимъ епископамъ: «государство французское, нѣкогда столь славное и могущественное, давно уже сошло съ высоты своего величія и при возрастающей порчѣ нравовъ утратило важнѣйшія добродѣтели. Но въ настоящее время достоинство и честь государства окончательно погибли. Законы презрѣны, право попрано. Дѣла позорныя, жестокія, невыносимыя совершаются безнаказанно и обратились въ обычай. Виною всему наущаемый дьяволомъ король или, лучше сказать, притѣснитель вашъ. Жизнь его опозорена постыдными и преступными поступками, правленіе безплодно, достойно жалости и презрѣнія. Такого правителя нельзя найти даже въ басняхъ (6)». Въ этихъ обвиненіяхъ, безъ сомнѣнія, много преувеличеннаго. Король Филиппъ былъ слабый, но отнюдь не жестокій государь. Генрихъ IV началъ великую борьбу имперіи съ папствомъ; французскій вассалъ завоевалъ Англію; начались крестовые походы, а французскій король не двигался, и среди всѣхъ этихъ происшествій, только однажды заставилъ говорить о себѣ, когда женился на Бертрадѣ, графинѣ Анжуйской, увезенной имъ отъ живого мужа, Фулькона Угрюмаго. Церковь расторгла беззаконный бракъ, но связь продолжалась къ соблазну цѣлой Европы. Бертрада примирила своихъ супруговъ: она нерѣдко являлась съ обоими народу. Король садился съ нею рядомъ, графъ на скамьѣ, у ея ногъ. Много всякаго рода оскорбленій вынесъ Филиппъ втеченіе сорокавосьмилѣтняго царствованія своего отъ духовенства и вассаловъ, но онъ не пытался стать выше, оградить себя отъ возможности подобныхъ обидъ. Быть можетъ, не одно нравственное безсиліе было причиною его терпѣнія. Стоитъ взглянуть на карту Франціи предъ концомъ XI вѣка, для того, чтобы убѣдиться въ рѣшительномъ перевѣсѣ властей феодальныхъ надъ королевскою (7).

Изъ 86 департаментовъ нынѣшней Франціи, около двадцати принадлежали тогда къ совершенно другой политической системѣ. Изъ нихъ образовались герцогства Лотарингскія, графство Бургундское и королевство Арелатское, которыя входили въ составъ Германской имперіи. Болѣе тридцати (8) департаментовъ, лежащихъ къ югу отъ Луары, принадлежали герцогамъ Аквитанскимъ, графамъ Тулузскимъ и другимъ туземнымъ династамъ, вслѣдствіе географическаго положенія своихъ владѣній мало доступныхъ вліянію короля. Князья южной Франціи упоминали его имя въ своихъ грамотахъ, изрѣдка призывали его въ посредники между собою, но въ сущности пользовались полною независимостью. Только

...обы утвердиться власть первыхъ
...звитіе не было сдержано сосѣд-
...вассаловъ, какими были герцоги
...графы Фландріи, Вермандуа, Шам-
...сильные, но столь-же гордые вас-
...емъ носившіе титулъ свой «Божіей
...владѣнія Капетинговъ, или герцогство
...себѣ не болѣе пяти департаментовъ
...Сены и Марны, Уазы, Луары). Но и на
...пространствѣ не всегда была призна-
...не только купцы и путешественники,
...опасности быть захваченнымъ въ
...изъ одного города своей области въ
...городами возвышались многочисленные
...Капетингскаго герцогства. Владѣльцы Куси,
...Люизе, Монморанси, графы Мелана и Кор-
...грабили церковныя и королевскія имѣнія.
...время наравнѣ съ великими вассалами, по-
...имъ находились въ непосредственномъ
...королю. Впослѣдствіи установилось справедли-
...между владѣльцами великихъ коронныхъ ленъ и
...лежавшихъ въ родовой области короля. За
...своихъ замковъ имъ нечего было бояться
...королевской дружины. Уцѣлѣвшіе вблизи отъ
...этихъ зданій, безъ которыхъ былъ-бы невоз-
...порядокъ вещей, служатъ лучшимъ обли-
...ственной, безправной эпохи. Башня замка
...часть взорвана на воздухъ по приказанію
...Мадрини, другая разрушена землетрясеніемъ 1692 г.
...поръ. Она имѣетъ 305 ф. въ объемѣ и 172
...съ высоты такихъ башенъ бароны Куси не безъ
...смотрѣли на беззащитный міръ, который лежалъ у
...(*) Въ наше время видъ средневѣковыхъ укрѣп-
...приводитъ къ инымъ мыслямъ: глядя на нихъ и вспо-
...ихъ назначеніе, можно вполнѣ оцѣнить переворотъ,
...веденный введеніемъ огнестрѣльнаго оружія въ обще-
...отношеніяхъ западной Европы. Только пушка
...придумить феодальнаго хищника и доказать ему суще-
...обязательнаго, даже для него, закона.

Но ослушники королевской власти жили не въ однихъ замкахъ. Въ городахъ видимъ то-же насиліе, то-же угнетеніе только сильнымъ. Король принадлежалъ къ числу первыхъ, потому что онъ одинъ долженъ былъ, по положенію своему, защищать порядокъ противъ цѣлаго общества, преданнаго

безначалію, мѣрявшаго право силою. Жители Лаона неоднократно отнимали лошадей и били служителей короля Филиппа, когда онъ пріѣзжалъ въ ихъ городъ ([10]). Тотъ-же свидѣтель, который передалъ намъ эти подробности, разсказываетъ, что окрестные поселяне, приходившіе за покупками на лаонской рынокъ, подвергались многочисленнымъ опасностямъ. Городскіе сановники, пользуясь самыми ничтожными предлогами, брали ихъ подъ стражу и держали въ тюрьмѣ до выкупа; еще чаще попадались они въ руки простыхъ гражданъ, которые, подъ видомъ торга, приводили ихъ къ себѣ въ домъ, запирали и выпускали на волю только тогда, когда бѣдные земледѣльцы соглашались удовлетворить ихъ требованіямъ уступкою значительной части своего имущества. Жаловаться было некому. «Воровство и разбой совершались явно вельможами и ихъ прислужниками»,—прибавляетъ Гибертъ Ногентскій. «Но ному страннику не было спасенія: онъ былъ обреченъ на разграбленіе, плѣнъ или смерть ([11])». Къ совершенному безсилію исполнительной власти должно прибавить отсутствіе законодательной. Постановленія короля были обязательны только для его собственныхъ владѣній. Сеймы каролингскаго періода давно вышли изъ употребленія и не были замѣнены другимъ соотвѣтственнымъ учрежденіемъ. Не только у отдѣльныхъ сословій, но у отдѣльныхъ мѣстностей были свои особенныя права, своенравные, противорѣчившіе одинъ другому юридическіе обычаи. Племенные законы предыдущаго періода уступили мѣсто мѣстнымъ, еще болѣе противнымъ государственному единству. Что ни колокольня, то особый законъ, говоритъ старая французская пословица.

Таково было во Франціи, въ исходѣ XI вѣка, положеніе монархической власти, на судьбу которой Сугерію было суждено имѣть такое сильное вліяніе. Онъ родился около 1081 года, близъ Сентъ-Омера ([12]). Отецъ его Гелинандъ, человѣкъ низкаго происхожденія, сложилъ съ себя рано заботы о воспитаніи сына, ввѣрилъ его участь монастырю Св. Діонисія. Передача малолѣтныхъ дѣтей ихъ родителями церкви совершалась посредствомъ особеннаго обряда (oblatio), которымъ навсегда разрывались связи младенца съ семействомъ и съ міромъ. Сугерію было вѣроятно не болѣе пяти лѣтъ, когда церковь приняла его подъ покровъ свой ([13]). Монастырь Св. Діонисія былъ уже давно знаменитъ своими святынями, могуществомъ и богатствомъ. Онъ могъ содержать доходами съ земель своихъ до ста тысячъ человѣкъ въ годъ, и самъ король находился въ числѣ его ленниковъ. Но благочестіе братіи далеко не соотвѣтствовало славѣ обители: ихъ

слишкомъ занимали управленіе монастырскими имѣніями, постоянныя распри съ враждебными сосѣдями и непокорными вассалами. Льготы и права обители, изъятой изъ-подъ епископскаго надзора и подчиненной прямо папѣ, ставили ея аббата наряду съ знатнѣйшими духовными сановниками и князьями Франціи.

Наружность мальчика, принесеннаго Гелинандомъ въ даръ Св. Діонисію, не предвѣщала ничего особеннаго. Природа вложила великую, твердую и прекрасную душу въ тѣло малое и тщедушное, говоритъ современный біографъ ([14]). Но аббатъ Ивонъ замѣтилъ способности Сугерія и не далъ имъ заглохнуть въ праздности. Онъ отправилъ его въ подвѣдомое ему пріорство Летрейское. Здѣсь получилъ Сугерій первое образованіе. Въ 1095 году онъ возвратился въ монастырь по распоряженію Ивонова преемника Адама. Обстоятельство это показываетъ, что Сугерій уже обратилъ на себя вниманіе, что успѣхи, имъ сдѣланные, были значительны. Его вызвали съ тѣмъ, чтобы онъ продолжалъ свои занятія вмѣстѣ съ наслѣдникомъ французскаго престола Лудовикомъ, котораго Филиппъ поручилъ на три года аббату Адаму. Несмотря на различіе характеровъ и состояній, между обоими юношами образовалась тогда тѣсная, до смерти обоихъ продолжавшаяся связь. Сугерій былъ немного моложе ([15]), но зрѣлѣе умомъ, вообще даровитѣе и образованнѣе своего друга. Заимствуемъ нѣкоторыя черты изъ составленнаго имъ впослѣдствіи, быть можетъ не совсѣмъ безпристрастнаго описанія молодаго Лудовика. На тринадцатомъ году онъ уже обѣщалъ государству, котораго былъ наслѣдникъ, скорое приращеніе, церкви и бѣднымъ надежнаго заступника. Онъ отличался красивыми чертами лица, высокимъ и стройнымъ станомъ, скромнымъ нравомъ. Охота и дѣтскія забавы рано перестали занимать его и отвлекать отъ воинственныхъ упражненій. Крайнюю доброту его многіе принимали за признакъ умственной простоты. Къ Св. Діонисію и основанной въ честь его обители питалъ онъ особенное уваженіе и нерѣдко изъявлялъ желаніе вступить въ число братіи этой обители ([16]). Чему и какъ учились юноши, соединенные подъ надзоромъ аббата Адама, объ этомъ не говорятъ скудные подробностями такого рода источники. Вопросъ о воспитаніи мало занималъ людей XI-го вѣка. Основательное образованіе было нужно только высшему духовенству. Умственныя потребности другихъ сословій легко удовлетворялись. Но дѣятельность Лудовика Бодраго свидѣтельствуетъ о томъ вліяніи, какое на него имѣло пребываніе въ монастырѣ Св. Діонисія. Онъ вынесъ оттуда понятіе о

равахъ и долгѣ монарха, чуждое его предшественникамъ и
ѣодальному міру вообще (17) Новая, по возможности при-
женная имъ къ дѣйствительности, теорія могла образо-
ться только въ церкви, изъ которой исходили всѣ великія
дѣи того времени. Она или сберегла ихъ какъ преданія, или
работала самобытно, озирая событія съ недоступной про-
имъ элементамъ средневѣковаго общества высоты ея основ-
аго начала. Написанная Сугеріемъ «Жизнь Лудовика VI»
иѣетъ для исторіи весьма важное значеніе (18). Съ одной
стороны это единственный памятникъ, показывающій намъ
ероическій періодъ юной монархіи, обновленной и освящен-
ой нравственными идеями, которыя она заимствовала у
еркви; съ другой, здѣсь об ичается словами самого біографа
іяніе его и цѣлаго сословія, которому онъ принадлежалъ,
а ходъ происшествій. Не смотря на общія большей части
огдашнихъ лѣтописей недос атки формы, это произведеніе
гмѣчено опредѣленнымъ, ему исключительно принадлежа-
имъ характеромъ. Видно, что оно написано человѣкомъ,
оторый смотрѣлъ на міръ не изъ монастырскаго окна и не
овольствовался однимъ описаніемъ видѣннаго. Замѣчанія,
ставленныя имъ въ подробный разсказъ о войнахъ Лудовика
одраго съ мелкими вассалами герцогства Франціи, для исто-
ика важнѣе самыхъ войнъ. Въ этихъ замѣчаніяхъ заклю-
аются главныя черты новаго воззрѣнія на государство, той
онархической теоріи, которой дальнѣйшее развитіе принад-
ежитъ Филиппу Августу, Св. Лудовику и ихъ преемникамъ.
ббатъ Сугерій имѣлъ полное право поставить эпиграфомъ
ъ своему сочиненію: quorum pars magna fui. Онъ не сдѣ-
алъ этого и вообще осторожно говоритъ о собственной
олитической дѣятельности, какъ-бы изъ опасенія затмить
ужую, болѣе дорогую ему славу. Но не трудно отдѣлить
о участокъ изъ суммы сдѣланнаго при немъ во Франціи.
нъ былъ посредникомъ между государствомъ и церковію,
авнымъ представителемъ вышепоказанныхъ нами направ-
еній. Лудовику VI принадлежала только честь смѣлаго и
ѣятельнаго исполненія идей, данныхъ ему его наставниками
ъ монастырѣ Св. Діонисія, и въ особенности другомъ, ко-
ораго онъ тамъ-же нашелъ. Въ 1098 году Лудовикъ воз-
ратился ко двору отца и около того же времени былъ
изнанъ соправителемъ (19). Старый король, исключительно
нятый своей страстію къ Бертрадѣ, жилъ подъ бременемъ
ерковнаго проклятія, не обращалъ вниманія на то, что дѣ-
алось кругомъ его, и охотно передалъ управленіе сы[redacted]
ораго первое появленіе на политическомъ поприщ[redacted]

вило ему прозваніе бо раго и воинственнаго (éveillé et batailleur). Преемникъ Вильгельма-Завоевателя, Вильгельмъ Рыжій думалъ воспользоваться безпечностію короля Филиппа и отнять у него принадлежавшую ему часть графства Вексинскаго (Vexin) ([20]). Сугерій приписываетъ ему даже болѣе обширные замыслы: намѣреніе овладѣть всѣмъ королевствомъ французскимъ. Но такъ какъ «несправедливо и неестественно было бы французамъ повиноваться англичанамъ, или англичанамъ французамъ, событія обманули его ненавистную надежду», и Лудовикъ отразилъ всѣ его нападенія. Споръ былъ весьма неравный. Съ одной стороны опытный, богатый, самовольно располагающій средствами могущественнаго государства король, съ другой—юноша и нѣсколько сотъ рыцарей, которыхъ онъ созвалъ и удерживалъ при себѣ только личнымъ вліяніемъ ([21]). Неожиданная смерть Вильгельма ([22]) положила конецъ этой войнѣ, но не воинственнымъ трудамъ его молодаго противника. Лудовикъ былъ первый изъ Капетинговъ, обнажившій мечъ для защиты королевскаго права и общественнаго порядка, равно нарушаемыхъ феодализмомъ. Въ 1101 году ему удалось отплатить монастырю Св. Діонисія за полученное тамъ образованіе. Вассалъ монастырскій, Бушаръ, баронъ Монморанси, отказался отъ исполненія своихъ ленныхъ обязанностей. Король Филиппъ потребовалъ, по жалобѣ аббата, Бушара къ суду, составленному изъ его перовъ, т. е. бароновъ королевской области. Судъ приговорилъ ослушника, за котораго стояли графъ Бомона и баронъ Муши (Mouchy le Chatel), но позволилъ ему, сообразно съ обычаемъ франковъ, безпрепятственно возвратиться домой ([23]). Сугерій посвятилъ три главы (II—IV) описанію войны Лудовика съ Бушаромъ и его союзниками. Замѣчательнѣе всего въ этомъ разсказѣ слѣдующія слова: Бушаръ испыталъ въ скоромъ времени всѣ тревоги, всѣ бѣдствія, которыми королевская власть караетъ непокорныхъ подданныхъ ([24]). Такихъ выраженій не встрѣтимъ у французскихъ лѣтописцевъ, повѣствующихъ дѣла предшественниковъ Лудовика VI. Подданными короля можно было назвать только жителей принадлежавшихъ ему городовъ. Относительно вассаловъ онъ былъ ленный господинъ (suzerain), первый между равными ему. Новыя притязанія Лудовика были оправданы побѣдою. Мятежные бароны смирились.

За первою удачею послѣдовали другія. Церковь Реймсская давно жаловалась на притѣсненія Эбала, барона Руси, и его сына Гишара, Эбалъ принадлежалъ къ числу самыхъ предпріимчивыхъ и сильныхъ ба[illegible] сѣверной Франціи. Онъ

ходилъ съ цѣлою имъ собранною арміею въ Испанію для войны съ тамошними маврами. Соединенный родствомъ съ главными феодальными династіями Шампаніи и Лотарингіи, онъ опустошалъ, не встрѣчая почти сопротивленія, Реймсскую епархію, находившуюся подъ непосредственнымъ покровительствомъ и господствомъ короля. Жалобы, принесенныя на него Филиппу, остались безъ отвѣта со стороны слабаго государя. Лудовикъ рѣшился на опасную борьбу. Съ 700 рыцарей, составлявшихъ вооруженную свиту короля (maison armée du roi), онъ пошелъ на Эбала. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ успѣлъ нѣсколько разъ разбить Эбала и его союзниковъ, разорилъ ихъ земли огнемъ и мечемъ и отплатилъ грабителямъ разграбленіемъ ихъ собственныхъ владѣній, говоритъ Сугерій. Доставивъ выгодный миръ Реймсской епархіи, Лудовикъ долженъ былъ немедленно идти на помощь Орлеанской. Леонъ, вассалъ тамошняго епископа, отнялъ у него два замка. Королевская дружина возвратила ихъ законному владѣльцу, самъ Леонъ погибъ, защищаясь въ укрѣпленной имъ церкви (25).

Какъ ни маловажны эти военныя предпріятія въ сравненіи съ современными имъ крестовыми походами, или войнами нѣмецкихъ императоровъ, они имѣютъ большое значеніе для Франціи и, слѣдовательно, для остальной Европы. Наслѣдникъ французскаго престола явился въ нихъ рыцаремъ церкви, ея защитникомъ противъ феодализма. Слѣдствія такого союза опредѣлить не трудно. Всѣ угнетаемыя сословія обратились съ надеждой на помощь къ королевской власти. Феодализмъ былъ общій притѣснитель. Двухсотлѣтній, рѣшительный перевѣсъ надъ другими силами государства укрѣпилъ въ немъ врожденныя ему привычки насилія, сообщилъ имъ даже видъ законности. Вотъ почему попытка Лудовика поразила ту часть Франціи, которая была театромъ его дѣятельности, своею новизною и смѣлостію. Давно уже свѣтская власть не вступалась за слабыхъ и бѣдныхъ, только церковь оказывала имъ участіе и посильное пособіе. Ей принадлежитъ благотворное учрежденіе «Божьяго мира», вырвавшаго нѣсколько дней изъ феодальной недѣли. Но она была не въ силахъ принудить къ строгому соблюденію Божьяго мира, получившаго вслѣдствіе этого характеръ болѣе нравственнаго, чѣмъ политическаго учрежденія. Надобно притомъ замѣтить, что французское духовенство въ эпоху, о которой здѣсь говорится, было не такъ сильно, какъ нѣмецкое или даже италіанское. Архіепископы, епископы, аббаты значительныхъ монастырей въ Германіи были настоящіе князья, ни въ чемъ не

шіе герцогамъ и графамъ. Они сами водили въ битву многочисленныя дружины свои. У французскихъ прелатовъ не было ни такихъ правъ, ни такого воинственнаго характера. Нѣкоторые изъ нихъ правили обширными епархіями и стояли на верхней ступени ленной лѣстницы, т. е. принадлежали къ непосредственнымъ ленникамъ короля, къ его перамъ. Но ихъ могущество было ограничено не только хищными сосѣдями, не упускавшими, какъ мы видѣли, случаевъ пограбить въ церковныхъ владѣніяхъ, а собственными сановниками, которымъ были ввѣрены, по обычаю мірской судъ и расправа, вмѣстѣ съ начальствомъ надъ дружиною епископа или монастыря. Эти видамы и адвокаты церквей (advocati ecclesiarum, avoués), угнетали ленныхъ господъ своихъ и всѣми силами старались обратиться изъ сановниковъ въ владѣльцевъ, т. е. присвоить себѣ данныя имъ въ управленіе или въ ленъ земли. Различное положеніе французскаго и нѣмецкаго духовенства объясняется исторіею развитія центральной власти въ обѣихъ странахъ. Еще въ X столѣтіи императоры Саксонской династіи противопоставили сдерживаемой ими свѣтской аристократіи духовную, болѣе надежную, потому что въ ней не было наслѣдственности. Этой политики держались нѣмецкіе государи вообще, до спора за инвеституру. У первыхъ преемниковъ Гугона не было ни такихъ замысловъ, ни силъ, необходимыхъ для ихъ осуществленія [26].

Между тѣмъ Сугерій продолжалъ заниматься науками [27]. Не ранѣе 1103 года явился онъ при дворѣ. Дружба, соединявшая его съ наслѣдникомъ престола, и обширныя знанія доставили ему тотчасъ положеніе и вліяніе, несоотвѣтственныя его лѣтамъ и происхожденію. Сверхъ богословія, составлявшаго главный предметъ изученія въ монастырскихъ школахъ, Сугерій обладалъ основательными свѣдѣніями въ философіи, риторикѣ и—что было тогда весьма рѣдко — хорошо зналъ исторію своего народа. Крѣпкая память его равно хранила тексты Священнаго Писанія и отрывки изъ классическихъ писателей, особенно Горація, читанныхъ имъ въ ранней молодости. Въ болѣе зрѣлые годы онъ читалъ почти исключительно творенія Отцовъ церкви и книги, относившіяся къ церковной исторіи. Краснорѣчіе его было увлекательно. Но онъ не довольствовался, какъ большая часть его собратій, употребленіемъ латинской рѣчи; онъ заботился объ изяществѣ и правильности роднаго языка. Sermone Cicero, говоритъ объ немъ восторженный современникъ [28].

Онъ прибылъ въ пору ко двору короля Филиппа. Людовикъ только что избѣжалъ двоякой опасности. Въ 1103 году

ъ ѣздилъ въ Англію; вмѣстѣ съ нимъ прибылъ тайно отъ
его отправленный гонецъ его отца съ письмомъ къ королю
енриху. Филиппъ приглашалъ сосѣда оставить у себя моло-
аго гостя и держать его въ заточеніи. Сыновья Вильгельма
авоевателя не отличались строгою нравственностію, но такое
арушеніе правилъ рыцарской чести было не подъ силу даже
енриху I. Онъ разсказалъ все Лудовику и далъ ему воз-
ожность тотчасъ возвратиться въ Парижъ. Здѣсь раскры-
ись вполнѣ малодушіе Филиппа и злоба Бертрады. Она уже
спѣла сбыть съ рукъ старшаго пасынка своего, прижитаго
ь первомъ бракѣ Фулькономъ Анжуйскимъ, Готфрида Мар-
ела, и такимъ образомъ доставила графство своему сыну
гъ Фулькона, носившему имя отца. Ей хотѣлось достигнуть
ой же цѣли относительно королевства французскаго и воз-
ести на престолъ Филиппа или Флора, сыновей своихъ отъ
ороля. Для этого надобно было устранить Лудовика. Когда
нъ возвратился изъ Англіи, Бертрада подкупила трехъ чер-
окнижниковъ, которые взялись извести его въ теченіе 9 дней,
о ихъ замыслъ открылся ранѣе и не удался. Нетерпѣливая
ачиха прибѣгла къ послѣднему средству—къ отравѣ. Лудо-
икъ былъ спасенъ искусствомъ врача, учившагося у мавровъ;
днако, оставшаяся на цѣлую жизнь болѣзненная блѣдность
ица свидѣтельствовала о силѣ даннаго ему яда. Филиппъ
риня ъ роль примирителя между наложницею и сыномъ. Онъ
воими просьбами смягчилъ праведный гнѣвъ послѣдняго,
гдалъ ему въ полное владѣніе Понтуазъ и графство Век-
инское и вообще пересталъ вмѣшиваться въ дѣла королев-
ва (29). Можно предположить, что примиреніе Филиппа съ
ерковью было елѣдствіемъ этой сдѣлки. Въ декабрѣ 1104
ода онъ принесъ торжественное покаяніе въ грѣхахъ своихъ
клятвенно обѣщалъ прервать сношенія съ Бертрадою. Пап-
кій легатъ снялъ съ него тяготѣвшее надъ нимъ отлученіе
гъ церкви. Не смотря на клятву свою, Филиппъ остался
вренъ прежнему образу жизни. Бертрада даже приняла
итулъ королевы. Но церковь не тревожила ихъ болѣе. Съ
той эпохи разсказъ Сугерія становится подробнѣе, личное
частіе его въ событіяхъ замѣтнѣе.

Въ числѣ крестоносцевъ, малодушно бѣжавшихъ изъ
нтіохіи, осажденной Кербогою, былъ Гзидонъ Труссель, вла-
лѣлецъ замка Монлери, между Парижемъ и Орлеаномъ. Поль-
уясь этимъ положеніемъ, Гвидонъ и его предки часто пре-
ывали сообщенія между обоими городами, обирали прохо-
ихъ и вообще сильно тѣснили Капетинговъ, которые безъ
къ согласія или военнаго прикрытія не могли посѣтить

жавшихъ на югъ отъ столицы своихъ владѣній; постыдное бѣгство изъ Антіохіи положило неизгладимое пятно на честь Гвидона. Оставленный, презираемый всѣми, онъ боялся за участь единственной дочери своей и потому охотно согласился на предложеніе короля, хотѣвшаго женить на ней Филиппа, старшаго сына своего отъ Бертрады. Бракъ совершился, но замокъ Монлери достался не новобрачнымъ, а Лудовику, который далъ брату въ замѣнъ графство Мантское въ Вексинѣ. Радость Капетинговъ была велика; точно у нихъ вынули соломенку изъ глаза, или сняли ограду, въ которой они до того времени были заключены, замѣчаетъ Сугерій ([30]). Онъ самъ слышалъ слова, сказанныя Филиппомъ Лудовику: «сынъ мой, береги эту башню. Отъ нея было мнѣ много обидъ; отъ нея я преждевременно состарѣлся. Она не давала мнѣ отдохнуть въ мирѣ» ([31]). Другое счастливое обстоятельство значительно содѣйствовало къ водворенію спокойствія въ южной части королевской области. Родной дядя Трусселя, Гвидонъ, графъ Рошфора и Шатофора, дотолѣ непокорный и враждебный королю ([32]), возвратился со славою и богатствомъ изъ Іерусалима. Онъ занялъ при французскомъ дворѣ должность сенешаля и помолвилъ свою дочь за наслѣдника престола. Сенешаль стоялъ въ то время выше всѣхъ прочихъ сановниковъ по вліянію и власти. Онъ заступалъ мѣсто короля въ судѣ, мѣсто конетабля въ войскѣ, и сверхъ того, имѣлъ надзоръ надъ превотами (prevots praepositi). Должность сенешаля была наслѣдственная въ родѣ графовъ Анжуйскихъ, но они рѣдко исправляли ее сами и обыкновенно предоставляли ее другимъ, не столько важнымъ владѣльцамъ ([33]). Впродолженіе двухъ лѣтъ Гвидонъ вѣрно служилъ королю Филиппу.

Изъ приведенныхъ словъ Сугерія «nobis audientibus» видно, что онъ былъ свидѣтелемъ описываемыхъ имъ въ VIII главѣ событій. Положительнаго участія его въ совѣщаніяхъ, происходившихъ по поводу замка Монлери, мы не въ правѣ предположить, не смотря на авторитетъ ученыхъ бенедиктинцевъ ([34]). Впрочемъ, поприще практической дѣятельности открылось для него скоро. Въ іюлѣ 1106 года онъ присутствовалъ, вѣроятно въ свитѣ своего аббата, на соборѣ, созванномъ папскимъ легатомъ Бруноном въ Пуатье, для обсужденія мѣръ къ поддержанію королевства іерусалимскаго. Менѣе чѣмъ черезъ годъ, въ мартѣ 1107 года, ему досталась честь защищать предъ лицемъ папы Пасхалія II, прибывшаго во Францію, права и льготы монастыря св. Діонисія противъ епископа Парижскаго Галона, который ихъ оспаривалъ. Ка-

ническій приговоръ состоялся въ пользу молодаго инока, глубоко изучившаго грамоты и другіе акты, хранившіеся въ монастырскомъ архивѣ ([35]). Пасхалій посѣтилъ обитель св. Діонисія. Свидѣтельство Сугерія объ его пребываніи тамъ показываетъ, какое мнѣніе распространено было во Франціи о римскомъ духовенствѣ. «Онъ (т. е. папа) оставилъ потомству единственный, достопамятный и небывалый у римлянъ примѣръ, ибо не только не требовалъ, какъ этого боялись, ни золота, ни серебра, ни драгоцѣнныхъ камней, принадлежавшихъ монастырю, но даже не удостоилъ ихъ взглядомъ» ([36]). Подобныхъ выраженій о римской куріи и римлянахъ въ «Жизни Лудовика Толстаго» встрѣчается не мало. Причиною прибытія папы во Францію была его распря съ имперіею. Послы Генриха явились въ свою очередь въ Шалонѣ на Марнѣ. Здѣсь, на нейтральной землѣ, должны были происходить переговоры. Аббатъ Адамъ и Сугерій провожали Пасхалія II въ Шалонъ. Французовъ удивилъ рѣзкій до угрозы языкъ нѣмецкихъ пословъ, стоявшихъ за права своего государя. Эти строптивые люди, казалось, были присланы для того, чтобы внушить страхъ противникамъ, а не для разумныхъ совѣщаній. Особенно отличался герцогъ Вельфъ, исполинъ ростомъ и великій крикунъ, передъ которымъ всюду и всегда носили мечъ его. На рѣчь епископа Пьяченцскаго, говорившаго въ пользу римской церкви, они отвѣчали съ германскимъ неистовствомъ (Theutonico impetu): не здѣсь, а въ Римѣ, мечомъ рѣшимъ мы этотъ споръ, и вообще едва воздерживалась отъ насильственныхъ поступковъ ([37]). По ихъ удаленіи, папа отправился въ Труа, гдѣ держалъ соборъ. Оттуда онъ возвратился въ Римъ, «исполненный любви къ французамъ, которые служили ему всѣми силами, и страха и ненависти къ нѣмцамъ» ([38]). Таково было первое знакомство Сугерія съ папскимъ дворомъ, первое вмѣшательство его въ великіе вопросы, занимавшіе тогда церковь.

Соборъ въ Труа объявилъ между прочимъ недѣйствительнымъ брачное обѣщаніе, данное Лудовикомъ дочери графа Рошфорскаго. Предлогомъ служило дальнее родство между женихомъ и невѣстою; въ самомъ дѣлѣ рѣшеніе собора состоялось подъ вліяніемъ враговъ и завистниковъ ([39]) сенешаля, во главѣ которыхъ стояли три брата Гарландъ. Обиженный отецъ не только самъ взялся за оружіе, но побудилъ къ возстанію многочисленныхъ родственниковъ и друзей своихъ, въ томъ числѣ молодаго Теобальда, графа Шартра и Блуа. Театромъ военныхъ дѣйствій были окрестности замка Гурне на Марнѣ. Счастіе было постоянно на сторонѣ Лудовика

разбилъ своихъ противниковъ, взялъ Гурне и вслѣдъ за тѣмъ совершилъ походъ въ Берри, гдѣ личною отвагою, «неприличною царственной особѣ» ([40]), положилъ конецъ непослушанію барона Сентъ-Севера. Чѣмъ ниже падалъ въ общественномъ мнѣніи король Филиппъ, исключительно занятый Бертрадою, тѣмъ выше подымался его наслѣдникъ, на плечахъ котораго лежала давно вся тяжесть государственнаго управленія. Съ 1108 начинается его настоящее царствованіе. Филиппъ умеръ 29 іюня этого года.

Личная связь Сугерія съ новымъ королемъ и роль, которую онъ игралъ при его дворѣ, объясняютъ многіе пропуски и намеки въ «Жизни Лудовика Толстаго» Мы видѣли выше, что въ ней даже не упомянуто о покушеніяхъ Бертрады на жизнь пасынка; о разрывѣ брака между Луціеною Рошфоръ и Лудовикомъ говорится мелькомъ; съ такою-же осторожностію говоритъ біографъ о событіяхъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ его героя. Сугерій, очевидно, зналъ болѣе, чѣмъ передалъ намъ. Онъ не искажаетъ событій, но умалчиваетъ о тѣхъ подробностяхъ, которыя почему-нибудь считаетъ оскорбительными для чести королевскаго дома или для сильныхъ современниковъ. Въ такихъ случаяхъ политикъ обыкновенно беретъ верхъ надъ лѣтописцемъ.

Смерть короля Филиппа оживила надежды партіи, враждебной законному наслѣднику престола, опасавшейся его смѣлости и дѣятельности. Душою этой партіи стала Бертрада, не забывая прежнихъ замысловъ. Сыновья ея отъ обоихъ мужей, Филиппъ Мантскій (которому, неизвѣстно когда и какъ, но еще при покойномъ королѣ, Лудовикъ возвратилъ Мэнлери) и Фулконъ, графъ Анжуйскій, ея братъ, графъ Амальрихъ Монфорскій, соединились съ возставшими прежде вассалами короля, бывшимъ сенешалемъ Гвидономъ, котораго мѣсто при дворѣ заступилъ Анселемъ Гарландскій, и его родственниками. Ихъ владѣнія со всѣхъ сторонъ облегали Парижъ ([41]). Опасность была велика, но Лудовикъ зналъ цѣну времени и не терялъ его. По совѣту друзей, въ особенности Ивона, епископа Шартрскаго, знаменитѣйшаго богослова той эпохи ([42]), онъ вѣнчался на царство черезъ пять дней послѣ смерти отца. Обрядъ вѣнчанія происходилъ не въ Реймсѣ, гдѣ обыкновенно короновались короли французскіе, а въ болѣе близкомъ и надежномъ Орлеанѣ. Присутствіе многочисленныхъ прелатовъ служило доказательствомъ участія, какое духовенство принимало въ судьбѣ молодого государя. Архіепископъ Санскій (Sens) «снялъ съ него мечъ мірского воинства и опоясалъ его другимъ, благословеннымъ церковью на защиту храмовъ и

бѣдныхъ и на казнь преступниковъ» (43). Протестація Реймскаго архіепископа пришла поздно. Ивонъ Шартрскій написалъ возраженіе противъ требованій Реймсской епархіи, въ которомъ говоритъ прямо о «крамольникахъ, имѣвшихъ въ виду или вручить королевскую власть другому лицу или умалить ее». (44) Мы не послѣдуемъ за лѣтописцемъ въ изложеніи войны Лудовика съ его вассалами. Онъ еще разъ отнялъ Монлери у непокорнаго брата; Бертрада удалилась въ монастырь, гдѣ вскорѣ умерла, графъ Рошфорскій и сынъ его Гугонъ Крессійскій, послѣ неоднократныхъ пораженій, были усмирены, но самые успѣхи короля вызывали противъ него новыхъ враговъ. Не одни владѣльцы его родовой области, герцогства Франціи: ихъ сосѣди, бароны Нормандіи и Шампаніи приняли участіе въ борьбѣ, развязка которой не могла не обнаружить вліянія на ихъ собственное положеніе. Это было общее дѣло феодализма, Генрихъ I, строгій блюститель королевской власти въ Англіи, охотно помогалъ французскимъ мятежникамъ. Въ 1109 году онъ взялъ обманомъ Жизоръ и отвѣчалъ насмѣшкою на рыцарское предложеніе своего леннаго господина кончить споръ поединкомъ (45). О состояніи тѣхъ частей Франціи, гдѣ шла война, о феодальныхъ нравахъ первой половины XII вѣка вообще, можетъ дать понятіе слѣдующій эпизодъ, заимствуемый нами изъ «Жизни Лудовика Толстаго» (46).

На одномъ изъ возвышеній, образуемыхъ берегами Сены, находилось странное и грозное феодальное жилище, неправильно названное замкомъ Рошъ-Гюонъ (Rupes Guidonis, Roche Guyon). Замокъ этотъ состоялъ изъ обширнаго подземелья, вырѣченнаго въ крутой скалѣ. Узкій, удобный къ защитѣ входъ велъ въ этотъ вертепъ, котораго владѣльцы вполнѣ пользовались выгодами своего положенія на счетъ бѣдныхъ жителей окрестныхъ селеній и городовъ. Въ началѣ XII вѣка Рошъ-Гюонъ принадлежалъ Гвидону, кроткому юношѣ, непричастному злобѣ и хищничеству предковъ. Къ несчастію у него былъ тесть другого нрава (proditor incomparabilis), Вильгельмъ, родомъ норманъ. Ему давно хотѣлось отнять у зятя безполезное въ его рукахъ пристанище. Однажды, во время вечерней службы, онъ пришелъ въ церковь, которая соединялась съ замкомъ тѣснымъ проходомъ, пробитымъ въ скалѣ, впустилъ туда своихъ сообщниковъ и потомъ напалъ на Гвидона. Жена послѣдняго, дочь Вильгельма, надѣялась спасти мужа, закрывъ его своимъ тѣломъ. Ее убили вмѣстѣ съ нимъ. Та-же участь постигла ихъ дѣтей, которыхъ убійцы разбивали о камни. Выбросивъ трупы, Вильгельмъ спѣшилъ усилить

жину свою и сталъ громко звать испуганныхъ свидѣтелей кроваваго дѣла. Онъ обѣщалъ имъ богатую добычу и всякаго рода награды за оказанную ему помощь. Подъ первымъ впечатлѣніемъ ужаса никто не рѣшился пристать къ нему. Между тѣмъ Вексинское рыцарство, которое боялось, чтобы король Генрихъ, бывшій въ то время въ Нормандіи, не пришелъ на помощь Вильгельму, заняло всѣ пути къ Рошъ-Гюону, заставило убійцъ, не успѣвшихъ запастись съѣстными припасами, сдаться и предало ихъ мучительной смерти. У Вильгельма заживо вырѣзали изъ груди сердце. Лѣтописецъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ разсказываетъ объ этой казни, не менѣе самого преступленія характеризующей эпоху.

По всей вѣроятности, Сугерій рѣдко бывалъ при дворѣ въ первые годы правленія Лудовика. Онъ былъ слишкомъ занятъ ввѣреннымъ ему управленіемъ двухъ изъ важнѣйшихъ помѣстій, принадлежавшихъ монастырю св. Діонисія. Аббатъ Адамъ назначилъ его превотомъ Берневаля въ Нормандіи и Тури, между Этампомъ и Орлеаномъ. Такія должности доставляли лицамъ, которымъ онѣ поручались, возможность жить внѣ монастырскаго правила и часто возлагали на ихъ обязанности, приличныя только мірянамъ. Сугерій долженъ былъ отстаивать права своего монастыря противъ притязаній норманскихъ чиновниковъ въ Берневалѣ; еще съ гораздо большими опасностями пришлось ему бороться въ Тури. Здѣсь у него былъ сосѣдомъ Гугонъ Красивый, владѣтель замка Пюизе, смѣлый и жестокій рыцарь, наводившій такой страхъ на весь край, что многіе, ненавидѣвшіе его, служили ему изъ одного опасенія навлечь на себя его гнѣвъ ([47]). Въ особенности терпѣли отъ него земли графа Теобальда Шартрскаго и церковныя. ([48]) Тури было богатое, со всѣхъ сторонъ открытое, беззащитное мѣсто. Обстоятельства требовали отъ монастырскаго превота не одной хозяйственной или административной дѣятельности. Ему часто приходилось самому садиться на коня и отражать хищниковъ. Настоянія Сугерія, склонившаго окрестное духовенство и графа Шартрскаго дѣйствовать за одно съ нимъ ([49]) побудили, наконецъ, Лудовика принять строгія мѣры противъ владѣльца Пюизе. Въ 1111 году онъ созвалъ нарочно по этому поводу парламентъ въ Меленѣ (Melun). Съѣхавшіеся предаты на колѣняхъ молили короля, «какъ намѣстника Божія, какъ живой образъ Божества», ([50]) избавить ихъ отъ притѣсненій новаго фараона. Приглашенный къ отвѣту Гугонъ не хотѣлъ повиноваться. Надобно было прибѣгнуть къ силѣ.

Осада замка Пюизе принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ военныхъ предпріятій Толстаго. Сугерій при-

нялъ рѣшительное участіе въ этомъ дѣлѣ. Онъ укрѣпилъ Тури и снабжалъ отсюда королевскія войска всѣмъ нужнымъ (51). Главныя силы Лудовика состояли изъ церковныхъ дружинъ (52), которымъ онъ былъ обязанъ успѣшнымъ окончаніемъ осады. Гугонъ отбилъ два приступа; попытка Сугерія зажечь замокъ, посредствомъ придвинутыхъ къ стѣнѣ телѣжекъ съ сухимъ хворостомъ, пропитаннымъ саломъ и запекшеюся кровью (53), не удалась; при третьемъ приступѣ, старый священникъ, приведшій лично своихъ прихожанъ, подошелъ, закрываясь отъ стрѣлъ простою доскою, къ самой оградѣ и началъ вытаскивать изъ нея колья. Его примѣру послѣдовали другіе и ворвались съ разныхъ сторонъ въ укрѣпленіе. Замокъ былъ взятъ и владѣлецъ его заключенъ въ Шато Ландонъ. Но эта побѣда вовлекла Лудовика въ новую распрю. Графъ Шартрскій, которому онъ оказалъ помощь противъ Гугона, потребовалъ себѣ часть отнятыхъ у послѣдняго владѣній и вступилъ въ тѣсный союзъ съ дядею своимъ, Генрихомъ Англійскимъ (54). Всѣ прежніе враги короля охотно примкнули къ этому союзу. Смерть Одона, графа Корбельскаго, увеличила трудности и опасность. Ближайшимъ наслѣдникомъ умершаго былъ Гугонъ Красивый, котораго Лудовикъ держалъ подъ стражею въ Шалонѣ. Ему была возвращена свобода съ слѣдующими условіями: онъ отказался отъ Корбеля, обѣщалъ болѣе не тревожить своими требованіями церковныя имѣнія и не возстановлять безъ королевскаго согласія срытыхъ укрѣпленій своего замка. Сугерій, присутствовавшій при всѣхъ переговорахъ съ Гугономъ, не вѣрилъ его обѣщаніямъ и противъ воли согласился на договоръ съ нимъ (55). «Онъ обманулъ насъ»,—говоритъ онъ:—«не искусствомъ, а коварствомъ своимъ» (56).

Поведеніе барона Пюизе оправдало эти предсказанія. Тотчасъ по освобожденіи, онъ приступилъ къ исправленію своего замка, упросилъ Сугерія ѣхать съ порученіемъ отъ него къ королю, который въ то время находился въ Фландріи и, пользуясь его отсутствіемъ, осадилъ Тури. Къ счастію, осторожный превотъ оставилъ здѣсь надежныхъ защитниковъ, отразившихъ первое нападеніе. Самъ Сугерій, узнавъ о случившемся, поспѣшилъ возвратиться и, подвергаясь опасности быть взятымъ или убитымъ, пробрался въ Тури, вмѣшавшись при приступѣ въ ряды непріятеля (57). Король не замедлилъ придти къ нему на выручку. Пюизе подвергся новой осадѣ. Лудовикъ по обычаю бился храбро, такъ что лѣтописецъ опять упрекаетъ его въ отвагѣ, болѣе приличной простому воину, чѣмъ государю (58). Въ самомъ дѣлѣ, его запальчи-

вость была причиною сильнаго пораженія его войскъ, чемъ онъ самъ едва избѣжалъ плѣна, который при то нихъ обстоятельствахъ могъ имѣть огромное вліяніе на с французской монархіи. Эта неудача была, впрочемъ, загл рѣшительною побѣдою и вторичнымъ взятіемъ Пюизе. I дители разрушили его до основанія, какъ «мѣсто, пред божественному проклятію». Всѣ остальные члены феодал союза испытали въ этой войнѣ болѣе или менѣе неуд лѣтописецъ, переходя къ описанію другихъ событій, з чаетъ многозначительными словами: «обязанность госу подавлять могущественною рукою, *по первобытному прав должности* (59), кичливость тирановъ, раздирающихъ го ство безконечными войнами, полагающихъ наслажден грабительствѣ, разорителей бѣдныхъ и разрушителей хр Божіихъ...» (60). Впослѣдствіи Гугону еше разъ удалось дѣть развалинами своего замка и даже убить въ единобс сенешаля Франціи, Ансельма Гарландскаго (61), но у нег не было силъ для дальнѣйшей борьбы не только съ кор но съ Сугеріемъ, возвысившимся до званія аббата св. Діс Бывшій баронъ Пюизе кончилъ жизнь въ Палестинѣ послѣ такихъ-же дѣлъ умеръ отецъ его. Такъ обыкно заключали свое поприще защитники феодальнаго поряд эпоху, о которой идетъ рѣчь (62). Въ крестовомъ поход находили удовлетвореніе двоякой потребности: войны каянія. Кровью магометанъ думали они смыть съ себя наложенныя другою кровью. Въ монастыри и госуда крестоносцевъ сбывала Европа Среднихъ вѣковъ изб безпокойныхъ, неугомонныхъ силъ, при вольной игрѣ рыхъ невозможно было-бы утвержденіе правильныхъ, ненныхъ строгому закону обществъ. Почти въ одно (около 1120 г.) съ Гугономъ Красивымъ сошелъ со сцен гой опасный противникъ Капетингскаго дома, Гугонъ Кр скій, сынъ бывшаго сенешаля Гвидона. Онъ вступилъ въ ство Клюнійское (63).

Мы видѣли, что Сугерій участвовалъ въ послѣднихъ тіяхъ не однимъ совѣтомъ. Онъ дѣятельно помогалъ вику и, безъ сомнѣнія, ускорилъ паденіе замка Пюизе. вліяніе уже простиралось за тѣсные предѣлы капетинг владѣній. Въ 1112 году онъ былъ въ Римѣ на соборѣ, рый предалъ проклятію императора Генриха V и объ недѣйствительнымъ договоръ, заключенный съ нимъ въ дущемъ году папою Пасхаліемъ, относительно инвеститур Тогда-же король француз[illegible]ставилъ роль празднаго теля въ спорѣ между це[illegible] имперіей. Онъ сталъ

на сторонѣ папы. Собранное, по его совѣту и при его пособіи, въ Вѣнѣ (1112 года 16 сентября) духовенство Франціи повторило произнесенное въ Римѣ надъ Генрихомъ проклятіе (65). Рѣшеніе Лудовика и путешествіе Сугерія ко двору папы совпадаютъ не безъ причины. Между этими властителями, столь неравными по объему и характеру ихъ могущества, образовалась съ той поры тѣсная связь, начало которой французскіе историки напрасно ищутъ въ каролингскомъ періодѣ, или при первыхъ преемникахъ Гугона Капета. Отношенія Карла Великаго къ каѳедрѣ св. Петра были другого рода: въ нихъ подразумѣвалось подчиненіе церкви главѣ свѣтскаго государства. Языкъ, которымъ римскіе епископы говорили съ сыномъ и правнукомъ Гугона Капета, показываетъ, что они не высоко цѣнили ихъ вражду или пріязнь. Во второмъ десятилѣтіи XII вѣка, когда споръ за инвеституру принялъ столь грозный для Пасхалія оборотъ, Франція явилась самой вѣрной заступницею угнетенной церкви. Нѣсколько областныхъ соборовъ въ теченіе немногихъ лѣтъ выразили ея мнѣнія. Король, духовенство и народъ стояли за одно. Болѣе всего выиграло въ этомъ случаѣ нравственное значеніе короля. Его не заслоняли болѣе передъ Европою сильные или даровитые вассалы: онъ лично стоялъ во главѣ движенія, поднявшагося въ пользу папы. Стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ доставило ему вліяніе на развязку тяжбы, въ которой рѣшалась судьба Запада. Нельзя не признать, что Лудовикъ умѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ. Онъ однимъ разомъ возвратилъ все утраченное его предшественниками въ общественномъ мнѣніи Европы. Но былъ-ли онъ самъ въ состояніи понять важность событій, въ средоточіи которыхъ его поставила исторія, или на его долю остается только честь осуществленія чужой, подсказанной ему мысли—вотъ вопросъ, для разрѣшенія котораго необходимо составить себѣ ясное понятіе о личномъ характерѣ и степени даровитости Лудовика Толстаго. Жизнь его, написанную Сугеріемъ, часто и не совсѣмъ безъ основанія, называютъ панегирикомъ. Мы выше замѣтили, что при несомнѣнномъ пристрастіи біографа къ царственному другу, онъ осторожно, нехотя говоритъ о собственной дѣятельности Тѣмъ не менѣе, читая внимательно этотъ памятникъ, сличая его съ показаніями другихъ не столь подробныхъ источниковъ, невольно приходишь къ такому заключенію: преемникъ Филиппа былъ добродушный, храбрый, дѣятельный государь; трехлѣтнее пребываніе въ монастырѣ св. Діонисія обогатило его многими идеями, чуждыми феодальному міру, развило въ немъ чувство высшей справедливости,

требованіе лучшаго государственнаго порядка, но онъ не
надлежалъ къ числу людей съ крѣпкою волею и незав
мымъ, самостоятельнымъ убѣжденіемъ. Его воля была по
всегда подчинена чужой; его убѣжденіе доставалось ему из
Его біографъ дважды упрекаетъ его въ томъ, что онъ
себя болѣе какъ простой воинъ, чѣмъ какъ полковод
Лудовикъ не могъ поступать иначе. Онъ былъ не что и
какъ исполнитель, но исполнитель усердный и смѣлый,
крывшій блескомъ рыцарскихъ доблестей политическую те
которую чрезъ него проводилъ въ жизнь аббатъ св. Діон
«Съ Лудовика Толстаго начинается новая эра; объемъ
власти, самая сфера его дѣятельности еще очень ограниче
результаты его усилій незначительны, по крайней мѣрѣ
настоящаго. Театромъ его подвиговъ почти всегда окрес
сти Парижа; онъ упражняетъ свое мужество и умъ про
владѣльцевъ простыхъ замковъ, ограждая безопасность дор
защищая купцовъ. Однако въ этихъ мелкихъ и нѣкотор
другихъ, болѣе значительныхъ предпріятіяхъ можно замѣ
намѣреніе утвердить правильное, центральное правитель
Королевская власть отдѣляется отъ леннаго господства (s
raineté) и требуетъ, хотя робко, но отъ собственнаго им
правъ другого рода. Она выступаетъ какъ высшая общест
ная власть, призванная поддерживать въ пользу всѣхъ и
тивъ всѣхъ справедливость и порядокъ. Эта власть еще
достаточна для осуществленія такой задачи, но въ ней с
и въ умахъ ея подданныхъ уже пробуждается сознані
достоинства и призванія. Таковъ характеръ царство
Лудовика Толстаго. Онъ мало сдѣлалъ для гражданской
боды, но много для образованія государства и національ
правительства; онъ первый вывелъ монархію изъ феодаль
порядка; сообщилъ ей новое начало, новое положеніе
этомъ дѣлѣ, котораго развитіе опредѣлило судьбу Фра
могущественно участвовалъ Сугерій, въ теченіе двадцати
няго управленія своего» ([66]). — Прибавимъ, что современ
назвали аббата св. Діонисія Соломономъ и отцомъ о
ства ([67]). Они не могли не знать, кто правилъ государст
на комъ лежала главная отвѣтственность, и кому слѣд
награда за великія перемѣны, совершенныя во Франц
первой половинѣ XII столѣтія.

Съ 1112 года Сугерій, оставаясь въ званіи превота Т
скаго, велъ исключительно всѣ переговоры французс
короля съ папскимъ дворомъ. Когда заступившій на кае
св. Петра мѣсто Пасхалія (умершаго въ январѣ 111
Гелазій II былъ изгнанъ изъ Рима императорской парті

прибылъ на островъ Маголонъ просить, по примѣру предшественниковъ своихъ, покровительства у короля Лудовика и состраданія у французской церкви, Сугерій былъ отправленъ къ нему навстрѣчу съ дарами и привѣтомъ своего государя ([68]). Въ Везеле должны были съѣхаться Гелазій и Лудовикъ, который, судя по выраженіямъ его біографа, намѣренъ былъ оказать папѣ дѣйствительную помощь противъ непокорныхъ римлянъ ([69]). Свиданіе это не состоялось по случаю смерти Гелазія, скончавшагося въ Клюнійскомъ монастырѣ. На французской землѣ происходило избраніе его преемника. Выборъ кардиналовъ палъ на Гвидона, архіепископа Вѣнскаго, человѣка рѣдкихъ дарованій, близкаго родственника и друга Лудовика Толстаго ([70]). Онъ принялъ имя Каликста II и въ этомъ-же 1119 году созвалъ въ Реймсѣ соборъ, которому предстояло рѣшеніе главныхъ церковныхъ и политическихъ вопросовъ, занимавшихъ западную Европу. Не говоря о дѣлахъ меньшей важности, прелаты, созванные въ Реймсѣ, должны были разсудить папу съ императоромъ, Лудовика Французскаго съ Генрихомъ Англійскимъ.

Мы уже упоминали о вмѣшательствѣ англійскаго короля въ распри его леннаго господина съ мятежными вассалами. Генрихъ былъ постоянно на сторонѣ послѣднихъ. Случай, очень обыкновенный при феодальномъ устройствѣ государствъ, доставилъ наконецъ Лудовику возможность употребить въ свою пользу орудіе, которымъ его противникъ дотолѣ дѣйствовалъ противъ него. Онъ объявилъ себя защитникомъ племянника Генриха, Вильгельма Клитона, законнаго наслѣдника герцогства Норманскаго, отнятаго силою у его отца Роберта Генрихомъ, который прежде такимъ-же образомъ присвоилъ себѣ самое королевство Англійское. Вильгельмъ былъ еще ребенкомъ во время битвы при Теншбре ([71]), рѣшившей судьбу Нормандіи и Роберта, приговореннаго братомъ къ вѣчному заточенію. Рыцарь, которому поручено было его воспитаніе, увезъ его вскорѣ отъ жестокаго и подозрительнаго дяди. Они вмѣстѣ переходили отъ одного феодальнаго двора къ другому, часто жили на счетъ монастырей, гдѣ имъ оказывали гостепріимство, пока наконецъ не нашли надежнаго пристанища и даже помощи у Лудовика Толстаго. Въ свою очередь король французскій обратился къ норманскимъ баронамъ, склоняя ихъ стать подъ знамя настоящаго господина. На это воззваніе отозвались не одни приверженцы бывшаго герцога, а всѣ недовольные строгимъ правленіемъ Генриха. Такихъ было много въ странѣ, гдѣ ленныя учрежденія обнаружили болѣе вліянія на нравы, чѣмъ гдѣ либо въ осталь-

ной Европѣ. Покорность, которой Генрихъ требовалъ отъ своихъ вассаловъ, казалась норманамъ оскорбительнымъ нововведеніемъ. Самые пороки храбраго, но расточительнаго, безпечнаго Роберта являлись блестящими качествами, въ сравненіи съ мелочною расчетливостію и осторожностію его брата, наслѣдовавшаго впрочемъ всю дѣятельность, свирѣпость и дикія страсти Вильгельма Завоевателя. Вообще потомки Роберта Дьявола рѣдко измѣняли родовому характеру ([72]). Война съ Лудовикомъ началась при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для англійскаго короля. Къ его многочисленнымъ внутреннимъ врагамъ присоединились внѣшніе. Графы Анжуйскій, Бретанскій, Фландрскій стали также за Вильгельма Клитона и съ разныхъ сторонъ вступили въ Нормандію. Въ цѣлой исторіи Среднихъ вѣковъ, можетъ быть, не найдется войны, до такой степени выражающей во всѣхъ своихъ частныхъ явленіяхъ характеръ эпохи ([73]). Великихъ битвъ, которыми народы древняго и новаго міра привыкли рѣшать свои споры, нѣтъ вовсе. Военныя дѣйствія заключаются въ мелкихъ стычкахъ, осадахъ замковъ и укрѣпленныхъ городовъ, разграбленіи деревень, опустошеніи полей, принадлежащихъ непріятелю. Вся тяжесть войны падаетъ на однихъ поселянъ. Горожанинъ находилъ убѣжище за стѣною роднаго города; у рыцаря, сверхъ каменнаго замка, въ которомъ онъ не боялся врага, въ десять разъ болѣе многочисленнаго, былъ другой, подвижной, желѣзный—его доспѣхъ. Безъ замка, безъ рыцарскаго вооруженія феодальный порядокъ вещей былъ-бы невозможенъ. Эти чисто внѣшнія, вещественныя условія опредѣлили на нѣсколько вѣковъ перевѣсъ ленной аристократіи надъ утѣсненными ею классами общества. Они находились одни къ другимъ почти въ томъ-же отношеніи, въ какомъ испанцы Кортеца или Пизаро къ мексиканскимъ и перуанскимъ воинамъ. Средневѣковыя общины отстояли свою независимость потому только, что у нихъ были свои укрѣпленія, глубокіе рвы, высокія башни и стѣны, съ вершинъ которыхъ жителямъ легко было отражать нападенія; но въ полѣ городскія дружины рѣдко рѣшались на битву съ феодальной конницею и не выдерживали натиска закованныхъ въ сталь коней и всадниковъ. Подобно греческому Ахиллу или Зигфриду нѣмецкой эпопеи, феодальный воинъ былъ почти неуязвимъ. Только чрезъ немногія отверстія, оставленныя между отдѣльными частями доспѣха, могли достать его непріятельскій мечъ и копье. Глядя на полныя вооруженія той эпохи, хранимыя въ европейскихъ музеяхъ, можно подумать, что люди, ихъ носившіе, принадлежали породѣ, крѣпче сложенной, чѣмъ

ia. Надобно много силы и навыка, чтобы выдержать на чахъ такую массу желѣза (74). За то рыцарскія битвы вѣка, несмотря на несомнѣнное мужество бойцовъ, рѣдко али кровопролитны. Главную опасность представляла воз-кность попасть въ плѣнъ. Сбитому съ коня всаднику дно было снова стать на ноги. Выкупъ свободы стоилъ ого, но и въ этомъ случаѣ отвѣчалъ за леннаго госпо-а его виланъ, съ котораго взыскивалась нужная сумма. сраженіи при Бренмюлѣ (75), 20 августа 1106, гдѣ король рихъ, начальствуя лично надъ своими войсками, разбилъ довика Толстаго, побѣдители взяли 140 рыцарей въ плѣнъ, убитыхъ съ обѣихъ сторонъ было только три (76). «Въ ломъ дѣлѣ,—говоритъ современный лѣтописецъ:—они были кованы въ желѣзо и щадили другъ друга столько-же изъ раха Господня, сколько по причинѣ братства по оружію, ли болѣе старались брать, чѣмъ убивать бѣглецовъ». Слог: война представляла леннымъ владѣльцамъ не столько асностей, сколько случаевъ выказать блестящую ловкость силу; они находили въ ней сверхъ развлеченія отъ скуки, кую неизбѣжно наводила однообразная, праздная жизнь замкѣ, средства къ достиженію извѣстности, богатства и гущества. Когда не было настоящей войны, ее замѣняла кусственная—турниры. Но каменныя и металлическія твер-ни, въ которыхъ жили и двигались эти люди, имѣли, какъ ѣчено выше, не одно внѣшнее значеніе. Онѣ-то дали воз-жность развиться вполнѣ тѣмъ неукротимымъ характерамъ, къ своенравнымъ личностямъ, которые смѣло противопо-ставляли свой произволъ требованіямъ цѣлаго общества и кону. Самое свойство леннаго договора, въ который, кромѣ ложительнаго, юридическаго, входило другое, не столь опре-ленное, большею частію отрицательно выраженное начало, чинявшее господина и его вассала обязанностямъ чисто ственнымъ, открывало широкое поприще личному толко-нію и прихоти. Условное понятіе чести не всегда удержи-ло рыцаря подъ знаменемъ вождя, которому онъ далъ нѣ-да клятву служить. Этимъ самымъ понятіемъ часто оправ-далъ онъ свой переходъ въ враждебный прежнему госпо-ду станъ. Изъ бароновъ, которые въ 1116 году подняли жіе за Вильгельма Клитона, большая часть кончили войну рядахъ его противниковъ. Другіе перешли отъ Генриха къ довику. Такимъ измѣнамъ не было конца. Общественное ѣніе не осуждало ихъ. Изъ многочисленныхъ случаевъ ого рода, о которыхъ разсказываетъ Ордерикъ Виталій, ьмемъ только слѣдующій. Одинъ изъ самыхъ сильныхъ

богатыхъ бароновъ норманскихъ, Евстафій Бретельскій, ж
натый на побочной дочери короля Генриха, Юліанѣ, проси
у него башню Иврійскую, которая нѣкогда принадлежала е
предкамъ. Генрихъ, дорожившій преданностію и службо
Евстафія, обѣщалъ ему исполнить со временемъ его прось
и въ обезпеченіе далъ ему заложникомъ сына рыцаря Рау
которому ввѣрено было храненіе Иврійской башни. Къ нес
стію на барона Бретельскаго имѣлъ большое вліяніе граф
Амальрихъ Монфорскій, «искусный изобрѣтатель преступны
козней». По его совѣту Евстафій вырѣзалъ глаза у своег
заложника и послалъ ихъ его отцу. Рауль отправился к
королю и разсказалъ ему о несчастіи своего сына. Онъ тр
бовалъ мести. Разгнѣванный Генрихъ выдалъ истцу воспит
вавшихся при его дворѣ двухъ дочерей Евстафія, родны
внукъ своихъ. «О горе!—восклицаетъ лѣтописецъ:—невинны
дѣти жестоко искупили преступленіе родителя». Рауль нем
лосердо воспользовался своимъ правомъ: онъ поступилъ
закону возмездія. Внучкамъ короля выкололи глаза и отр
зали носы. Можно себѣ представить, съ какимъ чувством
узналъ баронъ Бретельскій о свирѣпомъ правосудіи тест
Онъ тотчасъ объявилъ ему войну и призелъ въ оборонитель
ное состояніе свои многочисленные замки. Въ самомъ Бр
телѣ приняла начальство противъ отца Юліана. Окруженн
со всѣхъ сторонъ его войсками, безъ надежды на помощ
извнѣ, она рѣшилась на страшное дѣло: пригласила отца
стѣнамъ замка для переговоровъ о сдачѣ и изъ собственны
рукъ пустила въ него стрѣлу. Отцеубійство не удалось. Ге
рихъ избѣжалъ опасности, ему грозившей. По взятіи Бретел
онъ подвергъ дочь свою наказанію, страннымъ образомъ
мыкающему эту кровавую драму. Въ виду войска и жител
Юліана, по приказанію Генриха, обнаженная до пояса, с
стилась по веревкѣ съ городской стѣны въ ровъ, наполне
ный холодною водою. Это происходило въ февралѣ мѣсяц
«Несчастная воительница, покрытая стыдомъ, кое-какъ выбр
лась изъ рва, удалилась къ супругу въ Пасси и разсказал
ему во всей истинѣ свои печальныя приключенія (77)». Впо
слѣдствіи Евстафій снова перешелъ на сторону Генриха; его
супруга умерла въ монастырѣ (78). Сраженіе при Бренмолѣ,
въ которомъ съ обѣихъ сторонъ было убито три человѣка,
имѣло однако рѣшительное вліяніе на ходъ войны. Счастіе
повернулось спиною къ Лудовику. Лучшіе его рыцари был
въ плѣну, норманскіе бароны, приставшіе сначала къ Вил-
гельму Клитону, испуган[redacted]удачею французскаго корол
или утомленные борь[redacted]торой развязка была далеко

мкнули большею частью снова къ Генриху. Изъ великихъ саловъ, вторгнувшихся въ Нормандію, Фульконъ Анжуй- й еще прежде заключилъ миръ съ англійскимъ королемъ помолвилъ свою дочь за его сына ([79]). Графъ Балдуинъ ндрскій ([80]) умеръ отъ раны, полученной имъ при осадѣ ика Э (Eu). Лудовикъ принужденъ былъ оставить Норман- и помышлялъ объ оборонѣ собственныхъ земель. Воз- тившись въ Парижъ, онъ горько жаловался на свое не- стіе графу Амальриху Монфорскому, достойному прадѣду къ Монфоровъ, которымъ суждено было въ слѣдующемъ лѣтіи достигнуть такой славы и вліянія на судьбу Фран- и Англіи. Совѣтъ, данный Амальрихомъ французскому ролю, не уступаетъ въ историческомъ значеніи битвамъ, играннымъ его потомками. «У васъ мало рыцарей,—сказалъ ъ:—об атитесь къ простому народу. Пусть священники ве- ъ на помощь вамъ противъ общаго врага прихожанъ ихъ» ([81]). Исполненный радости король рѣшился послѣдо- ъ этому совѣту. Онъ разослалъ быстрыхъ гонцовъ съ по- лѣніями къ епископамъ. Епископы охотно повиновались и дали проклятію, каждый въ своей епархіи, тѣхъ священ- совъ, равно и прихожанъ ихъ, которые въ назначенный къ не явились для сопровожденія короля въ походъ про- ъ мятежныхъ норманов ([82]). Можно смѣло сказать, что этихъ немногихъ словахъ Ордерика Виталія разсказано вное событіе Лудовикова царствованія. Мы полагаемъ важ- сть этого событія не въ томъ только, что оно громче, мъ всѣ предыдущія, свидѣтельствовало о замѣченномъ уже временниками союзѣ между церковью и капетингской мо- рхіею, а въ выступленіи на театръ феодальныхъ войнъ за- таго Европою, несогласнаго съ ленными учрежденіями на- днаго ополченія. Идея народности въ томъ смыслѣ, въ ка- мъ ее принимаютъ новые народы и отчасти принимали евніе, были совершенно чужда феодализму, полагавшему съ ойственной ему точки зрѣнія, что защита государства ору- емъ составляетъ не общую обязанность гражданъ, а при- легію, исключительное право одного сословія. Старанія рла Великаго и его преемниковъ, особенно въ Германіи, хранить народное ополченіе, вытѣсняемое дружинами васса- въ, оказались безсильными. Послѣднія взяли верхъ повсюду, равному ущербу монархій и національностей. Только въ маніи оставались слѣды учрежденія, безъ котораго невоз- жно государство. Но подобно всѣмъ остальнымъ явленіямъ одальнаго порядка, военная форма, имъ созданная, жина была ненадежна [redacted] евольна. Она рѣдко слу[redacted]

противъ внѣшнихъ враговъ, за то поддерживала постоянныя междоусобицы во всѣхъ концахъ западной Европы. Опытъ, сдѣланный Лудовикомъ Толстымъ въ 1119 году, не могъ имѣть полнаго успѣха. Массы, имъ призванныя къ оружію, были слишкомъ непривычны къ этому дѣлу. Буйныя толпы ринулись на Нормандію и грабили гдѣ могли, не щадя даже церквей и духовенства. Епископы Нойонскій, Лаонскій и другіе, участвовавшіе въ походѣ, не останавливали хищниковъ изъ ненависти къ норманамъ. Дабы удержать ихъ подъ знаменами, они предоставили имъ полный произволъ ([83]). Но фактъ этотъ не остался безъ слѣдовъ. Черезъ пять лѣтъ народное ополченіе Франціи стояло вмѣстѣ съ рыцарствомъ противъ нѣмецкаго императора, грозившаго государству. Въ XV вѣкѣ оно въ свою очередь смѣнило феодальную дружину, которой несостоятельность оказалась вполнѣ при Креси и Азенкурѣ. Изъ ополченія образовалось постоянное войско.

Мы оставили Каликста II въ Реймсѣ, куда съѣхались 15 архіепископовъ, болѣе двухсотъ епископовъ и множество другихъ важныхъ церковныхъ сановниковъ. Въ послѣднихъ числахъ октября 1119 года папа открылъ засѣданія собора. Лудовикъ Толстый явился лично съ жалобою на Генриха. Онъ былъ краснорѣчивъ, высокъ ростомъ, дороденъ и блѣденъ, по словамъ Ордерика Виталія ([84]), сохранившаго намъ рѣчь, произнесенную имъ при этомъ случаѣ. Она содержитъ въ себѣ изложеніе обидъ, нанесенныхъ ему королемъ англійскимъ и племянникомъ его, графомъ Шартрскимъ. Эту рѣчь приписываютъ нѣкоторые историки Сугерію, не приводя впрочемъ никакихъ доказательствъ ([85]). Современники молчатъ. Можно однако предположить, что Сугерій находился въ Реймсѣ въ свитѣ своего государя, или аббата св. Діонисія, хотя онъ самъ не упоминаетъ о своемъ присутствіи при соборѣ. Папа осторожно отсрочилъ до другаго времени рѣшеніе спора между королями англійскимъ и французскимъ. Его и все собранное въ Реймсѣ духовенство слишкомъ занимали— дѣло объ инвеституръ, требованія императора, который стоялъ въ Страсбургѣ, грозилъ и ждалъ отвѣта. Отвѣтъ состоялъ въ новомъ отлученіи отъ церкви, произнесенномъ надъ нимъ съ соблюденіемъ страшныхъ, потрясавшихъ самые крѣпкіе умы обрядовъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ папа имѣлъ свиданіе съ англійскимъ королемъ въ Жизорѣ ([86]), и вѣроятно былъ посредникомъ мира, заключеннаго имъ съ Лудовикомъ въ началѣ 1120 года. Впродолженіе войны, конченной этимъ миромъ, Лудовикъ успѣлъ совершить нѣсколько походовъ въ области, лежавшія къ югу отъ родовыхъ капетингскихъ вла-

ій и рѣзко отдѣленныя отъ сѣверной Франціи характеромъ
эдонаселенія и всѣмъ развитіемъ своей исторіи со временъ
овинговъ. Говоря объ одномъ изъ такихъ предпріятій,
орыми поддерживалась слабая связь между землями, распо-
енными по обѣимъ сторонамъ Луары, Сугерій употребилъ
ıженіе, не безъ причины обратившее на себя вниманіе
ленитаго автора «Исторіи французской цивилизаціи» ([87]):
ır enim regibus longas esse manus ([88]). Мы знаемъ, что
ой фразы безъ горькой ироніи нельзя было приложить
съ Филиппу I, ни къ отцу его. Очевидно, что съ 1108 года
ıженіе короля измѣнилось, что монархическая власть по-
ила новое значеніе, оправдывающее слова лѣтописца.
Около двухъ лѣтъ послѣ реймсскаго собора, Сугерій вто-
ıю отправился въ Италію съ порученіями къ папѣ Лудо-
ı Толстаго. Какого рода были эти порученія, мы не
ѣмъ ([89]). Достовѣрно только то, что Каликстъ II принялъ
ювъ съ большими почетами и даже выразилъ желаніе
ıжать при себѣ Сугерія ([90]). На возвратномъ пути во
нцію послѣдній встрѣтилъ гонца, который привезъ ему
ть о смерти аббата св. Діонисія, Адама, и объ избраніи
самого преемникомъ умершему. Но къ этимъ извѣстіямъ
ıцъ прибавилъ, что король недоволенъ совершеннымъ
ъ его вѣдома и предварительнаго согласія выборомъ, и
ıдилъ въ Орлеанскій замокъ иноковъ ленниковъ св. Діо-
я, явившихся съ просьбою объ утвержденіи новаго аббата
Положеніе Сугерія было крайне затруднительно. Приня-
ъ высокаго сана, въ который возвело его довѣріе братій,
подвергалъ себя гнѣву короля, отказомъ—гнѣву папы.
учивъ одному изъ друзей своихъ ѣхавшему въ Римъ,
ıть мнѣніе Каликста II объ этомъ дѣлѣ, онъ медленно
ıолжалъ свое путешествіе, въ надеждѣ получить болѣе
ıопріятныя извѣстія. Негодованіе Лудовика не могло быть
ıолжительно: оно было вызвано не лицомъ избраннаго, а
мою избранія. Дѣйствительно Сугерій узналъ, еще нахо-
въ дорогѣ, объ освобожденіи депутатовъ монастырскихъ
Орлеанскаго замка и о готовности короля признать его
ıваніи аббата. Лудовикъ лично ожидалъ его въ монастырѣ
Діонисія и встрѣтилъ какъ друга. Обрядъ посвященія со-
ıилъ архіепископъ Буржскій ([92]). Въ 1123 году Сугерій
ıа ѣздилъ въ Римъ, дабы изъявить свою признательность
ѣ церкви. Онъ провелъ шесть мѣсяцевъ при дворѣ Ка-
ста, пользуясь его милостями и довѣріемъ, участвовалъ
ıеликомъ Латеранскомъ соборѣ, утвердившемъ Вормсскій
ıордатъ, заключенный между императоромъ и папою, и

посѣтивъ знаменитѣйшіе своими святынями монастыри И возвратился на родину ([93]), которой угрожала опасност зывавшая къ дѣлу всѣ силы юной монархіи. Въ Ворм конкордатѣ высказалась болѣе усталость, нежели иск желаніе мира со стороны заключившихъ его. Ни импер ни папа не расчитывали на продолжительное перемир оба они думали воспользоваться этимъ временемъ дл готовленій къ будущей борьбѣ. Генрихъ не забылъ у принятаго Франціею въ дѣлѣ инвеституры, явнаго по тельства, оказаннаго ею его противникамъ ([94]). Женат Матильдѣ, единственной дочери и наслѣдницѣ англійска роля ([95]), онъ надѣялся по смерти тестя присоедини своимъ владѣніямъ Нормандію, въ которой опять под партія Вильгельма Клитона и, такимъ образомъ, стѣс задавить въ зародышѣ государство Капетинговъ. Въ 112 императоръ и его тесть объявили войну Франціи и съ двухъ сторонъ нападеніе. Поручивъ оборону графст синскаго и всей сѣверной границы Амальриху Монфор съ которымъ соединились возставшіе въ Нормандіи б Лудовикъ обратился къ остальной Франціи съ требов помощи противъ императора. Это было первое дѣло, с шее цѣлое государство подъ одно знамя. Споръ шел перевѣсъ той или другой феодальной династіи, а о нальной независимости, объ отраженіи иноплеменна дычества. Со всѣхъ сторонъ шли на зовъ Лудовика ры дружины и народное ополченіе. Герцогъ Вильгельмъ Ав скій привелъ войско изъ-за Луары. Теобальдъ Шартрск ствовавшій въ Нормандіи за одно съ дядею Генрихомъ скимъ, служилъ вѣрно въ походѣ противъ Генриха каго, отдѣляя отъ этой войны распрю свою съ ленны сподиномъ. Послѣ торжественнаго молебствія, соверш въ монастырѣ св. Діонисія, защитника и покровител тингскаго королевства ([96]), Лудовикъ поднялъ съ алта фламу, знамя Вексинскаго графства, сдѣлавшееся пото менемъ монархіи ([97]), и принялъ подъ личное нач «сильную и преданную престолу» монастырскую друж стоявшую изъ людей, среди которыхъ прошло его д «Они не выдадутъ меня ни живаго ни мертваго», с онъ ([98]). У Реймса, назначеннаго сборнымъ мѣстомъ, лось такое множество конныхъ и пѣшихъ воиновъ, ч можно было принять за тучи саранчи, покрывшія повер земли ([99]). Для продовольствія войскъ приняты были чайныя въ то время м[illegible]). Императоръ, неожи подобной встрѣчи, посп[illegible]ступилъ. Просьбы епис

итъ Сугерій, отклонили французовъ отъ преслѣдователя ятеля и отъ вторженія въ Германію. «Но никогда, проетъ онъ, не покрывалась Франція такимъ блескомъ, гда не обнаруживала она съ такою славою могущества ненныхъ частей своихъ. Ея король лично побѣдилъ имора Германіи, заочно—короля англійскаго (101). Земля кла предъ Франціею, и гордыня враговъ ея смирилась (102).» тихъ словахъ лѣтописца впервые сказалось народное во француза, впервые выразилось сознаніе единой, не альной Франціи. Богатые дары Лудовика засвидѣтельствоего признательность св. Діонисію и аббату Сугерію. Онъ пилъ монастырю доходы съ ярмарки, происходившей внѣ ограды, сборъ съ дорогъ, и сверхъ того одарилъ его зеи и другими богатствами (103). Аббатъ св. Діонисія дѣйетъ уже не однимъ вліяніемъ на круга, не однимъ совѣ—онъ занялъ мѣсто между великими сановниками госува и принимаетъ явное участіе о всѣхъ значительныхъ гіяхъ не только своей родины, но Западной Европы. Неенно послѣ окончанія войны съ Генрихомъ, онъ былъ нъ письмомъ Каликста II въ Римъ, гдѣ его, вѣроятно, ало кардинальство (104). Но прибывъ въ Лукку, Сугерій ъ о смерти папы и не продолжалъ путешествія, опасаясь дить всегдашнее корыстолюбіе римлянъ (Romanorum vetet novam avaritiam devitando). Изъ грамоты, подписанной 125 года въ Майнцѣ, видно, что онъ былъ въ этомъ въ самое время избранія нѣмецкими князьями преемумершему Генриху. Авторъ «Жизни Лудовика Толстаго» елъ нужнымъ сообщить своимъ читателямъ причинъ поѣздки въ Майнцъ. Но ихъ не трудно угадать, зная е духовенства въ выборѣ Лотара Саксонскаго, и въ ненія отъ нѣмецкаго престола Гогенштауфеновъ. Сугелъ, очевидно, на имперскомъ сеймѣ въ качествѣ франго посла и дѣйствовалъ въ видахъ папской партіи, ной съ выгодами его правительства. На этотъ разъ до-

Д. Жервеза, приписывающаго Сугерію рѣшительное е на дѣйствія сейма, оказывается близкою къ истинѣ (105). арованія уже были оцѣнены римскимъ дворомъ, котохотно употреблялъ ихъ въ дѣло. Число подписей подъ нутою грамотою показываетъ, что Сугерій былъ въ цѣ не одинъ, а съ большою свитою, состоявшею изъ ныхъ лицъ и свѣтскихъ ленниковъ его монастыря. ъ актъ свидѣтельствуетъ вообще объ уваженіи и осоыхъ правахъ, какими пользовался лично новый аббатъ ионисія. Графы Морспехскіе въ Германіи незаконно

дѣли землями, принадлежавшими его обители, за что и бы
отлучены отъ церкви. Въ Майнцѣ, Сугерій, удовлетворенны
уступками и покорностію графа Майнарда, принялъ е
снова въ лоно церкви, несмотря на присутствіе папскаг
легата и Майнцскаго архіепископа, которымъ собственно пр
надлежало такое право (106). Эти прелаты даже подписали
въ числѣ свидѣтелей подъ мировою грамотою.

Частыя отлучки Сугерія изъ Франціи и ввѣренныя иск
чительно ему сношенія съ римской куріею не отвлекали е
отъ внутреннихъ дѣлъ королевства и отъ управленія со
ственнымъ монастыремъ. Мы укажемъ только на выданну
имъ въ 1125 году жителямъ города С. Дени и принадлежа
шаго къ нему округа льготную грамоту, въ которой он
освободилъ ихъ отъ мертвой руки, одной изъ худшихъ по
винностей, тяготѣвшихъ на виланахъ (107), и на походъ, со
вершенный имъ при особѣ Лудовика VI въ Овернь. Сугер
не принадлежалъ къ числу воинственныхъ прелатовъ, кото
рыми такъ богатъ XII вѣкъ, но въ случаѣ нужды онъ
отставалъ отъ другихъ, садился на коня и смѣло велъ
бой дружину св. Діонисія. Это испыталъ на себѣ Гугон
Пюизе. Поводомъ къ войнѣ съ графомъ Вильгельмомъ V
Овернскимъ была ссора послѣдняго съ епископомъ Клермон
скимъ. Король, «не терявшій случаевъ служить церкви», у
помирилъ ихъ однажды (108). Въ 1126 году онъ дол
былъ снова идти за Луару для усмиренія графа Овернь
не слушавшаго его приказаній. Въ экспедиціи участв
лично знатнѣйшіе владѣльцы сѣверной Франціи, между
чимъ графы: Карлъ Фландрскій, Фулконъ Анжуйскій, К
Бретанскій, Амальрихъ Мнофорскій. Даже Генрихъ в
нилъ обязанности вассала и прислалъ ленному госп
отрядъ норманскихъ рыцарей. Воиновъ было болѣе,
нужно для завоеванія всей Испаніи (109), — говоритъ «Ж
Лудовика Толстаго». Но не изъ одного усердія къ ко
шли такъ охотно за Луару бароны сѣверной Франціи.
вела туда давнишняя непріязнь къ богатымъ, промышленны
болѣе образованнымъ племенамъ юга. Походами Лудо
Толстаго открывается движеніе, законченное альбигенск
войнами. Амальрихъ Монфорскій прокладываетъ дорогу вн
своему Симону. Вильгельмъ IX, герцогъ Аквитанскій, пон
опасность, грозившую южной Франціи съ сѣвера, и приш
было на помощь леннику своему, графу Оверньскому.
силы были слишкомъ неравны. Герцогъ присягнулъ въ лен
вѣрност вику и просилъ мира. «Графъ Вильгельмъ
сказа при свиданіи съ королемъ:—получилъ отъ

ɔнь въ ленъ, такъ какъ я принялъ ее отъ тебя; если ты
ɜаешь его виновнымъ, моя обязанность представить его къ
' твоему: я отъ этого не отказываюсь и готовъ дать за-
никовъ ([110])». Людовикъ приказалъ епископу Клермон-
ɯу и графу Озерньскому явиться въ сопровожденіи Акви-
ɔкаго герцога къ суду въ Орлеанъ и возвратился съ тор-
гвомъ въ Парижъ, заставивъ признать власть свою въ
ɪстяхъ, на которыя его предки не имѣли никакого вліянія.

осадѣ замка Монферана, близъ Клермона, аббатъ св.
ɪисія занималъ самое опасное мѣсто въ лагерѣ и, какъ
ɔтой воинъ, долженъ былъ укрываться за щитомъ отъ
ɯышихся на него стрѣлъ. Одинъ только Стефанъ Гарланд-
, съ 1107 года канцлеръ Франціи, заступившій по смерти
ɔъ старшихъ братьевъ своихъ мѣсто сенешаля ([111]), впро-
женіе тридцати слишкомъ лѣтъ не выходившее изъ ихъ
ɻ, пользовался, повидимому, наравнѣ съ Сугеріемъ довѣ-
ностью и милостью Людовика VI. Опредѣлить долю участія
даго изъ нихъ въ отдѣльныхъ событіяхъ было-бы невоз-
ɔно, но, кажется, нетрудно показать отношеніе аббата Су-
ɜ къ одному изъ самыхъ важныхъ явленій той эпохи—
освобожденію городскихъ общинъ.

Знакомымъ съ развитіемъ исторической литературы во
нціи читателямъ извѣстно, до какой степени неоснова-
ɯны были толки писателей прошлаго вѣка о роли, какую
овикъ Толстый игралъ въ спорѣ между французскими
ɔдами и ихъ притѣснителями. Его называли виновникомъ
ɔо движенія, ему приписывали положительное вліяніе на
ɔе образованіе новыхъ городовыхъ учрежденій. Доказы-
ɜ или оспаривать подобныя мнѣнія, послѣ всѣхъ изслѣдо-
й, совершенныхъ въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти
ɻ ([112]), было-бы смѣшно. Мишеле выразилъ результатъ
къ изслѣдованій рѣзкими, но не далекими отъ истины
ɯами: во Франціи общины основали монархію, а не на-
ɔотъ. Людовикъ VI явился только посредникомъ, иногда
ɔтрастнымъ участникомъ въ борьбѣ, которая началась
ɯего, шла независимо отъ его воли и привела къ резуль-
ɯамъ, которыхъ, конечно, ни онъ, ни кто другой изъ его
ɔеменниковъ не могъ предвидѣть. Въ его вмѣшательствѣ
цѣла городовъ нѣтъ ничего систематическаго, ничего обли-
ɯаго дальновидный разсчетъ или политическую цѣль. Ему,
ɯидно, не приходило въ голову ослабленіе феодализма по-
ɔствомъ общинъ. Тоже самое можно сказать о сынѣ его.
ɻько Филиппъ-Августъ оцѣнилъ важность новаго элемента,
едшаго въ феодальное государство и понялъ пользу, ка-

кую этотъ элементъ могъ принести монархіи. Дѣдъ его имѣлъ въ виду другую пользу—денежную. Онъ просто продавалъ свою подпись подъ грамотами, въ которыхъ опредѣлялись отношенія возникавшихъ общинъ къ ихъ владѣльцамъ. Вліяніе его не простиралось на самое содержаніе этихъ актовъ; онъ только скрѣплялъ ихъ и ручался за точное исполненіе обоюдныхъ условій. Въ случаѣ нарушенія договора, обиженная сторона обращалась къ нему съ жалобою и имѣла право на его помощь. Грамотъ, такимъ образомъ подписанныхъ Лудовикомъ Толстымъ, мало, не болѣе осьми. Замѣтимъ, что великіе вассалы учреждали въ своихъ владѣніяхъ общины, не спрашивая согласія короля (113), и не считали его посредничества нужнымъ для прочности договора. Не говоря о Лангедокѣ и Провансѣ, гдѣ, при усилившейся въ XI вѣкѣ промышленности, уцѣлѣвшіе остатки римскихъ учрежденій всплыли наружу и незамѣтно, почти безъ противодѣйствія со стороны властей, развились въ богатыя муниципальныя уложенія, многіе города сѣверной Франціи вытребовали или получили отъ милости своихъ князей значительныя льготы и даже общинныя права, еще до вступленія на престолъ Лудовика VI. Сочувствіе, показанное послѣднимъ къ положенію низшихъ классовъ, страдавшихъ отъ притѣсненій феодализма, его дѣятельность въ пользу порядка и общественной безопасности заставили историковъ XVIII вѣка приписать ему дѣло, значеніе котораго они сами поняли только изъ его послѣдствій. Освобожденіе городовъ вовсе не входило въ ту политическую теорію, которую сынъ Филиппа I вынесъ изъ монастыря св. Діонисія. Напротивъ, духовенство съ рѣшительною непріязнью смотрѣло на движеніе, которое обнаружилось преимущественно въ городахъ, ему принадлежавшихъ. Возстанія противъ свѣтскихъ владѣльцевъ гораздо рѣже; можетъ быть потому, что свѣтскіе бароны, особенно во время крестовыхъ походовъ, часто нуждались въ деньгахъ и охотно заключали сдѣлки съ своими подданными, продавая имъ дорогою цѣною разныя льготы, изъ которыхъ постепенно слагались городовыя уложенія (114). Болѣе богатое и менѣе расточительное духовенство не такъ легко отказывалось отъ своихъ правъ. Здѣсь споръ обыкновенно рѣшался оружіемъ или личнымъ вмѣшательствомъ короля. Хартіи, скрѣпленныя Лудовикомъ Толстымъ, принадлежатъ всѣ епископскимъ или аббатскимъ городамъ. Гибертъ, аббатъ Ногентскій (Nogent), писавшій въ первой четверти XII вѣка, посвятилъ важнѣйшую часть своей автобіографіи подробному и въ высшей степени занимательному описанію смутъ, происходившихъ въ Лаонѣ

между жителями и епископомъ. Изъ этого повѣствованія, которое цѣликомъ перешло въ сочиненія французскихъ историковъ, касавшихся вопроса о происхожденіи общинъ, я возьму только опредѣленіе общины, важное потому, что оно принадлежитъ современнику, и нѣсколько фактовъ, характеризующихъ образъ дѣйствія Лудовика Толстаго. Подъ ненавистнымъ и новымъ именемъ общины, говоритъ Гибертъ, разумѣется слѣдующее: податные жители города платятъ своему господину однажды въ годъ обычныя подати и налоги: въ случаѣ преступленія они вносятъ опредѣленную закономъ пеню. На такихъ условіяхъ, они совершенно свободны отъ всѣхъ другихъ взысканій и повинностей, какимъ обыкновенно подлежатъ рабы. Простой народъ охотно пользуется всякою возможностію откупиться и даетъ за это большія деньги (115). Городъ Лаонъ много терпѣлъ отъ епископа своего Галдериха, воинственнаго прелата, взявшаго своими руками въ плѣнъ Роберта Норманскаго, въ сраженіи при Теншбрѐ. Ходатайство Генриха Англійскаго и не честно нажитое богатство доставили ему Лаонскую епархію. Онъ былъ крайне легкомысленный и жестокій человѣкъ, по словамъ лѣтописца, и болѣе занимался войною и охотою, чѣмъ своимъ дѣломъ. Подданныхъ онъ обложилъ неслыханными налогами. Не довольствуясь обыкновенными источниками доходовъ, онъ изобрѣталъ небывалые дотолѣ, между прочимъ, чеканилъ фальшивую монету, которую, подъ опасеніемъ строгихъ наказаній, должны были принимать бѣдные жители его епархіи. Даже лица высшихъ сословій испытывали на себѣ его жестокость. Жераръ де-Шеризи или Керзи, извѣстный своимъ мужествомъ рыцарь, былъ убитъ въ церкви по его приказанію. Другому Жерару онъ велѣлъ выколоть глаза. Обыкновеннымъ исполнителемъ его безчеловѣчныхъ приказаній былъ негръ, котораго онъ выписалъ съ Востока и держалъ при себѣ въ должности палача. Въ 1109 году лаонцы воспользовались его отсутствіемъ и безъ его вѣдома склонили деньгами Лудовика Толстаго выдать имъ грамоту на учрежденіе общины (116). Богатыми дарами удалось имъ смягчить на время самого Галдериха. Въ продолженіе трехъ лѣтъ городъ мирно пользовался купленными имъ правами. Но въ 1112 году епископъ, которому наскучилъ порядокъ вещей, стѣснявшій его произволъ, обратился къ королю съ предложеніемъ семисотъ ливровъ за уничтоженіе Лаонской общины. Граждане, узнавъ объ этихъ переговорахъ, обѣщали внести, сверхъ прежде уплаченныхъ, еще четыреста ливровъ за сохраненіе своихъ правъ. Лудовикъ не долго колебался между этими предложеніями: онъ

взялъ назадъ свое слово и возвратилъ епископу прежнюю неограниченную власть. «Сынъ Филиппа былъ мужественъ на войнѣ, дѣятеленъ, твердъ сердцемъ въ несчастіи, добръ, но слишкомъ довѣрялъ людямъ низкимъ и корыстолюбивымъ. Этотъ порокъ сдѣлался для него обильнымъ источникомъ неудачъ и нареканій», прибавляетъ аббатъ Ногентскій (117). Крутыя мѣры Галдериха произвели наконецъ кровавое возстаніе, стоившее ему жизни. Лаонъ, навлекшій на себя гнѣвъ короля, принужденъ былъ прибѣгнуть къ покровительству Ѳомы Марнскаго, одного изъ самыхъ свирѣпыхъ бароновъ XII вѣка. Кромѣ его никто не хотѣлъ помочь несчастнымъ гражданамъ Лаона. Послѣ долгихъ и разнообразныхъ бѣдствій, они наконецъ успѣли умилостивить Лудовика и въ 1128 году купили себѣ новую хартію, получившую имя institutio pacis. Замѣчательно, что въ то самое время, когда Лудовикъ воевалъ съ лаонцами и призваннымъ ими Ѳомою Марнскимъ, онъ защищалъ Аміенскую общину противъ того-же Ѳомы и отца его графа Энгерана. Побудительнымъ поводомъ ко вмѣшательству короля были и въ этомъ случаѣ деньги, данныя ему гражданами Аміена (118). Приведенные примѣры достаточно показываютъ, что въ отношеніяхъ къ городамъ Лудовикъ VI руководствовался не политическими видами, а денежнымъ разсчетомъ или другими минутными выгодами, хотя въ предѣлахъ собственныхъ владѣній онъ не терпѣлъ общиннаго устройства и допустилъ его только въ Мантѣ, который, по положенію своему на границѣ Нормандіи и воинственному характеру жителей, требовалъ въ свою пользу исключенія изъ общаго правила. Другіе королевскіе города, напримѣръ Парижъ, Орлеанъ, Этампъ, получили разныя льготы и привилегіи, улучшившія бытъ жителей, но безъ всякаго политическаго характера. Аббата Сугерія, конечно, нельзя причислить къ тѣмъ низкимъ и корыстолюбивымъ людямъ, о вліяніи которыхъ на Лудовика Толстаго упоминаетъ Гибертъ Ногентскій. Нельзя также представить его равнодушнымъ свидѣтелемъ городскихъ смутъ, происходившихъ на всѣхъ концахъ Франціи. Человѣкъ съ его умомъ и властію долженъ былъ по необходимости принять участіе въ общемъ движеніи и выразить, словомъ или дѣломъ, свое мнѣніе въ пользу какой-нибудь изъ двухъ сторонъ. Изъ «Жизни Лудовика Толстаго» видно, что авторъ не любитъ общинъ и какъ-бы не считаетъ нужнымъ говорить объ нихъ. Разсказывая довольно подробно всѣ войны своего героя, онъ упомянулъ и о войнѣ его съ Ѳомою Марнскимъ, но умолчалъ объ ея причинахъ. Лудовикъ является, какъ вездѣ, защитникомъ порядка

и церкви противъ хищнаго, преданнаго проклятію феодальнаго владѣльца. Это повтореніе исторіи съ Бушаромъ Монморанси или съ Гугономъ Пюизе. Только мимоходомъ сказано, что въ одномъ изъ замковъ Ѳомы скрывались люди, убившіе епископа Галдериха «по поводу королевскаго приказанія уничтожить общину», и что они были жестоко наказаны ([119]). Между тѣмъ событія эти важны, они обращали на себя вниманіе цѣлой Франціи, тѣмъ болѣе, что со временъ послѣднихъ Каролинговъ Лаонъ считался столицею государства. Объ Амьенѣ тоже осторожное молчаніе. По словамъ лѣтописца, Лудовикъ водворилъ въ этомъ городѣ миръ, изгнавъ оттуда графа Энгерана, его сына и кастелана Аду (Ада); но причины изгнанія и предшествовавшей ему двухлѣтней войны означены общими выраженіями: ограбленія церквей и всѣхъ окрестныхъ мѣстъ ([120]). Объ общинѣ нѣтъ и помину. Самое слово это одинъ только разъ встрѣчается подъ перомъ Сугерія ([121]), несмотря на то, что оно громко раздавалось кругомъ его. Понятно, почему аббатъ св. Діонисія не благоволилъ къ нему: онъ былъ по преимуществу мужъ порядка, строгій блюститель государственнаго единства. Въ немъ уже замѣтно то стремленіе къ централизаціи, къ подчиненію частей цѣлому, которое составляетъ отличительный характеръ государственныхъ людей Франціи во всѣ эпохи ея исторіи. Съ этой точки зрѣнія, одаренный политическими правами, укрѣпленный, располагавшій собственною дружиною, городъ былъ немногимъ лучше феодальнаго замка. И тотъ и другой упрямо отстаивали свою самостоятельность, свое частное существованіе, и тѣмъ мѣшали успѣхамъ великаго дѣла, начатаго капетингской монархіею при Лудовикѣ VI, т. е. образованію французской національности. Для достиженія такой цѣли надобно было, чтобы распустились и исчезли въ общемъ упорныя особенности, какими не такъ богатъ феодально общинный міръ. Изъ этого не слѣдуетъ, что Сугерій врагъ городовъ вообще. Напротивъ, онъ заботился объ ихъ благосостояніи и объ отмѣнѣ стѣснявшихъ промышленность злоупотребленій, чему служитъ доказательствомъ льготная грамота, выданная имъ отъ себя Сенъ-Дени, и состоявшіяся не безъ его содѣйствія распоряженія Лудовика Толстаго для городовъ королевской области. Но всякое движеніе, къ которому примѣшивалось насиліе, было ему противно. Вотъ почему онъ съ такою похвалою отзывается о походѣ короля противъ убійцъ графа Фландрскаго. По его мнѣнію, «это самый благородный изъ подвиговъ, совершенныхъ Лудовикомъ Толстымъ ([122])».

Смерть Карла Добраго, графа Фландрскаго, и ея послѣд-

ствія составляютъ одинъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ въ исторіи XII столѣтія. Это происшествіе произвело глубокое впечатлѣніе на умы современниковъ, привычныхъ, впрочемъ, къ кровавымъ зрѣлищамъ, и было ими подробно описано. Изъ трехъ памятниковъ такого рода самый полный и лучшій есть дневникъ синдика Брюгскаго Гальберта. Гальбертъ писалъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ страшныхъ событій, совершавшихся предъ его глазами, и живо передалъ оригинальныя черты страны, въ которой съ особеннымъ остервененіемъ боролись всѣ враждебные между собою элементы вѣкового общества. Краткій разсказъ «Жизни Лудовика Толстаго» почти во всемъ согласенъ съ показаніями Брюггскаго синдика.

Не многіе князья той эпохи стояли во мнѣніи европейскихъ народовъ на ряду съ Карломъ Фландрскимъ. Отецъ его, Кнудъ Святой король Датскій, умеръ смертію мученика, въ храмѣ, во время молитвы, подъ ударами убійцъ ([123]). Спасшійся, но лишенный отцовскаго наслѣдія, Карлъ подвигами личной доблести добылъ себѣ громкую славу въ Палестинѣ и въ войнахъ, которыхъ театромъ была Франція. Умирая, графъ Балдуинъ VII Фландрскій назначилъ его своимъ преемникомъ. Лучшаго выбора нельзя былс сдѣлать. Но Карлу предстояла трудная задача: водворить порядокъ въ такой землѣ, какова была Фландрія. Топоръ Балдуина VII притупился, не достигнувъ этой цѣли. Гентъ, Брюгге, Иперпъ и другіе города, купившіе или завоевавшіе себѣ значительныя права, мало заботились объ исполненіи графской воли. Феодальные бароны не стыдились здѣсь вступать въ службу богатыхъ горожанъ и водить ихъ дружины противъ общаго господина. Сѣверная или приморская Фландрія занята была полудикимъ, сохранившимъ много языческихъ обычаевъ племенемъ фламинговъ, потомками тѣхъ саксовъ, которые въ III и IV вѣкахъ грабили берега Римской имперіи и селились на нихъ. Въ началѣ XII вѣка они еще смущали благочестивыхъ странниковъ, посѣщавшихъ ихъ по дѣламъ церкви, наготою тѣла и безстыдствомъ рѣчей ([124]). Частныя распри ихъ между собою и съ сосѣдями были кровопролитны. Прикрѣпленныя къ верхушкѣ ихъ огромныхъ палицъ зажженныя смоляныя лучины давали знакъ къ войнѣ ([125]). Усилія графовъ и духовенства смягчить ихъ нравы были до тѣхъ поръ безполезны Старанія Карла Добраго увѣнчались, повидимому, большимъ успѣхомъ. По крайней мѣрѣ это можно заключить изъ словъ Гальберта: при немъ народъ началъ благоденствовать и вкусилъ отъ благъ справедливости и мира. Когда графъ усмо-

трѣлъ, что выгоды такого порядка всѣми оцѣнены, онъ рѣшилъ, что никто не долженъ ходить съ оружіемъ на рынокъ или около замковъ, и что всякій, недовѣряющій общественной безопасности, подлежитъ наказанію собственнымъ оружіемъ. Впослѣдствіи онъ запретилъ носить луки, стрѣлы и другое оружіе внѣ городовъ ([126]). Но другой современникъ, которому мы также обязаны исторіею Карла Добраго, прибавляетъ къ этой картинѣ безмятежнаго спокойствія многозначительный намекъ: «мужи благоразумные радовались усердію графа, но порочные нетерпѣливо сносили его власть, ибо видѣли, какъ справедливость его охраняла жизнь людей, имъ ненавистныхъ, и противилась всѣмъ ихъ покушеніямъ. Не имѣя болѣе средствъ къ свободному удовлетворенію своихъ страстей, они полагали, что благосостояніе графа несовмѣстно съ ихъ собственнымъ» ([127]). Изъ любви къ своимъ подданнымъ, Карлъ отказался отъ двухъ предложенныхъ ему царскихъ вѣнцовъ: іерусалимскаго и нѣмецкаго ([128]). Къ безпорядкамъ, съ которыми онъ боролся, принадлежала неопредѣленность въ правахъ сословій, естественное слѣдствіе частыхъ смутъ, черезъ которыя прошла Фландрія. Люди, вышедшіе изъ крѣпостного состоянія, занимали мѣста, приличныя только людямъ свободнымъ, и наоборотъ. Карлъ учредилъ нарочные суды для разбора такихъ дѣлъ и поручилъ имъ привести въ извѣстность, кто къ какому классу общества принадлежитъ, дабы никто не уклонялся отъ обязанностей своего званія ([129]). Въ числѣ тѣхъ, на которыхъ особенно падала тяжесть этой мѣры, былъ Бертульфъ, превотъ имѣній, принадлежавшихъ капитулу св. Доната въ Брюгге. Его могущество мало уступало графскому и опиралось, сверхъ огромнаго богатства, на многочисленныхъ родственникахъ, братьяхъ и племянникахъ, которые также обладали обширными владѣніями и занимали важныя должности. Диздиръ Гакетъ, братъ Бертульфа, былъ кастеланомъ брюггскаго замка. Но древность ихъ рода не соотвѣтствовала его богатству и силѣ ([130]). Отецъ Бертульфъ, Эрембальдъ, былъ простой фламингъ и служилъ брюггскому кастелану. Умертвивъ тайнымъ образомъ своего господина, онъ женился на его вдовѣ, которая принесла ему въ приданое, между прочимъ, должность, которую занималъ ея первый, супругъ ([131]). Сыновья Эрембальда пошли по его слѣдамъ. Дабы укрѣпить свое могущество сильными связями и заставить умолкнуть толки о своемъ происхожденіи, они старались породниться посредствомъ браковъ съ знатными фамиліями Фландріи. Но это средство не помогло. Одинъ изъ рыцарей, женатыхъ на племянницахъ превота св. Доната, хотѣлъ

шій кончить какую-то тяжбу судебнымъ поединкомъ, получилъ отъ своего противника отказъ, основанный на неравенствѣ состояній, ибо по фландрскому закону мужъ рабыни по истеченіи года самъ обращался въ рабство. Карлъ, очевидно, принималъ въ этихъ спорахъ не безпристрастное участіе. Ему хотѣлось сломить опасное могущество рода, котораго глава хвастался тѣмъ, что посадилъ Датчанина на графство (132). Въ 1125 и слѣдующемъ году жители Фландріи подверглись страшнымъ бѣдствіямъ отъ неурожая. Въ то время, вѣроятно, признательность народа дала Карлу названіе Добраго. Онъ дѣлился съ неимущими собственнымъ столомъ, приказалъ производить на свой счетъ ежедневную выдачу хлѣба во всѣхъ городахъ графства и вообще принялъ противъ голода мѣры, свидѣтельствующія не объ одномъ милосердіи его, но о рѣдкой въ ту эпоху предусмотрительности. Среди заботъ о народномъ продовольствіи, онъ узналъ, что одинъ изъ братьевъ Бертульфа скупилъ, для перепродажи по высшей цѣнѣ, значительный запасъ хлѣба въ монастырскихъ имѣніяхъ и у иностранныхъ купцовъ. Графъ велѣлъ ему продать этотъ хлѣбъ по той-же цѣнѣ, по какой онъ былъ купленъ (133). Ненависть росла съ обѣихъ сторонъ. Однажды, въ порывѣ неосторожнаго гнѣва, у Карла вырвалась угроза сварить въ котлѣ превота св. Доната (134). Въ кровопролитной распрѣ послѣдняго съ семействомъ Ванъ Стратенъ (135), онъ сталъ на сторонѣ послѣднихъ и наказалъ Буркарда, племянника Бертульфова и зачинщика вражды, сожженіемъ его дома. Но дѣтямъ и внукамъ Эрембальда угрожала еще большая опасность: приговоръ суда могъ свести ихъ разомъ съ высоты блестящаго, почти княжескаго положенія, на низшую степень общественной іерархіи. Они рѣшили отвратить отъ себя бѣду преступнымъ дѣломъ, которое отозвалось далеко за предѣлами ихъ родины и долго жило въ преданіяхъ фландрскаго народа.

Второго марта 1127 года, рано утромъ, Карлъ Добрый молился въ церкви св. Доната. Берегись, графъ,—сказала позади его нищая старуха, которой онъ протягивалъ руку съ подаяніемъ. Графъ обернулся: за нимъ уже стоялъ Буркардъ, самый свирѣпый изъ племянниковъ превота, исполинъ ростомъ, наводившій ужасъ однимъ взглядомъ своимъ, по словамъ лѣтописи. Двумя ударами меча убилъ онъ обреченную его мести жертву. Въ храмѣ раздавалось между тѣмъ пѣнье псалма Давидова. Карлъ испустилъ духъ при словахъ: ты окропишь меня иссопомъ, и очищусь, ты омоешь меня, и стану бѣлѣе снѣга. «Онъ смылъ съ себя грѣхи свои рѣкою собственной крови»,

прибавляетъ Гальбертъ. Онъ умеръ смерью отца. Западная церковь поминаетъ ихъ обоихъ въ молитвахъ своихъ. Исторія также творитъ ему поминки: она чтитъ въ немъ мученика великихъ идей порядка и цивилизаціи, падшаго въ борьбѣ съ неукротимыми страстями поколѣній, считавшихъ общественный порядокъ несовмѣстнымъ съ ихъ личнымъ правомъ, а цивилизацію тяжкимъ гнетомъ ([136]).

За смертью графа послѣдовалъ цѣлый рядъ убійствъ, сначала въ самомъ храмѣ св. Доната, потомъ въ городѣ, гдѣ заговорщики искали и преслѣдовали людей, извѣстныхъ своею преданностію ему. Многіе изъ нихъ успѣли скрыться. Граждане смотрѣли на происходившее съ какимъ-то тупымъ недоумѣніемъ, котораго источникомъ былъ вѣроятно испугъ, а можетъ быть нѣчто худшее — желаніе перемѣны, пристрастіе къ убійцамъ, до дня кровавой измѣны пользовавшимся хорошею славою ([137]). На другой день они, однако, опомнились: начали собираться толпы и разсуждать о томъ, что надлежало дѣлать при такихъ обстоятельствахъ. Надъ трупомъ графа уже плакали и молились жены брюггскія. Онѣ были смѣлѣе мужей и не робѣли предъ ненавистью Бертульфова семейства ([138]). Превотъ думалъ положить конецъ опасному для него плачу перенесеніемъ тѣла въ Гентъ, но ему не дали исполнить этого намѣренія. Черезъ нѣсколько дней онъ долженъ былъ запереться со всѣми сообщниками своими въ замкѣ, котораго кастеланомъ былъ братъ его Диздиръ Гакетъ. Большая часть города Брюгге уже была во власти сбиравшихся со всѣхъ сторонъ приверженцевъ убитаго графа. Кто станетъ мстить за него, когда его не будетъ, говорилъ Буркардъ, готовясь къ преступленію. На этотъ вопросъ отвѣчало все фландрское рыцарство, хотя въ его рядахъ было много тайныхъ друзей, даже соумышленниковъ Бертульфа. Но они не смѣли признаться въ этомъ, видя общее возстаніе. Читатели могутъ прочесть у Гальберта непринадлежащія сюда подробности осады брюггскаго замка, замѣчательной упорствомъ обѣихъ сторонъ, въ особенности достойнымъ лучшаго дѣла мужествомъ осажденныхъ. Отразивъ нѣсколько приступовъ, они должны были удалиться въ церковь, гдѣ совершилось злодѣяніе, и держались здѣсь до послѣдней крайности. Въ жителяхъ города не разъ обнаруживалось сожалѣніе къ нимъ, желаніе облегчить ихъ участь: многіе изъ заговорщиковъ, въ томъ числѣ самъ Бертульфъ, воспользовались этимъ и бѣжали; но Буркардъ не терялъ надежды, бился днемъ и приказывалъ играть на трубахъ, въ знакъ побѣды, ночью. Онъ даже прибѣгалъ къ другимъ средствамъ, къ заклина-

ніямъ, показывающимъ, какъ много еще было языческаго въ правахъ Фландріи. Въ ночь на 3 марта убійцы совершили надъ тѣломъ убитаго ими графа родъ языческой тризны. Они сѣли кругомъ своей жертвы, ѣли хлѣбъ и пили пиво изъ общаго кубка, думая тѣмъ смягчить гнѣвъ покойника и отвратить отъ себя возмездіе ([139]).

Но дѣло ихъ принимало со дня на день худшій оборотъ. Вильгельмъ, кастеланъ Иперискій, потомокъ графовъ Фландрскихъ, въ надеждѣ получить наслѣдіе Карла Добраго, обѣщавшій скорую помощь превоту св. Доната, перешелъ на сторону его враговъ, видя, что они сильнѣе. Много другихъ бароновъ поступили также. Король французскій уже стоялъ въ Аррасѣ и звалъ къ себѣ перовъ графства Фландрскаго, для назначенія имъ новаго господина. Выборъ Лудовика палъ на Вильгельма Клитона, которому онъ нѣкогда безуспѣшно старался доставить герцогство Нормандское. Теперь обстоятельства были благопріятнѣе. Во Фландріи, раздираемой междоусобіемъ, некому было противиться. Генрихъ Англійскій, который, конечно, не безъ опасенія смотрѣлъ на возвышеніе племянника и предвидѣлъ новыя возстанія въ Нормандіи, на этотъ разъ былъ побѣжденъ счастіемъ и быстрыми дѣйствіями Лудовика Толстаго. Внукъ Вильгельма Завоевателя былъ признанъ графомъ баронами и городами фландрскими. Первымъ онъ обѣщалъ всѣ имѣнія Бертульфова семейства, а городамъ—уступки повинностей и налоговъ ([140]). Пятаго апрѣля Лудовикъ вступилъ въ Брюгге; десять дней спустя, сдались осажденные, у которыхъ, наконецъ, оставалась одна подкопанная и разбитая стѣнобитными орудіями колокольня. Ихъ было всего двадцать семь человѣкъ. Прочіе погибли или бѣжали. Граждане брюггскіе просили помилованія Роберту, племяннику превота, юношѣ рѣдкихъ достоинствъ, великодушно ставшему за родственниковъ, въ преступленіи которыхъ онъ не участвовалъ. Лудовикъ согласился только на смягченіе наказанія: Робертъ былъ битъ розгами, потомъ ему отрубили голову. Прочіе подверглись болѣе жестокимъ казнямъ. Бертульфъ, пойманный стараніями бывшаго союзника своего, Вильгельма Иперскаго, былъ повѣшенъ рядомъ съ голодною, терзавшею его собакою. Буркардъ умеръ на колесѣ. Передъ смертью онъ самъ просилъ, чтобы ему отрубили руку, поднятую имъ на Карла. Многіе были свергнуты съ башни Брюггскаго замка, или заживо погребены въ болотѣ. Родъ Эрембальда палъ съ высоты непродолжительнаго величія, но имена пережившихъ его паденіе членовъ встрѣчаются впослѣдствіи снова въ исторіи фландрскихъ смутъ. Правленіе Вильгельма

Клитона продолжалось не долго. Жизнь, проведенная въ битвахъ и перѣздахъ отъ одного феодальнаго двора къ другому, не могла воспитать въ немъ качествъ, которыя были необходимы владѣтелю страны, не умѣвшей вынести Карла Добраго. По совѣту окружавшихъ его рыцарей, новый графъ взялъ назадъ обѣщанія, данныя имъ гражданамъ Брюгге. Лиль и Сентъ-Омеръ, оказавшіе ему сопротивленіе, были наказаны тяжелыми пенями. Вильгельмъ думалъ одною строгостью подавить неудовольствіе своихъ подданныхъ. Онъ не зналъ, съ какими людьми имѣлъ дѣло. Не смотря на видѣнные имъ примѣры, многолюдный, безпокойный Гентъ отказалъ въ повиновеніи графскому кастелану. Рыцарь Иванъ, изъ Алоста, говорилъ съ графомъ отъ имени гражданъ. Онъ предлагалъ ему разобрать ихъ споръ судомъ выборныхъ изъ духовенства и народа, громко обвинялъ въ нарушеніи клятвеннаго обѣщанія и заключилъ требованіемъ: «откажитесь отъ графскаго сана, если наши обвиненія справедливы; мы призовемъ на ваше мѣсто человѣка болѣе способнаго и съ большими правами» (141). Вильгельмъ былъ смѣлъ. Онъ переломилъ-бы соломенку въ знакъ разрыва ленной связи, но его остановилъ ропотъ и говоръ окружавшей ихъ толпы,—говоритъ лѣтописецъ (142). Вѣрный феодальнымъ преданіямъ, не понимая новыхъ отношеній, въ какія его поставила игравшая имъ судьба, онъ, въ свою очередь, предложилъ рыцарю Ивану изъ Алоста кончить споръ поединкомъ. Какъ-будто такая побѣда могла упрочить его шаткое положеніе! Болѣе всѣхъ могъ-бы помочь ему и совѣтомъ и дѣломъ Лудовикъ Толстый. Но Лудовика занимала вспыхнувшая опять война съ Генрихомъ I и Теобальдомъ Шартрскимъ, которому съ 1125 года принадлежала вся Шампанія. Генрихъ поддерживалъ духъ неудовольствія во Фландріи. Враги его племянника получали отъ него всякаго рода пособія (143). Преемникъ Карла едва не испыталъ участи своего предшественника. Въ Иперне готовилось повтореніе кровавой драмы, которой свидѣтелемъ былъ Брюгге. Вильгельмъ, не подозрѣвавшій опасности, сидѣлъ у ипернской дѣвицы, съ которою былъ въ связи. «Она по обычаю вымыла ему голову, потомъ, зная о заговорѣ, стала плакать. Молодой графъ спросилъ любовницу о причинѣ ея слезъ и искусно склонилъ ее просьбами и угрозами открыть ему всѣ подробности, какія она узнала отъ его непріятелей относительно назначенной ему смерти. Тогда, не расчесавъ даже волосъ своихъ, онъ схватилъ оружіе и увезъ съ собою ту дѣвицу, дабы избавить ее отъ всякой опасности. Впослѣдствіи онъ отправилъ ее въ сопровожденіи нѣкотораго аббата къ Вильгельму, гер-

цогу Аквитанскому, своему сверстнику и брату по оружію. Онъ просилъ его выдать ее честнымъ образомъ замужъ, какъ сестру и избавительницу свою. Воля его была исполнена» (144). Черезъ годъ по смерти Карла Добраго жители брюггскіе привѣтствовали уже третьяго графа, Дитриха Эльзасскаго, въ свитѣ котораго вошли въ городъ немногіе, успѣвшіе спасти жизнь свою, члены Бертульфова рода. Ихъ вліяніе на Фламинговъ не мало помогло Дитриху, признанному почти на всѣхъ концахъ Фландріи. Генрихъ Англійскій стоялъ у цѣли. Король французскій, вызванный убѣдительными просьбами Вильгельма Клитона (145), пришелъ поздно. На его требованіе, прислать въ Аррасъ выборныхъ отъ земли фландрской, городъ Брюгге отвѣчалъ вычисленіемъ всѣхъ проступковъ и ошибокъ низложеннаго графа. «Да будетъ вѣдомо королю и всѣмъ князьямъ, современникамъ и потомству, писали смѣлые горожане, что французскому королю нѣтъ дѣла до избранія фландрскаго графа. Это право перовъ и гражданъ Фландріи. Обязанность графа относительно короля заключается только въ военной службѣ за тѣ лѣта, которыя принадлежатъ Франціи (146)». Всѣ результаты блестящаго похода, совершеннаго Лудовикомъ въ 1127 году, были потеряны. 22-го іюля 1128 года Вильгельмъ Клитонъ въ сшибкѣ съ приверженцами Дитриха былъ раненъ копьемъ въ руку. Боль прошла до самаго сердца, сказалъ онъ (147), удаляясь съ поля сраженія. Черезъ пять дней послѣ полученной раны — его не стало. Ему было только двадцать семь лѣтъ отъ роду. На смертномъ одрѣ онъ просилъ дядю о прощеніи и наградѣ слугамъ своимъ. Guillelmus nomine, miser cognomie (имя ему было Вильгельмъ, прозваніе злосчастный), по выраженію лѣтописца, оставилъ по себѣ поэтическое воспоминаніе (148). Его молодость, мужество, рыцарское великодушіе, самыя несчастія прикрыли недостатокъ болѣе положительныхъ правъ на участіе. Смерть его была важною утратою для Лудовика Толстаго, потерявшаго въ немъ орудіе, которое онъ всегда съ успѣхомъ противопоставлялъ Генриху Англійскому. Теперь Генриху нечего было опасаться съ этой стороны. Фландрія до такой степени подчинялась его вліянію, что современники считали его графомъ, а Дитриха—только намѣстникомъ его (149).

Авторъ «Жизни Лудовика Толстаго» не говоритъ о несчастной развязкѣ фландрскихъ дѣлъ и обращаетъ вниманіе своихъ читателей на войну, которую французскій король долженъ былъ въ то-же время вести съ возставшими противъ него Стефаномъ Гарландскимъ и Амальрихомъ Монфорскимъ. Оба они принадлежали дотолѣ къ самымъ вѣрнымъ слугамъ

етингской монархіи. Поводомъ къ враждѣ была совершен-
Стефаномъ безъ королевскаго согласія передача должности
ешаля графу Монфорскому, который женился на его пле-
ницѣ (150). Несмотря на помощь, поданную его ослушни-
ъ изъ Англіи и изъ Шампаніи, Лудовикъ принудилъ ихъ
пить и отказаться навсегда отъ всякихъ притязаній на на-
ідственность сенешальства въ ихъ родѣ. Въ 1130 году
овикъ Толстый положилъ конецъ злодѣйствамъ и грабе-
ствамъ Ѳомы Марнскаго. Около двадцати лѣтъ сряду дер-
ъ Ѳома въ страхѣ почти всю Пикардію. Замокъ его Куси
гался неприступнымъ. Лудовикъ рѣшился, однако, осадить
но Ѳома, избалованный долгою безнаказанностью, самъ
елъ навстрѣчу непріятелямъ. Въ схваткѣ онъ былъ смер-
ьно раненъ и взятъ. «Ни раны, ни оковы, ни угрозы, ни
ьбы не могли склонить закоснѣлаго преступника къ
ѳбожденію купцовъ, которыхъ онъ съ безчестнымъ ко-
ствомъ ограбилъ на большой дорогѣ и держалъ въ тем-
ѣ». Съ трудомъ уговорили его пріобщиться Св. Тайнъ
едъ смертью (151).

Монастырь св. Діонисія былъ центромъ политической дѣя-
ьности въ тогдашней Франціи. Здѣсь обсуживались и рѣ-
ись всѣ важныя предпріятія, сюда сходились всѣ нити
явленія. Тишина, приличная священной обители, смѣни-
ь шумомъ рыцарскихъ пировъ, говоромъ просителей, гром-
и преніями тяжущихся. Даже женщины получили свобод-
доступъ въ монастырь (152). Аббатъ любилъ великолѣпіе,
калъ, какъ мы выше видѣли, княжескую свиту и не чуж-
ся мірскихъ забавъ. Въ сопровожденіи Амальриха Монфор-
о и другихъ знатныхъ сосѣдей, онъ проводилъ цѣлыя
ѣли на охотѣ, которой добыча дѣлилась между больными
гьями, бѣдными и ленниками монастырскими (153). Ози-
съ вершины своего могущества путь, пройденный имъ со
когда отецъ его Гелинандъ принесъ его, бѣднаго и хи-
ь ребенка, въ даръ св. Діонисію, Сугерій вѣроятно не разъ
ѣкся естественнымъ чувствомъ гордости и заслужилъ не
нъ справедливый упрекъ. Не даромъ говорили объ его над-
ности (154). Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ,
истники и недовольные старались унизить его намеками
его происхожденіе (155). Распускали слухи о происках,
ѣдствомъ которыхъ онъ достигъ своего сана и былъ из-
нъ на мѣсто аббата Адама (156). Но душа его не успѣла
ствѣть, не подавила къ себѣ ежедневною заботою нрав-
нныхъ требованій. Согрѣтая, невѣдомымъ его современни-
ъ, гражданскимъ чувствомъ, неотступною мыслью о благѣ

Франціи, она хранила въ себѣ до случая сѣмя еще не обнаруженныхъ, чисто христіанскихъ добродѣтелей. Случай явился: за инокомъ Сугеріемъ давно слѣдили строгія очи другого инока. Когда всѣ соблазны великой власти обступили аббата св. Діонисія, когда душа его, повидимому, задремала подъ льстивый говоръ свѣта, ее пробудилъ повелительный и страстный голосъ, предъ глаголами котораго поникали главою вожди народовъ и самые гордые умы тогдашней Европы, голосъ Бернарда Клервальскаго. Трудно себѣ представить два характера болѣе противоположные. Одинъ былъ по преимуществу мужъ практической дѣятельности, гражданскихъ подвиговъ. Онъ рано усвоилъ себѣ политическую теорію и твердымъ шагомъ шелъ къ ея осуществленію. Въ разрѣшеніи этой задачи сосредоточилъ онъ всѣ свои помыслы, цѣлое существованіе свое. Его не развлекали отвлеченные вопросы науки, хотя знанія его были обширны и любознательность велика. Покорный признаннымъ его церковью ученіямъ, онъ не вступалъ въ богословскіе споры вѣка, начатаго Абелардомъ и законченнаго Альбигенцами, взрастившаго схоластику до совершеннолѣтія, любившаго войну во всѣхъ сферахъ и видахъ. Счастливый случай, а не собственное, неотразимое призваніе, привелъ его въ монастырь. Но онъ былъ вѣренъ, какъ немногіе въ его время, невольнымъ, въ дѣтствѣ произнесеннымъ, обѣтамъ. Церковь наградила его: она дала ему знанія и возвышенное понятіе объ обществѣ, о гражданскомъ порядкѣ и справедливости. Онъ сталъ посредникомъ между ею и государствомъ. Здѣсь обнаруживается оригинальность этого яснаго, но не поражающаго особенною глубиною ума: онъ не уступилъ искушенію, которому поддалась большая часть людей его званія, дѣйствовавшихъ на театрѣ европейской исторіи. Онъ умѣлъ отдѣлить вѣчныя идеи, къ принятію и приложенію которыхъ церковь воспитывала народы, отъ частныхъ цѣлей западной іерархіи. Другъ Лудовика VI, наставникъ и намѣстникъ Лудовика VII не всегда смотрѣлъ на отношенія Франціи съ точки зрѣнія аббата св. Діонисія. Не таковъ былъ основатель Клервальской обители. При самомъ вступленіи въ жизнь, на ея порогѣ, его уже тревожилъ вопросъ о цѣли земнаго существованія. Bernarde, quid venisti (зачѣмъ пришелъ ты, Бернардъ)?—говорилъ онъ себѣ. Видя, что окружавшій его міръ не въ состояніи ему дать отвѣта, онъ отрекся отъ него. Старый отецъ, пять братьевъ, сестра убѣждали его остаться съ ними. Они были знатны и богаты, обѣщали ему все, что могло плѣнить воображеніе красиваго и даровитаго юноши. Онъ устоялъ и удалился въ Сито. Но

ли не безнаказанно бесѣдовали съ нимъ слушали его рѣчи. динъ за другимъ, всѣ они—отецъ, братья и сестра пошли му во слѣдъ. Въ стѣнахъ монастыря Бернардъ не нашелъ ого уединенія, какого жаждала его душа. Онъ основалъ овую обитель въ страшной пустынѣ, среди лѣсовъ, гдѣ до его жили только разбойники. Ему было тогда двадцать че-ыре года отъ рожденія. Постояннымъ постомъ и созерца-емъ онъ убилъ въ себѣ плотскія побужденія, потерялъ спо-юсобность замѣчать внѣшніе предметы и чувство вкуса до ого, что не различалъ масла отъ воды (157). По нѣскольку ней сряду проводилъ онъ безъ сна и безъ пищи, погружен-ый въ таинственный восторгъ, бесѣдуя съ видѣніями своими. вященное Писаніе онъ изучалъ внимательно, но рѣдко При-бѣгалъ къ комментаріямъ и толкованіямъ, довольствуясь тек-гомъ (158). Къ наукѣ, вообще, питалъ недовѣріе. Онъ пи-алъ англичанину Мурдаху, который не рѣшался вступить въ о монастырь, потому что боялся разлуки съ своими кни-ами: въ лѣсахъ найдешь болѣе чѣмъ въ книгахъ; деревья и амни скажутъ тебѣ то, что не услышишь отъ ученыхъ (159). очиненія его не даютъ, впрочемъ, понятія о томъ красно-ѣчіи, которое, по словамъ его біографа, исходило изъ его стъ огненнымъ закономъ (160). Всѣ современные памятники видѣтельствуютъ о неодолимой силѣ его рѣчей. Однажды нъ встрѣтилъ ѣхавшихъ на турниръ рыцарей. Бернардъ на-алъ имъ доказывать грѣхъ, сопряженный съ этою кровавою грою. Рыцари смѣялись, потомъ стали внимательнѣе слушать кончили тѣмъ, что сложили съ себя оружіе и перешли изъ ати земной «въ рать небесную», т. е. постриглись (161). огда вѣсть о пришествіи Бернарда приходила въ какой-ибудь городъ или селеніе, испуганныя жены и матери спѣ-или удалить супруговъ и дѣтей своихъ. Иначе они пошли-бы ь слѣдъ за проповѣдникомъ (162). Онъ не занималъ высокихъ олжностей, не хотѣлъ быть ни епископомъ, ни кардиналомъ, о никто не имѣлъ такого вліянія на дѣла Западной церкви не говорилъ такимъ языкомъ съ папами и государями. айна его могущества заключалась въ непреклонномъ, невѣ-ившемъ уступокъ убѣжденіи. Все, что было отъ міра, мало мѣло значенія въ его глазахъ. Государство и семейство ка-лось ему мимолетными формами, годными только для пада-аго, слабаго человѣка. Несмотря на любовь къ уединенію созерцательной жизни, онъ долженъ былъ часто покидать ервальскую келью и дѣйствовать въ виду цѣлой Европы, бо Западная церковь призывала его на помощь во всякой асности, во всѣхъ борьбахъ своихъ. Къ его мнѣнію при-

слушивались католическіе народы при спорномъ выборѣ папы, его слово громомъ падало на каждую ересь. Этому слову должны были уступить отважная мысль Абеларда и крѣпкая воля Арнольда Брешіанскаго, по словамъ самого Бернарда, «не знавшаго обыкновеннаго голода и жажды, алкавшаго и жаждавшаго только крови душевной (163)». При такомъ взглядѣ на жизнь, аббатъ Клервальскій не могъ высоко цѣнить политическую дѣятельность Сугерія, хотя питалъ къ нему личное уваженіе и пріязнь. Неизвѣстно по какому, именно, случаю и когда онъ обратился къ Сугерію съ упрекомъ и увѣщаніемъ; но изъ одного письма св. Бернарда (164) видно, что въ 1128 году аббатъ св. Діонисія уже оправдался передъ нимъ перемѣною жизни. Бернардъ не себѣ приписываетъ эту нежданную, внезапную перемѣну (165), но радостное чувство, какимъ проникнуто его письмо, показываетъ, что въ его глазахъ оно было великимъ событіемъ. Сугерій началъ съ самого себя преобразованіе ввѣренной ему обители. Не переставая заниматься дѣлами государства, онъ удалилъ отъ себя всѣ внѣшніе признаки своего могущества, все, что могло напомнить людямъ его близость къ престолу. Въ жизнеописаніи его, составленномъ монахомъ Вильгельмомъ, читаемъ любопытныя подробности о принятомъ имъ съ 1128 года образѣ жизни. Никто изъ братіи не превосходилъ его ревностнымъ исполненіемъ монастырскаго правила. Значительную часть дня онъ проводилъ въ молитвѣ, орошая слезами помостъ храма (166); остальное время посвящалось разнообразнымъ трудамъ. Пищу онъ употреблялъ самую простую; трапезу дѣлилъ постоянно съ ниціими; воздерживался, когда былъ здоровъ, отъ мяса; вино пилъ не иначе, какъ съ водою (167). За ужиномъ ему читали вслухъ творенія Отцовъ церкви. Иногда онъ самъ поучалъ присутствовавшихъ разсказами о достопамятныхъ происшествіяхъ и дѣлахъ великихъ мужей. Бесѣда эта часто продолжалась до глубокой ночи (168). Потомъ онъ удалялся въ келью, нарочно имъ для себя устроенную. Она состояла изъ пятнадцати футовъ въ длину и десяти въ ширину (169). «Здѣсь-то,—говоритъ Вильгельмъ,—предавался онъ на досугѣ чтенію, слезамъ и размышленію; сюда уходилъ отъ шума и мірской бесѣды; въ этомъ одиночествѣ онъ, какъ сказано о мудромъ, наименѣе былъ одинокъ:—ибо здѣсь его разумъ упражнялся въ изученіи великихъ писателей всѣхъ вѣковъ (170)». Немногіе часы, проведенные имъ на жестокомъ ложѣ, возстановляли его силы, изнуренныя непрерывнымъ трудомъ. Онъ любилъ подчиненныхъ ему, какъ дѣтей своихъ, заботился объ ихъ здоровьѣ (171) и не ша-

дилъ для этого издержекъ. Къ наказаніямъ прибѣгалъ рѣдко и только въ случаѣ совершенно дознанной вины. За то былъ расточителенъ на награды и пособія бѣднымъ ([172]). Вообще онъ былъ нравомъ веселъ и избѣгалъ всего изысканнаго или неестественнаго въ привычкахъ и поступкахъ своихъ ([173]),

Замѣчательно, что въ томъ-же году, къ которому всѣ издатели относятъ 78 письмо св. Бернарда, онъ велъ переписку совсѣмъ другого рода съ Лудовикомъ Толстымъ, по поводу распри, возникшей между епископомъ Парижскимъ Стефаномъ и капитуломъ Парижскаго собора. Король принялъ сторону канониковъ, за что епископъ наложилъ на его владѣнія церковное запрещеніе. Папа Гонорій II, разсмотрѣвъ дѣло, снялъ съ Лудовика тяготѣвшее надъ нимъ отлученіе, къ крайнему негодованію Клервальскаго аббата, который въ рѣшеніи Гонорія видѣлъ вредную для церкви уступчивость свѣтской власти. Письма, написанныя имъ по этому случаю отъ собственнаго лица и отъ всего ордена Сито, представляютъ любопытный образецъ его языка. Онъ горько обвиняетъ папу въ слабости и требуетъ отъ короля, во имя «дружбы и братства» ([174]), чтобы онъ подчинился приговору Парижскаго епископа. Но Лудовикъ твердо стоялъ за неокрѣпшія еще, почти невысказанныя его предками, права монаріи. Въ 1129 году отъ потребовалъ къ своему суду епископа Сансскаго, обвиненнаго въ святокупствѣ. Голосъ Бернарда раздался снова: въ письмѣ къ Гонорію II, онъ называлъ Лудовика Толстаго вторымъ Иродомъ, гонителемъ Христа ([175]). Принявши въ соображеніе, что Стефанъ Гарландскій былъ въ это время въ немилости и далеко отъ двора, что, слѣдовательно, король руководился не его совѣтомъ, мы въ правѣ допустить вліяніе Сугерія и при этихъ столкновеніяхъ молодой монархіи съ теократическими притязаніями, которыхъ представителемъ былъ аббатъ Клервальскій. Такая роль вполнѣ соотвѣтствовала положенію, какое занималъ Сугерій, и его воззрѣнію на государство. Защищая гражданское общество противъ несправедливости домогательствъ католической іерархіи, онъ всѣми силами поддерживалъ и старался укрѣпить отношенія, въ которыя, какъ мы видѣли, западная церковь вступила къ Капетингской династіи. Смерть папы Гонорія II едва не сдѣлалась причиной раскола для католическихъ народовъ. Несогласные между собою кардиналы выбрали двухъ папъ: Анаклета и Иннокентія II. За перваго стояли большинство кардиналовъ, Рогеръ II Сицилійскій и римскій народъ ([176]). Избраніе его, по всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, совершилось съ соблюденіемъ законныхъ формъ. Но

личныя свойства Анаклета не внушали довѣрія людямъ, и
болѣе дорожившимъ внѣшнимъ достоинствомъ и чисто
церкви. Кромѣ нареканій, падавшихъ на его образъ жи
ему ставили въ вину огромное богатство, наслѣдованное
отъ дѣда-еврея и содѣйствовавшее, по общему мнѣнію,
его возвышенію на престолъ св. Петра. Иннокентій не м
держаться въ Римѣ противъ могущественнаго соперника.
уступилъ ему на время перевѣсъ въ Италіи и, по при
Гелазія, искалъ убѣжища во Франціи, отъ которой ожи
себѣ помощи. Немедленно по его прибытіи, Лудовикъ соз
соборъ въ Этампѣ. Въ виду опасности, которая предст
католическому міру, святой Бернардъ подалъ королю
примиренія и убѣдилъ собранныхъ въ Этампѣ прелатовъ
нять сторону Иннокентія. Его мнѣніе основывалось не сто
на формальной законности выбора, сколько на нравстве
оцѣнкѣ личностей обоихъ папъ (177). Можно безъ преу
ченія сказать, что въ этой великой тяжбѣ Клервальскій аб
игралъ роль судьи, и что его приговоръ болѣе, чѣм
остальное, рѣшилъ участь Анаклета. Король англійскій
колебался: святой Бернардъ вывелъ его изъ недоумѣнія
ложеніемъ взять на себя грѣхъ, сопряженный съ признан
Иннокентія II (178); за Генрихомъ послѣдовали вскорѣ и д
европейскіе государи. Но честь поданнаго примѣра и
кодушнаго гостепріимства, оказаннаго изгнанному нас
нику св. Петра, осталась за Лудовикомъ. Изъ «Жизни
довика Толстаго» видно, что Сугерій былъ въ этомъ
помощникомъ св. Бернарда и дѣйствовалъ въ томъ-же
правленіи въ Клюни, гдѣ жилъ тогда Иннокентій, съ вѣ
о состоявшемся въ его пользу рѣшеніи и съ предложен
услугъ всякаго рода отъ имени короля. Признательный
посѣтилъ въ свою очередь монастырь св. Діонисія и съ
шимъ великолѣпіемъ праздновалъ тамъ Пасху (179).

Слѣдуя завѣщанному Гугономъ Капетомъ обычаю, Л
викъ призналъ еще въ 1129 году соправителемъ и вѣн
на царство старшаго сына своего Филиппа, умнаго и л
маго народомъ юношу. Тринадцатаго октября 1131 года
липпъ упалъ съ лошади и вслѣдствіе ушиба умеръ (180).
потеря страшно подѣйствовала на удрученнаго болѣзне
тучностью короля. Онъ впалъ въ совершенное отчаяніе. Т
настоянія и совѣты Сугерія заставили его, наконецъ, обра
вниманіе на состояніе Франціи и принять мѣры противъ
счастій, которыя въ случаѣ его кончины ей грозили (181)
династія еще не крѣпко сидѣла на престолѣ, при каждо
ремѣнѣ царствованія ей предстояла новая опасность. Ея

были всегда наготовѣ. Они ждали только случая, первой оплошности, чтобы возвратить все, отнятое у нихъ Лудовикомъ въ теченіе тринадцатилѣтней, непрерывной дѣятельности. Не только между феодальными баронами, но въ духовенствѣ была сильная партія, которая разсчитывала на смерть хвораго короля и надѣялась замѣнить наслѣдственную монархію избирательною (182). Это значило отбросить общество на полтора столѣтія назадъ, поставить его въ то самое положеніе, въ какомъ оно находилось при паденіи Каролинговъ. Сугерій посовѣтовалъ Людовику (183) почти тоже, что въ 1108 году, при сходныхъ обстоятельствахъ, совѣтовалъ Ивонъ Шартрскій. 25 октября, слѣдовательно черезъ двѣнадцать дней по смерти Филиппа, папа Иннокентій совершилъ лично надъ его младшимъ братомъ Лудовикомъ VII обрядъ помазанія и возложилъ на него королевскій вѣнецъ. Многіе роптали на эту поспѣшность, говоритъ Ордерикъ Виталій (184); но цѣль Сугерія была достигнута: вопросъ о престолонаслѣдіи былъ устраненъ, и права Капетингской династіи обезпечены на цѣлое поколѣніе.

Взятіемъ замка Брисона на Луарѣ, котораго владѣлецъ грабилъ купцовъ, заключается рядъ подвиговъ, совершенныхъ Лудовикомъ Толстымъ въ пользу общественнаго порядка и безопасности. Ядъ, данный ему въ молодости Бертрадою, и постоянные военные труды окончательно разстроили его здоровье. Возвратясь изъ-подъ Брисона, онъ вручилъ (1133) сыну королевскій перстень, передалъ ему управленіе и изъявилъ желаніе провести остатокъ жизни въ монастырѣ (185). Новыя событія заставили его, однако, перемѣнить намѣреніе. Мы видѣли выше, какъ опасно было для капетингской монархіи соперничество норманскихъ герцоговъ, присоединившихъ къ своимъ обширнымъ владѣніямъ во Франціи цѣлое государство по ту сторону пролива. Король англійскій остался ленникомъ французскаго, но далеко превосходилъ его богатствомъ и силою. Смерть Генриха I представила случай положить конецъ этому неравенству. Внуки Вильгельма Завоевателя заспорили между собою объ его наслѣдіи. Послѣ кровавой междоусобицы Нормандія досталась Матильдѣ, графинѣ Анжуйской, дочери Генриха I; Стефанъ, графъ Булоньскій, удержалъ за собою Англію (186). Ему помогалъ Лудовикъ, отъ котораго, конечно не скрылась вся важность такого дѣлежа. Но одновременно съ ослабленіемъ норманской династіи произошло нежданное усиленіе Капетинговъ. Герцогъ Аквитанскій Вильгельмъ, умершій въ 1137 году въ Кампостеллѣ, куда онъ ходилъ на поклоненіе мощамъ св. Іакова, оставилъ старшей

дочери своей Элеонорѣ герцогство Аквитанію и графство Пуату и завѣщалъ ей выйти, съ согласія бароновъ (187), замужъ за наслѣдника французскаго престола. Несмотря на свидѣтельство Сугерія и другихъ лѣтописцевъ, можно усомниться въ подлинности этого духовнаго завѣщанія (188). Легко было, впрочемъ, обойтись и безъ него. Лудовикъ, въ качествѣ леннаго господина, былъ законный опекунъ Элеоноры и, слѣдовательно, имѣлъ право располагать ея рукою (189). Онъ тотчасъ отправилъ сына въ Бордо въ сопровожденіи многочисленной, походившей на армію свиты. При Лудовикѣ VII находились графы Вермандуа и Шампаніи, аббатъ Сугерій и пятьсотъ знатныхъ рыцарей. Сверхъ того женихъ получилъ на дорогу значительныя суммы денегъ (190). Бракъ, слѣдствіемъ котораго было соединеніе земель, лежавшихъ по обѣимъ сторонамъ Луары, и народонаселеній, которыя въ продолженіе слишкомъ трехъ вѣковъ жили совершенно отдѣльною, различною жизнію, былъ великолѣпно отпразднованъ въ Бордо, куда собрались по этому случаю многочисленные вассалы Элеоноры. Но общаго согласія бароновъ, о которомъ, какъ условіи брака, упомянуто въ мнимомъ завѣщаніи Вильгельма, не было и не могло быть. Племенныя ненависти между сѣверными и южными французами, мѣстные интересы еще были слишкомъ сильны и не могли подчиниться отвлеченному понятію политическаго единства Франціи. Сугерій прямо говоритъ, что при возвращеніи они принуждены были силою очистить себѣ дорогу въ Пуатье и вели настоящую войну съ врагами (191). Эти враги были подданные Элеоноры, недовольные ея замужествомъ. Лудовикъ Толстый не дождался прибытія сына. Онъ умеръ 1-го августа 1137 года (192). Его смертію заключается сочиненіе Сугерія, служившее главнымъ источникомъ для нашего разсужденія. Не считаю нужнымъ говорить подробнѣе объ этомъ памятникѣ: его важность и особенное значеніе должны были обнаружиться читателямъ изъ предыдущаго. Похвалы, расточаемыя Сугеріемъ царственному другу, могутъ показаться преувеличенными; слогъ его напыщенъ; о многихъ примѣчательныхъ событіяхъ не упомянуто вовсе или говорится мелькомъ, съ очевидною осторожностію; но «Жизнь Лудовика Толстаго» даетъ ясное понятіе объ общемъ характерѣ тогдашней Франціи и о господствующемъ надъ всѣми другими явленіями, т. е. о первомъ, рѣшительномъ выступленіи монархіи на то поприще, на которомъ дотолѣ происходила анархическая борьба вытѣснившихъ ее феодальныхъ властей.

По [illegible]атой Сугеріемъ «Жизни Лудовика VII» оставила

значительный пробѣлъ въ бѣдной источниками исторіи этого царствованія. Надобно собирать въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ отрывочныя, часто противорѣчащія одно другому извѣстія. Имя аббата св. Діонисія рѣдко въ нихъ встрѣчается, хотя присутствіе его въ совѣтѣ молодого короля, привыкшаго съ дѣтства «уважать его какъ руководителя и любить какъ отца» (195) не подлежитъ сомнѣнію. Но ходъ, принятый событіями, показываетъ, что дѣйствительное вліяніе Сугерія на дѣла было далеко не такъ значительно, какъ прежде, и обнаруживалось только въ немногихъ случаяхъ. Лудовикъ наслѣдовалъ блестящую храбрость отца, но у него не было вовсе другихъ, болѣе нужныхъ главѣ государства качествъ. Несмотря на природное добродушіе, онъ ознаменовалъ начало своего правленія дѣломъ опрометчивой и безполезной жестокости, казнію гражданъ орлеанскихъ, которыхъ вина заключалась въ томъ, что они просили себѣ общинныхъ учрежденій, возникавшихъ, съ согласія, даже съ одобренія короля, въ другихъ городахъ Франціи (194). Походъ, предпринятый противъ графа Тулузскаго, кончился неудачно, къ ущербу королевскаго вліянія въ областяхъ за Луарою. Важнѣе всѣхъ другихъ происшествій, относящихся къ періоду 1137—1144, была распря Лудовика VII съ папою Иннокентіемъ II, нарушившимъ его право самовольнымъ назначеніемъ Петра-ла-Шатра архіепископомъ въ Буржъ. Король, у котораго былъ въ виду другой кандидатъ, протестовалъ и поручился честнымъ словомъ, что не впуститъ Петра въ неправедно полученную имъ епархію (195). Къ этой причинѣ несогласія присоединилась другая: одинъ изъ самыхъ близкихъ Лудовику людей, Рауль, графъ Вермандуа, женился на меньшей дочери Вильгельма X Аквитанскаго, Алисѣ или Петронилѣ, которая принесла ему въ приданое большія лены въ Бургундіи. Съ этою цѣлью Радульфъ предварительно развелся съ первою женою своею, сестрою Теобальда, графа Шампаніи. Папа, по жалобѣ Теобальда, объявилъ разводъ и новый бракъ Рауля недѣйствительными и отлучилъ его самого отъ церкви. Такая-же участь постигла горячо принявшаго его сторону Лудовика. Споривщія между собою партіи прибѣгли даже къ оружію. Война въ Шампаніи приняла самый жестокій характеръ. Владѣнія Теобальда были разорены огнемъ и мечемъ. Примѣромъ можетъ служить городъ Витри, взятый королемъ лично и сожженный. Между прочимъ, сгорѣла соборная церковь и въ ней 1300 искавшихъ убѣжища и спасенія жителей (196). Это зрѣлище произвело глубокое впечатлѣніе на молодого побѣдителя и заставило его подумать о мирѣ. Если-бы не молитвы и за-

слуги благочестивыхъ мужей, въ ней нѣкогда жившихъ, говоритъ нѣмецкій лѣтописецъ, Оттонъ Фрейзингенскій, Франція погибла бы вслѣдствіе междоусобій, возникшихъ при сынѣ Людовика Толстаго (197). Изъ писемъ св. Бернарда, который не одобрилъ назначеніе Петра-ла-Шатра архіепископомъ Бурж-скимъ, но ревностно защищалъ друга своего, графа Теобальда, видно, что Сугерій принималъ нѣкоторое участіе въ этихъ событіяхъ и что онъ былъ противникомъ папскихъ притязаній. Отзываясь съ привычною жестокостію о Людовикѣ VII, не оправдавшемъ его надеждъ (198), аббатъ Клервальскій осторожно и почтительно обращается къ Сугерію и предлагаетъ ему и Іоселину, епископу Суассонскому, вопросъ: не они-ли поддерживаютъ короля въ враждебномъ расположеніи противъ церкви и графа Шампаніи? «Если все это дѣлается безъ вашего совѣта, странно; еще страннѣе и хуже, если вы подали совѣтъ, ведущій къ новому расколу и порабощенію церкви... Поступки юнаго государя вмѣняются въ вину его старымъ совѣтникамъ (199)». Въ отвѣтъ на потерянное, къ сожалѣнію, письмо Сугерія, Бернардъ оправдываетъ передъ нимъ рѣзкость своихъ выраженій дошедшими до него слухами и желаніемъ высказать и передать другимъ собственное чувство. «Не думайте, прибавляетъ онъ: что я приписываю вашему совѣту или вашей волѣ бѣдствія, которыя мы оплакиваемъ (200)». Изъ этихъ словъ можно заключить, что не аббатъ св. Діонисія пользовался главнымъ вліяніемъ на короля, и что правленіе государствомъ перешло въ другія руки. Иннокентій II не дожилъ до конца этихъ смутъ. Преемникъ его снялъ отлученіе съ церкви, произнесенное надъ Людовикомъ, который вслѣдствіе тѣмъ заключилъ въ монастырѣ св. Діонисія, при дѣятельномъ посредничествѣ Сугерія (201), миръ съ Теобальдомъ.

Многочисленные и разнообразные труды, совершенные Сугеріемъ въ первые годы царствованія Людовика VII, показываютъ въ свою очередь, что у него было много свободнаго времени, и что государственныя дѣла перестали быть его главною заботою. Въ 1140 году онъ приступилъ къ перестройкѣ церкви, посвященной св. Діонисію. Старая церковь, основанная Дагобертомъ въ VII вѣкѣ, съ пристройками государей Каролингской династіи, была мала и ветха. Король Людовикъ заложилъ первый камень. Черезъ четыре года уже было готово новое, великолѣпное зданіе, свидѣтельствовавшее о богатствахъ монастыря. Работы, подъ личнымъ надзоромъ аббата, производились художниками и ремесленниками, вызванными съ разныхъ концовъ Франціи (202). Но цѣнность

іаловъ далеко превосходила достоинство отдѣлки. Коли-
о драгоцѣнныхъ камней и металловъ, употребленныхъ
рашеніе храма, въ самомъ дѣлѣ изумительно ([203]). Подъ
орическими и заимствованными изъ Священнаго Писанія
аженіями на окнахъ и стѣнахъ храма Сугерій помѣстилъ
си въ стихахъ собственнаго сочиненія. Въ образецъ
оэтическаго таланта приводимъ слѣдующее четверости-
одъ изображеніемъ апостола Павла, вращающаго мель-
ій жерновъ, и пророковъ, несущихъ ему мѣшки съ пше-
о:

)lis agendo molam de furfure, Paule farinam,
Mosaicae legis intima nota facis.
: de tot granis verus sine furfure panis,
Perpetuusque cibus n ster et angelicus ([204]).

істроенная Сугеріемъ церковь была предметомъ общаго
енія впродолженіе всего XII столѣтія. Во второй поло-
XIII-го, аббаты св. Діонисія, Одонъ и Матвѣй, предпри-
новыя передѣлки и оставили весьма немного изъ поъ
къ ихъ знаменитаго предшественника ([205]). Но сверхъ
остатковъ у насъ есть любопытное, самимъ Сугеріемъ
вленное описаніе воздвигнутаго имъ храма и принадле-
ихъ монастырю имѣній. Въ 1144 году, черезъ двадцать
да послѣ смерти аббата Адама, его преемникъ написалъ,
юсьбѣ братіи, довольно подробное изложеніе своей дѣ-
ности въ пользу обители. Сочиненіе это, изданное впо-
твіи подъ названіемъ Sugerii Abbatis St. Dionysii liber de
in administratione sua gestis, состоитъ изъ двухъ че-
Въ первой содержится опись монастырскихъ имѣній
ъясненіе мѣръ, принятыхъ аббатомъ къ ихъ улуч-
). Это весьма замѣчательный статистическій памятникъ,
ывающій, что Сугерій былъ, при другихъ дарованіяхъ,
ный администраторъ и хозяинъ. Онъ удвоилъ доходы
:тыря и притомъ нашелъ средство облегчить состояніе,
длежавшихъ св. Діонисію вилановъ. Вторая часть посвя-
описанію новопостроенной церкви ([206]) Къ этой половинѣ
ікаетъ и служитъ ей дополненіемъ небольшое повѣство-
объ освященіи храма и перенесеніи въ него мощей Св.
сія и его сподвижниковъ, Рустика и Элевтерія cibellus de
:ratione ecclesiae a se oditicatae et translatione corporum
ionysii ac sociorum ejus ([207]). Около того-же времени
написано главное по объему и содержанію сочиненіе
ія «Жизнь Лудовика Толстаго».

ість о паденіи Эдессы, взятой мусульманами, вызвала
ія снова на театръ политической дѣятельности. Пора-

женные ужасомъ палестинскіе князья просили помо
западныхъ народовъ, въ особенности у французовъ,
ихъ дивной храбрости» ([208]). Лудовикъ съ радостію пр
этотъ призывъ къ подвигамъ, которыми онъ надѣялся
съ себя грѣхи, навлекшіе на него церковное прокл
загладить воспоминаніе о кровавомъ событіи въ Витри.
Евгеній III, бывшій монахъ клервальскій, ученикъ св. Бе
благословилъ напередъ будущихъ воиновъ новаго крес
похода. Болѣе всѣхъ содѣйствовалъ къ оживленію ох
шаго участія къ судьбѣ Палестины самъ Бернардъ. Н
слово его не дѣйствовало такъ сильно на умы. Въ
1146 года онъ склонилъ большую часть собранныхъ на
по этому поводу въ Везелѣ бароновъ французскихъ
жить на себя крестъ ([209]). Оттуда онъ отправился въ
нію. Проповѣднику предстояло здѣсь трудное дѣло: с
зналъ языка своихъ слушателей и долженъ былъ бо
съ равнодушіемъ, которое до тѣхъ поръ нѣмецкій
показывалъ къ крестовымъ походамъ. Проповѣдь и у
св. Бернарда въ Германіи принадлежатъ къ числу с
характеристическихъ явленій Среднихъ вѣковъ. Аббатъ
вальскій обращался къ толпамъ собиравшагося вездѣ в
него народа съ французской или латинской рѣчью ([
предшествовавшая ему слава, молва о чудесахъ, соверше
имъ на пути, вдохновенное выраженіе прозрачно-бл
утратившаго способность отражать внѣшнія впеча
лица. наконецъ вся наружность, въ которой было так
земной жизни ([211]), сильнѣе всякихъ словъ дѣйствов
воспріимчивое воображеніе массъ. Слушая эти чуждь
звуки, нѣмцы восклицали, ударяя себя въ грудь: Chris
genade! и произносили обѣтъ священной войны ([212]).
всѣхъ упорствовалъ король, Конрадъ III Гогенштауфен
конецъ, настала и его очередь: онъ не устоялъ и п
крестъ вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ, знаменитымъ
рихомъ Барбароссою. Въ началѣ 1147 года Бернар
участвовалъ въ совѣтѣ, который Лудовикъ VII держ
своими прелатами и баронами въ Этампѣ. Дѣло шло
прочимъ о мѣрахъ, которыя надлежало принять для о
нія порядка и управленія государствомъ въ отсутствіи
При тогдашнихъ обстоятельствахъ, трудно было най
дей, которымъ-бы можно было безъ опасенія ввѣрить
сколько лѣтъ королевскую власть. Выборъ прелатовъ
роновъ палъ на Сугерія и графа Вильгельма Неве
Аббатъ Клервальскій указалъ на нихъ, говоря: во
меча ([213]). Но графъ Вильгельмъ отказался отъ опа

елой чести, подъ предлогомъ даннаго имъ прежде обѣща-
вступить въ картезіанскій монастырь; остался одинъ Су-
й, который долженъ былъ уступить настоятельнымъ просьбѣ короля и приказаніямъ прибывшаго во Францію папы енія ([214]). Для облегченія трудовъ ему были даны въ по-дники Самсонъ, архіепископъ Реймсскій, и Рауль (Ра-ьфъ), графъ Вермандуа ([215]). Впрочемъ имъ достались ько второстепенныя роли исполнителей. Самсонъ жилъ въ ей епархіи, Рауль—въ Перонѣ, столицѣ своего графства. одномъ аббатѣ св. Діонисія лежала вся тяжесть государ-еннаго управленія. Онъ одинъ несъ предъ Лудовикомъ и имъ мнѣніемъ отвѣтственность за все, происходившее во анціи въ промежуткѣ отъ 1147 до 1149 года ([216]).

Засвидѣтельствованное современниками вліяніе св. Бер-рда на назначеніе Сугерія правителемъ королевства тѣмъ. мѣчательнѣе, что, по поводу крестоваго похода, обнару-лась еще разъ глубокая противоположность ихъ понятій мнѣній. Сугерій явился противникомъ предпріятія, которое ъ разсматривалъ съ точки зрѣнія государственнаго мужа е должно думать,—говоритъ его современный біографъ нахъ Вильгельмъ:—что король предпринялъ по его на. оянію или совѣту свое путешествіе въ Святую землю. Лу-викъ принялъ это намѣреніе, котораго успѣхъ далеко не отвѣтствовалъ его ожиданіямъ, вслѣдствіе собственнаго бла-естиваго рвенія и усердія къ Богу. Проницательный, пред-ѣвшій грядущее Сугерій не только не внушалъ королю чего подобнаго, но даже не далъ своего одобренія пред-іятію, когда услышалъ объ немъ. Послѣ безполезныхъ лій отвратить зло въ самомъ началѣ, не имѣя возмож-сти умѣрить рвеніе короля, онъ разсудилъ уступить вре-ни, дабы не оскорбить благочестіе государя и не навлечь себя отвѣтственности въ будущемъ ([217])». Опасенія Суге-были справедливы. Второй крестовый походъ дорого ылъ Франціи. Цвѣтъ ея народонаселенія отправился въ лестину. Св. Бернардъ писалъ къ папѣ Евгенію, что про-зѣдь его имѣла полный успѣхъ, что во многихъ мѣстахъ семь женщинъ остался одинъ мужчина ([218]). Сверхъ того юбно было обложить всѣ сословія тяжкими налогами для крытія издержекъ продолжительнаго пути. Благочестивая ль не оправдала предъ современниками жестокихъ средствъ. потъ былъ всеобщій ([219]). Даже духовенство не скрывало его негодованія, тѣмъ болѣе, что ему стоило большихъ ігъ пребываніе во Франціи папы ([220]). Монастырскія лѣто-си и письма духовныхъ лицъ наполнены жалобами на при-

тѣсненія со стороны властей и на расхищеніе церковной ственности. Озлобленные каноники св. Женевьевы из папскихъ служителей, въ присутствіи совершавшаго ственную службу Евгенія и короля. Послѣдній подвергся личнымъ оскорбленіямъ, стараясь возстановить тишин храмѣ ([221]).

Французскіе лѣтописцы, занятые исключительно су крестоваго воинства, не говорятъ вовсе о томъ, что про дило во Франціи во время Сугеріева управленія. Толь біографа его читаемъ слѣдующее: «тотчасъ по отбыті роля и принятіи власти знаменитымъ мужемъ Сугеріемъ, ники, полагавшіе найти въ отсутствіи государя свобод беззаконій, стали являться на разныхъ концахъ госуда и обнаруживать давно задуманные, преступные замыслы. дѣйствовали открыто и силою отбирали достояніе цер бѣдныхъ, другіе грабили не такъ явно. Новый вождь н ленно вооружился противъ нихъ двойственнымъ, вещес нымъ и духовнымъ, царственнымъ и церковнымъ мечем торый былъ ему, по волѣ Божіей, врученъ верховнымъ восвященникомъ. Въ короткое время онъ подавилъ де начинанія противниковъ и смѣлою рукою обратилъ въ н всѣ ихъ козни. Благоволеніе Господа сопровождало его в такъ что онъ одержалъ безкровную побѣду надъ врага государство въ составѣ своемъ не потерпѣло ник ущерба. Такимъ образомъ мужъ добра, левъ извнѣ, но а сердцемъ, подъ руководствомъ самого Христа, велъ мир оружіемъ войну. Жители отдаленныхъ областей королев Лимузена, Берри, Пуату и Гасконіи, въ нуждахъ св прибѣгали къ нему за пособіемъ. Онъ помогалъ имъ и дѣломъ, иногда совѣтомъ, не менѣе самого короля. По доброму отцу семейства, онъ увеличилъ данное ему на реженіе добро, возстановилъ царскія жилища, развалив стѣны и башни. Нѣтъ дворца или другаго королевскаго нія, которое не было-бы хотя частію исправлено имъ кт вращенію Лудовика. Дабы государство въ отсутствіи гос не утратило что-либо изъ своей чести, воинамъ произ лась обычная плата, и въ извѣстные дни имъ выдав одежды или другіе дары. Достовѣрно, что большую этихъ издержекъ Сугерій великодушно принималъ на не прибѣгая къ королевской казнѣ, или къ народу. деньги, поступавшія въ казну, онъ отправлялъ къ царс ному страннику, или откладывалъ до его возвращенія... ковныя почести и званія раздавались и отнимались п приговору. Съ [redacted] согласія посвящались избранные епис

вились аббаты. Епископы повиновались ему и слушали его
ъ зависти и безъ стыда. Они собирались и расходились
его слову, радуясь, что къ духовенству принадлежалъ
кой мужъ, одинъ за всѣхъ несшій всю тяжесть государ-
венныхъ заботъ. Самъ верховный первосвященникъ до того
очиталъ его доблесть и благоразуміе, что все имъ рѣшен-
е въ Галліи утверждалось въ Римѣ... Папа Евгеній писалъ
нему самымъ дружескимъ образомъ, часто подкрѣплялъ
о своими увѣщаніями, но никогда не принималъ повелитель-
го тона, а—не хочу таить истины—смиренно просилъ ([222])...»
этимъ немногимъ словамъ монаха Вильгельма, автора
негирика, извѣстнаго подъ именемъ жизнеописанія аббата
угерія, мы, къ сожалѣнію, не можемъ почти ничего приба-
ть изъ другихъ источниковъ. Важнымъ пособіемъ могла-бы
ужить переписка Сугерія, если-бы она сохранилась въ цѣ-
сти. Но изъ напечатанныхъ Дюшеномъ 164 писемъ этой
реписки, только 16 принадлежатъ самому Сугерію, другія
саны къ нему; въ XV томѣ начатаго бенедиктинцами со-
анія Памятниковъ французской исторіи находится, сверхъ
данныхъ Дюшеномъ, еще шесть писемъ аббата св. Діонисія.
Въ 22 письма относятся къ послѣднимъ шести годамъ его
изни. Написанныя имъ прежде, въ теченіе почти сорока-
тней дѣятельности, погибли. Они безъ сомнѣнія были зна-
тельнѣе уцѣлѣвшихъ, изъ которыхъ немногія имѣютъ на-
оящее историческое достоинство. Положеніе, которое зани-
лъ аббатъ св. Діонисія, заставляло современниковъ обра-
аться къ нему съ просьбами всякаго рода; такъ напримѣръ
и письма отъ трехъ различныхъ лицъ, епископа Оксер-
аго, аббата Везелейскаго и графа Неверскаго, заключаютъ
въ себѣ одну и туже просьбу о покровительствѣ семейству
кого-то медика Роберта ([223]). Большею частью дѣло идетъ
спорахъ, возникавшихъ между духовными лицами, о замѣ-
еніи церковныхъ должностей и т. д. Мы постараемся со-
рать разсѣянныя въ этой перепискѣ извѣстія, болѣе для
ого, чтобы окончательно опредѣлить вліяніе и характеръ Су-
ерія, чѣмъ для пополненія скудныхъ свѣдѣній о состояніи
ранціи подъ его управленіемъ.

Финансовое управленіе въ государствахъ Среднихъ вѣковъ
ыло довольно просто. Оно основывалось не на политико-
кономическихъ теоріяхъ и сложныхъ соображеніяхъ, а на
остыхъ началахъ частнаго хозяйства. Источники доходовъ
ыли многочисленны. Обозрѣть ихъ вполнѣ было легко, но
о то трудно было ихъ поддерживать при шаткихъ отноше-
іяхъ общества, въ которомъ преобладало право сильнаго.

Мы видѣли услуги, оказанныя Сугеріемъ монастырю св. нисія, котораго доходы онъ болѣе чѣмъ удвоилъ. Тѣж мыя экономическія понятія и съ тою-же дѣятельностью такою-же разсчетливостью приложилъ онъ къ государ ному хозяйству. Огромныхъ суммъ, взятыхъ съ собою довикомъ VII, едва достало на продовольствіе его войс Германіи. Съ венгерской границы король писалъ къ с намѣстнику и просилъ его о скорой высылкѣ денегъ Почти всѣ остальныя письма Лудовика, отправленны на пути и во время пребыванія въ Палестинѣ, того-же жанія. Сугерій не только удовлетворилъ этимъ безпрес повторявшимся требованіямъ, но даже находилъ возмож откладывать деньги къ возвращенію короля. Не разъ п дилось ему прибѣгать къ средствамъ своего монастыр покрытія издержекъ крестоваго похода и внутренняго у ленія. Ему суждено было заключить долгое служеніе св нархическимъ идеямъ—послѣднимъ великимъ дѣломъ въ п Капетингской династіи, т. е. сохраненіемъ въ ней правил престолонаслѣдія. Возвратившійся изъ Палестины, весной года, Робертъ, второй сынъ Лудовика Толстаго, ста главѣ партіи, замышлявшей посадить его на престолъ вика VII ([225]). До насъ дошли имена главныхъ зачинщи канцлера Кадурка, Ротрока, графа Першскаго, и Алисы гундской ([226]). Сверхъ этихъ особъ, многія лица изъ вы духовенства и изъ рыцарства поддерживали Роберта в честолюбивыхъ намѣреніяхъ. Есть даже причины думать меньшой братъ Лудовика, Генрихъ, епископъ города Б Радульфъ Вермандуа, который несмотря на навлеченное и себя отлученіе отъ церкви, былъ назначенъ соправителем герія, знали о заговорѣ и сносились съ врагами короля ([227] чальныя вѣсти изъ Палестины о гибели французскихъ кр носцевъ много вредили Лудовику VII: народъ роптал него и на св. Бернарда, какъ на виновниковъ предп такъ страшно кончившагося, и толпами собирался окол берта, желая ему долгихъ лѣтъ и верховной власти Можно смѣло сказать, что одно личное вліяніе Суге современниковъ, общее довѣріе къ нему, его связи съ дями феодальной аристократіи и мѣсто, которое онъ малъ въ духовенствѣ, отвратили отъ Франціи угрожавш переворотъ. Великіе вассалы, между которыми онъ игралъ роль посредника и миротворца, изъявили при с случаѣ готовность защищать законнаго государя. Нес на войну, которая шла между ними за королевство Англі и герцогство Нормандское, графъ Готфридъ Анжуйскій и

Булоньскій вели оба дружескую переписку съ аббатомъ нисія и оказывали ему глубокое уваженіе. Готфридъ ъ его имя выше своего собственнаго въ грамотахъ и ихъ и говорилъ открыто, что готовъ служить ему болѣе самому королю ([229]). Дитрихъ Фландрскій увѣдомилъ я о происках Роберта и предложилъ ему помощь о рода ([230]). Папа Евгеній обратился къ французскому нству. съ предписаніемъ подвергнуть церковному отлу- всѣхъ противниковъ королевскаго намѣстника ([231]). рнардъ подкрѣплялъ Сугерія своими совѣтами и—по- нымъ, впрочемъ, неудачею крестового похода—вліяніемъ щественное мнѣніе. Мы знаемъ, что аббатъ Клервальне отличался мягкостью языка и не льстилъ никому. спыталъ на себѣ папа Евгеній III, котораго онъ назыhomuncio rusticanus ([232]). Упрекая Евгенія въ слабости, оворитъ: не тебя, а меня считаютъ всѣ папою. Въ письБернарда къ Сугерію не встрѣчаемъ такихъ выраженій. бращается къ аббату св. Діонисія съ очевидною лю- и почтеньемъ, какъ къ настоящему главѣ государства: rinceps maximus estis in regno ([233]). Въ письмѣ къ папѣ тзывается о Сугеріи, какъ о второмъ Давидѣ, какъ о дѣнномъ сосудѣ, украшающемъ равно храмъ Божій и ій чертогъ. Въ дѣлахъ мірскихъ онъ вѣренъ и мудръ, ховныхъ усерденъ и исполненъ смиренія и—что весьма о—безукоризненъ въ тѣхъ и другихъ ([234]). Опираясь на ъ помощниковъ, намѣстникъ Лудовика VII взялъ верхъ своими противниками. Неизвѣстно, что происходило въ ніи созванныхъ имъ по этому случаю духовныхъ и свѣт- сановниковъ ([235]), но изъ словъ монаха Вильгельма о заключить, что Робертъ, вслѣдствіе принятыхъ пронего мѣръ, не только долженъ былъ отказаться отъ ъ надеждъ, но даже подвергся наказанію, или по крайнѣрѣ обнаружилъ явное раскаяніе ([236]). Силы Сугерія ли подъ бременемъ непрерывныхъ заботъ. Senex eram, his magis consenui, писалъ онъ къ королю, умоляя его ить возвращеніе. «Нарушители общественнаго спокойюзвратились, а ты, какъ узникъ, пробываешь въ изгнаніи, ешь волку овцу, которую обѣщалъ защищать, уступаешь арство хищникамъ. Во имя взаимной вѣрности, соединей государя съ подданными, молимъ величіе твое, заклин благочестіе, убѣждаемъ кротость твою, не откладывоего отъѣзда далѣе праздника Пасхи, да не явишься Господомъ нарушителемъ данныхъ тобою при вѣнчаніи на царство обѣтовъ. Мы-же ждемъ васъ, какъ ангела

Божія, и приготовляемъ все нужное... Деньги, которыя бирались выслать вамъ, вручены, по вашему распоря рыцарямъ храма. Графъ Радульфъ получилъ также занятые вами у него 3000 ливровъ, за исключеніемъ дв Земли и подданные ваши, милостію Господнею, въ мир годенствуютъ. Въ надеждѣ на ваше возвращеніе, мы с судебныя пени, поголовныя и поземельныя подати, вз ныя при передачѣ ленъ суммы и собранные въ ваши мѣстьяхъ съѣстные припасы. Дома и дворцы ваши сох въ цѣлости, и, гдѣ нужно, исправлены. Не достаетъ господина. Я уже былъ старъ, но въ этихъ трудахъ, тыхъ мною не ради прибыли какой-нибудь, а единствен любви къ Богу и къ вамъ, окончательно состарѣлся. тельно королевы, супруги вашей, осмѣливаемся совѣ вамъ слѣдующее: не обнаруживайте вашего негодовані тивъ нея—если такое чувство есть въ душѣ вашей—) вращенія на родину. Тогда можно будетъ заняться эт другими дѣлами ([237])». Послѣднія строки очень важны показываютъ, что Сугерій, знавшій о ссорахъ Людови Элеонорою, боялся явнаго разрыва и старался предуп несчастный для Франціи разводъ Это подтверждается тельствомъ Вильгельма, который приписываетъ потерю таніи, составлявшей приданое Элеоноры, смерти Сугері Св. Бернардъ былъ другого мнѣнія. Еще въ 1143 го строго осуждалъ короля Лудовика за бракъ, заключ имъ вслѣдствіе политическихъ расчетовъ съ родственницe хотя родство было самое дальнее, а выгоды значитель Клервальскій аббатъ равнодушно глядѣлъ на соединен верной Франціи съ южною; его тревожило нарушеніе к ческаго права, а не новое раздробленіе государства. гласія, которыя начались между супругами въ Палести дали ему случай снова вмѣшаться въ это дѣло и рѣши сообразно съ своимъ убѣжденіемъ. «По совѣту Бер аббата Клервальскаго, король Лудовикъ развелся съ гою своею Элеонорою»,—говоритъ древній памятник веденный г. Мартеномъ ([240]).

Озлобленные его успѣхами, завистники Сугерія расп о немъ разные слухи и старались очернить его въ г. короля. Вильгельмъ неясно упоминаетъ объ ихъ обвин смутившихъ на время «простую душу» Лудовика VII ([2 не знаемъ даже, въ чемъ заключались эти обвиненія. чемъ, недоразумѣніе продолжалось недолго. На возвра пути во Францію, король посѣтилъ папу Евгенія, к обличилъ предъ ним[redacted]обу клеветниковъ и показалъ

настоящемъ видѣуглс заи его намѣстника ([242]). Съ возвращеніемъ Лудовика въ отечество (осенью 1149 года) оканчивается собственно политическая дѣятельность Сугерія. Изъ переписки его видно, что онъ не устранялся рѣшительно отъ участія въ дѣлахъ, и что совѣты его принимались съ уваженіемъ и покорностью людьми, смѣнившими его въ управленіи государствомъ; но онъ самъ считалъ свой гражданскій подвигъ совершеннымъ и готовился къ другому. Его біографъ сообщаетъ много подробностей о почестяхъ, которыя оказывались аббату св. Діонисія въ послѣдніе годы его жизни. «Я видѣлъ,—говоритъ онъ, какъ король и главные сановники государства почтительно стояли предъ великимъ мужемъ, сидѣвшимъ на скамьѣ и поучавшимъ ихъ ([243])». Въ собраніяхъ французскаго духовенства прелаты вставали при его входѣ уступали ему первое мѣсто и первый голосъ ([244]). Даже за предѣлами Франціи, называющей его отцемъ отечества, разеслась его слава. Знаменитый Рогеръ II Сицилійскій выѣхалъ ему на встрѣчу, получивъ ложное извѣстіе объ его прибытіи въ южную Италію; писалъ къ нему, по «долгу дружбы», объ спѣшномъ ходѣ дѣлъ своихъ и просилъ не оставить отвѣтомъ ([245]). Давидъ, король Шотландскій, прислалъ ему письмо богатые дары, въ томъ числѣ огромный зубъ какого-то морскаго чудовища ([246]). Мы видѣли выше его отношенія къ двоимъ искателямъ англійскаго престола, по смерти Генриха I, который также дорожилъ его дружбою, ([247]). Но ни лѣта, ни совершенные труды, ни почести, бывшія за нихъ наградою, не охладили въ немъ внутренней дѣятельности. Онъ собирался продолжать историческое сочиненіе свое о Жизни Лудовика Толстаго« и прибавить къ нему исторію первыхъ годовъ царствованія Лудовика VII. Дошедшія до насъ Historia Luqovici VII» и «Gesta Luqovici VII», очевидно, принадлежатъ не ему, хотя составлены, вѣроятно, при пособіи собранныхъ имъ матеріаловъ или замѣтокъ. Спутникъ Лудовика въ крестовомъ походѣ, Одонъ Дельскій, монахъ св. Діонисія, посвятилъ своему аббату написанную имъ исторію того похода. «Вы описали исторію отца,—говоритъ Одонъ въ своемъ посвященіи:—вамъ по праву подобаетъ разсказать жизнь сына. Вы знали его съ дѣтства короче, чѣмъ кто другой, ибо вы были ему воспитателемъ и кормильцемъ. Что касается до меня, то несмотря на слабость силъ моихъ, я приступаю къ изложенію событій, происходившихъ во время странствованія ко гробу Господню, ибо я былъ свидѣтелемъ этихъ событій, находясь утромъ и вечеромъ при особѣ короля, котораго сопровождалъ въ качествѣ капеллана. Вы

украсите мой разсказъ вашимъ краснорѣчіемъ ([248]). Трудъ Одона долженъ былъ, слѣдовательно, служить только матеріаломъ для жизни Людовика VII, которую намѣревался писать Сугерій. Онъ не успѣлъ исполнить этого предпріятія, хотя по словамъ Вильгельма написалъ начало ([249]). Оно по всей вѣроятности служило пособіемъ сочинителямъ «Исторіи» и «Дѣяній Людовика VII». Впрочемъ достоинство этихъ произведеній, которыя нѣкогда приписывались Сугерію, хотя въ нихъ обоихъ говорится о происшествіяхъ, случившихся послѣ его смерти, очень не велико. «Дѣянія Людовика VII» вошли, равно какъ и «Жизнь Людовика Толстаго», въ составъ общей французской лѣтописи. (Grandes chroniques de France), которую вели монахи св. Діонисія ([250]).

Государственныя дѣла и ученые труды уже не обращали на себя исключительнаго вниманія Сугерія. Мы сказали выше, что онъ готовился къ инымъ подвигамъ Смѣлый приотивникъ крестоваго похода въ эпоху всеобщаго восторга и надеждъ, возбужденныхъ проповѣдью св. Бернарда, хотѣлъ посвятить освобожденію Палестины остатки силъ и жизни ([251]). Гбель нѣмецкихъ и французскихъ крестоносцевъ въ Малой Азіи раздоры и несчастія сирійскихъ христіанъ родили въ немъ глубокое чувство скорби. Онъ рѣшился на дѣло, отъ котораго нѣкогда отказался Клервальскій аббатъ ([252]), т. е. на личное участіе въ войнѣ съ невѣрными. Есть что-то поэтическое въ этомъ рѣшеніи семидесяти-лѣтняго старца, который на закатѣ жизни, проведенной въ строгомъ служеніи гражданскому обществу, въ борьбѣ съ формами и идеями Средняго вѣка, препоясался мечомъ и сталъ ратникомъ самой величавой изъ этихъ идей. Сугерій не хотѣлъ вовлекать Францію въ свое предпріятіе, подвергать ее новымъ утратамъ Онъ требовалъ содѣйствія и помощи только отъ духовенства и встрѣтилъ именно съ этой стороны рѣшительное равнодушіе ([253]). Самъ папа, пораженный развязкою второго крестоваго похода, недовѣрчиво смотрѣлъ на его приготовленія ([254]), въ которыхъ выказались богатства монастыря св. Діонисія. Сверхъ денегъ, необходимыхъ для содержанія войска, съ которымъ онъ собирался выступить въ путь, Сугерій отправилъ большія суммы храмовымъ рыцарямъ въ Палестину. Но дни его были сочтены. Послѣ поѣздки ко гробу св. Мартина Турскаго, онъ заболѣлъ и началъ готовиться къ смерти. Собранныя имъ къ крестовому походу сокровища онъ ввѣрилъ вѣрному рыцарю (Вильгельмъ не называетъ его по имени) и поручилъ ему употребить ихъ для той-же цѣли ([255]). Въ послѣднихъ, незадолго до кончины писанныхъ письмахъ его за-

мѣтно горячее желаніе видѣть близкихъ ему людей, въ томъ числѣ Бернарда Клервальскаго. «Я-бы спокойнѣе умеръ, если-бы мнѣ привелось еще разъ увидѣть ангельскій ликъ вашъ», пишетъ ему Сугерій ([256]). Прощальное письмо къ Лудовику онъ заключаетъ словами: «любите церковь Божію, сиротъ и вдовъ, и Богъ поможетъ вамъ устоять противъ видимыхъ и невидимыхъ силъ, противъ всѣхъ козней вашихъ многочисленныхъ враговъ. Вотъ мой совѣтъ. Берегите письмо мое, ибо меня болѣе не сбережете, и старайтесь исполнить сказанное въ немъ» ([257]). Сугерій умеръ 13 января 1152 года.

Между его современниками были люди, оставившіе по себѣ болѣе громкую славу. Клервальскій аббатъ, Абелардъ, другіе заслонили собою скромный образъ Гелинандова сына. Но они сдѣлали не болѣе его, хотя ихъ дѣятельность была виднѣе и блистательнѣе. Сугерій заложилъ во Франціи первый камень новаго государственнаго порядка. Нетрудно прослѣдить связь, соединяющую его съ одной стороны съ Лудовикомъ Святымъ, съ другой—съ тѣми смѣлыми и жестокими юристами, которые играютъ такую великую и трагическую роль при дворѣ французскихъ королей съ конца XIII вѣка. Съ Лудовикомъ Святымъ у него было общее глубокое чувство права, требованіе нравственныхъ основаній для общества; съ юристами онъ раздѣляетъ потребность строгаго, противоположнаго средневѣковой анархіи порядка, убѣжденіе въ необходимости подчинить всѣ отдѣльные интересы государственному благу. Подобно имъ, онъ боролся съ феодализмомъ и съ возникавшею въ его время общиною, хотя не питалъ къ этимъ формамъ такой ненависти, не считалъ себя въ правѣ употреблять противъ нихъ тѣ средства, какими дѣйствовали юристы, засудившіе Средній вѣкъ, приговорившіе его къ смерти на основаніи римскаго императорскаго права. Здѣсь онъ расходился съ ними. Его политическое воззрѣніе занимало средину между ихъ сухими, отрицавшими все, что было поэтическаго въ современной имъ жизни, ученіями и великолѣпною, но неосуществимою, фантастическою теоріею властей, которую развили германскіе императоры въ борьбѣ своей съ папствомъ. Особенность Сугеріева ума и характера заключалась въ необычайной ясности и простотѣ. Онъ принадлежалъ къ числу рѣдкихъ людей, которые знаютъ хорошо, чего хотятъ, которые отдали себѣ полный отчетъ въ своихъ цѣляхъ и намѣреніяхъ. Благо тому, кто соединилъ въ себѣ такую ясность пониманія съ высокимъ нравственнымъ убѣжденіемъ, безъ котораго нѣтъ прочной исторической заслуги.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ изслѣдованію о Сугеріи.

(1) Et dominatus est annis IX, non tamen diademate regio u Chron. Wilhelmi Godelli, ap. Bouquet, X, 259. Chron. Autissiodor Ibid. 275.

(2) До 1223 года, т. е. до вступленія на престолъ Людовика

(3) Francorum regem Henricum... quia multum erat cupidus et copatium venditionibus assuetus... Guiberti abbatis de Novigento de vit ap. Bouquet, XII, 241... Regem Philippum hominem in Dei rebus ve simum. Ibid.

(4) Надъ королями Робертомъ и Филиппомъ I-мъ.

(5) Ap. Bouquet, VIII, 252.

(6) Epistolae, II. 5.

(7) Гугонъ Капетъ, принявъ королевскій титулъ, заложил нѣдрахъ феодализма первый камень новой монархіи, но для лично этотъ титулъ не имѣлъ опредѣленнаго смысла и значен него не было довольно силъ, не видно даже, чтобы у него было реніе возвысить королевскую власть надъ леннымъ господс (suzerainetè) и связать въ одно цѣлое разбросанные члены н Престолъ болѣе и болѣе унижался при его преемникахъ. При Ро Генрихѣ I и Филиппѣ I едва замѣтны остатки народнаго и мон ческаго единства. Самобытность и независимость не только дал и могущественныхъ вассаловъ, но самыхъ мелкихъ и сосѣ королю ленниковъ возрастаютъ. Изъ всѣхъ связей общества, нилась только феодальная, дѣйствительная и драгоцѣнная, что она единственно поддерживаетъ тѣнь союза подъ однимъ демъ и предотвращаетъ совершенное разложеніе власти и стран значеніе феодальной связи болѣе нравственное, чѣмъ политич Она уступаетъ всякому толчку и готова каждую минуту разорв Guizot. Notice sur Suger. Collection des mémoires relatifs à l'histo France, T. VIII. 8.

(8) У Сисмонди (Hist. des Français, V, 8.) опредѣлено число мѣшняхъ департаментовъ въ каждомъ изъ великихъ ленъ фра скихъ. Но это опредѣленіе приблизительное и неточное. Объемъ кихъ ленъ безпрестанно измѣняется. Земли приходили и отх вслѣдствіе войнъ, бракныхъ союзовъ, раздѣленія феодальныхъ стій на линіи. Возьмемъ, наприм., графство Фландрское. Сис говоритъ, что оно заключало въ себѣ четыре департамента. До ленія отъ него Артуа, перешедшаго къ Капетингамъ въ 1180 графство Фландрское состояло изъ департаментовъ: Сѣвернаго

але и части Сомскаго (de la Somme). Собственная Фландрія состояла одного департамента Сѣвернаго. Но кромѣ того графы Фландрскіе ѣли значительнымъ участкомъ земли на правомъ, имперскомъ у Шельды и неоднократно присоединяли къ областямъ своимъ егау. Еще труднѣе опредѣлить границы земель, принадлежавъ въ XI вѣкѣ двумъ линіямъ графовъ Шампанін. Здѣсь дѣлеь и сдѣлкамъ не было конца. Вообще составленіе географичеъ картъ для средневѣковой Франціи сопряжено съ величайшими ностями. Нужны отдѣльныя карты для каждаго пятидесятилѣтія, очнымъ означеніемъ непосредственныхъ и заднихъ лент (arrière

9) Гордый девизъ бароновъ Куси извѣстенъ:
Je ne suis roi ne duc, prince necomte aussi.
Je suis le sire de Couci. Art de verifier les dates. XII, 231.
10) Guiberti ab. de Novigento de vita sua, ap. Bouquet, XII. 249.
11) Bouquet, XII, 250.
12) Изъ всѣхъ мнѣній о мѣстѣ рожденія Сугерія это самое правдобное. См. доказательства въ Histoire littéraire de la France, 361.
13) По мнѣнію Карне (Etudes sur les fondateurs de l'unité nationale rance, I, 75) Сугерію было около 10 лѣтъ въ 1091 году, когда ъ привелъ его въ монастырь св. Діонисія. Но Сугерій провелъ ть лѣтъ въ пріорствѣ Летрейскомъ и возвратился оттуда въ году, слѣд. онъ вступилъ въ монастырь не въ 1091 году, а е.
14)... in tam brevi corpusculo talem natura collocaverit animum, tam osum, tam magnum... Wilhelmi San Dionysiani Vita Sugerii Ap. Bouquet, 112.
15) Лудовикъ VI родился въ 1077 или 1078 году. Art de ver. les-. V, 512.
16) Sugerii, Vita Ludovici Grossi, ap. Bouquet, XII, 11, 12, 13.
17) Эта мысль уже была высказана графомъ Карне. «Очевидно, ритъ онъ, что въ монастырѣ св. Діонисія для него (т. е. Лудо-. VI) составили теорію королевской власти, что онъ приписыъ себѣ новыя права, возложилъ на себя новыя обязанности. На ъ важныхъ поступкахъ его жизни отразилось вліяніе церковь идей, постоянно присущихъ, постоянно вопрошаемыхъ. Онъ ѣтъ на конѣ, во всей суровости феодальныхъ нравовъ, но его пріятія обличаютъ систему, свидѣтельствуютъ о предусмотрительности, чуждой тому времени. I. 86.
(18) Не только сочиненія, но самый характеръ и дарованіе Сугеподвергались не разъ строгимъ приговорамъ. Не считаемъ нужъ приводить до недобросовѣстности пристрастные отзывы объ ъ писателей XVIII вѣка. Одинъ изъ его тогдашнихъ біографовъ нялъ его даже въ томъ, что онъ во время своего пребыванія въ лѣ ничего не дѣлалъ, а только спалъ, да пѣлъ. (Dauvigny. Hist. hommes illustres, I, 69. Онъ не далъ себѣ, впрочемъ, труда назвать чникъ, изъ котораго заимствовалъ такія подробности. По мнѣнію ионди, сочиненія Сугерія вовсе не показываютъ государственнаго вообще великаго человѣка (Hist. des Français, V. 69). Отзывъ) мы взяли эпиграфомъ къ этому изслѣдованію. Но знаменитый рикъ былъ неправъ, говоря о Лудовикѣ Толстомъ: въ его правили не было ничего систематическаго. Мало заботясь о теоріи и о ашемъ, онъ удовлетворяетъ, сообразуясь только съ здравы[illegible] комъ, требованіямъ настоящаго. По возможности, онъ [illegible]

ваетъ и возстановляетъ вездѣ правосудіе и порядокъ. Онъ вѣритъ, что получилъ призваніе и право такъ дѣйствовать, но не связываетъ ихъ ни съ какимъ общимъ началомъ, ни преслѣдуетъ никакой великой цѣли (Hist. de la civilisation en France. 42 leçon). Внимательное изученіе «Жизни Лудовика Толстаго» приводитъ къ другимъ заключеніямъ. Я ихъ высказалъ выше. Впрочемъ, противъ Гизо можно привести его собственныя слова, сказанныя имъ въ краткой біографіи Сугерія, напечатанной при французскомъ переводѣ его сочиненій. (Collect. des mémoires, VIII, IX). Это замѣчательное мѣсто будетъ приведено нами.

(19) Въ 1098 или 1099 году. Art de ferifier les dates. VIII. 512.

(20) Область Вексинская (pagus Vilcassinus) лежала между рѣками Уазою и Анделью и была уступлена монастырю св. Діонисія еще королемъ Дагобертомъ, или однимъ изъ его преемниковъ въ VII вѣкѣ. Послѣ нашествія норманновъ въ 912 году, эта область раздѣлилась на двѣ части. Сѣверная отошла къ герцогству Норманскому, южная (между Эптою и Уазою) осталась леномъ св. Діонисія. Въ 1076 году послѣдній графъ Вексинскій пошелъ въ монастырь. Мѣсто его занялъ король Филиппъ I, вслѣдствіе чего онъ сталъ ленникомъ св. Діонисія.

(21) Vita Ludovici Grossi, p. 12. Ордерикъ Виталій въ X кн. Церковной исторіи Нормандіи говоритъ, что вексинскіе бароны вели эту войну безъ содѣйствія французскаго королевскаго дома. Сугерію эти дѣла были извѣстнѣе.

(22) Вильгельмъ былъ убитъ на охотѣ, стрѣлою, неизвѣстно кѣмъ пущенною. Подозрѣніе пало на Валтера Тиреля, бѣжавшаго во Францію. Но Сугерій разсказываетъ, что Тирель, въ то время, когда ему уже нечего было бояться или надѣяться, увѣрялъ его клятвенно въ своей невинности. Ibid.

(23) Non tentus, neque enim Francorum mos est. Sugerii Vita Lud. Grossi, 13.

(24) Quid incommodi, quid calamitatis a regia majestate subditorum mereatur contumacia. Ibid.

(25) Suger. de Vita Lud. Gr. 15.

(26) Warnkoenig, Französische Staats-und Rechtsgeschichte. I. 218—231. Здѣсь коротко, но отчетливо изложены отношенія французскаго духовенства, отъ вступленія на престолъ Гугона-Капета до Филиппа Краснваго (1285).

(27) Въ школѣ Сомюрской, по мнѣнію издателей Histoire littéraire (XII, 362). принятому Гизо. Они ссылаются на 88 письмо Сугерія, изъ котораго нельзя вывести положительнаго заключенія (Duchesne, Historiae Francorum scriptores IV, 522). Впрочемъ, на основаніи собственныхъ словъ Сугерія, можно предположить, что въ 1105 или даже 1106 году онъ опять посѣщалъ какую-нибудь школу. Сугерій говоритъ о соборѣ въ Пуатье (26 іюня 1106 года): cui et nos interfuimus quia recenter a studio redieramus. Vita Lud. Gr. 18.

(28) Scripturae divinae ita erat lectione plenissimus, ut undecumque interrogatus fuisset, paratum haberet competens absque dilatione responsum. Gentilium vero poëtarum ob tenacem memoriam oblivisci usquequaque non poterat, ut versus Horatianos utile aliquid continentes usque ad vicenos, saepe etiam ad tricenos memoriter nobis recitaret. Ita perspicaci ingenio et felici memoria quidquid semel apprehenderat, elabi illi ultro non poterat. Quod cuncti norunt quid memorem, hunc videlicet summum oratorem claruisse temporibus? Re etenim vera, juxta illud Marii Catonis, erat vir bonus dicendi peritus Tantam si quid in utraque lingua, materna scilicet

latina, facundiae possidebat gratiam, ut quidquid ex illius ore audisses on eum loqui, sed legi crederes. Erat illi historiarum summa notitia et iemcumque illi nominasses Francorum regem, vel principem, statim ejus sia inoffensa velocitate percurreret. Vita Sugerii a Wilhelmo San-Dionyano ejus discipulo. Ap. Bouquet, XII, 104. Erat Caesar animo, sermone icero. Id. 106. Lectio quidem erat de libris Patrum authenticis, aliquando ecclesiasticis aliquid legebatur historiis. Id. 107.

(29) У Сугерія нѣтъ объ этихъ происшествіяхъ ни слова. Весь разсказъ находится у Ордерика Виталія, Hist. ecclesiastica; ap. Bouquet, II. 693—4. Другой лѣтописецъ, Роджеръ Говеденскій, говоритъ, что Людовикъ былъ въ Англіи въ 1101 году.

(30) Vita Ludovici Grossi, 16.

(31) Ibid. Age. inquiens, fili Ludovici, serva excubans turrim, cujus vexatione pene consenui, cujus dolo et fraudulenta nequitia nunquam acem bonam et quietem habere potui.

(32) Vita Lud. Grossi, 17.

(33) Warnkoenig Franz. Staats-und Rechtsgeschichte I. 210—11.

(34) Hist. Littéraire, XII, 363. C'est encore de lui que l'on tient qu'il voit assisté deux ans auparavant au conseil d'Etat où l'on delibera sur le ariage de la fille de Gui Trussel. Но Сугерій вовсе не упоминаетъ о своемъ участіи.

(35) Hist Litt. XII, 363.

(36) Vita Lud. Grossi, 19.

(37) Ibid., 20.

(38) Ibid. Cum amore Francorum quia multum servierant et timore et lio Theutonicorum. Конецъ этой (9-й) главы посвященъ Сугеріемъ писанію похода Генриха V въ Римъ и его дальнѣйшимъ сношеніямъ ь папою Пасхаліемъ. Французскій историкъ стоитъ за папу противъ императора. Впрочемъ, эта часть его труда бѣдна подробностями и ичего не прибавляетъ къ извѣстіямъ нѣмецкихъ и италіанскихъ ѣтописцевъ.

(39) Aemolorum machinatione. Vita Lud. Gr. 22.

(40) Quod regem dedecerat. Ibid. 24.

(41) Ibid., 31. 36.

(42) Potissimum dictante venerabili et sapientissimo viro Ivone Carnoensi episcopo. Ibid. 25.

(43) Vita Ludov. Grossi, 25.

(44) Erant enim quidam regni perturbatores, qui ad haec omni studio igilabant, ut aut regnum in aliam personam transferretur, aut non mediociter minueretur. Ivonis episcopi Carnotensis epist. XL, ap. Duchesne, list. Francorum scriptt. IV 237. Сугерій говоритъ по тому-же поводу: udovicus, Deo annuente ad regni fastigia sicut bonorum voto adsciscitur, ic malorum et impiorum votiva machinatione si fieri posset excluderetur. Vita L. G. 25. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 31) онъ яснѣе обличаетъ виды Бертрады на престолъ французскій для Филиппа Мантскаго въ слу-аѣ смерти Людовика.

(45) Vita Lud. Grossi, 29.

(46) Ibid.

(47) Hugo Puteolensis vir nequam et propria et antecessorum tyrannide sola opulentus. Vita L. G. p. 32. Дѣдъ и отецъ Гугона безпрестанно воевали съ королемъ Филиппомъ и не разъ захватывали на дорогѣ и держали въ темницахъ своего замка не только людей, стоявшихъ выше ихъ въ ленной іерархіи, но епископовъ. Такую участь испыталъ между прочими славный ученостію и вліяніемъ на дѣла западной церкви епископъ Ивонъ Шартрскій.

(48) Ibid.

(49) Sugerii ab. S. Dionysii liber de rebus in administratione s gestis, ap. Duchesne. Hist. Franc. script. IV. 336.

(50) Dei, cujus ad vivificandum rex portat imaginem, vicarius ej Vita Lud. Grossi, 33. Эти выраженія очень важны подъ перомъ пи писца, жившаго въ первой половинѣ XII вѣка, когда монархія носи еще вполнѣ феодальный характеръ. Церковь поднимаетъ ее высо надъ феодализмомъ.

(51) Ibid.

(52) Communitates parochiarum. Ibid. 34.

(53) Carros etiam, quos multa congerie siccorum lignorum, adipis sanguinis, cito fomento flammis accendendis onerari feceramus (erant em excommunicati et omnino diabolici). Ibid. Замѣтимъ, что большая част враговъ Людовика была въ раздорѣ съ церковью, прокляты ею.

(54) Vita Lud. Gr. 35.

(55) Quia non potuimus quod voluimus, voluimus quod potuimus. Ibid. 3 Отзывъ Сугерія объ Одонѣ Корбельскомъ заслуживаетъ вниман nominem non hominem, quia non rationalem sed pecoralem. Одонъ вѣр служилъ королю противъ родственниковъ своихъ. Въ этомъ и др гихъ мѣстахъ «Жизни Людовика Толстаго», у Сугерія, быть може невольно высказалось презрѣніе мыслящаго и образованнаго челов къ людямъ, преклонявшимся только предъ грубою силою.

(56) «Perfidia, non arte delusi».

(57) Vita L. G. 38.

(58) Et ultra quam regiam deceret majestatem miles emeritus, mili officio non regis singulariter decertabat. Ibid. 39. Рыцарскія свойст Людовика обнаружились вполнѣ при двукратной осадѣ замка Пюи Въ 1113 году (т. е. во время второй осады) здѣсь были собраны в его главные враги: кромѣ Гугона Пюиве, Гвидонъ Рошфорскій, Гуго Кресси, Миловъ, владѣлецъ Монлерійскій башни, графъ Теобальд Шартрскій и Блуасскій, наконецъ пятьсотъ норманскихъ рыцар присланныхъ королемъ Генрихомъ. Къ сожалѣнію, изъ длиннаго, реторическаго, напыщеннаго разсказа Сугерія нельзя извлечь хар теристическихъ подробностей.

(59) «Officii jure votivo».

(60) Vita Ludov. Gr. 41.

(61) Cum dapiferum ejus (regis) Anselium Garlandensem baronem s nium propria lancea perforasset. Ibid.

(62) Сугерій говоритъ о Гугонѣ Красивомъ: nativam et assue dediscere proditionem non valuit: donec via Hierosolymitana sicut et n torum nequam aliorum, ejus omni veneno inflammatam nequitiam vitae er tione exunxit. Ibid.

(63) Chronicon Mauriniacense, ap. Bouquet, XII, 72. Art de veri les dates. XII, 136.

(64) Vita Lud. Gr. 21.

(65) .... Ludovici suffragio et consilio in Gallicana celebri concilio lecta ecclesia, imperatorem tyrannum anathemate minodantes mucrone b Petri perfoderunt. Vita Lud. Gr. 22. Акты этого собора утрачены, письмо, въ которомъ изложены его дѣйствія, написанное Гвидоно архіепископомъ Вѣнскимъ, къ папѣ, сохранилось. См. Bouquet XV. Sim. de Sismondi Hist. des Français, V, 144. Впрочемъ кромѣ Вьенск во Франціи было, около того-же времени и по тому-же поводу, сколько соборовъ. Нигдѣ оскорбленія, нанесенныя Генрихомъ Угл западной церкви, не возбудили такого негодованія.

(66) Guizot. Notice sur Suger. Collection des mémoires relatifs à l'h

de France, VIII, p. IX. Этотъ отзывъ противорѣчитъ другому того-же историка, приведенному выше. но онъ ближе къ истинѣ.

(67) Joseeli, episcopi Saresberiensis epistola ad Sugerium, ap. Duchesne script. rerum francic. IV. 503. Wilhelmi San-Dionysiani Vita Sugerii, ap. Bouquet, XII, 110.

(68) Gelasius.. ad tutelam et protectionem serenissimi regis Ludovici et Gallicanae ecclesiae compassionem, sicut antiquitus consueverunt, confugit. Vita Lud. Gr. 46. A domino rege... destinati, mandata deposuimus. Ibid.

(69) Tam Romanis quam Francis vitae depositione pepercisse. Ibid. Гизо переводитъ: et avait ainsi, du quittant la vie, épargné une querelle aux Francais et aux Romains. Coll. des mémoires, VIII. 114. Въ древнемъ переводѣ «Жизни Л. Т.», который находится въ Chroniques de St. Denys, это мѣсто выпущено.

(70) Людовикъ былъ женатъ на родной племянницѣ Калликста II, Аделаидѣ, дочери Гумберта II, графа Морiенскаго или Сазойскаго. Art de verifier les dates, V, 513.

(71) Робертъ былъ разбитъ при Теншбре (Tinchebray) и взятъ въ плѣнъ 28 сентября, 1106 года.

(72) Пристрастный къ Генриху Ордерикъ слѣдующими словами описываетъ его характеръ: заботясь о доставленiи мира своимъ подданнымъ, Генрихъ сурово наказывалъ нарушителей закона. Среди изобилiя, богатствъ и наслажденiй, онъ слишкомъ предавался страстямъ своимъ. Съ ранней молодости до преклонныхъ лѣтъ преступно утопая въ развратѣ, онъ прижилъ отъ разныхъ наложницъ нѣсколько дѣтей обоего пола. Его жестокое искусство увеличило значительно доходы казны... Присвоивъ себѣ право охоты въ цѣлой Англiи, онъ дошелъ до того, что приказалъ отрубить по ногѣ всѣмъ собакамъ, находившимся въ сосѣдствѣ лѣсовъ... Смѣло могу сказать, что, касательно дѣлъ свѣтскаго правленiя, въ Англiи не было государя богаче и могущественнѣе Генриха. Hist. ecclesiastica, ap. Bouquet, XII. 703. Guizot Collect. des mémoires, XXVIII, 207. Не съ собаками только поступалъ такъ жестоко Генрихъ. Рыцарь Лука де-ла-Барръ, храбрый воинъ и остроумный труверъ, осмѣивалъ его въ своихъ пѣсняхъ. Впослѣдствiи несчастный поэтъ попался въ руки Генриху, и несмотря на то, что онъ былъ чужой подданный, несмотря на ходатайство графа Фландрскаго и на собственную славу, онъ подвергся страшному наказанiю. Ему выкололи глаза. Ord. Vitalis, ap. Guizot, XXVIII, 395. Впрочемъ, стоитъ только заглянуть въ извѣстное сочиненiе Тьерри «О завоеванiи Англiи норманнами», чтобы получить ясное понятiе о характерѣ сыновей Вильгельма Завоевателя Факты, мною приведенные, ничего не значатъ въ сравненiи съ собранными тамъ свидѣтельствами.

(73) У Сугерiя эта война разсказана короче, нежели мелкiя войны Людовика съ вассалами, напр. съ Гвидономъ Рошфорскимъ и Гугономъ Пюизе. Дальновидный лѣтописецъ понималъ, что покореніе замковъ, отдѣлявшихъ Парижъ отъ другихъ городовъ Капетингской области, для настоящаго важнѣе войны за Норманское герцогство. Недостатокъ подробностей у Сугерiя съ избыткомъ вознаграждаетъ церковная исторiя Ордерика Виталiя, современника и отчасти свидѣтеля событiй, о которыхъ здѣсь говорится. Ордерикъ родился въ Англiи въ 1075 году, но провелъ большую часть жизни и умеръ въ Нормандiи, въ половинѣ XII вѣка. Подъ именемъ церковной исторiи онъ составилъ обширное сочиненiе, котораго первыя книги содержатъ въ себѣ краткую исторiю христiанской церкви, а остальныя — подробную

исторію Нормандіи и Англіи. Несмотря на множество мелочныхъ
товъ, о которыхъ разсказываетъ Ордерикъ, его лѣтопись въ вы
степени занимательна и поучительна. Онъ часто противорѣчитъ
герію, но свидѣтельство его важно только для дѣлъ норманск
англійскихъ. Происшествія во Франціи и остальной Европѣ л
извѣстны аббату св. Діонисія. Я пришелъ къ этому убѣжденію
внимательнаго сличенія ихъ сказаній. У меня не было подъ р
ни стараго изданія Дюшена (въ Historiae Normannorum scriptores an
ни новаго, выходящаго стараніемъ Общества любителей францу
исторіи. Такъ какъ у Буке помѣщены только отрывки, я пользо
очень хорошимъ и полнымъ переводомъ, напечатаннымъ Гиз
Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France.

(74) Слово навыкъ здѣсь у мѣста. Такія вооруженія могли и
только люди, пріученные къ нимъ съ раннихъ лѣтъ. Въ запи
Бусико находится любопытный разсказъ объ его воспитаніи.
него можно видѣть, до какой степени феодальные бароны забот
о развитіи силы и ловкости въ сыновьяхъ своихъ. Вслѣдствіе т
воспитанія рыцари были физически сильнѣе и крѣпче виланов
говоря о превосходствѣ оружія, съ которымъ они одни умѣли
щаться. Надобно притомъ помнить, что Бусико жилъ въ XIV
слѣдовательно, въ эпоху упадка рыцарства и свойственныхъ ему
лестей.

(75) Обыкновенно говорится при Бреневилѣ (Brenneville). Я сл
мнѣнія Дюбуа, перевещаго Ордерика для собранія Гизо. У него
рукописи, которыми не воспользовались прежніе издатели.

(76) Orderic Vital. Coll. des mémoires XXVIII, 309.

(77) Orderici Vitalis Hist. ecclesiastica, ap. Bouquet, XII, 716. С
Coll. des mémoires, XXVIII, 287—290.

(78) Id. Guizot, XXVIII, 338. Въ замѣну отнятаго Бретёля
гибшихъ дочерей Генрихъ обѣщаетъ Евстафію триста марокъ се
ежегодно. «Тогда этотъ рыцарь укрѣпилъ стѣнами и окопами Е
и осыпанный богатствами, прожилъ болѣе двадцати лѣтъ. Через
сколько лѣтъ Юліана, отказавшись отъ порочной жизни, какую
до тѣхъ поръ, вступила въ новый монастырь въ Фонтевро п
служить Богу».

(79) Vita Lud. Gros. 45.

(80) Ibid. Современники подозрѣвали врачей, присланныхъ Г
хомъ Англійскимъ къ раненому Балдуину, въ отравленіи послѣд
Балдуинъ VII умеръ молодъ и безъ наслѣдниковъ. Онъ былъ сп
блюститель правосудія, но понималъ его по своему. Его прозвал
поромъ, потому что онъ постоянно ходилъ съ этимъ орудіемъ и
отмѣчалъ имъ деревья, годныя для висѣлицъ. Kervyn de Letter
Histoire de Flandre, Bruxelles. 1847. I. 349.

(81) Ord. Vit. ap. Bouquet, XII, 723; Guizot, XXVIII, 312.

(82) Ibid.

(83) Noviomensis episcopus et laudunensis, alique plures in ill
peditione fuerunt et pro malivolentia quam in Normannos habebant
omne nefas permiserunt. Sacra etiam loca quasi ex divina aucto
violari concesserunt; ut ita legiones suas pluribus modis leniendo m
licarent, fasque nefasque illis annuentes in adversarios animarent
Vitalis, ap. Bouquet, XII. 724.

(84) Erat enim ore facundus, staturâ procerus, pallidus et corp
tus. Ap. Bouquet, XII. 726.

(85) Gervaise, Vie de Suger, II, 157. Карпе, который много по
вался сочиненіемъ Жервеза, думаетъ также, что рѣчь Лудовика

нушена ему Сугеріемъ: Les paroles et la conduite du roi furent visiblement inspirées pas son conseiller habituel. Etudes. I, 104. Гдѣ доказательства? Я привожу сочиненіе Жервеза, котораго у меня не было, о ссылкамъ Карне и Histoire littéraire de la France. Ученые составители очень строго отзываются объ этомъ писателѣ и называютъ его нигу романомъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ часто выдаетъ свои догадки за акты.

(86) Ord. Vitalis ap Guxot XXVIII, 342.

(87) Hist. de la civilisaton en France. 42 Ieçon.

(88) Vita L. G. 42.

(89) Карне справедливо замѣчаетъ по этому поводу: l'auteur de la ie de Louis le Gros garde en general une très grande reserve sur les égociations dont il est chargé lorsque celles ci touchent aux intérêts de eglise. Etudes. I, 106. Мы уже имѣли случай указать на осторожность Сугерія. Жервезъ (Vie de Suger, II, 170) говоритъ, что Сугерій ѣздилъ въ Римъ по поводу спора о первенствѣ, возникшаго между рхіепископами Сансскимъ (Sens) и Діонскимъ. У насъ нѣтъ никакихъ анныхъ въ пользу этого предположенія.

(90) Vir Apostolicus... honorifice nos recepit, et diutius retinere vellet... ita L. G. 47.

(91) Ibid. 48.

(92) Ibid.

(93) Vita Lud. Gros. 40.

(94) Imperator Henricus, collecto longo animi rancore contra dominum gem Ludovicum, eo quod in regno ejus Remis, in concilio domini Calixti athemate innodatus fuerat. Vita L. G. 49.

(95) Единственный законный сынъ Генриха, Вильгельмъ, носившій итулъ герцога Нормандскаго и присягнувшій на это лено Людовику, гонулъ въ 1120 году. Его смерть усилила число приверженцевъ Вильельма Клитона, которые въ 1123 начали открыто дѣйствовать проивъ англійскаго короля.

(96) Покровитель Франціи при первыхъ двухъ династіяхъ считался св. Мартинъ Турскій.

(97) Мы видѣли, что Вексенское графство было древнее лено в. Діонисія. Орифламою (auri-flamma) называлось знамя графовъ Вексенскихъ. Въ рыцарскихъ романахъ и лѣтописяхъ это слово встрѣчается нерѣдко въ смыслѣ знамени, вообще. Du Cange, dissert. XVIII, ur l'hist. de Saint Louis. de la bannière de Saint Denis et de l'oriflamme. enri Martin, Hist. de France, III, 373. Contra Imperatorem insurgentem regnum Francorum, in pleno capitulo B. Dionysii professus est se ap eo abere (Vilcassinum) et jure signiferi, si Rex non esset hominium ei debere. ugerii liber de reb. in administratione sua gestis. ap. Duchesne, IV. 338.

(98) Beati Dionysii copioso exercitu et coronae devoto Hac, inquit, cie tam secure quam strenue dimicabo, cum praeter sanctorum dominorum iorum protectionem, etiam qui me compatriotae familiarius educaverunt aut ivum juvabunt aut mortuum conservantes reportabunt. Vita L. G. 51.

(99) Vita L. G. 50. Впрочемъ Сугерій приводитъ, очевидно, слишомъ значительныя числа. По его разсчету, французское войско состояло въ 300,000 человѣкъ, по крайней мѣрѣ. Такого ополченія не могла ыставить тогдашняя Франція. Но для насъ важно не число воиновъ, самый характеръ этого движенія.

(100) Ibid. 54.

(101) Послѣднее не совсѣмъ справедливо. Генрихъ одолѣлъ норманскихъ мятежниковъ.

(102) Vita L. G. 52.

(103) Ibid.

(104) Cum autem et alio vice... nos dulcissime, ut magis honoraret et sicut in literis suis continebatur libenter exaltaret, ad curiam revocasset. Vita L. G. 49. Hist. littéraire, XII, 367.

(105) Грамота, о которой здѣсь идетъ рѣчь, напечатана въ исторіи аббата св. Діонисія Филибьяна (Hist. de l'abbaye de St Denys, par D. Michel Felibien. Paris, 1706) и извѣстна мнѣ только по извлеченію, которое находится въ Hist. Littéraire, XII, 401. Составитель статьи о Сугеріи не входитъ даже въ разборъ предположеній Жервеза и ограничивается краткимъ примѣчаніемъ, въ которомъ сказано, что Жервезъ выдумалъ все, что написано имъ по поводу пребыванія Сугерія въ Майнцѣ. Конечно, лѣтописи не упоминаютъ о роли, какую аб. св. Діонисія игралъ на имперскомъ сеймѣ; но нельзя предположить, чтобы его пребываніе въ Майнцѣ въ такое важное время было дѣломъ случая. Франція не могла смотрѣть равнодушно на выборъ новаго императора. Ей было слишкомъ памятно покушеніе Генриха V. Жервезъ безъ сомнѣнія приписываетъ Сугерію слишкомъ большое вліяніе на нѣмецкихъ избирателей, но онъ правъ, утверждая, что аббату св. Діонисія, другу Людовика Толстаго, пользовавшемуся особеннымъ расположеніемъ нѣсколькихъ папъ, были даны важныя порученія. Иначе нельзя объяснить его поѣздки въ Майнцъ въ такое время и съ такою княжескою свитою.

(106) Hist. Littéraire, XII, 402. Составители объясняютъ этотъ случай тѣмъ, что Сугерій обращался прямо къ папѣ съ жалобою на графовъ Моретехскихъ и, вѣроятно, получилъ отъ него особое полномочіе.

(107) Подъ мертвою рукою (manus mortua) въ тѣсномъ смыслѣ разумѣется исключительное право господина на оставшуюся по смерти его вилана собственность. Ducange, Glossarium mediae et infimae latinitatis, sub voce «manus mortua». Warnkoenig, Französische Staats-und Rechtsgeschichte II, 154 — 166. Сугерій говоритъ объ этомъ правѣ: exactio consuetudinis pessimae, quae mortua manus dicitur. Constitutio de hominibus villae B. Dionysii libertati traditis, ap. Duchesne, Hist. Franc. script. VI, 548.

(108) Vita Lud. Gros. 53.

(109) Qui etiam Hispaniam perdomare sufficerent. Ibid.

(110) Vita Ludov. Gros. c. 54.

(111) Chronicon Mauriniacense, ap. Bouquet XII, 76. Стефанъ получилъ сенешальство послѣ Вильгельма, умершаго въ 1120 году. Ансельмъ былъ убитъ Гугономъ Шюизе въ 1118. По словамъ приведенной нами лѣтописи монастыря Морины, Стефанъ болѣе повелѣвалъ, чѣмъ служилъ Людовику VI. Занимая высшія государственныя должности, онъ безъ успѣха добивался епископскаго сана. Высокомѣріемъ своимъ и образомъ жизни онъ навлекъ на себя непріязнь самыхъ замѣчательныхъ лицъ между тогдашнимъ духовенствомъ Франціи. Ивонъ Шартрскій и Бернардъ Клервальскій принадлежали къ числу его противниковъ. Hist littéraire, XIII, 105–108.

(112) Ясный и удовлетворительный выводъ изъ всѣхъ новѣйшихъ розысканій объ общинахъ и городахъ французскихъ находится въ «Исторіи француз. государствен. прав.» Варнкенига, I, 360—332. Здѣсь названы также всѣ важныя сочиненія по этому предмету. Послѣднее по времени, значительное изслѣдованіе о происхожденіи городовыхъ учрежденій во Франціи принадлежитъ Гегелю (сыну философа) и составляетъ особый отдѣлъ [illegible]нія о городахъ италіанскихъ. Geschichte der Städteverfass[illegible]Italien, II, 329–378. Авторъ опро-

ергаетъ извѣстное мнѣніе Савиньи, отрицаетъ связь римскихъ муниципальныхъ формъ съ средневѣковыми общинами и выводитъ послѣднія въ германскаго начала. Теорія, защищаемая имъ съ рѣдкимъ талантомъ и ученостью, едва-ли можетъ быть безусловно принята наукою. Превосходные разсказы Авг. Тьери (въ «Письмахъ о французской исторіи») обратили общее вниманіе на борьбы, предшествовавшія обазованію общинныхъ учрежденій во Франціи, но эти-же разсказы путили въ ходъ много ложныхъ представленій. Великій историкъ обработалъ только драматическую часть предмета. Не всѣ города прошли ерезъ такіе перевороты, какъ Лаонъ, Везеле и другіе, выбранные имъ ля своего повѣствованія. Большая часть городовъ пріобрѣли себѣ ьготныя и даже общинныя грамоты безъ кровавыхъ потрясеній, безъ собеннаго героизма со стороны гражданъ, мирною сдѣлкою съ господиномъ, куплею. Только во введеніе къ послѣднему обширному сочиенію своему, къ «Разсказамъ о временахъ Меровинговъ», коснулся ьерри настоящимъ образомъ вопроса о городахъи представилъ попытку бъяснить ихъ происхожденіе и постепенный ростъ до начала ихъ поровь съ феодальными владѣльцами.

(113) «Вообще, льготы и учрежденія городовъ исходили прямо отъ емскихъ владѣльцевъ. Только въ епископскихъ и нѣкоторыхъ монатырскихъ городахъ средней Франціи является королевская власть частницею»... Warnkoenig, Franz. Staats und Rechtsgechichte, I, 964. оже говоритъ Гизо, Hist. de la civilisation en France, leçon 46.

(114) Warnkoenig, Franz. St.-und Rechtsgeschichte. I, 279. Людовикъ VII далъ жителямъ Компьеня общинную грамоту ob enormitates lericorum. Такія жалобы и выраженія очень нерѣдки.

(115) Guiberti abbatis de Novigento de vita sua, ap. Bouquet, XII 250,

(116) Compulsus et rex est largitione plebeia. Guibertus de Novigento, p. Bouquet, XII, 250.

(117) Ibid. 251.

(118) Ambiani rege illecto pecuniis fecere communiam. Guib. de Novigento, 260.

(119) Vita L. G. 42.

(120) Ibid. 42.

(121) Гр. Карне приписываетъ Сугерію рѣшительное сочувствіе ъ дѣлу возставшихъ общинъ и говоритъ, что въ жизни Л. Т. слово бщина не встрѣчается вовсе. Все это несправедливо. На стр. 42, по оводу Лаона, сказано: «amissae communiae». У Сугерія встрѣчается прочемъ еще другое выраженіе: communitas, принятое многими, напр. юльманомъ (Städtewesen des Mittelalters, III, 7) почти за равносильое общинѣ. Мнѣ кажется, что между communis и communitas большое азличіе. Первое слово означаетъ городскую общину въ обыкновеномъ смыслѣ, подъ вторымъ Сугерій и Ордерикъ Виталій разумѣютъ росто вооруженныхъ прихожанъ, ходившихъ на войну за своимъ ященникомъ, безъ различія между сельскими и городскими населеніями. Communitates parochiarum въ жизни Л. Т. стр. 34. Tunc ergo ommunitas in Francia propularis statuta est a praesulibus, ut presbyteri omitarentur regi ad obsidionem vel pugnam cum vexillis et parochianis mnibus. Ord. Vitalis ap. Bouquet, XII, 705. Вообще, сказанное Карне Etudes. 1, 126) объ отношеніи Сугерія къ общинамъ поверхностно и обличаетъ недостаточное знакомство съ источниками.

(122) Vita L. G. 54.

(123) 10 іюля, 1086 года.

(124) Barbarorum, maritimos Flandriae partes inhabitantium indomitam feritatem, assuetam crudeliter fundere sanguinem. —говоритъ одинъ

изъ біографовъ и современниковъ Карла Добраго, Вальтеръ Теруанскій, de Vita Caroli Boni. ap. Bouquet, XIII, 338. Другой современникъ, Филиппъ Гарвенгскій (Harvengus), отзывается объ нихъ: cum fratres nostri, pro utilitate ecclesiae missi in quasdam partes Flandriae, aestatis tempore, devenirent, viderunt plerosque viros non solum feminalibus, sed omni genere vestium, refrigerii gratia denudatos per vicos passim et plateas incedere propriis operibus nudos insistere... Kervyn de Lettenhove, Histoire de Flandre, I, 356.

(125) Gualterius Teruanensis de Vita Car B. ap. Bouquet, XIII, 333.

(126) Galberti, Notarii Brugensis, Vita Car. B., ap. Bouquet, XIII, 348.

(127) Gualterii, Vita Car. Boni, I, c.

(128) Galberti. Vita C. B. 349, 350.

(129) Volens itaque comes pius iterum revocare honestatem regni, perquisivit qui fuissent de pertinentia sua proprii, qui servi, qui liberi in regno. Galbertus, de Vita C. B. 350. Графъ часто сидѣлъ самъ въ учрежденныхъ имъ судахъ, потому что «liberi responsa non dignabantur reddere servis». Ibid.

(130) Ibd.

(131) Kervyn de Lettenhove, Hist. de Flandre, I, 365.

(132) Galbertus. Vita C. B. 351.

(133) Kerv. de Lett. I, 564.

(134) Id. 368.

(135) Многіе историки по ошибкѣ полагаютъ, что потомки Эрембальда носили фамилію Ванъ Стратенъ. Kerv. de Lett. I, 369.

(136) Kerv. de Lettenhove, I, 376. Смерть Карла подробно разсказана Гальбертомъ, Вальтеромъ и безыменнымъ поэтомъ. Важнѣйшія современныя лѣтописи говорятъ объ ней.

(137) Гальбертъ не скрываетъ участія, которое граждане Брюге принимали въ судьбѣ превота и его семейства: cives nostri nimis indoluerant, eo quod Praepositus et sui ante tempus traditionis viri essent religiosi amicabiliter se habentes erga eos. Bouquet, XIII, 362.

(138) Mulieres solae, говоритъ Гальбертъ.

(139) More paganorum et incantatorum, по выраженію Гальберта.

(140) Kerv de Letten., I, 405.

(141) Conveniant principes utrimque nostrique compares ac universi sapientiores in clero et populo in pace et sine armis... et dijudicent. Si potueritis Comitatum, salvo honore terrae, deinceps obtinere, volo ut obtineatis: sin vero tales estis, sicut exlex, sine fide, dolosus, perjurus, discedite a comitatu et eum nobis relinquite idoneo et legitimo alicui vire commendandum. Galbertus. 377.

(142) Comes prosiliens exfestucasset Iwanum si ausus esset pro tumultu civium. Id. 380. О значеніи этого обряда см. Ducange, Glossarium, s. v. Festuca.

(143) Вильгельмъ Клитонъ поддерживалъ съ своей стороны опасенія и вражду къ себѣ дяди. Въ грамотахъ, выданныхъ во Фландріи, онъ упоминаетъ о правахъ своихъ на англійскій престолъ. Kervyn de Lettenhove, I, 421.

(144) Ord. Vitalis ap. Bouquet, XII, 745.

(145) Вильгельмъ писалъ своему покровителю: «старый и могущественный братъ мой, король Англійскій, собралъ несмѣтное войско и огромныя сокровища. Онъ хочетъ отнять у васъ и у меня самую вѣрную и самую сильную часть вашего государства. Онъ увѣренъ въ успѣхахъ войска своего, но еще болѣе довѣряетъ деньгамъ, ибо надѣется соблазнить дарами сердца фламандцевъ». Duchesne, Hist. Franc. scrip. IV, 447.

(146) Notum igitur facimus universis... quod nihil pertinet ad regem Franciae de electione vel positione comitis Flandriae. Galbertus, 384.

(147) Corde tenusque dolens, plangere coepit. Ord. Vitalis, ap. Bouquet, XII, 743.

(148) Unicus ille ruit cujus non terga sagittam,
Cujus nosse pedes non potuere fugam;
Nil nisi fulmen erat, quotiens res ipsa monebat,
Et si non fulmen, fulminis instar erat.
Roberti de Monte Chronica, ap. Pertz, Scr. Rer. Germ. VI, 489.

(149) Rex Henricus—comitatum sub se disponendum tradidit Theodoro (т. е. Дитриху). Simeonis Dunelmensis, Historia de gestis regum anglorum, ap. Bouquet, XIII, 83. Kerv. de Lett. I. 430.

(150) Stimulante Stephano Garlandensi. Vita L. G. 56. Стефанъ навлекъ на себя личную ненависть королевы, супруги Лудовика VI. Chron. Lauriniacense, ap. Bouquet, XII, 77.

(151) Vita L. G. 56. О Ѳомѣ Марнскомъ или Марльскомъ много характеризующихъ эпоху подробностей у Гиберта Ногентскаго.

(152) S-ti Bernardi epistola 78.

(153) Per continuam septimanam ascitis nobis approbatis amicis et hominibus nostris, videlicet comite Ebroicensi Amalrico de Monteforti, Simone de Nielpha. Ebrardo de Villaperosa, et aliis quamplurimis, in tentoriis demorantes, singulis diebus totius hebdomadae cervorum copiam ad -tum Dionysium non levitate sed pro jure Ecclesiae reparando (чтобы держать за монастыремъ принадлежавшее ему право охоты въ одномъ въ окрестныхъ владѣній) transferri et fratribus infirmis et hospitibus in omo hospitali nec non et militibus per villam, ne deinceps oblivioni traeretur, distribui fecimus. Sugerii liber de reb. in admin. sua gestis, ap. Duchesne, IV, 334.

(154) Tua illa pristinae tuae conversationis insolentia. S-ti Bernardi epistola 78.

(155) ... illustri viro ab aemulis humilitas objicitur generis. Wilhelmi ita Sugerii, ap. Bouquet, XII, 104.

(156) Verum quia falsam de illo opinionem im quorundam cordibus convaluisse scio, illud sciendum, absentem hunc et longe positum ad regiem vocatum fuisse, nil tale suspicantem sed et accessisse invitum. Ibid.

(157) Guillelmus de S. Theodorico, Vita Bernardi; у Гизо Collect. des Mémoires, X, 172, 188. Gaufredi, Vita Bernardi, ibid, 322. Не имѣя подъ рукою Мабилльонова изданія твореній св. Бернарда, гдѣ помѣщены его біографіи, составленныя его учениками и современниками, я пользовался французскимъ переводомъ, помѣщеннымъ въ собраніи лѣтописей Гизо.

(158) «Онъ, однако, читалъ со смиреніемъ труды святыхъ и правовѣрныхъ толкователей, не думая равняться съ ними; но подчиняя ихъ разуму свой собственный и шествуя по ихъ слѣдамъ, онъ часто черпалъ изъ того-же источника, изъ котораго черпали они». Guillelm. de S. Theodorico, у Гизо, X, 176.

(159) Ligna et lapides docebunt te quod a magistris audire non possis. Epist. 106. Онъ самъ охотно молился и изучалъ Св. Писаніе въ полѣ или въ лѣсу. У меня не было другихъ наставниковъ, кромѣ дубовъ и буковъ, говорилъ онъ друзьямъ своимъ. Guillelm. de S. Theodorico, 175.

(160) Siquidem diffusa erat gratia in labiis ejus et ignitum eloquium ejus vehementer, ut non posset ne ipsius quidem stilus, licet eximius, totam illam dulcedinem, totum retinere fervorem. Mel et lac sub lingua ejus,

nihilominus in ore ejus ignea lex. Gaufridi: Vita Bernardi, p. 1135. Wilken, Geschichte der Kreuzzüge, III, 73. Guizot, Coll. des mem. X, 329.

(161) Guil. de S. Theod. 208.

(162) Id. 166.

(163) Epist. 195. ap. Bouquet, XV, 575.

(164) Epist. 78, ap. Bouquet, XV, 545. Письмо это писано въ концѣ 1127 года или въ началѣ 1128, до войны Людовика со Стефаномъ Гарландскимъ. Бернардъ жестоко порицаетъ послѣдняго и обвиняетъ Сугерія въ дружбѣ съ нимъ.

(165) Quis tibi hanc perfectionem proponebat? Ego tanta fateor, audire de te etsi desiderabam, non tamen sperabam. Ep. 78.

(166) Pavimenta lacrymis humectabat. Wilhelmi, Vita Sugerii, ap. Bouquet, XII. 107.

(167 Ibid.

(168) Ibid.

(169) Id. 108.

(170) Ad optimos quosque, quocumque fuerint saeculo, animum intendebat: cum his illi colloquium, cum his studium erat. Ibid

(171) Quorum curationi et medicos non modicis sumptibus praevidit.. Id. 107. Св. Бернардъ, напротивъ, запрещалъ монахамъ прибѣгать къ пособіямъ медицины: species emere, quaerere medicos, accipere potiones, religioni indecens est et contrarium puritat. Ep. 345. Даже въ этихъ мелочахъ рѣзко обозначаются характеры аббатовъ св. Діонисія и Клервальскаго.

(172) Wilhelmi Vita Sugerii. 106.

(173) Humanus satis et jocundus. Id. 105.... ut erat jocundissimus. Id. 107. Illud declinabat summopere, ne quidquam agere videretur quod in habitu vel vitae genere appareret notabile. Viro quippe bono simulationem judicabat indignam. Ibid. Св. Бернардъ превосходилъ Сугерія доведеннаго до крайняго аскетизма простотою жизни. Онъ не могъ смѣяться безъ внутренняго усилія, и вообще считалъ смѣхъ и веселость неприличными человѣку Gaufredi. Vita Bernardi. у Гизо. X. 327.

(174) Monentes et rogantes per illam invicem amicitiam nostram et fraternitatem. Ep. 45. ap. Bouquet, XV, 544.

(175) Et alter Herodes Christum non jam incunabulis habet suspectum sed in ecclesiis invidet exaltatum. Bouquet, XV. 549.

(176) Относящіяся къ этому избранію мѣста лѣтописей собраны у Bouquet. XV. 344 и слѣд. См. также Baronii Annales ecclesiastici ad an. 1130. Raumer, Gesch. der Hohenst., I, 343.

(177) Magis de persona quam de electione investigans. Vit. L. G. 57.

(178) Ernaldi ad. Bonaevallis Vita Bernardi, ap. Bouquet, XV, 345, примѣч. a. Guizot. X. 239. Vita L. G. 58.

(179) Vita Lud. Gros. 58.

(180) Vita L. G. ibid. Art de ver. les dates. V, 546.

(181) Qui ergo unimi ejus et familiares eramus formidantes ob jugem debilitati corporis molestiam ejus subitum defectum, consuluimus ei quatenus filium Ludovicum pulcherrimum puerum, regio diademate coronatum sacri liquoris unctione regem secum ad refellendum aemulorum tumultum constitueret. V. L. G. 59.

(182) Quidam enim laicorum post mortem principis spem augendi honoris habebant: quidam vero clericorum jus eligendi et constituendi principem regni captabant. Ord. Vitalis Hist. eccl. ap. Bouquet, XII, 750.

(183) Consiliis nostris adquiescens. Vita L. G. 59.

(184) Nonnulli de ordinatione pueri mussitabant, quam procul dubio differre, si potuissent summopere flagitabant. ap. Bouquet. XII, 750.

35) Vita L. G. 61.
36) Эти событія, т. е. развязка войны за наслѣдіе Генриха I, ятся къ парствованію Лудовика VII.
37) Si baronidus meis placuerit. Chron. comitum Pictaviae, ap. Bou- XII, 409.
38) Оно находится въ лѣтописи графа Пуату и герцоговъ Аквиихъ, на которую я сослался въ предыдущемъ примѣчаніи. Подть этого завѣщанія, котораго важность для Капетинговъ оче- отрицалъ еще Бели (Besly), Hist. des comtes de Poitou et des e Guienne, Paris 1647), утверждавшій существованіе другого, впрочемъ, неизвѣстнаго, завѣщанія. Доказательства, приводимыя ктинцами въ пользу подлинности, очень слабы (Recueil des ns des Gaules, XII; preface, XXXII — XXXVI). Ни Сугерій, ни лѣтописцы, говорящіе о бракѣ Лудовика VII, не упоминаютъ нномъ завѣщаніи. Vita L. G. 62. Chron. Mauriniacense, ap. Bou- XII, 83. cp. D. Vaissète, Hist. générale du Languedoc, II, 324. имъ, что лѣтописцы не согласны между собою на счетъ мѣста герцога Вильгельма. Одни говорятъ, что онъ умеръ на дорогѣ, — въ Кампостеллѣ. Распоряженіе его въ пользу Лудовика очень ельно. Проще всего предположеніе, что Лудовикъ VI воспольа нежданною смертью Вильгельма и молодостью его дочерей, лъ на свою сторону часть бароновъ, и опираясь на феодальное опеки и на мнимое завѣщаніе, устроилъ выгодный для капеой династіи бракъ.
39) Это высказано прямо въ Grandes chroniques de France: et le la Duchée estoit demorée sanz hoir mâle, la tint li Rois en sa Bouquet XII, 198.
40) Vita L. G. 62.
41) Et si qui erant hostes prosternentes. Ibid.
42) Id. 63. Art de ver. les dates V, 517.
43) Willelmi. Vita Sugerii, 103.
44) Gesta Ludovici VII, ap. Bouquet, XII, 196. Grandes chroniques de ibid.
45) Sismondi, Hist. des Français, V, 260.
46) Et in ea mille trecentae animae diversi saxus et aetatis sunt nsumptae. Super quo rex Ludovicus, misericordia motus, plorasse . Historia Francorum, ap. Bouquet, XII, 116. Безыменный лѣтожилъ въ половинѣ XII вѣка.
47) Ottonis episc. Frisingensis Chron. l. VII, c. 21.
48) Timeo autem ne sine causa laboraverimus in vobis, ep. 219, Bou- V, 587. Die vobis incipio poenitere super insipientia mea priori quà sto adolescentiae vestrae hucusque favi .. raptoribus et praedonibus icitur) adhaeretis, juxta illud prophetae: si videbas furem, curebas et cum adulteris portionem tuam ponebas. Ibid.
49) Epist. 222. Bouquet. XV, 589
50) Illud enim credatis nunquam me male sensisse de vobis: novi os et puritatem vestram. Ep. 381, Bouquet, XV, 591. Впрочемъ, въ е письмѣ Бернардъ совѣтуетъ Сугерію отойти отъ совѣта нехъ.
51) Hunc (т. е. Сугерія)... comes Theobaldus modis omnibus honorane apud regem Francorum advocatum producebat unicum. Wilh. Vita 5.
52) Id. 107.
53) Замѣчательно, что въ числѣ исчисляемыхъ Сугеріемъ драыхъ камней не встрѣчается алмазъ. Его не умѣли гранить.

(204) Sugerii de rebus in administratione sua gestis, ap. Duch. IV. 34.

(205) Hist. litt. XII, 398.

(206) Это сочиненіе напечатано въ IV томѣ Дюшена и въ приложеніяхъ къ Histoire de S. Denys, par D. Felibien. Въ собраніи бенедиктинцевъ помѣщена только вторая часть.

(207) Duchesne. VI. 305—358.

(208) Ut Francorum mirabilis probitas periculum, quod evenerat, emendaret et futura reqelleret. Chron. Maur. ap. Bouquet XII, 88.

(209) Подробное на глубокомъ изученіи источниковъ изложеніе событій относящихся къ исторіи втораго крестового похода у Вилькена, Gesch. der Kreuzzûge, III, 1.

(210) Замѣтимъ, впрочемъ, что духовенство знало латинскій языкъ, и что французскій уже тогда былъ въ ходу между высшими свѣтскими сословіями. Въ началѣ XII вѣка богатые родители посылали изъ Германіи дѣтей своихъ для изученія языка во Францію. Guiberti de Novigento de vita sua ap. Bouquet, XII, 246. Въ слѣдующемъ столѣтіи учитель Данта, италіанецъ Брунето Латини писалъ по-французски, потому что находилъ этотъ языкъ: plus delitable et plus commune a toutes gens.

(211) Corpus omne tenuissimum et sine carnibus erat; ipsa quoque subtilissima cutis in genis modice rubens. In illo nimirum quicquid caloris inerat naturalis, assidua meditatio et studium compunctionis attraxerat. Gaufredi Vita Bernardi; у Вилькена, III, 1, 19. Guizot, X, 320. Corpus tenue et paene praemortuum, говоритъ Оттонъ Дѣльскій; Wilken, III, 1. 43.

(212) Gaufredi Vita Bern., Guizot, X, 330. Wilken, III, 1. 67.

(213) Ecce gladii duo hîc. Satis est. Odo de Digilo ap. Bouquet, XII, 93. Исторія крестового похода Людовика VII, написанная Одономъ Дѣльскимъ, напечатана только въ рѣдкомъ сочиненіи Шифле (Chiffletii S. Bernardi Claraeval. genus illustre assertum, 1660). У бенедектинцевъ напечатаны самые незначительные отрывки. Вотъ почему я иногда долженъ ссылаться на полный французскій переводъ Гизо, Coll. des mém. XXIV.

(214) Wilhelmi. Vita Suger. 108.

(215) Odo de Digilo, ap. Bouquet, XII, 94.

(216) Это ясно изъ событій и изъ свидѣтельствъ Одона Дѣльскаго и монаха Вильгельма. Первый говоритъ, по поводу отреченія графа Неверскаго, обращаясь къ Сугерію: imponitur tandem tibi soli onus amborum, quod inconcusta pace tulisti. Bouquet, XII, 93.

(217) Wilh. Vita Sugerii, 108.

(218) Vacuantur urbes et castella et paene jam non inveniunt quem apprehendant septem mulieres virum unum (Исаія IV, 1); adeo ubique viduae vivis remanent viris. Ep. 247.

(219) Per totam Galliam fit exactio generalis, nec sexus, vel ordo, aut dignitas quempiam excusavit, quin auxilium regi conferret. Unde factum est, ut ejus peregrinatio multis imprecationibus persequeretur. Mathaeus Paris ad an. 1146.

(220) Gallicanae multum ex hoc gravatae sunt ecclesiae, говоритъ по поводу пребыванія папы Chron. Mauriniacense, 88.

(221) Bouquet, XIV, 475 въ примѣчаніяхъ.

(222) Wilhelmi Vita Suger. 108, 109.

(223) Bouquet, XV. 485.

(224) Bouquet, XV, 487.

(225) Роберть оставилъ Сирію, поссорившись съ братомъ Носились слухи, что онъ участвовалъ въ козняхъ византійцевъ противъ

)ecтоносцевъ: sicut adversus castra Dei dolositatem fertur irritasse Gra-:orum. Wilh. Vita Sugerii, 109.

(226) Bouquet. XV. 513, примѣчаніе a.

(227) Wilh. Vita Sugerii, 109. Генрихъ враждовалъ въ это время съ угеріемъ. Касательно Радульфа см. письмо Кадурка къ Ротроку ершскому, ap. Bouquet, XV, 512, и слѣдующее за тѣмъ письмо Су-ерія къ Радульфу Ib. 543. Повелительный тонъ Сугерія заслуживаетъ нманія. Quod per praesentem nuntium vos ipsis praecipere scribendo)lumus, пишетъ аб. св. Діонисія графу Вермандуа. Генриху и граж-анамъ города Бове онъ угрожаетъ строгимъ наказаніемъ за непокор-ость королю. Videte, videte, viri discreti, ne et alia vice rescribatur quod mel inventum est in marmorea columna hujus civitatis ore imperatoris cum: villam Pontium refici jubemus. Villa pontium древнее названіе ове. Впрочемъ письмо это, кажется, относится къ 1150 году.

(228) Quidam statim populares, qui ad nova facile concitantur, coepe-nt occurrere, vitamque illi cum imperio imprecari. Wilh Vita Su-:rii, 109.

(229) Certissime habebitis me paratum ad omnia quae volueritis ad rvitim regis et diligentius quam si praesens adesset. Gaufridi comit. ndegavenssi epist. ad Sugerium, ap. Bouquet, XV. 494. Стефанъ изъяв-яетъ Сугерію признательность за услуги ему оказанныя и обѣщаетъ ранить и защищать помѣстья св. Діонисія отъ всякихъ нападеній. :ephani. reg. ep. ad Suger., Bouquet, XV, 520.

(230) Ib. 512.

(231) Письма, въ которыхъ аб. св Діонисія излагалъ папѣ трудность своего положенія и просилъ его помощи, не дошли до насъ. апа утѣшаетъ его: Litteras quas nobis misisti debita denignitate recepi-us et super adversitatibus et angustiis quas te pati significasti paterno)i affectu compatimur... Confortare igitur, carissime fili, et viriliter age... cut ex litteris quas fratribus nostris archiepiscopis et episcopis mittimus :rpendere poteris, illos, qui pacem regni perturbant, nisi resipuerint, communicari mandavimus. Bouquet, XV, 454. Ср. грамоту Евгенія къ ран. епископамъ отъ того-же числа (8 іюля, 1149). Ibid.

(232) Ep. 237.

(233) Ep. 376, ap. Bouquet, XV, 612. Письмо это написано по поводу единка, который готовился между Робертомъ, братомъ Людовика VII. Генрихомъ, сыномъ Теобальда графа Шампанін. Бернардъ проситъ угерія употребить свою власть для отвращенія этого единоборства и азываетъ турниры проклятыми торжищами (maledictas nundinas).

(234) Ep. 309, ap. Bouquet, XV, 596.

(235) Мы знаемъ объ этомъ съѣздѣ, происходившемъ въ Суассонѣ. олько по письму Сугерія къ Самсону Реймескому и отвѣту послѣд-яго Bouquet, XV, 511, 512. Св. Бернардъ одобрялъ намѣреніе Сугерія озвать прелатовъ и бароновъ: ut sciant omnes qui habitant terram, quia emansit et regno et regi amicus dulcis, consiliarius prudens, adjutor fortis. Ep. 277. Ib: 613.

(236) Non prius ejus conatibus distitit obviare, donec omnem illius amorem prudenter compressit et ad condignam satisfactionem eum rompulit. 109. Bp. S-ti Bernardi ep. 304, ap. Bouquet, XV, 623. Роберть обѣщалъ св. Бернарду исправиться.

(237) Bouquet, XV, 509.

(238) Quo (Sugerio) sublato de medio otatim sceptrum regni gravem ex illius absentia sensit jacturam; ut pote quod non minima sui portione Aquitaniae videlicet ducatu, deficiente consilio, noscitur mutilatum. 104.

(239) Ep. 244, aq. Bouquet. XV. 591.

(240) Voyage littéraire, II, 83. Д. Мартенъ ссылается на Auctarium aquicinctinum, котораго первая часть теперь потеряна.

(241) Quaedam de illo regiis suggesta sunt auribus. 109.

(242) Съ дороги Людовикъ просилъ Сугерія выѣхать къ нему втайнѣ и прежде другихъ на встрѣчу; дабы объявить ему состояніе, государства и «наставить какъ вести себя по прибытіи». Bouquet XV, 518.

(243) Will Vita Sugorii, 105.

(244) Huic advenienti assurgebant praesules et inter eos primus residebat. Ib. 103.

(245) Bouquet, XV, 495.

(246) Will. Vita Sugerii, 105.

(247) Ibid.

(248) Guizot, Collest, des mém XIII, 280.

(249) Ipse etiam regis Ludovici splendido sermone gesta descripsit ejusque filli itidem Ludovici scribere quidem coepit; sed ptrm oeraeventus, ad finem opus non perduxit 106.

(250) Многіе приписываютъ Сугерію самое происхожденіе этихъ лѣтописей, представляющихъ полную исторію Франціи въ теченіе Среднихъ вѣковъ. Но это мнѣніе нуждается въ доказательствахъ. Обычай записывать современныя событія начинается въ монастырѣ св. Діонисія не съ Сугерія, а гораздо прежде; окончательную форму получили лѣтописи св. Діонисія послѣ него. Но, вѣроятно, его слава заставила приписать ему одному дѣло, въ которомъ участвовали его предшественники и преемники.

(251) Will. Vita Sugerii, 1110. Wilken. III, 1. 276.

(252) Цѣлью инока, писалъ онъ (ср. 499), долженъ быть не земной, а небесный Іерусалимъ, тотъ, къ которому ведутъ не ноги, а сердца.

(253) Will, Vita Sugerii, 110.

(254) Wilken, III. 1. 279.

(255) Подробности о болѣзни и кончинѣ Сугерія у Вильгельма 110, 111.

(256) Bouquet, XV. 534. Въ отвѣтѣ св. Бернарда (ib. 616) много чувства и любви.

(257) Ib. 530.

Бартольдъ Георгъ Нибуръ.

I.

ъ именемъ каждаго оставившаго прочный слѣдъ въ лите-
з писателя мы привыкли соединять какое нибудь представ-
характеризующее особенности его таланта. Такого рода
явленія и выражающіе ихъ постоянные эпитеты невсегда
тъ справедливы. Кто скажетъ, напримѣръ, почему при
Нибура неизбѣжно приходитъ въ голову мысль о сухой,
шительной критикѣ, отвергающей поэтическія преданія
го Рима? Сочиненія знаменитаго историка у насъ извѣстны
тимъ, читавшимъ ихъ въ подлинникѣ, или во французскомъ
дѣ Гольбери. Но трудность этого чтенія заключается не
ыкѣ, а въ повѣркѣ сложныхъ изслѣдованій, основанныхъ
пиженіи мельчайшихъ подробностей, на самыхъ отдален-
аналогіяхъ. Сверхъ рѣдкаго запаса знаній, Нибуръ требуетъ
оихъ читателей твердаго и напряженнаго вниманія. Наши
лы, изъ которыхъ многіе заимствуютъ готовые приговоры
нія, мало говорили о трудахъ автора «Римской исторіи».
е остального, помѣщенный въ «Московскомъ Телеграфѣ»
дъ, написанной еще въ 1816 году А. В. Шлегелемъ, ре-
на первое изданіе Нибурова творенія. Но эта статья не
имѣть успѣха и найти много читателей. Она направлена
ъ частностей и не даетъ никакого понятія о цѣломъ.
ь того, въ ней на каждой страницѣ проглядываетъ мелкое,
ливое чувство, подъ вліяніемъ котораго она была написана.
ть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но сумма ходящихъ въ
литературѣ свѣдѣній о Нибурѣ едва-ли увеличилась.
гіе изъ добытыхъ имъ результатовъ перешли въ наши
ія книги. Главное, т. е. методъ изслѣдованія и критика
ись незамѣченными. А между тѣмъ въ матеріалахъ не было
атка. Дѣятельность Нибура давно замкнулась. Личнымъ
зумѣніямъ и зависти нѣтъ болѣе мѣста. Его труды легли

(240) Voy
aquicinctinum.
(241) Qu
(242) Съ
втайнѣ и п
государства
XV, 518.
(243) W
(244) I
debat. Ib.
(245)
(246)
(247
(24
(24
ejusqu
ad fine
(2
лѣтоп
Средн
Обыч
св.
полу
вас
пре

а

...ысканій о римской исторіи
... древностями. *Ingenti grad*
... ученики съ уваженіемъ соби-
... имъ. Въ 1838 году издан
... прослѣдить весь ходъ его
... которыя онъ читалъ, когда
... говоримъ о множествѣ статей,
...й, или содержащихъ въ себѣ
...ется, свести итогъ всѣхъ этихъ
... отчетъ о заслугахъ Нибура въ
... обвиненіе въ скептицизмѣ и
...ительнаго въ его выводахъ, и
...ніи на исторію. Изложеніе его
... привести насъ къ этой цѣли
...возможность объяснять книгу жизнію

...ѣка рѣдко отличаются занимательн-
... человѣка, котораго лучшіе годы
...тѣ, трудно найти стороны, способ-
...ство или участіе. Въ Средніе вѣка
... отношенія были другія. Тогда для
... было одного дарованія: нужны
...й характеръ. Борьба съ препятст-
... школѣ, гдѣ безъ руководствъ и по-
... каждому изъ насъ, надобно было
...жнаго наставника. Высшія свѣдѣнія
... немногихъ центрахъ европейской обра-
... преподаваніе замѣняло до Гуттенбер-
... книгъ. Знанія, здѣсь пріобрѣтенныя
...стоятельнымъ трудомъ, упорнымъ на-
...ествіями и личными наблюденіями
... эпизодовъ входило въ такую жизнь
... страстные труженики, судьба которыхъ
...енныхъ дѣтей эпохи, не знающей что
...ностью, какую-то сказочную прелесть
... Эригены до Вальтера Ралли и Гал-
...антомъ и съ сохраненіемъ біографиче-
... могла-бы занять важное мѣсто въ
... и принести много пользы. Ни въ какой
... такъ самобытно опредѣлиться личности
... себѣ наше участіе сами по себѣ, неза-
...ихъ идей, которыхъ были представи-

лями. Этого рода занимательность почти не существуетъ въ ографіяхъ теперешнихъ ученыхъ. Спокойная кабинетная дѣятельность не въ состояніи воспитать крѣпкихъ характеровъ и дко ставитъ человѣка въ такое положеніе, въ которомъ его асть получаетъ право на общее вниманіе. Исключеній мало. екрологи самыхъ знаменитыхъ мужей, которыми по праву рдится XIX столѣтіе, состоятъ большею частію изъ перечня данныхъ ими сочиненій и предпринятыхъ трудовъ. Но есть иги, которыхъ полное пониманіе возможно только при близмъ знакомствѣ съ авторомъ, положившимъ на нихъ печать оей особенности. Къ числу такихъ принадлежатъ творенія бура. Письма его и дошедшія до насъ бесѣды съ друзьями едставляютъ не только занимательное, но и поучительное еніе. Въ нихъ виденъ весь внутренній процессъ, результатомъ ораго была «Римская исторія». Самыя сухія розысканія, въ й находящіяся, состоятъ въ тѣсной органической связи съ дѣльными переходами этого процесса. Немногіе принимали торію такъ горячо къ сердцу и понимали ее такъ цѣльно, къ Нибуръ. Онъ не дробилъ ее на отрѣшенныя одна отъ угой части. Поэтому ему случалось вносить въ древность впетлѣнія, принятыя отъ новой исторіи; еще чаще слышится въ о отзывахъ о современныхъ ему событіяхъ отголосокъ античхъ воззрѣній на государство. Въ этой особенности заключается его сила и отчасти его слабость. Мы постараемся характеризовать его собственными словами.

Бартольдъ Георгъ Нибуръ родился въ Копенгагенѣ 27 августа 1776 года. Отецъ его Карстенъ Нибуръ, знаменитый оими путешествіями по Востоку, былъ въ то время инженермъ капитаномъ въ датской службѣ. Лѣтомъ 1778 года онъ нялъ другую должность по гражданскому вѣдомству и переѣхалъ въ Мельдорфъ, небольшой городокъ въ южномъ Дитмарсенѣ. Трудно представить болѣе глухую и унылую мѣстность. ежду городскими жителями мало было образованныхъ людей. крестности состояли изъ болотъ; деревьевъ не было вовсе. днообразіе мельдорфской жизни изрѣдка прерывалось пріѣзми должностныхъ лицъ или путешественниковъ, которыхъ ивлекала въ этотъ отдаленный уголокъ датскихъ владѣній звѣстность Карстена Нибура, пользовавшагося великимъ автотетомъ во всемъ, что касалось до Азіи. При всемъ томъ Бартольдъ Георгъ не могъ жаловаться на печальное дѣтство. Онъ поминалъ о немъ съ теплымъ чувствомъ и любилъ Дитмарнъ, какъ свою родину. Исторія и современныя отношенія этой

области, гдѣ сохранились замѣчательные остатки древне-гер
скаго быта, были ему коротко знакомы. Впослѣдствіи это з
принесло ему нежданную и большую пользу: оно послужил
къ объясненію аналогическихъ явленій въ другихъ стра
Вообще, надобно замѣтить, что глубокое и подробное изс
ваніе исторіи и учрежденій одного народа, какъ-бы ни
важно было его политическое значеніе, служитъ лучшимъ
водникомъ и комментаріемъ къ исторіи другихъ, даже
значительныхъ народовъ.

Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Карстенъ Нибуръ
почти единственнымъ наставникомъ своего сына. Онъ учил
французскому и нѣмецкому языкамъ и математикѣ. Недост
педагогической опытности и терпѣнія онъ замѣнялъ умѣ
сообщать своему преподаванію занимательность. Онъ треб
отъ ученика не одного напряженія памяти, но и участ
предмету занятій и по возможности самостоятельнаго
Не находя въ Мельдорфѣ хорошаго латинскаго учителя, Кар
прочелъ съ сыномъ Цезаревы комментаріи. На грамматику
онъ обращалъ, впрочемъ, гораздо менѣе вниманія, чѣ
содержаніе книги. Въ особенности занимала его геог
Девятилѣтній Бартольдъ долженъ былъ безпрестанно справ
съ составленной Данвилемъ картою Галліи. Мальчикъ сам
страстился къ этимъ занятіямъ, научился чертить карт
жадностію читалъ всѣ путешествія, какія ему попадали
руки, и слушалъ разсказы отца. «Я живо помню,—говорит
въ написанной имъ біографіи Карстена Нибура: — все слы
мною въ дѣтствѣ объ устройствѣ вселенной и о Востокѣ.
чемъ, передъ отходомъ ко сну, отецъ часто бралъ м
колѣни къ себѣ и вмѣсто сказокъ забавлялъ меня таким
сказами. Исторія Магомета, первыхъ калифовъ, именно
и Али, къ которымъ онъ питалъ глубокое уваженіе, завс
и распространеніе Ислама, подвиги тогдашнихъ героевъ
религіи, исторія турокъ врѣзались мнѣ рано, и въ самом
влекательномъ видѣ, въ память. Помню также, какъ
желая обрадовать меня въ сочельникъ (мнѣ было около
лѣтъ), вынулъ изъ великолѣпной шкатулки, гдѣ хранил
рукописи, и на которую дѣти и всѣ домашніе смотрѣли с
кимъ уваженіемъ, свои записки объ Африкѣ и сталъ их
читать. При его одобреніи, я немедленно начертилъ
Габеша и Судана. Ему было очень пріятно, когда я под
ему, составленныя мною ко дню его рожденія, географ
описанія восточныхъ странъ и переводы путешествій.

ь, разумѣется, дѣтская. Онъ сначала ничего такъ не желалъ,
образовать изъ меня своего преемника для путешествія
Востоку. Но вліяніе нѣжной и мнительной матери на мое
ческое воспитаніе разстроило эти планы въ самомъ ихъ
ваніи; впослѣдствіи отецъ окончательно пожертвовалъ ей
ми надеждами и намѣреніями. Любимою его мечтою было
троить меня съ раннихъ лѣтъ въ Индіи. Онъ могъ на-
ься на успѣхъ при общемъ расположеніи, какимъ онъ
зовался, и при заслугахъ, оказанныхъ имъ Остъ-индской
ваніи относительно судоходства въ верхней части Краснаго
. Мысль эта не осуществилась, что было потомъ ему такъ-
ріятно, какъ и мнѣ; но съ нею было связано многое въ
преподаваніи. Онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ англійскія
ныя книги, давалъ мнѣ читать всякаго рода сочиненія на
ъ языкѣ, даже пріучалъ меня съ дѣтства къ постоянному
ію англійскихъ журналовъ». Послѣдняго обстоятельства не
но упускать изъ виду. Оно имѣло рѣшительное вліяніе на
нѣйшее развитіе молодого Нибура. Чтеніе политическихъ
налов рано обратило его вниманіе на вопросы статистики
сударственнаго права. Будучи мальчикомъ, онъ уже писалъ
ои политическаго содержанія и забавлялся устройствомъ
ны, существовавшей только въ его воображеніи, сочинялъ
нея законы, объявлялъ войну и заключалъ миръ. Потомъ
занятія получили болѣе положительный характеръ: онъ при-
илъ къ составленію таблицъ смертности въ отдѣльныхъ
пейскихъ государствахъ. Объемъ и основательность его
истическихъ свѣдѣній радовали отца, принадлежавшаго къ
у отличныхъ знатоковъ въ этой сферѣ. Эти повидимому
труды дѣйствовали благотворно на Бартольда Нибура.
юда одарила его съ избыткомъ воображеніемъ и творческою
азіей. Надобно было обуздать эти способности, сдержать
неправильное развитіе. Авторъ «Римской исторіи» родился
жникомъ, хотя мало оказалъ успѣховъ въ рисованіи и въ
икѣ, понимая только простыя мелодіи народныхъ пѣсенъ.
поэзія сильно на него дѣйствовала. Въ 1781 году поселился
ѣламъ службы въ Мельдорфѣ литераторъ Бойе, пользовав-
я нѣкоторою извѣстностію въ качествѣ издателя журнала
мецкій Музей». Онъ былъ человѣкъ съ разборчивымъ вку-
, и привезъ съ собою хорошую библіотеку. Ему обязанъ
гъ первымъ знакомствомъ съ героями тогдашней нѣмецкой
ратуры. Положительный, нѣсколько односторонній, отецъ
могъ служить ему руководителемъ въ области изящнаго.

Тѣмъ сильнѣе обнаружилось вліяніе Бойе, который въ очередь привязался къ геніальному ребенку. Приводимъ дующій отзывъ его изъ письма, писаннаго Бойе къ невѣс 1783 году: «маленькій Нибуръ доставляетъ мнѣ много прія часовъ своими способностями къ ученію, трудолюбіемъ бовью ко мнѣ. Я недавно читалъ его родителямъ Макбе обращая на него особеннаго вниманія, пока не замѣтил изведеннаго на него впечатлѣнія. Тогда я постарался объ ему это произведеніе и даже убѣдилъ его, что колдунь существа поэтическія. По уходѣ моемъ, онъ тотчасъ сѣ дѣло (ему еще нѣтъ семи лѣтъ) и на семи листахъ на все содержаніе драмы, не пропуская ни одного важнаго с тельства и не заботясь вовсе о будущихъ похвалахъ плакалъ отъ опасенія, что сдѣлалъ не то, что слѣдовало, отецъ взялъ у него написанное и показалъ мнѣ. Съ тѣх онъ записываетъ все для него замѣчательное изъ словъ моихъ...» Съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ Бартольдъ сею и Оссіана.

Вообще, кругъ его занятій становился съ каждымъ ш шире. Кромѣ древнихъ и новыхъ языковъ, въ него пост вошли самыя разнообразныя науки и даже нѣкоторыя иск Карстенъ училъ своего сына по-арабски, доставилъ ем можность брать уроки рисованья и музыки, составилъ пособіе для начатаго изученія нумизматики и геральдики, с слѣпковъ съ монетъ и печатей, и наконецъ, дабы объ наглядным образомъ начала фортификаціи, выстроилъ въ саду небольшую крѣпость и осаждалъ ее по всѣмъ пра военнаго искусства. Необычайная память, любознательн прилежаніе ученика значительно облегчали трудъ наст который, конечно, зналъ не все то, чему училъ. Бо́льшу своихъ знаній Бартольдъ Нибуръ пріобрѣлъ изъ книг посторонней помощи. Городскую школу онъ посѣщалъ не года. Ректоръ мельдорфской школы, умный и ученый чел самъ далъ ему совѣтъ не ходить въ классы, гдѣ ему было дѣлать, и предложилъ ему свое руководство при древнихъ писателей. Это случилось въ 1790 году. Въ слѣдующихъ четырехъ лѣтъ у Бартольда, кажется, не был гихъ учителей. Его любовь къ классической филологіи ук своимъ вліяніемъ знаменитый переводчикъ древнихъ п У. Г. Фоссъ, который нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Мель Впрочемъ, неосторожность Карстена, рано предоставившая полную свободу въ выборѣ чтенія и занятій, могла имѣть

я послѣдствія. Молодой Нибуръ жаловался потомъ на безпо-
окъ въ своихъ понятіяхъ, на хаотическое броженіе собран-
хъ имъ въ первой молодости свѣдѣній. Счастливыя условія
звитія и сильная память помогли ему управиться съ избыт-
мъ накопившихся у него умственныхъ богатствъ. Въ 1792 году
ъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ профессора Бюша,
ректора коммерческаго училища, въ которомъ находились
оши изъ всѣхъ европейскихъ странъ. Карстенъ Нибуръ при-
лъ сюда сына, желая доставить ему возможность усовершен-
оваться въ новыхъ языкахъ и познакомиться съ торговыми
ками. Но молодой Нибуръ, научившійся въ безлюдномъ Мель-
фѣ десяти языкамъ (онъ уже зналъ языки латинскій, гре-
кій, еврейскій, нѣмецкій, датскій, французскій, англійскій,
ліанскій, испанскій и португальскій), привыкшій къ одинокой,
остоятельной работѣ, не находилъ въ Гамбургѣ ожидаемой
ьзы, и, не смотря на образованное общество, собиравшееся
домъ Бюша, скучалъ и просилъ родителей взять его назадъ.
вынесъ отсюда только одно пріятное воспоминаніе о Клоп-
кѣ, который узналъ и полюбилъ его.

По возвращеніи въ Мельдорфъ, онъ съ радостію принялся
прежніе труды; но мысль его не ограничивалась предѣлами
жнаго міра: она слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за
ыкими событіями, которыя тогда совершались въ Европѣ. Это
ячее участіе въ современной исторіи, составляющее одно изъ
ныхъ условій Нибурова таланта, обнаружилось въ немъ съ
8 года, по поводу войны, которую Россія и Австрія вели
а съ Портою. Онъ не только читалъ съ жадностію военныя
ѣстія, но даже бредилъ ими во снѣ. Подробное знаніе мѣст-
тей и прежнихъ турецкихъ войнъ давало ему возможность
дить за всѣми отрядами дѣйствовавшихъ армій и угадывать
назначеніе. Писанныя имъ въ то время письма къ дядѣ
жатъ этому доказательствомъ. Государственный переворотъ,
ршившійся во Франціи, еще въ бо́льшей степени возбудилъ
любопытство. Замѣчательно, что Нибуръ, не смотря на свою
одость, устоялъ противъ общаго почти увлеченія. Онъ тогда
сказалъ о революціи свое строгое мнѣніе и остался ему
енъ. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ непрочности республики
скоромъ возстановленіи монархіи.

Весною 1794 года Бартольдъ отправился въ Киль, для слу-
ія лекцій въ тамошнемъ университетѣ. Онъ поѣхалъ туда
отя, скрѣпя сердце. Студентскій бытъ не имѣлъ для него
акой прелести. Отъ лекцій онъ не ждалъ себѣ [redacted] ольшой

пользы. Тѣмъ не менѣе онъ провелъ въ Килѣ около д
лѣтъ, и эти годы прошли для него недаромъ. Слава Карс
Нибура доставила его сыну легкій доступъ къ профессор
которыхъ поразила, при ближайшемъ знакомствѣ, обши
ученость и оригинальный взглядъ на науку восемнадцатилѣт
юноши, искавшаго у нихъ дополненія къ своимъ свѣдѣн
Уже тогда у него было свое мнѣніе объ образованіи гречес
племенъ, о распространеніи городовъ греческихъ, о пересе
народовъ и т. д. Вопросъ о породахъ человѣческихъ его сп
занималъ въ то время. Онъ принималъ его за основное на
исторіи и думалъ, что при изслѣдованіи племенныхъ раз
должно обращать болѣе вниманія на физіологическія при
чѣмъ на языки. Мысли, высказанныя имъ по этому повод
письмѣ къ отцу отъ 7-го іюня 1794 года, едва-ли прихо
въ голову многимъ изъ тогдашнихъ историковъ. Ранняя
лость ума не мѣшала ему, впрочемъ, пользоваться опытнос
знаніемъ другихъ. Онъ усердно посѣщалъ лекціи правовѣд
естественныхъ наукъ, исторіи и философіи. Къ изученію по
ней онъ приступилъ съ великимъ, но скоро отстывшимъ жа
Далѣе Кантовой системы онъ не пошелъ. Вообще, фило
мало соотвѣтствовала особенному складу его поэтическаго
любившаго отвлеченныхъ истинъ ума. Впослѣдствіи онъ смот
на эту науку болѣе съ формальной точки зрѣнія. Она каз
ему средствомъ къ укрѣпленію мысли, но не внушала ему
вѣрія, когда дѣло шло объ ея результатахъ. Болѣе всего
влекала его къ себѣ исторія, хотя онъ еще не былъ увѣ
въ своемъ призваніи и не зналъ на что рѣшиться. Искл
тельно ученой, академической дѣятельности онъ не хот
можетъ-быть потому, что вблизи видѣлъ сухой, узкій
кильскихъ профессоровъ. Онъ составилъ себѣ высшій ид
жизни — соединеніе глубокаго теоретическаго образованія
способностію практическихъ приложеній. Это видно изъ пи
въ которыхъ онъ отдавалъ родителямъ отчетъ въ своихъ
дахъ и видахъ на будущее. «Я составилъ очень обширный п
для моихъ занятій,—пишетъ онъ:—но утѣшаю себя мыслію
изъ многихъ наукъ, напримѣръ, астрономіи, механики, х
бо́льшей части другихъ отраслей естествовѣдѣнія мнѣ д
точно будетъ основательныхъ общихъ свѣдѣній, которы
трудно увеличить въ случаѣ надобности. Я думаю, что та
образомъ, въ теченіе семи лѣтъ, остающихся до моего двад
пятилѣтія, мнѣ можно будетъ положить основаніе всѣмъ п
нымъ для меня знаніямъ. Тогда я буду не только въ сост

ідить за вѣкомъ во всѣхъ его направленіяхъ. но даже получу
ожность идти впередъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, укрѣпивъ
связью съ цѣлымъ. Вся эта работа должна служить введе-
ю къ настоящему творчеству въ наукѣ и доставить мнѣ тѣ
нія, которыхъ Болингброкъ требуетъ отъ зрѣлаго государ-
еннаго мужа». Какъ ни обширны были эти замыслы, они
ли быть осуществлены при трудолюбіи и памяти Нибура.
ъ работалъ безъ устали. Въ часы досуга онъ читалъ, для
влеченія, писателей, которыхъ чтеніе составляетъ для другихъ
тоящій трудъ: Спинозу, Демосѳена, англійскихъ историковъ.
ъ тогда уже замѣтилъ отсутствіе строгой критики у Юма,
явшаго на вершинѣ своей славы. Греческіе трагики произво-
и на него слишкомъ сильное впечатлѣніе. Прочитавши нѣ-
лько страницъ, онъ приходилъ въ волненіе и жаловался на
озможность выговаривать языкомъ варвара ихъ сладкіе, внят-
: его внутреннему слуху звуки. Часто на него находило
ькое чувство недовольства самимъ собой. Онъ падалъ духомъ,
екалъ себя въ недостаткѣ твердости и самобытности. Даже при-
саніемъ своимъ онъ былъ недоволенъ и находилъ, что можно
ю-бы сдѣлать болѣе! Ему показалось, что память его разви-
тся въ ущербъ мышленію, и онъ сталъ искусственнымъ образомъ
аблять ее. Къ счастію, опытъ не удался. Въ бытность свою
Килѣ онъ продиктовалъ пріятелю всю исторію французскихъ
нъ отъ 1792—1794 такъ, какъ онѣ изложены были въ жур-
ахъ, не прибѣгая къ справкамъ, даже когда рѣчь шла о
ыхъ мелкихъ подробностяхъ. Получившій отъ природы глу-
ую потребность дружбы, Нибуръ составилъ въ Килѣ много
зей, имѣвшихъ вліяніе на остальную жизнь его. Между
зьями, которыхъ онъ тамъ пріобрѣлъ, находились люди,
ьзовавшіеся уже европейскою славою: историкъ Гегевишъ,
юсофы Рейнгольдъ и Якоби. Ближе чѣмъ съ другими, сошелся
съ графомъ Адамомъ Мольтке и съ семействомъ профессора
слера. Въ домѣ послѣдняго онъ провелъ лучшіе часы своей
иверситетской жизни; здѣсь встрѣтилъ онъ въ первый разъ
ущую супругу свою, Амалію Беренсъ, сестру Доротеи Генслеръ,
ѣстки профессора, женщины великаго ума и благороднаго
актера, которой дѣятельное участіе въ судьбѣ Бартольда
ежило его самого. Она заступила мѣсто матери при его
ротѣлыхъ дѣтяхъ.

Неожиданный случай положилъ преждевременно конецъ
иверситетскимъ занятіямъ Нибура. Датскій министръ графъ
ммельманъ, слышавшій объ его рѣдкихъ знаніяхъ и трудо-

любіи, предложилъ ему при себѣ мѣсто частнаго секре
Совѣты отца и друзей заставили его принять это предло
и перейти прямо отъ книгъ къ практической дѣятель
которая до сихъ поръ являлась ему отдаленною цѣлію
его трудовъ. На двадцатомъ году отъ рожденія, онъ пере
въ совершенно незнакомый ему Копенгагенъ. Вслѣдствіе сч
выхъ политическихъ обстоятельствъ и внутренняго благосо
нія, которымъ Данія была обязана государственнымъ лю
которые ею тогда правили, именно графамъ Бернстор
Шиммельману, Копенгагенъ стоялъ на ряду съ самыми з
тельными столицами Европы. Торговые обороты и дѣяте
дипломатическія сношенія привлекали сюда много иностра
Нибуру, переселенному изъ скромнаго круга кильскихъ уч
въ блестящую гостиную графа Шиммельмана, гдѣ собир
лучшее общество Копенгагена, было сначало неловко. Онъ
застѣнчивъ и раздражителенъ. Условія новаго міра, въ кот
ему пришлось жить, были ему часто тягостны. Но посто
вниманіе и дѣйствительное расположеніе къ нему его мин
соединявшаго съ высокимъ саномъ обширную образованно
благородный, ясный образъ мыслей, скоро доставили ему
ное положеніе въ обществѣ. Ему поручались важные
познакомившіе его съ главными вопросами администраціи,
прочимъ, составленіе отчета о положеніи бѣдныхъ классо
Копенгагенѣ. Эти занятія не отвлекали его отъ науки, хот
по привычкѣ, былъ недоволенъ самъ собой и винилъ се
безполезной тратѣ времени. Несмотря на свою молодость
успѣлъ пріобрѣсти уваженіе государственныхъ людей и дип
товъ, находившихся тогда при датскомъ дворѣ. Къ чис
короткихъ знакомыхъ принадлежали австрійскій посла
графъ Лудольфъ, повѣренный французской республики Гр
и португальскій посланникъ графъ Суза. Лудольфъ, долго
шій въ Константинополѣ, былъ отличный знатокъ восто
языковъ. Онъ былъ радъ встрѣтить на скандинавскомъ с
любознательнаго юношу, съ которымъ могъ дѣлиться с
свѣдѣніями и говорить о любимомъ предметѣ занятій. Под
руководствомъ Нибуръ началъ учиться по-персидски и усове
ствовался въ арабскомъ. По заключеніи Толентинскаго дог
(1797 года), по которому Франція получила право взя
выборъ 500 рукописей изъ папскихъ библіотекъ въ Римѣ, Гр
обратился къ Нибуру съ просьбою составить для француз
правительства списокъ важнѣйшихъ рукописей Ватикана.
актъ, доставленный Груве[redacted]мъ Директоріи, изданъ Гольбер

ложеніяхъ къ переводу «Римской исторіи». Изъ него видно, имъ довѣріемъ пользовался уже въ то время сынъ Карстена. время поѣздки, предпринятой имъ для свиданія съ родителями, нашелъ случай видѣть Доротею Генслеръ и сказалъ ей о емъ намѣреніи искать руки сестры. Дѣло было вскорѣ ула-но. Осенью 1797 года онъ возвратился въ Копенгагенъ жени-ъ и началъ думать о прочномъ мѣстѣ. Отказавшись еще жде отъ предложенной ему временной должности датскаго еральнаго консула въ Парижѣ, онъ вступилъ библіотекаремъ копенгагенскую библіотеку. Служба эта не представляла ему ти никакихъ выгодъ, но соотвѣтствовала его тогдашнимъ намъ и требованіямъ. Онъ надѣялся перейти на каѳедру юлогіи или исторіи въ Киль. Слѣдующія извлеченія изъ его емъ къ Доротеѣ Генслеръ и къ невѣстѣ познакомятъ чита-ей съ его занятіями и настроеніемъ его духа въ бытность въ столицѣ Даніи.

«1797 года, іюля 18. Я систематически работаю надъ рим-й исторіей. Чѣмъ знакомѣе мнѣ становятся дѣйствующія а, тѣмъ болѣе нахожу наслажденія въ этой мало извѣстной педантически обработанной области. Въ такомъ-же отноше-темнѣютъ и отдаляются отъ меня нынѣшнія событія. Во мнѣ снулось дѣтское желаніе посѣтить классическую почву. Я ти ничего не читаю, кромѣ древнихъ писателей».

«6 сентября. Послѣ долгой работы надъ отдѣльными изслѣ-аніями, которыя могутъ служить только средствомъ, или надъ сою матеріаловъ, имѣющихъ получить новое назначеніе, я даю духомъ. Нужно нѣсколько дней для приведенія въ поря-ь собраннаго. Тогда мнѣ становится легче. Но до тѣхъ поръ еня мало, мало радости. Участь ученаго, работающаго по гамъ, тяжела. Путь его лежитъ на краю бездны педантизма. наукахъ, которыхъ начало лежитъ въ умозрѣніи, напримѣръ, ософіи и математикѣ, нѣтъ такихъ неудобствъ. Всякое успѣш-занятіе ими освѣжаетъ и живитъ умъ. Даже тотъ, кто безъ ѣйшей философіи наблюдаетъ и описываетъ отдѣльные любо-ные предметы, какъ явленія природы, и тотъ не тяготится мъ дѣломъ. Но ученый, изучающій грамматику и реторику, рывающій собственнымъ изслѣдованіемъ или усвоивающій себѣ ценныя другими правила и законы, долженъ постоянно под-кивать въ себѣ мужество, ободрять свое сердце, чтобы не гать отъ работы, чтобы не погрузиться въ механическое за-е буквами. Все это имѣетъ важность, относительно вопро-ь, занимающихъ его лично, можетъ даже имѣть большее зна-

ченіе, но взятое въ своей отдѣльности такъ сухо и большею частію такъ ничтожно! Исторія представляетъ высшую занимательность. Но ея необозримый объемъ, трудность удержать въ памяти все нужное, еще большая трудность найти твердую и вѣрную точку зрѣнія, тяжелая необходимость собирать съ сознаніемъ неполнаго результата важнѣйшіе отрывки изъ безчисленныхъ книгъ и читать всякую пустошь, пока вся эта масса не сдѣлается способною къ принятію изящной формы — на это нужны годы!»

Персидская литература доставляла Нибуру много наслажденія. Онъ писалъ къ отцу въ мартѣ 1797 года: «мнѣ жаль, что вы приписываете пристрастію мои похвалы персидской литературѣ. Какъ-бы мнѣ хотѣлось представить вамъ свои или хотя англійскіе переводы. Гафица сравнивали съ Анакреономъ, думая оказать ему большую честь; но пѣсни псевдо-Анакреона, котораго обыкновенно принимаютъ за настоящаго, даже уцѣлѣвшіе остатки стихотвореній дѣйствительнаго Анакреона не могутъ итти въ сравненіе съ лучшими одами ширазскаго пѣвца, которыя помѣщены въ *Asiat. Miscellany*. Впрочемъ, персы стоятъ, безъ сомнѣнія, ниже грековъ. Лудольфъ въ высшей степени доволенъ мной, и находитъ, что я превзошелъ его ожиданія. Вамъ пріятно будетъ слышать, что чѣмъ болѣе я оказываю успѣховъ, тѣмъ искреннѣе и теплѣе становится его дружба ко мнѣ...» Нибуръ собирался перевести какого-нибудь изъ лучшихъ персидскихъ историковъ и много занимался ими. Прибавимъ къ этимъ выпискамъ важный въ психологическомъ отношеніи отрывокъ изъ дневника, который онъ велъ въ Копенгагенѣ. Дѣло идетъ о тѣхъ припадкахъ тоски, отъ которыхъ онъ не могъ отдѣлаться даже впослѣдствіи, когда блестящіе результаты его дѣятельности оправдали его въ собственныхъ глазахъ и разсѣяли прежнія опасенія.

«Меня часто мучитъ унизительное, раздирающее душу чувство безсилія, отвращеніе отъ всякой благородной дѣятельности. Другіе также приходятъ къ оскорбительному сознанію, что ихъ умственныя силы не всегда находятся въ одномъ состояніи: труды, которые имъ прежде казались пріятными и легкими, обдуманныя и осмотрѣнныя ими со всѣхъ сторонъ предпріятія, вдругъ становятся имъ противны, кажутся неисполнимыми. Но съ такимъ сознаніемъ не соединяются ни лѣнь, ни тупость, которыя къ стыду моему, давятъ меня. Зло это, слѣдовательно, не есть нѣчто необходимое, врожденное: оно вкралось мнѣ въ душу и утвердилось въ ней вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ и

ственной моей вины. Чтобы истребить его, надобно обратиться
его началу, вырвать его съ корнемъ, со всѣми пущенными
землю отпрысками. При постоянной праздности и безконеч-
хъ мечтаніяхъ, въ которыхъ прошли годы моего дѣтства, я,
умѣется, не могъ думать о такихъ явленіяхъ. Но сѣмя, изъ
гораго они такъ роскошно и прочно выросли, было положено
то время. Я привыкъ отдѣлять мое вниманіе отъ присутствія
имавшихъ его предметовъ, принимать равнодушно впечатлѣ-
, ни о чемъ не размышлять. Мое небо находилось въ мірѣ
нтазій. Эти фантазіи и жажда доставляемыхъ ими наслажденій
полняли мою бѣдную душу. Тщеславіе, желаніе извѣстности
жили мнѣ впослѣдствіи побужденіемъ къ занятіямъ; но мнѣ
позволилъ отдаться труду вполнѣ, точившій мое сердце недугъ.
вое замѣчательное проявленіе болѣзни, о которой я теперь
ду, относится къ зимѣ 1790 года. Тогда зло не встрѣтило
тиводѣйствія и я бросилъ занятія, которыя мнѣ нравились
и по себѣ. Сколько дней, сколько недѣль провелъ я праздно
теченіе слѣдующихъ двухъ годовъ. Весною 1792 года я съ
ѣхомъ и жаромъ принялся за италіанскій языкъ. Это былъ
нственный удачный опытъ, совершенный мною въ то время;
и тутъ успѣхъ былъ болѣе внѣшній, чѣмъ дѣйствительный.
ною я сдѣлалъ еще болѣе счастливую попытку, но безъ любви,
ъ стремленія къ цѣли труда. Въ бытность мою въ Гамбургѣ
состояніе умственной дремоты достигло высшей степени».

Изъ другихъ мѣстъ этого дневника видно, что Нибуръ упорно
олся съ посѣщавшимъ его недугомъ. Онъ задавалъ себѣ
чныя работы, распредѣлилъ занятія для каждаго дня и противо-
тавилъ умственной дремотѣ постоянную, напряженную дѣятель-
ть мысли. Можетъ быть, болѣзнь, на которую онъ жаловался,
а именно слѣдствіемъ этого напряженія. Во всякомъ случаѣ,
представляетъ любопытное психологическое явленіе. Странно
шать такія жалобы на самого себя изъ устъ двадцатилѣтняго
одого человѣка, который по объему и глубинѣ своихъ занятій
ялъ гораздо выше большей части своихъ современниковъ.
буръ наслѣдовалъ отъ матери раздражительность и наклон-
ть къ ипохондріи.

Въ іюнѣ 1798 года исполнилось его давнишнее желаніе—
ѣтить Англію. Ни одинъ народъ въ тогдашней Европѣ не
шалъ Нибуру такого участія и не пользовался съ его стороны
имъ уваженіемъ, какъ англичане. Языкъ и исторія этой
аны были ему хорошо извѣстны. Онъ предпринялъ свое

путешествіе съ цѣлію отдохнуть отъ исключительно книжныхъ занятій и дополнить свои теоретическія знанія наблюденіемъ и опытомъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ положилъ въ Англіи прочное основаніе своимъ политико-экономическимъ и финансовымъ свѣдѣніямъ. Здѣсь также окончательно опредѣлились его политическія убѣжденія. Къ сожалѣнію, письма его къ отцу, писанныя во время путешествія, потеряны: остались только письма къ невѣстѣ, въ которыхъ, разумѣется, рѣчь идетъ болѣе о личныхъ впечатлѣніяхъ и встрѣчахъ, нежели о предметахъ, имѣющихъ ученость или государственное значеніе. Англійскіе друзья и знакомые Карстена Нибура радушно приняли его сына. Но онъ прибылъ въ Лондонъ не въ пору: достаточные люди уже разъѣзжались изъ города по дачамъ и помѣстьямъ.

«Третьяго дня,—пишетъ онъ отъ 21 іюля 1798 года, своей Амаліи:—я отнесъ письма отца къ Реннелю (знаменитому географу), Русселю и Малле (дю Панъ). День прошелъ очень пріятно. Первые два просты и добродушны. Они, видимо, были мнѣ рады и дѣлаютъ для меня, все, что можно. Главное различіе между нашимъ нѣмецкимъ и здѣшнимъ обхожденіемъ съ иностранцами состоитъ въ томъ, что мы скорѣе полюбимъ и болѣе заботимся объ удовольствіяхъ гостя; англичанинъ въ подобныхъ случаяхъ хлопочетъ безъ устали о пользѣ пріѣзжаго, но предоставляетъ ему самому заботиться о своихъ удовольствіяхъ. Здѣсь всѣ дѣятельны. Праздность и лѣнь не такія обыкновенныя вещи, какъ у насъ. Практическихъ дарованій здѣсь болѣе; ложная, только кажущаяся ученость встрѣчается рѣже. Блестящая внѣшность не обращаетъ на себя вниманія. Зато нельзя не признать, что въ Англіи много посредственностей, пользующихся уваженіемъ. Ученые здѣсь, какъ и вездѣ, не столько смотрятъ на талантъ и умъ, сколько на авторитетъ»... «Сентября 21. Я работалъ въ публичныхъ библіотекахъ надъ литературою и статистикою, дома читалъ историческія и другія книги. Занимался также языками. Отъ безполезныхъ собраній здѣшнихъ ученыхъ я давно отказался. Наиболѣе удовольствія доставляетъ мнѣ здѣшній театръ. Не смотря на всѣ его недостатки, мы за моремъ не знаемъ ничего подобнаго. Иностранцы, которымъ вообще трудно свыкнуться съ чисто англійскимъ бытомъ и понять его, осуждаютъ многое. Есть вещи, конечно, достойныя порицанія. Но англійскій театръ можетъ развеселить самаго мрачнаго ипохондрика, если онъ только не глупъ и въ состояніи насладиться шуткою».

Послѣ трехмѣсячнаго, проведеннаго бо́льшею частію въ биб-

іотекахъ, пребыванія въ Лондонѣ, Нибуръ отправился въ Шотландію. Съ санскритологомъ Вилькинсомъ и еще нѣкоторыми наменитостями ученаго міра ему не удалось сойтись поближе, отому что ихъ не было въ городѣ. Въ Эдимбургѣ молодого утешественника ждалъ родственный пріемъ въ домѣ стараго апитана Скотта, который за тридцать пять лѣтъ до того понакомился въ Индіи съ Карстеномъ и оказалъ ему тамъ важныя услуги. Нибуръ вступилъ въ число студентовъ эдимбургскаго университета. Онъ слушалъ только лекціи естественныхъ аукъ, агрономіи и математики. Въ прочихъ наукахъ онъ сталъ нѣмцевъ выше англичанъ.

«Эдимбургъ, 14 января 1799 года. На чужбинѣ я начинаю юбить Германію, какъ страну ученыхъ, хотя каждый шагъ наоминаетъ мнѣ, что народъ нѣмецкій погруженъ въ глубокій онъ. Непосредственное знакомство съ англійскою литературою бѣдило меня вполнѣ въ нашемъ настоящемъ превосходствѣ очти во всѣхъ отрасляхъ науки. Это превосходство признается аже здѣсь лучшими изъ молодого поколѣнія и нѣкоторыми гарыми учеными. Очень многіе учатся по нѣмецки». «11 февраля. очиненія Канта здѣсь въ большомъ ходу, но понятія объ его илософіи самыя странныя, и, если я не ошибаюсь, его система е утвердится въ этой странѣ. Ученія французскихъ софистовъ VIII столѣтія распространяются съ быстротою и при помощи олитическихъ событій могутъ сдѣлаться господствующими въ ародѣ».—«Февраля 26. У Англичанъ нѣтъ въ настоящее время и одного великаго писателя. Зато у нихъ много полезныхъ исателей въ сферахъ математики и естественныхъ наукъ. Фиософія въ совершенномъ упадкѣ. Исторія не выше посредствености. Даже въ политической литературѣ, которою славится нглія, не выходитъ ничего достойнаго вниманія».—«7 мая. Съ мого начала реформаціи Шотландія пользуется высокою слаою благочестія. Но духовенство вообще не соотвѣтствуетъ оему призванію. Это скажетъ всякій, кто знаетъ край. Наожность народа внѣшняя, безъ всякаго вліянія на образъ мыей и поступки. Шотландцы читаютъ вытверженныя ими назусть молитвы, исполняютъ наружные обряды и проклинаютъ евѣрныхъ и невѣрующихъ со всею гордостію души, знающей ои привилегіи. Я не ставлю болѣе Юму въ укоръ его строго, насмѣшливаго отзыва о пресвитеріанахъ временъ Карла I. ожидалъ найти у нихъ нравы суровые, а встрѣтилъ одну грусть». «28 мая. Я слушаю лекціи сельскаго хозяйства у доктора Ковентри. Вѣроятно, мнѣ не придется приложить ихъ къ

дѣлу, но знакомство съ столь важнымъ отдѣломъ гражданск
жизни доставляетъ большую выгоду: оно снимаетъ прегр
отдѣляющую ученаго отъ дѣйствительнаго работника, и може
быть полезно мнѣ на поприщѣ общественной дѣятельност
Сверхъ того оно объясняетъ многое въ древнихъ писателях
Въ промежуткахъ между лекціями Нибуръ успѣлъ посѣтить н
которыя части Шотландіи и осмотрѣлъ тамошнія хозяйствен
заведенія. Отзывы его о сельскомъ народонаселеніи не т
строги, какъ о городскомъ. Видно, что онъ наблюдалъ вни
тельно все, что ему встрѣчалось на пути. Ровно черезъ го
послѣ отъѣзда изъ Лондона, онъ возвратился въ этотъ горо
и черезъ нѣсколько дней отправился на родину. Приготов
тельные труды его были кончены. Оставался выборъ попри
Нибуръ могъ быть натуралистомъ, историкомъ, филологомъ, г
сударственнымъ человѣкомъ. Онъ былъ готовъ ко всему. Пут
шествіе по Англіи развило въ немъ, по его словамъ, практ
ческія способности, которыхъ онъ въ себѣ не подозрѣвалъ, н
съ другой стороны, оно охладило въ немъ юношескій, поэти
скій жаръ и заставило смотрѣть на міръ съ болѣе положител
ной точки зрѣнія. Вскорѣ послѣ возвращенія на родину, он
женился на Амаліи Беренсъ и уѣхалъ съ нею въ Копенгаген
гдѣ Шиммельманъ доставилъ ему должность ассесора въ ко
мерцъ-коллегіи и секретаря при дирекціи африканскихъ ко
сульствъ.

За исключеніемъ поѣздокъ въ Мельдорфъ къ родителямъ
предпринятаго по порученію датскаго правительства путешест
въ Германію, Нибуръ прожилъ въ Копенгагенѣ около шест
лѣтъ. Его почти исключительно занимала служба. Въ 1804 го
онъ былъ назначенъ директоромъ банка и получилъ въ сво
завѣдываніе Остъ-индское отдѣленіе въ коммерцъ-коллегіи. Пр
томъ онъ остался членомъ дирекціи африканскихъ консульств
Большая часть дня проходила въ должностной перепискѣ и в
переговорахъ съ банкирами и другими лицами торговаго со
словія. Нибуръ могъ по праву сказать, что онъ не мало содѣй
ствовалъ къ поддержанію датскаго кредита и порядка въ ф
нансахъ въ эту бѣдственную для Даніи эпоху. Онъ самъ был
свидѣтелемъ двукратнаго бомбардированія Копенгагена англич
нами, и не смотря на свою любовь къ этому народу, сохранил
на всю жизнь горькое воспоминаніе объ его политикѣ въ 180
и 1806 годахъ. Послѣ дневныхъ заботъ, Нибуръ отдыхалъ в
черомъ, читая что нибудь своей женѣ, или за ученою работо
Онъ не могъ совершенно от[illegible]отъ науки, хотя удѣлялъ ей

кіе часы. Въ 1803 году онъ вспомнилъ свое дѣтство и пере-
ъ съ арабскаго, къ рожденію отца, часть написанной Эль-
и исторіи завоеваній въ Азіи при первыхъ калифахъ. Онъ
алъ современемъ кончить и издать этотъ переводъ вполнѣ
олго берегъ рукопись. Къ тому-же періоду принадлежитъ
ечатанное въ запискахъ Скандинавскаго общества разсуж-
іе его о Вильгельмѣ Лейслѣ и о датской торговлѣ съ Остъ-
ією. Но любимымъ предметомъ его занятій была, впрочемъ,
ссическая древность. Онъ собиралъ матеріалы для исторіи по-
ическихъ учрежденій въ греческихъ республикахъ и написалъ
лѣдованіе о римскихъ общественныхъ поляхъ. Это былъ его
вый важный трудъ по римской исторіи. Изученіе древ-
ъ утѣшало его въ злополучіяхъ современной исторіи.
ь черпалъ изъ этого источника новыя силы и надежды.
сть объ Аустерлицкой битвѣ потрясла его очень сильно. На-
я сходство между тогдашнимъ состояніемъ Германіи, занятой
нцузами, и положеніемъ Греціи при Филиппѣ Македон-
мъ, онъ перевелъ первую филиппику Демосѳена и посвятилъ
императору Александру. Примѣчанія къ этому переводу, въ
орыхъ находились явные намеки на современныя обстоятель-
а, обратили на переводчика вниманіе прусскаго министра
ейна. Онъ предложилъ Нибуру перейти въ прусскую службу.
ложеніе пришло тѣмъ болѣе кстати, что послѣдній былъ
женъ назначеніемъ на обѣщанное ему датскимъ правитель-
омъ мѣсто молодого человѣка знатной фамиліи, уступавшаго
въ знаніи дѣлъ и въ заслугахъ. Въ Пруссіи ему открыва-
ь болѣе обширная и не столь утомительная мелочными по-
бностями дѣятельность. Его звали на мѣсто директора банка
Берлинъ. Онъ прибылъ въ этотъ городъ въ то самое время,
да дѣло шло о существованіи Прусскаго государства.

II.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Берлинъ, Нибуръ
женъ былъ оставить этотъ городъ. Государство Фридриха II
выдержало столкновенія съ Франціею Наполеона. Битвы при
и Ауэрштэдтѣ рѣшили споръ въ пользу послѣдней. Прус-
я армія не существовала болѣе; крѣпости, которыя могли-бы
іновить движеніе побѣдителей и дать русскимъ войскамъ
ія притти на помощь, сдавались безъ сопротивленія. Старые
ралы, начавшіе свое поприще въ Семилѣтней войнѣ, поте-

ряли голову послѣ Іенскаго разгрома и прежде мирныхъ гра
данъ заговорили о необходимости покориться Наполеону. Коро
со всѣмъ своимъ семействомъ, со всѣми правительствующи
лицами переѣхалъ изъ Берлина въ Кенигсбергъ. Туда-же отп
вился и Нибуръ. Положеніе его было печально. Здоровье е
жены совершенно разстроилось; его служебная будущность бы
связана съ судьбою государства, за дальнѣйшее существова
котораго онъ имѣлъ причины опасаться. Полагая, что ему
чего болѣе дѣлать въ прусской службѣ, онъ подалъ проше
объ отставкѣ и думалъ посвятить себя исключительно учены
трудамъ, или торговымъ оборотамъ. Рижскій банкиръ Клей
сдѣлалъ ему даже предложеніе вступить къ нему въ товари
ство. Но прусское правительство, болѣе чѣмъ когда либо, ну
далось тогда въ такихъ людяхъ, какъ Нибуръ: вмѣсто отстав
онъ получилъ нѣсколько новыхъ и важныхъ порученій; между
прочимъ, на него было возложено попеченіе о продовольстви
русской арміи, вступившей въ прусскія владѣнія. Не смотря на
всѣ трудности этого дѣла, онъ исполнилъ его съ честію для
себя и вступилъ въ довольно близкія отношенія къ генералу
Беннигсену и тайному совѣтнику Попову. Изъ писемъ его видно,
что онъ хорошо узналъ качества нашего солдата и отдалъ ем
полную справедливость. Обремененный должностными трудами,
не имѣя подъ рукою книгъ, онъ однако не упускалъ изъ вид
науки и сталъ учиться по-русски. Доротеѣ Генслеръ, которая
требовала отъ него творческой дѣятельности и упрекала его за
расточеніе силъ и безплодное накопленіе неприлагаемыхъ къ
дѣлу матеріаловъ, онъ отвѣчалъ слѣдующими словами: «если-
бы природа назначила меня быть поэтомъ, твои упреки были-бы
справедливы: такая тяжелая работа ниже поэта. Но историкъ
долженъ допросить каждый народъ, по возможности, на его род-
номъ языкѣ. Языки и характеры народовъ происходятъ изъ
одного и того-же необъяснимаго начала: тотъ не знаетъ вполнѣ
народа, кто не понимаетъ его языка. Человѣку, знакомому съ
восточными языками, нельзя не сердиться на сказки и бредни,
пущенныя объ арабахъ и персахъ людьми, не знающими ни
по-арабски, ни по-персидски. Какъ можетъ судить о француз-
захъ тотъ, кто читаетъ Телемака въ переводѣ? Жаль, что
нельзя изучить всѣхъ языковъ.. Полагая, что занятія мои въ
теченіе нынѣшней зимы (1806—1807) принесли мнѣ пользу: я
составилъ себѣ о древнихъ и новыхъ русскихъ болѣе опредѣ-
ленное понятіе, нежели другіе иностранцы, за исключеніемъ
Шлецера. Славянскій язы[redacted]ривелъ меня къ очень важнымъ

рическимъ открытіямъ, относительно общаго происхожденія довъ. Я читалъ также славянскую Библію и пришелъ къ мъ богословскимъ соображеніямъ. Ты видишь, что я сидѣлъ надъ одними словами и не обременялъ памяти мертвыми ріалами». Труды и хлопоты Нибура не прекращались до ьзитскаго мира. Онъ принужденъ былъ оставить больную у въ Мемелѣ и провелъ первую половину 1807 года въ по-нныхъ разъѣздахъ. Не задолго до заключенія мира, прусское вительство отправило его въ Ригу съ кассою, и архивами. нцузы приближались къ русской границѣ. Бо̀льшей части овниковъ, оставшихся безъ дѣла и безъ жалованья, разрѣ-о было искать службы въ другихъ государствахъ. Друзья товали Нибуру подумать о томъ-же: ему открывалась воз-ность получить мѣсто въ Россіи или въ Англіи. Шиммель-ъ звалъ его обратно въ Данію. Но онъ остался вѣренъ но-у застигнутому бѣдою отечеству. Графъ Гарденбергъ про-ъ его со слезами не покидать службы королю.

Гильзитскій миръ свелъ Пруссію съ положенія первостепен-державы, которое ей доставилъ геній Фридриха Великаго. потеряла всѣ за-эльбскія и большую часть присоединенныхъ Польши областей съ четырьмя милліонами жителей. Сверхъ Наполеонъ наложилъ на нее огромную контрибуцію, запре-ъ ей держать болѣе 42 тысячъ человѣкъ войска и вмѣши-ся въ ея внутреннее управленіе. Министръ Гарденбергъ долженъ ъ по его требованію удалиться отъ дѣлъ; въ слѣдующемъ у такая-же участь постигла Гарденбергова преемника, барона ейна, великаго гражданина, стоявшаго во главѣ тѣхъ смѣлыхъ ударственныхъ людей и воиновъ, которые не отчаялись въ ьбѣ прусской монархіи и надѣялись вознаградить внѣшнія раты развитіемъ и напряженіемъ духовныхъ силъ народа. Для зсиленной послѣднею войною Пруссіи наступила пора внутрен-о возрожденія. Устарѣвшія учрежденія смѣнились новыми; іско было преобразовано; оскорбленное чувство гражданъ нято надеждою на новую, болѣе славную борьбу. Подозри-ьный надзоръ французскихъ властей могъ вредить лицамъ, а дѣлу. Въ людяхъ, окружавшихъ съ 1807 года престолъ Фрид-а-Вильгельма III, соединялись строгія доблести древняго міра средневѣковымъ рыцарствомъ. Какой рядъ поэтическихъ и пкихъ характеровъ отъ античнаго Шарнгорста до падшаго твою юношескаго героизма майора Шиля! Нибуръ занялъ не лѣднее мѣсто въ этой величавой дружинѣ. Онъ принялъ тельное участіе въ преобразованіи финансовыхъ учрежденій

Пруссіи. Эта часть законодательства обязана ему многимъ, хотя не всѣ его планы были приняты. Законъ 9 октября 1807 года, совершенно измѣнившій отношенія сельскаго народонаселенія, былъ отчасти его дѣломъ.

Въ началѣ 1808 года онъ отправился въ Голландію съ порученіемъ прусскаго правительства заключить тамъ заемъ для уплаты контрибуціи Наполеону. Политическое положеніе Пруссіи не внушало большаго довѣрія банкирамъ, и потому Нибуръ долженъ былъ бороться съ значительными трудностями. Онъ прожилъ около года въ Амстердамѣ; исправляя въ тоже время должность дипломатическаго агента, коротко познакомился съ языкомъ, литературою и исторіею Голландіи, но не могъ привыкнуть къ холодному и разсчетливому характеру народа. Отсутствіе близкихъ людей, недостатокъ привычныхъ занятій часто наводили на него уныніе, которое высказывается въ его письмахъ къ Доротеѣ Генслеръ... «Никто не можетъ въ такой степени довольствоваться положеніемъ зрителя, какъ я; я даже не аплодирую и не шикаю. Между тѣмъ мои мирныя занятія прерваны. Чтобъ не отстать отъ нихъ совершенно, я читаю всего Демосѳена, и не безъ пользы. Больно, что со мной нѣтъ моихъ книгъ. Я-бы могъ превосходно воспользоваться настоящимъ досугомъ и написать исторію той эпохи, которую понимаю, какъ будто самъ жилъ съ Демосѳеномъ. Въ ней можно найти живое изображеніе нашихъ современниковъ съ ихъ легкомысліемъ, поверхностностію и бездарностію. Сходство простирается даже до той жажды веселій, въ которыхъ мы ищемъ себѣ утѣшенія, мѣжду тѣмъ какъ въ другую эпоху всемірной печали и разложенія осмѣиваемые теперь отшельники уходили въ пустыни, образованные люди собирались въ монастыри и сосредоточивали въ сердцахъ своихъ всю силу скорби, которую несли въ загробный міръ. Неужели моя жизнь пройдетъ безплодно, и я не сдѣлаю ничего, достойнаго существованія?. Со дня заключенія Тильзитскаго мира, я высказываю тѣ-же мнѣнія, какія Фокіонъ высказывалъ аѳинянамъ, но между декламаторами противной стороны я не встрѣтилъ ни одного Демосѳена. Даже Гиперидовъ нѣтъ; Діеевъ много *)»... Бесѣды съ ученымъ дипломатомъ Валькнаеромъ доставляли Нибуру пріятное развлеченіе среди однообразной и скучной жизни, которую онъ велъ въ Амстердамѣ. «Давно уже,—пишетъ онъ:— не случалось мнѣ встрѣчать такого умнаго знатока древней литературы. Онъ знаетъ Римъ и классиковъ, какъ нѣмцы или

*) Діей, продажный стратегъ Ахейскаго союза.

другіе народы, у которыхъ есть своя литература, знаютъ собственныхъ писателей и свою исторію. Съ нимъ могу я говорить какъ съ равнымъ. Знаменитѣйшіе филологи, которыхъ мнѣ удалось до сихъ поръ видѣть, принимаютъ такой тонъ, какъ будто они одни посвящены въ тайны науки, чего я никакъ не могу допустить. Валькнаеръ много видѣлъ на свѣтѣ (онъ былъ прежде посланникомъ) и понимаетъ древнихъ не потому только, что знаетъ грамматику. Онъ ищетъ въ классикахъ не однѣхъ древностей или словъ. Въ нашихъ понятіяхъ много сходнаго». Незадолго до отъѣзда своего изъ Амстердама, гдѣ ему не удалось, по разнымъ причинамъ, исполнить возложеннаго на него порученія, Нибуръ былъ пораженъ вѣстію о паденіи Штейна. Гнѣвъ Наполеона разразился надъ прусскимъ министромъ, который принужденъ былъ не только сложить съ себя свое званіе, но искать убѣжища сначала въ Австріи, потомъ въ Россіи. Положеніе Нибура, какъ человѣка близкаго Штейну, пользовавшагося его полнымъ довѣріемъ, было не совсѣмъ безопасно. Тогдашній король голландскій, Людовикъ Бонапарте, увѣдомилъ его тайно о надзорѣ за нимъ французской полиціи. На возвратномъ пути въ Пруссію, Нибуръ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Голштиніи, въ кругу родныхъ и друзей своихъ. Но судьба европейскихъ государствъ не переставала его сильно тревожить. Онъ менѣе, чѣмъ кто другой, могъ быть равнодушнымъ зрителемъ трагедіи, которая разыгрывалась предъ его глазами. Воображеніе его рисовало мрачными красками будущность нашей части свѣта. Въ возрастающей безнравственности народовъ видѣлъ онъ признакъ неудержимаго разложенія и не ожидалъ пользы отъ отдѣльныхъ, личныхъ усилій. Въ маѣ 1809 года онъ писалъ изъ Мельдорфа: «прочти въ Гиббонѣ исторію императора Майоріана. Онъ превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ добродѣтелью и не уступалъ ни одному изъ нихъ въ дарованіяхъ и мужествѣ. Силы его были еще значительны и могли казаться малыми только въ сравненіи съ прошедшимъ. Онъ былъ мудрый правитель и ясно понималъ свои отношенія къ народу; однако и ему не удалось-бы ничего сдѣлать противъ вѣка, даже при болѣе долгой жизни и при полнотѣ вѣрованій. Для него лично смерть была высшимъ благомъ: она настигла его среди надеждъ на успѣхъ». Смѣлый поступокъ майора Шиля возбудилъ въ немъ скорбное недоумѣніе. «Не знаю, какъ назвать его, великимъ человѣкомъ, или простымъ искателемъ приключеній,—говоритъ Нибуръ.—Во всякомъ случаѣ онъ счастливецъ, даже если ему суждено погибнуть. Это первое смѣлое, небывалое въ теченіе многихъ лѣтъ дѣло. Разру-

шеніе гражданскихъ отношеній и формъ совершилось. Теперь начинается гніеніе, или зарождается новая жизнь. Но гдѣ зародыши этой жизни? Не знаю, на кого больше сердиться: на тѣхъ, которые рукоплещутъ удальцу, потому что ихъ тѣшитъ отвага, или на тѣхъ, которые бранятъ Шиля за необдуманную дерзость». Эти горькія мысли уступили мѣсто другимъ, болѣе отраднымъ во время пребыванія Нибура въ Нютшау, помѣстьѣ его друга, графа Адама Мольтке. Здѣсь наконецъ отдохнулъ онъ душой послѣ долгаго мучительнаго напряженія. Въ письмѣ къ Доротеѣ Генслеръ отъ 3 августа высказывается это измѣнившееся подъ вліяніемъ дружбы и природы настроеніе духа. «Жадное требованіе покоя, которое ты такъ часто читала на лицѣ моемъ, можетъ служить тебѣ ручательствомъ, что жизнь съ Мольтке, тишина здѣшнихъ мѣстъ и свѣжій, сельскій воздухъ на меня благотворно дѣйствуютъ. Струны, впродолженіе многихъ лѣтъ болѣзненно натянутыя, почти утратившія силу, вслѣдствіе постояннаго раздраженія, успокоились и задремали. Здѣсь, гдѣ меня не жжетъ болѣе мелкій огонь новостей, не мучатъ изнуряющія страсти разговора, я могу устранять отъ себя безнадежное созерцаніе вещей, даже не думать о собственной участи. Перенесенному изъ отдаленной дѣйствительности въ тѣсный кругъ ближайшаго, непосредственнаго настоящаго, мнѣ удалось воскресить въ себѣ интересы, отъ которыхъ я давно отвыкъ, и полузабытыя идеи. Чистый воздухъ, поле, лѣсъ, трава удѣляютъ мнѣ часть своей жизни. Мнѣ часто бываетъ нехорошо, рѣдко бываетъ легко, но я чувствую, что мнѣ лучше на просторѣ, чѣмъ въ городѣ, и что выздоровленіе и радость для меня еще возможны. До свободнаго, творческаго, оживленнаго фантазіею размышленія, въ которомъ одномъ я могъ-бы обрѣсти внутренно полноту и удовлетвореніе, я еще почти не доходилъ. Быть можетъ, я стремлюсь къ элементу мнѣ не свойственному. Влекущій меня инстинктъ не можетъ, однако, обманывать: иначе я нашелъ бы успокоеніе въ низшей, предназначенной мнѣ сферѣ. Но крылья мои подрѣзаны, мышцы отъ долгой неподвижности утратили гибкость, умственныя привычки загрубѣли. Что на моемъ столѣ накопляются книги, извинительно, хотя и несообразно съ моими цѣлями. Я такъ давно лишенъ былъ счастія пользоваться библіотекою, что не въ состояніи устоять противъ искушенія и наслаждаюсь книгами. Съ другой стороны, это полезно. Только чрезъ прикосновеніе къ струнамъ, впродолженіе многихъ лѣтъ нетронутымъ, возстановляется моя память. Я долженъ снова привыкать къ ученому труду, справкамъ и чтенію».

«Въ Діонисіи Галикарнасскомъ нашелъ я дополненія къ старой моей работѣ, прослѣдилъ также доказательства въ пользу моего мнѣнія, что между Римомъ и греками рано возникли сношенія и образовались связи. Мимоходомъ встрѣтилъ я кое-что для обозрѣнія древнѣйшихъ племенъ западной Европы, потомъ прочелъ съ почтеніемъ и восторгомъ (эти чувства доставляютъ мнѣ высокое удовольствіе) нѣсколько сочиненій Мирабо о финансахъ. Они напомнили мнѣ мои собственныя, давно, впрочемъ, мною понятыя, ошибки, которыхъ я вѣроятно избѣжалъ-бы при такомъ руководствѣ. Но притомъ я вспомнилъ также о страшныхъ ошибкахъ людей, предъ которыми былъ зажженъ этотъ свѣтильникъ, которые, по зрѣлости своей, могли имъ пользоваться, и однако бродили какъ слѣпые во тьмѣ. Такъ вотъ мнимая польза великихъ писателей! Отечество Мирабо не хотѣло его слушать и ринулось въ бездну, на которую онъ съ воплемъ отчаянія указывалъ. Другимъ народамъ не пошли въ прокъ ни истины, имъ сказанныя, ни примѣръ. Меня очень занимаютъ физико-философскія сочиненія Баадера, проникнутыя самымъ мистическимъ духомъ. Вообще, они столько-же вредны, сколько безплодны по темнотѣ своей. Для каждаго, кто не довольствуется словами и обращающимися въ одномъ кругѣ толкованіями, ясно, что надъ нашими науками есть истина, которая къ нимъ относится какъ живое существо къ своему изображенію. Но мы не въ состояніи обойтись безъ науки, и всѣ наши чаянія и догадки получаютъ смыслъ только при твердомъ опредѣленіи границъ положительнаго знанія. Взятыя отдѣльно, онѣ обращаются въ сны и воздушные образы». Нибуръ питалъ, впрочемъ, большое уваженіе къ характеру и глубокомыслію Баадера и совѣтовалъ даже своей свояченицѣ читать его статьи чисто философскаго содержанія.

Подробный разсказъ о служебной дѣятельности Нибура въ 1809 и 1810 годахъ былъ-бы здѣсь не умѣстенъ. По возвращеніи въ Берлинъ, онъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и получилъ въ завѣдываніе отдѣленіе государственныхъ долговъ и кредитныхъ учрежденій. Сверхъ того, онъ заступилъ мѣсто I. Мюллера въ званіи прусскаго исторіографа и былъ принятъ въ число членовъ берлинской академіи. Друзья его боялись за его здоровье при такомъ множествѣ и разнообразіи трудовъ. Но работа была стихіею, въ которой ему всего привольнѣе и здоровѣе было жить. Она отвлекла его отъ мрачныхъ думъ и сообщала спокойствіе его раздражительному характеру. Къ сожалѣнію, внѣшнія отношенія не соотвѣтствовали требова-

ніямъ и ожиданіямъ Нибура. Онъ не могъ согласиться съ планами финансовыхъ реформъ, предложенными королю графомъ Гарденбергомъ, который, съ согласія французскаго правительства, снова сталъ главою прусскаго министерства. Нибуръ, считая мнѣнія графа объ этомъ предметѣ вредными для государства, не соглашался на введеніе бумажныхъ денегъ, на выкупъ поземельной подати, на земскій акцизъ и на высокіе ремесленные налоги. Руководствуясь своими убѣжденіями, онъ подалъ прямо королю возраженіе на предложенные Гарденбергомъ планы. Поступокъ этотъ навлекъ на него неудовольствіе короля и вообще былъ перетолкованъ берлинскою публикою въ дурную для Нибура сторону. Уваженіе людей, которыхъ мнѣніемъ онъ наиболѣе дорожилъ, между прочими самого Гарденберга, вознаградило его за несправедливость большинства. Осенью 1810 года онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ своихъ должностей по вѣдомству финансовъ и впервые послѣ университетской жизни занялся исключительно наукою.

Ему было тогда тридцать четыре года. Онъ вступилъ на новое поприще съ огромнымъ запасомъ природныхъ силъ и пріобрѣтенныхъ средствъ. Многолѣтняя дѣятельность въ высшихъ сферахъ государственнаго управленія, обширныя и разнообразныя связи сообщили ему твердый, практическій, рѣдкій у нѣмецкихъ ученыхъ взглядъ на исторію. Онъ видѣлъ своими глазами живое движеніе событій и принималъ въ судьбѣ народовъ не одно теоретическое участіе. Съ этой стороны, онъ примыкаетъ къ школѣ англійскихъ политическихъ историковъ, у которыхъ въ свою очередь много общаго съ древними. Но у Нибура болѣе поэтическаго чувства, болѣе истиннаго творчества, чѣмъ у Англичанъ. Ученостію онъ превосходилъ самого Гиббона. Мы уже имѣли случай говорить объ объемѣ и глубинѣ его знаній. Въ 1810 году онъ зналъ болѣе двадцати языковъ,—на многихъ онъ говорилъ и писалъ, какъ на своемъ родномъ. Всѣ значительныя произведенія древнихъ и новыхъ литературъ были ему извѣстны въ подлинникѣ. Короче, онъ былъ великій филологъ, основательный знатокъ естественныхъ наукъ, за успѣхами которыхъ не переставалъ слѣдить, историкъ и камералистъ. Такое соединеніе разнородныхъ свѣдѣній въ одномъ человѣкѣ можетъ показаться невѣроятнымъ. Оно объясняется только чудесною памятью Нибура. Онъ не имѣлъ надобности въ выпискахъ изъ книгъ, ибо помнилъ все читанное имъ. Ссылки на древнихъ писателей онъ обыкновенно дѣлалъ на память, и никто еще не уличилъ его въ невѣрной цитатѣ. Будучи посломъ въ Римѣ, онъ встрѣтилъ

тамъ члена англійскаго парламента, искавшаго справокъ для какого-то статистическаго вопроса. Нибуръ вспомнилъ, что англійскіе журналы занимались этимъ предметомъ за двадцать лѣтъ до того, во время его пребыванія въ Эдинбургѣ, и продиктовалъ своему знакомому длинный рядъ удержанныхъ имъ въ памяти цифръ. Цифры оказались вѣрными. Въ другой разъ онъ подвергся слѣдующему опыту. Жена его взяла Гиббонову «Исторію паденія Римской имперіи» и стала спрашивать его по указателю о самыхъ мелкихъ фактахъ и темныхъ именахъ, упоминаемыхъ въ этомъ великомъ твореніи. Нибуръ былъ занятъ другимъ дѣломъ. Не прерывая начатой работы, онъ выдержалъ долгій допросъ, не сдѣлавъ ни одной ошибки.

Нибуръ еще не сосредоточилъ своихъ изслѣдованій на одномъ любимомъ предметѣ. Его мысль свободно гуляла по обширному полю науки и долго не стояла на одномъ мѣстѣ. Изъ уцѣлѣвшей, можетъ быть еще въ Копенгагенѣ составленной записки видно, что онъ колебался между Римомъ, Грецією и Аравійскимъ калифатомъ. Для всѣхъ этихъ трудовъ у него были приготовлены въ головѣ богатые матеріалы. Счастливый случай опредѣлилъ его призваніе. Въ августѣ 1810 года, въ день отъѣзда Доротеи Генслеръ, пріѣзжавшей въ Берлинъ для свиданія съ родными, къ Нибуру, который былъ разстроенъ проводами, пришелъ его пріятель Спальдингъ. Въ разговорѣ онъ сказалъ между прочимъ, что намѣренъ, въ качествѣ академика, читать лекціи въ открывшемся тогда берлинскомъ университетѣ. Нибуръ былъ сильно пораженъ этой мыслію. Ему показалось, что само небо указывало ему на дѣло, которымъ онъ могъ успокоить свою внутреннюю тревогу. Его затруднялъ только выборъ предмета для задуманнаго имъ курса. Въ половинѣ сентября онъ рѣшился читать римскую исторію. «Я начну, — пишетъ онъ къ Доротеѣ Генслеръ: — съ древнѣйшихъ временъ Италіи и постараюсь изобразить древніе народы не съ узкой точки зрѣнія ихъ подчиненія Риму, а независимо отъ этого факта, такими, какъ они были до римскаго завоеванія. Въ римской исторіи займусь учрежденіями и администраціею, о которыхъ я составилъ себѣ живое представленіе. Мнѣ хотѣлось бы довести разсказъ до того времени, когда формы, развившіяся изъ античныхъ началъ, совершенно вымерли и уступили мѣсто средневѣковымъ». Онъ принялся за работу съ истиннымъ одушевленіемъ. Для него наступили безспорно лучшіе, самые свѣтлые дни его жизни.

1 ноября онъ началъ чтеніе своихъ лекцій передъ многочисленною и внимательною аудиторіей, въ которой находились

почти всѣ ученыя знаменитости тогдашняго Берлина: Савиньи, Бутманъ, Спальдингъ, Шлейермахеръ, Ансильонъ и другіе. Курсъ открылся превосходнымъ, произведшимъ сильное впечатлѣніе на слушателей введеніемъ. Нибуръ объяснилъ имъ свою точку зрѣнія на римскую исторію и указалъ на живую связь этой исторіи съ современностію. Въ Германіи происходили тогда, подъ вліяніемъ новѣйшихъ событій и ненависти къ французамъ, сильная реакція противъ всего латинскаго. Романтическая школа, стоявшая во главѣ литературнаго движенія, пользовалась этимъ настроеніемъ умовъ и доводила до нелѣпой крайности уваженіе къ нѣмецкой національности и презрѣніе къ иноземнымъ вліяніямъ, исказившимъ, по ея мнѣнію, чистоту народнаго характера. У Нибура, какъ у большей части замѣчательныхъ людей этой эпохи, были общія стороны съ романтиками; но онъ безконечно превосходилъ ихъ ясностію своихъ воззрѣній на исторію. Онъ заключилъ свое введеніе слѣдующими словами, имѣвшими для его слушателей не одно научное значеніе. «Мы смѣло можемъ сказать, что тѣ германскія племена, которыя остались на родной почвѣ и не отреклись отъ родины, живя среди побѣжденныхъ ими римлянъ, были съ избыткомъ награждены за вѣковую борьбу свою съ Римомъ выгодами, которыя произошли для нихъ изъ римскаго владычества надъ міромъ. Безъ этого явленія и созрѣвшихъ, благодаря ему, плодовъ, мы едва ли-бы перестали быть варварами. Достойныя почтенія невозвратимыя свойства нашихъ предковъ были вытѣснены не формами, которыя они взяли съ классической почвы и усвоили себѣ при распространеніи литературы, а безсмысленнымъ заимствованіемъ чужаго вкуса и чужихъ идей, которыя, къ нашему вреду, проникли къ намъ еще прежде и надолго лишили насъ теплоты и истины». У каждаго народа слышится по временамъ жалоба на порчу собственной національности, на преобладаніе чужеземныхъ началъ. Такъ жаловался Римъ на Грецію, Нѣмцы на Италію и Францію, Франція на Англію. Многимъ-ли понятенъ смыслъ этой жалобы?...

При чтеніи своихъ лекцій, Нибуръ не довольствовался передачею однихъ результатовъ. Онъ вводилъ своихъ слушателей во всѣ подробности труднаго, глубокомысленнаго изслѣдованія. Возстановленіе римской исторіи совершалось передъ ихъ глазами, можно сказать, при ихъ содѣйствіи. Ученая и мыслящая аудиторія въ свою очередь благотворно дѣйствовала на преподавателя. Онъ довѣрчиво подвергалъ ея приговору участь своихъ смѣлыхъ предположеній. Между нимъ и ею образовалась живая связь обоюднаго вліянія, постоянный, богатый результатами обмѣнъ

идей. Каждая лекція входила новымъ и важнымъ фактомъ въ исторію науки. Такъ думалъ Савиньи,—по словамъ Нибура:— первый знатокъ этого дѣла между современниками. Въ самомъ дѣлѣ, заслуги Нибура были велики. Онѣ состояли не въ одной отрицательной критикѣ, не въ простомъ отдѣленіи поэтическихъ примѣсей отъ дѣйствительныхъ событій, которыя такимъ образомъ теряли для насъ привычную красоту: въ его трудѣ было безконечно много творчества· Подобно сказочному колдуну, онъ поперемѣнно поливалъ свой предметъ мертвою и живою водою, разсѣкалъ его какъ трупъ и потомъ слагалъ снова въ органическое тѣло. Въ основаніи его критики лежала слѣдующая положительная мысль: исторія, какъ наука, или какъ отчетливое сознаніе прошедшаго, начинается у народовъ уже вслѣдствіе долгихъ опытовъ и жизни. Ей предшествуетъ поэтическое, не ясное, но и не лживое воспоминаніе о первой эпохѣ народнаго существованія. Эти воспоминанія облекаются въ соотвѣтствующіе ихъ внутреннему характеру внѣшніе образы. Пѣсня и поэтическое сказаніе являются задолго до лѣтописи. Народъ дорожитъ ими, потому что они говорятъ ему доступнымъ для него языкомъ объ его дѣтствѣ; онъ вѣритъ имъ, потому что узнаетъ въ нихъ самого себя. Отъ памятниковъ такого рода не должно требовать точности хронологическихъ или географическихъ опредѣленій. Безсознательное дѣтство народовъ принадлежитъ темному Хроносу, пожирающему собственныхъ дѣтей, т. е. лица и событія. Опредѣленное, индивидуальное тонетъ безъ слѣда въ неокрѣпшей еще памяти человѣка, удерживающей только общія черты и, можно сказать, массы происшествій. Этими смутными, разбѣгающимися подобно облакамъ образами играетъ впослѣдствіи народная фантазія. Она даетъ имъ ясную форму и выразительный, большею частію символическій обликъ. По мѣрѣ того, какъ укрѣпляется въ народѣ сознаніе, ослабѣваетъ его фантазія. Чѣмъ тверже и рѣзче принимаются памятью отдѣльныя явленія, тѣмъ менѣе остается мѣста поэтическому элементу. Но такой переходъ изъ области фантазіи въ область дѣйствительности совершается не вдругъ, а постепенно. Первыя лѣтописи заимствуютъ многое изъ пѣсень. Задача мыслящаго историка—указать сначала на рубежъ, отдѣляющій чистую исторію отъ поэтической, потомъ оцѣнить по достоинству послѣднюю. Въ ней есть своя истина. Кромѣ того, что въ ней чище, чѣмъ гдѣ-либо, отражается непосредственный, еще не измѣненный никакими вліяніями характеръ народа, она содержитъ въ себѣ указанія на дѣйствительныя событія и нерѣдко раскрываетъ ихъ внутренній

смыслъ. Критика Нибура не посягала на красоту римскихъ сказаній: она была разрушительна для басенъ, внесенныхъ писателями, а не для созданій народной фантазіи, которыхъ историческое значеніе онъ понималъ какъ немногіе. Едва-ли кто другой обходился такъ осторожно съ античными миѳами и преданіями, и эти великолѣпные, но нѣжные цвѣты не теряли своей свѣжести отъ его прикосновенія. Это подтвердитъ всякій знакомый съ трудами великаго историка. Мы скажемъ далѣе объ его превосходномъ разборѣ римскихъ историковъ. Никогда политическія учрежденія державнаго города не подвергались такому строгому и вмѣстѣ многостороннему изслѣдованію. Нибуръ объяснялъ ихъ не одними текстами историковъ, но и аналогическими явленіями въ жизни другихъ народовъ. Его колоссальная память и огромная начитанность давали ему возможность пользоваться мелкими, ускользающими отъ вниманія обыкновенныхъ читателей фактами, для самыхъ любопытныхъ сближеній и выводовъ. Отношенія поземельной собственности въ Дитмарсенѣ дали ему ключъ къ уразумѣнію аграрныхъ законовъ и вообще объяснили ему значеніе государственныхъ земель въ Римѣ. Мексиканское лѣтосчисленіе привело его къ циклической системѣ древнихъ италійскихъ племенъ. Впрочемъ, онъ не почиталъ своихъ розысканій оконченными и думалъ о дальнѣйшихъ трудахъ. Доказательства находятся въ его письмахъ къ Доротеѣ Генслеръ. «*19 марта 1811 года.* Мнѣ кажется, что важность моихъ изслѣдованій о римской исторіи возрастаетъ съ каждою недѣлею. Я надѣюсь разрѣшить такія загадки, надъ которыми одни трудились до сихъ поръ напрасно; другіе ихъ осторожно обходили. Но все это еще не составляетъ настоящей исторіи. *18 мая.* Я приближаюсь къ концу моихъ чтеній. Скоро начну ихъ печатать. Я приступаю къ этому дѣлу съ яснымъ сознаніемъ того, что находится въ моей книгѣ, и ея будущаго значенія. Первый пріемъ меня нѣсколько безпокоитъ, частію потому, что многое можно и должно было лучше отдѣлать, частію оттого, что нашей публикѣ нельзя безнаказанно предложить такъ много новаго, какъ бы ни были убѣдительны доводы. Пріемъ любви мнѣ уже былъ сдѣланъ со стороны Савиньи и другихъ друзей; теперь предстоитъ пріемъ непріязни. Въ похвалѣ и порицаніи, въ самомъ изслѣдованіи я не отступалъ отъ убѣжденія и готовъ умереть за свою книгу. Для чтенія она годится только отчасти. Я знаю самъ, что рядомъ съ удавшимися мѣстами находятся другія, тяжелыя и нескладныя. Достоинство моей книги заключается въ критикѣ и въ объясненіи многихъ частностей въ учрежденіяхъ законовъ и т. д.»

Зима 1810—1811 года быстро прошла для Нибура среди занятій, доставлявшихъ ему высокое наслажденіе. Сверхъ чтенія лекцій, онъ написалъ статью для академіи, трудился надъ планами административныхъ улучшеній, по просьбѣ министра графа Шонà, и принималъ самое дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ небольшаго, частнымъ образомъ составившагося общества филологовъ, котораго членами были лучшіе друзья Нибура: Савиньи, Спальдингъ, Бутманъ, Гейндорфъ и еще нѣсколько человѣкъ, ему близкихъ по занятіямъ и направленію. Они сходились каждую пятницу, объясняли древнихъ писателей съ грамматической и исторической стороны и потомъ заключали вечеръ веселою бесѣдою. Нибуръ вынесъ изъ этого избраннаго кружка самыя отрадныя воспоминанія. Ему необходимо было съ кѣмъ-нибудь сблиться своими мыслями. Въ Берлинѣ онъ могъ вполнѣ удовлетворять этой потребности. Безъ поощренія со стороны друзей онъ вѣроятно не приступилъ бы даже къ чтенію и изданію своего курса. На это намекаютъ слова, сказанныя имъ въ предисловіи къ первому тому римской исторіи. «Есть вдохновеніе, источникомъ котораго бываетъ присутствіе и бесѣда любимыхъ нами людей. Ихъ непосредственное вліяніе сообщаетъ намъ поэтическое настроеніе духа, даетъ силу, бодрость и ясность взгляда. Этому вліянію обязанъ я всѣмъ лучшимъ, что было въ моей жизни. Я обязанъ друзьямъ моимъ успѣшнымъ возвратомъ къ давно покинутымъ, или слабо поддерживаемымъ занятіямъ. Благословляю за то дорогую мнѣ память почившаго Спальтинга. Примите и вы громкое выраженіе моей признательности, Савиньи, Бутманъ, Гейндорфъ. Безъ васъ и нашего умершаго друга я никогда не рѣшился-бы приступить къ этому труду; безъ вашего участія и живительнаго присутствія онъ едва-ли могъ быть приведенъ къ окончанію». Впрочемъ, жизнь въ кругу людей, которые были въ состояніи понимать его, поддерживая внутреннюю дѣятельность Нибура, иногда отвлекала его отъ литературной производительности. Высказанная и уясненная въ разговорѣ мысль теряла для него прелесть новизны. Онъ переставалъ считать ее своею собственностію и былъ доволенъ тѣмъ, что изустно передалъ ее другимъ, способнымъ ею воспользоваться. Онъ не спѣшилъ своихъ открытій и охотно сообщалъ ихъ въ частной бесѣдѣ. Смерть Спальдинга, умершаго въ іюнѣ 1811 года, была для него тяжкимъ ударомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой потери онъ отправился на родину въ Гольштейнъ, гдѣ снова провелъ два пріятныхъ мѣсяца. Давно родственники его не видали его такимъ бодрымъ и веселымъ. Но на днѣ души еще таилось

больное, намъ изъ предъидущаго извѣстное чувство сожа
о безплодно потерянныхъ силахъ. По возвращеніи въ Бер
онъ писалъ къ Якоби о своемъ нравственномъ состояніи.
нѣкоторыя мѣста изъ этой любопытной исповѣди.

«Отлученіе отъ міра въ небольшомъ городкѣ, жизнь, съ
нихъ лѣтъ ограниченная домомъ и садомъ, пріучила меня
влетворять ненасытныя требованія моей дѣтской фантаз
изъ дѣйствительности и природы, а изъ книгъ, картинъ и
говоровъ. Воображеніе мое отрѣшалось отъ настоящаго и
носило въ свою область все, что́ я читалъ; а я читалъ
мѣры и безъ цѣли. Дѣйствительность скрылась отъ меня,
что я могъ понимать только на основаніи чужихъ поня
смотрѣлъ на вещи не своими глазами. Этотъ міръ изъ вто
рукъ былъ мнѣ хорошо извѣстенъ; я даже обладалъ пр
временно зрѣлостію разсудка; но истина во мнѣ самомъ
меня была недоступна моему взору. Даже древность, къ и
нію которой я приступилъ впослѣдствіи съ такою страстію,
жила долгое время преимущественно къ наполненію но
образами моего мечтательнаго міра и къ его оживленію. За
ничество, къ которому я былъ приговоренъ болѣзнію и с
ніями родныхъ за мое здоровье, сдѣлало изъ меня комна
птицу. Особенности зрѣлаго возраста основаны на наблюде
и понятіяхъ, пріобрѣтенныхъ въ дѣтствѣ, такъ какъ крѣ
тѣлесная развивается изъ ранняго употребленія нашихъ
но для меня дѣтскіе годы прошли безплодно. Никому не п
дило въ голову спросить у меня что́ я дѣлаю. Только на
надцатомъ году началъ я порядкомъ учиться. Родители р
лись, видя, что я всегда занятъ, и что не только иду въ
вень, но даже обгоняю моихъ родственниковъ въ предме
которымъ ихъ учили, а меня нѣтъ. Сверхъ того я могъ т
вать какъ взрослый о множествѣ вещей, извѣстныхъ мн
книгъ. Мнѣ самому становилось страшно; я убѣдился, чт
смотря на принадлежавшее мнѣ царство призраковъ, я въ
ствительномъ мірѣ былъ бѣденъ и безсиленъ. Тогда я по
что истина заключается въ положительномъ возрѣніи на
меты, изъ котораго исходитъ настоящая поэзія. Систем
ское занятіе наукою казалось мнѣ тяжелымъ, и къ сожа
я обходилъ трудность, оставляя въ сторонѣ то, чего не
себѣ усвоить. Я былъ близокъ къ внутреннему перерожде
не дошелъ до него. Путешествіе въ Англію, пребываніе
народа, отличающагося опредѣленностію мысли и рѣшительн
дѣйствій, невольное занятіе облагороженными здѣсь дос

ствомъ формы и приноровленіемъ къ цѣли житейскихъ предметовъ помогли мнѣ перейти въ реальную сферу и открыли глаза на многое. Тогда я подавилъ въ себѣ воображеніе, подчинился строгой духовной діэтѣ и долго жилъ въ совершенной зависимости отъ внѣшняго міра. Я чувствовалъ себя впрочемъ бѣднѣе, чѣмъ когда либо... Странный случай заставилъ меня, вскорѣ послѣ вашего отъѣзда изъ Голштейна, оставить Копенгагенъ. Со мной былъ мой ангелъ-хранитель. Я пріѣхалъ въ Берлинъ въ эпоху распаденія государства, которому хотѣлъ себя посвятить. Среди горя и заботъ, я испыталъ болѣе важнаго, чѣмъ во всѣ предшествовавшіе годы. Обстоятельства мои безпрестанно измѣнялись: я долженъ былъ дѣйствовать осторожно и рѣшительно. Передо мной открылась великая сцена, не похожая на скучную драму моей прежней, мирной жизни. Я научился ставить самого себя на карту—и игралъ счастливо. Обломокъ, на которомъ я такъ долго носился по волнамъ, присталъ къ берегу, и я очутился въ странѣ моихъ юношескихъ желаній, среди самаго благопріятнаго для ученыхъ занятій досуга, въ пріятномъ кругу друзей».

Лѣтомъ 1811 года вышелъ въ свѣтъ первый томъ Нибуровой «Римской исторіи», доведенный до смерти Спурія Кассія, въ 269 году отъ основанія города, Въ началѣ зимняго семестра онъ приступилъ къ продолженію своего курса. Между его слушателями было много офицеровъ, которыхъ присутствіе радовало Нибура, ибо служило свидѣтельствомъ новаго духа и направленія въ прусской арміи. Самыя лекціи доставляли ему, впрочемъ, менѣе удовольствія, чѣмъ въ предъидущемъ году: ему приходилось болѣе разсказывать, чѣмъ изслѣдовать. «Распредѣленіе и развитіе событій,—говоритъ онъ:—не доставляетъ такого наслажденія, какъ открытіе новаго закона, или общей, плодотворной истины. Мнѣ было-бы полезнѣе и пріятнѣе кончить лекціи и перейти къ другому предмету розысканій. Слѣдующимъ лѣтомъ я думаю читать о Ѳукидидѣ, или о законахъ и учрежденіяхъ греческихъ государствъ». Онъ жаловался на бѣдность матеріаловъ, при которыхъ невозможна живая исторія. Между тѣмъ первый томъ «Римской исторіи» возбудилъ разнообразные толки. Публика была недовольна неровнымъ языкомъ этой книги. Нибуръ написалъ по этому поводу любопытное письмо къ Дороте Генслеръ.

«Берлинъ 28 января 1812 года. Я ожидалъ упрековъ въ неровности слога. Справедливы они или нѣтъ, не знаю самъ. Тебѣ извѣстно, что у меня слогъ служитъ непосредственнымъ выра-

женіемъ мысли, и что въ немъ нѣтъ ничего изысканнаго. Я
товъ впрочемъ утверждать, что неровность слога сама по
есть недостатокъ, и что въ историческомъ отношеніи возм
сочетаніе лѣтописной простоты съ поэзіею. Многое можетъ
сносно сказано только при величайшей простотѣ; вслѣд
тѣмъ внутреннее созерцаніе предмета можетъ поднять выр
ніе до поэзіи. Въ этомъ смыслѣ Ѳукидидъ очень неровенъ,
что древніе критики сомнѣвались, имъ-ли написана осьмая к
Какъ неровенъ Демосѳенъ въ одной и той-же рѣчи! Разв
этомъ нѣтъ соотвѣтственности съ измѣняющимися предмет
Цицеронъ очень однообразенъ; не думаю, однако, чтобы
свойство служило ему похвалою. Однообразіе или единство я
есть краска, которою авторъ покрываетъ свое твореніе. Д
стивъ, что великій писатель до такой степени владѣетъ св
предметомъ, что можетъ внести одинъ тонъ въ самое р
образное содержаніе, такъ какъ сдѣлалъ Тацитъ въ послѣд
сочиненіи, т. е. Лѣтописяхъ, мы должны признаться, что у
вѣйшихъ писателей при такомъ изложеніи исчезаетъ живая
рона явленій. Если-бы мнѣ, по окончаніи первыхъ томовъ,
шлось готовить второе изданіе, я-бы тщательно провѣрилъ,
сколько тонъ въ каждомъ мѣстѣ соотвѣтствуетъ содерж
Здѣсь могутъ быть ошибки, которыхъ теперь я еще не в
стояніи усмотрѣть. Приговоръ читателей въ этомъ отно
меня не пугаетъ: смѣю сказать, что немногіе привыкли къ
ствительно античному и потому не узнаютъ его, когда
является предъ ними въ другомъ образѣ. Сюда принадлежи
неровная рѣчь. Развѣ у Шекспира не встрѣчаемъ ежеднев
простаго языка въ одной сценѣ и высочайшей поэзіи въ дру
Развѣ можно говорить въ однихъ выраженіяхъ о войнѣ з
варское наслѣдство и о битвѣ Ѳермопильской? Я не дово
первыми напечатанными листами втораго тома. Въ нихъ
жизни и движенія»...

Вообще Нибуръ не былъ тогда такъ хорошо настроенъ,
при началѣ курса. Мы видѣли, что самое чтеніе лекцій
ему иногда въ тягость. Работая надъ вторымъ томомъ с
сочиненія, онъ не находилъ себѣ нужнаго одушевленія и по
былъ недоволенъ написаннымъ. Засѣданія филологическаго о
ства потеряли для него прежнюю занимательность вслѣд
смерти Спальдинга и отсутствія нѣкоторыхъ другихъ чле
Зато онъ много занимался нѣмецкою литературою. Мы п
демъ самые замѣчательные изъ его отзывовъ.

«1 ноября 1811 года. Автобіографія Гёте вышла, и я по

на дняхъ. Мнѣ всегда становится грустно, когда узнаю, что икій человѣкъ пишетъ о своей жизни. Это значитъ, что для о наступилъ вечеръ, и что корень его жизни сохнетъ. *ноября.* Говоря, что автобіографіи вообще и Гетева въ осо-ности напоминаютъ мнѣ лебединую пѣснь, я употребилъ шкомъ общее, неопредѣленное выраженіе. Вспоминая о своей лодости, Гете снова сталъ молодъ. Можетъ быть, онъ не на-шетъ болѣе ничего подобнаго; но онъ давно уже и не писалъ чего хорошаго. Изложеніе несказанно прекрасно и мило. Я вренъ, что наши мнѣнія объ этой книгѣ сходны. Многочислен-я мелкія подробности не должны утомлять тебя: представь ѣ, что онъ ихъ самъ разсказываетъ. Превосходство слога лючается именно въ томъ, что можно подумать, что слы-шь изустный разсказъ автора. Исторія первой любви увлека-ьно хороша. Другой такой не будетъ; по моему, ее можно-бы оканчивать.—*6 марта 1812 года.* Я еще не читалъ переписки на Мюллера съ друзьями, потому что не хочу ее покупать. оятно, она такъ-же интересна, какъ переписка его съ штетеномъ; но я увѣренъ, что всѣ чувства и сужденія Мюл-а съ самаго дѣтства были искусственныя. Отъ его сочиненій вѣетъ свѣжимъ дыханіемъ истины. У него была необычайная собность усвоивать себѣ чужую натуру и послѣдовательно держивать ее до обмѣна на новую. Еще до свиданія съ нимъ, аключилъ изъ его сочиненій, отъ «*Bellum Cimbricum*» до удовъ», что въ немъ нѣтъ внутренней выдержки. Въ немъ было никакой гармоніи. Съ лѣтами онъ все болѣе и болѣе ъ. По талантамъ ему слѣдовало быть ученымъ въ самомъ омъ значеніи слова; исторической критики у него не было ге; воображеніе его сосредоточивалось на немногихъ пунк-ъ; безпримѣрное накопленіе фактическихъ знаній составляло его головѣ однообразную, ничѣмъ не оживленную смѣсь. Не дись на меня за этотъ отзывъ. Ты не подумаешь, что я, упая на поприще исторической литературы, хочу унизить овѣка, который пользуется наибольшею славою между нами, я сочиненія его почти не читаются, а ничтожество его все-ей исторіи признано даже его поклонниками». Ни одинъ изъ ецкихъ писателей не внушалъ, впрочемъ, Нибуру такого увствія и уваженія, какъ Гете. Онъ часто перечитывалъ его ненія, не смотря на то, что многія изъ нихъ, напримѣръ льгельмъ Мейстеръ», ему положительно не нравились. «Меня итъ этотъ звѣринецъ ручныхъ звѣрей».—говорилъ Нибуръ. бще онъ былъ недоволенъ направленіемъ, принятымъ Гете второй половинѣ его жизни. «Гете,—пишетъ Нибуръ къ ченицѣ:—есть поэтъ страстей и возвышенной природы чело-

вѣка. Такимъ является онъ въ стихотвореніяхъ своей молодо
Вѣроятно, онъ могъ-бы въ то время овладѣть всею сфе
искусства, къ крайнимъ предѣламъ которой его уносилъ
вольный, внутренній полетъ. Онъ не позаботился объ единс
которое могъ себѣ усвоить болѣе, чѣмъ кто либо, и потому
зрѣлыхъ лѣтахъ былъ непріятно пораженъ отрывочнымъ и
кимъ характеромъ своихъ юношескихъ произведеній. По
вращеніи изъ Италіи, гдѣ онъ изучалъ искусство, онъ нач
искать единства и совершенства формы. Первые его опыты
этомъ направленіи и все писанное имъ отъ 1786 до 1790
недостойны его. Въ этихъ произведеніяхъ видна непоэтичес
съ трудомъ выработанная дѣйствительность. Но онъ умѣл
здѣсь сдѣлаться виртуозомъ и для того поставилъ границу
ственному генію. Мнѣ горько думать объ этомъ».

Замѣчательны также слова Нибура о Клопштокѣ и со
меннómъ ему періодѣ нѣмецкой литературы. Эти бѣгло нас
санныя замѣтки могутъ найти приложеніе въ исторіи вся
другой европейской литературы. «Переписка Клопштока въ
шей степени замѣчательна и еще болѣе поучительна. Ч
болѣе о ней думаешь, тѣмъ болѣе открываешь въ ней мате
ловъ для умственной исторіи нашего народа. Мы привыкли
великому богатству и опредѣленности мыслей, и потому кр
идей того времени намъ кажется скучнымъ и пустымъ. Тогд
нее поколѣніе много занималось собой, знало мало и при
дило въ восторгъ отъ вещей и людей, которыхъ мы по пр
называемъ посредственными. Всѣ писатели той эпохи т
важны, такъ глубоко убѣждены въ томъ, что ихъ союзъ
ставляетъ золотой вѣкъ литературы. Поэтому-то всѣ они т
скоро отцвѣли и увяли, кромѣ Клопштока, который въ нев
ности своей долго не подозрѣвалъ собственнаго превосходс
Въ немъ и въ лучшихъ изъ его друзей есть нѣчто дѣвственнс
Отъ начала до конца Клопштоковой переписки не найдешь
одной необыкновенной, даже остроумной мысли. Тоже мо
сказать о всѣхъ его сочиненіяхъ, за исключеніемъ «Республ
ученыхъ». Странное явленіе представляютъ женщины, котор
Клопштокъ зналъ въ своей молодости. По образованію,
безконечно выше дѣвицъ нашего времени. Такимъ превос
ствомъ обязаны онѣ не литературѣ, развившейся позже, а в
нію любви, которой эти прекрасныя существа были предмето
Послѣ Тридцатилѣтней войны, женщины, особенно средняго
словія, отличались грубостію и пошлостію, что неоспоримо
казываетъ любопытная народная книга, купленная мною нын
ней зимой. Слѣдовательно, странный переворотъ въ женск
образованіи совершился въ теченіе восьмидесяти лѣтъ,

›60 до 1740 года; но мы не знаемъ, когда и какъ онъ на-
ѣлся».

Великій 1812 годъ отвлекъ снова вниманіе Нибура отъ
уки, хотя онъ читалъ зимою курсъ римскихъ древностей,
далъ второй томъ своей исторіи и собиралъ матеріалы для
тьяго. Но политическіе интересы взяли верхъ надъ учеными.
рманіи было не до книгъ: въ Россіи рѣшалась ея собственная
дьба. Въ началѣ 1813 года неудачи Наполеоновой арміи обна-
жились вполнѣ: французы выступили изъ Берлина, и сѣмя,
ошенное въ прусскую землю Штейномъ и его сподвижниками,
ошло богатою жатвою. Все, что въ народѣ было юнаго, обра-
ованнаго, благороднаго. взялось за оружіе. Нибуръ основалъ
олитическую газету, направленную противъ общаго врага, и
далъ королю прошеніе о разрѣшеніи ему вступить рядовымъ
одинъ изъ армейскихъ полковъ. Онъ сталъ учиться ружей-
мъ пріемамъ и нетерпѣливо ждалъ отвѣта на поданную
осьбу. Жена его, больная, робкая женщина, не удерживала
о и раздѣляла его одушевленіе. На возраженія Доротеи Ген-
еръ онъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: «не бойся за мои
лы; ихъ достанетъ. Если король мнѣ откажетъ, я приму его
лю за рѣшеніе судьбы. Тогда я буду оправданъ передъ са-
мъ собою: и долгъ и честь будутъ удовлетворены. Я думаю,
о моя газета можетъ принести столько же пользы, какъ мое
жье. Но не мое дѣло судить объ этомъ. Проще всего взяться
оружіе, не разбирая гдѣ можетъ быть полезнѣе». Не полу-
въ долго отвѣта, Нибуръ просилъ, чтобы его временно при-
слили къ какому нибудь штабу, дабы приблизиться къ театру
йны. Наконецъ пришло рѣшеніе короля: онъ призвалъ Нибура
себѣ въ Дрезденъ, гдѣ находился также императоръ Але-
ндръ. и поручилъ ему вести переговоры съ Англіею насчетъ
сидій *).

*) Читателя, желающаго знать дальнѣйшую судьбу Нибура, мо-
жны отослать къ самой его Перепискѣ. Авт.

Латинская Имперія.

Латинскіе императоры въ Константинополѣ и отношенія къ независимымъ владѣтелямъ гр скимъ и туземному народонаселенію вообще. И рическое изслѣдованіе П. Медовикова. Москва.

Искусство составлять ученыя сочиненія, особливо истс скаго содержанія, въ наше время значительно усовершенст лось. Писателю, нѣсколько знакомому съ литературою пред нетрудно пріискать въ источникахъ нужныя для его сочи мѣста и свести ихъ потомъ въ одно цѣлое. Такъ какъ обыкновенно идетъ о внѣшней полнотѣ и богатствѣ факт не о дѣйствительной, вглубь проникающей разработкѣ ма ловъ, то цѣльное изученіе памятниковъ становится безп нымъ и можетъ быть легко замѣнено справками. Такимъ зомъ возникаютъ сочиненія, не лишенныя нѣкотораго дос ства, приносящія даже своего рода пользу. Но читая ихъ, н не вспомнить словъ, сказанныхъ Даубомъ одному изъ гей бергскихъ профессоровъ, принесшему ему новое сочиненіе «любезный собратъ, ваши ученые труды доставили вам вольно славы; вы довольно писали: пора вамъ, наконецъ, чт будь прочесть».

Изъ «Исторіи латинскихъ императоровъ въ Константино видно, что г. М—въ обладаетъ значительными свѣдѣні пользовался большею частію относящихся къ его предмету и никовъ и новыхъ сочиненій. Но общее впечатлѣніе, произ мое его книгою, неудовлетворительно. Нельзя не спросит кой потребности она удовлетворяетъ, для кого собственн писана? Сухость изложенія дѣлаетъ ее незанимательно публики, читающей ученыя книги не по обязанности, и п требующей отъ нихъ сколько-нибудь привлекательной ф Можно подумать, что г. М—въ съ намѣреніемъ выпустил своего разсужденія всѣ характеристическія подробности, что могло оживить его разсказъ. Онъ довольствуется о очерками событій. Очерки эти большею частію вѣрны, точн

въ нихъ нѣтъ жизни. Недостатки разсказа не вознаграждаются съ другой стороны новостію выводовъ, объемомъ розысканія, или по крайней мѣрѣ перенесеніемъ на нашу почву выработанныхъ болѣе зрѣлыми литературами идей. Странны люди, толкующіе о самостоятельномъ творчествѣ и оригинальности, по поводу какого-нибудь разсужденія; но нельзя не пожалѣть о силахъ и времени, употребленныхъ на составленіе книги совершенно безполезной, между тѣмъ какъ мы такъ нуждаемся въ добросовѣстныхъ трудяникахъ. Масса совершенныхъ въ теченіе прошедшаго полустолѣтія историческихъ изслѣдованій достигла до колоссальныхъ размѣровъ. Мы не знаемъ сами, какими богатствами располагаемъ. Свести итоги по отдѣльнымъ частямъ, сказать русской публикѣ: вотъ до чего дошла европейская наука въ данномъ вопросѣ. не такъ легко, какъ думаютъ многіе. Не говоримъ уже о пользѣ. Хорошій хозяинъ, вступая во владѣніе новымъ имѣніемъ, составляетъ прежде всего подробную опись, смѣту находящихся въ его распоряженіи средствъ, и потомъ приступаетъ къ улучшеніямъ. Мы читали жалобы нѣмецкихъ ученыхъ на невозможность овладѣть содержаніемъ всѣхъ частныхъ изслѣдованій объ исторіи ихъ собственнаго народа. О другихъ отдѣлахъ можно сказать тоже самое и еще въ большей степени. Результатомъ такого состоянія литературы должна быть значительная трата силъ. Сколько ошибокъ вкралось въ сочиненія лучшихъ французскихъ историковъ, потому только, что они слишкомъ мало обращали вниманія на труды своихъ за-рейнскихъ собратій и принимали за собственныя открытія то, что давно было извѣстно въ Германіи. Въ чемъ же заключаются успѣхъ и органическій ростъ науки, если каждому поколѣнію и каждому народу должно съ изнова передѣлывать все, сдѣланное прежде его предшественниками. Нужно, слѣдовательно, опредѣлить пункты, до которыхъ доведены отдѣльныя изслѣдованія, и указать на требующія дальнѣйшей разработки стороны предметовъ. Что труды такого рода не исключаютъ оригинальности и самостоятельности, доказывается вышедшимъ недавно сочиненіемъ г. Леонтьева «О поклоненіи Зевсу въ Греціи». Эта превосходная монографія содержитъ въ себѣ не только полное изложеніе критически разобранныхъ фактовъ, относящихся къ поклоненію Зевсу. но. можно сказать, замыкаетъ собою всѣ прежнія изслѣдованія о томъ-же предметѣ. Поэтому она можетъ служить исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ розысканій.

Исторія Византійской имперіи не пользуется большимъ почетомъ на западѣ. Говоря о ней мимоходомъ, тамошніе писатели довольствуются повтореніемъ мнѣній, наслѣдованныхъ ими отъ XVIII столѣтія, и рѣдко берутъ изъ нея содержаніе для

спеціальныхъ сочиненій. Замѣчательныя монографіи — Шлоссера объ императорахъ иконоборцахъ, Фальмерайера о Трапезундѣ и Мореѣ, и нѣкоторые другіе, впрочемъ весьма немногочисленные, труды пролили много свѣта на отдѣльныя эпохи въ судьбѣ Восточной имперіи, но не разрѣшили главныхъ, можно сказать, жизненныхъ вопросовъ ея существованія. Очевидное равнодушіе западныхъ писателей къ государству Константина Великаго объясняется отчасти отношеніями этого государства къ латино-германскимъ племенамъ. Между ними не было органической связи. Французу или англичанину Византія представляетъ такой-же любопытный предметъ, какъ, напримѣръ, Аравійскій калифатъ, но она не имѣетъ въ его глазахъ другаго, высшаго значенія. Ея вліяніе на судьбу его предковъ не даетъ ей особенныхъ правъ на его сочувствіе. Самый блестящій изъ фактовъ, связующихъ Восточную имперію, съ западными народами, ея участіе въ эпохѣ Возрожденія наукъ, теряетъ при внимательномъ изученіи тотъ характеръ, который ему такъ долго приписывался. Роль греческихъ выходцевъ XV ст. была большею частію внѣшняя: они торговали привезенными ими рукописями и учили языку; но ученики далеко превзошли своихъ наставниковъ въ настоящемъ пониманіи классическаго міра. Нельзя не задуматься при вопросѣ: отчего великія творенія древней Греціи, бывшія впродолженіе многихъ вѣковъ предметомъ постояннаго изученія въ Константинополѣ, родныя тамошнимъ читателямъ по языку, на которомъ они написаны, обнаружили такъ мало вліянія на византійскую литературу, между тѣмъ какъ одно ихъ прикосновеніе къ другой, болѣе свѣжей почвѣ вызвало движеніе, имѣвшее результатомъ всестороннее обновленіе умственной жизни на Западѣ?

Нужно-ли съ другой стороны говорить о важности византійской исторіи для насъ, русскихъ? Мы приняли отъ Царьграда лучшую часть народнаго достоянія нашего, т. е. религіозныя вѣрованія и начатки образованія. Восточная имперія ввела молодую Русь въ среду христіанскихъ народовъ. Но кромѣ этихъ отношеній насъ связываетъ съ судьбою Византіи уже то, что мы славяне. Послѣднее обстоятельство не было, да и не могло быть по достоинству оцѣнено иностранными учеными. Мнѣніе Фальмерайера о заселеніи Пелопонеса славянами встрѣтило сильное противорѣчіе въ Германіи и въ Греціи. Авторъ «Исторіи полуострова Мореи» подвергся жестокимъ нареканіямъ, даже грубой брани, за преступное посягательство на честь народа, котораго права на общее участіе основаны преимущественно на его предполагаемомъ происхожденіи отъ самаго изящнаго изъ племенъ, являвшихся въ исторіи. А между тѣмъ Фальмерайеръ

прикоснулся къ своему предмету только слегка и съ одной стороны. Великое значеніе славянъ въ Восточной имперіи не было имъ надлежащимъ образомъ признано. Въ IX столѣтіи по Р. Х. уже трудно было отвѣчать на вопросы: что такое византійская національность, и откуда беретъ она силы для спора съ безчисленными врагами своими? Многія-ли темы имперіи были заселены чистыми греками? Поверхностное знакомство съ византійскими писателями достаточно для того, чтобы убѣдиться, что въ европейскихъ темахъ огромное большинство населенія состояло изъ славянъ, и что въ азіятскихъ областяхъ преобладали чуждыя эллинизму примѣси. Короче, мы видимъ здѣсь государство, а не народъ. Настоящихъ грековъ нельзя даже принять за господствующее племя Отъ Льва Исавра до македонской династіи во главѣ имперіи стоитъ цѣлый рядъ государей, которыхъ происхожденіе подтверждаетъ высказанную нами мысль. Исавры, славяне и армяне сидятъ на престолѣ Константина и Ѳеодосія. Мы имѣемъ, слѣдовательно, полное право сказать, что условія существованія Византійской имперіи состояли не въ крѣпости одного, національнаго начала. Какая-же сила собрала воедино и сдерживала разнородныя, отчасти враждебныя между собою стихіи, замѣняя такимъ образомъ народность, или кровную связь населенія другою, чисто духовною связью? Эта сила заключалась въ религіи, утвержденной Отцами восточной церкви, и въ образованности, наслѣдованной отъ классическаго міра вмѣстѣ съ языкомъ. Православные подданные православнаго императора сознавали себя братьями не по происхожденію, а по вѣрѣ. Въ этомъ сознаніи и въ нравственной энергіи, которую оно сообщало противъ иновѣрцевъ. заключается тайна продолжительнаго существованія Византіи, при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ Прибавимъ къ этому образованность, которая служила большею частію для достиженія внѣшнихъ цѣлей и была могущественнымъ рычагомъ въ рукахъ умнаго правительства, имѣвшаго дѣло съ полудикими врагами. Разобранная съ этой точки зрѣнія исторія Восточной имперіи могла бы привести не къ тѣмъ результатамъ, къ какимъ пришли Гиббонъ и Шлоссеръ, котораго сочиненіе объ императорахъ иконоборцахъ исполнено, впрочемъ, великихъ достоинствъ. Самый выборъ предмета показываетъ глубокій историческій смыслъ въ авторѣ. Эпоха иконоборства составляетъ переломъ въ византійской жизни и даетъ ключъ къ уразумѣнію всѣхъ ея послѣдующихъ явленій. Но успѣшное рѣшеніе этой задачи возможно въ настоящее время только русскимъ, или вообще славянскимъ ученымъ. Они ближе къ ней потому, что она связана съ исторіею ихъ собственнаго племени и требуетъ зна-

ній въ тѣхъ областяхъ церковной исторіи и филологіи, кот
менѣе другихъ доступны западнымъ ученымъ. Можно прибав
что на насъ лежитъ нѣкотораго рода обязанность оцѣнить я
ніе, которому мы такъ многимъ обязаны.

Книга г. М—ва о латинскихъ императорахъ въ Констан
нополѣ едва-ли не первое оригинальное русское сочиненіе
части византійской исторіи. Но авторъ остался вѣренъ стар
воззрѣніямъ на избранный предметъ. Онъ не сказалъ ни
новаго и даже не вывелъ возможныхъ результатовъ изъ пр
нихъ розысканій. Полагая слишкомъ узкіе предѣлы своему тр
онъ не счелъ нужнымъ объяснить читателямъ состояніе Вос
ной имперіи предъ бѣдственнымъ для нея 1203 годомъ. А ме
тѣмъ быстрые успѣхи крестоносцевъ непонятны безъ та
введенія. Число латинцевъ съ населеніемъ взятой ими съ
столицы и прилежавшихъ къ ней областей было такъ незн
тельно, что побѣда ихъ кажется чѣмъ-то загадочнымъ. О
снить ее однимъ мужествомъ крестоносцевъ и трусостію
ковъ—смѣшно. Современная крестовымъ походомъ исторія
сточной имперіи при трехъ Комненахъ: Алексіѣ, Іоаннѣ и
нуилѣ, и самый составъ ихъ армій, въ которыхъ было гор
болѣе иноплеменниковъ, чѣмъ настоящихъ грековъ (допус
совершенное отсутствіе военныхъ доблестей въ послѣдни
опровергаютъ мнѣніе, понятное только подъ перомъ ослѣп
наго невѣжествомъ и ненавистію франкскаго лѣтописца,
малодушнаго византійскаго ритора, въ родѣ Никиты Хоні
Главныя причины паденія византійскаго государства въ на
XIII вѣка заключаются, по нашему мнѣнію, въ измѣнивш
отношеніяхъ къ славянамъ и въ глубокой порчѣ государст
наго организма, находившейся въ связи съ развращеніемъ
шихъ сословій въ Константинополѣ. Постепенное образов
самостоятельныхъ славянскихъ государствъ на сѣверныхъ
дѣлахъ имперіи отвлекло отъ нея силы, которыми она пре
исключительно располагала. Прочное утвержденіе церкви съ
ціональнымъ духовенствомъ сообщило этимъ государствамъ в
реннюю самостоятельность, какой разумѣется не могли им
славянскія племена въ то время, когда они принимали христ
ство непосредственно отъ Византіи. Исторія охридскихъ ар
пископовъ, которыхъ стремленіе освободиться изъ-подъ вл
цареградскаго патріарха и основать нѣчто въ родѣ славянс
патріархата очевидно изъ отрывочныхъ, до насъ дошедшихъ
вѣстій, можетъ пролить яркій свѣтъ на судьбы славянскаго
свѣщенія. Открытіе охридскихъ грамотъ, на слѣдъ котор
указалъ В. И. Григоровичъ въ своемъ путешествіи по Евро
ской Турціи (стр. 73 и 123), стало-бы вѣроятно на ряду

важнѣйшими находками такого рода, сдѣланными въ наше время. Съ другой стороны, отношенія Римской имперіи къ германцамъ представляютъ поучительныя аналогіи. Исторію этихъ отношеній можно раздѣлить на три періода, между которыми, разумѣется, нельзя поставить твердыхъ граней, потому что переходы совершаются постепенно. Первый періодъ состоитъ весь изъ нестройнаго, но единодушнаго напора германскихъ дружинъ на завѣтные рубежи Рейна и Дуная. Во второмъ часть этихъ дружинъ уступаетъ искушеніямъ римской политики и дѣлается въ ея рукахъ могущественнымъ орудіемъ противъ собственныхъ соплеменниковъ и другихъ враговъ имперіи. Римъ держится силою своихъ преданій и государственною опытностію, наслѣдованной имъ отъ прежнихъ, славныхъ вѣковъ его исторіи. Онъ въ высокой степени обладалъ искусствомъ употреблять въ свою пользу средства своихъ противниковъ и противопоставлять ихъ опасностямъ, которые ему грозили. Можно думать, что германскіе варвары иногда приходили къ сознанію той роли, какую они играли, служа къ достиженію чуждыхъ имъ цѣлей. Nos nobis confligimus, nobis perimus, tibi vincimus (мы между собою сражаемся, мы гибнемъ, а побѣда достается тебѣ), писалъ вестъ-готскій кунигъ Валлія къ императору Гонорію, извѣщая его о своихъ побѣдахъ надъ вандалами. Но когда германцы стали твердою ногою на римской почвѣ и замѣнили кочевой быть дружины осѣдлымъ, государственнымъ, ихъ отношенія къ имперіи приняли другой характеръ. У нихъ явились свои интересы, свои политическія цѣли. Они перестали быть слѣпыми орудіями римской власти и служили ей только тогда, когда ихъ частная выгода совпадала съ ея видами. Тѣже явленія повторялись въ исторіи южныхъ славянъ. Переходъ отъ быта общиннаго и дружиннаго къ государственному положилъ конецъ ихъ зависимости отъ Византіи и снялъ съ нихъ опеку, съ которой такъ долго держала ихъ цареградская политика. Другою причиною ослабленія Византійской имперіи была перемѣна, совершившаяся послѣ борьбы за поклоненіе иконамъ, въ нравахъ и положеніи высшаго сословія. Прежняя образованность, въ которой преобладало богословское направленіе, уступала мѣсто другой, болѣе блестящей, но поверхностной и формальной. Вопросы догматическіе перестали занимать умы въ такой степени, какъ прежде. Духовные интересы общества константинопольскаго вообще стали мельче. Не забудемъ, что въ этомъ обществѣ сосредоточивалось то, что мы называемъ Византійскою имперіей. Продолжительное, почти двухъ-вѣковое владычество македонской династіи дало возможность окрѣпнуть въ зан[illegible] при Василіи I положеніяхъ тѣмъ знатнымъ фамиліямъ, [illegible]ыхъ имена связаны потом[illegible]ми важными проис[illegible]

[illegible] дарствѣ. Аристократи-
[illegible] несообразное съ поло-
[illegible] самодержаніе было
[illegible] монархической вла-
[illegible] стямъ. Знакомство
[illegible] крестовыхъ походовъ
[illegible] аристократію, сообщивъ
[illegible] обстоятельствахъ,
[illegible] гостей привычками на-
[illegible] вошедшее въ по-
[illegible] Комнену и его потом-
[illegible] домашними измѣнами
[illegible] имперіи. Они принуж-
[illegible] на вѣрность которыхъ
[illegible] храбрый Іоаннъ, ввѣ-
[illegible] турецкому выходцу. Тѣ-
[illegible] наемныхъ англо-сак-
[illegible] сопровождавшія его па-
[illegible] состояніе Визан-
[illegible] Андроника, вене-
[illegible]
[illegible] предшествовавшія
[illegible] многія любопытныя
[illegible] не сказалъ ничего
[illegible] съ обѣихъ сторонъ
[illegible] цифръ, которыя слѣ-
[illegible] въ началѣ войны
[illegible] чѣмъ грекамъ. Одни
[illegible] своимъ отважную дру-
[illegible] историкъ и одинъ изъ
[illegible] простодушно и пре-
[illegible] вшее его сподвижни-
[illegible]
[illegible] высокія стѣны и вели-
[illegible] городъ, богатые дворцы
[illegible] показаться невѣроятнымъ
[illegible] во всемъ ея объемѣ
[illegible] дрогнуло сердце. Дивиться
[illegible] не предпринимала горсть
[illegible] За восемь вѣковъ до Вильгар-
[illegible] произвелъ такое же впечатлѣ-
[illegible] Атанарика и внушилъ ему высокое

[illegible] пропускъ, который не могъ быть по-
[illegible]

Ред.

понятіе о могуществѣ императора. Варварамъ казалось, что изъ-за этихъ твердынь и зданій имъ угрожаютъ таинственныя силы невѣдомой и недоступной имъ образованности. Но внутренность константинопольскихъ улицъ не соотвѣтствовала его наружному величію. Этою стороною онъ напоминалъ поэтическіе издали, грязные внутри города Востока. «Городъ Константинополь,—говоритъ монахъ Одонъ, спутникъ Людовика VII во второмъ крестовомъ походѣ:—грязенъ и вонючъ. Во многихъ частяхъ его царствуетъ вѣчный мракъ. Богачи застроили всѣ улицы своими зданіями и оставили бѣднымъ и иностранцамъ только нечистыя и темныя мѣста. Тамъ совершаются убійства и разбои,—словомъ, всѣ преступленія, которымъ благопріятствуетъ темнота. Управы нѣтъ никакой; богатые дѣлаютъ что хотятъ, бѣдные воруютъ, злодѣи не знаютъ ни страха, ни стыда. Преступленія никогда не совершаются явно днемъ, и законъ ихъ никогда не наказываетъ. Городъ этотъ представляетъ крайности всякаго рода: онъ равно превосходитъ всѣ другіе города своимъ богатствомъ и своими пороками». Многое, можетъ быть, преувеличилъ французскій монахъ, ненавидѣвшій грековъ, но большую часть имъ сказаннаго нетрудно подтвердить свидѣтельствами другихъ, даже византійскихъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ, въ Европѣ не было города съ такою пестрою и испорченною чернью. Въ Константинополѣ можно было встрѣтить многочисленныхъ представителей всѣхъ народовъ тогдашняго міра. Ихъ привлекала сюда богатая торговля, промыслы, легкость, съ какою можно было найти средства къ существованію. Цѣлыя улицы принадлежали выселенцамъ изъ отдѣльныхъ италіанскихъ городовъ. Венеціанцы, генуезцы, пизанцы пользовались обширными торговыми привилегіями и подчинены были собственнымъ судьямъ. Магометане составляли также значительную общину, съ правомъ свободнаго и открытаго отправленія своего богослуженія. Не говоримъ о славянахъ и другихъ подвластныхъ имперіи и тѣсно съ нею связанныхъ племенахъ. Съ конца XI столѣтія смѣшеніе языковъ и народностей въ Константинополѣ возрастаетъ въ неимовѣрной степени. Составъ крестоносныхъ ополченій извѣстенъ. Къ дружинамъ, которыхъ вело на Востокъ благочестивое желаніе освободить изъ-подъ власти мусульманъ страну, освященную земною жизнію Спасителя, присоединялись нестройныя и многочисленныя толпы людей всякаго рода, гонимыя изъ родины нищетою или совершенными ими преступленіями. Немногіе изъ нихъ достигали Палестины: большая часть погибла отъ нужды и подъ ударами ограбленныхъ ими жителей тѣхъ странъ, черезъ которыя лежалъ ихъ путь. Константинополь обыкновенно служилъ мѣстомъ сбора и отдыха для

крестоносцевъ. Здѣсь оставались уцѣлѣвшіе въ живыхъ бр которыхъ не манила далѣе надежда на славныя битвы с вѣрными. Вслѣдствіе самыхъ выгодъ своего положенія, ст Византійской имперіи должна была такимъ образомъ прин въ себя нечистый отстой, подымавшійся въ эпоху общаг женія со дна западной Европы. Она доставляла этимъ при цамъ возможность легкой и привольной жизни; но они ей платили за гостепріимство. На ея улицахъ не разъ рѣ буйные латинцы съ жителями греческаго или славянскаго хожденія. Тогдашній Константинополь заслужилъ въ бо степени, чѣмъ древній Римъ, или новый Парижъ, на cloaca maxima народовъ.

Понятно, что, при такомъ составѣ низшихъ классовъ населенія, Царьградъ не могъ противопоставить осадивши въ 1203 году рыцарямъ религіознаго или патріотическаго шевленія массъ. Съ другой стороны выступила наружу ченность высшаго сословія. Въ виду общей опасности, он мольничало, составляло заговоры и измѣняло одному и тору за другимъ. Изъ разсказовъ Никиты Хоніата, ко самъ занималъ важное государственное мѣсто, объ избра престолъ Алексѣя и Канаба, можно себѣ составить пон гражданскихъ доблестяхъ византійскихъ сановниковъ.

Мы уже сказали выше, что г. М—въ въ первой главѣ монографіи ограничился описаніемъ военныхъ дѣйствій, ращая вниманія на внутреннія условія событій. Онъ какъ не замѣтилъ за внѣшнею обстановкою, что подъ ст Константинополя стояли лицомъ къ лицу двѣ глубоко разл въ основныхъ своихъ началахъ, цивилизаціи. Отсюда пр дитъ бѣдность и безжизненность его разсказа. Охаракт вать эти двѣ почти враждебныя цивилизаціи было нет Ихъ представителями могли служить автору «Латинскихъ раторовъ» тѣ лѣтописцы, которыми онъ наиболѣе польз французъ Вильгардуенъ и грекъ Никита Хоніатъ. На обоихъ лежитъ печать ихъ національностей. При всей осторожности и риторическомъ патріотизмѣ. Никита становится страшнымъ обличителемъ Византійской жиз него нельзя отрицать таланта, ума, знанія, но въ цѣломъ его понятій есть нѣчто, показывающее, до какой степен шла въ упадокъ и обветшала въ его время образованность скихъ классовъ византійскаго общества. Отрѣшенная движ исторіи отъ своего корня, т. е. эллинизма, она не приня себя никакихъ новыхъ, живительныхъ стихій и обратила лишенную нравственнаго содержанія форму. Одна церковь высоко надъ общимъ уровнемъ, но она хранила свои сокр

для другихъ, болѣе свѣжихъ и способныхъ къ духовному развитію народовъ. Объемъ этой статьи не позволяетъ намъ дѣлать большихъ выписокъ, но мы укажемъ читателямъ на находящееся у Хоніата (681 стр.) исчисленіе погибшихъ при взятіи Константинополя крестоносцами памятниковъ искусства. Это мѣсто важно не для однихъ археологовъ; оно знакомитъ насъ не только съ утраченными произведеніями древняго ваянія, но и съ самымъ воззрѣніемъ на искусство просвѣщенныхъ византійцевъ. Описывая бронзовую, переплавленную невѣжественными побѣдителями въ деньги статую Елены, Никита расточаетъ ей гомерическіе эпитеты, показывающіе его классическую образованность. Но нельзя не заподозрить искренности его восторговъ при чтеніи толкованій, въ родѣ слѣдующаго: «латинцы растопили статую Елены, въ качествѣ потомковъ Энея, мстя ей за пожаръ родной имъ Трои, котораго она была виновницею. Ей суждено было погибнуть отъ огня, ибо она сама зажгла огонь въ сердцахъ всѣхъ, кто видѣлъ ея прекрасный образъ» (864 стр.). Впрочемъ, изъ разсказовъ того-же лѣтописца слѣдуетъ, что не на однихъ крестоносцахъ лежитъ отвѣтственность за порчу и гибель находившихся въ Константинополѣ памятниковъ. Супруга Алексія III, Евфросинія, для гаданій своихъ, била розгами Геркулеса Лизимаховой работы, о чемъ очень жалѣетъ Хоніатъ, восклицающій, что ни Еврисѳей, ни Омфала не подвергали героя такимъ истязаніямъ. По ея-же приказанію, были обезображены многія другія статуи, въ томъ числѣ знаменитый каледонскій вепрь, котораго впослѣдствіи, по совѣту звѣздочетовъ, суевѣрный Исаакъ Ангелъ велѣлъ поставить во дворцѣ своемъ, въ той надеждѣ, что видъ свирѣпаго звѣря въ состояніи внушить ужасъ мятежной черни цареградской. Колоссальный истуканъ Минервы, подробно описанный Хоніатомъ, былъ въ куски разбитъ народомъ, потому что лицо богини было обращено къ западу, и поднятая рука какъ-будто манила крестоносцевъ. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что многое было спасено венеціанцами, которые украсили свой городъ этою добычею.

Говоря о раздѣлѣ имперіи между венеціанцами и ихъ союзниками, г. М—въ не разобралъ подробно весьма не ясный, но важный въ географическомъ отношеніи актъ раздѣла. Памятникъ этотъ, изданный нѣсколько разъ, между прочимъ въ приложеніяхъ къ Исторіи крестовыхъ походовъ Вилькена, не былъ еще объясненъ надлежащимъ образомъ. Г. М — въ напрасно ссылается на искаженіе именъ и неопредѣленность областныхъ границъ. Если-бы раздѣльный актъ, составленный въ 1204 году, былъ написанъ совершенно ясно и не представлялъ ничего затруднительнаго при чтеніи, его не для чего было-бы и объяснять.

Третья глава «Исторіи латинскихъ императоровъ» содержитъ въ себѣ обзоръ новаго, возникшаго вслѣдствіе завоеванія, государственнаго устройства. Намъ кажется, что авторъ не оцѣнилъ по достоинству пересаженныя на византійскую почву феодальныя учрежденія, единственную форму, какую могли дать покореннымъ имъ землямъ крестоносцы. Ленная система удобнѣе всякой другой прилагалась тамъ, гдѣ между отдѣльными сословіями не было національнаго единства. Отсутствіе кровной связи, т. е. народности, феодализмъ замѣнилъ внѣшнимъ іерархическимъ союзомъ, достаточнымъ для цѣлей средневѣковаго государства. Зато г. М — въ придалъ слишкомъ большое значеніе республиканскому, внесенному венеціанцами, элементу. Онъ говоритъ, что этотъ элементъ выразился въ завоеванныхъ частяхъ имперіи рѣзче, нежели въ Палестинѣ. «Тамъ онъ ограничился немногими поселеніями италіанцевъ по морскому берегу, здѣсь являлся въ обширныхъ владѣніяхъ венеціанцевъ» (стр. 43). Авторъ слишкомъ безусловно принялъ мнѣніе Лео (Ceschichte der Italienischen Staaten, III, 16). Извѣстно, что значительная часть пріобрѣтенныхъ республикою въ 1204 году земель, особенно острова, поступили въ качествѣ ленъ св. Марка во владѣніе знатныхъ фамилій, которыя играли здѣсь роль княжескихъ династій, оставаясь впрочемъ венеціанскими подданными. Таковы были герцоги Андроса, Наксоха и Пароса изъ дома Сунудо, передавшаго потомъ свои владѣнія греческой фамилій Криспо;—Гизи, которымъ принадлежалъ Теносъ, Скиросъ, Скіаѳа, Скопела,—Карчери, владѣтель Негропонта, и многіе другіе, о которыхъ упоминаетъ г. М—въ, на стр. 38. Разумѣется, что здѣсь не было мѣста республиканскому элементу, который могъ проявиться въ большихъ городахъ, гдѣ находились венеціанскія колоніи. Вообще на отношенія венеціанскія не обращено должнаго вниманія въ разбираемой нами монографіи, хотя, по важности своей, они требовали подробнаго разбора.

Сама исторія латинскихъ императоровъ изложена вѣрно и отчетливо. Но мы уже замѣтили выше, что эта вѣрность внѣшняя, не сообщающая полнаго понятія о предметѣ. Укажемъ для примѣра на собранныя г М—мъ свѣдѣнія о Никейской имперіи. Вмѣсто сухого и частію безполезнаго разсказа о войнахъ, веденныхъ Ѳедоромъ Ласкарисомъ и Іоанномъ Ватацесомъ, читатель желалъ-бы найдти подробности, характеризующія ихъ государство. Г. М — въ упустилъ прекрасный случай показать чрезъ сравненіе все превосходство византійскихъ административныхъ формъ и понятій надъ феодальными западными. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи царствованіе Іоанна Ватацеса, о которомъ находятся драгоцѣнныя, еще Гиббономъ

гл. 62) употребленныя въ дѣло извѣстія у Никифора, Григорія и Георга Пахимера. За исключеніемъ Фридриха II, едвали кто изъ современныхъ государей западной Европы смотрѣлъ такими глазами на государственное хозяйство. Только при подобномъ управленіи могла найти Никейская имперія средства для борьбы съ многочисленными врагами своими. Тамошніе императоры слѣдовали примѣру своихъ византійскихъ предшественниковъ. Войско Ѳедора Ласкариса состояло, по словамъ изданной Бюшономъ греческой лѣтописи о войнахъ Франковъ въ Романіи и Мореѣ, стр. 28, изъ наемныхъ турокъ, кумановъ, аланъ, языговъ и булгаръ. Латинскіе воины также недолго противились искушеніямъ никейскаго золота. Папа Гонорій II принужденъ былъ предать проклятію крестоносцевъ, измѣнившихъ своему обѣту и воевавшихъ подъ знаменами Ласкариса противъ собственныхъ единовѣрцевъ. Эти свидѣтельства достаточно показываютъ, что Никейская имперія не была, какъ утверждаетъ г. М—въ, выраженіемъ чистой греческой народности. Въ основаніи ея лежало отвлеченное отъ всякой національности начало образованной вѣками, мудрой государственной организаціи, которая принимала въ себя даже враждебные элементы и претворяла ихъ въ гибкіе, покорные ея волѣ матеріалы. Механизмъ былъ такого свойства, что могъ дѣйствовать при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Тоже самое можно сказать о Константинопольской имперіи, которой продолженіемъ была Никейская. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, феодальная форма является чѣмъ-то варварскимъ, безконечно грубымъ. Но когда эта форма утвердилась на византійской почвѣ, она не могла не обнаружить нравственнаго вліянія на туземцевъ, не могла не вызвать въ нихъ новыхъ стремленій и потребностей. Вторженіе западной стихіи въ въ византійскій бытъ послѣ событій 1204 года не подлежитъ сомнѣнію, хотя оно вовсе не замѣчено авторомъ «Исторіи латинскихъ императоровъ». Вмѣстѣ съ іерусалимскими ассизами проникали даже въ никейскія владѣнія суды перовъ и ордаліи. Разумѣется, что ихъ полному принятію мѣшали природныя и воспитанныя исторіей свойства народонаселенія. Практическій, ясный умъ грека сказался въ отвѣтѣ Михаила Палеолога, который не хотѣлъ подвергнуть себя испытанію раскаленнымъ желѣзомъ, говоря, что это судебное доказательство годно для мраморныхъ произведеній Фидія или Праксителя, а не для живой человѣческой руки. Къ послѣдствіямъ пятидесяти-семи мѣсячнаго владычества латинцевъ въ Цареградѣ принадлежитъ совершенное ослабленіе связей, дотолѣ существовавшихъ между правительствомъ и жителями Византійской имперіи. Императоры-иновѣрцы поколебали прежнее уваженіе и довѣріе православныхъ

подданныхъ къ преемникамъ Константина. Религіозное единство могло быть возстановлено впослѣдствіи; но единство государственное, которое на немъ основывалось, погибло невозвратно. Въ Малой Азіи могла-бы еще окрѣпнуть и принять въ себя свѣжія силы ветхая имперія, черезъ сплавленіе тамошнихъ, давно подверженныхъ греческому вліянію племенъ, въ одну новую народность. Въ Европѣ такое дѣло было невозможно. Славяне, на плечахъ которыхъ долго лежали судьбы имперіи, возложившей на нихъ свои послѣднія надежды, жили собственною жизнію. Все сказанное нами было понятно образованнымъ и мыслящимъ грекамъ того времени. Извѣстіе о занятіи Константинополя никейскими войсками въ 1261 году возбудило въ дальновиднѣйшихъ между ними недоступныя толпѣ опасенія. «Теперь рушились всѣ надежды наши», — сказалъ по этому поводу Михаилъ Сеннахерибъ, государственный сановникъ, уму и знаніямъ котораго отдаетъ справедливость, враждебный ему, впрочемъ, Георгъ Пахимеръ (Т. I. стр. 92 и 149).

Сочиненіе г. М—ва не удовлетворяетъ справедливымъ требованіямъ современной науки. «Исторія латинскихъ императоровъ» не прибавляетъ ничего къ суммѣ того, что мы знали доселѣ объ этой эпохѣ. Но свѣдѣнія автора не подлежатъ сомнѣнію: мы въ правѣ ожидать отъ него другихъ, болѣе удачныхъ трудовъ.

ЧЕТЫРЕ

Историческія Характеристики.

Публичныя лекціи, читанныя въ 1851 году.

I.

Тимуръ.

Предметомъ нашихъ чтеній будутъ характеристики Тамер-ана, Александра Македонскаго, Лудовика IX и канцлера Бэкона. ы найдемъ не много сходнаго въ ихъ внутренней жизни, еще енѣе во внѣшней исторіи ихъ подвиговъ; подвиги каждаго изъ ихъ отмѣчены особеннымъ, ему исключительно принадлежа-имъ характеромъ. Но между ними есть одно общее: это на-ваніе великихъ людей, данное имъ современниками и утвер-денное потомствомъ. Что-же такое связано съ этимъ назва-емъ? Какое призваніе въ исторіи людей, означенныхъ именемъ еликихъ? Вотъ вопросъ, которымъ я позволю себѣ начать эти тенія. Вопросъ этотъ не лишенъ нѣкоторой современности. ще не давно поднимались голоса, отрицавшіе необходимость еликихъ людей въ исторіи, утверждавшіе, что роль ихъ кончена, го народы сами, безъ ихъ посредства, могутъ исполнять свое торическое назначеніе. Все равно сказать-бы что одна изъ илъ, дѣйствующихъ въ природѣ, утратила свое значеніе, что инъ изъ органовъ человѣческаго тѣла теперь сталъ ненуженъ. акое воззрѣніе на исторію возможно только при самомъ лег-омъ и поверхностномъ на нее взглядѣ. Но тотъ, для кого она ляется не мертвою буквою, кто привыкъ прислушиваться къ таинственному росту, видитъ въ великихъ людяхъ избранни-въ Провидѣнія, призванныхъ на землю совершить то, что житъ въ потребностяхъ данной эпохи, въ вѣрованіяхъ и же-

подданных
могло быт
ственное. к
Въ Малой
свѣжія сил
подвержен
родность.
плечахъ к
на нихъ
Все сказа
грекамъ
кейскими
шихъ ме
лись всѣ
Сеннахер
тораго о
Пахимер
Сочи
бованіям
ровъ» н
доселѣ
мнѣнію:
ныхъ тр

народъ есть нѣчто
собирательная воля
въ мысль и волю
ственнымъ слухомъ,
лица. Такія лица
таилось въ народ-
неясныя стремленія
современниковъ. Но
соединяется другое
великіе люди являются
безъ чего можно обой-
великая роль случая до-
нравственнаго ослаб-
въ законное движеніе
жественную связь, охва-
Конечно, не всегда ясно
мужу въ цѣпи явленій, не
Проходятъ вѣка, а онъ
ю, и мы не знаемъ, за-
тилъ народы. Толки, имъ
положны между собою, что
вліянія имъ обнаружен-
сегодня, должно остаться
Развѣ каждое новое событіе
видимому, давно уже совер-
ельныхъ явленій иногда ра-
ковъ и тысячелѣтій. Наука
опередить самой жизни и
рактовъ, безъ которыхъ былъ-
развитія. Историческое значеніе
домъ только въ XIX столѣтіи,
ковъ отъ приговора, произне-
домъ.
человѣка, мы должны обра-
почву, на которой онъ вы-
дѣйствовалъ. Изъ этого трой-
жизнь и дѣятельность. Задача
ставлено, если можно такъ вы-
психологіи, имѣющей цѣлію
вліянія, видоизмѣняющія част-
льномъ созерцаніи великихъ
откровеніями цѣлаго народа и
были призваны на землю, для
случаѣ онѣ стоятъ не от-

ьно, не независимо, но тѣсно и крѣпко связаны съ землею, которой выросли, и съ временемъ, въ которомъ дѣйствуютъ. обенныя трудности въ этомъ случаѣ представляетъ исторія тока: она подчинена другимъ законамъ, развивается подъ гими условіями, нежели европейская. Тамъ народы коснѣютъ одолженіе вѣковъ въ непробудномъ снѣ. Имъ видятся странгрезы, которыя они переносятъ не только въ свою поэзію, и въ свою исторію. Тамъ нѣтъ правильныхъ переходовъ отъ ой эпохи къ другой: нѣтъ постепенности и, слѣдовательно, ической необходимости въ развитіи, и потому появленіе ихъ людей часто принимаетъ характеръ чистой случайности.

и здѣсь подобное заключеніе было-бы слишкомъ опромет-зо. Когда насъ, напримѣръ, поражаетъ явленіе въ родѣ того оевателя, о которомъ я буду имѣть честь говорить въ нышнемъ чтеніи. когда мы съ трепетнымъ чувствомъ спраши-емъ у себя отчета въ дѣлахъ какого-нибудь Чингиса или мура и теряемся въ догадкахъ; когда въ насъ невольно аются вопросы: какой потребности удовлетворили эти люди, нѣмъ покрыли землю развалинами, зачѣмъ стерли съ лица ли столько царствъ, столько прекрасныхъ формъ, успѣвшихъ звиться изъ нѣдръ магометанской цивилизаціи? Мы въ правѣ вѣчать: а развѣ у этихъ народовъ, выведенныхъ на сцену оріи Чингисомъ и Тимуромъ, дремавшихъ дотолѣ въ безкоиномъ и скучномъ однообразіи кочевого быта, не было по-бности проснуться однажды и извѣдать всѣ наслажденіе и тревоги дѣятельной исторической жизни? Но страшно бытъ такое пробужденіе восточныхъ народовъ! Судьба Тимура Тамерлана связана съ однимъ изъ этихъ взрывовъ. Въ ѣдахъ, ограниченныхъ предѣлами скудно отмѣреннаго вреи, я не могу представить вамъ полныхъ біографій и долженъ сить васъ довольствоваться краткими характеристиками, въ орыхъ постараюсь показать отличительныя особенности кажо изъ лицъ, выбранныхъ мною для этихъ чтеній. Связь между и только внѣшняя, но всѣмъ имъ принадлежитъ право на ваніе «великихъ». потому что всѣ они оставили глубокіе, я и несходные между собою, слѣды на почвѣ всемірныхъ ытій. Я ограничусь тѣми характеристическими чертами, по орымъ можно разгадать лицо самого Тамерлана и того нара, котораго онъ былъ представителемъ.

На обширномъ пространствѣ между Каспійскимъ, Охотмъ и Японскимъ морями, искони блуждали племена, прилежащія двумъ великимъ породамъ: монгольской и турецкой. огда отдѣльныя отрасли обѣихъ породъ сливались, образовыи новыя народности и выходили подъ разными име[redacted]на

сцену исторіи. Ихъ выступленіе однообразно ознаменовано однимъ характеромъ жестокихъ опустошеній. Они приносили съ собою гибель для всякой стоявшей на ихъ дорогѣ общественной формы, но сами не были въ состояніи создать прочнаго и одареннаго условіями внутренняго развитія государства. Около четырехъ вѣковъ по Р. Х., монголо - турецкія племена явились въ Европѣ подъ именемъ гунновъ и поразили ужасомъ славянъ и германцевъ. Народное сказаніе приписывало гуннамъ особенное происхожденіе. Готы говорили, что они прижиты блуждавшими въ пустынѣ нечистыми духами отъ готскихъ волшебницъ. До такой степени смутилъ европейцевъ безобразный обликъ этихъ сыновъ степи, ихъ дикій образъ жизни, ихъ нравы, ихъ безпощадная лютость. Была пора, когда они грозили не только независимости европейскихъ народовъ, но самому существованію греко-римской цивилизаціи. На поляхъ каталаунскихъ рѣшился этотъ вопросъ. Владычество ихъ продолжалось впрочемъ недолго. Они исчезли съ европейской почвы, не оставивъ никакого слѣда ни въ учрежденіяхъ, ни въ нравахъ. Чрезъ восемь вѣковъ Европа принимала снова тѣхъ-же гостей: ихъ суждено было встрѣтить нашей Россіи, тогда только что начинавшей свое историческое служеніе. Она приняла на свою грудь удары варваровъ и подпала подъ ихъ тяжкое иго. Но остальная Европа, искупленная ею, избавилась отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. За то нашествіе были страшно для тѣхъ, на кого оно обрушилось непосредственно. Свидѣтельства современниковъ - очевидцевъ о нравахъ монгольскаго племени отличаются рѣдкимъ согласіемъ общихъ чертъ. Арабы, персы, западные монахи-послы при дворѣ хана и венеціанскій купецъ, Марко-Поло, характеризуютъ монголовъ почти одними и тѣми-же выраженіями. Нѣтъ народа болѣе способнаго завоевать міръ, какъ татары; они храбры, они привычны ко всякаго рода лишеніямъ, они безчеловѣчны, хищны, противъ нихъ не можетъ устоять ни одно государство, говоритъ Марко-Поло. Восточные народы, по свойственному имъ фатализму, смотрѣли на дикарей Чингиса и Тимура, какъ на неотвратимую, небомъ ниспосланную кару, Ихъ лѣтописи наполнены странными, почти невѣроятными разсказами о страхѣ, который не только цѣлые отряды, но одинокіе монголы внушали значительнымъ селеніямъ и городамъ. Жители нерѣдко добровольно подставляли шею подъ удары, въ полномъ убѣжденіи, что сопротивленіе безполезно. До такой степени распространено было въ Азіи мнѣніе о непобѣдимости монголовъ. Виновникомъ ихъ могущества былъ, какъ вамъ извѣстно, Чингисъ-Ханъ, въ началѣ XIII столѣтія. Онъ самъ высказалъ цѣль своихъ войнъ. Овладѣвъ значительною частью Азіи, въ лѣтахъ пре-

клонной старости, онъ собралъ однажды совѣтъ свой и предложилъ вождямъ слѣдующій вопросъ: какое благо выше всѣхъ на землѣ? Каждый изъ вождей отвѣчалъ по своему. Старый ханъ покачалъ головою и сказалъ имъ: «нѣтъ; счастливѣе всѣхъ на землѣ тотъ, кто гонитъ разбитыхъ имъ непріятелей, грабитъ ихъ добро, скачетъ на коняхъ ихъ, любуется слезами людей имъ близкихъ и цѣлуетъ ихъ женъ и дочерей». Государство, основанное на такихъ началахъ, не могло быть прочно. По смерти Чингиса, оно распалось на нѣсколько ордъ, которыя вскорѣ стали враждовать между собою.

Тимуръ родился близъ Самарканда, въ бывшемъ царствѣ Чингисова сына, Чагатая. Народы Востока глубоко запомнили роковую ночь на 9-е апрѣля 1336 года. Онъ родился, какъ говоритъ преданіе, съ кускомъ запекшейся крови въ рукѣ и съ бѣлыми какъ у старца волосами. По женской линіи онъ принадлежалъ къ потомству Чингиса, но отецъ его, одинъ изъ многочисленныхъ потомковъ чагатайскихъ князей, не могъ оставить ему большаго могущества. Съ раннихъ лѣтъ Тимуръ обнаружилъ неодолимую силу воли и властолюбіе. Будучи ребенкомъ, онъ заставилъ товарищей своихъ дѣтскихъ игръ присягнуть себѣ въ послушаніи и вѣрности. Никто изъ нихъ не равнялся съ нимъ, впрочемъ, въ силѣ и ловкости. Первые годы его жизни прошли въ подвигахъ мелкаго грабежа и разбоевъ, доставившихъ ему славу безстрашнаго наѣздника. Восточная фантазія внесла въ эти темные годы Тимуровой молодости тѣже подробности и тѣже преувеличенія, какими наполнены сказанія о молодости другихъ азіатскихъ героевъ. Тимуръ выступилъ на театръ всемірно-исторической дѣятельности въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, одолѣвъ множество противниковъ, столько-же незначительныхъ по объему власти, какъ и онъ самъ. Въ этихъ постоянныхъ трудахъ и войнахъ приготовился онъ къ роли, которая ему предстояла впереди. Въ 1371 г., слѣдовательно, когда ему было 35 лѣтъ отъ роду, онъ уже владѣлъ землями отъ Каспія до Маньчжуріи и держалъ на престолѣ чагатайскомъ подвластнаго ему потомка Чингисова съ безплоднымъ титуломъ великаго хана. Вліяніе его простиралось на большую часть земель, завоеванныхъ прежде Монголами. Князья Кипчакской Орды, владычествовавшей надъ Россіею, призывали его посредникомъ въ своихъ распряхъ. Онъ поставилъ надъ ними Тохтамыша: но Тохтамышъ не былъ благодаренъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ сдѣлалъ попытку сбросить съ себя иго Тимура. Борьба была неравная. Предъ началомъ рѣшительной битвы, изъ рядовъ Тимуровыхъ выступилъ старый шейхъ Береке, произнесъ молитву, и взявъ горсть пыли, бросилъ ее въ войско враговъ: да помра-

сцену исторіи. Ихъ выступленіе одн … Разби
однимъ характеромъ жестокихъ опус …
съ собою гибель для всякой стоявш…
ственной формы, но сами не были в…
наго и одареннаго условіями внутрен…
Около четырехъ вѣковъ по Р. Х., м… …ис
явились въ Европѣ подъ именемъ гу… …ср
славянъ и германцевъ. Народное ск… …ный
особенное происхожденіе. Готы г… …ановы
блуждавшими въ пустынѣ нечисты… …лость
шебницъ. До такой степени смути… …бы уже
обликъ этихъ сыновъ степи, ихъ д… …ь праздн
ихъ безпощадная лютость. Была … …ией Матер
только независимости европейски… …ра испугал
ствованію греко-римской цивилиз… …Дмитріевича
рѣшился этотъ вопросъ. Владычес… …ытили сокров
недолго. Они исчезли съ еврог… …ссіи. Но съ …
какого слѣда ни въ учрежденія… … Европы; теат
вѣковъ Европа принимала снов… … Я уже сказалъ,
было встрѣтить нашей Россіи …бности о Тимурѣ
свое историческое служеніе. С… …мѣрено болѣе вре
варваровъ и подпала подъ ихъ… …томлять ваше вни
искупленная ею, избавилась …ія и опустошенія ст
нашествіе были страшно для … …кажу только на хар
посредственно. Свидѣтельст… …ить васъ съ образомъ в
нравахъ монгольскаго племе… …географическому поло
общихъ чертъ. Арабы, пер… …хъ странъ обратить на
хана и венеціанскій купец… …царь и подпала подъ его
головъ почти одними и т… …ующемъ торговомъ город
болѣе способнаго завоева… …ротивъ побѣдителей. Тимуръ
они привычны ко всякаго … и памятникомъ своимъ ост
хищны, противъ нихъ не …рамиду, сложенную изъ 70,000
говоритъ Марко-Поло. Во … пирамиды разставилъ Тиму
фатализму, смотрѣли на… Азіи. Еще болѣе горькая у
неотвратимую, небомъ … …пнѣйшій городъ магометанскаг
полнены странными, поч… калифовъ Абассидовъ. Онъ осмѣ
который не только ц… заплатилъ за эту отвагу гибелью
шали значительнымъ … часть жителей погибла въ волнахъ
добровольно подставля… которые пали подъ ударами Тимур
что сопротивленіе бе… сто двадцать небольшихъ башен
нено было въ Азіи мн… могутъ сравниться съ тѣмъ, что
никомъ ихъ могущес… тотъ-же путь, которымъ нѣ
Ханъ, въ началѣ XIII… …лександръ Великій. Въ
войнъ. Овладѣвъ зн… …дели не осталось цѣлаг

линъ и труповъ свидѣтельствовали
ойскъ. Дели слылъ тогда бо-
ь къ приступу, Тимуръ
ячъ плѣнниковъ, которыхъ
аботъ. Онъ отдалъ прика-
хъ смерти. Приказаніе это
момъ Дели погибло нѣсколько
атномъ пути изъ Индіи, Ти-
взятыхъ тамъ рабовъ, между
ѣхъ ремесленниковъ и всѣхъ
ушѣ таилось какое-то, можно
къ наукѣ. Театромъ дальнѣй-
да была Сирія и владѣнія турец-
о время Европѣ. Дамаскъ и Алеппо
значительныхъ городовъ азіат-
биты, или отведены въ рабство въ
Въ большей части завоеваній Ти-
какую-нибудь опредѣленную политиче-
ить, что имъ руководила безотчетная
Разоривъ богатую страну, срывъ до
авъ копытами коней своихъ ея жатвы,
ь отрубленныхъ головъ, онъ шелъ далѣе.
ь утвержденіи своей власти въ оставлен-
пустынѣ.

язидомъ принадлежитъ къ числу великихъ
ріи. Оба они носили одинъ и тотъ-же
оевателя. Но Баязидъ не даромъ коснулся
и принялъ отъ нея вліяніе. Онъ думалъ объ
, опирающагося на надежныя учрежденія, го-
начала войны, между Баязидомъ и Тимуромъ
гная переписка, гдѣ истощены были всѣ, допу-
ыми дипломатическими формами, ругательства.
нія должны были поплатиться жители Малой
ородъ Баязида, на который пали удары Тамер-
вашъ *), взятый послѣ довольно долгой осады, при
али особенное искусство монгольскіе инженеры. Въ
ніи Тимуръ былъ великій человѣкъ, истинный ху-
войскѣ его было несравненно болѣе порядка, чѣмъ
Баязида; онъ ввелъ раздѣленіе на полки, ввелъ одно-
жды и многое другое, что впослѣдствіи вошло въ упо-
европейскихъ народовъ. Сивашъ палъ передъ осад-
ствомъ монголовъ. Жители его, магометане, были

*) нынѣ Себасте.

большею частью истреблены, или отведены въ рабство; но еще болѣе страшная участь постигла 4000 армянскихъ всадниковъ, которые защищали городъ въ соединеніи съ турками. Они были погребены заживо. Дальнѣйшихъ подробностей казни я не смѣю приводить, ибо онѣ слишкомъ ужасны. На поляхъ Ангоры (Анциры), гдѣ нѣкогда Помпей одержалъ побѣду надъ Митридатомъ, сошлись лицомъ къ лицу Баязидъ и Желѣзный Хромецъ. Произошла одна изъ величайшихъ битвъ, о которыхъ помнитъ исторія. Въ дѣлѣ было болѣе милліона ратниковъ, пришедшихъ изъ самыхъ отдаленныхъ странъ. Тимуръ привелъ съ собою дружины всей Азіи; въ войскѣ Баязида находилось 20,000 сербовъ-христіанъ, которые составляли лучшую, передовую рать; за ними стояли янычары, набранные изъ плѣнныхъ христіанскихъ дѣтей, и уже за янычарами слѣдовали настоящіе турки. Христіанскою кровью думалъ Баязидъ купить себѣ побѣду. Онъ былъ разбитъ на голову. Есть какое-то мрачное и поэтическое величіе въ разсказѣ о свиданіи Тимура съ Баязидомъ. Тимуръ принялъ его, сидя на коврѣ. «Великъ Господь,—сказалъ онъ:—даровавшій полміра мнѣ, хромцу, и полміра тебѣ, больному; ты видишь, какъ мало въ глазахъ Господа земное величіе». Вся бесѣда ихъ была проникнута скорбію. Тимуръ не ругался надъ падшимъ врагомъ; слова его исполнены грустнаго сочувствія къ судьбѣ побѣжденнаго. Разсказы позднѣйшихъ писателей о томъ, что онъ заключилъ Баязида въ клѣтку и обходился съ нимъ жестоко, лишены всякаго правдоподобія. Ни одинъ современникъ не упоминаетъ объ этомъ. Напротивъ, мы имѣемъ вѣрныя свидѣтельства, что Тимуръ до конца своей жизни обходился съ султаномъ съ должнымъ уваженіемъ. Кромѣ восточныхъ разсказовъ, у насъ есть разсказы европейцевъ, которые были свидѣтелями этой битвы. Между прочими, при дворѣ Тимура находились въ то время послы кастильскаго короля Генриха III. Европейскіе народы смотрѣли на анцирскаго побѣдителя, какъ на своего избавителя отъ турокъ, и въ самомъ дѣлѣ нашествіе Тимура на 50 лѣтъ отсрочило паденіе Константинополя и остановило на долго успѣхи турецкаго оружія. Въ 1403 г. Генрихъ III отправилъ къ Тимуру новое посольство, при которомъ состоялъ придворный дворянинъ, Гонзалецъ де Клавиго, оставившій любопытный дневникъ своего путешествія. Послы эти не застали уже Тимура въ Малой Азіи и должны были ѣхать къ нему въ столицу его, Самаркандъ. Земли, чрезъ которыя лежалъ ихъ путь, носили еще свѣжіе слѣды недавнихъ опустошеній. Особенно поразительно описаніе Тавриза, гдѣ правилъ за Тимура сынъ его, Миранъ-шахъ. Городъ былъ весьма богатъ и принадлежалъ къ числу складочныхъ мѣстъ азіатской торговли, но развалины огромнаго, славнаго на

омъ Востокѣ дворца и другихъ великолѣпныхъ зданій обли-
присутствіе татаръ. Виновникомъ въ этомъ разореніи былъ,
чемъ, не самъ Тимуръ. Сынъ его Миранъ-шахъ съ какою-
ѣтскою, безумною радостью разрушалъ древнія зданія и тѣ-
ся при видѣ пожаровъ, такъ что отецъ долженъ былъ на-
ецъ остановить его. Далѣе Клавиго встрѣтилъ множество
мидъ изъ человѣческихъ головъ, свидѣтельствовавшихъ о
дномъ шествіи Тимура. Замѣчательно также описаніе города
арканда. Городъ этотъ былъ обязанъ своимъ быстрымъ воз-
еніемъ волѣ Тимура. Клавиго нашелъ въ немъ многочислен-
со всѣхъ краевъ Азіи насильственно сведенное населеніе.
ь поселены были ученые, художники и ремесленники, ко-
ихъ Тимуръ привелъ съ собою изъ далекихъ, завоеванныхъ
странъ. Магометане жили рядомъ съ индійцами и поклон-
ми огня. Клавиго съ удивленіемъ разсказываетъ о велико-
омъ дворѣ и дворцѣ Тимура, и объ ордѣ или лѣтнемъ стой-
ѣ его, которое состояло изъ 20,000 разбитыхъ юртъ, т. е.
токъ. Часть юртъ была покрыта снаружи парчами, внутри
шена драгоцѣнными камнями, добытыми въ походахъ.
а Тимуръ принималъ Клавиго, онъ былъ уже въ преклон-
старости, едва могъ сидѣть и съ трудомъ могъ поднять
а на посла. Но въ хиломъ тѣлѣ жила еще крѣпкая и сви-
я душа. Желѣзный Хромецъ предпринималъ въ это время
одъ на Китай. Онъ собралъ вождей своихъ и сказалъ имъ:
душѣ моей и вашей много грѣховъ; много мы пролили крови
ометанской; пора смыть ее другою, болѣе угодною Господу
вью; пойдемъ избить китайскихъ язычниковъ».—Другое любо-
ное описаніе, оставленное европейцемъ, принадлежитъ нѣмцу
ильдпергеру. Онъ былъ родомъ изъ Мюнхена и находился ору-
осцемъ въ службѣ у одного изъ рыцарей, участвовавшихъ
несчастной для христіанъ битвъ при Никополисѣ (1395), въ
орой Баязидъ разбилъ на голову Сигизмунда Венгерскаго.
ки изрубили большую часть своихъ плѣнниковъ. Шильдпер-
спасла его молодость. Онъ поступилъ въ свиту султана,
ь при немъ въ сраженіи анцирскомъ и вмѣстѣ съ нимъ по-
ся въ плѣнъ къ татарамъ. Онъ пережилъ Баязида и Тимура,
килъ сыновьямъ послѣдняго; потомъ продавалъ свою службу
ымъ магометанскимъ князьямъ и возвратился въ Европу
ѣ 22-лѣтняго скитанія по Востоку. Шильдпергеръ былъ гру-
и необразованный нѣмецкій наемникъ. Онъ торговалъ своею
вью и безъ зазрѣнія совѣсти проливалъ чужую. Разсказы
носятъ отпечатокъ этого безчувственнаго равнодушія. Онъ
койно передалъ своимъ читателямъ ужасы, которыхъ былъ
ь свидѣтелемъ, или слышанные отъ другихъ. Между прочими

у него есть слѣдующій разсказъ: однажды жители города, влекшаго на себя гнѣвъ Тимура, выслали для умилостивленія дѣтей своихъ. При видѣ этихъ малютокъ, шедшихъ съ пѣсн изъ Корана ему навстрѣчу, въ Тимурѣ разыгрался духъ истр ленія. Онъ помчался на нихъ на конѣ своемъ и приказалъ св конницѣ слѣдовать за нимъ. Несчастные родители, стоявшіе городскихъ стѣнахъ, были свидѣтелями гибели дѣтей своихъ, топтанныхъ татарскими конями. Случай этотъ, вѣроятно, вторился нѣсколько разъ. Шильдпергеръ разсказываетъ его Испаганѣ; магометанскіе историки—о какомъ-то изъ город Малой Азіи.

Я уже замѣтилъ, что въ дѣятельности Тимура не долж искать господствующей, основной политической мысли. Похв нѣкоторыхъ новыхъ историковъ, напримѣръ, Гаммера, кото видятъ въ Желѣзномъ Хромцѣ основателя какой-то особен цивилизаціи, очевидно, натянуты. Гдѣ слѣды и признаки э цивилизаціи? Тимуръ былъ одержимъ ненасытимою жаж дѣятельности, но у него не было опредѣленной и ясно соз ной цѣли. Законы, имъ изданные, не доказываютъ противн Они могли скрѣпить временное, на одной силѣ основанное гущество, но не могли упрочить существованія настоящаго сударства. Все, что въ состояніи сдѣлать одна сила, было лано Чингисомъ и Тимуромъ. Поэтому подвигъ ихъ былъ бо разрушительный, нежели творческій. Внѣшняя сила прина житъ къ числу великихъ дѣятелей всеобщей исторіи, но тельность ея ограничивается исполненіемъ. Тамъ, гдѣ он соединена съ плодотворными идеями, ея произведенія непро и безполезны. Персы недаромъ называли Тимура ненасытн вѣчно стремящимся и никогда не достигающимъ. Въ немъ момъ было смутное, но возвышенное понятіе о значеніи н и, слѣдовательно, мысли. Онъ охотно бесѣдовалъ съ учен зналъ историческія преданія Востока и Запада, уважалъ ас номію и презиралъ астрологію. Счастіе и несчастіе человѣк висятъ, сказалъ онъ однажды, не отъ положенія звѣздъ, а воли Того, Кто создалъ и звѣзды и человѣка. Жестокая проглядывала, впрочемъ, даже въ богословскихъ преніяхъ его. любилъ смущать собесѣдниковъ своихъ опасными вопросами. заревѣ алеппскаго пожара, при крикахъ погибавшаго насел онъ равнодушно велъ ученый разговоръ съ тамошними мулл «Въ битвѣ подъ Алеппомъ,—спросилъ онъ у нихъ:—пало м моихъ и вашихъ воиновъ: которые изъ нихъ достойны рая Тѣ, которые пали съ вѣрою въ Бога,—отвѣчалъ умный му

Тимуръ умеръ въ 1405 г. Не прошло ста лѣтъ по его чинѣ, а государство его уже рушилось. Только въ Индіи

лѣли его потомки, окруженные внѣшнимъ блескомъ власти, но безсильные, лишенные даже личной свободы преемники Великаго Монгола. Въ другихъ частяхъ Азіи Тимуриды были вытѣснены мѣстными династіями. Когда Тимуръ предпринималъ новый походъ, онъ говорилъ о врагахъ своихъ:«я повѣю на нихъ вѣтромъ разрушенія». Вѣтеръ разрушенія повѣялъ на его собственное дѣло и на родъ его. Единственнымъ слѣдомъ завоеваній, наполнившихъ громомъ своимъ послѣднія десятилѣтія XIV вѣка, остались пирамиды изъ череповъ человѣческихъ. Къ этимъ памятникамъ можно еще прибавить — безлюдныя пустыни, которыя образовались въ странахъ нѣкогда цвѣтущихъ и населенныхъ. Вспомните о степяхъ нынѣшняго Туркестана. Огромныя развалины городовъ, остатки водопроводовъ свидѣтельствуютъ, что не природа положила на эти земли страшный и дикій характеръ, какимъ онѣ теперь отличаются. Здѣсь прошли монголы. Человѣкъ легко привыкаетъ къ опасностямъ, которыми грозитъ ему природа. Онъ строитъ новое жилище у подножія вулкана, на лавѣ, поглотившей его отца; онъ не уступаетъ морю подверженнаго безпрестаннымъ наводненіямъ, но выгоднаго для торговли берега, и смѣло ставитъ свой домъ на развалинахъ другого, смытаго волнами. Корысть и другія побужденія удерживаютъ его даже тамъ, гдѣ вѣчно царствуетъ зараза. Взгляните на Новый Орлеанъ и на Батавію. Но монголы и татары дѣйствовали съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ вулканы, море и моръ. Есть земли, въ которыхъ, повидимому, навсегда остался слѣдъ ихъ опустошеній. Онѣ утратили даже природное плодородіе, какимъ славились прежде.

Приведенный мною выше отзывъ венеціанца Марко-Поло можетъ и теперь служить характеристикою монгольскихъ враговъ. Монголъ вернулся въ родныя степи, изъ которыхъ вывелъ его Чингисъ-ханъ. Онъ снова живетъ въ войлочной юртѣ своей, пасетъ свое стадо и забылъ о той своей роскоши, съ которой познакомились его предки въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Пора Чингиса и Тимура прошла какъ сонъ. По прежнему раздается въ монгольскихъ степяхъ унылая, хватающая за душу пѣсня, въ которой иногда звучатъ отголоски минувшей славы и надежда на новые подвиги, на новое величіе. Надеждамъ этимъ не суждено болѣе сбыться. Еслибы поднялась снова такая личность, какъ Чингисъ или Тамерланъ и позвала народъ свой къ извѣданной уже дѣятельности, усилія ея неминуемо должны сокрушиться о новыя историческія условія. Куда повелъ-бы теперь свое ополченіе честолюбивый вождь степныхъ племенъ? На югъ, къ Индіи, постоянной цѣли восточныхъ завоевателей? Но тамъ образовалась стѣна болѣе крѣпкая, чѣмъ Гималайскій хребетъ.

Тамъ встрѣтитъ онъ не прежнихъ, способныхъ только къ страдательному мужеству индійцевъ, а твердые сипайскіе полки, подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ. Двинется-ли онъ другимъ, знакомымъ уже путемъ къ западу? Но его ждетъ здѣсь крѣпкое, христіанское, образованное государство, пережившее съ честью долгій періодъ своего историческаго искуса. Напоръ монгольскій не страшенъ болѣе Россіи, еще недавно одолѣвшей завоевателя болѣе грознаго, чѣмъ великіе ханы. Бывшіе властители наши должны въ свою очередь испытать русское вліяніе. Но Россія платитъ имъ не гнетомъ за гнетъ. Христіанское государство вноситъ въ юрты дикарей истинную вѣру и неразлучныя съ нею образованность и гражданственность. Нашему отечеству предстоитъ облагородить и употребить въ пользу человѣчества силы, которыя до сихъ поръ дѣйствовали только разрушительно. Начало уже сдѣлано Въ 1813 и 1814 г. изумленная Европа видѣла въ числѣ избавителей своихъ отъ французскаго ига башкира и калмыка, стоявшихъ рядомъ и за одно дѣло съ самыми благородными и просвѣщенными юношами Германіи.

Александръ Великій.

Предыдущее чтеніе мое было посвящено характеристикѣ восточнаго завоевателя; мы видѣли кровавый слѣдъ, оставленный монгольскими конями и не нашли другихъ памятниковъ, обличающихъ прочное вліяніе Тимуровыхъ завоеваній. Сегодня я буду имѣть честь бесѣдовать съ вами о завоевателѣ западномъ—о македонскомъ Александрѣ. Въ исторіи не много именъ, съ которыми связано столько славы и столько упрековъ. Вамъ извѣстно, въ какомъ состояніи находилась Греція въ эпоху, когда выступилъ Александръ на поприще исторіи. То была пора разложенія греческой городовой жизни, пора перехода отъ республиканскихъ формъ къ монархическимъ. На какую-бы часть Греціи мы ни взглянули, вездѣ видимъ, подъ пестротою разнообразныхъ явленій, одинъ и тотъ-же упадокъ коренныхъ основъ греческой цивилизаціи. Пелопонесская война положила конецъ блестящему, не повторенному болѣе исторіею, развитію греческой жизни. Въ борьбѣ доризма и іонизма рушилось прекрасное равновѣсіе стихій, изъ которыхъ слагалась эта жизнь, и сокрушились силы, сгладились лучшія особенности тѣхъ республикъ, которыя дотолѣ стояли по праву во главѣ остальной Греціи. Спарта заплатила за свою побѣду утратою внутреннихъ условій своего могущества. За нею осталась слава военныхъ доблестей, но простота древняго быта исчезла невозвратно. Корыстолюбіе и лицемѣріе, прикрывавшія наружною грубостію внутреннюю порчу, стали отличительными чертами ея гражданъ, нагло торговавшихъ выгодами и честію цѣлой Греціи. Въ болѣе привлекательномъ видѣ являются Аѳины; но отъ аѳинянъ IV вѣка не должно также требовать строгихъ доблестей мараѳонскаго поколѣнія, или изящныхъ свойствъ демоса, современнаго Периклу. Нужно ли говорить о Оивахъ, которыхъ мимолетное величіе было дѣломъ двухъ великихъ мужей, унесшихъ съ собою въ могилу недоконченныя начинанія свои? Едва-ли могло удаться Эпаминонду задуманное имъ политическое преобразованіе Греці

но онъ, противъ воли и вѣдома, окончательно поколебалъ безъ того шаткія основы древняго гражданскаго и религіознаго быта. Словомъ, распаденіе городовой жизни и республиканскихъ формъ очевидно. Но какія-же формы замѣнятъ ихъ? Какая другая жизнь загорится на этихъ, еще сохранившихъ часть первобытной красоты развалинахъ? Отвѣтъ на эти вопросы готовилось дать новое государство, лежавшее внѣ предѣловъ настоящей Греціи, на сѣверъ отъ нея, но тѣсно съ нею связанное племенными узами и образованностію, которую высшія сословія македонскаго народа черпали изъ Греціи. Давно уже македонскіе государи принимали участіе въ дѣлахъ греческихъ республикъ, но участіе это опредѣлялось не столько честолюбивыми замыслами и надеждами этихъ государей, сколько желаніемъ ихъ найти себѣ опору противъ враговъ въ союзѣ съ Аѳинами, Спартою, или наконецъ Ѳивами. Такое отношеніе между греками и македонцами продолжалось до Филиппа. Священная война дала ему возможность вмѣшаться въ распри греческихъ республикъ, — не второстепеннымъ союзникомъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, а рѣшителемъ спора. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и херонейская битва уничтожила послѣднія надежды людей, вѣрившихъ въ возможность возстановленія прежняго порядка вещей. Филиппъ былъ призванъ главою соединенныхъ греческихъ силъ. Для какой-же цѣли?

Я сказалъ выше о всестороннемъ разложеніи греческой жизни. Оно обнаруживалось не только въ сферѣ политической, но и въ сферѣ духовной. Аристотель былъ величайшимъ, но въ тоже время послѣднимъ самостоятельнымъ дѣлателемъ греческой науки; искусство остановилось еще ранѣе. Къ концу IV-го столѣтія образованность Греціи принесла уже и цвѣтъ и плодъ свой. Она еще красовалась дивнымъ богатствомъ изящныхъ формъ и великихъ идей, но органическое развитіе ея кончилось, и дальнѣйшаго роста отъ нея нельзя было ждать. Ей предстояло перейти къ другимъ народамъ и принять въ себя извнѣ, чрезъ сближеніе съ новыми, ей чуждыми стихіями, сѣмена новаго развитія. Изъ сказаннаго не слѣдуетъ однако заключить, что въ разбираемую нами эпоху греческой исторіи не было вовсе дѣятельности и потребности въ ней. Напротивъ, потребность дѣятельности была большая, но ей не было удовлетворенія. Поколѣніямъ IV-го столѣтія казался узкимъ театръ, на которомъ отцы ихъ совершали свои безсмертные подвиги. Обмелѣвшая городская жизнь не представляла болѣе честолюбивому гражданину достаточнаго простора. Личныя цѣли отдѣльныхъ гражданъ превосходили объемомъ силы и средства ослабѣвшихъ республикъ. Слѣдствіемъ этого хода вещей былъ

совершенный упадокъ мѣстнаго патріотизма и стремленіе открыть внѣ предѣловъ родины поприще достойное накопившихся и праздныхъ силъ. Такимъ поприщемъ могъ служить только Востокъ, именно Персія, въ которой съ конца V столѣтія постоянно играютъ важную роль греческіе наемники. Въ рядахъ этихъ продажныхъ дружинъ стояли нерѣдко лучшіе люди Аѳинъ и Спарты, скучавшіе мелкими вопросами и распрями, занимавшими ихъ родину. Они-то принесли съ собою изъ далекихъ походовъ, предпринятыхъ въ глубь владѣній великаго царя, мысль о возможности завоевать государство, обнимавшее цѣлую треть Азіи. Мысль эта перешла отъ воиновъ къ государственнымъ людямъ и писателямъ Греціи. По трудности исполненія, по важности результатовъ, такое предпріятіе достойно было вниманія величайшихъ умовъ и благороднѣйшихъ сердецъ. Рѣчь шла не объ одной славѣ или добычѣ, а о политическомъ возстановленіи Греціи, о замѣнѣ умиравшихъ мѣстныхъ интересовъ однимъ обще-эллинскимъ. Разсказы наемниковъ и сочиненія извѣстныхъ писателей, напр. Исократа, равно дѣйствовали на общественное мнѣніе и подготовляли его къ дѣлу, которое годъ отъ году казалось не только болѣе возможнымъ, но даже необходимымъ. При внутреннемъ безсиліи отдѣльныхъ частей, соединенная Грецiя располагала огромными средствами для войны наступательной. У мыса Тенара, въ другихъ такихъ-же сборныхъ мѣстахъ, тысячи наемниковъ продавали свою отвагу и знаніе военнаго дѣла любому покупщику. Когда Филиппъ сталъ во главѣ Греціи и объявилъ походъ противъ персовъ, онъ столько-же слѣдовалъ внушеніямъ собственнаго честолюбія, сколько требованіямъ общественнаго мнѣнія. Ему, какъ видите, досталось на долю быть только исполнителемъ мысли, давно задуманной и уже громко высказанной. Походы Агезилая въ Малой Азіи были первою попыткою ея осуществленія. Филиппъ погибъ въ 336 г., среди приготовленій къ великому предпріятію. Мѣсто его заступилъ сынъ его Александръ. Трудно было начать царствованіе при обстоятельствахъ болѣе неблагопріятныхъ. Вся Грецiя встрепенулась при одномъ извѣстіи о смерти Филиппа. Демосѳенъ забылъ недавнюю утрату дочери, сложилъ съ себя трауръ, и увѣнчанный цвѣтами, пришелъ на площадь возвѣстить аѳинянамъ о смерти македонскаго царя. Грецiя взволновалась отъ одного конца до другого, увлеченная надеждами на возвратъ невозвратимыхъ формъ ея прежней жизни. Филиппъ погибъ вслѣдствіе заговора. Неизвѣстно, кто былъ зачинщикомъ заговора. Знаемъ только, что въ немъ принимали участіе мать Александра, Олимпія, македонская аристократія и персидскій дворъ. Дѣло шло о перемѣнѣ династіи. Силы заговорщиковъ были ве-

лики. Одинъ изъ главныхъ, Атталъ, стоялъ во главѣ сильнаго отряда въ Малой Азіи. На сѣверѣ и на западѣ поднялись новые враги—полудикія племена ѳракійскія и иллирійскія, хотѣвшія воспользоваться молодостью царя. Во всѣ стороны долженъ былъ озираться Александръ, противъ всѣхъ опасностей долженъ былъ находить средства. Но эти средства онъ нашелъ въ себѣ самомъ. Прежде всего онъ устремился на Ѳракію. Двадцатилѣтній полководецъ совершилъ изумительный походъ, прошелъ черезъ Балканскія ущелья, переправился чрезъ Дунай, разбилъ гетовъ на противоположномъ берегу и заставилъ ѳракійцевъ дать себѣ, въ видѣ заложниковъ, такія войска, которыя могли ему служить съ пользою противъ персовъ. На возвратномъ пути онъ разбилъ иллирійцевъ и взялъ съ нихъ такую же дань людьми, усиливая войско свое разноплеменными, приспособленными къ войнѣ всякаго рода отрядами

Но въ Греціи гроза увеличивалась. Ѳивы поднялись явно и отбили стоявшій въ ихъ городѣ македонскій гарнизонъ; Аѳины вооружились; жители Пелопонеса шли на помощь Ѳивамъ. Никто не хотѣлъ вѣрить счастливому окончанію Александрова похода противъ ѳракійцевъ. А между тѣмъ Александръ прошелъ непроходимыя ущелья Пинда и явился подъ стѣнами Ѳивъ. Городъ палъ; жители были наказаны за попытку возстанія и безполезное упорство защиты, смертію и продажею въ рабство. Александръ долженъ былъ съ одной стороны уступить требованіямъ помогавшихъ ему віотійцевъ, которые ненавидѣли ѳиванцевъ; съ другой, онъ хотѣлъ строгимъ примѣромъ внушить страхъ остальнымъ грекамъ и отбить у нихъ охоту къ подобнымъ возстаніямъ во время предстоявшей войны съ персами. Доказательствомъ, что судьба разрушеннаго города лежала на сердцѣ Александра, можетъ служить его кроткое обращеніе съ тѣми ѳиванцами, которые воевали противъ него въ рядахъ персидскихъ и были взяты въ плѣнъ. Паденіе Ѳивъ ужаснуло взявшуюся за оружіе Грецію и охладило ея вольнолюбивый порывъ. Тогда замолкъ и великій голосъ Демосѳена, единственнаго противника, который могъ быть опасенъ Александру. Демосѳенъ принадлежалъ къ числу тѣхъ трагическихъ, одиноко стоящихъ въ исторіи личностей, въ которыхъ горячая любовь къ прошедшему соединяется съ яснымъ сознаніемъ невозможности призвать его снова къ бытію. Онъ хотѣлъ удержать по крайней мѣрѣ тѣ части этого прошедшаго, въ которыхъ еще были признаки жизни, и безъ устали боролся съ Филиппомъ, въ которомъ, не безъ основанія, видѣлъ самаго опаснаго врага греческой старины. Ѳивы пали, и Демосѳенъ отказался отъ безнадежнаго спора. Онъ понялъ, что дѣло, начатое Филиппомъ,

считалъ себя самовластнымъ правителемъ ввѣренной ему с
и мало заботился о выгодахъ цѣлаго государства. Н
смуты еще болѣе ослабили власть царя, отъ большей или
шей крѣпости которой зависѣла дальнѣйшая судьба Пер
другой стороны должно сказать, что матеріальныя с
Персіи были огромны, почти неистощимы. Нужна была
опытная рука, для того чтобы привести въ дѣйствіе пр
силы и возвратить государству положеніе, въ какомъ о
ходилось при первомъ Даріи. Къ несчастію для Александ
большой славѣ его, въ это время въ Персіи была така
Вождемъ греческихъ наемниковъ въ персидской служб
Мемнонъ, родомъ изъ Родоса, человѣкъ геніальныхъ спо
стей, но внутренно испорченный, отрекшійся отъ своей р
совершенно преданный Персіи. Онъ не ослѣплялъ себя, п
Дарію и персидскимъ сатрапамъ, на счетъ грозившей опа
и предложилъ средство къ ея отвращенію. Онъ говори
чистомъ полѣ мы не можемъ бороться съ Александр
между тѣмъ у насъ есть деньги и флотъ; въ тылу у Алек
мы составимъ наемное греческое войско и перенесемъ во
македонскую почву. Греція не устоитъ противъ двойного
шенія корысти и свободы. Планъ Мемнона поддерживали
численные греки, вступившіе въ персидскую службу
однихъ только корыстныхъ или честолюбивыхъ видовъ.
роднѣйшіе аѳинскіе граждане находились въ то время въ
Дарія и готовились къ войнѣ противъ соотечественников
понимали, что походъ Александра рѣшитъ вопросъ о сам
тельномъ существованіи ихъ родины. Завоевателю Персіи, ко
нетрудно было бы управиться съ Аѳинами или Спартою.
торые изъ этихъ выходцевъ носили громкія имена и бы
всѣхъ отношеніяхъ противниками, достойными Александр
ковы были между прочими Эфіальтъ и Леосѳенъ, впосл
извѣстный вождь ламійской войны. Разсчеты Александ
оплошность враговъ оказались, повидимому, ложными. Его
въ Азіи не одни нестройныя ополченія сатраповъ, а съ
вмѣстѣ опытныя греческія войска, подъ начальствомъ п
ходныхъ вождей. Планъ Мемнона былъ тщательно обдум
исполненіе ввѣрено надежнымъ людямъ. Александръ ве
собою менѣе 40 тысячъ человѣкъ, но составъ этой арміи
изумительный. Она заключала въ себѣ, какъ уже было
чено выше, самые разнообразные роды войскъ. При ней
устроенъ даже генеральный штабъ, раздѣленный на два
ленія, изъ которыхъ одно занималось исключительно сос
ніемъ картъ и плановъ, другому ввѣрены были инженерны
боты. Н[illegible]ртиллеріи соотвѣтствовали стѣнобитныя и

рудія, изъ подробнаго описанія которыхъ можно составить
ебѣ понятіе о высокомъ состояніи математическихъ наукъ въ
о время. Денежныя средства македонскаго царя были несравненно
иже его замысловъ. Въ началѣ похода у него оставалось не
олѣе ста тысячъ рублей на наши деньги, но онъ зналъ, что
ойна питаетъ войну, и не заботился о предстоящихъ издержкахъ.

Когда македонскія войска переправились въ Малую Азію,
ланъ Мемнона еще не былъ приведенъ въ исполненіе персид-
кимъ правительствомъ, и потому Александръ получилъ возмож-
ость одержать блестящую побѣду при Граникѣ. Другого пол-
оводца, конечно, увлекла-бы далѣе свѣжая, только что пріобрѣ-
енная слава, но Александръ не поддался искушенію. Вмѣсто
ого, чтобы преслѣдовать разбитаго непріятеля, онъ пошелъ на-
адъ и обратилъ всѣ свои усилія противъ приморскихъ горо-
овъ. Ему нужно было отрѣзать персидскій флотъ отъ гаваней.
ъ которыхъ онъ находилъ убѣжище и запасы. Города сдава-
ись одинъ за однимъ; упорнѣе прочихъ держался Галикарнассъ,
ащищаемый аѳиняниномъ Эфіалтомъ. Эфіалтъ былъ убитъ, и
аликарнассъ отворилъ ворота побѣдителю. Впрочемъ маке-
онцы были обязаны своими быстрыми успѣхами въ Малой Азіи
е одному оружію. Александръ явился тамъ не какъ врагъ и
ноплеменникъ, а какъ освободитель отъ чужеземнаго ига. Еще
редъ открытіемъ военныхъ дѣйствій совершилъ онъ близь раз-
алинъ древней Трои великолѣпныя поминки Ахиллу и Патроклу,
редшественникамъ своимъ въ нескончаемой распрѣ Запада съ
остокомъ, и связалъ такимъ образомъ свое предпріятіе съ
ическими преданіями греческаго міра. Находившіеся подъ пер-
идскимъ владычествомъ, мало-азіатскіе города получили отъ
его обѣщаніе политической самостоятельности. Богамъ каждаго
съ племенъ, чрезъ земли которыхъ лежалъ побѣдный путь
акедонцевъ, были принесены жертвы и поклоненіе. Однимъ
ловомъ, онъ вызвалъ къ жизни почти утраченныя надежды
авно уже отвыкшихъ отъ независимости народностей. Въ осо-
енности привлекъ онъ къ себѣ много сердецъ тѣмъ уваженіемъ,
акое вездѣ оказывалъ мѣстнымъ религіознымъ вѣрованіямъ, на
оторыя не безъ презрѣнія смотрѣли персы.

Битва при Иссѣ была еще рѣшительнѣе граникской. Персид-
кій царь долженъ былъ бѣжать съ поля сраженія, оставляя
ому побѣдителю свои сокровища и свое семейство. Къ довер-
енію несчастія персовъ. Мемнона уже не было въ живыхъ. Но
лександръ оставался вѣренъ своему плану и не соблазнился
зможностію овладѣть столицами Дарія. Онъ пошелъ вдоль
ереговъ Сиріи и продолжалъ отбирать города. Одинъ только
ръ оказалъ ему сопротивленіе; семь мѣсяцевъ длилась осада.

въ которой истощены были всѣ средства военной наук
нихъ. Съ паденіемъ Тира кончилась опасность, грозивш
ксандру: персидскаго флота не стало. Финикіяне отозва
участокъ; остальныя персидскія суда не имѣли болѣе з
Такимъ образомъ на сушѣ Александръ уничтожилъ пер
флотъ и планъ Мемнона.

Завоеваніе Египта не представило Александру почт
кихъ трудностей. Здѣсь еще живо и памятно было к
нашествіе Артаксеркса-Оха; свѣжа и глубока была ненав
персамъ. Александръ не оскорбилъ народныхъ святынь
чаевъ Египта. Онъ поклонился Апису, почтительно бес
съ жрецами и поставилъ начальниками отдѣльныхъ о
номарховъ, взятыхъ изъ египтянъ; только военное и ф
вое управленіе края ввѣрилъ онъ грекамъ и македонца
западъ отъ нильской дельты угадалъ онъ всемірно-истор
мѣсто, на которомъ воздвигнулъ Александрію. Если-бы
совершилъ ничего другого, то одного этого дѣла было
вольно для того, чтобы упрочить за нимъ названіе ве
потому что Александріи суждено было впродолженіе м
вѣковъ быть складочнымъ мѣстомъ не только всемірно
говли, но всемірной образованности. Сюда сошлись для
вѣковой бесѣды идеи Запада и Востока.

Походъ Александра въ ливійскій оазисъ, гдѣ находило
менитое прорицалище Аммона-Ра, подалъ поводъ ко м
толкамъ и недоразумѣніямъ, какъ въ древности, так
новое время. Съ какою цѣлью ходилъ македонскій завое
чрезъ знойныя степи, нѣкогда засыпавшія песками своими
Камбизовы? Неужели ученикъ Аристотеля могъ дорожит
нымъ названіемъ сына Аммонова, которое дали ему
таинственнаго божества пустыни? или ему нужны было
средство дѣйствовать на суевѣріе толпы? Смѣемъ думат
въ этомъ случаѣ участвовали оба побужденія. О рожден
ксандра уже ходили странные слухи между его соотечест
ками. Мать его Олимпія слыла волшебницею. Македонцы
рили, что она родила Александра отъ Зевса, а не отъ Фи
который поэтому не любилъ ни жену, ни сына. Свидѣте
Аммонова оракула сообщило новое значеніе этимъ то
Самъ Александръ, впрочемъ, не былъ чуждъ суевѣрія. Из
съ какою радостію принялъ онъ слово пиѳіи, назвавш
неодолимымъ. Онъ посѣтилъ нарочно Гордіумъ, дабы р
тамъ узелъ, съ которымъ было связано предсказаніе о
чествѣ надъ Азіею. Онъ желалъ наперед оправдать на
предчувствія, хотѣлъ, чтобы на него смотрѣли, какъ на со
геля того, что уже [redacted]ло предсказано богами. Пол

скій расчетъ и глубокое пониманіе Востока совпадали здѣсь съ собственнымъ поэтически-религіознымъ настроеніемъ духа. Принося жертвы и поклоненіе разнообразнымъ божествамъ тѣхъ странъ, въ которыя проникло его оружіе, Александръ удовлетворялъ двоякой потребности. Съ одной стороны, побѣжденные имъ народы забывали его иноплеменное происхожденіе и смотрѣли на него, какъ на единовѣрца. Съ другой, таинственные миѳы восточныхъ религій влекли къ себѣ умъ, стоявшій высоко надъ сухимъ скептицизмомъ, который тогда господствовалъ въ Греціи.

По ту сторону Тигра, не далеко отъ Арбелъ, далъ Александръ послѣднюю битву Дарію. У Дарія было по крайней мѣрѣ вдесятеро болѣе войскъ, чѣмъ у его противника Греческіе наемники и самыя воинственныя племена персидскаго государства были еще разъ призваны вмѣстѣ къ защитѣ Кировой монархіи. Смѣлый и опытный Парменіонъ оробѣлъ при видѣ многочисленныхъ враговъ. Онъ совѣтовалъ Александру начать битву ночью и получилъ въ отвѣтъ, что побѣды скрывать не должно. Завистники и враги Александра говорили, что онъ обязанъ большею частью своей славы полководцамъ, которыхъ образовалъ для него Филиппъ. Александръ могъ по праву сказать объ арбельской, самой трудной изъ одержанныхъ имъ дотолѣ побѣдъ, что онъ выигралъ ее самъ. Дѣло было потеряно, когда личное мужество и распорядительность молодого царя возстановили сраженіе и обратили его въ пользу македонцевъ. Успѣхъ былъ тѣмъ значительнѣе, что персы бились съ большею храбростію, чѣмъ когда либо. Ихъ конница ворвалась въ ряды македонской пѣхоты; фаланга была разстроена; лѣвое крыло подъ начальствомъ Парменіона почти разбито. Смѣлый напоръ праваго крыла, предводимаго самимъ царемъ, измѣнилъ ходъ дѣла и былъ причиною совершеннаго пораженія персовъ. На этотъ разъ зависть должна была умолкнуть и признать въ Александрѣ достойнаго вождя побѣдителей. Война казалась почти конченною. Лучшія земли Дарія находились во власти его враговъ; за нимъ оставались только бѣдныя, но населенныя воинственными племенами, области сѣверовосточной Персіи. Утомленные македонцы и греки требовали раздѣла богатой и готовой добычи. Но въ умѣ Александра зрѣли другія намѣренія. Онъ призвалъ къ себѣ знатныхъ персовъ и объявилъ, что въ его царствѣ не можетъ быть различія между побѣдителями и побѣжденными, что и тѣ и другіе должны слиться въ одну народность, подъ сѣнь одной высшей цивилизаціи. Идея была безконечно велика: но могли-ли современники возвыситься до нея? Не говорю уже о македонскихъ офицерахъ, которые громко роптали на того, кто по ихъ мнѣнію, отнималъ у нихъ купленную ихъ кровью добычу, и смотрѣли

на персовъ какъ на рабовъ, Изъ самой Греціи раздались обвинительные, исполненные упрековъ голоса. Даже Аристотель счелъ нужнымъ предостеречь своего ученика и написалъ къ нему письмо, въ которомъ доказывалъ невозможность равенства между греками и варварами. Эту-же мысль, но еще яснѣе, высказалъ стагирскій философъ въ знаменитомъ твореніи своемъ о политикѣ. Онъ говоритъ, что сама природа провела рѣзкую черту между народами, «предназначивъ однихъ къ господству, а другихъ къ вѣчному рабству». Лучше нельзя было выразить отношеніе эллина къ иноплеменнику, съ точки зрѣнія перваго; Александръ понималъ эти отношенія иначе и выше. Для него, уже переступившаго чрезъ рубежъ завѣтныхъ греческихъ воззрѣній, различіе между эллиномъ и варваромъ не имѣло другого значенія, кромѣ высшей и низшей образованности. Онъ хотѣлъ удѣлить своимъ новымъ подданнымъ часть тѣхъ духовныхъ благъ, которыя до него были исключительнымъ достояніемъ одного народа. Разумѣется, что такой образъ дѣйствій долженъ былъ доставить ему любовь и признательность покоренныхъ племенъ, но онъ не могъ не вызвать сильнаго неудовольствія со стороны македонцевъ и грековъ, обиженныхъ непонятнымъ для нихъ уравненіемъ политическихъ правъ.

Чѣмъ далѣе шелъ Александръ этимъ путемъ, съ котораго онъ не сходилъ уже во все продолженіе своей жизни, тѣмъ сильнѣе подымалось противъ него негодованіе его воиновъ. Оно не замедлило, какъ увидимъ, выразиться въ преступныхъ замыслахъ на жизнь молодого царя. Недовольные его мѣрами, люди ставили ему въ вину уваженіе, какое онъ оказывалъ чужимъ богамъ, и называли жертвы, принесенныя имъ въ Мемфисѣ и Вавилонѣ, отступничествомъ отъ чистаго эллинизма. За то въ персидскихъ преданіяхъ объ немъ сохранилось слѣдующее выраженіе: «онъ чтилъ боговъ всѣхъ народовъ, но самъ, казалось, поклонялся единому, высшему божеству». Въ самомъ дѣлѣ, душа его жадно стремилась къ религіозной истинѣ и упорно искала ея подъ загадочными символами, въ которые восточная фантазія облекаетъ самыя возвышенныя чаянія свои. Но могъ-ли образованный грекъ того времени оцѣнить такую потребность духа и не назвать ее суевѣріемъ или притворствомъ?

Краткость отмѣреннаго мнѣ времени не позволяетъ мнѣ, къ сожалѣнію, войти въ нѣкоторыя подробности о походахъ Александра въ сѣверовосточныхъ областяхъ Даріева государства. Нигдѣ не обнаружился въ такой степени предпріимчивый геній македонскаго завоевателя. Ему предстояла двоякая борьба съ воинственными жителями и съ негостепріимною природою тѣхъ странъ. Безъ предварительнаго знанія мѣстностей, безъ картъ,

безъ надежныхъ проводниковъ, покорилъ Александръ земли, составляющія нынѣшній Туркестанъ, и не остановился предъ ущельями индійскаго Кавказа. Но ему недостаточно было побѣдъ и внѣшней покорности со стороны завоеванныхъ съ такими трудами народовъ. Онъ заставилъ ихъ дѣйствительно примкнуть къ своему новому государству и связалъ ихъ съ нимъ цѣпью названныхъ большею частью по-его имени колоній. На сѣверномъ берегу Яксарта возникла новая Александрія. Нѣсколько городовъ выстроилъ онъ въ другихъ, съ глубокимъ пониманіемъ географическихъ условій, выбранныхъ мѣстахъ и поселилъ тамъ македонскихъ и греческихъ ветерановъ, которымъ даны были обширныя земли и большія льготы. Эти заброшенныя на далекій Востокъ колоніи служили передовыми постами греческой цивилизаціи и проводили далѣе тѣ идеи, которыхъ главнымъ сосудомъ былъ самъ Александръ.

Но въ то самое время, когда онъ совершалъ вычисленныя нами вкратцѣ дѣла, на него со всѣхъ сторонъ сыпались обвиненія въ измѣнѣ обычаямъ родины, въ жестокости и изнѣженности. Отвѣтомъ на послѣдній упрекъ могутъ служить его походы, въ которыхъ онъ несъ всѣ труды и опасности наравнѣ съ простыми воинами. Но мы не вправѣ пройти молчаніемъ слуховъ, распространившихся тогда о жестокости македонскаго царя. Александръ принадлежитъ къ числу тѣхъ личностей, которыхъ всѣ качества и недостатки по вліянію своему подлежатъ суду исторіи. Въ доказательство его жестокости обыкновенно приводятъ три случая, которые всѣ относятся къ эпохѣ окончательнаго покоренія послѣднихъ персидскихъ областей, именно: смерть Филота и Парменіона, убійство Клита и участь философа Калисѳена. Я постараюсь въ немногихъ словахъ объяснить участіе Александра въ этихъ событіяхъ, доселѣ лежащихъ темными пятнами на его славѣ.

Парменіонъ оказалъ важныя услуги Македоніи еще при Филиппѣ. Въ войскѣ, покорившемъ Персію, онъ безспорно занималъ первое послѣ царя мѣсто. Сынъ его, Филотъ былъ ровесникъ Александру и товарищъ его дѣтства. Оба они, отецъ и сынъ, принадлежали къ числу генераловъ, недовольныхъ участіемъ, которое персы получили въ управленіи государствомъ, и не скрывали своихъ мнѣній. Гордясь высокимъ положеніемъ и прежними заслугами, они стали во главѣ оппозиціи и не только поддерживали ропотъ въ войскѣ, но приняли личное участіе въ составленномъ противъ царя заговорѣ. Вина ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Филотъ былъ казненъ по приговору наряженнаго надъ нимъ суда. Парменіонъ былъ убитъ посланными къ нему гонцами, потому что огромныя средства, которыя были

въ рукахъ стараго полководца, дѣлали невозможнымъ открытое исполненіе состоявшагося также и надъ нимъ приговора.

Смерть Клита показываетъ въ самомъ ясномъ видѣ трудныя отношенія Александра къ его генераламъ. Мы уже замѣтили выше, что они были большею частію воспитаны въ школѣ Филиппа и лѣтами старѣе Даріева побѣдителя, на котораго они смотрѣли какъ на неблагодарнаго ученика своего. Они ставили ему въ укоръ всякое отступленіе отъ умной, но неприложимой къ огромнымъ размѣрамъ новаго государства, политики его отца. Геніальные замыслы Александра казались имъ несбыточными грезами самолюбиваго юноши. Намъ уже извѣстно ихъ мнѣніе объ его обращеніи съ побѣжденными народами. Къ числу такихъ ограниченныхъ, грубыхъ, но храбрыхъ и въ сущности преданныхъ царю начальниковъ македонской арміи принадлежалъ Клитъ. Особенныя заслуги дали ему право громче, чѣмъ другіе, обнаруживать свое мнѣніе. Однажды на пиру, гдѣ, по македонскому обычаю, безпрестанно ходили кругомъ кубки съ виномъ, Клитъ разгорячился до того, что вышелъ изъ предѣловъ приличія. Онъ осыпалъ бывшаго тутъ-же Александра насмѣшками, упрекалъ его въ неблагодарности къ вѣрнымъ слугамъ и въ пристрастіи къ льстивымъ царедворцамъ, доказывая ему притомъ, что онъ несравненно ниже отца своего, Филиппа. Терпѣніе Александра истощилось, онъ вскочилъ и потребовалъ оружія. Друзья вывели вонъ пьянаго Клита. Но онъ успѣлъ уйти отъ нихъ, возвратился назадъ и пропѣлъ Александру сложенную на него въ Греціи оскорбительную пѣсню. Тогда царь вырвалъ у стоявшаго на часахъ воина копье и бросилъ имъ въ Клита. Вслѣдъ за поступкомъ наступило горькое раскаяніе. Александръ, впродолженіе трехъ дней и трехъ ночей, не отходилъ отъ трупа, плакалъ и не хотѣлъ принимать пищи. Его едва удержали отъ самоубійства. Ни въ какомъ случаѣ нельзя найти холодной и обдуманной жестокости. Это было не что иное, какъ взрывъ страстной и нетерпѣливой природы.

Печальная участь Калисѳена также не можетъ служить поводомъ къ обвиненію на Александра. Этотъ философъ, родственникъ Аристотеля, по просьбѣ котораго Александръ взялъ его съ собою въ персидскій походъ, былъ представителемъ худшихъ направленій тогдашней греческой науки. Онъ былъ риторъ и софистъ, замѣнявшій отсутствіе нравственныхъ убѣжденій и недостатокъ основательнаго знанія звонкими фразами о добродѣтели и діалектическою ловкостію. При дворѣ Александра онъ сначала отличался наглымъ ласкательствомъ, которое наконецъ надоѣло царю. Обиженный философъ присталъ тогда къ партіи недовольныхъ и своими рѣчами сильно дѣйствовалъ на юношей

знатныхъ македонскихъ фамилій, которые служили въ цар-
гвардіи. Нѣкоторые изъ нихъ составляли заговоръ съ цѣлью
Александра. Преступный умыселъ былъ открытъ, и нрав-
ное участіе Калисѳена обличено, хотя и не было доказано,
онъ лично принадлежалъ къ числу заговорщиковъ. Калис-
по самымъ достовѣрнымъ изъ дошедшихъ до насъ свѣ-
, умеръ въ заключеніи, во время индійскаго похода. Алек-
ъ повидимому, хотѣлъ предать его суду по возвращеніи въ
ту, въ присутствіи Аристотеля, который впрочемъ едва-ли
здывалъ тщеславнаго и ничтожнаго родственника своего,
браженнаго впослѣдствіи въ мученика истины. Я счелъ
ымъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе Александра
въ его порицателей, хотя съ другой стороны нельзя не
тить, что на той почти недосягаемой высотѣ могущества
вы, на какой онъ стоялъ, ему трудно было сохранить
нюю чистоту права и не отвѣчать строгими мѣрами тупой
смысленной оппозиціи, которая противилась его лучшимъ
наніямъ и клеветала на самыя благородныя его намѣренія.
-ли онъ, напримѣръ, не уронивъ своего достоинства предъ
ми подданными, избавить македонцевъ отъ соблюденія тѣхъ
орныхъ обрядовъ, которые долженъ былъ ввести, дабы не
ниже прежнихъ персидскихъ царей во мнѣніи подвласт-
ему и дорожившихъ внѣшними знаками величія народовъ
ка? А между тѣмъ это нововведеніе сдѣлалось предме-
самыхъ ѣдкихъ насмѣшекъ и желчныхъ нареканій, какъ
йскѣ его, такъ и въ цѣлой Греціи. Понятно, что страсти
олжны иногда были брать верхъ надъ природнымъ велико-
мъ и надъ презрѣніемъ, какое внушало ему слабоуміе про-
ковъ. Но, чтобы оцѣнить вполнѣ его превосходство надъ
кавшимъ его міромъ, стоитъ только вспомнить о совѣтахъ,
давалъ ему соперникъ Калисѳена, софистъ Анаксархъ.
слѣднимъ великимъ предпріятіемъ Александра былъ его
ъ въ Индію. Съ неслыханными трудами и опасностями про-
онъ свои войска чрезъ горы Паропамизуса и чрезъ Пенд-
, страну, которой жители искони славились воинственнымъ
стеромъ, въ наше время стоившимъ столько крови и уси-
гличанамъ. Онъ поставилъ надъ этими племенами своихъ
стниковъ и основалъ нѣсколько городовъ съ греческимъ
еніемъ. Македонцы совершили все, что можно было сдѣ-
въ предѣлахъ силъ человѣческихъ. У нихъ не осталось ни
; лошадей, ни одежды, даже мечи ихъ притупились отъ
евныхъ сѣчъ. Одинъ Александръ не раздѣлялъ общей уста-
и унынія, всѣми овладѣвшаго. Предъ нимъ открывалась уже
олѣпная долина Гангеса, представляющая легкую добычу завое-

вателю. Но войска Александра пришли въ отчаяніе, они не могли поспѣть за смѣлою мыслію вождя и отказались идти далѣе, тѣмъ болѣе, что между ними ходили ложные слухи о новыхъ опасностяхъ и битвахъ, которыя ихъ ожидали у самой цѣли похода. На берегу Гифазиса объявили они свое рѣшеніе царю, котораго всѣ усилія склонить ихъ къ привычной покорности были тщетны. Съ горькимъ чувствомъ уступилъ онъ ихъ волѣ, поставилъ двѣнадцать колоссальныхъ жертвенниковъ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ остановить побѣдное шествіе свое и возвратился назадъ. Обратный путь его лежалъ чрезъ другія, дотолѣ почти неизвѣстныя путешественникамъ страны. Часть его арміи пошла чрезъ нынѣшніе Кандагаръ и Систанъ, другая отправилась на судахъ, нарочно для этого выстроенныхъ и ввѣренныхъ ученому Неарху, который получилъ приказаніе спуститься внизъ по Инду до его устьевъ и потомъ продолжать плаваніе до Эвфрата. Цѣль экспедиціи заключалась въ изслѣдованіи и описаніи береговъ. Самъ Александръ во главѣ третьяго отряда избралъ путь чрезъ страшныя пустыни Белуджистана. Шестьдесятъ дней продолжался этотъ переходъ, и двѣ трети Александровыхъ спутниковъ погибли въ пескахъ непроходимой пустыни. Трудно понять, какъ могли спастись остальные.

А между тѣмъ вѣсть о смерти Александра разнеслась повсюду. Оставленные имъ въ завоеванныхъ областяхъ правители не думали объ его возвратѣ и позволяли себѣ злоупотребленія всякаго рода. Македонцы и греки грабили и притѣсняли туземцевъ; персидскіе сановники замышляли свергнуть съ себя владычество иноплеменниковъ. Въ доказательство тогдашняго безпорядка я приведу поступокъ хранителя царской казны, Гарпала. Расточивъ на оргіи, въ которыхъ соединялась греческая изобрѣтательность съ восточнымъ великолѣпіемъ, баснословныя суммы ввѣренныхъ ему денегъ и услышавъ о приближеніи царя, онъ бѣжалъ въ Аѳины, увозя съ собою около десяти милліоновъ рублей на наши деньги, которые, принявъ въ основаніе тогдашнюю цѣнность благородныхъ металловъ, соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ 50 милліонамъ. Прикрытіемъ Гарпалу служили шесть тысячъ нанятыхъ имъ грековъ. Возвратъ Александра былъ ознаменованъ не одними наказаніями виновныхъ сановниковъ, но болѣе крѣпкой организаціею новаго государства. Сѣмена, прежде брошенныя завоевателемъ, начали приносить плодъ. 30,000 молодыхъ персовъ, обученныхъ по его приказанію греческому языку и военному порядку, вступили подъ оружіе и образовали свѣжее, безгранично ему преданное войско. Изъ утомленныхъ совершенными походами македонцевъ, нѣкоторые возвратились на родину, другіе вступили, по желанію царя, въ супружество съ до-

черями богатыхъ персовъ и положили начало сліянію обѣихъ національностей. Народы, по словамъ древняго писателя, забыли прежнія вражды и жадными устами прильнули къ поданному имъ кубку любви. Приготовленія къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ шли своимъ чередомъ. На Эвфратѣ снаряжался огромный флотъ, котораго назначеніе было покорить Аравійскій полуостровъ, на южномъ берегу котораго Александръ уже собирался строить городъ. Другая экспедиція должна была обогнуть Африку и воротиться назадъ съ запада, чрезъ Иракловы столбы, тѣмъ-же путемъ, какимъ нѣкогда ходили отважные финикіяне по порученію египетскаго Нехао. На Каспіи строились суда, которымъ назначено было изслѣдовать сѣверные берега этого почти невѣдомаго грекамъ моря. Ученая любознательность соединялась въ этихъ случаяхъ съ торговыми разсчетами и планами новыхъ завоеваній. Александръ лично намѣренъ былъ вести сухопутное войско вдоль сѣвернаго берега Африки, на покореніе Карѳагена и народовъ юго-западной Европы. Со всѣхъ сторонъ приходили къ нему посольства, свидѣтельствовавшія о славѣ его, дошедшей до самыхъ далекихъ, равнодушныхъ къ событіямъ греческой исторіи племенъ. Карѳагенецъ, скиѳъ, кельтъ и представители разныхъ народовъ Италіи сошлись въ Вавилонѣ какъ-бы для того, чтобы напередъ взглянуть на будущаго властителя. Никогда еще не было такого живаго, дѣятельнаго сообщенія между разсѣянными по землѣ членами человѣческой семьи. Но дни Александра уже шли къ концу. Онъ проводилъ въ могилу лучшаго изъ друзей своихъ, Эфестіона, одного изъ немногихъ, которые вполнѣ его понимали. Глубокая скорбь этой утраты соединилась съ тяжелыми трудами и вѣроятно была причиною болѣзни, отъ которой умеръ Александръ. Ему еще не было 33 лѣтъ отъ рожденія. Онъ зналъ, какая участь готовится его государству и предсказалъ себѣ кровавую тризну.

Пробѣгая мыслію вѣка, лежащіе за нами, мы не найдемъ лица, котораго историческая дѣятельность по объему и вліянію могла-бы сравниться съ Александровой. Онъ стоитъ посредникомъ и примирителемъ между Западомъ и Востокомъ. Онъ открылъ цѣлымъ народамъ пути, по которымъ до него ходили только немногіе смѣлые путешественники. Въ этомъ отношеніи у него нѣтъ другого соперника, кромѣ Колумба. Греки знали хорошо западныя части Азіи: о сѣверо-восточныхъ областяхъ Персидскаго государства, о краяхъ пограничныхъ Индіи у нихъ были въ ходу самыя нелѣпыя басни. Александръ внесъ эти огромныя пространства въ область положительной географіи и открылъ испытующему уму Запада новую природу, несходную съ его развитіемъ, исторіею, и цѣлый міръ самобытныхъ рели-

гіозныхъ идей и нравственныхъ представленій. Торговля и на
овладѣли землями, дотолѣ лежавшими внѣ общенія челов
скаго. Въ свою очередь Востокъ глубоко принялъ въ себя в
ніе Дарієва побѣдителя. Окаменѣлыя формы его жизни при
въ движеніе; лежавшія праздно въ глубинѣ народнаго сознан
неясныя самимъ себѣ идеи, составлявшія отстой прежняго, о
новившагося развитія, поднялись наружу отъ прикосновенія е
пейской мысли и сообщили этой мысли небывалое богатств
полноту. Безъ Александріи не было-бы настоящей образо
ности.

Всматриваясь пристальнѣе въ лицо Александра, нельзя
замѣтить, что природа соединила въ немъ самыя против
ложныя между собою свойства: математическую точность у
пламенное воображеніе поэта; крѣпкую волю мужа съ юн
ской мягкостію и впечатлительностію. Наканунѣ битвы
хладнокровно вычислялъ всѣ условія кровавой игры, но въ
шительный часъ онъ становился горячимъ бойцомъ и кид
въ сѣчу, какъ любимцы его, гомерическіе герои. Мистиче
вѣрованія Азіи и строгая наука Европы находили въ немъ
ное сочувствіе. Здѣсь не мѣсто вычислять все сдѣланное
для успѣховъ нашего знанія. Достаточно будетъ напомнить
объ его постоянной связи съ Аристотелемъ, которому онъ
сылалъ всякаго рода пособія для его изслѣдованій. Въ са
трудную пору его жизни, во время индійскаго похода, м
его не была исключительно занята предстоявшими опасност
Онъ писалъ въ Вавилонъ, чтобы ему выслали оттуда книг
чтенія, въ особенности трагиковъ и философовъ.

Востокъ не забылъ о немъ до сихъ поръ. Почти на в
языкахъ Азіи сохранились сказанія объ Александрѣ. Объ
поютъ древнія пѣсни арабовъ и разсказываютъ преданія ев
скаго народа. Персы внесли его въ число героевъ своего на
наго эпоса. Персидскій поэтъ говоритъ, что Искандеръ был
домъ персъ и только случайно родился на европейской по
Востокъ не хочетъ уступить намъ своего завоевателя. Ст
ствуя по пустынямъ средней Азіи, европейскій путешествен
безпрестанно слышитъ странные намеки на Искандера. Въ
кестанѣ его считаютъ строителемъ великихъ городовъ и зд
которыхъ развалины свидѣтельствуютъ о прежнемъ богат
края. Даже въ унылой пѣснѣ кочевого монгола слышится и
отголосокъ зашедшихъ въ эти степи разсказовъ о вели
Искандерѣ. Западъ не отсталъ отъ Востока. Въ памятни
средневѣковой литературы историческія свидѣтельства о м
донскомъ завоевателѣ соединены съ баснословными примѣс
по которымъ видно, что эти преданія прошли черезъ уста

а. Ему приписывается между прочимъ покореніе Британіи. ар:кая эпопея овладѣла въ свою очередь предметомъ столь ітымъ и можно сказать сродственнымъ ей по содержанію. многостороннемъ характерѣ Александра есть дѣйствительно ы чистаго, чуждаго античному міру рыцарства. Я напомню ь только объ обращеніи его съ плѣннымъ семействомъ Да-Древній человѣкъ не уступалъ новому въ великодушіи, но ительное обращеніе съ женщинами не входило въ его нравы. ѣхъ племенъ латино-германской Европы есть романы объ ксандрѣ Великомъ, составляющіе особый циклъ въ эпической іи Среднихъ вѣковъ. Но подобно тѣмъ македонскимъ друамъ, которыя остановились отъ изнеможенія на берегахъ азиса и не пошли далѣе къ неизвѣстной имъ, одному лишь ію вѣдомой цѣли, фантазія поэтовъ не можетъ слѣдить за твительными подвигами героя и ищетъ имъ объясненія внѣ ѣловъ, которыми ограничены человѣческіе замыслы. Персы рятъ, что Александръ завоевалъ міръ, отыскивая таинствен- страну, въ которой бьетъ живымъ ключемъ вода безсмертія. нѣмецкой поэмѣ Лампрехта (XIII ст.), поэтъ христіанинъ уетъ съ другой точки зрѣнія внутреннюю тревогу, которая жалась въ непрерывной и страстной дѣятельности Александра. Владычество надъ міромъ не было достаточною цѣлью его подвиговъ. Онъ хотѣлъ дойти до рая и внимать земь слухомъ пѣнію ангеловъ.

Позвольте мнѣ кончить эту, затянувшуюся можетъ-быть комъ долго, бесѣду. Я представилъ вамъ только блѣдный къ Александровой дѣятельности. При всемъ томъ меня моь быть обвинятъ въ пристрастіи. Я самъ готовъ въ немъ наться, но прибавлю, что историку, внимательно изучаюу памятники, которые содержатъ въ себѣ подробности о ни и дѣлахъ македонскаго завоевателя, трудно устоять про- собственнаго увлеченія, трудно не поддаться обаянію этого гительнаго даже за гробомъ лица. Судьба была къ нему осклоннѣе, чѣмъ къ кому-либо изъ другихъ своихъ любим: она дала ему совершить всемірно-историческій подвигъ и свела его съ поприща, какъ будто для того, чтобы въ паі народовъ сохранился, во всей юношеской прелести своей, поэтическій образъ.

III.

Лудовикъ IX.

Мы привыкли разумѣть подъ именемъ Среднихъ вѣковъ тысячелѣтіе, отдѣляющее паденіе Западной Римской имперіи отъ открытія Новаго Свѣта и начала Реформаціи. Но идеи и формы, составляющіе характеристическую особенность Средняго вѣка, принадлежатъ не всѣмъ отдѣламъ этого обширнаго періода. Феодализмъ, рыцарство, общины, борьба папской и императорской власти, готическіе соборы, поэзія трубадуровъ и миннезингеровъ, однимъ словомъ, главныя явленія, въ которыхъ вполнѣ сказалось внутреннее содержаніе средневѣковой исторіи, составляющія какъ-бы цвѣтъ и плодъ ея, развились большею частію не ранѣе XI и отцвѣли къ концу XIII столѣтія. Пять предшествующихъ вѣковъ можно назвать періодомъ образованія, приготовленія отличительныхъ формъ средневѣковой жизни; два послѣдніе вѣка, XIV и XV, представляютъ намъ эпоху разложенія; они служили переходомъ къ новой исторіи.

Нетрудно будетъ угадать общій характеръ того общества, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, взглянувъ на него съ его наружной стороны. Перенеситесь мыслію въ любое изъ государствъ тогдашней Европы бросьте на него хоть бѣглый взглядъ, и вы тотчасъ поймете, что война составляетъ главное занятіе, почти исключительную заботу всего населенія. Начнемъ съ городовъ, этихъ средоточій дѣятельной жизни и промышленности для народовъ древняго и новаго міра. Средневѣковой городъ обнесенъ зубчатою стѣною и окруженъ рвомъ. На колокольнѣ или башнѣ стоитъ недремлющій сторожъ, озирающій безпокойными глазами окрестность. Отдѣльные дома похожи на крѣпости. Чрезъ улицы, на ночь, протягиваются цѣпи. Это обиліе предосторожностей обличаетъ вѣчную опасность, постоянную возможность нападенія. Врагъ грозитъ отвсюду. Когда его нѣтъ внѣ города, купившаго деньгами или кровью минутный покой у сосѣднихъ бароновъ, тогда онъ подымается внутри стѣнъ: цехи воюютъ съ патриціями, одна часть общины идетъ на другую. Переходя отъ

родского къ сельскому населенію, мы встрѣтимъ тѣже
я. Почти каждый холмъ, каждая крутая возвышенность
на крѣпкимъ замкомъ, при постройкѣ котораго, оче
удобство жизни, не то, что мы теперь называемъ
мъ, а безопасность была главной цѣлію. Воинственный
ръ общества рѣзко отразился на этихъ зданіяхъ, которы
ѣ съ желѣзнымъ доспѣхомъ, составляли необходимое
ѳодальнаго существованія. Къ высокимъ башнямъ
мка робко жмутся бѣдныя, ждущія отъ него защиты и
льства, хижины вилановъ. Даже обители мира, монастыри,
егда представляли надежное убѣжище своимъ
бно городу и замку, монастырь былъ часто окруженъ
ніями, свидѣтельствовавшими, что святое назначеніе
достаточно защищало его противъ хищности окрестныхъ
льцевъ или наемныхъ дружинъ, которыя въ мирное
бращались въ разбойничьи шайки. Внутреннее содержаніе
вѣтствовало наружному виду. Въ средневѣковой Европѣ
ло народовъ въ настоящемъ смыслѣ слова, а были
ежду собою сословія, которыхъ начало восходитъ къ
паденія Западной Римской имперіи и занятія ея
рманскими племенами. Изъ пришельцевъ образовались
ключительно высшіе, изъ покореннаго или туземнаго
я—низшіе классы новыхъ государствъ. Насильственное
аніе этихъ государствъ провело рѣзкую черту между
ставными частями. Граждане французской общины
ъ сердцу дѣла нѣмецкихъ или италіанскихъ городовъ,
ихъ не было почти никакихъ общихъ интересовъ съ
ою аристократіею собственнаго края. Въ свою очередь
ѣдко унижалъ себя сознаніемъ, что въ городѣ
ооте чественники. Онъ стоялъ неизмѣримо выше
и съ большимъ высокомѣріемъ смотрѣлъ на
езправнаго виллана. При такихъ особенностяхъ
аго сословія должно было развиться собственное
всѣ жизненныя отношенія и высказаться въ
кія эпопеи проникнуты этимъ исключительнымъ
ите любой романъ каролингскаго или прочихъ
видите, что въ немъ нѣтъ и не можетъ быть
другого сословія, кромѣ феодальнаго. Тоже самое
ать о рыцарской лирикѣ. Она поетъ не простую,
аждому человѣческому сердцу любовь, а условное
явшееся среди искусственнаго быта, понятное
а еще можетъ быть горожанамъ южной Франціи
о среди городского населенія процвѣтала своя,
ѳодализму литература. Здѣсь-то родилась сказка

въ которой язвительный и сухой умъ горожанина осмѣивалъ не одни только идеи и доблести, составлявшіе какъ-бы исключительную принадлежность рыцаря, но вообще всѣ идеалы, всѣ поэтическія стороны Средняго вѣка. Въ труверахъ можно узнать праотцевъ Рабле и Вольтера. — Была, повидимому, одна сфера, гдѣ усталый раздоромъ и войною умъ находилъ покой и примиреніе. Мы говоримъ о наукѣ, выросшей подъ сѣнью западныхъ монастырей и носящей названіе схоластики. Это имя, означающее собственно науку Среднихъ вѣковъ, не пользуется большимъ почетомъ въ наше время. Подъ нимъ привыкли разумѣть пустыя, лишенныя живого содержанія діалектическія формы. Не такова была схоластика въ эпоху своей юности, когда она выступила на поле умственныхъ битвъ столь-же смѣлая и воинственная, какъ то общество, среди котораго ей суждено было совершить свое развитіе. Заслуга и достоинство схоластики заключается именно въ ея молодой отвагѣ. Бѣдная положительнымъ знаніемъ, она была исполнена вѣры въ силы человѣческаго разума и думала, что истину можно взять съ бою, какъ феодальный замокъ, что для смѣлой мысли нѣтъ ничего невозможнаго. Не было вопроса, предъ которымъ она оробѣла-бы, не было задачи, предъ которой она сознала-бы свое безсиліе. Она, разумѣется, не рѣшила этихъ вопросовъ и задачъ, поставленныхъ роковою гранью нашей любознательности, но воспитала въ европейской наукѣ благородную пытливость и крѣпкую логику, составляющія ея отличительныя примѣты и главное условіе ея успѣховъ. Вотъ права схоластики на вѣчную признательность новыхъ поколѣній, хотя намъ нечему болѣе учиться въ огромныхъ фоліантахъ, которые содержатъ въ себѣ труды средневѣковыхъ мыслителей,

Изъ короткой характеристики, которую я имѣлъ честь вамъ представить, вы легко поймете, что раздраженная и взволнованная дѣйствительностью мысль не обрѣтала покоя и въ той области, гдѣ, по настоящему, должны разрѣшаться всѣ противорѣчія нашего существованія, въ ясномъ сознаніи ихъ примиряющаго закона. Въ наукѣ шла таже борьба, что и въ жизни. Въ концѣ XI столѣтія уже начался споръ между реалистами и номиналистами, отозвавшійся скоро въ богословіи и получившій впослѣдствіи великое значеніе. Въ XIII вѣкѣ, т. е. въ эпоху, о которой мнѣ предстоитъ сегодня бесѣдовать съ вами, этотъ споръ перешелъ на другую почву. Парижскій университетъ, отстаивая логическій элементъ въ средневѣковой наукѣ, велъ ожесточенную борьбу съ мистическими стремленіями францисканцевъ и доминиканцевъ. О направленіи тогдашняго мистицизма можно судить по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ изъ сочиненій генерала францисканскаго ордена, Іоанна Пармскаго. Онъ произ-

носитъ безусловный приговоръ надъ свѣтскимъ государствомъ, надъ семействомъ, надъ собственностью, надъ внѣшнею дѣятельностью, и призываетъ всѣхъ къ жизни исключительно созерцательной, дабы скорѣе свершились земныя судьбы человѣка. Папа долженъ былъ положить конецъ этимъ преніямъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что они находили сочувствіе внѣ школы, въ народныхъ массахъ, жадно принимавшихъ всякое новое ученіе, толкуя его сообразно своимъ понятіямъ. Въ началѣ XIII столѣтія подавлена была ересь альбигенская. Таже участь постигла нѣмецкихъ штединговъ и разнообразныя, но равно враждебныя западной церкви секты, возникшія во Фландріи и въ Италіи. Папство одолѣло, опираясь на свѣтскія власти; но побѣжденныя ереси продолжали существовать втайнѣ, не отказывались отъ своихъ надеждъ и ждали только удобнаго случая, дабы возстать съ свѣжею силою. Неужели этому хаотическому, но исполненному безконечной энергіи міру суждено было истощить свои силы въ безвыходныхъ борьбахъ и неразрѣшимыхъ вопросахъ? Отдѣльный человѣкъ и цѣлое общество равно нуждаются въ порядкѣ и законѣ; для нихъ равно невыносимо безначаліе въ области несвязанныхъ никакимъ единствомъ явленій. Такое единство пытались дать средневѣковому міру вожди его: императоръ и папа. Поставленные развитіемъ исторіи и глубокимъ сознаніемъ нравственныхъ потребностей своего времени во главѣ общественнаго мнѣнія западной Европы, намѣстники Св. Петра стремились къ одной цѣли съ преемниками Карла Великаго. Но каждая изъ этихъ властей требовала себѣ первенства и главной роли въ задуманномъ дѣлѣ. Къ прежнимъ раздорамъ присоединился новый, котораго причиною была неосуществимая потребность мира и порядка. Ни римскимъ папамъ, ни германскимъ императорамъ не суждено было удовлетворить этой потребности, высказавшейся также и въ крестовыхъ походахъ. Это движеніе носитъ двоякій характеръ: съ одной стороны, оно было вызвано преобладаніемъ религіознаго чувства; съ другой, современнымъ состояніемъ европейскаго общества. Всѣ тогдашнія сословія съ равнымъ жаромъ устремились въ страну, освященную земною жизнію Искупителя, и каждое несло съ собою свои надежды. Каждое изъ нихъ думало осуществить, на той священной почвѣ, свой политическій идеалъ. Горожане и вилланы уходили отъ феодальнаго гнета; барона манила возможность создать чистое феодальное государство, не стѣсняясь обломками историческихъ учрежденій, уцѣлѣвшихъ въ Европѣ; идеаломъ клерика, возложившаго на себя знаменіе крестоносцевъ, было теократическое государство, не удавшееся Григорію VII. Цѣли эти не были достигнуты. Горько обманутые въ своихъ надеждахъ народы Запада

перестали думать о завоеваніи Азіи и устремили свою дѣятельность въ другую сторону, на другіе предметы. Если-бы Европу XIII столѣтія могла привести къ единству одна геніальная личность, то задача была-бы скоро рѣшена. Въ такихъ личностяхъ не было недостатка. Вспомните о послѣднемъ императорѣ изъ дома Гогенштауфеновъ, о Фридрихѣ II. Эта странная, можно сказать—страдавшая избыткомъ силъ личность не нашла себѣ мѣста въ современной ей обстановкѣ. Ни по идеямъ, ни по взгляду на жизнь, Фридрихъ не принадлежалъ тому поколѣнію, среди котораго жилъ, и на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ протягивалъ руку людямъ новаго времени. Отсюда произошли всѣ его неудачи. Великій законодатель, мыслитель, воинъ, поэтъ, стоялъ внѣ своей эпохи, былъ въ ней представителемъ только идей отрицательныхъ, враждебныхъ средневѣковому порядку вещей. Современники ненавидѣли и любили его страстно, но всѣмъ безъ изъятія былъ онъ непонятенъ, всѣмъ равно внушалъ недовѣріе и страхъ. Я приведу здѣсь одинъ многознаменательный примѣръ. Послѣднее войско, которое Фридрихъ велъ въ 1250 г. противъ Рима, состояло большею частію изъ арабовъ и другихъ магометанскихъ наемниковъ. Надобно, однако, прибавить, что и римскіе первосвященники въ борьбѣ съ императорами не всегда употребляли средства, дозволенныя христіанскому пастырю.

Среди этихъ воинственныхъ и бурныхъ поколѣній суждено было дѣйствовать Лудовику IX. Сравнивая съ суровыми лицами другихъ дѣятелей того времени задумчивый и скорбный ликъ Лудовика, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ объ особенномъ характерѣ его дѣятельности. Въ чемъ заключалась тайна его вліянія и славы? Въ великихъ-ли дарованіяхъ? Нѣтъ. Многіе изъ современниковъ не только не уступали, но превосходили его дарованіями. Въ великихъ-ли успѣхахъ и счастіи? Нѣтъ. Дважды, при Мансурѣ и подъ Тунисомъ, похоронилъ французскій король цвѣтъ своего рыцарства. Въ новыхъ-ли идеяхъ, которыхъ онъ былъ представителемъ? Но онъ не внесъ никакихъ новыхъ идей въ государственную жизнь Франціи, а напротивъ, употребилъ всѣ свои силы на поддержаніе и укрѣпленіе существовавшихъ до него учрежденій. Значеніе его было другого рода. Позвольте мнѣ разсказать вамъ одно, исполненное дивной красоты, средневѣковое сказаніе. Это сказаніе о святой чашѣ (Graal). У Іосифа Аримаѳейскаго была драгоцѣнная, выдолбленная имъ изъ цѣльнаго камня чаша: изъ нея, говоритъ сказаніе, вкушалъ Спаситель послѣднюю земную пищу свою за тайною вечерею; въ нее-же пролилась божественная кровь со креста. Около этой таинственной чаши совершается непрерывающееся чудо. Человѣкъ, смотрящій на нее, не старѣется, не знаетъ земныхъ не-

мощей и не умираетъ, хотя-бы сладостное созерцаніе продолжалось двѣсти лѣтъ, говоритъ легенда. Но доступъ къ чашѣ труденъ: онъ возможенъ только высочайшему цѣломудрію, благочестію, смиренію и мужеству, однимъ словомъ, высшимъ доблестямъ, изъ которыхъ сложился нравственный идеалъ Средняго вѣка. Таковы должны быть блюстители «Граля». Молитва и война составляютъ ихъ призваніе и подвигъ въ жизни, но война священная, за вѣру, а не изъ суетныхъ житейскихъ цѣлей. Въ стремленіи приблизиться къ такому идеалу, западная церковь облагородила феодализмъ до рыцарства и соединила послѣднее съ монашествомъ въ извѣстныхъ орденахъ тампліеровъ, странноприимцевъ и другихъ, возникшихъ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Но всякій орденъ есть общество, слѣдовательно нѣчто безличное, отвлеченное, и потому нравственная мысль Среднихъ вѣковъ не могла быть вполнѣ удовлетворена военно-духовными братствами, въ которыхъ отдѣльная личность постоянно стояла ниже возлагаемыхъ на нее требованій и какъ-бы оправдывала собственную немощь заслугами цѣлаго ордена. Съ другой стороны, намъ извѣстно, какъ рано измѣнили эти ордена своему первоначальному назначенію и поддались искушеніямъ политическаго могущества и свѣтскихъ наслажденій. Примѣромъ могутъ служить тампліеры. Идеалу средневѣковой доблести суждено было воплотиться въ лицѣ Лудовика IX.

Лудовикъ былъ воспитанъ умною и строгою матерью своею, Бланкою Кастильскою. Всѣ четыре сына ея получили одно воспитаніе; но природныя наклонности взяли верхъ, и юноши вступили въ жизнь съ разными характерами. У нихъ была впрочемъ одна общая черта, состоявшая въ глубокомъ благочестіи. Но у Карла Анжуйскаго даже это высокое свойство обнаруживалось въ какой то жестокой и мрачной формѣ. Современники почти единогласно говорятъ объ его задумчивомъ и суровомъ нравѣ. По словамъ Дж. Виллани, онъ почти не спалъ, мало ѣлъ и никогда не улыбался. Между памятниками, изображающими время и личность Лудовика IX, особенно замѣчательны два, изъ которыхъ я заимствовалъ большую часть подробностей предлагаемой вамъ характеристики. Я говорю здѣсь о «Запискахъ Жуанвиля» и «Жизни Св. Лудовика», написанной духовникомъ королевы Маргариты. Главная прелесть и оригинальность Жуанвилевыхъ разсказовъ заключается въ рѣзко выдающейся противоположности между повѣствователемъ и его героемъ. Жуанвиль былъ храбрый рыцарь и, по тогдашнему времени, довольно начитанный человѣкъ, съ простымъ и даже нѣсколько прозаическимъ взглядомъ на жизнь. Тѣмъ поразительнѣе для внимательнаго читателя тотъ поэтическій отпечатокъ, которымъ, вѣроятно

безъ воли и вѣдома автора; отличается его сочиненіе. Жуанвиль простодушно разсказываетъ все видѣнное имъ въ бытность его при Лудовикѣ; но поэзія предмета согрѣла его фразу, сообщила ей красоту и порою возвышенность, какихъ не было въ природѣ самого повѣствователя Я думаю, что отношенія короля къ сенешалю Шампаніи нельзя лучше объяснить, какъ слѣдующимъ анекдотомъ. Однажды Лудовикъ, поучая бесѣдою вѣрнаго служителя, спросилъ у него: что-бы ты предпочелъ, смертный грѣхъ или проказу? Лучше тридцать грѣховъ, чѣмъ проказу, поспѣшно отвѣчалъ рыцарь, къ. крайней печали благочестиваго государя. Жуанвиля нельзя, однако, упрекнуть въ недостаткѣ религіознаго чувства, но онъ былъ не въ состояніи подняться до той высоты, на какой стоялъ причисленный западной церковью къ лику святыхъ король французскій. Читая дошедшія до насъ біографіи послѣдняго, нельзя не спросить себя, гдѣ находилъ онъ время для управленія государствомъ? Ежедневно посѣщалъ онъ всѣ божественныя службы, проводилъ значительную часть дня въ одинокой и горячей молитвѣ, немилосердно бичевалъ себя, читалъ творенія Святыхъ Отцевъ, охотно бесѣдовалъ съ учеными богословами и вообще съ людьми, посвятившими себя наукѣ. Онъ повѣрялъ имъ свои сомнѣнія и требовалъ отъ нихъ разрѣшенія вопросовъ, смущавшихъ его душу. Но не въ однѣхъ молитвахъ и благочестивыхъ бесѣдахъ высказывалось глубокорелигіозное настроеніе этой души. Нужно-ли говорить объ его щедрости къ бѣднымъ, объ его частыхъ посѣщеніяхъ больницъ, о выстроенныхъ имъ храмахъ? Не безъ ужаса разсказываютъ современники о бѣдствіяхъ, поразившихъ крестоносцевъ въ Египтѣ. Испорченные, отвратительные видомъ и запахомъ трупы умершихъ отъ язвы воиновъ остались-бы непогребенными на чужой землѣ, ибо испуганное духовенство отказывало имъ въ послѣднемъ христіанскомъ обрядѣ. Король собственнымъ примѣромъ пристыдилъ малодушныхъ и заставилъ ихъ исполнять тяжкій долгъ, присутствуя лично при каждомъ отпѣваніи. Тѣла умершихъ братій не внушали ему омерзенія. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, какъ сильно свирѣпствовала въ Средніе вѣка страшная болѣзнь, которую называютъ проказою. Люди, пораженные этимъ недугомъ, навсегда отлучались отъ общества; церковь разрывала, посредствомъ особеннаго обряда, ихъ связи съ остальнымъ міромъ; жилища, гдѣ ихъ обыкновенно содержали, были предметомъ общаго страха. Но Лудовикъ не раздѣлялъ и въ этомъ случаѣ общаго чувства: онъ ходилъ за прокаженными и собственными руками омывалъ ихъ язвы. Я могъ-бы привести нѣсколько примѣровъ такого рода, но боюсь, что вамъ трудно будетъ выслушать безъ [illegible]нія простое описаніе этихъ дѣлъ

царственнаго подвижника. За то западные народы предупредили римскаго первосвященника и еще при жизни Людовика назвали его святымъ. Слава его не ограничилась впрочемъ западною Европою; она проникла на Востокъ: послы изъ Арменіи приходили въ лагерь крестоносцевъ и просили о дозволеніи видѣть святаго короля.

Посмотримъ на Лудовика IX съ другой стороны. Мы увидимъ, что вся жизнь его, во всѣхъ ея направленіяхъ, проникнута однимъ глубокимъ и горячимъ чувствомъ христіанской правды. Поставленный среди воинственныхъ поколѣній, для которыхъ высшею цѣлію дѣятельности была военная слава, Лудовикъ не любилъ войны. Онъ не отличался той блестящею, безъ нужды вызывавшею опасности отвагою, которая составляла одну изъ принадлежностей рыцарства; его мужество было спокойное и холодное. Оно вытекало изъ обдуманнаго убѣжденія и не было слѣдствіемъ страсти. Первыя войны свои онъ велъ съ англичанами и мятежными вассалами. Лудовикъ одолѣлъ и тѣхъ и другихъ, возстановилъ нарушенныя права свои, но довольствовался непосредственнымъ результатомъ побѣды и не подумалъ о распространеніи власти или владѣній. Еще менѣе могла соблазнить его возможность отмстить врагамъ. Съ раннихъ лѣтъ мысль его была занята войнами въ Палестинѣ, гдѣ христіанскому рыцарю открывалось поприще, вполнѣ достойное его подвиговъ. Я не буду повторять всѣмъ извѣстныхъ подробностей объ его крестовыхъ походахъ, но есть черты, которыхъ нельзя пропустить, потому что онѣ проливаютъ яркій свѣтъ на характеръ великаго короля. Въ то время, когда бѣдствія крестоносцевъ въ Египтѣ достигли до высочайшей степени, и не было болѣе спасенія войску, запертому между Ниломъ и мамелюками, Лудовикъ отказался отъ предложеннаго ему средства возвратиться одному въ крѣпкую Даміету, гдѣ его ожидала совершенная безопасность. Въ плѣну у мамелюковъ, среди ужасовъ и страданій всякаго рода, онъ одинъ изъ всѣхъ французскихъ рыцарей сохранилъ полное спокойствіе и ясность духа. Вскорѣ послѣ пораженія крестоносцевъ, мамелюки возстали на своего султана, убили его и съ дикими воплями бросились къ своимъ плѣнникамъ. Одинъ изъ убійцъ показалъ Лудовику вырванное у султана сердце и спросилъ: что дашь ты мнѣ за сердце врага твоего? Король молча отвернулся. Прочіе христіане думали, что насталъ ихъ послѣдній часъ, и готовились къ смерти. Жуанвиль откровенно признается, что не могъ принести должнаго покаянія, потому что не могъ отъ страха припомнить ни одного грѣха. «По той-же причинѣ не помню я ничего изъ сказаннаго мнѣ тогда конетаблемъ кипрскимъ», прибавляетъ

простодушный біографъ Лудовика IX. Есть сказаніе, достовѣрность котораго подлежитъ сомнѣнію, но любопытное, какъ выраженіе народной мысли. Въ Европѣ разнесся слухъ, что мамелюки, убивъ своего султана, предложили его мѣсто Лудовику IX. На возвратномъ пути съ Востока, галера, на которой плылъ французскій король, потерпѣла значительныя поврежденія и подверглась большой опасности. На помощь ей подоспѣла другая галера. Король прежде всего спросилъ, есть ли на новомъ суднѣ мѣсто и для другихъ бывшихъ съ нимъ пассажировъ? Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ остался на поврежденной галерѣ Я знаю, сказалъ онъ, что, спасши меня и семейство мое, вы не будете заботиться объ остальныхъ моихъ спутникахъ. Понятно, почему народъ заживо называлъ его святымъ. Послѣднее военное предпріятіе его было направлено противъ Туниса Лудовикъ былъ боленъ и такъ слабъ еще до начала похода, что едва могъ держаться на конѣ. Жуанвиль часто долженъ былъ носить его на рукахъ. Но несчастія, испытанныя въ Египтѣ, произвели повидимому неизгладимое впечатлѣніе на храбраго сенешаля: онъ не принималъ участія въ африканскомъ походѣ и не былъ свидѣтелемъ кончины Лудовика, умершаго подъ стѣнами Туниса. Сказаннаго мною будетъ, полагаю я, достаточно для опредѣленія характера, какой носила военная дѣятельность Лудовика IX. Онъ былъ рыцарь, въ самомъ возвышенномъ, идеальномъ значеніи этого слова, и полагалъ конечною цѣлію войны торжество истинной вѣры и возстановленіе нарушеннаго права.

Политическая дѣятельность Лудовика IX не разъ подвергалась не только нареканію, но и насмѣшкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта дѣятельность не можетъ не показаться странною, если мы будемъ разбирать ее съ точки зрѣнія обыкновеннаго житейскаго благоразумія, опредѣляющаго достоинство поступковъ ихъ непосредственнымъ успѣхомъ или неудачею. Внукъ Филиппа-Августа началъ съ того, что усомнился въ законности своихъ правъ и подвергъ ихъ строгому испытанію. Предшественники его не могли быть очень разборчивы въ выборѣ средствъ, и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ къ утвержденію своей власти. Лудовикъ предложилъ себѣ вопросъ, на какомъ основаніи Капетинги владѣли землями, перешедшими къ нимъ отъ другихъ владѣльцевъ? Болѣе всего тревожило его сомнѣніе относительно областей, отнятыхъ его дѣдомъ у Іоанна Безземельнаго. Онъ положилъ конецъ этой внутренней тревогѣ договоромъ 1258 г., по которому добровольно возвратилъ сыну Іоаннову, Генриху III, четыре богатыя провинціи. На возраженія своихъ совѣтниковъ Лудовикъ отвѣчалъ, что онъ отказывается отъ этихъ провинцій,

потому, что онѣ незаконно ему достались, и для того, чтобы Генрихъ былъ ему настоящимъ ленникомъ. Чтобы понять глубокій смыслъ этого отвѣта, надобно составить себѣ ясное понятіе о родѣ отношеній, существовавшихъ между феодальнымъ господиномъ и его вассаломъ. Ленная связь состояла не изъ однихъ юридическихъ условій, но заключала въ себѣ чисто нравственное начало обоюдной вѣрности и любви. Отсюда происходили частыя нарушенія этой связи, которую Лудовикъ хотѣлъ поднять до ея высшаго духовнаго значенія. Разумѣется, что такое идеальное стремленіе не могло быть всѣми понято по достоинству, и встрѣтило много порицателей среди общества, привыкшаго къ насилію. Стоитъ заглянуть въ пѣсни трувера Рютёфа. Даже въ глазахъ простого народа кротость благочестиваго государя принимала иногда видъ слабости. Ты не король, а монахъ, сказала однажды Лудовику женщина, получившая отказъ на какую-то незаконную просьбу. Жители возвращенныхъ Генриху III областей не могли простить Лудовику этой уступки и долго не признавали установленнаго въ честь его западною церковью праздника. Замѣчательно также враждебное отношеніе къ нему скептической, проникнутой античными стихіями Италіи. Граждане Флоренціи явно обнаружили неприличную христіанамъ радость, при полученіи извѣстій о пораженіи и плѣнѣ крестоносцевъ подъ Мансурою. Но огромное большинство европейскаго населенія глубоко чтило Лудовика, хотя, вѣроятно, не въ состояніи было вполнѣ оцѣнить всю чистоту и все безкорыстіе его намѣреній.

Лудовикъ IX обратилъ особенное вниманіе на судебное устройство Франціи. Нигдѣ не обнаруживались такъ ясно недостатки феодальнаго государства, какъ въ этой сферѣ. Коренное, основанное на глубокомъ раздѣленіи сословій, начало средневѣкового суда было очень просто: каждый долженъ быть судимъ судомъ своихъ перовъ, т. е. людей, равныхъ ему по происхожденію. Дѣла вассаловъ разбирались при дворѣ ихъ леннаго господина подъ его предсѣдательствомъ, судомъ, составленнымъ изъ перовъ истца и отвѣтчика. Но бароны неохотно исполняли эту часть своихъ феодальныхъ обязанностей и уклонялись отъ судебныхъ съѣздовъ, сопряженныхъ съ разными неудобствами и даже опасностію. Недовольный приговоромъ подсудимый нерѣдко вызывалъ на поединокъ не только противника, но свидѣтелей и судей. Большая часть тяжбъ рѣшалась судебнымъ поединкомъ, который взялъ верхъ надъ всѣми другими доказательствами. Лудовикъ запретилъ прибѣгать къ этому средству въ собственныхъ и въ церковныхъ владѣніяхъ. Власть феодальныхъ судовъ была ограничена опредѣленіемъ тѣхъ случаевъ, которые исключительно

простодушный біографъ Лудовика IX. Есть сказаніе, достовѣрность котораго подлежитъ сомнѣнію, но любопытное, какъ выраженіе народной мысли. Въ Европѣ разнесся слухъ, что мамелюки, убивъ своего султана, предложили его мѣсто Лудовику IX. На возвратномъ пути съ Востока, галера, на которой плылъ французскій король, потерпѣла значительныя поврежденія и подверглась большой опасности. На помощь ей подоспѣла другая галера. Король прежде всего спросилъ, есть ли на новомъ суднѣ мѣсто и для другихъ бывшихъ съ нимъ пассажировъ? Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ остался на поврежденной галерѣ Я знаю, сказалъ онъ, что, спасши меня и семейство мое. вы не будете заботиться объ остальныхъ моихъ спутникахъ. Понятно, почему народъ заживо называлъ его святымъ. Послѣднее военное предпріятіе его было направлено противъ Туниса Лудовикъ былъ боленъ и такъ слабъ еще до начала похода, что едва могъ держаться на конѣ. Жуанвиль часто долженъ былъ носить его на рукахъ. Но несчастія, испытанныя въ Египтѣ, произвели повидимому неизгладимое впечатлѣніе на храбраго сенешаля: онъ не принималъ участія въ африканскомъ походѣ и не былъ свидѣтелемъ кончины Лудовика, умершаго подъ стѣнами Туниса. Сказаннаго мною будетъ, полагаю я, достаточно для опредѣленія характера, какой носила военная дѣятельность Лудовика IX. Онъ былъ рыцарь, въ самомъ возвышенномъ, идеальномъ значеніи этого слова, и полагалъ конечною цѣлію войны торжество истинной вѣры и возстановленіе нарушеннаго права.

Политическая дѣятельность Лудовика IX не разъ подвергалась не только нареканію, но и насмѣшкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта дѣятельность не можетъ не показаться странною, если мы будемъ разбирать ее съ точки зрѣнія обыкновеннаго житейскаго благоразумія, опредѣляющаго достоинство поступковъ ихъ непосредственнымъ успѣхомъ или неудачею. Внукъ Филиппа-Августа началъ съ того, что усомнился въ законности своихъ правъ и подвергъ ихъ строгому испытанію. Предшественники его не могли быть очень разборчивы въ выборѣ средствъ, и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ къ утвержденію своей власти. Лудовикъ предложилъ себѣ вопросъ, на какомъ основаніи Капетинги владѣли землями, перешедшими къ нимъ отъ другихъ владѣльцевъ? Болѣе всего тревожило его сомнѣніе относительно областей, отнятыхъ его дѣдомъ у Іоанна Безземельнаго. Онъ положилъ конецъ этой внутренней тревогѣ договоромъ 1258 г., по которому добровольно возвратилъ сыну Іоаннову, Генриху III, четыре богатыя провинціи. На возраженія своихъ совѣтниковъ Лудовикъ отвѣчалъ, что онъ отказывается отъ этихъ провинцій,

ому, что онѣ незаконно ему достались, и для того, чтобы
рихъ былъ ему настоящимъ ленникомъ. Чтобы понять глу-
ій смыслъ этого отвѣта, надобно составить себѣ ясное по-
іе о родѣ отношеній, существовавшихъ между феодальнымъ
подиномъ и его вассаломъ. Ленная связь состояла не изъ
ихъ юридическихъ условій, но заключала въ себѣ чисто нрав-
енное начало обоюдной вѣрности и любви. Отсюда происхо-
и частыя нарушенія этой связи, которую Лудовикъ хотѣлъ
нять до ея высшаго духовнаго значенія. Разумѣется, что та-
: идеальное стремленіе не могло быть всѣми понято по до-
инству, и встрѣтило много порицателей среди общества, при-
шаго къ насилію. Стоитъ заглянуть въ пѣсни трувера Рют-
а. Даже въ глазахъ простого народа кротость благочести-
о государя принимала иногда видъ слабости. Ты не король,
юнахъ, сказала однажды Лудовику женщина, получившая от-
ъ на какую-то незаконную просьбу. Жители возвращенныхъ
риху III областей не могли простить Лудовику этой уступки
олго не признавали установленнаго въ честь его западною
ковью праздника. Замѣчательно также враждебное отношеніе
нему скептической, проникнутой античными стихіями Италіи.
ждане Флоренціи явно обнаружили неприличную христіанамъ
ость, при полученіи извѣстій о пораженіи и плѣнѣ крестоцевъ подъ Мансурою. Но огромное большинство европейскаго
еленія глубоко чтило Лудовика, хотя, вѣроятно, не въ состоя-
было вполнѣ оцѣнить всю чистоту и все безкорыстіе его
ѣреній.

Лудовикъ IX обратилъ особенное вниманіе на судебное устрой-
о Франціи. Нигдѣ не обнаруживались такъ ясно недостатки
дальнаго государства, какъ въ этой сферѣ. Коренное, осно-
ное на глубокомъ раздѣленіи сословій, начало средневѣкового
а было очень просто: каждый долженъ быть судимъ судомъ
ихъ перовъ, т. е. людей, равныхъ ему по происхожденію.
а вассаловъ разбирались при дворѣ ихъ леннаго господина
одъ его предсѣдательствомъ, судомъ, составленнымъ изъ пе-
ъ истца и отвѣтчика. Но бароны неохотно исполняли эту
гь своихъ феодальныхъ обязанностей и уклонялись отъ су-
ныхъ съѣздовъ, сопряженныхъ съ разными неудобствами и
е опасностію. Недовольный приговоромъ подсудимый нерѣдко
ывалъ на поединокъ не только противника, но свидѣтелей
удей. Большая часть тяжбъ рѣшалась судебнымъ поединкомъ,
орый взялъ верхъ надъ всѣми другими доказательствами. Лу-
ікъ запретилъ прибѣгать къ этому средству въ собственныхъ
ь церковныхъ владѣніяхъ. Власть феодальныхъ судовъ была
ничена опредѣленіемъ тѣхъ случаевъ, которые исключительно

бѣды, право историческаго успѣха. Большее право на личнс
чувствіе историка имѣютъ другіе дѣятели, въ лицѣ кото
воплощается вся красота и все достоинство отходящаго вре
Они его лучшіе представители и доблестные защитники
числу такихъ принадлежитъ Лудовикъ IX. Онъ былъ заве
телемъ средневѣковой жизни, осуществленіемъ ея чистѣйі
идеаловъ. Но ни тѣмъ, ни другимъ, ни поборникамъ стар
ни водворителямъ новыхъ началъ, не дано совершить ихъ
вига во всей его чистотѣ и задуманной опредѣленности.
ихъ совокупной дѣятельности Провидѣніе слагаетъ нежданн
невѣдомый имъ выводъ. Счастливъ тотъ, кто носитъ въ
благое убѣжденіе и можетъ заявить его внѣшнимъ дѣломъ
великихъ и на малыхъ, незамѣтныхъ простому глазу, дѣяте
исторіи лежитъ общее всѣмъ людямъ призваніе трудиться
потѣ лица. Но они несутъ отвѣтственность только за чис
намѣреній и усердіе исполненія, а не за далекія послѣдствія
вершеннаго ими труда. Онъ ложится въ исторію, какъ таинс
ное сѣмя. Всходъ, богатство и время жатвы принадлежитъ І
Не будемъ-же ставить въ вину Лудовику IX его заблужд
Думая поддержать феодальное государство, онъ влагалъ въ
несродныя ему начала и готовилъ великую монархію Лудовика
Онъ не докончилъ своего личнаго дѣла и не видалъ его за
шенія, подобно тѣмъ средневѣковымъ зодчимъ, которые з
щали новому времени недостроенные, полные чудной и т
ственной красоты, готическіе соборы.

IV.

Бэконъ.

Предметомъ нынѣшняго чтенія будетъ характеристика Бэкона Веламскаго.

За Александромъ Великимъ, за Лудовикомъ IX, за мужами рическаго подвига, за героями исторіи, слѣдуетъ герой мысли, ступая имъ шагу, съ равными правами на ваше вниманіе. но-ли повторять здѣсь давно сказанное замѣчаніе о томъ, біографія ученаго рѣдко представляетъ ту занимательность. ою отличаются біографіи другихъ дѣятелей на поприщѣ рическомъ? Его подвигъ укладывается въ книгу, его незри- дѣло болѣе чѣмъ всякое другое отрѣшено отъ личности го совершителя и обнаруживается иногда по прошествіи ихъ поколѣній. Между современниками Бэкона есть люди, рыхъ біографіи представили-бы гораздо болѣе занимательности, болѣе драматичности; я нарочно выбралъ его, чтобы ука- на значеніе науки, отрѣшенной отъ всякаго другого реса.

Конечно, между учеными XVI столѣтія нетрудно найти чело-а, болѣе возвышеннаго сердцемъ, съ болѣе благородною и ою участію, но трудно найти личность, имѣющую болѣе въ на наше вниманіе. Есть вѣка, отмѣченные особенною тію силы и энергіи дѣйствующихъ поколѣній; къ числу ихъ безспорно принадлежитъ XVI столѣтіе, у входа въ ко-е стоятъ Колумбъ и Васко де Гама. Они открыли народамъ дной Европы два міра: одинъ—ветхій, забытый, сохранившій лости древнѣйшую цивилизацію человѣческаго рода, отъ рой такъ далеко отошли современники Лютера и Макіавелли; ой—новый, нетронутый, не початый исторіею. Безконечныя ыни Америки манили къ себѣ европейца, вызывали его на е опыты, на устроеніе новыхъ общественныхъ формъ, для рыхъ не было мѣста въ Европѣ, окрѣпшей въ своихъ исто-скихъ преданіяхъ. Одновременно съ этими великими откры-и въ Европѣ рушилось феодальное государство; его

заступила новая монархія, сдѣлавшаяся представительницею не признанныхъ дотолѣ, заслоненныхъ сословіями народностей. Въ тоже время поколебалось и единство западной церкви, соединявшей въ одну паству латино-германскіе народы. Все это движеніе, столь сильно охватившее умы, отозвалось и въ наукѣ. Можно сказать, что оно выразилось въ ней еще съ большею силою и энергіею. Читая произведенія, вышедшія въ первой четверти XVI столѣтія, нельзя не замѣтить въ нихъ какой-то свѣтлой радости, какого-то юношескаго чувства надежды. Такою надеждою пропитана духовная атмосфера той эпохи: великія событія, которыми ознаменованы конецъ XV и начало XVI вѣка, казались людямъ только предвѣстниками чего-то еще большаго, небывалаго въ исторіи. Во всѣхъ сферахъ науки пробуждается веселая, исполненная вѣры въ достиженіе своихъ цѣлей, дѣятельность. Это движеніе началось на той почвѣ, которая издавна была любимою почвою исторіи, въ той сторонѣ, на которую уже давно съ завистію и жадностію смотрѣли иноземцы. Я говорю объ Италіи. Здѣсь-то, подъ вліяніемъ весьма понятныхъ условій, впервые началась разработка оставшихся памятниковъ классическаго міра и явились первыя плодотворныя попытки возстановленія древней науки и древняго искусства. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, съ какимъ одушевленіемъ и успѣхомъ дѣйствовали италіанскіе ученые въ такъ-называемую эпоху возрожденія наукъ и какъ много обязана имъ обще-европейская образованность. Многіе изъ нихъ зашли слишкомъ далеко. Въ порывахъ вызваннаго высокими образцами восторга, они забыли, что сами принадлежатъ новому міру и отвратили отъ него лице свое. Погруженные въ созерцаніе прошедшаго, они потеряли изъ виду настоящее и мечтали о формахъ жизни, въ которыхъ не могло установиться общество болѣе сложное и богатое духовными силами, чѣмъ республики Греціи и Рима. Италіанцы недаромъ жалуются на несправедливость судьбы, отдавшей въ руки иноплеменника завершеніе того, что начато было ими. Въ самомъ дѣлѣ, между людьми, которые были представителями италіанской науки въ XVI столѣтіи, мы найдемъ много геніальныхъ личностей и героическихъ характеровъ. Немногіе изъ нихъ пользуются теперь общею извѣстностію. Заслуги и страданія большей части погребены въ спеціальныхъ сочиненіяхъ объ исторіи философіи, доступныхъ только ограниченному числу ученыхъ. Отъ Помпонація до Джордано Бруно тянется рядъ смѣлыхъ умовъ, самоотверженно и страстно посвятившихъ себя исканію истины. Разсматриваемые съ точки зрѣнія нынѣшней науки, ихъ опыты и умозрѣнія покажутся недостаточными. Они на столько-же поэты, на сколько ученые; ихъ любовь къ истинѣ

была безгранична, силы велики, но у нихъ не выработались ученые пріемы, не было метода, безъ котораго невозможно никакое плодотворное изслѣдованіе. Они трудились не одною головою, но и сердцемъ, и часто смѣшивали чувство съ мыслью. Послѣдняя нерѣдко облекалась у нихъ въ форму мистическаго диѳирамба. Многія изслѣдованія того времени написаны стихами. Жизнь этихъ людей шла въ уровень съ ихъ внутреннимъ настроеніемъ. Они переходили изъ одной страны въ другую, разнося повсюду свои знанія, заводя споры, и рѣдко оканчивали жизнь естественною смертію. За много вѣковъ до того, на той-же почвѣ Италіи, произведшей такъ много мыслителей, одинъ древній философъ, бросился, говоритъ преданіе, въ жерло Этны, чтобы узнать таинственныя нѣдра земли. По его слѣдамъ шли мыслители XVI столѣтія: они погружались въ бездонныя пропасти человѣческаго мышленія и умирали потомъ на кострахъ. Результатомъ вакхическаго упоенія, какимъ были одержимы высочайшіе умы того времени, было глубокое довѣріе къ магіи, кабалѣ, алхиміи и астрологіи. Въ этихъ наукахъ заключалась, по тогдашнимъ понятіямъ, глубокая и таинственная мудрость, которая нѣкогда дана была человѣку свыше. Онъ утратилъ ее, предавшись обольщенію суетныхъ мірскихъ цѣлей.

Съ половины XVI столѣтія движеніе мысли останавливается въ Италіи: оно пришло въ рѣзкое столкновеніе съ папскимъ дворомъ и навлекло на себя его гоненіе. Италіанцы должны были искать духовнаго удовлетворенія въ сферѣ, уже готовой и менѣе опасной, новаго искусства. Но то, что было начато въ Италіи, продолжалось на почвѣ, не столь богатой дарами природы, но болѣе счастливой въ своемъ историческомъ развитіи, въ Англіи. Всѣмъ извѣстно, какое блестящее время англійской исторіи представляетъ царствованіе королевы Елизаветы: недаромъ къ этому времени обращаются англичане, какъ къ золотымъ днямъ своей родины, и зовутъ королеву уменьшительнымъ именемъ (Queen Bess), въ которомъ звучитъ народная любовь къ ней. Но не одному только счастію и личнымъ талантамъ своимъ обязана Елизавета особеннымъ развитіемъ, можно сказать, напряженіемъ народныхъ силъ, которое сообщило такой блескъ ея царствованію: она окружена была людьми, которыхъ имена произноситъ съ законною гордостію каждый англичанинъ, каковы-бы ни были личныя политическія или религіозныя убѣжденія. Не говоря о томъ великомъ поколѣніи государственныхъ мужей, которые подняли свое отечество на неслыханную до тѣхъ поръ степень политическаго могущества, я укажу вамъ только на сферу умственную, на науку и искусство. Вспомните, что тогда жили и дѣйствовали Бэконъ, Шекспиръ, Вальтеръ

Ралли, Бенъ Джонсонъ и много другихъ не съ столь громкими именами, но съ заслугами, которыя во всякое другое время дали бы право на первыя мѣста въ исторіи отечественной литературы. Сама королева была въ уровень съ высшимъ образованіемъ современнаго ей общества; она знала, кромѣ новыхъ европейскихъ языковъ, оба языка классической древности, читала по еврейски, писала комментаріи къ Платону и переписывалась съ друзьями своими по латыни.

Въ это время, въ 1561 году, родился у канцлера Николая Бэкона сынъ Францъ, впослѣдствіи баронъ Веруламскій. Извѣстно, какое вліяніе имѣютъ на ребенка первыя впечатлѣнія, въ особенности какъ сильно дѣйствуетъ вліяніе матери. Мать Франца принадлежала къ числу образованнѣйшихъ женщинъ Англіи въ то время, когда женщины получали крѣпкое и мужественное воспитаніе и примѣръ королевы Елизаветы не составлялъ исключенія изъ общаго правила. Мать Бэкона знала греческій и латинскій языки и занималась богословіемъ; она была первою наставницею сына. Судя по складу ея ума и строгому воззрѣнію на жизнь, можно себѣ составить понятіе о характерѣ ея преподаванія, приготовившаго Бэкона къ тому великому подвигу, который ему суждено было совершить. Мысль его окрѣпла преждевременно. Въ тѣхъ лѣтахъ, когда дѣтей занимаютъ приличными ихъ возрасту играми, Бэконъ задумывался надъ явленіями, которыя обыковенно ускользаютъ даже отъ вниманія взрослыхъ. На восьмомъ году его занимали законы звука: онъ ходилъ прислушиваться къ эху и доискивался причины этого явленія. На двѣнадцатомъ году онъ поступилъ въ кембриджскій университетъ. Оксфордскій и кембриджскій университеты принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ учрежденій Англіи, которая обязана имъ почти всѣми своими значительными людьми, дѣйствовавшими на поприщѣ государственномъ или ученомъ. Но каждое ихъ этихъ заведеній имѣетъ свои особенныя преданія и отмѣчено характеромъ, ему исключительно принадлежащимъ. Такимъ образомъ съ самаго ранняго времени кембриджскій университетъ отличался отъ оксфордскаго большею готовностію принимать новыя идеи, новыя формы и системы. Но въ исходѣ XVI столѣтія, въ кембриджскомъ университетѣ преобладала еще схоластика, и Бэконъ вынесъ оттуда, послѣ трехлѣтняго пребыванія, презрѣніе къ этой безплодной наукѣ, въ которой идеи замѣнялись словами, а живое діалектическое развитіе—мертвымъ силлогизмомъ. Схоластика, утратившая блестящія свойства, съ какими она выступила въ XII столѣтіи, не соотвѣтствовала ни духовнымъ требованіямъ, ни практическому направленію поколѣній, передъ которыми уже открылись сокровища древнихъ литературъ.

По окончаніи университетскихъ занятій, Бэконъ отправился во Францію, въ свитѣ англійскаго посольства. Онъ прибылъ туда въ эпоху религіозныхъ войнъ. Молодому дипломату представилось обширное поприще для наблюденій всякаго рода. Предъ глазами его совершались величайшія событія и дѣйствовали самыя значительныя лица современной Европы. Онъ присутствовалъ при борьбахъ Лиги съ дворомъ и гугенотами, видѣлъ Екатерину Медичи, Гизовъ и Генриха Наварскаго. Трудно было выбрать лучшую школу для практическаго изученія исторіи и политики.

На двадцатомъ году Бэконъ написалъ небольшое сочиненіе о современномъ ему состояніи Европы. Гордые славою великаго соотечественника своего, англичане высоко ставятъ этотъ начальный опытъ его умственныхъ силъ. Признаемся, книга молодого Бэкона произвела на насъ тяжелое впечатлѣніе. Ранній холодъ мысли, умѣвшей сохранить совершенное спокойствіе среди взволнованнаго до глубины своей общества, эта независимая и равнодушная оцѣнка партій, которыя съ такимъ жаромъ спорили о самыхъ важныхъ для человѣка вопросахъ, непріятно поражаютъ читателя, которому извѣстны лѣта автора. Бэконъ смотрѣлъ на Европу какъ посторонній свидѣтель, а не какъ участникъ въ ея радостяхъ и страданіяхъ. Пребываніе его на материкѣ было впрочемъ непродолжительно. Старый канцлеръ Бэконъ умеръ во время его отсутствія, не оставивъ ему никакого имѣнія. Францъ Бэконъ долженъ былъ воротиться на родину и жить своими трудами. Можно было думать, что его ожидало скорое и вѣрное повышеніе при дворѣ. Любимый министръ королевы Елизаветы, Бурлей, былъ женатъ на его теткѣ. Отецъ его заслугами своими купилъ сыну право на вниманіе королевы. Елизавета давно замѣтила даровитаго мальчика, ласкала его, забавлялась его остроумными выходками и часто называла своимъ маленькимъ канцлеромъ. Но, воротившись въ Англію, Бэконъ не нашелъ того, чего могъ по праву ожидать. Причиною его первыхъ неудачъ была зависть Бурлея, который понялъ тотчасъ все превосходство геніальнаго племянника надъ хитрымъ и трудолюбивымъ, но не отличавшимся особенною даровитостію сыномъ своимъ. При равныхъ условіяхъ успѣха, молодой Сесиль не могъ идти рядомъ съ двоюроднымъ братомъ и долженъ былъ бы по необходимости уступить ему то положеніе, которое уже было приготовлено для него заботливымъ родителемъ. Бэконъ избралъ юридическое поприще, не вслѣдствіе внутренняго призванія (замѣтимъ мимоходомъ, что великіе англійскіе юристы считали его посредственнымъ знатокомъ своей науки и ставили несравненно выше его современнаго ему юриста Эдварда Кока), но для того,

чтобы доставить себѣ средства къ безбѣдному существованію и проложить дорогу къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Служба его шла, впрочемъ, медленно. Бурлей явно отстранялъ его. Его отношенія къ Бурлею ясно выражаются въ письмахъ его, изъ которыхъ проглядываетъ какое-то странное, не внушающее къ себѣ довѣрія, смиреніе. Онъ очевидно поддѣлывается подъ характеръ стараго дяди, терпѣливо сноситъ его оскорбительныя причуды, льститъ двоюродному брату и ни однимъ словомъ не даетъ замѣтить, что ему извѣстны причины ихъ нерасположенія къ нему. Источникомъ такого долготерпѣнія было не равнодушіе къ земнымъ благамъ, а осторожность и опасеніе обратить въ явную вражду скрытое недоброжелательство. Между тѣмъ блестящій дворъ Елизаветы манилъ къ себѣ честолюбиваго юношу. Преемникъ Лейчестра въ милости королевы, молодой графъ Эссексъ далеко превосходилъ своего предшественника благородствомъ мыслей и блестящими, истинно рыцарскими свойствами характера. Онъ одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ по достоинству Бэкона и предложилъ ему свои услуги. Помощь эта пришла во время. Обстоятельства Франца Бэкона были самыя плохія: ему грозила тюрьма за долги. Эссексъ употребилъ всѣ свои усилія, чтобы доставить ему выгодное мѣсто; но Бурлей твердо рѣшился не давать хода племяннику. Вліяніе опытнаго министра превозмогло старанія Эссекса, который въ вознагражденіе горькой для Бекона неудачи, подарилъ ему довольно значительное имѣніе. Подарокъ этотъ былъ сдѣланъ такимъ благороднымъ образомъ, что самъ Бэконъ говорилъ впослѣдствіи: «я не зналъ, чему мнѣ болѣе радоваться и за что болѣе благодарить: за самый подарокъ или за то, какъ онъ мнѣ былъ предложенъ». Отправляясь потомъ въ походъ противъ Испаніи, Эссексъ завѣщалъ друзьямъ своимъ беречь Бэкона, будущую славу и надежду Англіи. Извѣстно, какая судьба постигла Эссекса. Увлеченный пылкимъ характеромъ своимъ, высоко поставленный королевою, любимый народомъ, онъ въ мивуту негодованія рѣшился на поступокъ, которому нѣтъ оправданія, и поднялъ оружіе противъ правительства. Елизавета хорошо знала горячій нравъ своего любимца. Ей были извѣстны несчастныя обстоятельства, которыя помрачили его разсудокъ и довели его до безумнаго возстанія, котораго исходъ онъ могъ легко предвидѣть. Есть причины думать, что королева искренно желала спасти Эссекса и противъ воли уступила настояніямъ его враговъ. Противъ него была могущественная партія, въ рядахъ которой сталъ знаменитый Вальтеръ Ралли. Это одна изъ тѣхъ личностей, мимо которой нельзя пройти безъ вниманія. Ралли соединялъ дарованія полководца, моряка, поэта и ученаго,

ловкостію искуснаго царедворца. Онъ долго боролся съ Эс-
омъ, и наконецъ при помощи Сесилей (Бурлея) достигъ
й цѣли. Я долженъ по этому поводу упомянуть о той пе-
ной роли, которую Бэконъ, повидимому, добровольно, при-
на себя въ процессѣ, кончившемся казнію Эссекса. Сначала
старался оправдать своего бывшаго покровителя предъ ко-
вою, но когда дѣло это приняло дурной оборотъ и подало
дъ къ толкамъ о друзьяхъ и соумышленникахъ графа,
онъ поспѣшно отступился отъ него и перешелъ на сторону
непріятелей: онъ участвовалъ, между прочимъ, въ составленіи
нительнаго акта. Во все продолженіе процесса, Эссексъ ни
не упрекнулъ осыпаннаго его благодѣяніями обвинителя
неблагодарности и не напомнилъ ему прежней дружбы. Долж-
ныя обязанности не могли служить Бэкону оправданіемъ,
ь болѣе, что онъ обнаружилъ болѣе усердія, чѣмъ требова-

Послѣ казни Эссекса, онъ даже написалъ и издалъ не-
шое сочиненіе, въ которомъ съ обыкновеннымъ талантомъ
мъ доказывалъ справедливость исполненнаго приговора и
гоко нападалъ на память несчастнаго графа, загладившаго
свою искреннимъ раскаяніемъ и смертію. Поведеніе Бэкона
замѣчено и оцѣнено по достоинству современниками.
ца уже въ обществѣ утвердилось глубокое уваженіе къ его
ваніямъ и недовѣріе къ его нравственнымъ свойствамъ. Ко-
ва не сочла нужнымъ благодарить его за послѣднія услуги,
эконъ долженъ былъ терпѣливо ждать новаго царствованія.

преемникѣ Елизаветы дѣла его дѣйствительно поправились.
въ I былъ человѣкъ довольно ограниченнаго ума, но онъ
алъ науки и высоко цѣнилъ ученые труды. Великія дарова-
и обширныя свѣдѣнія Бэкона проложили ему наконецъ до-
къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Говорить-ли
мъ, какъ онъ пользовался своею властію и своимъ влія-
ъ? Разсказъ мой представитъ вамъ мало отрадныхъ и свѣт-
ь подробностей. Нельзя, конечно, отрицать заслугъ, оказан-
ь Бэкономъ Англіи на поприщѣ политической дѣятельности,
съ другой стороны, нельзя также не сознаться, что дѣла его
ли не въ уровень съ его силами, и что отечество его было
травѣ ожидать и требовать несравненно большей пользы отъ
альнаго сановника, превосходившаго умомъ и знаніями всѣхъ
хъ современниковъ. Никто, быть можетъ, не понималъ такъ
око, какъ онъ, движеній общественнаго мнѣнія въ Англіи;
Онъ едва-ли когда-нибудь сказалъ королю слово о необхо-
сти мѣръ, способныхъ отвратить опасности, грозившія пре-
у и народу. Дорожа своимъ положеніемъ при дворѣ, онъ
ъ малодушнымъ угодникомъ всѣхъ временщиковъ, которыми

такъ богато царствованіе Іакова I и не разъ высказывалъ постыдную готовность на услуги, несогласныя съ его убѣжденіями и съ достоинствомъ благороднаго человѣка вообще. Укажемъ на содѣйствіе его въ раздачѣ вредныхъ для государства монополій, на дѣла, рѣшенныя имъ противъ закона въ пользу знатныхъ и сильныхъ просителей, на его преступную уступчивость въ вопросахъ политическихъ. Достаточно для нашей характеристики одного примѣра. У стараго, выжившаго изъ ума проповѣдника Пичама найдена была въ рукописи проповѣдь, содержавшая въ себѣ выраженія, изъ которыхъ ясно слѣдовало, что авторъ принадлежалъ къ сектѣ пуританъ, уже обратившей на себя вниманіе смѣлою борьбою съ англиканской церковью. Замѣтимъ притомъ, что по произведенному слѣдствію не только не доказано, что Пичамъ дѣйствительно произнесъ найденную у него проповѣдь, но даже подлежитъ сомнѣнію, что онъ самъ ее писалъ. Тѣмъ не менѣе Бэконъ взялъ на себя это дѣло и обязался вынудить у подсудимаго полное признаніе. Средство, употребленное имъ для достиженія этой цѣли, была пытка. Всѣ усилія лорда Бэкона, лично присутствовавшаго при допросахъ, были, однако, безполезны. Пичамъ, какъ кажется, отъ страха и боли окончательно потерявшій разсудокъ, не далъ никакихъ показаній. Есть писатели, которые оправдываютъ поступки Бэкона въ этомъ случаѣ духомъ вѣка. Мы сознаемъ вполнѣ перевѣсъ понятій, принадлежащихъ цѣлой эпохѣ и цѣлому народу, надъ умственными силами отдѣльнаго лица и не поставимъ въ укоръ греку или римлянину поступковъ и мнѣній, неприличныхъ человѣку нашего времени; но такое оправданіе едва-ли можетъ быть допущено въ пользу Бэкона. Неужели ему, стоявшему во главѣ умственнаго движенія своей эпохи, обнимавшему самыя разнородныя сферы знанія, можно было вѣрить въ признаніе, вырванное орудіями пытки? Неужели въ этомъ отношеніи онъ стоялъ ниже другихъ англійскихъ юристовъ, которые уже давно возставали противъ безчеловѣчнаго уголовнаго судопроизводства Среднихъ вѣковъ? Скажемъ лучше, что суетность слабаго характера взяла верхъ надъ силою мысли и заставила Бэкона дѣйствовать вопреки пониманію и сердцу, потому что отъ природы онъ былъ добродушенъ и кротокъ. Вѣроятно находились и найдутся еще люди, для которыхъ нравственное паденіе Бэкона было предметомъ нечистой радости, ибо оно служило извиненіемъ ихъ собственнаго ничтожества; но тому, кто дорожитъ достоинствомъ человѣческой природы и вѣруетъ въ благородное назначеніе нашего рода на землѣ, нельзя безъ глубокой скорби читать страницы, содержащія въ себѣ печальную повѣсть о гражданской дѣятельности одного

величайшихъ мужей всеобщей исторіи. Не думаю, однако, бы мы были вправѣ, изъ ложнаго уваженія къ памяти знаитаго мыслителя, таить содержаніе этихъ страницъ. Въ нихъ лючается высокій, хотя горькій, урокъ умственной гордости. съ чему привели Бэкона дѣла, навлекшія на него справедли- презрѣніе современниковъ? Мелкими угожденіями лицамъ отнялъ у себя возможность истинно-великихъ заслугъ отетву. Съ его талантами и тѣмъ краснорѣчіемъ, о которомъ единодушнымъ восторгомъ отзываются всѣ современники, было-бы легко дать иное направленіе оппозиціи, которая обнаруживалась въ нижней камерѣ и вела прямо къ кроюму перевороту, стоившему жизни и престола Карлу I-му. чести и награды, сыпавшіяся на Бэкона, повидимому, ослѣли его. Въ теченіе немногихъ лѣтъ онъ былъ возведенъ въ жности хранителя государственной печати и канцлера, получилъ титулы барона Веруламскаго и виконта Сентъ Альбана. онъ стоялъ у конца своего гражданскаго поприща. Выше ему е нельзя было подняться на этой лѣстницѣ. Но страхъ утратить положеніе, купленное цѣною такихъ нравственныхъ жертвъ, ресиливалъ въ Бэконѣ всѣ другія, благороднѣйшія побужденія. онъ прикладывалъ ввѣренную ему государственную печать къ гамъ, которые принадлежатъ къ числу самыхъ постыдныхъ иятниковъ жалкой эпохи, составляющей продолженіе великаго ствованія Елизаветы. Не могу также умолчать объ отношехъ его къ любимцамъ Іакова I. Однажды случилось ему начь на себя гнѣвъ герцога Боккингама заступленіемъ за прадѣло. Верховный судья англійскаго королевства явился унинымъ просителемъ въ прихожей наглаго временщика и съ ѣнопреклоненіемъ молилъ о прощеніи ему неосторожнаго тупка. А между тѣмъ Бэкона нельзя назвать положительно нымъ, тѣмъ меньше жестокимъ или злымъ человѣкомъ. Онъ ъ только суетенъ и малодушенъ. Подобно многимъ, онъ вилъ внѣшнія блага , украшающія жизнь, выше самой жизни. ъ-можетъ онъ нашелъ-бы въ высокомъ умѣ своемъ силу, ную для того, чтобы умереть съ достоинствомъ; но жить въ ности и неизвѣстности былъ онъ не въ состояніи. Ему нуъ былъ внѣшній блескъ, почести, богатство, однимъ словомъ, условія изящнаго и роскошнаго быта. Современники съ валою отзываются объ его щедрости и томъ радушномъ емъ, какой находили у него ученые и писатели. Великолѣпе помѣстье, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ свободные отъ жебныхъ занятій лѣтніе мѣсяцы, было сборнымъ мѣстомъ я самаго образованнаго общества Англіи. Бэконъ охотно прималъ къ себѣ юношей, оказывалъ имъ покр[redacted]во и

дѣлился съ ними своими знаніями. Въ началѣ 1621 года Бэконъ былъ возведенъ въ званіе виконта Сентъ-Альбана. Вскорѣ послѣ праздника, которымъ сопровождалось его возвышеніе, созванъ былъ парламентъ. Первымъ дѣломъ нижней камеры было составленіе коммиссіи, которой поручено было изслѣдовать состояніе судопроизводства въ Англіи. Чрезъ двѣ недѣли докладчикъ коммиссіи сэръ Робертъ Филиппсъ, котораго имя потому вошло въ исторію, доложилъ камерѣ, что въ судахъ Англіи нѣтъ правды, что правосудіе можно покупать за деньги, и что главнымъ виновникомъ и покровителемъ злоупотребленій былъ человѣкъ, «котораго имя», сказалъ Филиппсъ, «нельзя произнести безъ особеннаго уваженія, въ похвалу котораго ничего не говорю, ибо онъ выше всѣхъ похвалъ; этотъ человѣкъ—лордъ канцлеръ». Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели эти слова. Прежніе проступки Бэкона были закрыты величіемъ обнаруженныхъ имъ дарованій; мягкій и общежительный нравъ пріобрѣлъ ему расположеніе даже такихъ людей, въ глазахъ которыхъ геній не могъ служить замѣною нравственнаго достоинства или оправданіемъ душевной низости. Процессъ Бэкона обратилъ на себя вниманіе цѣлой Европы. Дѣло было ведено не только съ строгимъ соблюденіемъ законныхъ формъ, но съ возвышеннымъ чувствомъ приличій. Судьи были, очевидно, проникнуты сознаніемъ, что ихъ приговоръ долженъ пасть на главу, освященную высшими дарами Бога. Они судили, по словамъ одного англійскаго писателя, Манлія, въ виду Капитолія. Обвинительныхъ пунктовъ набралось болѣе двадцати. Злоупотребленія лорда-канцлера въ отправленіи правосудія не подлежали никакому сомнѣнію, хотя многое изъ того, что прямо ему приписывалось, было дѣломъ подчиненныхъ, къ которымъ онъ оказывалъ излишнюю, объясняемую впрочемъ собственнымъ поведеніемъ, снисходительность. Къ тому-же, какъ мы уже замѣтили, у него недоставало твердости въ чемъ-нибудь отказать Боккингаму или другому сильному при дворѣ человѣку.

При первомъ извѣстіи о грозившемъ ему несчастіи, Бэконъ легъ въ постель, пересталъ пускать къ себѣ членовъ своего семейства и просилъ только, чтобы объ немъ скорѣе забыли: да исчезнетъ имя мое изъ книги живыхъ, твердилъ онъ. Когда къ нему явилась депутація отъ палаты лордовъ за изустными показаніями, онъ призналъ справедливость большей части обвиненій и не сдѣлалъ ни малѣйшаго покушенія къ оправданію себя. До насъ дошло письмо, писанное имъ къ палатамъ. Сознавая вполнѣ вину достойную самаго строгаго наказанія, Бэконъ молилъ судей своихъ не ломать окончательно уже надломанной трости. Въ камерѣ лордовъ засѣдали многіе изъ личныхъ вра-

говъ канцлера. Въ числѣ ихъ были друзья графа Эссекса, замѣшанные въ его дѣло. Они, вѣроятно, помнили роль, какую тогда игралъ Бэконъ, но никто изъ нихъ не оскорбилъ его намекомъ на прошедшее, никто не обнаружилъ непріязненнаго къ нему чувства. Даже сэръ Эдвардъ Кокъ, равно знаменитый юридическими знаніями и доходившею до жестокости грубостію формъ, велъ себя въ этомъ случаѣ какъ «истинный джентльменъ», по словамъ историка.

Приговоръ состоялся. Верховный судья англійскаго королевства былъ объявленъ лихоимцемъ, недостойнымъ засѣдать въ палатахъ или исправлять какую-либо государственную должность. Сверхъ того онъ былъ присужденъ къ заключенію въ Лондонской башнѣ и къ уплатѣ 40,000 фунтовъ пени. Милость короля отвратила исполненіе тяжкаго приговора и даже возвратила Бэкону часть утраченныхъ имъ почестей; но онъ не рѣшился явиться снова въ верхней камерѣ и сѣсть рядомъ съ бывшими своими судьями. Подъ бременемъ заслуженнаго позора прожилъ онъ еще пять лѣтъ. Не смотря на измѣнившееся положеніе, онъ не могъ отстать отъ прежнихъ привычекъ къ роскоши и не умѣлъ примириться съ своею участію. Онъ умеръ въ 1626 году жертвою своей любознательности. На возвратномъ пути изъ Лондона въ помѣстье, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ время, ему пришла въ голову мысль набить снѣгомъ только что убитую птицу и испытать, какъ долго можетъ дѣйствіе холода удержать разложеніе организма. Занятый этой мыслію, онъ вышелъ изъ экипажа и приготовилъ все нужное для задуманнаго опыта. Чрезъ нѣсколько минутъ, онъ почувствовалъ сильный ознобъ и принужденъ былъ просить гостепріимства въ сосѣднемъ домѣ, гдѣ и скончался. Послѣднія минуты его были посвящены религіи и наукѣ. Предъ самою смертію, онъ собралъ угасавшія силы и написалъ къ одному изъ друзей своихъ письмо, въ которомъ между прочимъ увѣдомляетъ, «что опытъ съ птицею удался ему превосходно». Въ духовномъ завѣщаніи своемъ онъ съ гордымъ смиреніемъ поручаетъ память и имя свое милосердію людей, чуждымъ народамъ и отдаленнымъ вѣкамъ.

Но до сихъ поръ еще мы не видали заслугъ Бэкона. Въ васъ быть-можетъ уже возникалъ вопросъ: зачѣмъ я вызвалъ передъ вами его опозоренную тѣнь? По какому праву поставилъ его на ряду съ Александромъ Великимъ и Лудовикомъ Святымъ, на ряду съ тѣми мучениками науки, которые, презирая всѣ блага и обольщенія жизни, радостно гибли за свои убѣжденія? Позвольте мнѣ предварительно напомнить вамъ о томъ, что было сказано мною въ началѣ этой лекціи о великомъ движеніи умовъ въ XVI столѣтіи. Отдавая полную справедливость высо-

кимъ стремленіямъ тогдашнихъ мыслителей къ истинѣ, мы дол
однако, сказать, что ихъ отдѣльные труды и цѣлая литера
той эпохи носятъ на себѣ печать лихорадочной тревоги и
не уяснившаго себѣ задачу собственной дѣятельности. Съ о
стороны видимъ доведенное до безумныхъ крайностей покло
древности, съ другой—безусловное отрѣшеніе отъ прошедш
настоящей жизни человѣчества въ пользу какихъ-то неоп
ленныхъ идеаловъ, имѣющихъ осуществиться въ будущемъ
ликія открытія въ сферѣ естествовѣдѣнія идутъ рядомъ съ
бокою вѣрою въ магію и алхимію. Идеализмъ и мистика,
щіе въ кабалѣ разгадки тайнъ, неразрѣшимыхъ для ра
граничатъ съ самымъ грубымъ матеріализмомъ. Жизнь
состоитъ изъ борьбы, изъ разрѣшенія противорѣчій; но
вѣкъ представляетъ намъ не борьбу, а хаотическое бро
необузданныхъ, враждебныхъ между собою стихій.

Здѣсь не можетъ быть мѣста изложенію Бэконовой
тельности въ сферѣ науки и разбору его системы. Мое
показать только, въ чемъ заключались его историческія за
Слава Бэкона долго основывалась на странномъ недоразу
Ему приписывали изобрѣтеніе новаго метода, т. е. нав
противопоставленнаго имъ схоластическому силлогизму.
будто наведеніе было дотолѣ неизвѣстно и не принадлежи
числу тѣхъ необходимыхъ орудій, которыми отъ начала
снабженъ для ежедневнаго употребленія умъ человѣческій?
же несправедливо мнѣніе людей, называющихъ лорда Ве
скаго создателемъ новой системы логики. Novum organum
не имѣетъ такого значенія. Величіе Бэкона опирается на
основанія. Отдѣльныя открытія, которыми ознаменован
время, принадлежатъ не ему. Другіе далеко опередили ег
биною и важностію частныхъ изслѣдованій. Но никто изъ
менниковъ не взглянулъ съ такою ясностію и отчетлив
на цѣлое движеніе, которое совершалось кругомъ. У Бэк
закружилась голова отъ этого зрѣлища. Онъ не впалъ въ
душное отчаяніе отъ массы не переработанныхъ мыслію
ріаловъ, не погрузился въ скептицизмъ и сумѣлъ, однако, ус
противъ вакхическаго упоенія умовъ. Онъ вступилъ, какъ за
датель, въ область, гдѣ до него господствовало безначаліе
велъ итоги всему сдѣланному и указалъ на цѣли дальн
дѣятельности. Ему первому пришла мысль о построеніи
знаній нашихъ въ одну органическую науку. Онъ зад
такую энциклопедію, какая невозможна даже теперь, ч
два вѣка послѣ его кончины. Величіе его заключается в
объемлемости и независимости взгляда. Онъ не искалъ и
въ діалектической игрѣ опредѣленіями, которую такъ л

ievѣковые философы, и не думалъ найти ее готовую въ
цанныхъ намъ памятникахъ классической древности. «Обык-
ное мнѣніе о древности, по его словамъ, весьма не точно
ке въ самыхъ словахъ едва-ли соотвѣтствуетъ своему зна-
; потому что древностью должно по настоящему считать
сть и многолѣтіе міра, которыя слѣдуетъ приписать нашимъ
намъ, а не тому младшему возрасту вселенной, котораго
телями были древніе. Та эпоха въ отношеніи къ нашей,
но древняя и старѣйшая, но въ отношеніи къ самому міру
овая и младшая. И какъ отъ стараго человѣка ожидаемъ
о его опытности, болѣе знанія въ дѣлахъ человѣческихъ
ѣе зрѣлости въ сужденіяхъ, чѣмъ отъ молодого, такъ точно
нашей эпохи должны мы ожидать большаго, нежели отъ
ихъ временъ, потому что она представляетъ собою старѣй-
юзрастъ міра и обогащена безконечнымъ множествомъ
овъ и наблюденій». Исполненный вѣры въ силы разума,
го намъ Творцемъ, Бэконъ питалъ глубокое уваженіе къ
, ибо «знаніе и могущество человѣческое сходятся во-
. Наука есть ничто иное, какъ образъ жизни. Истина
и истина познанія одно и то-же». Но съ другой стороны
е требовалъ отъ науки невозможнаго и напередъ указалъ
ани, которыя отдѣляютъ ее отъ другихъ недоступныхъ
вому уму областей. Практическое воззрѣніе англичанина
залось въ слѣдующихъ словахъ: «истинная цѣль всѣхъ
состоитъ въ надѣленіи жизни человѣческой новыми
ѣтеніями и богатствами». Природа должна служить по-
нымъ матеріаломъ для духа, который располагаетъ ею
о тогда, когда сознаетъ ея законы и подчиняется имъ.
иложимое къ дѣйствительнымъ потребностямъ человѣка
е не имѣло значенія въ глазахъ Бэкона. Слова его возвы-
ся до поэзіи, когда онъ говоритъ о будущихъ побѣдахъ
а, объ его призваніи облагородить жизнь устраненіемъ
золъ, которыхъ корень заключается въ невѣжествѣ. Тор-
енная рѣчь его звучитъ въ такихъ случаяхъ какъ обра-
е къ намъ велѣніе идти по пути имъ указанному.

не скрылъ отъ васъ грѣховъ лорда Веруламскаго. Но его
анская дѣятельность забыта, смѣю сказать, искуплена дру-
которой онъ посвящалъ немногіе часы дневного досуга и
нныя ночи свои. Тогда продажный и суетный лордъ-канц-
уступалъ мѣсто благородному мыслителю, проникнутому
ею любовію къ человѣчеству и глубокимъ религіознымъ
вомъ. «Поверхностное знаніе отдаляетъ насъ отъ религіи.
лъ онъ: основательное возвращаетъ къ ней снова». Въ
еніяхъ Бэкона находится собраніе сложенныхъ имъ мо-

литвъ. Повторимъ еще разъ: его заслуга заключается не въ отдѣльныхъ открытіяхъ или трудахъ, а въ цѣломъ взглядѣ на науку, въ томъ вліяніи, какое онъ имѣлъ на дальнѣйшую образованность Европы. Его мысли вошли въ умственную атмосферу двухъ послѣднихъ вѣковъ, проникли въ литературу, въ общее мнѣніе, сдѣлались ходячими истинами, общими мѣстами. Прибавимъ, что никто ни прежде, ни послѣ не превзошелъ его въ благородномъ пониманіи науки. Онъ болѣе, чѣмъ кто другой, знакомитъ насъ съ ея зиждительными и благими силами. Знаніе есть нѣчто положительное: оно отражаетъ и приводитъ къ ясному сознанію явленія духа и природы, но разрушеніе не его дѣло. Чаянія и требованія Бэкона приходятъ въ исполненіе: въ наше время образованность сдѣлалась необходимымъ условіемъ могущества для государствъ и сознательно-нравственной жизни для отдѣльныхъ лицъ.

Англія давно простила Бэкону проступки сановника и поставила имя его на ряду съ самыми чистыми и благородными именами своей исторіи. Намъ неприлично быть строже соотечественниковъ Бэкона. Намъ нѣтъ дѣла до его человѣческихъ слабостей; мы не отвѣчаемъ за нихъ, но заслуги имъ совершенныя существуютъ и для насъ. Мы принимаемъ отъ Европы только чистѣйшій результатъ ея духовнаго развитія, устраняя всѣ сторонніе или случайныя примѣси. Наука Запада есть единственное добро, которое онъ можетъ передать Россіи. Примемъ же это наслѣдіе съ должною признательностію къ тѣмъ, которые приготовили его для насъ, нежданныхъ наслѣдниковъ, и не будемъ требовать у нихъ отчета въ томъ, какъ они нажили достающіяся намъ сокровища. Наше дѣло увеличить эти сокровища достойными вкладами русской мысли и русскаго слова.

Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ.

(Посвящено гр. Е. В. Сальясъ).

Въ сферѣ поэзіи нерѣдко встрѣчаются произведенія, наслажденіе которыми достается читателю, можно сказать, съ боя, вслѣдствіе напряженнаго усилія и изученія. Стыдливая красота такихъ произведеній неохотно выступаетъ наружу изъ-подъ причудливой формы, въ которую заключило ее своенравіе художника, или особенный, историческими условіями опредѣленный складъ народной мысли. Этою независимою отъ внѣшняго убора красотою внутренняго содержанія отличаются поэтическіе памятники исландской литературы. Въ нихъ не должно искать ни изящной формы классическаго и вообще южнаго искусства, ни свѣтлаго, успокоивающаго душу взгляда на жизнь. За то въ сумрачномъ мірѣ скандинавской поэзіи мы встрѣтимъ образы, дивно отмѣченные трагическою красотою страданія, носящіе въ себѣ такой избытокъ силъ и скорби, что ихъ можно принять за могучихъ прадѣдовъ выродившагося и слабодушнаго страдальца, который сдѣлался типическимъ героемъ новыхъ европейскихъ литературъ.

Заселеніе Исландіи началось въ одно время съ разложеніемъ древняго языческаго и гражданскаго быта на Скандинавскомъ полуостровѣ. Въ концѣ XI вѣка по Р. Х. пали мелкія владѣнія прежнихъ конунговъ, уступая мѣсто единодержавію Эйриха Упсальскаго въ Швеціи, Горма Стараго въ Даніи и Гаральда Прекрасноволосаго въ Норвегіи. Тогда-же проникли въ пустыни и лѣса Скандинавіи первые проповѣдники христіанства, св. Ансгарій и его послѣдователи. Царствованію Одина и Азовъ наступилъ конецъ. Но этотъ переломъ въ народныхъ вѣрованіяхъ и привычкахъ не могъ совершиться безъ мучительной и упорной борьбы. Многочисленные приверженцы старины ушли добровольными изгнанниками отъ новаго, возникавшаго на ихъ родинѣ порядка вещей. Исландія была для нихъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась Америка для гонимыхъ сектъ и мнѣній западной Европы въ XVII столѣтіи. Далекій, бѣдный дарами природы островъ (1) принялъ на свою почву не бездомныхъ бѣглецовъ, спасавшихся отъ преслѣдованій закона или отъ голодной смерти, а цвѣтъ

норвежскаго и вообще скандинавскаго племени, потомковъ древней аристократіи, ведшихъ свое происхожденіе отъ Азовъ и не [illegible] измѣнить религіознымъ и политическимъ преданіямъ, съ которыми связано было значеніе ихъ родовъ. Они принесли съ собою въ новое отечество, вмѣстѣ съ прекраснымъ и звучнымъ языкомъ, цѣлую вымиравшую въ собственной Скандинавіи миѳологію и изумительное богатство героическихъ пѣсенъ и преданій.

Такимъ образомъ, Исландіи досталось на долю быть послѣднимъ убѣжищемъ скандинавскаго язычества и связаннаго съ нимъ гражданскаго быта. Отрѣшенная своимъ положеніемъ отъ живого движенія исторіи, страна впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ хранила этотъ бытъ какъ поучительную для будущихъ поколѣній окаменѣлость. Даже по принятіи христіанства, исландцы оставались вѣрны обычаямъ старины. Тамошнее духовенство не принимало участія въ честолюбивыхъ стремленіяхъ римско-католической іерархіи и предпочитало родной языкъ латинскому, сковавшему надолго самостоятельное развитіе западныхъ литературъ. Исландскіе священники не только не истребляли, по примѣру своихъ южныхъ собратій, памятниковъ языческой старины, но тщательно собирали ихъ и хранили при помощи ими-же введенной азбуки. Такъ образовалась исландская литература, главныя произведенія которой принесены были на этотъ островъ колонистами IX и X столѣтій, хранились долгое время къ памяти народа и потомъ уже, въ эпоху христіанства и грамотности преданы письму. Однимъ изъ древнѣйшихъ сборниковъ такого рода считается старая Эдда, составленная въ началѣ XII вѣка изъ миѳологическихъ и эпическихъ пѣсенъ, записанныхъ священникомъ Семундомъ Вѣщимъ. Семундова Эдда относится къ позднѣйшей поэзіи скальдовъ, отъ которой ее не всегда должнымъ образомъ отличаютъ (*), какъ вообще народная пѣсня относится къ искуственной поэзіи, подчиненной многосложнымъ правиламъ и носящей на себѣ отпечатокъ личности поэта. Пѣсни Эдды, въ особенности миѳологическія, принадлежатъ самой глубокой древности. Въ нихъ скандинавъ высказалъ вполнѣ свое воззрѣніе на жизнь боговъ и человѣка. Воззрѣніе это мрачно, какъ природа и исторія, которыя его воспитали. Поклонникъ Азовъ носитъ въ груди своей скорбное сознаніе, что боги его не вѣчны, что они такія-же преходящія существа, какъ онъ самъ. Немолчно поетъ пророчица Вола о предстоящей богамъ погибели. Въ другой пѣсни Эдды (Loka-sena), злой Азъ Локи осыпаетъ прочихъ Азовъ язвительными насмѣшками и бранью. Впечатлѣніе, производимое [redacted]ю, которую многіе ошибочно принимали за позднѣйшее христіанскаго монаха, глубоко трагическое. Въ ея

звукахъ слышится болѣзнь языческой души, противъ воли отрѣшающейся отъ древнихъ вѣрованій и горько сѣтующей на оставленныхъ ею боговъ за ихъ несостоятельность. Въ изступленіи недовольной обычными опасностями ратваги, скандинавскіе витязи часто вызывали на бой Одина и Тора, самыхъ сильныхъ въ сонмѣ Азовъ, и ругались надъ ними за то, что они не отвѣчали на безумный вызовъ. Только христіанство могло божественною силою своею успокоить эту страшную тревогу сѣвернаго духа и обуздать его титаническіе порывы.

Эпическій отдѣлъ Эдды посвященъ судьбѣ трехъ знаменитыхъ, обреченныхъ богами на великую славу и великія страданія родовъ: Вользунговъ, Нифлунговъ и Будлинговъ. До насъ дошла только часть этихъ, исполненныхъ высокой поэзіи и по содержанію тѣсно связанныхъ между собою, пѣсенъ. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ равно германскому и сѣверному эпосу. Сигурдъ Эдды и нѣмецкій Сигфридъ—одно и тоже лицо; Нифлунги суть Нибелунги; Атли—Этцель. За то пѣсни о Вользунгахъ составляютъ исключительную собственность Скандинавіи. Изъ этихъ пѣсенъ сохранились только три, которыхъ героемъ является Гелги, внукъ Вользунга и братъ Сигурда. Гельги вовсе неизвѣстенъ нѣмецкой сагѣ, но между скандинавскими героями ему нѣтъ равнаго. Онъ стоитъ выше даже брата своего Сигурда, связующаго судьбу Вользунговъ съ судьбою Нифлунговъ. Преданіе о послѣднихъ составитъ содержаніе нашей статьи. Мы не войдемъ въ разборъ отношенія, существующаго между пѣснями Эдды и германскимъ эпосомъ, который, очевидно, моложе. Слѣдуя примѣру, съ такимъ успѣхомъ поданному Гротомъ (Groote) при изложеніи греческихъ миѳовъ и народныхъ преданій, мы не станемъ доискиваться таинственнаго смысла, сокрытаго въ сагѣ о Нифлунгахъ, и постараемся передать нашимъ читателямъ простое содержаніе этихъ пѣсенъ, жившихъ въ устахъ и памяти древняго скандинава. Онъ вѣрилъ имъ на слово и, конечно, былъ-бы глубоко оскорбленъ попытками новыхъ толкователей, старавшихся обратить могучихъ и полныхъ жизни героевъ сѣверной поэзіи въ блѣдные призраки, символы или аллегоріи.

Источники наши суть: старая Эдда, новая Эдда Снорри Стурлузона (3) и Вользунга-сага (4).

Въ то время, когда Азы еще странствовали по свѣту, случилось Одину, Локи и Гениру проходить мимо водопада, у котораго сидѣла выдра, и ѣла, зажмуривъ глаза, пойманную ею рыбу. Локи бросилъ въ выдру камень и убилъ ее. Довольные такою удачею, Азы пошли далѣе. Вечеромъ они пришли къ хижинѣ чародѣя Грейдмара и попросили у него ночлега. Гото-

вясь къ ужину, они показали своему хозяину добычу Локи. Грейдмаръ узналъ въ убитомъ звѣрѣ сына своего Отура, славнаго охотника, который подъ видомъ выдры ловилъ рыбу. Раздраженный отецъ позвалъ другихъ сыновей своихъ, Фафнира и Регина, и вмѣстѣ съ ними напалъ на неосторожныхъ гостей. Связанные по рукамъ и ногамъ, Азы предложили, въ видѣ выкупа за совершенное ими убійство, наполнить снятую съ выдры шкуру золотомъ и покрыть ее сверху тѣмъ-же металломъ (5). Грейдмаръ согласился, и Локи отправился за обѣщаннымъ золотомъ. Онъ поймалъ карлу Андвари, который жилъ какъ рыба въ водѣ, и потребовалъ отъ него его сокровищъ, спрятанныхъ на рѣчномъ днѣ. Андвари далъ все, кромѣ кольца, которое онъ скрылъ въ рукѣ. Кольцо это одарено было свойствомъ обогащать своего владѣльца. Но Локи замѣтилъ хитрость Андвари, и, не смотря на его просьбы, отнялъ у него волшебное кольцо. Оно погубитъ всѣхъ будущихъ своихъ владѣльцевъ, сказалъ ограбленный карла. Кольцо очень нравилось Локи; но ему въ свою очередь не удалось скрыть его отъ Грейдмара, который взялъ его съ остальнымъ золотомъ какъ выкупъ за смерть Отура; причемъ Одинъ подтвердилъ проклятіе, произнесенное Андвари.

Дѣйствія рокового кольца не замедлили обнаружиться. Грейдмаръ былъ убитъ сыновьями, съ которыми онъ не хотѣлъ подѣлиться полученными отъ Азовъ богатствами. Потомъ возникла ссора между Фафниромъ и Региномъ. Первый овладѣлъ наслѣдіемъ отца, удалился на равнину Гвитагейди, и, обратившись въ змѣя, сталъ сторожить свои сокровища. Регинъ нашелъ убѣжище при дворѣ короля Хіалирека. Онъ воспиталъ тамъ послѣдняго изъ Вользунговъ, Сигурда Сигмундсона. Регинъ былъ искусный кузнецъ и сковалъ для своего воспитанника мечъ Грамъ, до того крѣпкій и острый, что имъ можно было и разрубить наковальню и разрѣзать на двое плывшую по водѣ прядь шерсти (6).

Когда Сигурдъ достигъ совершеннолѣтія, онъ взялъ свой мечъ, сѣлъ на коня Грани и отправился за славою. Пѣсни Эдды объ немъ начинаются съ бесѣды его съ Грипиромъ, братомъ его матери (7). Грипиръ одаренъ знаніемъ будущаго: неохотно повинуется онъ волѣ племянника и открываетъ ему судьбу, его ожидающую. Сигурдъ не довольствуется обѣщанною ему славою; онъ хочетъ знать напередъ, какой конецъ предстоитъ ему. Грипиръ заключаетъ свои предсказанія, составляющія мрачное введеніе къ трагическому эпосу, въ средоточіи котораго стоитъ Сигурдъ, утѣшительными словами: «лучшаго мужа, чѣмъ ты, не будетъ подъ солнцемъ, Сигурдъ»! Вользунгъ не палъ духомъ предъ неотразимымъ жребіемъ. Онъ благодаритъ дядю: «простимся-же мирно! судьбы никто не одолѣетъ. Ты исполнилъ

келаніе мое, Грипиръ! Я знаю: ты предсказалъ бы мнѣ лучшую участь, если-бы она была въ твоей волѣ».

Регинъ не забылъ обиды, нанесенной ему Фафниромъ. Онъ убѣждаетъ Сигурда овладѣть сокровищами, которыя были причиною кроваваго раздора въ семействѣ Грейдмара. Но у Сигурда есть другія обязанности. Онъ долженъ отмстить за смерть дѣда и отца, павшихъ въ битвѣ противъ сыновъ Гундинга. «Громко смѣялись-бы сыны Гундинга», говоритъ онъ, «отнявшіе старость у Эйлими (отца Гіордисы, матери Сигурда), если-бы отвагу витязя воспламеняли золотыя кольца, а не месть за отца». По совершеніи этой мести, Вользунгъ отправляется на змѣя Фафнира. Онъ вырылъ глубокую яму и сѣлъ въ нее. Кромѣ страшной силы, у Фафнира былъ еще шлемъ Эгира (морского духа), наводившій ужасъ на всю живую тварь. Сигурдъ вонзилъ однако мечъ свой прямо въ сердце змѣя, когда тотъ ползъ надъ ямою къ водѣ. Умирающій братъ Регина совѣтуетъ своему побѣдителю быть осторожнымъ и ссылается на собственный примѣръ:

Фафниръ. Съ тѣхъ поръ какъ берегу мое сокровище, я ношу шлемъ Эгира. Я думалъ, что между людьми нѣтъ никого сильнѣе меня. Немного смѣлыхъ видѣлъ я.

Сигурдъ. Не всегда можетъ шлемъ Эгира служить защитою тамъ, гдѣ бьются отважные мужи...

Фафниръ. Черный ядъ билъ изъ ноздрей моихъ, когда я лежалъ на богатомъ наслѣдіи отца моего.

Сигурдъ. Змѣй, сверкающій чешуею, грозно было шипѣніе твое и жестоко сердце. Легко ростетъ смѣлость у того, которому данъ шлемъ Эгира.

Совѣты Фафнира, убѣждающаго Сигурда не брать проклятаго Андвари золота и не довѣрять Регину, безполезны. Регинъ приходитъ самъ послѣ смерти брата, пьетъ его кровь и проситъ Сигурда изжарить для него сердце убитаго. Этимъ способомъ надѣялся онъ достигнуть большей мудрости. Сигурдъ, исполняя возложенное на него коварнымъ воспитателемъ порученіе, дотронулся рукою до лежащаго на огнѣ сердца, обжегъ себѣ палецъ и невольно поднесъ его къ губамъ. Капля Фафнировой крови упала ему въ ротъ, и онъ сталъ понимать языкъ птицъ. Семь орлицъ сидятъ кругомъ его на деревьяхъ и ведутъ между собою рѣчь объ умыслѣ Регина погубить убійцу своего брата и присвоить себѣ его богатства. Сигурдъ слышитъ ихъ разговоръ; ему нельзя болѣе сомнѣваться въ опасности, которая ему угрожаетъ, онъ убиваетъ Регина, и навьючивъ на коня своего Грани Фафнирово золото, ѣдетъ далѣе.

На высокой горѣ стоитъ, окруженная пламеннымъ [redacted]емъ и составленная изъ щитовъ, ограда. Сигурдъ нашелъ [redacted]й

спавшаго въ полномъ доспѣхѣ воина. Снявъ съ соннаго шлемъ онъ увидѣлъ черты женскаго лица. То была валкирія Брингильда (8). Она убила въ битвѣ Гіалмгунара, которому покровитель его, Одинъ, обѣщалъ побѣду, и въ наказаніе была погружена въ непробудный сонъ. Сигурдъ разрѣзалъ на ней очарованную броню и положилъ конецъ наложенному Одиномъ заклятію. Брингильда объяснила Сигурду значеніе и дѣйствіе различныхъ рунъ. Не смотря на всѣ старанія новыхъ толкователей и переводчиковъ, эта часть Эдды весьма темна. Ясно только то, что подъ различными рунами здѣсь должно разумѣть мудрость и знаніе вообще. Къ загадочнымъ наставленіямъ своимъ валкирія присоединила нѣсколько характеризующихъ образъ мыслей древняго скандинава совѣтовъ. Будь вѣренъ друзьямъ, говоритъ она; держи данную клятву; остерегайся совѣта людей, не покидавшихъ родины; избѣгай волшебницъ. «Для смѣлости въ битвѣ воину нужны добрыя очи, а на ратномъ пути часто сидятъ злыя колдуньи, притупляющія духъ и мечъ». Не соблазняйся приданымъ дѣвы; не зачинай ссоры подъ вліяніемъ вина; не дай себя сжечь въ оградѣ, окруженной врагами; лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ; не искушай къ легкомысленнымъ поступкамъ чужихъ женъ и дѣвицъ. «Девятый совѣтъ мой тебѣ: не оставляй безъ покрова трупы, лежащіе въ полѣ, какая-бы ни была ихъ смерть: отъ заразы, отъ волнъ морскихъ или отъ оружія. Насыпь холмъ въ честь отшедшему, умой ему руки, расчеши и осуши волосы, прежде чѣмъ положишь его въ гробъ. Потомъ моли о сладкомъ снѣ ему. Не довѣряй словамъ родственниковъ убитаго тобою человѣка: вѣрь, что вражда и затаенный гнѣвъ не засыпаютъ никогда. Смотри, какими путями идетъ на тебя бѣда». Валкирія знаетъ также судьбу Сигурда и свою собственную. Въ словахъ ея много намековъ, обличающихъ это знаніе.

Волзунга-сага описываетъ знакомство Сигурда съ Брингильдою подробнѣе чѣмъ Эдда. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей заимствованы изъ пѣсенъ, до насъ не дошедшихъ, другія вставлены, или, лучше сказать, сочинены самимъ составителемъ саги. Въ пѣсняхъ Эдды не говорится вовсе о любви Брингильды къ Сигурду до брака ея съ Гуннаромъ. Можно догадываться, что она любила Вользунга; но яснаго свидѣтельства нѣтъ. Такая осторожность показываетъ простое и глубоко поэтическое чувство, которымъ проникнуты эти произведенія народной фантазіи. Въ сагѣ, напротивъ, находится длинный разсказъ о томъ, какъ Сигурдъ и Брингильда полюбили другъ-друга, какъ они обмѣнялись брачными обѣщаніями и даже прижили дочь Аслаугу.

Сигурду не нужно быть супругомъ Валкиріи. Онъ женится на прекрасной Гудрунѣ, дочери короля Гіуки и Гримхильды. У

Гіуки было еще три сына: Гуннаръ, Гогни и Гутормъ. Они носятъ названіе Гіукунговъ или Нифлунговъ. Сигурдъ соединенъ съ ними тѣсною дружбой и обѣтами ратнаго братства. Когда Гуннаръ задумалъ жениться на дочери Будли, сестрѣ Атли,— Брингильдѣ, Сигурдъ предложилъ ему свою помощь и поѣхалъ съ нимъ за страшною невѣстой. Надобно было побѣдить большія, неодолимыя для Гуннара трудности. Жилище Брингильды окружено со всѣхъ сторонъ яркимъ пламенемъ. Никому еще не удавалось перешагнуть черезъ эту ограду. Пораженный страхомъ конь Гуннара остановился. Тогда Сигурдъ принялъ видъ Гуннара и на своемъ Грани, который не терпѣлъ другаго всадника, промчался чрезъ пламя. Такимъ образомъ была обманута Брингильда, обѣщавшая руку свою тому, кто, преодолѣвъ всѣ опасности, которыми она окружила себя, явится предъ нею женихомъ. Она дала кольцо свое Сигурду, принимая его за Гуннара. Князь гунновъ (9), такъ называетъ пѣсня Сигурда, провелъ съ нею три ночи, но каждый разъ клалъ между ею и собою обнаженный мечъ. Онъ не коснулся ея ни устами, ни рукою, и передалъ ее во всей чистотѣ непорочной дѣвы ожидавшему ихъ Гуннару.

Цвѣтущее семейство окружаетъ короля Гіуки и супругу его Гримхильду. При дворѣ ихъ живутъ дружно сыновья ихъ и зять съ женами своими. Но сердце Брингильды неспокойно: злыя норны смутили его. Она любитъ Сигурда и мучительно завидуетъ Гудрунѣ. Полная дурныхъ помысловъ уходитъ она на снѣжныя горы ночью, когда Сигурдъ ведетъ Гудруну на брачное ложе и заботливо одѣваетъ милую жену. Однажды случилось имъ обѣимъ, Гудрунѣ и Брингильдѣ, мыться въ Рейнѣ (10). Послѣдняя сошла въ рѣку, говоря, что не хочетъ мочить себѣ голову водою, текущею съ волосъ ея невѣстки. «Мой отецъ былъ сильнѣе твоего отца; мой мужъ совершилъ болѣе великихъ дѣлъ, чѣмъ твой: онъ переѣхалъ чрезъ пламенную ограду, а Сигурдъ былъ слугою короля Хіалирека.» Тогда сказала ей Гудруна всю правду и показала ей обручальное кольцо, полученное Вользунгомъ, когда онъ принялъ видъ Гуннара. Кольцо это красовалось теперь на рукѣ Гудруны. Брингильда поблѣднѣла какъ мертвецъ и не молвила болѣе слова. Споръ возобновился, однако, на другой день. Гудруна хвалилась, что люди поютъ объ ея мужѣ: «его побѣда надъ змѣемъ Фафниромъ лучше всего царства Гуннарова». Брингильда легла на ложе свое и лежала какъ мертвая. Когда къ ней пришелъ Гуннаръ, она стала упрекать его въ обманѣ и хотѣла убить его. Скорбь ея тронула даже Гудруну, которая послала къ ней утѣшителемъ Сигурда. Предъ нимъ высказала горе свое Брингильда, призналась ему въ

ненависти къ малодушному мужу и въ желаніи погубить его самого. Но отмстить Гуннару обманомъ за обманъ она не хотѣла, и рѣшилась сохранить ему вѣрность. Во время этой бесѣды у Сигурда такъ билось сердце, что панцырь его треснулъ на немъ.

Брингильда убѣждаетъ мужа умертвить Сигурда, Гогни совѣтуетъ брату не слушать злой жены; но совѣты его безплодны. Онъ принужденъ самъ согласиться на убійство, въ которомъ впрочемъ ни ему, ни Гуннару нельзя принять личнаго участія, потому что они ратные братья Сигурда и клялись ему въ дружбѣ. Меньшой братъ ихъ Гутормъ не давалъ такихъ обѣтовъ. Они накормили его волчьимъ и змѣинымъ мясомъ и научили убить соннаго Сигурда. Гутормъ исполнилъ ихъ волю, но умирающій Вользунгъ бросилъ въ него мечъ свой Грамъ и разрубилъ его на двое. Прощаясь предъ смертью съ женою, Сигурдъ сказалъ ей: «я знаю, кто задумалъ преступленіе. Всему виною одна Брингильда. Она любила меня болѣе, чѣмъ другихъ людей, а Гуннару я всегда служилъ добромъ».

Плачъ Гудруны разнесся по всему дому Гіуки, «и засмѣялась отъ полнаго сердца Брингильда, дочь Будли, когда долетѣлъ до нея пронзительный стонъ дочери Гіуки». Гуннаръ упрекаетъ жену за этотъ хохотъ; но онъ въ тоже время замѣчаетъ, что прекрасное лицо ея блѣднѣетъ. Ты задумала не доброе, говоритъ онъ, ты, кажется, близка къ смерти. Брингильда отвѣчаетъ ему признаніемъ, что она, кромѣ Сигурда, не любила никого, и предвѣщаетъ Нифлунгамъ погибель отъ руки ея брата Атли. Гуннаръ напрасно хочетъ ее успокоить. Она твердо рѣшилась умереть. Слуги ея и рабыни, которыхъ она приглашаетъ послѣдовать ея примѣру, предлагая имъ для предсмертнаго убора свои драгоцѣнности, отказываются, говоря: «довольно труповъ здѣсь, мы хотимъ жить». Покрытая бѣлымъ покрываломъ, въ золотой бронѣ Валкиріи, Брингильда исполняетъ свой замыселъ и убиваетъ себя. Въ послѣднихъ словахъ ея странно, но поэтически звучитъ жестокая воля Валкиріи и грусть женщины, которой судьба «не дала счастливой любви». Она предсказываетъ еще разъ будущую участь Нифлунговъ и брата своего Атли; жалѣетъ о малодушіи Гудруны, остающейся въ живыхъ, хотя ей суждено быть причиною гибели всѣхъ близкихъ, и проситъ похоронить себя вмѣстѣ съ Сигурдомъ, положивъ однако посреди тотъ-же мечъ, который лежалъ между ними, когда Сигурдъ подъ видомъ Гуннара дѣлилъ съ нею брачное ложе. «Положите намъ въ головы двухъ слугъ моихъ, да двухъ къ ногамъ. Еще двухъ собакъ, да двухъ ястребовъ, тогда все будетъ хорошо», прибавляетъ она, сообразно съ суровымъ обычаемъ родины. Слѣдующая за тѣмъ пѣсня Эдды передаетъ разговоръ умершей, находящейся на пути въ Гелу

подземный міръ), Брингильды съ исполиншею, которая осыпаетъ е укорами. Брингильда въ оправданіе себѣ разсказываетъ овѣсть своей жизни. Разсказъ этотъ коротокъ и не содержитъ очти ничего новаго. Видно изъ безпрестанныхъ повтореній, то судьба Сигурда и Брингильды была предметомъ многихъ ѣсенъ, которыя заимствовали одна изъ другой не только общія ерты, но и самыя выраженія.

Первая изъ трехъ пѣсенъ, носящихъ имя Гудруны, описываетъ сѣтованіе Сигурдовой вдовы. Трудно себѣ представить то нибудь проще и поразительнѣе этой скорбной пѣсни.

Однажды хотѣлось умереть Гудрунѣ, когда она печальная идѣла у ногъ Сигурда. Она не рыдала, не ломала себѣ рукъ и е плакала по женскому обычаю.

Пришли князья, и любовью своею хотѣли разогнать ея горьія думы. Не жаловалась, не плакала Гудруна. Сердце ея ломилось подъ тяжелымъ горемъ.

Блистающія золотомъ, украшенныя жены князей сидѣли редъ Гудруною. Каждая говорила о своихъ страданіяхъ, о самомъ горькомъ въ собственной жизни.

Гіафлога, сестра Гіуки, сказала: я извѣдала болѣе печали, ѣмъ многія другія. Пять разъ доходила до меня вѣсть о гибели упруговъ. Двухъ дочерей, трехъ сыновей, восемь братьевъ взяла мерть. Я живу одна.

Не жаловалась, не плакала Гудруна, погруженная въ скорбь бъ убійствѣ милаго. Сердце ея отвердѣло по смерти властителя.

Тогда молвила Герборга, королева гуннской земли. Мнѣ можно пожаловаться на большее горе. Семь сыновъ и мужъ восьмой пали на южной землѣ подъ убійственной сталью.

Отца и мать и четырехъ братьевъ обманулъ вѣтеръ на морѣ. Волны ворвались въ досчатые бока коробля. Самой мнѣ пришлось хоронить ихъ всѣхъ, напутствовать ихъ въ Гелу. Все то вытерпѣла я въ полгода, и некому было утѣшить меня.

Скоро, послѣ печальныхъ дней, пришли враги, и сковали меня. Каждое утро должна я была убирать жену ярла, завязывать ей обувь.

Она мучила меня ревностію; быстро сыпались на меня ея дары. Не было господина милостивѣе, не было госпожи суровѣе.

Не жаловалась, не плакала Гудруна, погруженная въ скорбь бъ убійствѣ милаго. Сердце ея отвердѣло по смерти властителя.

Тогда сказала Гюлронда, дочь Гіуки: ты мудра, пѣстунья, о ты не умѣешь облегчить утѣшеніемъ горе молодой жены. Она сняла покровъ съ головы князя. Сняла ему покровъ съ головы, и обернула щекою къ колѣнамъ супруги. Взгляни на милаго, приложи уста къ его устамъ, какъ цѣловала его при жизни.

ненависти къ малодушному мужу ... шiеся въ крови вол...
самого. Но отмстить Гуннару об... нную мечемъ обите...
тѣла, и рѣшилась сохранить ему ... зыпались. шек...
Сигурда такъ билось сердце, ч... олѣна. Тог...

Брингильда убѣждаетъ му... гурдъ
туетъ брату не слушать зл... ли
Онъ принужденъ самъ с...
впрочемъ ни ему, ни Гун...
потому что они ратные б...
Меньшой братъ ихъ Гу... вары.
накормили его волчьи... вершенное
соннаго Сигурда. Гут... и дали Гудрунѣ .
Вользунгъ бросилъ ... илъ у нея память. Гри...
на двое. Прощаяс... замужъ за брата Брингильды, ...
ей: «я знаю, кто ... ть не кто другой, какъ знаменитый
Брингильда. Она ... извѣстiе о владычествѣ его надъ скан-
Гуннару я всег... очевидно ложны: но слава его достигла

Плачъ Гуд... ...въ Европы, и народная поэзiя овладѣла
отъ полнаго ... въ сторонѣ историческую обстановку,
нея пронзит... ...женъ «Бичъ Божiй». Въ скандинавской Эддѣ
жену за э... ...белунгахъ (гдѣ его зовутъ Этцелемъ) Аттила
прекрасн... ...нымъ царемъ гунновъ, при дворѣ котораго
онъ, ты, ...ая развязка трагедiи, начавшейся смертiю
призна... ...рида. Имена и подробности другiя; но основ...
предвѣ... ...же. Замѣчательно, что ни Эдда, ни Нибе...
Гунн... ...ывають Аттилѣ тѣхъ великихъ свойствъ, кото...
уме... ...ся прочiе герои. Онъ смотритъ издали на сѣч...
ват... ...авится своими подвигами. Слова лѣтописца Іор...
ц... ...Гунновъ, «что онъ былъ воздерженъ на руку
х... ...ns), подтверждаются такимъ образомъ свидѣтель...
...дныхъ преданiй. Гудруна не могла устоять против...
...матери и братьевъ, которые молили ее на колѣнях...
...ихъ желанiе.

...согласилась дать свою руку Атли; но грудь ея был...
...жкихъ предчувствiй, и новый бракъ не сулилъ ей ра...
...тли не видалъ ни разу улыбки на лицѣ жены свое...
...не могла забыть перваго супруга, хотя родила двухъ сы...
...отъ второго.

...тли, кромѣ Брингильды, была еще сестра Одруна. Он...
...Гуннара, и была любима имъ; но Атли не далъ своег...
...на ихъ бракъ. Онъ завидовалъ богатству, доставшемус...
...мъ послѣ Сигурда. Собранные на совѣщанiе вожд...
...присовѣтовали королю пригласить къ себѣ Гуннара
...поступить съ ними такъ, какъ они поступили съ Воль...

Атли принялъ со
я называетъ его
, Гудруны. Кова
друны; она н
предохра
Хитры
гро
од

твои.
дано уж
наша не продли.
а, но не хотѣлъ отпус
шились проводить ихъ ко
и навстрѣчу ожидавшей ихъ
мъ они плыли. отскочилъ руль
При самомъ входѣ въ замокъ Атли,
Можетъ-быть ему стало жаль обреченны..
можетъ-быть Азы помрачили разсудокъ его
оломные обѣты, данные имъ сынамъ Гіуки. Он
тину и совѣтовалъ бѣжать. Гогни отказался от
редства къ спасенію. Онъ убилъ вмѣстѣ съ брат
аго ихъ гонца, и, не сходя съ мѣста, сталъ ругаться
и. «Худо удается дѣло, вами придуманное. Вы еще
къ бою. а мы уже убили до смерти одного изъ вашихъ
а услышала въ свѣтлицѣ своей шумъ начинавшейся битвы
а съ себя въ гнѣвѣ золото и серебро, которыми была
, и поспѣшила къ братьямъ. «Смѣло вышла она на
у Нифлунгамъ, цѣловала ихъ и обвивала руками. То былъ
ній привѣтъ ея. Она крѣпко любила витязей и сказала
я хотѣла отвратить васъ отъ поѣздки сюда предостере-
ъ; но судьба сильнѣе человѣка. Вамъ суждено было быть
. Увѣщанія ея положить конецъ распрѣ выкупомъ были
ѣшны. Съ обѣихъ сторонъ ей отвѣчали: нѣтъ. Тогда она
съ себя покрывало, взяла мечъ и стала рядомъ съ Гунна.
и Гогни. Два брата Атли пали подъ ея ударами. Дѣти
бились смѣлѣе другихъ отъ ранняго утра до обѣда. Осьм-
ь гуннскихъ труповъ свидѣтельствовали объ ихъ муже-
Атли видитъ издали гибель своихъ воиновъ. Изъ пяти сы-
Будли онъ остается одинъ и укоряетъ Гудруну: «рѣдко
ала насъ радость съ тѣхъ поръ, какъ ты живешь съ
По его приказанію гунны нападаютъ снова на Нифлун-
одолѣваютъ ихъ числомъ своимъ. Атли радуется напе-
орю супруги. Онъ осудилъ ея братьевъ на мучительную

боихъ. Давно задумала я умерт-
ѣтей своихъ; никто не увидитъ....
дѣтей своихъ: не пошли ли
родолжался. Гудруна угощала
ала ему: «Я дочь Гримхильды.
Не хорошъ покажется тебѣ
горе, убивши братьевъ мо-
какъ ихъ не стало. Пом-
тплату. Ты говорилъ со
и въ сердцѣ; послушай
ваетъ потомъ, что она
ными сердцами и на-
поетъ далѣе: „не
ми очами, говоря
Атли при помощи
ающаго Атли не
ты Вользунги и
о и доблестями.
ратнаго муже-
тобою мести.
нелюбимаго
тли похо-
обѣща-
ъ любви
понят-
тотъ,
іе о
зъ;
я
;

Гудруна подняла глаза, увидѣла запекшіеся въ крови вождя и померкшія свѣтлыя очи и разсѣченную мечемъ отваги.

Упала навзничь Гудруна, волоса ея разсыпались, ще горѣлись, и дождь полился изъ глазъ на колѣна. Тогда кала Гудруна, дочь Гіуки...

Нифлунги, которыхъ заслонялъ собою Сигурдъ, выст послѣ его смерти главными дѣйствующими лицами на Они овладѣли наслѣдіемъ Фафнира и роковымъ кольцо которымъ сопряжено проклятіе карлы Андвари. Чтобы тить отъ себя кровавое возмездіе за совершенное ими п леніе, они убили Сигурдова сына и дали Гудрунѣ вол напитокъ, который на время отнялъ у нея память. Гри заклинаетъ дочь свою выдти замужъ за брата Брингильд линга Атли. Этотъ Атли есть не кто другой, какъ знам Аттила, царь гунновъ. Извѣстіе о владычествѣ его надъ динавскимъ сѣверомъ очевидно ложны; но слава его д до крайнихъ предѣловъ Европы, и народная поэзія о его именемъ, оставляя въ сторонѣ историческую обст которою былъ окруженъ «Бичъ Божій». Въ скандинавск и въ нѣмецкихъ Нибелунгахъ (гдѣ его зовутъ Этцелемъ) является могущественнымъ царемъ гунновъ, при дворѣ к происходитъ кровавая развязка трагедіи, начавшейся Сигурда или Сигфрида. Имена и подробности другія; но сказанія одна и таже. Замѣчательно, что ни Эдда, ни лунги не приписываютъ Аттилѣ тѣхъ великихъ свойствъ рыми отличаются прочіе герои. Онъ смотритъ издали и вообще не славится своими подвигами. Слова лѣтопис нанда о царѣ Гунновъ, «что онъ былъ воздержанъ на (manu temperans), подтверждаются такимъ образомъ сви ствомъ народныхъ преданій. Гудруна не могла устоять просьбъ матери и братьевъ, которые молили ее на ко исполнить ихъ желаніе.

Она согласилась дать свою руку Атли; но грудь е полна тяжкихъ предчувствій, и новый бракъ не сулилъ дости. Атли не видалъ ни разу улыбки на лицѣ жены Она не могла забыть перваго супруга, хотя родила дв новей отъ второго.

У Атли, кромѣ Брингильды, была еще сестра Одру любила Гуннара, и была любима имъ; но Атли не далъ согласія на ихъ бракъ. Онъ завидовалъ богатству, доста Нифлунгамъ послѣ Сигурда. Собранные на совѣщаніе гунновъ присовѣтовали королю пригласить къ себѣ Гу Гогни и поступить съ ними такъ, какъ они поступили с

зунгомъ. Атли принялъ совѣтъ и отправилъ гонца Винги (другая пѣсня называетъ его Кнефрудомъ) съ приглашеніемъ къ братьямъ Гудруны. Коварное намѣреніе Атли не скрылось отъ зоркой Гудруны; она не могла сама ѣхать къ братьямъ, но послала имъ предохранительныя руны и кольцо, обвитое волчьимъ волосомъ. Хитрый Винги испортилъ руны, и, не смотря на разныя примѣты, грозившія бѣдою Нифлунгамъ, уговорилъ ихъ посѣтить его господина. Гуннаръ отвѣчаетъ на предостереженія супруги своей Глаумворы, видѣвшей зловѣщій сонъ: «поздно приходятъ рѣчи твои. Я рѣшился ѣхать. Къ чему бояться поѣздки, когда дано уже слово. Много было намъ предвѣщаній, что жизнь наша не продлится долго». Гогни былъ недовѣрчивѣе брата, но не хотѣлъ отпустить его одного. Только пять витязей рѣшились проводить ихъ ко двору Атли. Нифлунги такъ спѣшили навстрѣчу ожидавшей ихъ гибели, что у корабля, на которомъ они плыли, отскочилъ руль, и переломались всѣ весла. При самомъ входѣ въ замокъ Атли, Винги смутился душою. Можетъ-быть ему стало жаль обреченныхъ на гибель гостей, можетъ-быть Азы помрачили разсудокъ его въ наказаніе за вѣроломные обѣты, данные имъ сынамъ Гіуки. Онъ открылъ имъ истину и совѣтовалъ бѣжать. Гогни отказался отъ постыднаго средства къ спасенію. Онъ убилъ вмѣстѣ съ братомъ обманувшаго ихъ гонца, и, не сходя съ мѣста, сталъ ругаться надъ гуннами. «Худо удается дѣло, вами придуманное. Вы еще не готовы къ бою, а мы уже убили до смерти одного изъ вашихъ». Гудруна услышала въ свѣтлицѣ своей шумъ начинавшейся битвы, сорвала съ себя въ гнѣвѣ золото и серебро, которыми была убрана, и поспѣшила къ братьямъ. «Смѣло вышла она на встрѣчу Нифлунгамъ, цѣловала ихъ и обвивала руками. То былъ послѣдній привѣтъ ея. Она крѣпко любила витязей и сказала имъ: «я хотѣла отвратить васъ отъ поѣздки сюда предостереженіемъ; но судьба сильнѣе человѣка. Вамъ суждено было быть здѣсь». Увѣщанія ея положить конецъ распрѣ выкупомъ были безуспѣшны. Съ обѣихъ сторонъ ей отвѣчали: нѣтъ. Тогда она сняла съ себя покрывало, взяла мечъ и стала рядомъ съ Гуннаромъ и Гогни. Два брата Атли пали подъ ея ударами. Дѣти Гіуки бились смѣлѣе другихъ отъ ранняго утра до обѣда. Осьмнадцать гуннскихъ труповъ свидѣтельствовали объ ихъ мужествѣ. Атли видитъ издали гибель своихъ воиновъ. Изъ пяти сыновъ Будли онъ остается одинъ и укоряетъ Гудруну: «рѣдко посѣщала насъ радость съ тѣхъ поръ, какъ ты живешь съ нами». По его приказанію гунны нападаютъ снова на Нифлунговъ и одолѣваютъ ихъ числомъ своимъ. Атли радуется напередъ горю супруги. Онъ осудилъ ея братьевъ на мучительную

казнь: велѣлъ у живого Гогни вырѣзать сердце, а скованнаго Гуннара заключить въ башню, наполненную змѣями.

Въ разсказѣ о смерти Гогни есть черты, превосходно характеризующія нравы героическаго вѣка въ Скандинавіи. Атли приказалъ спросить у Гуннара о мѣстѣ, гдѣ хранится сокровище Фафнира. Гуннаръ обѣщаетъ отвѣчать на вопросъ, когда ему принесутъ вырѣзанное изъ груди его брата сердце. Но участь Гогни внушаетъ участіе Бейти, одному изъ вождей гуннскихъ. Онъ хочетъ спасти плѣнника, и приказываетъ убить вмѣсто его Гіалина, царскаго повара. «Ему подобаетъ такая кончина, говоритъ Бейти: если онъ проживетъ долѣе, онъ будетъ лѣнивъ и безполезенъ». Робкій Гіалинъ стонетъ и гнется отъ страха; онъ молитъ о пощадѣ: «я могу еще возить навозъ въ садъ и исправлять черныя работы». Гогни не выдержалъ его плача. Онъ сжалился надъ несчастнымъ рабомъ и потребовалъ себѣ скорой казни. Бейти не терялъ, однако, надежды спасти братьевъ королевы, доставивъ Атли сокровища, которыхъ онъ такъ жадно домогался. Гуннару показали вырѣзанное у Гіалина и положенное на блюдо сердце. Нифлунгъ узналъ сердце раба: «оно дрожитъ на блюдѣ, и дрожало еще сильнѣе въ груди его носившей». Когда ему подали, наконецъ, настоящее сердце умершаго со смѣхомъ на устахъ Гогни, Гуннаръ сказалъ: «оно почти не дрожитъ на блюдѣ, и не дрожало вовсе, когда лежало въ груди». Потомъ онъ объявляетъ, что, кромѣ его и брата, никому не было извѣстно, гдѣ спрятано погубившее ихъ золото, и что оно не достанется ни Атли, ни другимъ. Сокровище Фафнира погружено было Нифлунгами, предъ отъѣздомъ къ гуннскому царю, въ волны Рейна. Оно лежитъ до сихъ поръ на днѣ рѣки. Гудруна прислала заключенному въ змѣиную башню Гуннару арфу. Руки у него были связаны, но онъ игралъ ногами такъ сладко, что женщины плакали, воины скорбѣли, и змѣи, усыпленныя дивными звуками, не трогали узника. Только одна ехидна не заснула. То была мать Атли. Она впилась Гуннару въ грудь, и звуки умолкли.

Атли издѣвался надъ страданіемъ Гудруны, но она была хитра, и умѣла говорить льстивыя рѣчи, по словамъ пѣсни. На другой день послѣ побоища, Атли пировалъ съ вождями своими, совершая тризну въ честь падшихъ. Гудруна подносила гостямъ дорогіе напитки во славу братьевъ: супругъ ея пилъ за умершихъ въ бою родственниковъ своихъ. Ненависть грызла сердце Гудруны. Она ушла отъ пирующихъ, «позвала потихоньку малыхъ дѣтей своихъ и положила ихъ предъ собою. Грустно стало смѣлымъ дѣтямъ, но глаза ихъ были сухи. Они ласкались къ матери и спрашивали, что она дѣлаетъ. Не спрашивайте

меня: я хочу изрубить васъ обоихъ. Давно задумала я умертвить васъ.—Убей маленькихъ дѣтей своихъ; никто не увидитъ.... Часто спрашивалъ Атли, не видя дѣтей своихъ: не пошли ли они играть?» Пиръ между тѣмъ продолжался. Гудруна угощала гостей и мужа. Наконецъ, она сказала ему: «Я дочь Гримхильды. Не хочу болѣе обманывать тебя. Не хорошъ покажется тебѣ разсказъ мой. Ты вызвалъ большое горе, убивши братьевъ моихъ. Не спала я, Атли, съ тѣхъ поръ какъ ихъ не стало. Помнишь-ли: я обѣщала тебѣ горькую отплату. Ты говорилъ со мною утромъ—я ношу еще слова твои въ сердцѣ; послушай моей рѣчи вечеромъ»... Гудруна разсказываетъ потомъ, что она убила дѣтей, накормила Атли ихъ изжаренными сердцами и напоила виномъ изъ ихъ череповъ.—Пѣсня поетъ далѣе: „не радостно сидѣли они рядомъ, глядя грозными очами, говоря гнѣвныя рѣчи“. Въ ту-же ночь Гудруна убила Атли при помощи Нифлунга, сына Гогни. Въ характерѣ умирающаго Атли не видно той суровой силы, которою такъ богаты Вользунги и Нифлунги. Родъ Будли стоитъ гораздо ниже славою и доблестями. Гудруна прямо обвиняетъ супруга въ недостаткѣ ратнаго мужества. «До меня не доходила молва о совершенной тобою мести, о побѣдѣ твоей надъ другимъ. Ты уклонялся отъ нелюбимаго тобою боя, хотя молчалъ объ этомъ».—На просьбу Атли похоронить его достойнымъ образомъ, Гудруна отвѣчаетъ обѣщаніемъ исполнить его волю такъ, какъ будто они жили въ любви между собою. Пѣсня оканчивается странною для насъ, но понятною въ устахъ язычника-скандинава похвалою. «Счастливъ тотъ, у кого родится такая дочь, какъ у Гіуки. Люди слышавшіе о мщеніи могучей Гудруны, не забудутъ о ней во вѣки».

Смертью Атли замыкается собственно исторія Нифлунговъ; но есть еще двѣ пѣсни, въ которыхъ разсказана послѣдующая судьба Гудруны. Похоронивъ мужа, она бросилась въ море; волны бережно отнесли ее въ землю короля Іонакура, который женился на ней и прижилъ трехъ сыновъ. Гудрунѣ суждено было пережить и погубить родъ свой. Дочь ея отъ Сигурда вышла замужъ за готскаго Іормунрека (Эрманрейха нѣмецкой саги), и была, по его приказанію, предана позорной казни. Сыновья Гудруны предприняли, по наущенію матери, отмстить за сестру, убили Іормунрека и погибли сами. Готы, которымъ помогалъ лично Одинъ, забросали ихъ каменьями. Безродная Гудруна оплакала послѣднихъ потомковъ Гіуки. Вользунги и Нифлунги сошли въ могилу, но пѣсни о нихъ не умолкали на скандинавскомъ сѣверѣ. Ихъ пѣли скальды «для укрѣпленія отваги въ мужахъ, для облегченія скорби въ женахъ», по прекрасному выраженію самой пѣсни.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Впрочемъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что до X-го столѣтія климатъ Исландіи былъ мягче и почва плодороднѣе, чѣмъ теперь. Островъ, по свидѣтельству исландскихъ сагъ, былъ покрытъ лѣсами, которыхъ въ настоящее время нѣтъ вовсе, и жители занимались земледѣліемъ. Теперь хлѣбъ не родится болѣе, а выписывается изъ Даніи.

(2) Такъ напр. Мармье называетъ Эдду „antique monument de la mythologie et de la poésie des scaldes". Chants populaires du Nord. p. 5.

(3) Новая Эдда, составленіе которой приписывается знаменитому исландскому ученому Снори Стурлузону въ XIII столѣтіи, есть нѣчто въ родѣ назначенной для употребленія молодыхъ скальдовъ пінтики. Она состоитъ изъ трехъ частей: 1. краткаго обзора скандинавской миѳологіи; 2. собранія поэтическихъ выраженій и оборотовъ, заимствованныхъ у древнихъ скальдовъ и 3. собственной Скальды, въ которой изложены правила скандинавскаго стихосложенія.

(4) Вользунга-сага есть, написанное въ прозѣ, взятое изъ пѣсень старой Эдды повѣствованіе о Вользунгахъ. Въ особенности подробно изложена исторія Сигурда. Видно, что у составителя этой саги были подъ рукою пѣсни, до насъ не дошедшія.

(5) Этотъ родъ выкупа сохранился въ Германіи почти до нашихъ временъ. Въ Эрленбахѣ, что на Цюрихскомъ озерѣ, существовало въ концѣ прошлаго столѣтія кошечье право. Крестьянинъ, убившій кошку у другого обязанъ былъ засыпать рожью или другимъ хлѣбомъ растянутую шкуру убитаго животнаго. См. Mone, Anzeiger für Kunde des deutschen Mittelalters, г. 1836.

(6) Вользунга-сага.

(7) Первая пѣснь о Сигурдѣ называется также Gripispa (предсказаніе Гриппра).

(8) Валкиріи, въ скандинавской миѳологіи, дѣвы Одина, которыхъ онъ посылаетъ въ битву за душами падшихъ воиновъ. Изъ исторіи Брингильды и другихъ подобныхъ сказаній видно, что Валкиріи сами принимали участіе въ бою. Въ этихъ воинственныхъ дѣвахъ соединяются божественныя свойства Азовъ съ человѣческими наклонностями. Онѣ, обыкновенно, обречены на безбрачіе.

(9) Подъ этимъ именемъ Эдда разумѣетъ здѣсь не историческихъ гунновъ, а какое-то германское племя. Земля гунновъ лежитъ на югѣ, но гдѣ именно, этого не опредѣляетъ своенравная географія скандинавской пѣсни. Настоящіе гунны, по всей вѣроятности, только подданные Атли или Аттиллы.

(10) О Рейнѣ можно тоже сказать, что и о гуннахъ. Дѣло идетъ не о настоящемъ, нѣмецкомъ Рейнѣ, а о рѣкѣ вообще. Rin, Hrinn,—названіе, общее многимъ рѣкамъ. См. Ettmüller, Die Lieder der Edda von den Nibelungen, стр. 28.

(11) Этотъ разсказъ взятъ изъ Вользунга-саги, которая очевидно заимствовала его цѣликомъ изъ древней пѣсни. Доказательствомъ могутъ служить сохранившіеся въ прозаическомъ повѣствованіи стихи.

71 220 AA A 30